

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО XXI ВЕКА

25

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная научно-практическая
школа-конференция молодых ученых (21–24 октября 2025 г.)

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды

Сборник статей

Москва
2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И 90

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *С.В. Журавлев*,
д-р ист. наук *А.А. Горский*, канд. ист. наук *С.З. Ахмадуллин*
(отв. секретарь), канд. ист. наук *О.А. Плех*, канд. ист. наук *С.П. Ким*,
д-р ист. наук *Ю.А. Петров* (отв. ред.),
канд. ист. наук *М.М. Беклемишева* (отв. ред.)

Рецензенты:

д.и.н. *С.В. Журавлев*
к.и.н. *Д.А. Черненко*

И 90 **История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст]:** сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (21–24 октября 2025 г.) / отв. ред.: Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева; Институт российской истории РАН. — М.: Институт российской истории РАН, 2025. — 576 с.

ISBN 978-5-8055-0460-1

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», состоявшейся 21–24 октября 2025 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Русского Средневековья и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, экономики, науки, внешней политики и многие другие.

ISBN 978-5-8055-0460-1

© Институт российской истории РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Содержание

I. История России до начала XX в. 9

Н.Ю. Гребенников

Почему княгиня Кончака находилась в войске
Юрия Даниловича?..... 11

Е.С. Кузнецов

Духовенство и учреждения культа Генуэзской Газариипо
данным «Актов генуэзских нотариев» 17

З.А. Исмаилова

Демографические и экономические последствия «Чумного
века» для Руси 27

В.И. Клейменов

К вопросу об управляемости войска на северо-востоке
и северо-западе Руси в XV – начале XVI в.: поражения
из-за сбора трофеев во время боя..... 36

М.В. Яковлева

Институт толмачей и переводчиков в Поволжье в XVII веке
(на материалах Казани и Астрахани) 43

К.Н. Станков

Адмирал Томас Гордон и межличностные отношения
в Адмиралтейств-коллегии (1710-е – 1730-е гг.)..... 51

В.А. Коротин

«По крови, правам и закону»: легитимация власти Елизаветы
Петровны в панегирической литературе начала 1740-х гг. 58

Д.И. Гоц

Средиземноморские интересы Российской империи
в 1780-х гг.: перспективы и препятствия к сближению
с Венецианской республикой..... 68

А.С. Агеев

Королевство обеих Сицилий между Павлом I и Наполеоном
Бонапартом: «неаполитанский вопрос» в российско-
французских переговорах (1800–1801 гг.) 77

М.А. Козлова

Социально-политические слухи о монархе по материалам
уголовных преступлений в России в первой четверти XIX в. 85

О.А. Плех

«Лжеревизоры» в провинции в первой половине XIX в.,
или дело о поимке в Вологодской губернии двух
подозрительных людей, выдававших себя за «секретных»
ревизоров..... 93

<i>С.Н. Штейников</i>	
Система подготовки нижних чинов Пермской жандармской команды в 1817–1867 гг.	103
<i>А.Д. Резанов</i>	
Организационное становление и структурное развитие органов Корпуса жандармов в губерниях Европейского Севера России 1827–1917 гг.	109
<i>М.А. Белан</i>	
Холерные бунты 1831 г. в Старой Руссе: действия, мотивы и отношение людей и властей	119
<i>А.Ф. Савченко, А.А. Филатов</i>	
Дискуссия об опоре «русского дела» в Северо-Западном крае в 1860-е гг. (на материалах периодической печати)	131
<i>Е.О. Грибова</i>	
Крестьянское отходничество: поиск экономического равновесия или личностного преимущества?	139
<i>В.А. Болтрукевич</i>	
Проект «крейсера будущего времени» глазами представителей отечественного военно-морского профессионального сообщества в 1880-е гг.	147
<i>Ж.Х. Адилев</i>	
Забытая геральдика Туркестанского генерал-губернаторства	158
<i>А.В. Смирнов</i>	
Взгляды на эпоху ордынского владычества в отечественных учебниках по истории XIX – начала XX в.	171
<i>Е.С. Позднякова</i>	
Заболеваемость населения Вологодской губернии скарлатиной и реакция местных жителей на меры по борьбе с эпидемией в начале XX в.	179
<i>М.С. Шишкина</i>	
Традиция товарищества в социокультурном пространстве Императорского училища правоведения: механизмы формирования и воспроизводства корпоративной идентичности	186
<i>Е.М. Чигирева</i>	
Опыт организации образовательных экскурсий в контексте просветительской деятельности органов земского самоуправления (на материалах Воронежской губернии)	195
<i>И.М. Булыга</i>	
«Указ упадет как снег на голову». Д.Ф. Трепов и вопрос об университетской автономии	205

Н.А. Овчинникова

Почтово-телеграфная служба Вологодской губернии в годы
Первой русской революции..... 213

В.Н. Фролов

Протестные настроения крестьянства Псковской губернии
в годы Первой российской революции 1905–1907 гг. 224

А.Е. Власов

Наблюдательный пункт дополнительного штата Калужского
губернского жандармского управления в Жиздринском уезде
накануне Первой мировой войны..... 232

Т.В. Волгина

Организация помощи детям Петроградскими уездными
земствами в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) 245

С.В. Курицын

Пропаганда Германии и Австро-Венгрии, направленная
на русские войска Румынского фронта (вторая половина
1916 – первая половина 1917 г.)..... 253

М.А. Князев

«Переписка и телеграммы последних дней царствования
Николая II»: обзор документов из фонда Управления
дворцового коменданта Министерства императорского
двора в Государственном архиве Российской Федерации..... 261

А.В. Полежаук

Организация кадрового состава милиции Временного
правительства на Ставрополье в марте – апреле 1917 г. 268

II. Отечественная история XX – начала XXI в..... 277

В.Н. Самоходкин

Между Троцким и Лениным: репрезентация Петербургского
Совета рабочих депутатов 1905 г. в контексте советской
политики памяти в 1917–1930 гг..... 279

Г.О. Ковалев

Оппозиция в Моссовете в 1918–1922 гг. 287

А.С. Филимонова

Становление и развитие советского военно-морского
образования (1919–1941 гг.) на примере Училища команд-
ного состава флота – Высшего военно-морского училища
им. М.В. Фрунзе: историография вопроса 297

А.В. Чеботарева

Политика коренизации партийно-советских кадров
Донбасса в 1920-е гг..... 306

<i>С.В. Парфенов</i>	
В отсутствие Ленина. Взгляды высшего политического руководства СССР на концепцию НЭПа в марте 1923 – январе 1924 гг.	315
<i>М.Ю. Мушкин</i>	
Кадровый вопрос в немецких школах Ленинградской губернии в 1924–1927 гг.	326
<i>Т.И. Морозова</i>	
За кулисами Первого краевого съезда Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.): быт, досуг и привилегии делегатов	333
<i>В.В. Акимченков</i>	
Профессор Григорий Вейсберг (1884–1942) у истоков создания Крымского отделения ВАРНИТСО	343
<i>Д.В. Родин</i>	
Австро-германская таможенная уния 1931 года в оценках советской печати	354
<i>Ю.А. Соколов</i>	
Советское общество 1934 года в рапортах XVII съезду ВКП(б) (по материалам Фонда С.М. Кирова ГМИ СПб)	364
<i>А.С. Русинова</i>	
Историческое развитие России в концепции Антонио Грамши	373
<i>Е.Г. Будкова</i>	
Репрезентация исторического процесса в художественном произведении как проявление дискретности исторического сознания (на примере творчества А.Н. Толстого)	382
<i>Б.Б. Кондратенко</i>	
Пограничные войска в системе обороны Дальнего Востока СССР в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.	390
<i>С.А. Лиманова</i>	
Академическое сообщество на внеочередном заседании Президиума АН СССР 23 июня 1941 г.: идеологическая борьба с фашизмом и задачи научной пропаганды	398
<i>К.В. Ривчак</i>	
Статистические отчеты Переселенческого управления при СНК СССР об эвакуированном населении в 1941 г.: характеристика источника	409
<i>И.О. Богданов</i>	
Сохранение исторической памяти о строительстве Куйбышевского оборонительного рубежа осенью 1941 – зимой 1942 гг.	415

В.А. Иванов

Подпольное Сопротивление Крыма 1941–1944 гг. в свете источников и историографии..... 425

Ф.В. Копылов

Специфика социального взаимодействия в эвакуационном госпитале в годы Великой Отечественной войны: консолидация и конфликт..... 436

А.В. Филимонов

Омский областной краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны: основные направления и специфика деятельности 446

О.Н. Шанина

Воспитание любви к родному краю и общественно полезный труд как основные направления туристической работы среди детей в годы Великой Отечественной войны (на примере Ярославской области) 454

С.Г. Белоус

Отражение локального культурного канона в воспоминаниях писателей и артистов Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны 462

М.М. Абдурахманова

Резьвакуация населения из Узбекской ССР в 1943–1948 гг. 473

М.В. Буцких

Социально-демографическая ситуация в РСФСР в 1946–1947 гг. 483

Е.Е. Темникова

Освоение целинных земель: анализ некоторых зарубежных исследований 494

Д.В. Солодов

Подходы Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова к организации заготовок продовольствия в СССР (1953–1958)..... 500

В.С. Батченко

Оптические наблюдения: от первого спутника к «Интеркосмосу» 508

К.А. Гусев, М.Л. Козлова

«Новый магистральный путь»: к вопросу об изменении приоритетов советской космонавтики в середине 1960-х – начале 1970-х гг. 518

Г.С. Суслов

Спичрайтерская деятельность консультантов Ю.В. Андропова в контексте политической борьбы 1964–1967 гг. 528

Г.А. Гряникова

Моральная мотивация трудовой деятельности работников
торговли Алтайского края (середина 1960-х — 1991 гг.):
эффективность или формализм?..... 536

Н.Д. Гилевич

Два посмертных выдвижения Л.В. Черепнина
на Государственную премию СССР 546

О.Г. Казак, А.С. Серeda

«Этническое предпринимательство» как феномен
общественно-политической жизни Беларуси
(конец 1980-х — 1990-е гг.) 552

Р.Ю. Червяков

«Еще проживем!»: журнал «Крокодил» в 1992—2000 гг. 560

К.В. Богданова

Формирование и деятельность Правительственной комиссии
по изучению вопросов перезахоронения останков царской
семьи в октябре 1993 — январе 1998 гг. 568

I. История России до начала XX в.

Почему княгиня Кончака находилась в войске Юрия Даниловича?

Аннотация. В древнерусских источниках не отмечены эпизоды, когда княгини сопровождали своих мужей в военных походах, кроме одного единственного случая. Речь идет о жене Юрия Даниловича, князя московского, которая находилась в его войске во время похода на Тверь в 1317 г. Летописные своды северо-восточной (Рогожский летописец и Симеоновская летопись), а также новгородской традиции (Новгородская первая летопись старшего извода) отмечают, что после победы Михаила Ярославича Тверского над войском Юрия Даниловича вблизи села Бортенево в плен к тверскому князю попала жена Юрия Даниловича, крещеная татарская княгиня Кончака. В скором времени Кончака скончалась в Твери. Автор приводит примеры из источников западноевропейской и древнерусской традиции, где отмечается участие монгольских женщин в военных походах. По мнению автора, сопровождение Кончакой своего мужа во время военной экспедиции на Тверь было проявлением монгольской традиции, которая была запечатлена древнерусскими книжниками.

Ключевые слова: древнерусские летописи; Плано Карпини; Кончака; монголы; Русь; Юрий Данилович

Why princess Konchaka was in Yuri Daniilovich's army?

Abstract. There are no episodes in Ancient Rus' sources when princesses accompanied their husbands on military campaigns, except for the one. It refers to the presence of the wife of Yuri Daniilovich, prince of Moscow, in his army during the campaign against Tver in 1317. The chronicles of the northeastern tradition (the Rogozhsky Chronicle and the Simeonovskaya Chronicle), as well as the Novgorodian (the Novgorod First Chronicle of the older edition) note that after the victory of Mikhail Yaroslavich of Tver over the army of Yuri Daniilovich near the village of Bortenevo, Yuri Daniilovich's wife, the baptized Tatar princess Konchaka, was captured by the Tver prince. Soon Konchaka died in Tver. The author gives examples from sources of Western European tradition, as well as Ancient Rus', where the participation of Mongolian women in military campaigns is noted. According to the author, Konchaka's accompanying her husband during a military expedition to Tver is a manifestation of this Mongolian tradition, which was captured by Old Rus' scribes.

Keywords: Ancient Rus' chronicles; Plano Carpini; Konchaka; Mongols; Rus'; Yuri Daniilovich

Древнерусские княгини редко принимали активное участие в политической жизни. Об этом исследователи могут судить исходя из-за отсутствия сведений в источниках. С другой стороны, это вполне закономерно и объясняется тем, что древнерусские книжники уделяли

¹ Никита Юрьевич Гребенников – аспирант, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); e-mail: grebennikov97@list.ru
Nikita Yu. Grebennikov – postgraduate student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia).

большую часть своего внимания описанию действий древнерусских князей. В то же время существуют немногочисленные исключения. К примеру, равноапостольная княгиня Ольга, которая возглавила посольство в Константинополь, где приняла крещение [9, стб. 60–62]. Во время осады Киева печенегами в 968 г. ей пришлось встать во главе киевлян, обороняющих город [9, стб. 65]. Регентшей при малолетнем Данииле Романовиче и Васильке Романовиче после смерти галицко-волынского князя Романа Мстиславича стала их мать, княгиня Анна, которую летописец даже именует «великой» [2, с. 10, 11]. В период зависимости Руси от Орды особым авторитетом обладала княгиня Ксения, жена тверского князя Ярослава Ярославича [1]. Так, во время визита Юрия Данииловича, князя московского, в Орду за ханским ярлыком на великое княжение Владимирское, митрополит Максим уговаривает последнего не совершать поездку к хану, упоминая мать Михаила Ярославича, что свидетельствует об определенном влиянии княгини Ксении: «Азь имаюся тебѣ съ княинею с матерью князя Михаила: чего въсхочешь изъ очины вашаея, то ти дасть» [4, с. 131].

Если в летописях и иных древнерусских нарративах отразились свидетельства, которые позволяют говорить об участии княгинь в событиях, выходящих за рамки семейного быта, то о присутствии их в княжеском лагере во время боевых действий источники ничего не сообщают, кроме одного исключительного случая. Речь идет о московской княгине Кончаке (в крещении Агафья), супруге князя Юрия Данииловича.

Кончака, сестра хана Узбека [13, с. 107], стала женой московского князя, возможно, в 1315 г. перед тем, как Юрий Даниилович отправился в Орду [5, с. 27]. В 1317 г. после двухлетнего пребывания в Орде, московский князь отправился на Русь, пожалованный ханским ярлыком на великое княжение Владимирское. Сопровождал последнего татарский посол Кавгадый. Михаил Ярославич Тверской, будучи в то время великим князем владимирским, встретил у Костромы московского князя, на стороне которого выступали «все князи Суздальские» и татары, уступив великое княжение и удалившись в Тверь. [10, стб. 37; 4, с. 133, 134]. Юрий Даниилович стремился усилить свое политическое влияние — вместе с «князьями Суздальскими» и Кавгадыем он двинулся на Тверь, под которой произошла Бортеневская битва 22 декабря 1317 г. [4, с. 134–137; 7, с. 96; 10, стб. 37, 38; 11, с. 88]. Михаил Ярославич одержал победу в сражении, пленив Кавгадыя и Кончаку [7, с. 96; 10, стб. 38; 11, с. 88].

В своем новом исследовании А.В. Лаврентьев обратился к изучению проблематики русско-татарским и московско-тверским отноше-

ниям в 10-х и 20-х гг. XIV в. Исследователь полагает, что Кончака оставалась все время в Ростове, пока Юрий пребывал в Орде. Князь взял с собой Кончаку, когда вместе со своим войском двинулся на Тверь в 1317 г. [5, с. 27]. Автор обратил внимание на то, что присутствие княгини в войске, во главе которого стоял ее муж — случай беспрецедентный, оставив вопрос открытым о возможных причинах ее нахождения в стане московского князя [5, с. 11].

По нашему мнению, ответ на загадочное пребывание татарской княжны в лагере Юрия Данииловича позволит дать обращение к традиционным жизненным укладам монгольского общества. Женщины в Монгольской империи, особенно при дворе, занимали высокое положение [14, р. 227–257]. Авторитет последних в монгольском социуме, видимо, следует из статуса женщины в кочевых обществах Внутренней Азии еще до образования Монгольской империи [15, р. 422]. Кроме участия женщин в политической жизни Монгольской империи / Золотой Орды, сохранились свидетельства в источниках разных традиций об их нахождении в монгольской армии во время военных походов.

Обратимся к прямым и косвенным данным западноевропейских авторов, которые с удивлением подчеркивают, что монгольские женщины были обучены военному ремеслу. Одним из первых об этом сообщает францисканский монах Плано Карпини. Будучи официальным послом папы Иннокентия IV, он совершил путешествие в Монгольскую империю в 1245–1247 гг., оставив следующую важную запись об обязанностях и умениях монгольских женщин: «Девушки и женщины скачут на лошадях и управляют ими так же ловко, как и мужчины. Мы видели также, что они носят колчаны и луки <...>. Они хорошо берегут лошадей, и вообще они лучшие хранительницы или хранители всего. Женщины занимаются изготовлением всего: ... Они правят повозками и занимаются их починкой, вычат верблюдов и вообще все делают очень ловко и проворно» [8, с. 142]. Вильгельм Рубрук, который посетил Монгольскую империю в 1253–1255 гг., также отмечает, что женщины монголов управляют повозками [12, с. 92, 100].

Матвей Парижский в своей хронике относительно участия монгольских женщин в военных походах пишет: «Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обучены военному искусству, как и мужчины» [6, с. 138].

Русский епископ Петр, присутствующий на Лионском соборе 1245 г., также упоминал, что женщины монголов — «прекрасные воины и особенно лучницы» [6, с. 152].

Францисканский монах из Кельна в послании герцогу брабантскому Генриху о монголах упоминает, что «женщины их вооружены и скачут верхом и никого не шадят. И та, которая лучше сражается, пользуется наибольшим успехом, как у нас та, что умеет лучше ткать и шить или более красива, считается наиболее желанной для брака» [6, с. 160].

Представленные выше фрагменты в определенных случаях характеризуют монгольских женщин как искусных воительниц, разделяющих тяготы походной жизни вместе с мужчинами.

Древнерусские источники содержат немногочисленные сведения о монгольских женщинах в целом, тем более о случаях нахождения в монгольской армии последних во время походов на Русь. И все же есть ряд свидетельств, указывающих на это.

Прежде всего, в рассказе о Батыевом нашествии Новгородской первой летописи старшего извода (далее — Н1Л ст. изв.) присутствует указание на то, что монголы в попытке договориться с рязанскими князьями в декабре 1237 г. отправили «жену чародѣицю» [7, с. 74]. Появление «чародейки» в монгольском войске было не случайным. Так, по мнению Ю. В. Кривошеева, женщина-чародейка должна была «очистить» чужую землю перед монгольским войском, чтобы завоевателям не довелось испытывать тягость поражения там, куда они вступали впервые [3, с. 129–136]. Таким образом, в известии зафиксирован факт присутствия женщины в монгольской армии, которая выполняла жреческие функции.

Кроме того, имеются сведения, что монгольские женщины сопровождали своих мужей-чиновников, отправленных с ханскими поручениями на Русь. Так, во время переписи населения в Новгородской земле в Н1Л зафиксирован приезд вместе с великим князем Александром Ярославичем численников Беркай и Касачик в 1259 г. Летописец подчеркивает, что монгольские чиновники прибыли со своими женами: «Тои же зимы. Приѣхаша оканѣнии татарове сыроядци Беркай и Касачикъ с женами своими и инѣхъ много...» [7, с. 82].

Сведения о том, что жены татарских воинов сопровождали их во время походов, также присутствуют в летописях. Так, в Тверском сборнике в рассказе о битве на реке Воже в 1378 г. отмечается, что татары бежали с поля боя «толко успѣша поимати жены и дети своа» [10, стб. 439].

Примеры, приведенные выше, позволяют рассмотреть исключительный случай присутствия татарской крещеной княжны Кончаки в войске своего мужа как следствие обычаев, распространенных в коче-

вом монгольском обществе. Юрий Данилович провел почти два года в Орде перед своим возвращением в Северо-Восточную Русь с целью борьбы за великое Владимирское княжение. Очевидно, московский князь за время своего двухлетнего пребывания при дворе хана Узбека познакомился с рядом традиций и норм, свойственных монгольскому обществу, которые отличались от жизненного уклада древнерусского человека. Одной из кочевых практик, не встречавшихся на Руси, мог оказаться порядок, по которому монгольские женщины сопровождали воинов в походах. Они могли как полноценно участвовать в боевых действиях, так и оказывать содействие в подготовке к бою — к примеру, снаряжать верховых лошадей. Вместе с тем остается неясным, почему остальные русские князья, у которых были жены — татарки знатного происхождения, не считали нужным, чтобы супруги сопровождали их в военных походах. Можно предположить, что решение о том, чтобы жена находилась при муже во время похода, принимал именно князь, знакомый с обычаями золотоордынского общества. Для Кончаки (Агафы) выбор, сделанный Юрием Даниловичем, оказался фатальным — княгиня попала в плен к тверскому князю, где скоропостижно скончалась.

Список источников и литературы

1. *Конявская Е.Л.* Великая княгиня Ксения и ее роль в политической жизни Тверского княжества // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 33–39.
2. *Конявская Е.Л.* Древнерусские княгини XI–XIII вв.: их владения и роль в политической и церковной жизни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3. С. 7–15.
3. *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. — 452 с.
4. *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Вып. 2. С. 116–164.
5. *Лаврентьев А. В.* «Кончакъ, княгиня великаа Юрьева, сестра царева»: брак великого князя Юрия Даниловича и отношения Москвы, Орды и Твери в 10–20-х гг. XIV в. // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2023. Вып. 14. С. 7–38.
6. *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий / отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1979. — 267 с.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 567 с.
8. *Плано Карпини, Иоанн де.* История монголов: текст, перевод, комментарий / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М.: ИДВ РАН, 2022. — 383 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 1: Повесть временных лет. — 286 стб.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. Вып. 1. — 540 с.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. — 316 с.
12. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука / под ред. Н.П. Шастниной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. — 291 с.
13. *Селезнев Ю.В.* Элита Золотой Орды: научно-справочное издание. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. — 232 с.
14. *Lane G.* Daily life in the Mongol Empire. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 2006. — 312 p.
15. *Nicola B., de.* Elite women in the Mongol Empire // The Mongol world / ed. by T. May, M. Hope. London; New York: Routledge, 2022. P. 422–441.

Духовенство и учреждения культа Генуэзской Газарии по данным «Актов генуэзских нотариев»²

Аннотация. В статье рассматриваются сведения актового материала сборника «Акты генуэзских нотариев» о религиозных учреждениях и персоналиях Генуэзской Газарии. Для подтверждения рабочей гипотезы исследования о наличии в Газарии в целом и в Каффе конкретно базы для миссионерской активности католиков в Улусе Джучи применены методы классификации и типологии выявленных сведений. Наибольшей репрезентацией в текстах актов обладает католическое духовенство. Духовно-монашеские ордена представлены четырьмя сообществами. Учреждения культа — церкви, монастыри и госпитали — в подавляющем большинстве относятся к ведению католической церкви. Результатом исследования стало подтверждение высокой роли католической религии внутри социума Генуэзской Газарии, однако подтверждения гипотезы найти не удалось. Польза работы состоит также в дополнении специфическими сведениями классификационной базы актового материала генуэзского происхождения, введенного в отечественный научный оборот.

Ключевые слова: Причерноморье; католицизм; католическое миссионерство; Каффа; Тана; Генуэзская Газария

Clergy and religious institutions of the Genoese Gazaria according to the «Acts of the Genoese Notaries»

Abstract. The article examines the information of the act material of the collection “Acts of Genoese notaries” on religious institutions and personalities of the Genoese Gazaria. Methods of classification and typology of the revealed information were applied to confirm the hypothesis about the presence in Gazaria and in Kaffa specifically of a base for the missionary activity of Catholics in the Jochi Ulus. The Catholic clergy has the greatest representation in the texts of the acts. The spiritual monastic orders are represented by four communities. Religious institutions — churches, monasteries and hospitals — are in majority under the jurisdiction of the Catholic Church. The result of the study is confirmation of the high role of the Catholic religion within the society of the Genoese Gazaria, however, it was not possible to find confirmation of the hypothesis. The benefit of the work also consists in supplementing with specific information the classification base of the archival material of Genoese origin, introduced into the domestic scientific circulation.

Keywords: Black Sea region; Catholicism; Catholic missionary; Kaffa; Tana; Genoese Gazaria

¹ **Елисей Сергеевич Кузнецов** — аспирант, лаборант-исследователь, Воронежский государственный университет» (Воронеж, Россия); e-mail: Elick.fox@yandex.ru
Elisey S. Kuznetsov — postgraduate student, laboratory researcher, Faculty of History, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)). URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

Католические миссионеры и священники на территории Джучиева Улуса (Орды) пытались решить важную задачу духовного окормления общин единоверцев, находящихся под властью ханов. Латинское христианство не имело серьезных этнических корней в этих землях, поэтому закономерным местом реализации деятельности католического духовенства были заселенные итальянцами поселения в Крыму и по берегам Черного моря, известные под названием «Газарии». Факторами выбора именно этого региона для проповеди были его выгодное географическое положение на полпути из Европы в евразийские степи, пестрый национально-религиозный состав населения и огромный товарооборот, существовавший на рынках его городов.

В обобщающей научно-популярной монографии А.Л. Якобсона «Крым в Средние века», опубликованной в 1973 г., информация о религиозной политике генуэзцев и вообще итальянцев в Газарии (Северном Причерноморье) представлена указанием на количество латинских храмов, упоминанием о наличии храмов иных религий и о высокой заинтересованности генуэзцев в миссионерской деятельности [7, с. 119]. Последней активно способствовали унии, заключенные на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 г. [4, с. 317; 7, с. 119]. Эти унии провозглашали признание восточными церквями правомочности (оправданности Св. Писанием и Св. Преданием) католических особенностей вероучения — то есть, фактическое объединение церквей (Православной и Армянской апостольской в 1439 г., Сиро-яковитской в 1442 г. и так далее) под авторитетом и властью римских католиков и Папы с сохранением на местах литургических и церковных обычаев.

В первом томе новой монографии по истории Таны/Азака (2021 г.), С.П. Карпов дает обзор истории католической миссии в Северном Причерноморье и Золотой Орде. Рассказ о начале ее деятельности он начинает с описания учреждения католического архиепископства в Ханбалыке в 1307 г. и епископства в Каффе в 1318 г. (с опорой на исследование М.Г. Крамаровского [4, с. 318]). Важным событием церковной истории Северного Причерноморья С.П. Карпов вслед за Ж. Ришаром [8, с. 231–232] считает 1333 г., когда была основана митрополия в Воспоро, и епископство Каффы было переведено в ее юрисдикцию. Данным описанием он завершает общий обзор и сосредотачивается на рассмотрении католической миссии в Азаке/Тане [3, с. 237–238].

Однако и в этих, и во многих других монографиях как советского, так и современного периодов, уделено мало внимания изучению религиозной ситуации в Газарии, межконфессиональных и межрелигиозных отношений в регионе. В данной статье рассматриваются

некоторые аспекты данной проблемы, зафиксированные в актовых материалах генуэзских колоний.

Гипотеза исследования строится на следующей посылке. Предполагается найти в актах, относящихся к истории Каффы, доказательства того, что генуэзский город был базой для миссионерской деятельности католиков Позднего Средневековья. Данное утверждение будет подтверждаться материалами источников.

Первоначальной целью исследования является поиск и отбор сведений о священнослужителях латинского исповедания, действовавших в регионе монашеских орденах и культовых местах Каффы и других газарийских городов. Источниковой базой работы является сборник «Акты генуэзских нотариев», составленный в 2000-х гг. и опубликованный в 2018 г. коллективом авторов под руководством С.П. Карпова. Документы издания шире освещают проблематику частного права, напрямую не связанную с религиозными отношениями. Несмотря на косвенный и фрагментарный характер сведений по религиозной тематике, данный актовый материал остается источником высокой достоверности, хотя и неполным. Работа подразделяется на две части: в первой анализируются личности, во второй — организации, упомянутые в этих документах.

После проведения статистического анализа было выявлено всего 16 упоминаний о персоналиях, притом только 14 — в текстах актов, а остальные два — в примечаниях составителей. Комментарии авторов являются важными для формирования контекста, однако они не являются непосредственным текстом источника, и поэтому не принимались в расчет в ходе исследования. Перед изложением результатов статистического анализа и типологией полученных сведений, стоит оговориться — их ограниченность связана не с отсутствием научного потенциала темы, а с опорой на один конкретный источник, содержащий преимущественно непрофильную информацию. Однако изучение последнего является важной исследовательской задачей.

Далее по тексту для удобства оперирования номерами глав и документов предпринята их кодификация: № X/Y, где X — номер главы, а Y — номер документа [5, с. 122].

В XIV в. выявлено пять католических духовных лиц — Раффус (Raffus) и Джованни (Iohannes) (акты соответственно № 1/1/55 [1, с. 121] и 1/2/35 [1, с. 148] за 1315 г.; Симонино (Symoninus) и Габриэль де Трави (Gabriel de Travi) (акт № 1/Приложение/2 за 1317 г. [1, с. 119]); наконец, Аймати (Aumati) (акт № 2/9 за 1381 г.) Интересны хронологический и географический аспект этих известий —

большая часть духовных лиц упомянута во втором десятилетии века и в различных местах — в Пьомбино, в Мессине, в Генуе — но только не в столице Газарии. Из Каффы происходит только названный один раз в самом конце века Аймати [1, с. 247]. В данном фрагменте можно отметить несвойственное для обычной практики употребление терминов в отношении священнослужителя: в тексте актов он назван не так, как остальные — пресвитер (*presbiter*) или клирик (*clericus*) — а папа (*papa*). Разница в двух часто употребляемых понятиях тоже не вполне ясна, в основном из-за того, что клирик (скорее всего, церковный служитель, чтец или нечто близкое) в текстах всего один, а пресвитеров (вероятно, настоятелей приходов) двое. Совершенно очевидно, однако, что Аймати отделен от них, обособлен. Можно предположить, что его положение в социуме было отличным от остальных священнослужителей. Видимо, он имел иной статус в духовной иерархии или был представителем другой конфессии.

Следующая проблема, связанная с известиями о католических духовных лицах XIV в., это упоминание понятия «брат» (*frater*) в отношении Габриэле де Трави [1, с. 154]. Во всех случаях, когда словом «брат» обозначаются отношения родства, указывается относительность характеристики («брат такого-то») — например, «*frater Dominici*». По-видимому, речь идет не об отношениях кровного родства, а о принадлежности к монашескому сословию. Однако монахи тоже обычно указываются с относительной характеристикой, как правило — с орденом, к которому они принадлежали. Подтверждением этому может служить анализ данных XV в., которые достаточно обширны, чтобы считать традицию именования черного духовенства в делопроизводстве верифицированной.

В материалах XV в. наблюдается увеличение количества представителей черного духовенства при значительном сокращении репрезентации священников — в XIV в. четверо из пяти упоминаемых представителей католического духовенства относятся к его белой ветви, а в XV в. к черной. За исключением священника — Якова Кампора (*Iacobus Camproa*), который был епископом Каффы [1, с. 509] в 1443 г. [4, с. 318] — характеристика всех духовных лиц этого периода имеет определенные особенности.

Трое монахов-бенедиктинцев, упомянутых в 1475 г. — приор монастыря Пласидо де Подио (*Placidus de Podio*), двое чернецов Бернардо де Камольо (*Bernardus de Camulio*) и Джорджо де Пагана (*Georgius de Pagana*) — названы термином монах (*monachus*) с указанием принад-

лежности к ордену [1, с. 641]. Все то же справедливо для принимавшего постриг в 1403 г. Чентурио де Фурнето (Centurius de Furneto), за исключением того, что в своем завещании он именует себя братом (*frater*) [1, с. 341]. Если вспомнить Габриэля де Трави, то совершенно очевидным становится факт разницы между терминами *frater* и *monachus* — либо в значении как таковом, либо, предположительно, в особенностях нотариальной традиции Генуи, которая за 70 лет в XV в. между 1403 и 1475 гг. поменялась сильнее, чем за 80 лет между 1317 и 1403 гг. Последнее нуждается в подтверждении на материале большего круга разновременных источников. Возможно, проявилось действие географического фактора — нотариус Терамо де Кастеллацио (Teramo de Castellacio) в 1475 г. работал в Пере, а оба брата (*frater*) упомянуты в Генуе и Каффе.

Вероятно, различные термины для описания монахов показывают различный уровень их послушания. Из текста следует, что термин «*monachus*» употребляется, когда субъект акта действует не от себя лично, а в составе капитула своего монастыря («*congregati et cohadunati in capitulo dicti monasterii*»). Это монах высокого послушания, например Джорджо де Пагана. В то же время, Чентурио де Фурнето в 1403 г., мирянин, только принимающий постриг, и вступающий в финансовые отношения исключительно от собственного лица Балтазар Сеньер (Balthazaris Segner) в 1476 г. [1, с. 660] обозначены термином «*frater*», так как являлись просто послушниками. Послушник в данном контексте понимается либо в буквальном смысле (человек, который в ближайшее время примет постриг), либо как аналог терциария в ордене францисканцев (мирянин, живущий в соответствии с правилами ордена).

Необходимо сделать последнюю оговорку по поводу католических монахов. В последнем в сборнике акте № 8/30, где фигурирует Балтазар Сеньер, он тоже назван *frater*, без указания ордена, как Габриэль де Трави полутора веками раньше. Однако здесь есть существенное отличие в протоколе, так как Сеньер перед *frater* назван еще «*venerabilis*» — «почтенный». Это слово не совсем однозначно, но все же можно считать, что в данном случае указан именно монах, или, в свете сказанного ранее, «послушник».

Результатом отбора наименований духовных орденов стали следующие данные: во всей совокупности датированных документов указано всего четыре монашеских организации под терминами «*ordo*» — орден; и «*congregacio*» — собрание, разницу между которыми уловить достаточно сложно. В первую очередь это монашеские ордена — единжды названный Орден бенедиктинцев (*Ordo Sancti Benedicti*)

и Орден меньших братьев блаженного Франциска Beati Francisci Ordo Fratrum Minorum (назван дважды, притом один раз — в контексте покровительства церкви). Кроме них упомянуты также конгрегации (видимо, этим словом названы приходы конкретных церквей) Святой Марии из Ирчи (Sancte Marie de Irchis) и Святой Элизабет из Кармо (Sancte Elisabet de Carmo), обе упомянутые по одному разу в одном и том же акте № 1/П/2 [1, с. 154–155]. Примечательно, что Чентурио де Фурнето, постригаясь в монахи, вынужден был бы сменить место жительства, так как монастырь миноритов располагался не в Каффе как таковой, а в соседнем Солхате [4, с. 318].

Православный священник Алексей Номик (Alecsi Nomico), упоминаемый в 1411 г. [1, с. 417], доверенное лицо князя Феодоро Алексея Старшего, является наиболее влиятельной политической фигурой среди упомянутых клириков. Сообщающий о нем акт № 5/38 — один из немногих, показывающих внешнеполитические отношения Газарии. Следовательно, упоминание православного священнослужителя имеет значение преимущественно в дипломатической, а не в духовной сфере.

Армяно-григорианские («catolici» в род. п.) священнослужители упомянуты в сборнике чаще православных — не один, а два раза. Однако их репрезентация контекста событий, в котором они упоминаются, отличается значительно меньшей значимостью. Оба отмечаются в одном акте № 5/25 [1, с. 400] в 1410 г., где выступают в качестве советников, помогающих армянке Янхатун (Iancatum) с продажей ее дома в Каффе. Однократность свидетельства показывает, что их появление можно использовать чисто в статистических целях при создании, например, базы данных персоналий источника.

Если говорить о местах отправления культа, то возможно исследовать не более двадцати уникальных зданий, из которых только три упомянуты несколько раз. Примечательно, что эти учреждения исполняют различные «внутренние функции» — задачи, которые они выполняют в каждом конкретном акте как таковом — и далеко не всегда просто как здание, служившее местом встречи или молитвы. Так как некоторые из неоднократно упомянутых объектов снабжены в разных актах различными «внутренними функциями», при подсчете было решено использовать количество именно сведений, а не уникальных объектов, и число счетных единиц увеличилось до 25.

Эти функции можно классифицировать по формам следующим образом — одиночная локация (когда с ней не связана никакая иная картографическая единица), локация-ориентир (когда церковь или

монастырь используются в качестве точки отсчета для указания направления на тот или иной объект) и учреждение (когда имеется в виду не физический объект, а организация, владеющая им). Одиночных локаций почти половина — 11 свидетельств, притом каждая из трех упомянутых неоднократно церковей — святого Франциска в Каффе и в Пере и святого Михаила в Пере — хотя бы раз названа в этой форме.

Вместе с городскими воротами и площадями культовые строения были важнейшими точками для топографии города [4, с. 67, 70, 282] и ориентирования в нем — типичная для средневековых поселений вообще ситуация [2, с. 146, 152, 156, 164–166]. В актах же ориентиры составляют меньшую из групп — всего 5 объектов. Вероятно, данная особенность обусловлена тем, что в абсолютном большинстве актов с географическими ориентирами ими служат некультовые объекты: торговые лавки (№ 3/5 [1, с. 284]), порты (№ 7/28 [1, с. 587]), жилые дома (№ 5/51 [1, с. 444]), крепостные ворота (№ 3/19 [1, с. 302]), крепости (№ 4/10 [1, с. 343]) и общественные постройки (№ 7/12 [1, с. 566]). Этот факт позволяет сделать предположение о специфичной структуре либо застройки (малое количество культовых мест, что косвенно подтверждается скудостью данных источника), либо обмирщенной психологии населения Каффы (имея выбор между использованием в качестве ориентира церкви или не церкви, горожанин выбирал второе). Последнее предположение, впрочем, можно в некоторой степени опровергнуть частотой завещания средств на благо церковей или госпиталей (из 25 сведений об объектах, которые были изучены, в двух третях духовное учреждение является получателем той или иной части наследства) [1, с. 249, 398]. Высокий уровень финансово-кредитных отношений с участием церкви в Газарии подчеркивается тем, что завещания духовным организациям в исследованных документах всегда без исключения денежные, и никогда — имущественные.

Факт редкого упоминания церковей в качестве ориентира мог объясняться тем, что духовное учреждение выступает не как здание, точка на карте, а именно как организация. В этой роли фактически не встречено собственно «действий» этого института. Как указано выше, чаще всего церкви в актах упомянуты как получатели наследства — и в таких обстоятельствах названы все (пять) госпитали и монастыри, а также четыре сообщения о церквях.

Помимо сведений о внутренних функциях, примечательна и их география. Как выяснилось, далеко не все из открытых объектов расположены на территории Причерноморья, и потому основным критерием классификации стал географический — внутри газарийских

территорий и вне их. Также объекты можно подразделить по «социальной функции» — на церкви, монастыри и госпитали. Госпитали можно определить как духовные учреждения на основе их первоочередной задачи снабжения участников паломничеств, а также в силу того, что они редко осуществляли свою деятельность в отрыве от монастырей [6, с. 27–28]. Наконец, большинство этих мест — церквей, монастырей, госпиталей — упомянуто однократно, и поэтому последним критерием классификации будет частотный — соответственно, объекты, названные один или много раз.

Если говорить о результатах такого анализа, то среди собственно культовых объектов Газарии представлено семь наименований — шесть церквей и один госпиталь — все расположены в Каффе и встречаются в источниках с 1314 по 1443 г. 10 раз. Среди упомянутых церквей выделяется церковь Святого Франциска (*ecclesia Sancti Francisci*), упомянутая в четырех актах (№ 2/5 [1, с. 227], № 4/10 [1, с. 343], № 5/48 [1, с. 438], № 6/3 [1, с. 507]), с широким временным диапазоном датировок от 1366 до 1443 г. На основании полученных данных, святой Франциск был достаточно высоко почитаемым святым — церкви, посвященные ему, есть и в Каффе, и в Генуе, и в Пере. Интерес для исследования культовых зданий представляет также *ecclesia Sancti Dominici*, упомянутая в 1410 г., потому не ясно, является ли *ecclesia* Святого Доминика и блаженной Марии (*Sancti Dominici et Beate Marie*), о которой говорится в повествовании о событиях 1443 г., той же самой церковью или какой-либо иной.

Другие две каффинские церкви в упоминаниях 1381 и 1411 гг. выделяются из общей тенденции наименования — если по стандарту должен указываться святой, в честь которого она освящена, то для церкви в Асомато (*ecclesia de Asomato*) [1, с. 247] указывается только место (не вполне определенное, но точно в пределах Газарии, вероятнее всего, район или предместье Каффы, так как папа Аймати постоянно живет в нем), а для церкви неких армян (*ecclesia quadam Armeneorum*) [1, с. 425] вообще не указано ничего, кроме этнической принадлежности прихожан. Эта церковь является единственной не-католической культовой постройкой, упомянутой в актах. В актах отсутствует подробное описание единственного каффинского госпиталя Святой Марии (*Sancte Marie*) [1, с. 507] — есть только факт его существования в 1443 г. и того обстоятельства, что его название не имеет связи с какой-либо духовной организацией (которая должна была его курировать). Может быть, для современников нотарию Гаспара де Палодио (*Gaspar de Palodio*) связь между госпиталем и церковью Святого

Доминика и блаженной Марии была самоочевидна, и поэтому не указывалась специально, но два этих учреждения названы в разных абзацах документа без смысловой связи...

Упоминания вне Газарии можно разделить на две группы — сооружения Южного Причерноморья (четыре церкви, монастырь и два госпиталя) и Италии (пять церквей и монастырь). Акты со сведениями из этих регионов объединяет общая черта, выражающаяся в большем количестве перекрестных ссылок на объекты одного региона в акте, составленном в другом регионе. Так, в документе № 1/2/4, составленном в 1314 г. в Симиссо, упомянута генуэзская церковь [1, с. 126], в № 1/2/9 из Перы следующего, 1315 г., — две церкви в Вольтри [1, с. 131] и так далее. Единственный из актов, содержащих информацию о культовой постройке, объединявшей бы Газарию (Каффу) и Византию или Италию — № 4/10 от 1403 г.: в составленном в Каффе документе назван монастырь Святого Павла (*monasterium Sancti Pauli*), расположенный в Генуе [1, с. 342].

Можно сказать, что вне Газарии у духовных учреждений существенно меньше особенностей и необычных черт. Большинство (шесть) южнопричерноморских культовых зданий локализируются в Пере, и только одна церковь находится в Симиссо, она упомянута в акте № 1/2/4 от 1314 г. Церковь в Пере существовала дольше остальных — с 1315 по 1475 гг. Эта церковь, как и церковь в Каффе, была освящена в честь святого Франциска. Слишком мало сведений для каких-либо определенных выводов можно почерпнуть о госпиталях в Пере, так как они упомянуты в одном и том же месте конкретного акта без каких-либо пояснительных надписей. Монастырь Святой Марии Мизерикордии в Систерне (*monasterium Sancte Marie Misericordie de Sisterna*) из акта № 8/15 [1, с. 641], составленного там же в 1475 г., примечателен тем, что его приор и два монаха — самая высокая численность лиц духовного звания в одном документе в сборнике.

Среди итальянских религиозных учреждений — две церкви в Генуе (1314 и 1317), две в Вольтри и одна в Сестри Поненте (все три в 1315 г.), каждая упомянута однократно, а также монастырь Святого Павла, о котором сказано выше. Примечателен тот факт, что сведения обо всех этих объектах получены из трех актов — № 1/2/4 [1, с. 126], № 1/2/9 [1, с. 131] и 1/П/2 [1, с. 153].

Перед подведением итогов исследования осталось проанализировать типы информации (освещаемые правоотношения) в актах, в которых встречаются упоминания культовых учреждений. Большинство этих актов посвящено договорам двух типов — завещаниям

и доверенностям. В целом, это отвечает предварительным ожиданиям. Специфика тех актов, которые не представляют собой завещаний или прокур (договоров доверенности), подробнее изложена выше, как и все пока что не решенные вопросы, в частности, социального положения Балтазара Сеньера.

Итак, в ходе работы были проанализированы все упоминания духовных лиц и учреждений, содержащиеся в сборнике «Акты генуэзских нотариев». Данных было встречено мало, но даже эти сведения позволяют подтвердить существующие теории. Тот факт, что ни один из актов сборника не содержит сведений именно о католической миссионерской активности, также является немаловажным свидетельством эпохи. Он подчеркивает, что эта активность, несомненно, существовавшая, не оказывала не только определяющего, но и значимого влияния на повседневную и хозяйственную (экономическую) жизнь преобладающей части населения Генуэзской Газарии. Соответственно, для дальнейших исследований по проблеме католического миссионерства в Газарии, Причерноморье и Золотой Орде необходимо привлекать иные, более специализированные, источники.

Список источников и литературы

1. Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / под ред. С.П. Карпова. М.; СПб.: Алетейя, 2018. — 760 с.
2. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. М.: Стройиздат, 1979. Т. I. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма. — 495 с.
3. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2021. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. — 378 с.
4. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. — 496 с.
5. Кузнецов Е.С. Торговые связи Генуэзской Газарии и Золотой Орды на материале «Актов генуэзских нотариев» // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки». Воронеж: Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 2022. С. 122–129.
6. Шупляк С.П. Средневековые госпитали и традиция христианских паломничеств // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VII международной научно-теоретической конференции. Минск: МГПТК полиграфии, 2014. С. 27–28.
7. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М.: Наука, 1973. — 170 с.
8. Richard J. La papauté et les missions d'Orient au moyen âge (XIIIe – XVe siècles). Rome: École française de Rome, 1977. — 325 p.

Демографические и экономические последствия «Чумного века» для Руси

Аннотация. «Чумной век» начался в середине XIV в. и завершился в 20-е гг. XV в. В это время Русь в среднем каждые десять лет поражала эпидемия, охватывавшая несколько княжеств, и каждые пять лет — эпидемия в границах одного княжества. Начиная с 1352–1353 гг. русские земли, поражаемые «великими поветриями», несли тяжелые демографические и хозяйственные потери. Особенно опустошительным было последнее десятилетие «Чумного века» 1417–1427 гг., когда непрерывно вспыхивали «великие моры» по всей территории Руси. В исследовании выявлены признаки демографического и экономического кризиса, в который погрузилась Русь в первой половине XV в., как следствие этих моров. Для этого были использованы летописи и акты. Вывод заключается в том, что в 1420-е гг. вследствие эпидемий и голода Русь переживала демографический кризис. В условиях аграрной экономики экстенсивного типа демографическая катастрофа стала причиной хозяйственного упадка. Экономические трудности повлекли за собой финансовый коллапс, так как с опустевших земель нечего было взимать.

Ключевые слова: «Чумной век»; моровое поветрие; голод; Русь; демография; хозяйство; финансовый кризис

The demographic and economic consequences of the “Plague Age” for Russia

Abstract. The “Plague Age” began in the mid-14th century and ended in the 1420s. During this time, Russia was struck by an epidemic every ten years, affecting several principalities, and by an epidemic for every five years in a single principality. Starting in 1352–1353, the Russian lands suffered severe demographic and economic losses due to “great plagues”. The last decade of the “Plague Age”, from 1417 to 1427, was particularly devastating, with continuous outbreaks of “great plagues” across Russia. This study identifies signs of a demographic and economic crisis that Russia faced in the first half of the 15th century as a result of these plagues. The study relies on chronicles and legal documents. The conclusion is that Russia experienced a demographic crisis in the 1420s due to epidemics and famine. In an extensive agrarian economy, the demographic catastrophe led to economic decline. Economic difficulties led to a financial collapse, as there was nothing to collect from the empty lands.

Keywords: “Plague Age”; epidemic; famine; Russia; demographics; economy; financial crisis

«Чумной век» завершился в середине 1420-х гг. Только за четверть века русские земли пережили четыре опустошительных эпидемии — 1408, 1417, 1420–1422 и 1425–1427 гг. Эпидемия 1420–1422 гг. сопровождалась повсеместным, массовым голодом. Это приводило к значитель-

¹ Зулейха Адил-кызы Исмаилова — аспирант, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского (Брянск, Россия); e-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru
Zuleykha A. Ismailova — postgraduate student, Bryansk State University named after academician Petrovsky (Bryansk, Russia).

ным людским потерям, о чем свидетельствуют, по мнению А.П. Бужиловой, летописные описания «скудельниц» — общих могил [6, с. 111].

Демографический потенциал Руси был подорван, «мало людей осталось», по выражению летописца [11, с. 143]. Об этом же говорит и такой источник, как землевладельческие акты и грамоты. С.Б. Веселовский, впервые обративший на них внимание, затронул тему «великого мора» и его влияния на боярские вотчины в исследовании о землевладении в Северо-Восточной Руси. Исследователь отметил разорительные последствия двух чумных эпидемий и «великой меженины» (голода) 1408–1422 гг. для землевладельцев Переяславского и Московского уездов [8, с. 165–168]. Л.В. Черепнин также использовал акты и находил встречавшиеся в них случаи запустения земель в Северо-Восточной Руси в XIV и XV вв. Причинами этого процесса, по его мнению, были феодальные войны, набеги татар, неурожаи, голод и болезни [13, с. 166].

В зарубежной исторической науке к актам обратился Л.Н. Лангер. Он указал на зафиксированные в них случаи опустынивания русских селений в 1420-е гг. в результате эпидемических катастроф. Этих случаев было больше, чем смог назвать исследователь [14, с. 65]. Цель данной статьи — отметить и изучить все подобные факты, чтобы выявить масштаб и глубину демографического бедствия, которое пережила Русь в тот период.

В 1424 г., 30 января, московский князь Василий Дмитриевич выдал жалованную грамоту Ивану Кафтыреву на земли в Осецком стану Костромского уезда. «И те-де земли, — читаем в грамоте, — у него нынеча опустели моромъ и межениною вымерли, а иныя розошлись» [1, с. 5]. Мор и меженина явились причинами вымирания вотчины. Чтобы ее вновь заселить, московский князь освободил владельца на три года от налогов и податей: «И кого къ себе перезоветь (владелец. — *З.И.*) на те на свои земли люди тутошнихъ старожилцевъ, и темъ людямъ не надабедъ мая дань на три годы, ни ямъ, ни подвода, ни письяча белка, ни иная никоторая пошлина» [1, с. 5].

В грамоте, датированной 1417–1425 гг., Василий I пожаловал игумена Троице-Сергиева монастыря Никона льготами: «Что его пустошь Воронинскаа в Кинелскомъ стану (Переяславского уезда. — *З.И.*), и кто в тои пустоши сядет людеи, не надобе имъ тянути къ стану ничемъ» [2, с. 44]. В другой жалованной грамоте Василия I игумену Никону читаем: «Что его пустоши в Кинелском стану: Фаустово, Буйково, Пьяницыно, Вяхоревская деревня, и хто в тех пустошах и в деревнях учнет жити людей, и не надобе им тянути к станом ничемъ» [2, с. 45].

В феврале 1425 г. Василий I выдал жалованную грамоту митрополиту Фотию на села Андреевское и Мартемьяновское Владимирского уезда и «что к тем селом потягло». «И которых людей, — сказано в грамоте, — отец мой Фотий митрополит в те села перезовет из иных княженей, а не из моея отчины из великого княженья, и тем людям не надобе никоторая моя дань на пятнатцать лет, а старожильцем на пять лет, ни писчая белка, ни ям, ни подвода... ни иные никоторые пошрины» [5, с. 186]. 8 февраля 1425 г. подобная же грамота была выдана Василием I архимандриту суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Давыду на деревню Филипповскую в Мещерске с освобождением ее будущих поселенцев от государевых податей на 10 лет [3, с. 480—481].

Несмотря на значительные льготы — освобождение от государевых податей и повинностей на пятнадцать лет — Фотию так и не удалось переселить новых поселенцев на пожалованные ему земли. Не справились с этой задачей и его преемники. Села Андреевское и Мартемьяновское продолжали пустеть и через четверть века опустели совсем [5, с. 186—187]. Из этого можно сделать вывод, что некоторые селения, пострадавшие в период бедствий 1408—1427 гг., эпидемий и голода, так и не восстановились в будущем.

2 июня 1425 г. датирована жалованная грамота московского князя Василия II Троице-Сергиеву монастырю на владения в Кинелском стану Переяславского уезда. Эти земли были недавно приобретены монастырем у светских землевладельцев и на них располагались село Беклемишево, деревни Вяхорева, Назарьевская, пустоши Фаустовская, Воронинская, Бунково, Олферьево. В источнике отмечается, что «и хто имет в тех селех и в деревнях и на пустоших жити людей, и волостели кинелские и их тиуни не всылают к тем ни по что...» [2, с. 49]. Также там сказано, что «а кого к себе в те села призовет (игумен Никон. — З.И.) и в деревни и на пустоши людей из ыных княжени, а не из моей вотчины великого княженья, и тем людям пришлым моя великого князя не надобе им никоторая моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода...» [2, с. 49]. Вероятно, перечисленные в грамоте селения частично или полностью обезлюдели.

В 1426 г., 20 марта, была выдана другая жалованная грамота Василия II митрополиту Фотию на владения владимирского Царевко-константиновского монастыря. В грамоте сказано: «Хто будет из того монастыря и из сел того монастыря разошлись куды люди по которым местом, и придут опять на свои места, ино им на пять лет не надобе никоторая моя дань... ни иные никоторые пошрины» [5, с. 178].

В грамоте не указана причина ухода людей из монастырских сел. Но зная, что в течение 1420–1426 гг. на Руси повсеместно наблюдались эпидемии, неурожай и голод, можно предположить, что именно эти явления и вынудили поселян покинуть свои земли. Московский великий князь искал способы вновь заселить запустелые территории и для этого отдал их во владение митрополичьей кафедры. Одновременно он освободил будущих поселян этих земель на пять лет от всех государевых податей и повинностей. К чему это привело?

Во-первых, к концентрации земель в руках Церкви. Во-вторых, к снижению финансовых поступлений в государев бюджет, к сокращению количества рабочих рук, которые ранее отбывали повинности и платили налоги. Следовательно, снижалась финансовая и боевая мощь Москвы. Следует подчеркнуть, что у московских князей не было иной альтернативы — опустевшие и бездоходные земли не могли быть освоены еще не достаточно консолидировавшимся центром.

Еще одна грамота — жалованная для митрополичьего села Бисерово Коломенского уезда — гласит, что из этого села «розбежали люди», поэтому государь пожаловал его, освободил от постоев и подвод [5, с. 104–105]. В 1430 г., перед своей кончиной, Фотий написал грамоту, в которой отметил, что часть его митрополичьих сел «отъ мору и до меженины ся истеряло» [11, с. 148]. И здесь находим указание на эпидемии и голод 1408–1427 гг. как на причину опустения сел, часть которых так и не смогла восстановиться.

Пустоши часто упоминаются в грамотах Троице-Сергиева монастыря в период игуменства Никона (1392–1427), а в одной грамоте, датированной ок. 1400–1410 гг., находим пустошь с характерным названием: «Полумертвовская» [2, с. 34], которая располагалась в Переяславском уезде и, вероятно, пострадала от масштабного мора 1408 г., охватившего в том числе и Переяславские волости.

От эпидемии 1408 г., вероятно, пострадали и пустоши, о которых сказано в грамоте московского боярина Константина Дмитриевича Шеи. Этот боярин, по мнению С.Б. Веселовского, скончался вскоре после 1406 г. [7, с. 163]. Но точная дата его смерти неизвестна, и, вероятно, он дожил до 1408 г. Сохранилась его грамота костромскому Ипатьевскому монастырю, в которой перечислены 11 пустошей в Костромском уезде [4, с. 248].

О пустошах говорится и в грамотах Можайского князя Андрея Дмитриевича, датированных 1397–1432 гг. Князь дал в Белозерский монастырь пустошь Глебцеву. «А кого игумень посадить своих людей на той пустоши, и темь людемь ненадобе моя дань, ни белка,

ни резанка, ни которая пошлина» [12, стб. 10]. С таким же условием князь передал Белозерскому монастырю и пустошь Городище [12, стб. 11].

В другой жалованной грамоте можайского князя тому же монастырю названы «деревнишко Осницкая, да пустошь Ратмарова, да другая пустошь Матюнинская, Паньковская земля». Все эти селения и земли, видимо, запустели, т.к. игумену Белозерского монастыря дается право переселять на них людей «изъ иных княженей» [12, стб. 12]. Пустошь Шортина на Святом озере можайский князь также передал Белозерскому монастырю с правом переселять туда людей «не изъ нашеа вотчины» [12, стб. 14].

Грамоты можайского князя Андрея Дмитриевича позволяют судить о его деятельности, направленной на преодоление демографического кризиса, вызванного эпидемиями и голодом 1408–1427 гг. Князь передавал Белозерскому монастырю запустевшие земли, освобождал их будущих поселенцев от податей и повинностей. Похожим образом поступало и московские власти.

Социально-демографическую политику Андрея Дмитриевича продолжили его сыновья. Деревню Крохинскую у истока реки Шексны князь можайский Иван Андреевич в 1434–1435 гг. дал в Ферапонтов монастырь, «а та деревня была пуста» [3, с. 314]. Чтобы ее заселить, князь предоставил монастырю льготы: «Кого к себе призовет игумен в ту деревню из-ыного княжения... тем всем его людем не надобе моя дань на десять лет, ни которая пошлина, ни рыбное» [3, с. 300]. Ок. 1437 г. князь Михаил Андреевич выдал Ферапонтову монастырю жалованную льготную и несудимую грамоту сразу на 11 пустошей и «что к тем пустошем потягло» [3, с. 303].

Рязанские князья также передавали в монастырское владение запустевшие земли. Князь Иван Федорович (1409–1456) передал Солотчинскому монастырю село Филиповичи с уездом с условием: «А людий къ собезоветь (игумен. — З.И.) съ иных сторонъ; а кого собе призоветъ изъ иного Княжения, и темъ людемъ дани свои и ямь отложить на три года...» [9, с. 4].

Эпидемии и голод 1408–1427 гг. подорвали демографический потенциал страны, вследствие чего опустели целые селения. Это вызвало глубокий экономический кризис, упадок хозяйственной активности, сокращение поступлений в государеву казну. Все это подтачивало финансовые и боевые возможности Московского государства.

Последствия кризиса ощущались спустя десятилетия, что демонстрирует все тот же актовый материал. В 1450–1451 гг. великая княгиня

Мария Ярославна отдала в Белозерский монастырь свои земельные угодья на реке Вологде: «А те де пожни лежат пусты и лесом поросли издавна» [3, с. 94]. Из грамоты, датированной 1462–1478 гг., узнаем о земле близ реки Вхотни в Московском уезде, что она «лежит пуста... лет за сорок» [3, с. 364].

В другой грамоте от 1463 г. перечисляются пустоши в Плёском уезде — «Королятик и иныя пустоши», Хлябовская с лесом и пожнями, Песьяково да Лихолаево, «и все деи те пустоши лежат пусты от мору и лесом поросли». Владельцы пустошей отдали их в Никольский Шартомский монастырь [4, с. 134].

Из грамоты ок. 1465–1470 гг. можно узнать о луге близ реки Унжи в Галичском уезде: «Тот луг.. косил до мору христианин городищъской Паша; а после Паши в морь ино тот луг косил сын его Филя. А от мору тот луг залегль, не кашивал его из Городища ниhto, а косили его черньци симановские» [3, с. 384]. Городищинские крестьяне не косили луг «боле сорока лет» после морового поветрия [3, с. 383]. Отсюда заметно, как гибель крестьян в годы эпидемий приводила к тому, что сельскохозяйственные угодья забрасывались и со временем захватывались монастырями. Пустошь Антоновская и другие земли у Соли Галичской, видимо, тоже были захвачены симоновскими чернецами, которые пахали их «от мору от великого, летъ за пятьдесят», — свидетельствовали в 1462–1470 гг. «старожильцы» Гридка Авдеев с товарищами [3, с. 363].

В грамоте 1471 г. говорится о пустошах Фоминской, Шугаровской и Беръскледова в Каневском стану Коломенского уезда, «а лежат деи те пустоши лет за пятьдесят пусты и лесом деи поросли...» [4, с. 62–63]. Получается, что названные земли обезлюдели ок. 1421–1422 г., во время «великого мора».

В грамоте 1485–1490 гг. можно прочесть показание местного жителя Федьки Максимова о бывшем боярском владении в Московском уезде: «А яз, господине, Федко, помню до великого мору, что то земля была боярская Федота Нелидова. И Федот, господине, после своего живота в великой мор дал ее к Пречистой на Симоново в монастырь» [3, с. 407]. В грамоте 1490–1498 гг. читается показание крестьянина Нестерика о земле Заречье Московского уезда: «Яз, господине, родился до мору. А у тое, господине, пустоши тогды наймовал покосцы косити... отец мой Еня. А та, господине, пустошь тогды и лесом поросла» [3, с. 416].

Другой пример запустения земельных угодий вследствие эпидемий можно найти в грамоте 1494–1499 гг. В ней идет речь о земле Коробовской в Московском уезде: «То, господине, земля Коробовская, — свидетельствовал некий Елка Сьянов. — А земля та была, господине,

Федорова Дядкова. После его, господине, живота досталася та земля сыну его Ивану. И Иван, господине, тот умер в мор в великой, а того, господине, Ивана сын остался Федор Неплюй мал. И взяли, господине, его дяди его Косицкие князи, да тамо вскормили его — в Вереи. А та, господине, земля стала пуста» [3, с. 432].

В грамоте 1497—1498 гг. находится показание черных крестьян Назара Сенькина с товарищами о селищах Чевыревское и Кермядиновское в Городском стану Коломенского уезда: «То, господине, земля... селище Чевыревское и селище Кермединское великого князя черные становые истарины, а запустели от великого поветрея». К концу XV в. «те селища чернцы симановские освоили» [3, с. 443].

Из грамоты 1498—1499 гг. можно узнать о земле Положимолотовской в Московском уезде, что «был на той земле великого князя монастырек Богородицкой, а запустел от великого мору». К концу XV в. и эту землю присвоили симоновские монахи [3, с. 457].

В грамоте, датированной ок. 1501—1502 гг., встречается показание костромских крестьян Фрола и Копоса о спорных землях Костромского уезда: «То, господине, земли изстарины великого князя Минского стану, тяглые, а запустели, господине, те земли от великого поветрея» [5, с. 222]. Похожее показание читается и о деревне Олешинской в Пошехонье: «Та, господине, деревня была пуста от великого мору» [2, с. 582].

«Великий мор» или «великое поветрие» в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси случилось в 1420—1427 гг., и память о нем сохранялась очень долго. О нем десятилетиями напоминали заброшенные земли, поросшие лесом и кустарником, обезлюдившие деревни. «Великий мор» стал привычной хронологической гранью для людей, живших после него, которые говорили, что такое-то событие случилось до или после «великого мора».

Итак, можно установить, что в 1420-е гг. вследствие катастрофических волн эпидемий и голода Русь переживала глубокий демографический кризис. Его география была широка. Только в одном Московском княжестве опустевшие от «великого мора» селения располагались в Московском, Коломенском, Переяславском, Владимирском, Костромском, Галичском, Угличском уездах, в Пошехонье и на Белоозере.

В условиях аграрной экономики экстенсивного типа демографический кризис неизбежно стал причиной хозяйственного упадка, когда земельные угодья запустели, превратились в пустоши, поросли лесом. Экономические трудности повлекли за собой финансовый коллапс, так как с опустевших земель не поступали подати. Княжеская

казна опустела. Экономические и финансовые бедствия вызвали трудности в организации и снабжении войска. Складывались предпосылки для общегосударственного кризиса, который был ускорен династическим конфликтом в середине 1420-х гг. На Руси началась длительная междоусобная война, острый конфликт внутри московского правящего дома, усугубившийся вторжениями татар.

Медленно возвращались к жизни запустевшие селения. Земли в Минском стану Костромского уезда, обезлюдившие от «великого поветрия», стали вновь заселяться только в начале 1460-х гг., когда на них появилась митрополичья деревня Поддубное [5, с. 223].

Пустоши, перешедшие во владение Белозерского монастыря в эпоху междоусобной борьбы и распространения эпидемий, осваивались монахами еще медленнее. Потребовалось около полувека, чтобы они снова были заселены. Так, к 1492 г. монастырские пустоши Алмазовская, Горлово, Боровляниново, пустошь в Каргободе, Аристовская, Ратмарово и др. стали деревнями; починки на реках Словенке и Уломе также выросли и стали деревнями [3, с. 211–213, 215]. Однако некоторые запустевшие селения не восстановились и остались пустошами, например, Негодяевская, Глебцево, Матюнино [3, с. 222].

В свете этих данных нуждается в корректировке мнение Л.В. Черепнина, что на протяжении XIV и особенно в XV в. в Северо-Восточной Руси шла интенсивная распашка запустевших, заброшенных земель, на которых когда-то были земледельческие поселения, но откуда крестьяне ушли из-за разорения [13, с. 166]. Этот процесс действительно наблюдался в указанный исторический период, однако проходил неравномерно. Первая треть XV в. — это время упадка в сельском хозяйстве Руси, когда страна переживала демографический кризис, вызванный эпидемиями и повсеместным многолетним голодом.

Исследователи давно отметили роль монастырей в этом процессе запустения земель. Монахи, по мнению В.О. Ключевского, приобретали земельные угодья, от эксплуатации которых отказались местные поселенцы, и заводили на них хозяйство [10, с. 25]. Но, как установлено в данном исследовании, этот процесс шел чрезвычайно медленно, и часть селений, перешедших монастырям, так и не была восстановлена.

Список источников и литературы

1. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. Александр Юшков. Ч. 1: 1257–1613 гг. М., 1898. — [2], XV, 416.

2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 804 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 727 с.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М.: Наука, 1964. – 687 с.
5. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Часть 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 400 с.
6. Бужилова А.П. «Бысть мор велик...». Чем болели в Средневековье на севере Русской равнины // Родина. 2003. № 11. С. 111–114.
7. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. – 584 с.
8. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 496 с.
9. Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. СПб.: В.А. Терсков, 1854. – 171 с.
10. Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VIII. Статьи. М., 1990. С. 5–30.
11. ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1853. – 360 с.
12. Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб.: [б.и.], 1875. – 1228 стб.
13. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 900 с.
14. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // Russian History. Vol. 2. Leiden; Boston: Brill, 1975. P. 53–67.

К вопросу об управляемости войска на северо-востоке и северо-западе Руси в XV — начале XVI в.: поражения из-за сбора трофеев во время боя

Аннотация. В статье рассматривается проблема управляемости войск на Руси периода Позднего Средневековья. Проанализированы три битвы: под Суздалем (1445 г.), под Русой (1456 г.) и у оз. Смолина (1502 г.) — все они закончились поражением для той стороны, представители которой занялись сбором трофеев во время сражения. Подобные эксцессы были связаны с низкой управляемостью средневекового войска, состоявшего из отдельных отрядов, контролировать которые в условиях боя было практически невозможно. На северо-востоке Руси управляемость войска повысилась благодаря преобразованиям, которые начались в Московском государстве при Иване III, однако полностью искоренить практику сбора трофеев в ходе сражений так и не удалось. В республиканских городах северо-запада Руси, Новгороде и Пскове, вплоть до их присоединения к Великому княжеству Московскому сохранялась традиционная военная организация, основой которой являлось городское ополчение. Как следствие, управляемость новгородского и псковского войска на поле боя оставалась низкой, и оно оказывалось в уязвимом положении из-за того, что теряло дисциплину, когда появлялась возможность обогатиться за счет добычи.

Ключевые слова: военная история; средневековое военное дело; управление войском; «военная революция»; Великое княжество Московское; Новгород; Псков

On the Troop Control in the North-Eastern and North-Western Rus' in the 15th — Early 16th Century: Defeats Due to Looting During the Combat

Abstract. The article examines the problem of troop control in Russian lands during the Late Middle Ages. Three battles are analysed: the Battle of Suzdal (1445), the Battle of Rusa (1456), and the Battle of Lake Smolino (1502) — all of which ended in defeat for those who began looting during the combat. Such incidents were associated with the poor controllability of medieval armies, which consisted of separate detachments that could be hardly controlled during battle. In the North-Eastern Rus', troop control was improved by reforms initiated in the Muscovite state under the rule of Ivan III, but it was impossible to fully eliminate the practice of gathering trophies mid-battle. In the republican cities of the North-Western Rus' — Novgorod and Pskov — the traditional military organization,

¹ **Виталий Игоревич Клейменов** — студент, НИУ «Высшая школа экономики»; сотрудник проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV—XVII в.: человек и малый город» (Центр исторических исследований НИУ ВШЭ СПб — Центр археологических исследований НовГУ им. Ярослава Мудрого). (Москва, Россия); e-mail: vikleymenov@edu.hse.ru
Vitaly I. Kleymenov — Master's Degree Student, Higher School of Economics; Research Fellow of the Mirror Lab Project "Practices of Urban Development in the Russian Political Space of the Late 15th—17th Centuries: Man and Small Town" by the Centre For Historical Research of the Higher School of Economics in St. Petersburg and the Centre for Archeological Research of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Moscow, Russia).

based on urban militias, remained until the annexation by the Grand Duchy of Moscow. As a result, the controllability of Novgorodian and Pskovian troops on the battlefield was low, and they became vulnerable, losing discipline whenever an opportunity for looting arose.

Keywords: military history; medieval warfare; troop control; the military revolution; the Grand Principality of Moscow; Novgorod; Pskov

Война во все времена служила способом личного обогащения для участвовавших в ней — особенно в Средние века, когда регулярных армий еще не существовало. Важность захвата добычи для средневековых войн была отмечена в работах Я.Ф. Фербрюггена [12] и Ф. Контамина [3], которые на сегодняшний день считаются классическими. Основным типом боевых действий в рассматриваемый период были грабительские рейды, целью которых был подрыв экономических возможностей противника путем разорения неукрепленных поселений в сельской местности [12, р. 319]. Однако то, что участникам подобных набегов удавалось отнять у беззащитных крестьян, было несопоставимо с ценностями, которые могли быть захвачены при взятии замков и городов. Во время полевых столкновений, происходивших довольно редко [3, с. 247], добычей становились пленники, за которых потом можно было получить выкуп, а также кони, дорогостоящее оружие и доспехи. Собирая трофеи участники сражений зачастую начинали прямо во время битвы, не дожидаясь ее окончания. Такая практика, как подчеркивал Ф. Контамин, отрицательно сказывалась на управляемости войска [3, с. 252], которая и без того была невысокой из-за отсутствия единого командования и примитивных способов подачи сигналов на поле боя (при помощи знамен и музыкальных инструментов). Современники знали об этом, а в некоторых случаях даже использовали против своих оппонентов. Так, в ходе битвы при Тальякоццо 23 августа 1268 г. опытный французский рыцарь-крестоносец Алардо ди Валлери убеждал короля Карла Анжуйского, войско которого терпело поражение от превосходящих сил швабского герцога Конрада (Конрадина), не вступать в бой до тех пор, пока жадные до добычи немцы не потеряют строй окончательно — Карл прислушался к совету и одержал победу [13, р. 369–373] (благодарю С.И. Кабаева, указавшего на данный эпизод).

Не было исключением и средневековое русское войско, причем как на северо-востоке (в Великом княжестве Московском), так и на северо-западе (в Новгороде и Пскове). В летописных известиях, которые содержат описания сражений, неоднократно упоминается о том, что сбор трофеев, если он начинался еще до окончания битвы, мог иметь печальные последствия. В настоящей работе будут рассмотрены

три сражения XV — нач. XVI в.: при Спасо-Евфимьевом монастыре под Суздалем (1445 г.), под Русой (1456 г.) и у оз. Смолина (1502 г.) — все они закончились поражением для той стороны, представители которой занялись сбором трофеев во время боя. Изучение данных эпизодов военной истории позволит не только вписать их в общеевропейский контекст, но и установить связь между ними и последующими преобразованиями, начатыми в Московском государстве в период правления Ивана III, которые являются одной из составляющих «военной революции» Позднего Средневековья — Раннего Нового времени (подробнее о различных концепциях «военной революции» и их применимости к военному делу Московского государства см.: [5, с. 72–75]).

Последним крупным полевым сражением для московского войска, организованного еще по средневековым принципам, стала битва с татарами под Суздалем в 1445 г., которая состоялась во время междоусобной войны в Великом княжестве Московском 1425–1453 гг. Данное сражение, как и другие события Династической войны, было рассмотрено в работе А.А. Зимина [2, с. 103–105]. Подготовка к походу и сама битва описаны в Симеоновской и Вологодско-Пермской летописях, отразивших великокняжеское летописание [7, с. 193–194; 9, с. 197–198]. Весной 1445 г. в Москве стало известно о том, что хан Улу-Мухаммед «отпустил» в поход на Русь своих сыновей Махмуда и Якуба. Великий князь Василий Васильевич не спешил выступать им навстречу: весь Петров пост (с 29 мая) он провел в столице и лишь после этого отправился с войском к Юрьеву, отпраздновав там Петров день (29 июня). Когда великий князь находился в Юрьеве, к нему прибыли воеводы Федор Долголов и Юрий Драница, бежавшие из Нижнего Новгорода, а также можайский князь Иван Андреевич, верейский князь Михаил Андреевич и серпуховско-боровский князь Василий Ярославич со своими небольшими отрядами («съ малыми людьми»). 6 июля войско Василия II вышло к Спасо-Евфимьеву монастырю под Суздалем и разбило лагерь на р. Каменке. Для проверки боеготовности была устроена ложная тревога («въсполохъ учиниша»), все войско в полном вооружении и со стягами построилось на поле, в результате чего выяснилось, что великокняжеские силы насчитывают всего около тысячи человек («мало бѣ вои ихъ, яко ни съ тысячу»). Проведя смотр, Василий II вернулся в лагерь и устроил ужин для князей и бояр, который сопровождался обильными возлияниями и продолжался всю ночь. Вечером того же дня из Владимира прибыл отряд воеводы Алексея Игнатьевича, в то время как некоторые воины начали покидать лагерь — к началу сражения численность войска составляла примерно полторы тысячи

человек («бѣше ихъ съ полторы тысячи»). Татарский царевич Бердедат, находившийся на московской службе, не успел присоединиться к великокняжескому войску (в ночь перед битвой он находился в Юрьеве), а Дмитрий Шемяка решил не участвовать в походе. 7 июля на рассвете Василий II встал и велел отслужить заутреню, после чего великий князь, еще не успевший отойти от выпитого, намеревался снова лечь спать, однако в этот момент ему сообщили, что татары уже переправляются через р. Нерль. Василий II приказал оповестить всех и приготовиться к бою, и сам, надев доспехи и подняв знамена, первым выдвинулся навстречу противнику. Великокняжеское войско вышло на поле по левую сторону от Спасо-Евфимьева монастыря, встретило там татар и вступило с ними в бой. Сначала успех, как казалось, сопутствовал Василию II, и вскоре татарское войско, не выдержав натиска, обратилось в бегство. Часть великокняжеских сил бросилась в погоню, некоторые воины покинули поле боя, а другие принялись собирать трофеи: «Сразившемъ же ся имъ, и начаша преже полци великаго князя одоляти, а татары побѣгоша, наши же овѣи погнаша по нихъ, а инѣи сами побѣгоша, друзіи же начаша уже избитыхъ татаръ грабити» [7, с. 194]. Дождавшись, пока противник рассредоточится и потеряет строй, татары развернулись и контратаковали — великокняжеское войско было опрокинуто и побежало. Раненый Василий II вместе с двоюродным братом Михаилом Андреевичем Верейским оказались в плену. Иван Андреевич Можайский тоже был ранен и сброшен с коня, но ему успели подать другого, благодаря чему он смог спастись. Василию Ярославичу также удалось избежать плена. Данная битва, закончившаяся разгромом великокняжеских сил и пленением Василия II, а затем и его ослеплением, показала проблемы в военной организации княжеств Северо-Восточной Руси, которая оставалась по своей сути еще средневековой. Вместе с тем это сражение стало последним для московского войска, устроенного по старым принципам, поскольку уже сын Василия Ивана III начал проводить реформы, которые были направлены на то, чтобы случившееся с его отцом под Суздалем в июле 1445 г. больше не повторилось.

В военной истории Новгорода периода независимости также известен случай, когда новгородское войско потерпело поражение из-за начавшегося в ходе сражения сбора трофеев. Зимой 1456 г. Василий II вторгся в Новгородскую землю, а отправленная им «изгонная рать» (мобильный отряд, предназначенный для рейдов) внезапно напала на Русу, крупнейший и самый богатый пригород Новгорода. После разграбления Русы основные силы с захваченной добычей спешно покинули город, оставив там для прикрытия небольшой отряд (по сообщению

московского летописца, менее двух сотен человек — «до дву соть не оста-ся» [8, с. 274]). Утром следующего дня, 3 февраля, под Русой появилось конное новгородское войско, состоявшее из частично собранного город-ского ополчения во главе с посадником Иваном Лукиничем Щокой, тысяцким Василием Пантелеевичем, Есифом Васильевичем Носовым и другими боярами, а также двора служилого князя Василия Василье-вича Низовского, и оповестило о своем прибытии звуком труб. Навстречу из города вышли оставшиеся в нем москвичи и татары. Различия в опи-саниях хода битвы затрудняют реконструкцию данного сражения, кото-рая остается предметом дискуссии среди исследователей (см., например: [4, с. 104–109; 11, с. 42–47]). Первое столкновение, согласно новгород-ской версии событий, изложенной в Летописи Авраамки, произошло на окраине Русы, на огородах у церкви Ильи Пророка. Не выдержав на-тиска и потеряв 50 человек, москвичи и татары отступили в город. Часть новгородцев последовала за ними, тогда как другие стали снимать с уби-тых одежду и доспехи: «Бысть бои у Ильи святого на огородах, и паде ту москвицъ и татаровъ 50 человекъ; и побѣгоша москвицъ в Русу, а нов-городци поидоша за ними по улицам и по дворомъ, а ини сшедше с ко-невъ и почаша снимать и съ шестниковъ и татаровъ битыхъ ту платье и доспѣхы...» [10, с. 92]. Сосредоточившись на преследовании и сборе трофеев, они потеряли бдительность и не заметили, как с тыла их атако-вал еще один отряд москвичей (вероятно, он был отправлен на подмогу воеводами, ушедшими вместе с обозом), которые начали стрелять из лу-ков по коням новгородцев. Это привело в замешательство новгородское войско, блокированное в городе, и оно обратилось в бегство.

Псковское войско, которое по своей организации было схоже с новгородским (основой войска в Пскове, как и в Новгороде, было городское ополчение), также теряло дисциплину, когда получало воз-можность обогатиться во время боя. Захватить как можно больше до-бычи стремились не только псковичи, но и жители пригородов — на-пример, Изборска, что приводило к печальным последствиям. Сразу два таких случая произошло во время войны с Ливонией в 1501–1503 гг. 27 августа 1501 г. объединенное псковско-московское войско в бит-ве на р. Серице в 10 верстах от Изборска потерпело поражение от ли-вонцев, успешно применивших против них артиллерию, и побежало, бросая по пути свое снаряжение и имущество. Этим воспользовались жители Изборска, мимо которого следовали отступающие, и присво-или себе «быто псковское и московское» [6, с. 86]. На следующее утро к городу подошло ливонское войско, изборяне успели сами поджечь посад, а артиллерийский обстрел оказался безуспешным. Спустя сутки

ливонцы отошли от Изборска и направились к бродам через р. Великую. Разорив Псковскую землю и взяв в ночь с 7 на 8 сентября Остров, ливонское войско вновь вернулось к Изборску и провело под ним ночь. Утром следующего дня ливонцы, которым в прошлый раз не удалось сломить сопротивление изборян даже при помощи артиллерии, решили пойти на хитрость: они покинули лагерь, отошли от города и устроили засаду («западоша»), рассчитывая на то, что жители Изборска выйдут из крепости, чтобы завладеть оставленным имуществом. Увидев брошенный лагерь, изборяне сразу же отправились туда, где их и атаковали сидевшие в засаде ливонцы («нѣмцы западные») и гнались за ними до самых стен. Все вышедшие из крепости 130 человек были либо перебиты, либо взяты в плен — уловка полностью себя оправдала. Через год ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг снова совершил поход на Псковскую землю, но после неудачной осады сначала Изборска, а потом Пскова он был вынужден повернуть назад, опасаясь подхода московских войск. В погоню за ним отправились псковичи, а также прибывшие на помощь новгородские наместники князь Данила Васильевич Щеня и князь Василий Васильевич Шуйский «с силою московскою» — им удалось нагнать отступающее ливонское войско у оз. Смолина («в Озеровах на могильникѣ») [6, с. 87]. По сообщению псковской летописи, ливонцы оставили свой обоз, чтобы задержать преследователей и выиграть время для отхода. Первыми ливонский обоз атаковали псковичи, а затем уже подоспевшие москвичи. Перебив прислугу, псковичи и москвичи начали делить награбленное, что закончилось дракой между ними: «...и начаша межи собою драться о быте немецком, а чюдь кошевую всю присѣкоша» [6, с. 88]. Последовавшее за этим столкновение с ливонцами псковский летописец называл небольшим — «и бысть с немцы сѣча, а не велика». В ливонских источниках данное сражение описано куда более подробно, и в них оно представлено как крупная победа, одержанная в крайне невыгодных условиях (подробнее об этом см.: [1, с. 170–174]).

Таким образом, рассмотренные случаи демонстрируют, что и на северо-востоке, и на северо-западе Руси войска имели низкую управляемость, вследствие чего неоднократно терпели поражения из-за начинавшегося во время битвы сбора трофеев. Как и в Западной Европе, войско на Руси периода Позднего Средневековья фактически состояло из отдельных отрядов, которые лишь номинально имели общее командование, и в условиях боя контролировать их действия становилось практически невозможно. На северо-востоке Руси управляемость войска удалось повысить благодаря масштабным преобразованиям,

которые начались в Московском государстве при Иване III: усложнению деления на полки и назначению в каждый из них воевод, а также развитию поместной системы. Однако благодаря этому не удалось полностью искоренить практику сбора трофеев во время боя, существовавшую на протяжении столетий: желание поживиться за счет добычи сохранялось, а потому подобные эксцессы случались и позднее — например, во время битвы у оз. Смолина в 1502 г. В республиканских городах северо-запада Руси, Новгороде и Пскове, вплоть до их присоединения к Великому княжеству Московскому сохранялась традиционная военная организация, основой которой было городское ополчение, вследствие чего управляемость новгородского и псковского войска на поле боя оставалась низкой.

Список источников и литературы

1. Бессуднова М.Б. Походы магистра Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы LII заседания, посвященного памяти А.Р. Артемьева. Псков: ИА РАН, 2007. С. 157–185.
2. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. — 287 с.
3. Контамин Ф. Война в Средние века / пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова; под ред. Ю.П. Малинина. СПб.: Ювента, 2001. — 416 с.
4. Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 96–113. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1 (дата обращения: 24.06.2025).
5. Пенской В.В. «Военная революция» раннего Нового времени: история и современность // Tractus Aevogum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2021. Т. 8. № 1. С. 72–75.
6. Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские летописи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. — 256 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. — 319 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 464 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 412 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. XLIV. Летопись Авраамки. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. — 224 с.
11. Селиверстов Д.А. Битва под Русой 3 февраля 1456 г. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв. Ч. II. С. 18–57. URL: http://www.milhist.info/2019/08/25/seliverstov_3 (дата обращения: 24.06.2025).
12. Verbruggen J.F. The Art of Warfare in Western Europe During the Middle Ages: From the Eighth Century to 1340 / Trans. by S. Willard and R.W. Southern. 2nd ed. Suffolk: The Boydell Press, 1997. — 388 p.
13. Villani G. Nuova Cronica / A cura di G. Porta. Parma: Fondazione Pietro Piombo, 1991. — 1641 p.

Институт толмачей и переводчиков в Поволжье в XVII веке (на материалах Казани и Астрахани)²

Аннотация. Исследование посвящено функционированию института толмачей и переводчиков в Поволжье в XVII в. с акцентом на Казани и Астрахани. Рассмотрены роль и функции толмачей и переводчиков в системе управления, дипломатии и торговле. В работе проанализированы этническая принадлежность, социальный статус толмачей, а также языки, на которых они специализировались. Было установлено, что в Казани были более востребованы специалисты по татарскому, марийскому и удмуртскому языкам, а в Астрахани — татарскому, арабскому и фарси. Это позволяет сделать вывод, что казанские толмачи и переводчики в большей степени были ориентированы на внутреннюю коммуникацию с местным населением, а астраханские — на внешнюю с представителями сопредельных государств.

Ключевые слова: Поволжье; Казань; Астрахань; XVII в.; толмач; переводчик

The Institute of Interpreters and Translators in the Volga region in the 17th century (based on materials from Kazan and Astrakhan)

Abstract. The study is devoted to the functioning of the institute of interpreters and translators in the Volga region in the 17th century, with an emphasis on Kazan and Astrakhan. The role and functions of interpreters (“tolmachy”) and translators in the management system, diplomacy and trading are considered. The work analyzes the ethnicity, social status of the interpreters, as well as the languages in which they specialized. The author comes to the conclusion that specialists in Tatar, Mari and Udmurt languages were more in demand in Kazan, and those in Tatar, Arabic and Farsi — in Astrakhan. This indicates that Kazan interpreters and translators were more focused on internal communication with the local population, while Astrakhan interpreters — on external communication with representatives of the neighboring states.

Keywords: Volga region; Kazan; Astrakhan; 17th century; interpreter; translator

После покорения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1554—1556 гг.) ханств в составе России оказались сложные поликультурные и полиязыковые пространства. Включение этих территорий в состав России

¹ Мария Валерьевна Яковлева — инженер-исследователь Лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: yakovleva.mary2015@yandex.ru

Maria V. Yakovleva — Research engineer of the Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Research, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

породило множество проблем, связанных с организацией управления. В результате этих изменений Россия постепенно стала складываться как сложное поликультурное и многоэтническое государство. Соответственно, управленческие практики, существовавшие ранее, тоже стали трансформироваться. Для организации успешной коммуникации между русской властью в лице воевод и местным населением в штат приказных изб были введены толмачи и переводчики. Эти лица должны были обеспечивать взаимодействие не только между разными этносами внутри страны, но и организовывать связь по внешнеполитическим и торговым вопросам.

Отметим, что в отечественной историографии было сделано многое для того, чтобы понять, как складывалась и функционировала дипломатическая служба и комплектовались ее кадры. Значительное внимание уделялось толмачам и переводчикам Посольского приказа, чья служба была связана с внешней политикой [5; 11; 12; 13; 21]. Кроме того, в историографии было уделено внимание толмачам и переводчикам, задействованным в торговых вопросах [14, с. 35, 37]. Впрочем, несмотря на достижения современной отечественной историографии, множество проблем в этой теме еще остаются нераскрытыми. Особенно это касается деятельности толмачей и переводчиков в регионах. Если говорить об этих должностях в Поволжье, то специализированные работы по этой проблеме, если не считать отдельных упоминаний в обобщающих работах [7, с. 83, 110; 8, с. 47, 139–184], практически отсутствуют. Исключением является лишь работа А. В. Белякова, посвященная толмачам и переводчикам Астраханской приказной избы [6, с. 258–277].

Исследование становления и развития этого института связано с рядом сложностей. Во-первых, не всегда удастся точно разграничить толмачей и переводчиков. Первые занимались устным переводом, а вторые (в терминологии XVII в.) — письменным [3, с. 15]. Стоит отметить, что до конца XVI в. термин «переводчик» практически не встречался в документах [4, с. 20]. Во-вторых, институт толмачества был подвижным и заниматься устным переводом могли не только лица, непосредственно являвшиеся толмачами, но и великокняжеские (царские) служилые татары, бакшей и абызы (хафизы). Первые благодаря своему статусу могли выезжать в сопредельные государства, совершать торговые сделки, а также при сопровождении русских посланников, не знавших татарского языка, выступать в качестве переводчиков [4, с. 21, 23]. Бакшей были высококвалифицированными переводчиками, владевшими несколькими языками и знающими особенности

восточной дипломатии [2, с. 77]. Их приобщение к вопросам внешней политики было связано с потребностью России развить восточное направление. В этой связи они были недавними выходцами с Востока. Однако в связи с покорением Казанского, Астраханского и Сибирского ханств и постепенным ослаблением Большой Ногайской Орды необходимость в них сократилась. Впоследствии бакшей либо вовсе прекратили свое существование, либо так или иначе трансформировались, в том числе, в абызов [2, с. 78]. Под абызами понимали лиц, которые знали наизусть весь Коран. Впоследствии этот термин претерпел семантические изменения и позднее так стали называть грамотного образованного человека [1, с. 40]. Спектр деятельности абызов был широким: они могли выступать в качестве учителей, лекарей для лошадей, священнослужителей (при дворе крымских царевичей в России конца XVI в.), проводить процедуру шертования, а также исполнять функции толмачей и переводчиков [1, с. 40, 41, 43]. В целом, к XVII в. мы можем говорить о том, что бакшей постепенно отмирают, а абызы иногда встречаются в источниках. К этому времени утверждаются два основных понятия — толмач и переводчик.

Еще одна сложность в изучении института толмачей и переводчиков связана с региональной спецификой. После покорения Казанского и Астраханского ханств было важно обеспечить коммуникацию и интегрировать местное население в русскую систему управления. В этой связи возникает вопрос о том, как функционировал институт толмачей и переводчиков в таких крупных центрах Поволжья, как Казань и Астрахань. Одна из проблем связана с этнической принадлежностью толмачей и переводчиков. Н.Д. Чечулин полагал, что они были русскими по происхождению [26, с. 224]. В советской историографии этот тезис был скорректирован И.П. Ермолаевым, который утверждал, что толмачами могли быть как русские по происхождению, хорошо знавшие языки Среднего Поволжья, так и представители нерусского населения [8, с. 47, 139, 184]. Вторая сложность связана с социальным статусом. В качестве толмачей и переводчиков могли выступать служилые татары, бывшие холопы, новокрещены, как это было в Тобольске [20, с. 132], а также выходцы из плена. Служилые татары могли как обеспечивать коммуникацию внутри страны, так и отправляться в этом статусе в какие-либо поездки. Так, в апреле 1607 г., согласно одной из наказных памятей Василия Шуйского, им предписывалось ехать в Крым вместе с неким Данилом «для толмачества» [15, с. 160]. Выходцы из плена также могли выступать в качестве толмачей. Например, в нашем распоряжении имеется память 1626 г.

из Посольского приказа, согласно которой требовалось получить сведения о жаловании татарских толмачей Омельяна Янчурина, Михаила Дедюкова и Саввы Суханова, вышедших из крымского и ногайского плена [16, с. 184]. Третье затруднение заключается в определении официального статуса толмачей в источниках. Помимо толмачей, входивших в штат приказной избы, в документах фиксируются лица, которые отмечались как состоящие «в толмачах». Это были служилые люди, которые привлекались для устного перевода воеводами. Так, в Сибири ими могли являться представители местных народов, зачисленных на службу, или русские служилые люди, владевшие одним из языков коренного населения [19, с. 46–47].

Роль толмачей и переводчиков была особенно значительной в таких городах Поволжья, как Казань и Астрахань. После покорения Казанского ханства в 1552 г. здесь было учреждено воеводское управление и начался постепенный процесс интеграции коренного населения в русскую систему. О толмачах и переводчиках Казани нам известно немного. В 1560-е гг. здесь проживало 30 толмачей, среди которых встречалось три наименования: «жалованный толмач», «казанский толмач» и «толмач». Первые были официальными толмачами, входившими в штат приказной избы, поскольку за ними были зафиксированы поместные оклады. Наименование «казанский толмач», скорее всего, имело географическую привязку, а «толмачом» мог быть человек, знавший местные языки. Судя по писцовым описаниям XVII в., количество толмачей в Казани существенно уменьшилось. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. фиксирует двух толмачей — Кормана Молодого и Третьяка (Троака) [17, с. 41]. В переписных книгах Казани 1646 г. указано шесть толмачей, среди которых один находился в отставке [24, с. 106, 107, 124]. Писцовое описание Казанского уезда 1647–1656 гг. фиксирует пять толмачей [18, с. 208, 241, 247, 294, 300, 301]. Представление о количестве толмачей в Казани также дают разрядные книги. В 1630/31 г. в Казани было «велено прибрати» 10 толмачей [23, с. 39], что говорит о том, что воеводы должны были набирать этих людей на местах. В 1636 г. в числе служилых людей отмечено то же количество [10, стб. 923]. Возможно, в эти годы количество толмачей, которые должны были находиться в штате воеводской канцелярии в Казани, было фиксированным. Отметим, что в нашем распоряжении имеется ряд документов, указывающих на языки, по которым толмачи были востребованы в Казани. Например, братья Архип и Тимофей Полуектовы были толмачами с «черемисского» (марийского) языка [24, с. 124]. Также в Казани известен «вотцкой толмач» [24, с. 124] Сте-

пан Степанов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Казани в этот период были востребованы татарский, удмуртский и марийский языки.

Большую исследовательскую работу по реконструкции штата толмачей и переводчиков астраханской приказной избы провел А.Б. Беляков. Он отметил, что с 1614 г. появляется намного больше информации о том, как функционировала переводческая служба в Астрахани. В приказной избе (с 1660-х гг. приказной палате) было зафиксировано 5 столов: разрядный, хлебный, денежный, посольской (1630 г.) и судный (1643 г.). Исследователь указал, что посольскую службу могли осуществлять переводчики, подьячие, станичники (вожи) и толмачи. Некоторые толмачи являлись новокрещенами, а переводчики, вероятно, были выходцами из Средней Азии и Персии [6, с. 262]. Также А.В. Беляков продемонстрировал, что переводчики, кроме хлебного и денежного жалования, получали поденный корм в размере 5 коп. в тех случаях, когда «повышенная интенсивность службы требовала их постоянного присутствия в приказе» [6, с. 262–263]. Количество толмачей в Астрахани варьировалось. Согласно разрядным книгам, в 1627 г. их было 13 [9, стб. 1354], в 1628 г. — 13 [10, стб. 85]. А.В. Беляков предположил, что их численность зависела от изменения количественных тенденций служащих в Посольском приказе. Так, в 1674/75, 1678, 1680, 1682 гг. толмачей было 10 человек, в 1682 г. — 9, в 1686 г. — 8, в 1690 — 6 [6, с. 263].

Астрахань была крупным центром международной торговли и местом сосуществования представителей разных культур, поэтому нередко здесь толмачи встречали послов. В феврале 1627 г. согласно памяти из Посольского приказа, направленной в Приказ Казанского дворца, астраханскому татарскому переводчику Резепу Кучукову предписывалось дать «вина для встречи послов из Кизылбаши (Персии)» [16, с. 183]. Вероятно, спектр служебных функций астраханских толмачей и переводчиков не был ограничен только встречами посольств. Так, из росписи товаров, привезенных в Астрахань из Персии 1646 г., известно имя Ивана Мокеева, который, судя по всему, «толмачил» на таможне [22, с. 73]. В приказной избе толмачи принимали участие в допросах. Из расспросной речи 1661 г. вернувшегося из хивинского плена индийца Алла-уд-дина известно, что толмачом при этом расспросе выступал Василий Иванов. Примечательно, что в документе отмечена его этническая принадлежность: он был армянином [22, с. 134–135]. В. Иванов был не единственным армянином, служившим в астраханской приказной избе. Челобитная 1678 г. бывшего толмача русского посольства в Персию Афанасия Иванова позволяет получить еще

несколько сведений об институте толмачества в Астрахани. Во-первых, мы узнаем, что А. Иванов тоже был армянином. Это позволяет нам конкретизировать данные об этническом составе толмачей в этом регионе. Во-вторых, Афанасий Иванов отмечен как «посадский человек» [22, с. 281–282]. Подобное свидетельствует в пользу того, что толмачи в Поволжье действительно принадлежали к разным чинам. Соответственно, можно предположить, что помимо толмачества они могли осуществлять и другую деятельность. Кроме того, толмачи принимали участие в составлении челобитных. Например, в челобитной индийских купцов Муллы, Бир Балы и Банда Капур Чанда 1673 г. присутствует отметка о том, что «толмачил Стенька Родионов» [22, с. 185–186]. В более поздней челобитной индийского купца Банды Мингалова 1677 г. указано, что «толмачил Ивашка Максимов» [22, с. 276].

Впрочем, действия толмачей и переводчиков не всегда способствовали развитию и укреплению торговых отношений России с другими государствами. В 1645 г. в Астрахани произошел случай с переводчиком Давлет-абызом, на которого жаловались индийские купцы. Прибыв в Астрахань «им (индийским купцам. — М.Я.) от боярина и воевод и от служилых людей обид никаких не было, и пошлин с них берут прямые, только де им большая обида и налога от астраханских толмачей. Особенно жалуются на обиды и грабежи некоего юргенчанина Давлет-абыза, которого они боятся более, чем бояр астраханских и воевод» [25, с. 32–33]. Давлет-абыз был астраханским переводчиком в 1644–1649 гг., специалистом по татарскому, персидскому (фарси) и арабскому языкам [6, с. 267]. Индийские купцы настаивали на его удалении из города. Они уточнили, что в случае, если их требование не будет выполнено, то они перестанут приезжать торговать в Астрахань [25, с. 33]. Притеснения со стороны Давлет-абыза были систематическими, поэтому вскоре он действительно был удален из Астрахани, а с 1649 г. числился переводчиком Посольского приказа [6, с. 268]. В целом, мы можем говорить о том, что Астрахань, в отличие от Казани, была больше ориентирована на внешнюю торговлю и политику. Здесь в штате приказной избы находились толмачи и переводчики с арабского, персидского и татарского, т.е. с языков, которые использовались на международном уровне при общении со странами Востока.

Таким образом, после покорения Казанского и Астраханского ханств в состав России были включены поликультурные и полиэтнические пространства, управление которыми стало одной из ключевых проблем в политике государства. Для успешной коммуникации с местным населением в штат приказных изб были введены толмачи и перевод-

чики. Было установлено, что во второй половине XVI в. количество толмачей в Казани составляло 30 человек, однако к XVII в. их количество было сокращено. Основными языками, на которых специализировались казанские толмачи и переводчики, были татарский, марийский и удмуртский. Это свидетельствует о том, что в Казани больше акцентировалось внимание именно на коммуникации внутри страны. Толмачи и переводчики по указанным языкам были востребованы потому, что именно эти языки позволяли выстраивать взаимоотношения с местным населением. Более подробные сведения о толмачах и переводчиках в Астрахани нам известны с 1614 г. В 1627 и 1628 гг. здесь было зафиксировано 13 толмачей. В последующие годы их количество сокращалось, что, по-видимому, связано с тенденциями в Посольском приказе. Этнический состав толмачей и переводчиков был разнообразен: среди них были русские, татары и армяне. Имена астраханских толмачей фиксируются в расспросных речах и челобитных. Соответственно, можно сделать вывод, что они принимали участие в допросах иностранных лиц и составлении челобитных. Кроме того, они могли сопровождать посольства в сопредельные государства, а также встречать послов. Астрахань, в отличие от Казани, была ориентирована на международную коммуникацию, связанную с торговлей и дипломатией, поэтому основными языками, которыми владели астраханские толмачи и переводчики, были персидский, арабский и татарский. Таким образом, региональная специфика определяла языковую специализацию толмачей и переводчиков.

Список источников и литературы

1. *Беляков А.В.* Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 40–45.
2. *Беляков А.В.* Бакшей в России XVI–XVII веков (постановка вопроса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 9(443). Философские науки. Вып. 58. С. 76–80.
3. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индрик, 2021. – 304 с.
4. *Беляков А.В.* Когда появились переводчики? К организации дипломатической службы в России в конце XV–XVI в. // Российская история. 2022. № 5. С. 19–31.
5. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. – 372 с.
6. *Беляков А.В.* Толмачи и переводчики Астраханской приказной избы: к организации посольской переводческой службы в конце XVI–XVII вв. за пределами Москвы (постановка вопроса) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2021. Вып. 2. С. 258–277.

7. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986. — 453 с.

8. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. [Управление Казанским краем]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. — 224 с.

9. Книги разрядные, по официальным оных спискам. СПб.: Тип. II отдел. собств. Е.И.В. канцелярии, 1853. Т. 1. — 710 с.

10. Книги разрядные, по официальным оных спискам. СПб.: Тип. II отдел. собств. Е.И.В. канцелярии, 1855. Т. 2. — 711 с.

11. *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613—1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. — 586 с.

12. *Лисейцев Д.В.* Имущественное положение толмачей в российском социуме первых десятилетий XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2023. Вып. 3. С. 215—221.

13. *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Институт Российской истории РАН, 2003. — 490 с.

14. *Моисеев М.В.* Русско-ногайская торговля в XVI столетии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. Курск, 2009. С. 34—38.

15. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601—1608: Сб. документов. М.: Наука, 2003. — 491 с.

16. Описание документов московских приказов. Приказные дела старых лет 1627—1629 годы. М.: Древлехранилище, 2023. — 610 с.

17. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. — 240 с.

18. Писцовая книга Казанского уезда 1647—1656 годов. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. — 541 с.

19. *Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Сибири в конце XVI—XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 46—59.

20. *Пузанов В.Д.* Служба и социальное положение провинциальных толмачей на востоке России в XVI—XVII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2021. Вып. 2. С. 127—138.

21. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М.: Международные отношения, 2003. — 433 с.

22. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1958. — 452 с.

23. Сметный список 7139 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. С. 18—51.

24. Список с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подъячего Алексея Грибоедова 154-го году // Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 и 1646 г. Л.: Изд-во АН, 1932. С. 71—131.

25. *Уляницкий В.А.* Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. По документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел. М.: Унив. тип., 1889. — 64 с.

26. *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. — 353 с.

Адмирал Томас Гордон и межличностные отношения в Адмиралтейств-коллегии (1710-е — 1730-е гг.)

Аннотация. Представленная статья посвящена ранее не изученной проблеме межличностных отношений в Адмиралтейств-коллегии в период правления Петра I и при его ближайших преемниках. Источниковой базой исследования являются материалы из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота, ранее не введенные в научный оборот, а также ряд опубликованных документов, в частности, трактат «История российского флота в царствование Петра Великого» английского моряка Д. Дена, одно время находившегося на русской военной службе и прекрасно осведомленного о закулисной борьбе в среде высшего морского командования, и «Записки» русского гидрографа и навигатора Ф. И. Соимонова. Поскольку данная тема чрезвычайно обширна, основное внимание в статье уделено одной личности — также выходящу с Британских островов — шотландцу Томасу Гордону. Последний большую часть своей жизни провел на службе в русском Балтийском флоте, дослужился до высшего звания — полного адмирала, и пользовался значительным авторитетом во властных кругах своей новой родины. В работе показано, как Т. Гордон продвигал по служебной лестнице своих соотечественников (в первую очередь, шотландцев, но также англичан) и как складывались у него отношения с представителями командного состава русского флота.

Ключевые слова: адмирал Томас Гордон; межличностные отношения; продвижение по службе; русский Балтийский флот; Адмиралтейств-коллегия; микроистория

Admiral Thomas Gordon and Interpersonal relations at the Admiralty Board, 1710s — 1730s

Abstract. The presented article is devoted to the previously unexplored problem of interpersonal relations in the Admiralty Board during the reign of Peter I and his successors. The research is based on materials from the collections of the Russian State Archive of the Navy, which had not previously been introduced into scientific circulation, as well as a number of published documents, in particular the treatise “The History of the Russian Navy in the Reign of Peter the Great” by the English sailor D. Den, who was in the Russian military service at one time and was well aware of the behind-the-scenes struggle among the Supreme Naval Command, and also the “Notes” of the Russian hydrograph and navigator F.I. Soymonov. Since this topic is extremely extensive, the main focus of the article is on one person, also a native of the British Isles, Thomas Gordon, a Scott. He spent most of his life serving in the Russian Baltic Navy, rose to the highest rank in the navy — a full admiral, and enjoyed considerable prestige in the power circles of his new homeland. The paper shows how T. Gordon rose through the ranks of his

¹ Кирилл Николаевич Станков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (Москва, Россия); e-mail: stankov11@yandex.ru

Kirill N. Stankov — Candidate of Historical Sciences, Center of the Studies of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

compatriots (primarily the Scotts, but also the English) and how his relations with representatives of the command staff of the Russian fleet developed.

Keywords: Admiral Thomas Gordon; interpersonal relations; promotion; Russian Baltic Navy; Admiralty Board; microhistory

Истории Адмиралтейств-коллегии посвящено немало число работ. Наиболее фундаментальные из них принадлежат Л.А. Гольденбергу и П.А. Кротову [1; 9; 10]. Последний в своей недавней книге (в соавторстве с М.О. Акишиным) затронул тему межличностных отношений, но она представлена в весьма узкой проблематике — взаимоотношениях со своими сослуживцами первого русского вице-адмирала Н.А. Сенявина [11]. В.С. Данилов, Г.К. Карпетян, И.М. Кузинец, Л.Б. Кулемина написали очерки о становлении и деятельности Адмиралтейств-коллегии [3; 7; 12; 13]. М.В. Горшковой принадлежит исследование о создании Петром I системы управления русским флотом, ведущую роль в которой играла Адмиралтейств-коллегия [2]. Вопросам, связанным с функционированием Адмиралтейств-коллегии при Петре I, посвятил ряд очерков И.Г. Дуров [5; 6]. Датский историк М.В. Квист провел детальное исследование о русском судне, потерпевшем крушение в 1758 г. у датских берегов. Среди прочих документов, ученый опирался на материалы Адмиралтейств-коллегии [8].

Таким образом, по истории Адмиралтейств-коллегии изучен достаточно широкий круг вопросов. Но одним из наименее исследованных остаются межличностные отношения между членами Адмиралтейств-коллегии. Между тем обращение к этой теме представляется чрезвычайно важным, поскольку от того, как складывались отношения между членами коллегии, в значительной степени зависели развитие и боеспособность военно-морского флота России. Следует учитывать и тот факт, что в состав Адмиралтейств-коллегии входили выходцы из разных стран, поступивших на службу русскому государю. Они имели различный предшествующий опыт, отличались по своим политическим убеждениям, религиозной принадлежности и т.д. Выявить и изучить все эти вопросы позволяет микроисторический подход, применяемый к конкретному сюжету — функционированию Адмиралтейств-коллегии, а в рамках настоящего исследования — роли в нем одного из наименее известных, но в то же время весьма успешных адмиралов русского Балтийского флота — Томаса Гордона. Хронологически статья ограничена 1720—1730-ми гг.

Настоящая статья основывается на материалах Российского государственного архива военно-морского флота (далее — РГАВМФ), а также публицистического произведения англичанина Джона Дена [4], дли-

тельное время служившего в русских военно-морских силах, и записках навигатора и гидрографа Федора Ивановича Соймонова [18].

Томас Гордон был выходцем из Шотландии и принадлежал к одному из самых влиятельных кланов у себя на родине — клану Гордон. Будучи убежденным якобитом, после прихода в 1714 г. к власти Ганноверов, он потерял все должности в Шотландском королевском флоте, бежал на континент и, в конечном счете, в 1717 г. был нанят Петром I. Шотландец принял участие в Северной войне 1700—1721 гг., а затем отличился в Войне за польское наследство 1733—1735 гг.

Помимо участия в боевых действиях, разведывательных рейдах и учебных маневрах Т. Гордон по поручению Петра I привлекал на службу в России иностранных морских офицеров. Так, в июне 1718 г. англичанин-капитан на службе в русском Балтийском флоте — Томас Сандерс — в мемориале на имя главы Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу Ф.М. Апраксина писал, что царь приказал «капитану Гордону писать в Англию призвать морских офицеров в его царского величества службу». Как следует из того же документа, сам Т. Сандерс был принят Петром I в русский флот по рекомендации Томаса Гордона [15, Л. 546—546 об.].

Архивные материалы свидетельствуют, что Т. Гордон предпочитал принимать на русскую службу, в первую очередь, своих земляков-шотландцев. Одним из них был известный в дальнейшем флотоводец — Уильям Хэй. В письме Ф.М. Апраксину от 3 июня 1718 г. последний сообщал, что Томас Гордон может подтвердить его слова о своем значительном боевом опыте, полученном им в ходе предшествующей службы в Британском флоте, где он «командовал кораблей по 40 и по 50 пушек» [15, Л. 544 об.]. Во многом благодаря ходатайству Т. Гордона У. Хэй был зачислен капитаном первого ранга русского Балтийского флота [16, Л. 23].

Часто Гордон ходатайствовал и за англичан. Имели место и откровенно курьезные случаи, когда шотландец Т. Гордон защищал англичан от нападок со стороны Т. Сандерса. Например, в марте 1722 г. Т. Сандерс обличал перед главой Адмиралтейств-коллегии Ф.М. Апраксиным Т. Гордона в том, что тот хотел зачислить в Балтийский флот двух прибывших на русскую службу англичан в высокие чины и с большим денежным окладом. В частности, Т. Гордон потребовал взять на должность экипаж-мейстера некоего Копора (вероятно, Купера, о котором в своем трактате упоминает Д. Ден), предоставить ему несколько тысяч рублей годового жалованья и возместить все траты, понесенные им в ходе путешествия из Британии в Россию. Между тем при расспросе англичанина членами Адмиралтейств-коллегии П.И. Сиверсом и М.Х. Змаевичем выяснилось, что «он в морском деле ничего

не понимает, и в Англии он ничего не действовал кроме того, что припасы принимал в магазине и по указу отдавал» [17, Л. 117].

Сведения Д. Дена позволяют разъяснить эту ситуацию, чрезвычайно скупо освещенную в архивных источниках. До приезда в Россию «господин Купер» заведовал «прежде морскими складами Адмиралтейства его величества в Портсмуте» — главной базе Британского флота [4, с. 132]. Таким образом, Купер, даже если провел в этой должности всего несколько лет, приобрел огромный опыт службы в военноморском ведомстве у себя на родине. Кроме того, сомнительно, чтобы в Великобритании заведовать пусть только складами в таком стратегическом пункте поручили некомпетентному лицу или, тем более, новичку. Все это заставляет заподозрить Змаевича, Сандерса и Сиверса в предвзятых суждениях о протеже Гордона.

Как бы то ни было, победа оказалась на стороне Гордона. Решением Петра I Купера приняли в русскую службу с годовым окладом в несколько сот фунтов [4, с. 132]. Кроме того, от русского правительства ему было поручено завербовать еще нескольких английских офицеров. Купер получил из русской казны большую сумму денег, дабы выплатить задатки жалованья подобным «охотникам». Однако он смог нанять лишь нескольких человек, промотав находясь за границей основную сумму казенных денег [4, с. 133]. Сам Купер в конце концов прибыл в Петербург, где при невыясненных обстоятельствах вступил в конфликт со своим прежним покровителем Т. Гордоном. В итоге Петр I принял Купера, но, как сказано в источнике, «очень сухо» [4, с. 133].

Другого англичанина, который был офицером в звании поручика, Т. Гордон просил назначить капитаном первого ранга и выделить ему оклад в 40 руб. в месяц. Но П.И. Сиверс просил отклонить и эту кандидатуру, так как тот «сертификатов (т.е. свидетельств о прежней службе. — К.С.) никаких не имеет» [17, Л. 117 об.].

Адмиралу Гордону не раз приходилось заступаться за английских моряков, служивших в русском флоте. Так, в фонде 212 РГАВМФ находится ходатайство царю от 1 мая 1720 г. за личной подписью шотландца. В документе содержится просьба выплатить подчиненному ему Самюэлю Паркинсону положенную сумму оклада. Суть проблемы заключалась в том, что тот отличился в военную кампанию 1718 г. и был пожалован контр-адмиралом Паддном званием боцмана. Между тем, уже два года Паркинсон получал жалованье боцманмата. В письме подчеркивается, что Т. Гордон ранее уже обращался к генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, но безрезультатно [14, Л. 182]. Пытаясь решить эту проблему, Т. Гордон добился царского указа, который Ф.М. Апраксин

не мог проигнорировать, и в итоге Паркинсону было дано жалованье в 720 руб. в месяц [14, Л. 185].

В декабре 1737 г. Т. Гордон обращался в Кабинет министров, дабы удовлетворить прошение англичанина И. Экласа, который в 1734 г. поступил на службу в русский Балтийский флот. До этого он служил в британских военно-морских силах в звании мичмана. Т. Гордон сообщал, что с его протече был заключен контракт, согласно которому он не мог претендовать на чин капитана в России и может начать службу только в качестве лейтенанта. Но по истечении трех лет, согласно тому же документу, в случае безупречного выполнения своих обязанностей Экласу обещали дать звание капитана. Между тем Гордон писал, что уже пошел четвертый год нахождения этого англичанина в русском морском флоте, а условия контракта не были выполнены. Гордон отдельно писал о блестящей службе Экласа «в первую кампанию в 1734 г.» во время осады Данцига. По словам шотландца, его подопечный «служил со всякою ревностью как надлежит доброму и честному искусному морскому офицеру». Согласно Т. Гордону, в 1735–1736 гг. Эклас ходил в морские походы в Белое море из Архангельска, в 1736 г. — в Балтийское море из Риги. В 1737 г. англичанин подал прошение о повышении в чине в Адмиралтейств-коллегию, однако оно не возымело действия, и отчаявшийся британский моряк обратился напрямую к адмиралу Т. Гордону. Завершает свое обращение адмирал словами «Эклас капитаном в корабельном флоте быть весьма достоин» [16, Л. 23].

Но были и другие случаи. Так, в декабре 1721 г. в состав Адмиралтейств-коллегии был введен вновь принятый на русскую военную службу англичанин адмирал Вилстер. По неизвестным причинам Т. Гордон воспротивился этому и «вышепомянутому господину Вилстеру места давать не велел» и «об чем ... протестовал» [16, Л. 23].

Сложно определить, чем руководствовался адмирал Т. Гордон, рекомендуя одних и чиня препятствия другим. Можно предположить, что, будучи в то время лидером якобитов в России, он продвигал по службе своих единомышленников. Очевидно, Т. Гордон формировал круг лиц, которые бы могли служить ему опорой. Несмотря на свое высокое звание, он был в изоляции. Например, на военных советах во время осады русскими военными силами Данцига, когда русские офицеры объединялись, он, даже будучи прав, был вынужден уступать их давлению [18, с. 119, 122–126].

Известны конфликты между Томасом Гордоном и Питером Сиверсом. Последний был голштинцем по происхождению, но значительную часть своей жизни провел на службе в датском королевском флоте.

В 1704 г. был принят на царскую службу. О том, как складывались отношения этих двух иностранцев, сообщал Джон Ден. В частности, он писал, что на одном «празднестве, когда общество было разгорячено вином... Гордон сказал царю на голландском языке нечто к невыгоде контр-адмирала Сиверса, и в частности, что он не выказывает ему должного его званию уважения, не советуется с ним по важным делам, также не сообщает получаемых из [Адмиралтейств]-Коллегии приказаний иначе как через капитанов» [4, с. 93]. Но главным обвинением шотландца в адрес своего коллеги было то, что Сиверс нарочно препятствует продвижению по служебной лестнице шотландцев (и вообще всех выходцев с Британских островов), открывая путь датчанам и голландцам. Д. Дэн, предвзято относившийся к Т. Гордону, приписывает шотландцу слова, будто царю угрожает при такой политике потеря лучших офицеров, а то и вовсе — возможность погубить весь русский Балтийский флот [4, с. 93].

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы не позволяют определить отношение к Т. Гордону главы Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Некоторый свет на этот вопрос проливают записки Д. Дена. В частности, он писал, что «граф Апраксин утверждал, что, по его наблюдениям, Гордон и его товарищи весьма беспокойного нрава и нежелательных склонностей, что они ввергли свою родину в огонь раздоров, но не достигнув там своих целей, вынуждены были бежать от правосудия и теперь сговорились возбуждать несогласия в России» [4, с. 93—94]. В другом месте Д. Ден сообщал, что М.Ф. Апраксин не может «понять, почему Гордон, который совсем не знает русского языка, ни русских обычаев» пользуется столь высоким расположением со стороны царя [4, с. 94]. Петр I высоко ценил Томаса Гордона. Д. Ден в своих записках передает слова русского монарха: «Гордон — храбрый офицер, прослуживший долгое время в лучше организованном военном флоте, нежели тот, в котором когда-то служил Сиверс» [4, с. 94].

Царь попытался примирить адмиралов. Но оно оказалось лишь формальным, и «успело уже передаться подначальным им офицерам, большинство из которых принимало ту или другую сторону». В итоге, как отмечает Д. Ден, «дух соперничества остался», а Сиверс смог найти себе союзника в лице русского капитан-командора английского происхождения Томаса Сандерса [4, с. 95].

Таким образом, несмотря на значительную изученность истории, структуры и функционирования Адмиралтейств-коллегии, одним из белых пятен являются взаимоотношения между ее главными членами. Приходится констатировать, что межличностные отношения очень ча-

сто носили конфликтный характер. Последнее, среди прочего, было связано с тем, что среди среднего и высшего командования русским военным флотом было много иностранцев, имевших различное этническое происхождение, религиозную принадлежность, уровень знаний и навыков в морском деле, жизненный опыт, мировоззрение, симпатии и антипатии среди сослуживцев и т.д. Не в последнюю очередь сказывалась личная нетерпимость.

Список источников и литературы

1. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов (1692–1780). М.: Наука, 1966. — 264 с.
2. Горшкова М.В. Складывание системы управления Военно-морским флотом в России // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история. Сборник статей по материалам LXV международной научно-практической конференции. Т. 12(55). М., 2022. С. 21–25.
3. Данилов В.С. Создание и совершенствование системы управления императорским флотом России // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 3–9.
4. Ден Д. История российского флота в царствование Петра Великого. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. — 192 с.
5. Дуров И.Г. Медицинское освидетельствование военных и морских чинов при увольнении в отставку от военной службы при правлении Петра Великого // Меншиковские чтения. 2012. № 3(10). С. 21–75.
6. Дуров И.Г. Организация военного чинопроизводства в русской регулярной армии и военно-морском флоте в эпоху Петра Великого // Меншиковские чтения. 2013. № 4(11). С. 71–124.
7. Карпетян Г.К. Становление и развитие Адмиралтейств-коллегии // Апробация. 2013. № 11. С. 58–60.
8. Квист М.В. Исследование одного кораблекрушения: социально-исторический этюд // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 4. С. 254–264.
9. Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996. — 248 с.
10. Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. — 744 с.
11. Кротов П.А., Акишин М.О. Вице-адмирал Н.А. Сенявин (1681–1738). СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. — 308 с.
12. Кузнец И.М. Адмиралтейств-коллегии — 305 лет // Морской вестник. 2023. № 2(86). С. 125–127.
13. Кулемина Л.Б. Создание Военно-морского флота России как результат противостояния между морской и сухопутной традициями развития вооруженных сил страны (XVIII — начало XX вв.) // Нацразвитие. Наука и образование. 2022. № 8(11). С. 29–36.
14. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 212. Оп. 11. 1720 г. № 11.
15. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. № 163.
16. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. № 203.
17. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. № 210.
18. Соймонов Ф.И. Из записок Ф.И. Соймонова // Морской сборник. 1888. Т. 227. № 9. С. 91–132.

**«По крови, правам и закону»:
легитимация власти Елизаветы Петровны
в панегирической литературе начала 1740-х гг.²**

Аннотация. В статье рассматривается процесс легитимации власти Елизаветы Петровны в первые годы после ее воцарения. Источниковая база включает в себя религиозные проповеди, торжественные речи и поэтические произведения 1741–1744 гг. нескольких авторов: Я. Штелина, В. Тредиаковского, И. Лестока, Г. Юнкера, Амвросия (Юшкевича) и Стефана (Калиновского). Целью исследования является определение механизмов и стратегий легитимации власти Елизаветы Петровны в начале ее царствования. В рамках исследования были определены основные аргументы, с помощью которых авторы обосновывали власть императрицы. Легитимация строилась на основе завещания (тестамент) Екатерины I, родства Елизаветы Петровны с Петром I и Екатериной I, а также концепции естественного права. В качестве источников аргументации выступили манифест Елизаветы Петровны и сложившаяся традиция обоснования власти монархов XVIII в.

Ключевые слова: Елизавета Петровна; панегирики; легитимация; дворцовые перевороты; Я. Штелин

**«By Blood, Rights and Law»:
The Legitimation of Elizabeth Petrovna's Power
in Panegyric Literature of the Early 1740s**

Abstract. The article examines the legitimation of Elizabeth Petrovna's rule in the early years following her accession to the throne. The source base includes religious sermons, ceremonial orations, and poetic works of 1741–1744 by several authors: J. Staehlin, V. Trediakovsky, I. Lestocq, G. Juncker, Ambrose (Yushkevich) and Stefan (Kalynovsky). The purpose of the study is to determine the mechanisms and strategies of legitimization of Elizabeth Petrovna's power at the beginning of her reign. The study identifies the main arguments with the help of which the authors justified the power of the empress. Legitimation was constructed on the basis of Catherine I will (testament), Elizabeth Petrovna's kinship with Peter the Great and Catherine I, and the concept of natural law. The sources of argumentation were Elizabeth Petrovna's manifesto and the established tradition of justifying the power of monarchs of the 18th century.

Keywords: Elizabeth Petrovna; Panegyrics; Legitimation; Palace coups; J. Staehlin

¹ Вячеслав Андреевич Коротин — ассистент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); e-mail: vyacheslav.korotin@gmail.com

Viacheslav A. Korotin — assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488-П «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»). URL: <https://rscf.ru/project/KH154CAOVCracmb3lgIi6Xpa3wAWC4wwlhOxAB39mA9IC4dQ03qf39ZRbc70GPS0p6b0xQMEIjs~/>

Период правления Елизаветы Петровны характеризовался усилением интереса к созданию од и других панегирических сочинений, авторы которых стремились обосновать права императрицы на российский престол. Е.В. Анисимов отмечал, что приход к власти Елизаветы Петровны положил начало беспрецедентной пропагандистской кампании, связанной с легитимацией власти новой императрицы [2, с. 44]. Исследователи характеризуют восстановление петровских «начал» как идейную основу доктрины Елизаветы Петровны [6, с. 184; 9, с. 14–15; 10, с. 397–399; 13, с. 59]. Несколько специальных работ, описывающих первые годы правления Елизаветы Петровны, подготовил А.В. Петров. Сопоставив речевые обороты из манифестов и указов императрицы с клише из од Штелина и Ломоносова, Петров пришел к выводу, что сюжетная основа панегириков начала 1740-х гг. происходила из тезисов манифеста императрицы [14, с. 157]. При этом в исследовательское поле А.В. Петрова не попали не только приветственная ода В.К. Тредиаковского, но и церковные проповеди, которые, несомненно, относятся к числу панегирических сочинений. К придворной проповеди обратился К.Д. Бугров. Проанализировав проповеди 1740-х – начала 1750-х гг., Бугров выявил четыре основных стратегии легитимации власти Елизаветы Петровны: 1) презентация воцарения как акта божественного провидения; 2) мотив жертвенности; 3) игнорирование юридического нарратива; 4) восстановление петровских порядков и возрождение образа Петра I в лице Елизаветы [5, с. 135–136]. Таким образом, в современной историографии сформулированы основные источники и положения елизаветинской пропаганды. Историки достаточно подробно исследовали правительственные манифесты о воцарении Елизаветы Петровны и некоторые наиболее известные панегирики. В то же время за пределами круга изучаемых источников оказались большинство церковных проповедей елизаветинского периода, являвшихся одной из наиболее распространенных и важных форм литературы в середине XVIII в.

Цель исследования заключается в определении механизмов и стратегий легитимации власти Елизаветы Петровны в начале ее царствования. Основными источниками выступают панегирические сочинения, включающие в себя несколько групп сочинений: 1) религиозные проповеди; 2) торжественные речи; 3) поэтические произведения. Главной для исследования характеристикой источников является широта аудитории читателей и слушателей. Данные тексты сначала зачитывались их авторами перед публикой (например, при дворе по какому-либо торжественному поводу), а затем они издавались в печат-

ном виде [3, с. 175]. Распространение определенных идей о законности власти императрицы через печатные издания связано с тем, что книги, особенно литература религиозного содержания, служили основой поведения для читателя XVIII в. [12, с. 112–113]. При этом важно отметить, что проповедь, являвшаяся наиболее распространенной формой панегирика в первой половине XVIII в., не всегда должна была иметь богословскую тематику [7, с. 52] — тексты некоторых авторов (в частности, Феофана Прокоповича) были близки к произведениям светского содержания.

Одним из первых панегириков елизаветинского царствования, затрагивающих тему воцарения императрицы, можно считать проповедь архиепископа Новгородского и Великолуцкого Амвросия Юшкевича, произнесенную им 18 декабря 1741 г. в санкт-петербургской придворной церкви. В этом тексте Амвросий использовал новый характерный для эпохи прием — дискредитацию предшествующего правления через апелляцию к его несправедливости и нелегитимности. Он утверждал, что после смерти Петра II престол должен был перейти именно Елизавете, как законной дочери Петра I и Екатерины I: «Известно есть, не токмо Всероссийской империи, но и всему Свету, что еще по кончине блаженные памяти Императора Петра Второго, Тебе, яко Дщери законной обоих коронованных Родителей Твоих, наследие Всероссийского Престола надлежало» [1, с. 5–6]. В другой части текста Амвросий конкретизировал, что Елизавета, придя к власти, освободила народ от внутренних и внешних врагов, т.е. в том числе от ее предшественников: «большая похвалы достойна Наша Всероссийская героина: ибо оная народ свой свободила от врагов токмо внешних, и явных; Наша же преславная Победительница избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных» [1, с. 13]. Развивая свою мысль, Амвросий указал на засилье в России иностранцев, которые получали должности не за свои умения и заслуги, а лишь благодаря происхождению, тем самым обвиняя Анну Иоанновну [1, с. 14].

В тексте панегирика Амвросий перечислил основания, исходя из которых Елизавета должна была взойти на российский престол — естественный, гражданский и божественный законы, а также ее происхождение от коронованных родителей: «Ибо ежели посмотрим мы на все законы, то есть, на естественный, гражданский и божественный, по которым наследие твердо и непременно потомкам остается, тех всех существенныя свойства, даже до последней черты, в наследии Империи Всероссийския, Ея Императорскаго Величества имеются. Рожде-

на Ея Величество от обоих коронованных Лиц, от обоих законовладельных Самодержавных Героев и Монархов» [1, с. 6–7].

Академик Якоб Штелин в поздравлении на восшествие на престол 1741 г. развивал аналогичную аргументацию, подчеркивая родство Елизаветы Петровны с Петром I и Екатериной I:

«Величество являлось всем
В особе и во всяком деле,
На полном благ лице Твоем
И велелепом купно теле.
Желает кто Петра смотреть
Или Екатерину чтить
И их доброт дивиться цвету,
Возрит пусь на Елисавету» [17, с. 55–56].

Так же, как и Амвросий, Штелин негативно характеризовал период, предшествовавший правлению Елизаветы Петровны, причем не совсем понятно, имеется в виду царствование Анны Иоанновны, активно превозносимое самим Штелином в 1736–1740-е гг., либо же не продолжительное нахождение на троне Иоанна VI и его регентов:

«Отеческой земли любовь
Коль долго по Тебе вздыхала:
“Избавь, избавь Российску кровь
От злаго скорбных дней начала.
Достойна на престол вступи,
К присяге мы готовы вси.
Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону» [17, с. 56–57].

Примечательно, что Штелин четко артикулировал воцарение Елизаветы как целенаправленный захват власти. Это обосновывается всплывшей в ней кровью Петра I и заботой о подданных, претерпевших тяжелые времена:

«Геройска мысль в Тебе всегда
Чрез дивно дело всем открылась,
В любовь Петрова кровь когда
К Твоим подданным вспалилась.
Преж всех пошла с крестом Своим,
Чинил что прежде Константин,
Твоим всех духом ободрила,
Лишь чуть пришла, всех покорила» [17, с. 57].

Автором еще одного раннего панегирика стал придворный лейб-медик и один из организаторов переворота 1741 г. Иоганн Лесток. В начале речи Лесток подчеркивает легитимность нового правления, обращаясь к тестаменту Екатерины I. Он заявил, что в соответствии с волей усопшей императрицы престол должен был перейти к Елизавете. Этому помешали царедворцы, желавшие захватить власть и решившие скрыть завещание и обмануть подданных: «Желание к похищению корон купно с средолюбием дела Петра Великаго уничтожило и помрачало, при томже императрицы Екатерины завещание скрывало, и рабы короны раздавать дерзали, при которых обстоятельствах отечества сын о происходящих обидах едва сердцу своему тайно жалобу приносить осмелился» [11, с. 3]. Далее по тексту Лесток указал, что по завещанию обоих родителей престол должна была наследовать Елизавета, ведь в ней Петр «ожитворяется» и Екатерина «возвышается»: «Великая Государыня Елисавет, справедливо и Всероссийской Императорской Престол украшать имеет, дабы Всепресветлейших Ея родителей завещание в действо произведено было; ибо во священной особе Петр Великий оживотворяется, и императрица Екатерина возвышается» [11, с. 5–6]. Также Лесток первым из исследуемых панегиристов обогатил уже устоявшуюся в российской политической мысли характеристику императрицы Елизаветы Петровны как матери, но сделал это с более явной отсылкой к Петру I, назвав ее «Отечества Матерью» [11, с. 6].

Аналогично и Василий Тредиаковский в приветственной оде 1742 г. охарактеризовал Елизавету Петровну как мать отчества:

«О! Мать отчества Российска,
О! луч монархинь и красот,
О! честь Европска и Азийска,
О! плод Петров и верх высот,
Воскликнуть может кто пристойно,
Чтоб было все того достойно,
Кой зрится на главе твоей
Венец от камня толь честна?» [16, с. 166].

В начале правления Тредиаковский утверждал, что Елизавета Петровна должна была взойти на престол значительно раньше, согласно закону — то есть тестаменту Екатерины I. Тредиаковский отметил это сразу несколько раз в тексте панегирика [16, с. 167–168]. Кроме того, Тредиаковский обратился к аргументу об избрании народом, желавшему, чтобы Елизавета наконец вступила на свой наследный престол:

«Народ тогда koliko бедный
Лил теплых к Вышнему молитв:
«Да взыдет та на трон наследный»,
Хоть был ему страх от ловитв!
О! вы, толь храбрые солдаты,
Монархини сея коль краты
Сердец желали в глубине?
Вы, о! стена России тверда,
Уж видите, что милосерда
Верховнейшею в сей стране» [16, с. 167–168].

В 1742 г. свою речь по случаю коронации Елизаветы произнес Якоб Штелин. В ней автор апеллировал к тому, что Елизавета является законной наследницей Петра, поскольку это исходит из «натуральной справедливости» и «неоспоримого права»: «Давно уже в прошедшие годы натуральная справедливость и неоспоримое всех народов право единой токмо законной наследнице, достойнейшей Дщери Великаго Петра, отеческое Ея государство назначило и матерний престол, корону и скипетр Ей определило. Давно уж наичувствительнейшая любовь подданных к Ея Императорскому Величеству желала исполнения сея справедливости. Давно уже верная надежда возвышения сея достохвальнейшая Императорския Дщери с нестерпимым желанием ожидала, и притом несомненным утешалась и подкреплялась упованием, что врожденные Ея Императорскому Величеству и к короне и скипетру устроенные дарования престола долга лишаться уже не могут» [18, с. 187–188]. В данном случае Штелин обратился даже не к заведению Екатерины I, а к «натуральной справедливости» и «неоспоримому праву», то есть естественному праву, представления о котором активно интегрировались в политический дискурс России в середине XVIII в. [4, с. 171–206].

Несколько отличающуюся стратегию легитимации применял другой академик-немец Г. Ф. В. Юнкер в 1742 г. При выстраивании связи с родителями Елизаветы Петровны он исключил Екатерину I, оставив лишь Петра I. Если Петр I был отцом для своих подданных, то Елизавету Петровну Юнкер наделил характеристикой матери:

«Велико дело в сем равно душе твоей:
Как он отец наш был, ты мать России всей.
Когда Олимп давал таких монархов славных?
Весь свет, что чтит его, ему не узрит равных.
Сквозь все препятства он главу свою вознес,
Монарх здесь, там отец, хвалою к верьху небес.

Пристойны скажет кто к правленью стран науки,
Где не был дух его и храбры купно руки?» [19, с. 70].

Продолжая выстраивать связь между Елизаветой Петровной и Петром I, Юнкер выделил одну из ключевых характеристик в образе монарха XVIII в. — представление о царе-воине, ставшее особенно важным в петровскую эпоху [8]:

«Нет, о монархиня, в том разум твой во всем.
Блещи Петровым вверх чрез равну мочь мечем,
Что дерзка гордость вновь себя казнить взбудила;
Он вышел сам наруж, лишь та себя явила.
Постигни сих врагов, победу с ними всю,
Принуди к миру их чрез краткую войну,
Неблагодарность что воздвигнула с хулою
И мздой завистлив род, подкупленный чужою» [19, с. 74].

В конце панегирика Юнкер сравнил Петра I и Елизавету Петровну с античными божествами. Для Петра I был избран Нептун, как логичный образ создателя российского флота. Елизавета Петровна предстала как морская нимфа Фетида. Этим художественным приемом Юнкер поместил Елизавету в контекст петровской мифологии:

«Вели твой флаг поднять, и вимпел в ветр пустить,
И страшной лес в волнах российских машт открыть,
Пресильной вывести флот из ледных устьи в море
И мочь твоих галер к пособе оных вскоре,
Вогнали что велик в морски заливы страх,
Мутила чем боязнь Эвксинской понт в брегах.
Судам на брань бежать вели в ужасном виде:
Отец твой был Нептун, ты равна будь Фетиде» [19, с. 75].

В 1742 г. было произнесено «Слово в день восшествия на престол Елисаветы Петровны» под авторством псковского епископа Стефана Калиновского. В начале панегирика Стефан подробно охарактеризовал роль Петра I для российской истории, после чего отметил, что Елизавета Петровна не просто является дочерью великого монарха, но и наполнена его духом, является проводником идей своего отца: «Понеже бо Елисавета не просто есть Петрова дочь, но дочь и духа отческаго наполненная: того ради, когда на Всероссийский престол вступила Елисавета, думать надобно, слышателие что то Петр аки от мертвых воскресл: думать надобно, что то Петр на свой престол взо-

шел: думать надобно, что то Петр повелевает, управляет, побеждает» [15, Л. 1 об.]. Стефан Калиновский постулировал, что Елизавета Петровна буквально являлась петровским зеркалом, его современным отражением и подобием: «Посмотрим прочее, коль достойно на Петровом престоле сидит дочь Петрова. А сие увидим, когда пространнее нечто воспомянем, о чем в начале слова помянули кратко: что Елисавета не просто есть Петрова дочь, но и нравов Петровых живое зеркало: не сама бо сидит на престоле Петровом Елисавета, но со многой дружиною» [15, Л. 4]. Именно продолжение петровской крови выделял Стефан Калиновский как преимущество царствования Елизаветы: «Сорадуйтесь и вы, от российстии и сынове и дщери. Престола Петрова свойственному украшению Петровой крови, и толикое о ней божие благоволение» [15, Л. 7 об.]. Стефан также отметил, что Елизавете удалось взойти на родительский престол в непростых обстоятельствах, но без кровопролития, что свидетельствует о вмешательстве божьей воли [15, Л. 7].

В начале царствования Елизаветы Петровны фиксируется нетипичная ситуация для легитимации власти монархов первой половины XVIII в. — она имела единую направленность и конкретный набор аргументов. Всего можно выделить три фактора, с помощью которых авторы аргументировали воцарение Елизаветы: 1) положения тестамена Екатерины I («закон»); 2) кровное родство Елизаветы с другими российскими монархами — Петра и Екатерины («кровь»); 3) естественное право. Приход к власти петровской «дщери» в риторике авторов должен был случиться заметно раньше, о чем свидетельствует и тестамент 1727 г., и традиционный порядок престолонаследия, и естественные права Елизаветы. Именно в период правления Елизаветы Петровны значительно увеличилась печать проповедей, которые предписывалось читать в праздные дни и выходные. Так елизаветинская пропаганда использовала один из наиболее эффективных инструментов формирования общественного мнения [7, с. 54–63]. Несмотря на обилие авторов и отличия в их социальном статусе, по всей видимости, почти сразу была сформулирована стратегия, легитимирующая власть императрицы. Ее источником служили манифесты Елизаветы Петровны. Предшествующие «дворцовые перевороты» не обладали такой идейной основой. Елизавета Петровна стала первой российской императрицей, которая четко и публично артикулировала основы своего воцарения. Авторы сочинений вполне искренне могли воспринять идеи манифеста, и этот импульс обеспечил единую дискурсивную основу в первые годы правления. Идеи Елизаветы Петровны и ее приближенных,

ставших соавторами манифеста, при этом не вытеснили из риторического инструментария авторов провиденциальный глоссарий и отсылку к естественному праву, т.е. уже сложившиеся и показавшие свою эффективность методы легитимации власти монархов.

Список источников и литературы

1. *Амвросий (Юшкевич)*. Слово в высочайший день рождения... императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года проповеданное Амвросием архиепископом Новгородским в Санктпетербургской придворной церкви ея величества. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1741. — 16 с.
2. *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. — 239 с.
3. *Афанасьева Т. А.* Публицистические и панегирические издания кирилловской печати XVIII века // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. науч. трудов. Л.: ГПБ, 1984. С. 166–178.
4. *Бугров К. Д., Киселев М. А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. — 480 с.
5. *Бугров К. Д.* «Политическое богословие» елизаветинской эры: легитимация власти Елизаветы Петровны в придворной проповеди 1740-х — 1750-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 131–138.
6. *Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 328 с.
7. *Кислова Е. И.* Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сб. 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С. 52–72.
8. *Коротин В. А.* Образ Петра I как царя-воина в общественно-политической мысли первой четверти XVIII в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды / отв. ред. Ю. А. Петров, М. М. Беклемишева. М.: Институт Российской истории РАН, 2023. С. 43–50.
9. *Курукин И. В.* Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997. № 5. С. 3–23.
10. *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. — 757 с.
11. *Лесток И.* Искреннейшим всех верных подданных желанием при торжественнейшем помазании и короновании всепресветлейшей державнейшей великой государыни Елисаветы Петровны натуральной имперской наследницы императрицы и самодержицы всероссийской... СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1742. — 6 с.
12. *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–346.
13. *Наумов В. П.* Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51–72.
14. *Петров А. В.* Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 152–161.
15. *Стефан (Калиновский)*. Слово в день восшествия на престол Елисаветы Петровны. М.: Синодальная тип., 1744. — 8 л.

16. *Тредиаковский В.К.* Ода V. Приветственная // *Тредиаковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / подгот. Н.Ю. Алексеева. СПб.: Наука, 2009. С. 165–172.

17. *Штелин Я.* Всеподданнейшее поздравление для восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Всепресветлейшия Державнейшия Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския в торжественный праздник и высокий день рождения Ея Величества декабря 18, 1741. Всеподданнейше представлено от Императорской Академии Наук // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. / подгот. Г.П. Блоком, В.Н. Макеевой. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 53–57.

18. *Штелин Я.* Изображение и изъяснение фейэрверка и иллюминации: Которые апреля 25 дня 1742 году по благополучно совершившемся высоком помазании и короновании ея величества всепресветлейшия, державнейшия, великия и непобедимыя государыни Елисаветы Петровны императрицы и самодержицы всероссийския и прочая, и прочая, и прочая, при прочих публичных увеселениях пред домом ея императорскаго величества в Москве зажжены были // Примечаний к Ведомостям. Ч. 47/48. СПб.: б.и., 1742. С. 185–192.

19. *Юнкер Г.Ф.В.* Венчанная надежда Российский империи в высокий праздник коронования Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Елисаветы Петровны, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, при публичном собрании Санктпетербургской Императорской Академии Наук всерадостно и всеподданнейше в Санктпетербурге апреля 29 дня 1742 года стихами представленная от Готлоба Фридриха Вильгельма Юнкера, Ея Императорскаго Величества надворного камернаго советника, интенданта соляных дел и члена Академии науки. С немецких российскими стихами перевел Михайло Ломоносов, Академии Наук Адъюнкт // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. / подгот. Г.П. Блоком, В.Н. Макеевой. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 69–80.

Средиземноморские интересы Российской империи в 1780-х гг.: перспективы и препятствия к сближению с Венецианской республикой

Аннотация. Средиземное море на протяжении столетий являлось важным перекрестком торговли и ареной боевых действий. Интерес российских правящих кругов к данному региону обозначился в начале XVIII в. и полностью раскрылся лишь во второй половине века. В этот период Российская империя стремилась к расширению своего присутствия в Средиземном море с помощью дипломатических и военно-политических инициатив. Одним из главных направлений активности стало поддержание контактов с Венецией. В Петербурге полагали, что острова и порты республики могут стать надежными пристанищем, базой для российских кораблей. Венецианская аристократия, придерживавшаяся принципов нейтралитета и опасавшаяся потери государственной независимости, дистанцировалась от инициатив Российской империи. В данной статье исследуются причины, осложнявшие развитие российско-венецианских отношений в 1780-х гг.

Ключевые слова: Венеция; российско-венецианские отношения; внешняя политика России в XVIII в.; Средиземное море

The Russian Empire's Mediterranean Interests in the 1780s: Contradictions in Relations with the Venetian Republic

Abstract. For centuries, the Mediterranean Sea was a significant nexus for trade and a theatre for military operations. The interest of Russian ruling circles in this region defined in the early 18th century. It was fully realized only in the second half of the century. The Russian Empire sought to expand its presence in the Mediterranean through diplomatic and military-political initiatives. One of the significant aspects was the maintenance of contacts with Venice. St. Petersburg's politicians supposed that the islands and ports of the republic had the potential as a reliable base for Russian ships. The Venetian aristocracy following the principles of neutrality and fearing the potential forfeiture of state sovereignty tried to distance itself from the initiatives of the Russian Empire. The article explores the reasons which complicated the development of Russian-Venetian relations in the 1780s.

Keywords: Venice; Russian-Venetian relations; Russian foreign policy in the XVIII century; Mediterranean Sea

Во второй половине XVIII в. Российская империя стремилась поддерживать дипломатические отношения с итальянскими государствами, в особенности с Венецианской республикой. Интерес властных кругов Петербурга к средиземноморским государствам отражал тенденцию к расширению влияния в стратегически важном в военном и торговом отношении регионе.

¹ **Дмитрий Игоревич Гоц** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия); e-mail: idgots@gmail.com
Dmitry Ig. Gots – Candidate of Historical Sciences, Junior Research Associate, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Исследование российско-венецианских контактов позволяет изучить инструменты внешней политики, с помощью которых Россия стремилась укрепить свои позиции в Черном и Средиземном морях. В.И. Рутенбург отмечал, что анализ связей с Италией актуализирует ввод новых архивных данных и дает возможность расширить представления о европейских и международных отношениях во время правления императрицы Екатерины II [16, с. 8].

Взаимодействие Венецианской республики и Российской империи в 1750–1780-х гг. рассматривали как в отечественной, так и зарубежной историографии. В 1972 г. в журнале «Советские архивы» вышла статья А.И. Комиссаренко и И.С. Шарковой. Исследование освещало неудачные попытки установления постоянных торговых связей между Петербургом и Венецией в 1740–1750-х гг. [12, с. 89–100]. В.Н. Захаров также отмечал ограниченный уровень российско-венецианской коммерции как на балтийском, так и на черноморском направлениях в период с пятидесятых до восьмидесятых годов XVIII в. [13, с. 218, 235]. Данные работы демонстрируют второстепенное значение торговых отношений между государствами.

М.Ю. Анисимов подчеркивает стремление России к установлению прочных политических связей с Венецией. Петербург навязывал республике взаимный обмен послами в 1750-х — начале 1760-х гг. [6, с. 45–46]. Иностранные историки указывают, что и Екатерина II стремилась к заключению союза с Венецией с позиции силы. Так, итальянец Дж. Скарабелло отмечает, что Российская империя выстраивала отношения с республикой, чтобы оказать давление на Османскую империю. Императрица во время русско-турецкой войны (1768–1774) назначила в Венецию поверенного в делах — маркиза Пано Маруцци. В Коллегии иностранных дел вынашивались планы по привлечению республики к реализации далеко идущих стратегических задач империи [20, р. 582–584]. Другой специалист из Италии П. Прето подчеркивает, что венецианские власти отказывались от военных и оборонительных инициатив, выдвигаемых в Петербурге [21, р. 224–225]. Израильский историк Б. Арбель отмечает, что Россия использовала противоречия в отношениях правящих кругов республики с подвластными ей греками и славянами для укрепления собственных позиций в регионе [18, р. 180–182]. Выводы ученых показывают, что политическая элита России искала пути, способы усиления своего влияния в Восточном Средиземноморье и ослабления турецкого. Венеция стремилась к поддержанию своего нейтралитета и сохранению статус-кво.

Опасения патрициата республики были связаны с угрозой потере государственного суверенитета. М.Б. Велижев, анализируя данную проблему, рассматривает тенденции российско-венецианских отношений в контексте проведения Архипелагской экспедиции во время русско-турецкого противостояния (1768–1774). Суть операции сводилась к переброске эскадр из Балтики на средиземноморский театр военных действий для противодействия турецкому флоту. М.Б. Велижев отмечает, что попытки России сподвигнуть элиту республики к самостоятельной политике во время конфликта с Портой потерпели крах. Республика последовательно соблюдала принципы нейтралитета, демонстрируя свою позицию влиятельным соседям [9, с. 253]. Монархия Габсбургов, сопротивляясь растущему влиянию России в Средиземном море, поддерживала выбранный патрициатом Венеции политический курс [9, с. 238–239]. М.Б. Велижев приходит к выводу, что Венеция и Петербург в 1760-х – первой половине 1770-х гг. не были готовы к политическому сотрудничеству. И великие европейские державы, в первую очередь монархии Бурбонов и Габсбургов, препятствовали оформлению нового союза.

В 1780-х гг. в Европе сложилась благоприятная конъюнктура для расширения Россией сферы своего политического влияния в Средиземном море. Проблемы Великобритании в Северной Америке позволили России сконцентрироваться на решении черноморских и средиземноморских задач. В 1770–80-х гг. восточное направление перестало быть первостепенным и для Франции. Главной целью парижских властных кругов стала идея реванша над Британией после поражения в Семилетней войне. Вступление Франции в конфликт в Новом свете предоставляло такую возможность [10, с. 534]. Благожелательные отношения с германскими государствами установились благодаря посредничеству и содействию Екатерины II в заключении Тешенского мира [11, с. 209–211]. После Кючук-Кайнарджийского мира (1774), завершившего русско-турецкую войну, император Иосиф II осознал неизбежность усиления Российской империи в Черном и Средиземном морях, что вынуждало его искать сближения с Екатериной II [14, с. 99]. Петербург вместе с Веной развивал «Греческий проект», связанный с разделом Османской империи. Российские политики получили возможность упрочить свое влияние и в Адриатическом море.

Изменения в российско-венецианских отношениях в 1780-х гг. рассматривает Т.М. Фадеева. Она отмечает, что визит великого князя Павла Петровича в Венецию способствовал назначению официальных представителей в обеих странах [17, с. 92–93]. Нормализация

российско-австрийских контактов позволяла предполагать, что венский двор не станет препятствовать дипломатическому диалогу Венецианской республики и Петербурга. Однако, несмотря на альянс между монархией Габсбургов и Россией, существовали различия во взглядах на будущее республики. Итальянский историк Дж. Берти подчеркивал, что стремление венского двора овладеть территориями республики стимулировало Россию добиваться сближения с Венецией. В Петербурге желали сохранить независимость республики и усилить ее военно-морское влияние. Власти Венеции оставались пассивными к предложениям по взаимодействию для борьбы с Портой [8, с. 82]. Не имея возможности побудить республику к союзу, Коллегия иностранных дел пыталась добиться разрешения свободы судоходства в водах, подвластных Венеции. В этом вопросе республика также не могла пойти на уступки [8, с. 120]. Изучение российско-венецианских отношений в 1780-х гг. позволяет понять, что Венеция, соглашаясь на некоторое сближение, продолжала дистанцироваться от прямого диалога с Петербургом.

Несмотря на колебания и сомнения в необходимости установления контактов, в 1782 г. республика назначила своего представителя в Россию [8, с. 81, 82]. Посланник Фериго Фоскари был принят в Петербурге как полномочный министр [1, Л. 5]. Должность представителя республики соответствовала второму рангу согласно дипломатическому протоколу Российской империи. Екатерина II в 1783 г. определила в Венецию полномочным министром графа Семена Романовича Воронцова. М.П. Пряшников рассматривает деятельность российского посланника в республике и отмечает, что С.Р. Воронцов подчеркивал определяющее влияние монархии Габсбургов на внешнеполитический курс Венеции [15, с. 126]. Исследователь указывает, что граф столкнулся с проблемой предоставления властями лож в театрах, положенных дипломатам согласно их рангу. По мнению С.Р. Воронцова, его статус как посланника великой империи не был оценен в должной мере. Данное затруднение заставило его поднять вопрос о целесообразности присутствия в республике полномочного министра, а не резидента [15, с. 126–127].

М.П. Пряшников фиксирует, что одной из ключевых задач, стоявших перед посольством, было укрепление контактов с греческим населением, подвластным Венеции. Посланник привлекал на службу полезных для России эллинов и способствовал открытию православной церкви при дипломатической миссии [15, с. 130–131]. Наблюдения М.П. Пряшниковой дают представление, что в отношениях

с аристократией Венецианской республики было немало подводных камней. В Петербурге, понимая данные обстоятельства, укрепляли неформальные связи с православным греческим населением Венеции.

Анализ предшествующей историографии демонстрирует, что значимой сферой российско-венецианских отношений являлась политическая. Потребности закрепления России в Средиземном море и противодействия державам-конкурентам в регионе стали первостепенными в 1780-х гг. Для распространения влияния империи стратегически важным было установление доверительных связей с правящей элитой и жителями республики. Необходимость более глубокого осмысления данной тенденции дает возможность сформулировать цель исследования: понять конкретные причины, препятствовавшие сближению Петербурга и Венеции во время дипломатической службы С.Р. Воронцова.

Для достижения поставленной исследовательской цели был использован ряд исторических источников. Фонды Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) позволяют ознакомиться с донесениями российского посланника в республике и ответами на них из Коллегии иностранных дел. Взгляды венецианского дипломата в Петербурге Фериго Фоскари отражали доминировавшие представления о двусторонних отношениях в среде политической элиты островного города. Депеши Фоскари были изданы итальянским архивистом Дж. Дория в 1993 г. [19]. Анализ мнений российской и венецианской сторон дает возможность более глубоко понять взаимные интересы и противоречия.

Первой проблемой С.Р. Воронцова в Венеции стало различие в дипломатическом церемониале двух стран. В инструкции указывалось, что его должны были принимать не как посла и не как резидента, а по особому церемониалу — среднему между этими рангами [1, Л. 5]. Если же в Венеции не было церемониала для посланника второго ранга, то для Воронцова должны были учредить новый порядок встречи и приема.

Главные особенности приема представителей иностранных государств заключались в том, что послы, в отличие от резидентов, получали неприкосновенность не только для своего дома, но и для двух соседних, а также места в лучших театральных ложах. В январе 1784 г. Воронцов писал, что венецианские власти могли бы предоставить ему как посланнику либо дом без ложи, либо ложу без дома [5, Л. 2]. Воронцов отказался проходить аккредитацию, пока из Петербурга не придут разъяснения по этому вопросу [3, Л. 4]. В итоге посланник подал кредитивную грамоту. Однако он полагал, что в Венеции бессмыс-

ленно держать полномочного министра и будет достаточно присутствие резидента [5, Л. 1, 2, 3].

Дискуссия о церемониале является примером борьбы за политическое влияние и определение высокого статуса представителя Российской империи. Петербург стремился таким образом укрепить свой авторитет. Республика давала дипломатичные ответы, объясняющие невозможность осуществления данных требований и просьб. Россия, подчеркивая свою значимость, искала союза, в котором она займет главенствующую позицию. Венеция отстранялась от данного предложения, опасаясь реакции великих держав, преследующих свои интересы в этом регионе.

Депеши Фериго Фоскари из Петербурга с 1783 по 1784 г. подтверждают проведение политической линии невмешательства и нейтралитета. В послании от 29 октября 1783 г. Ф. Фоскари затрагивал вопросы торговых отношений и отмечал: «<...> [они] требуют тщательного рассмотрения и времени для полного разбора, я пока ограничусь общими замечаниями» [19, р. 9–10]. Данная цитата позволяет предполагать, что венецианский представитель не спешил подписывать какие-либо соглашения и находился в России лишь в качестве наблюдателя или связного.

Фоскари пристально следил и за внешней политикой России. Он указывал, что победа Петербурга над Портой в войне 1768–1774 гг. и политика «вооруженного нейтралитета» способствовали заметному усилению державы [19, р. 43–45]. Фоскари неоднократно упоминал русско-турецкие отношения: сообщал о ходе переговоров между Портой и Россией, а также о поддержке Екатериной II требований, которые Габсбурги предъявляли Турции [19, р. 14–17, 18–22, 54–55]. Дипломат также анализировал цели внешней политики России, определяя их ключевые направления. Сведения о действиях Петербурга помогали правительству Венеции сохранять нейтралитет и не вступать в конфликты, считаясь с принципиальными интересами великой державы.

Примером гибкости и податливости венецианской внешней политики стало письмо Ф. Фоскари от 22 июля 1784 г. Дипломат сообщал в Сенат, что он выполнил поручение дожа. Поставленная перед представителем Венеции задача заключалась в сообщении о прощении графа Дмитрия Мочениго и разрешении ему вернуться на остров Закинф с восстановлением статуса [19, р. 36]. Мочениго был взят под стражу и лишен гражданства после помощи российскому флоту и противодействия местной администрации во время Архипелагской экспедиции [7, с. 160–162].

Дело грека Мочениго раскрывает истинный характер отношений России и Венеции. В мае 1784 г. С.Р. Воронцов сообщал А.А. Безбородко, руководителю российской внешней политики, что содействовал Мочениго в попытках добиться справедливости через высшие инстанции республики [5, Л. 22, 23]. Однако даже после получения права репатриации его имущество не было возвращено [2, Л. 4–5].

В декабре 1784 г. граф И.А. Остерман, вице-канцлер, поручил новому российскому представителю, А.И. Крюденеру, добиваться рассмотрения дела не на Закинфе, а в Венеции, подчеркивая, что отказ будет воспринят как нарушение дружественных обещаний [2, Л. 4–5]. В Петербурге осознавали, что заверения венецианских властей оставались риторикой, и России приходилось активно отстаивать свои интересы.

В реляциях, написанных в июне–июле 1784 г. к А.А. Безбородко, С.Р. Воронцов отмечал, что славяне и особенно греки, подчиненные Венеции, всегда были готовы послужить Петербургу. Контакты с элитами позволяют знать все о внутренней и внешней политике в республике и Турции. Лучшим способом взаимодействия с греческим населением являлось учреждение и поддержание православной церкви при посольстве в Венеции российским правительством [5, Л. 25–26]. С.Р. Воронцов упоминал, что влиятельные аристократы дали ему совет. Они наставляли графа при подаче рекредитива непременно сослаться на волю императрицы, выразив ее пожелание о «сохранении спокойствия и духовной независимости своих единоверцев» [5, Л. 26, 27]. Граф подчеркивал: «Здесь ласкою ничего взять нельзя, угрозою все добывается» [5, Л. 30].

В своей последней депеше по венецианским делам С.Р. Воронцов отмечал, что республика не решалась отказывать монархии Габсбургов, опасаясь ее военно-политической мощи [5, Л. 38]. Аристократия видела во Франции потенциального союзника против Вены. Однако угроза австрийского вторжения мешала открытому сближению с Версалем [5, Л. 39]. Граф Верженн, министр иностранных дел Франции, наставлял венецианского посла в Париже создавать препятствия русскому флоту в случае новой русско-турецкой войны. Однако венецианский дипломат уклонился от обещаний, что отражало колебания правящей элиты [5, Л. 39]. Эта нерешительность демонстрировала шаткое положение Венеции на международной арене. Россия, учитывая противоречивую ситуацию, проводила в регионе политику, направленную против Турции и Франции.

Стратегические планы русского двора были ясны венецианскому правительству. С.Р. Воронцов подчеркивал: «Нас здесь жестко не лю-

бят, опасаясь расширения нашего к стороне Греции, и ненавидят своих греков за слепую привязанность, что к нам имеют» [5, Л. 39]. Плохое отношение значительной части аристократов к грекам и русским объяснялось угрозами мятежей и освободительных движений, которые разрушили бы властную систему республики.

Достижение стратегических интересов России в Средиземном море ограничивалось совокупностью факторов: сопротивлением венецианского патрициата сотрудничеству с Петербургом; низким уровнем консолидации греческого национально-освободительного движения; противодействием европейских держав; ограниченными возможностями и ресурсами империи в Северном Причерноморье. Несмотря на противоречивость российско-венецианских отношений проект рескрипта от июля 1784 г. содержал указание новому дипломатическому представителю А.И. Крюденеру придерживаться в своей работе линии, установленной С.Р. Воронцовым, и действовать в соответствии с инструкцией предшественника [4, Л. 4]. Российская империя продолжала стремиться к Адриатическому морю.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17.
2. АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 20.
3. АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 115.
4. АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 122.
5. АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 128.
6. *Анисимов М.Ю.* Российская дипломатия и Семилетняя война. М.: Академический проект, 2020. — 885 с.
7. Архив князя Воронцова. Книга XVI. М.: Типография П. Лебедева, 1879. — 522 с.
8. *Берти Д.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. — 746 с.
9. *Велижев М.Б.* Итальянские государства и Россия в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: дипломатия и политика // *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой* / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2011. С. 219–282.
10. *Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке* / отв. ред. С.Я. Карп. М.: Наука, 2013. — 787 с.
11. *Гребенщикова Г.А.* Россия на Тешенском конгрессе 1778–1779 годов // *Россия на международных форумах и конгрессах XVII–начало XX века* / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Международные отношения, 2021. С. 182–222.
12. *Документы об установлении прямых русско-итальянских торговых связей в середине XVIII века* // *Советские архивы. 1972. № 2.* С. 89–100.
13. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М.: Наука, 2005. — 716 с.
14. *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М.: Наука, 2011. — 419 с.

15. *Пряшников М.П.* С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 15. Петушки, 2012. С. 117–133.*

16. *Рутенбург В.И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII–XIX века) // *Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений* / ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1968. С. 5–24.

17. *Фадеева Т.М.* Отношения Россия — Венеция в конце XVIII века и маркиз Пано Маруцци (1730–1799), венецианский грек на службе России // *1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции: Сб. статей* / отв. ред. О.В. Соколовская. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 82–99.

18. *Arbel B.* Venice's Maritime Empire in the Early Modern Period // *A companion to Venetian history, 1400–1797* / Ed. E. Dursteler. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 125–254.

19. *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790* / Ed. G. Doria. Venezia: La Malcontenta, 1993. — 251 p.

20. *La Repubblica di Venezia nell'età moderna. Dal 1517 alla fine della Repubblica* / Ed. G. Cozzi, M. Knapton. Torino: UTET, 1992. — 695 p.

21. *Preto P.* Venezia e i Turchi. Roma: Viella, 2013. — 374 p.

Королевство обеих Сицилий между Павлом I и Наполеоном Бонапартом: «неаполитанский вопрос» в российско-французских переговорах (1800–1801 гг.)

Аннотация. В статье на основе документов неаполитанской миссии в Санкт-Петербурге и российской миссии при дворе короля Обеих Сицилий (хранятся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ), а также материалов российско-французских переговоров рассмотрена роль Королевства обеих Сицилий, «малого союзника» России по Второй коалиции, в сближении Российской империи с Францией в последний год правления императора Павла I (1800–1801 гг.) Автор приходит к выводу, что нарушение баланса сил в Европе вследствие военных побед Наполеона (июнь 1800 г.) и желание Российского двора сыграть роль арбитра при «всеобщем замирении» были одними из главных причин начала переговоров с Францией, однако при этом любая попытка России выступить в качестве посредника между Парижем и Неаполем была «заблокирована» французской дипломатией, а заключенный в марте 1801 г. сепаратный франко-неаполитанский мирный договор не соответствовал российским интересам.

Ключевые слова: Павел I; Наполеон; внешняя политика; российско-французские отношения; Неаполитанское королевство; герцог ди Серракаприола; Вторая коалиция

The Kingdom of the Two Sicilies between Paul I and Napoleon Bonaparte: the “Neapolitan question” in the Russo-French negotiations (1800–1801)

Abstract. Based on the documents of the Neapolitan mission in St. Petersburg and the Russian mission at the court of the King of the Two Sicilies (kept in the AVPRI), as well as documents of Russo-French negotiations, the article examines the role of the Kingdom of the Two Sicilies, Russia’s “small ally” in the Second Coalition, in the rapprochement between Russia and France during the last year of the reign of Emperor Paul I (1800–1801). The author comes to the conclusion that the imbalance of power in Europe after Napoleon’s military victories (June 1800) and the desire of the Russian Court to play the role of an arbitrator in the “general reconciliation” were among the main reasons for the start of negotiations with France. At the same time, any Russian attempt to act as an intermediary between Paris and Naples was “blocked” by the French diplomacy, and the separate Franco-Neapolitan peace treaty concluded in March 1801 did not meet Russian interests.

Keywords: Paul I; Napoleon; foreign policy; Russo-French relations; Kingdom of Naples; Duke di Serracapriola; Second Coalition

¹ **Алексей Сергеевич Агеев** – аспирант Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: ageevas@my.msu.ru
Aleksei S. Ageev – Postgraduate student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Внешняя политика Российской империи, проводимая в правление императора Павла I, до сих пор остается слабоизученным сюжетом, требующим более глубокого анализа на основе архивных материалов. Один из самых сложных эпизодов, связанных с этой темой, – резкая перемена внешнеполитического курса в 1800–1801 гг.: разрыв дипломатических отношений с главными союзниками по Второй антифранцузской коалиции (Австрийской монархией и Великобританией) и возобновление прямых российско-французских переговоров.

Долгое время сближение России и Франции оценивалось историками как свидетельство прозорливости Павла I [7, с. 253–254], его эмоциональная реакция на «рыцарственные» предложения первого консула Бонапарта [10, с. 414–415] или же как изменение средств борьбы с экспансией Французской республики в Европе [9, с. 160]. Немаловажным для понимания реальной логики внешнеполитического курса России представляется анализ ее взаимоотношений с теми государствами, с которыми Санкт-Петербург продолжал сохранять дипломатические связи после разрыва с главными союзниками по Второй коалиции (продуктивность такого подхода продемонстрировал американский историк Х. Рэгсдейл на примере отношений России с Данией и Швецией [12, р. 107–124]). Одним из таких государств было Королевство обеих Сицилий (Неаполитанское и Сицилийское королевства, объединенные династической унией), сохранявшее благоприятные отношения с Санкт-Петербургом в течение всего правления императора Павла I. В данной работе будет предпринята попытка на основе делопроизводственной документации взаимных дипломатических миссий в Неаполе / Палермо и Санкт-Петербурге, а также материалов, связанных с российско-французскими переговорами, реконструировать роль и значение «неаполитанского фактора» в сближении между Россией и Францией в последний год царствования Павла I.

С декабря 1798 г. Россию и Неаполь связывал союзный договор, согласно которому Санкт-Петербург обещал предоставить Неаполитанским Бурбонам военную помощь, гарантировал целостность владений короля Обеих Сицилий и его права на Мальту [11, р. 164–173]. В течение 1799 г. действия российских эскадр способствовали реставрации монархии в Неаполитанском королевстве, и даже после отъезда из Южной и Центральной Европы российских войск в Неаполе продолжали оставаться три российских фрегата и два пехотных батальона (поначалу вопреки воле Павла I) [6]. Несмотря на выход России из коалиции, не ухудшилось, а скорее, наоборот, упрочилось положение

в Санкт-Петербурге неаполитанского дипломата Антонино Мареска герцога ди Серракаприола. В одной из депеш первому министру королевства Дж. Актону (16 (28) мая 1800 г.) герцог ди Серракаприола свидетельствовал, что в течение зимы 1800 г., несмотря на практически полное прекращение официальных контактов с дипломатическим корпусом, Павел I «не переставал отличать (*non ha lasciato di distinguere*)» неаполитанского дипломата (наряду с португальским министром и послом Швеции) во время прогулок в «публичных местах (*ne'luoghi pubblici di passeggiate, ne'giardini*)» [5, Л. 70] (цитата дана по конволюту с копиями депеш дипломата, сделанными в конце 1870-х гг.).

Как бы то ни было, в условиях отсутствия в Италии русских войск король Обеих Сицилий Фердинанд IV де-факто оказался один на один перед лицом расширяющегося влияния Венского двора, а после разгрома австрийцев армией первого консула Наполеона Бонапарта в битве при Маренго (14 июня 1800 г.) над владениями Неаполитанских Бурбонов нависла угроза французского вторжения. Как свидетельствовал герцог ди Серракаприола, в Санкт-Петербурге перемирие, подписанное австрийцами после поражения при Маренго (известие о котором было получено 11 июля 1800 г.), было воспринято как «открытое предательство (*tradimento manifesto*)» со стороны австрийского командования [5, Л. 100]. Отныне как в Санкт-Петербурге, так и в Палермо одной из главных угроз считали возможность соединения французской экспансии с «завоевательными видами» Вены через заключение сепаратного мирного договора, итогом которого могло стать нарушение баланса сил в Италии и Германии. В июле 1800 г. герцог ди Серракаприола следующим образом описывал настроения, царившие в российской столице: «Здесь очень боятся, что вследствие капитуляции могут начаться переговоры о мире...» [5, Л. 89 об. — 90], при этом главным средством для исправления ситуации, по словам неаполитанского дипломата, должна была стать «новая система, о которой ведут переговоры с Пруссией (*il nuovo Sistema che si sta contrattando con la Prussia*)» [5, Л. 93 об.].

В то же самое время Сицилийский двор попытался добиться включения в совместные с Австрией мирные переговоры. В июле 1800 г. в Вену отправился неаполитанский дипломат М. Мастрилли (маркиз ди Галло), который был готов пойти на территориальные уступки в пользу австрийцев. Миссия его, однако, потерпела крах: австрийский министр иностранных дел Ф.М. Тугут наотрез отказался допускать неаполитанских дипломатов к переговорам с Францией

(в лучшем случае интересы короны Обеих Сицилий на переговорах с французами должны были отстаивать британские дипломаты). В реляции от 2 (14) декабря 1800 г. российский посланник в Неаполе А.Я. Италинский с тревогой сообщал Павлу I: «Его Неапольское Величество без особенного к нему благоволения Вашего Императорского Величества приведен со временем будет Венским Двором в зависимость, огорчительную Его Величеству королю и предосудительную общей пользе Европы...» [2, Л. 39–39 об.].

Безусловно, стремление отстоять интересы Неаполя, не только в силу существовавших между государствами союзнических обязательств, но и исходя из представления о Южной Италии как о плацдарме на пути к балканским владениям Османской Порты, было далеко не единственной причиной сближения между Российской империей и Францией. При этом, однако, едва ли подлежит сомнению тот факт, что радикальное изменение расстановки сил в Европе вследствие успехов французского оружия (летом 1800 г.) явилось одним из важнейших факторов, ускоривших эту внешнеполитическую комбинацию. Именно об этом герцог ди Серракаприола написал в записке, адресованной Государственной коллегии иностранных дел (ГКИД) 10 мая 1801 г. (накануне прибытия в Санкт-Петербург французского генерала Дюрока), напрямую связав битву при Маренго с началом российско-французских переговоров: «Эта роковая баталия, вновь повлекшая за собой потерю Италии, породила обстоятельства, заставившие Его Императорское Величество вести переговоры с Францией для того, чтобы спасти Италию и государства, которые... возлагали всю свою уверенность и надежду на Петербургский двор. Следовательно, императорское Министерство сообщило о намерениях своего государя начать переговоры с Францией, среди целей которых, помимо всего прочего, были и интересы государств Италии, уверяя при этом, что Россия не вступит ни в какое соглашение до тех пор, пока не будут должным образом обеспечены спасение и существование (*le sort et l'existence*) каждого из упомянутых государств...» [4, Л. 41 об. — 42]. Таким образом, решение о начале переговоров с французами было принято в Санкт-Петербурге еще в июле 1800 г., *до того*, как со стороны Бонапарта последовало предложение о возвращении русских военнопленных. Это подтверждается документами того времени: уже 16 (28) августа 1800 г. А.Я. Италинский сообщил Павлу I о прибытии в Палермо курьера от герцога ди Серракаприола с донесениями, содержавшими «извещение о благодетельных... попечениях» императора «доставить Европе мир, на основаниях правости и великодушного беспристрастия утверж-

денный». Вследствие этого, как писал российский посланник, король Обеих Сицилий надеялся на «сильное и дружелюбное заступление» Павла I [1, Л. 77 об. — 78].

Прямые российско-французские переговоры открылись в Берлине в сентябре 1800 г.: 13 сентября прусский кабинет-министр граф Х.-А. Гаугвиц устроил встречу французского посла П.Р. де Бернонвиля и российского посланника А.И. Крюденера, причем уже тогда российский представитель выдвинул в качестве одного из главных условий сближения обеспечение владений королей Сардинии и Неаполя, курфюрста Баварии и герцога Вюртембергского [8, с. XVIII]. Впоследствии эти пункты вошли в ноту Ф.В. Ростопчина от 26 сентября (8 октября) 1800 г., содержавшую пять основных требований российской стороны к французскому первому консулу: возвращение острова Мальта под власть ордена Св. Иоанна Иерусалимского, восстановление власти сардинского короля в Пьемонте, «неприкосновенность земель короля Обеих Сицилий», неприкосновенность земель баварского курфюрста и герцога Вюртембергского [8, с. 10–11] (впоследствии к этим требованиям добавился пункт о выводе французских войск из Египта). Очевидно, что российская сторона стремилась к роли арбитра при заключении «общего мира», в том числе путем посредничества на переговорах между Французской республикой и своими «малыми союзниками». Герцог ди Серракаприола реагировал на это с энтузиазмом: уже в начале сентября 1800 г. он адресовал вице-канцлеру Н.П. Панину просьбу от имени короля Обеих Сицилий об осуществлении посредничества на переговорах с французами, на что 15 сентября получил благожелательный ответ от Павла I [5, Л. 126–126 об.], а в январе 1801 г. уведомил ГКИД о желании короля отправить в Париж уполномоченное лицо для ведения переговоров независимо от австрийцев. Вследствие этого в Высочайший рескрипт новому вице-канцлеру С.А. Колычеву (8 (20) января 1801 г.), отправленному с дипломатической миссией в Париж, было включено предписание иметь особенное попечение об интересах Неаполитанского королевства и вести переговоры с французами совместно с представителем короля Обеих Сицилий [8, с. 29].

На практике, однако, идея совместных переговоров не имела успеха. Представлявшему неаполитанские интересы во Франции маркизу ди Галло, приехавшему в Париж из Вены (еще до прибытия С.А. Колычева), французская сторона выдвинула ультимативные и жесткие условия, не соответствовавшие «пяти пунктам» российской стороны (закрыть порты королевства для англичан, передать

французам остров Эльба, согласиться на вывоз из Южной Италии произведений искусства и обеспечить свободный проход для десяти-тысячной французской армии, чтобы она могла занять порты и крепости Бриндизи, Отранто и Таранто для подготовки экспедиции «на Восток»). После того, как неаполитанский дипломат отказался принять эти условия, он был де-факто отстранен от переговоров, несмотря на свои протесты и требования дождаться прибытия российского вице-канцлера (в письме герцогу ди Серракаприола от 15 марта 1801 г. маркиз ди Галло писал: «Я тщетно представлял, что переговоры Его Величества неотделимы от переговоров императора [Павла I] не только в соответствии со статьей XI трактата, но также в соответствии с единством нынешних интересов обоих дворов» [4, Л. 26]). Буквально за несколько дней до приезда в Париж С.А. Колычева французский дипломат Ш.-Ж.-М. Алкье был направлен в Италию для переговоров с Неаполитанским двором. Одновременно Бонапарт, ранее находивший полномочия маркиза ди Галло «достаточными» (по утверждению самого дипломата), сделал все возможное для того, чтобы дезавуировать неаполитанского дипломата в глазах Павла I, указав на несоответствие его полномочий интересам российского монарха («Господин маркиз де Галло приехал со своими полномочиями. Я мог только выразить ему мое удивление и мое неудовольствие по поводу того, что министры немецкого императора и английского короля названы в его полномочиях, как лица, которые должны переговариваться совокупно с ним, тогда как министры В. В-ва поставлены ни во что» [8, с. 39]). Интересно, что совершенно иной была точка зрения С.А. Колычева: познакомившись с полномочиями маркиза ди Галло, вице-канцлер «нашел, что они дают ему право договариваться не только сообща с английскими и австрийскими уполномоченными или совокупно со всяким другим министром дружественного и союзного с Е. В-вом сицилийским королем двора, но даже, в случае нужды, вступать в переговоры и одному» [8, с. 55]. Само сближение с Францией С.А. Колычев оценивал как бесперспективное и лишенное всякой искренности, и именно позиция первого консула в неаполитанском вопросе была для него одним из главных оснований для подобных выводов. Уже 25 февраля (9 марта) 1801 г. он писал Павлу I: «Невзирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россией ни малейшей нет искренности, ибо здешнее правительство, оказав только наружное уважение к покровительству Вашего Императорского Величества королю Неаполитанскому, отказало послу его здесь вступить с нами в переговоры, и, удаля от владений его свои

войска, принудит вероятно заключить мир, неприличный ни выгодам его, ни достоинству Вашего Императорского Величества» [8, с. 41].

Мирный договор между Францией и Неаполитанским королевством был подписан во Флоренции 16 (28) марта 1801 г. Как и опасался Колычев, заключение трактата произошло под давлением французских войск, оккупировавших Тоскану и угрожавших возобновлением боевых действий, если не будут приняты условия французской стороны (практически идентичные тем требованиям, которые были ранее предъявлены в Париже маркизу ди Галло). Любые попытки российских дипломатов выступить на переговорах в качестве посредников оказались тщетны. В марте 1801 г. А.Я. Италинский вступил во Флоренции в прямые переговоры с И. Мюратом (во время которых французский генерал откровенно заявил российскому дипломату о подготовке французами военной экспедиции в Египет, якобы согласованной с Павлом I [3, Л. 27 об. — 28]). В то же самое время сицилийский король направил С.А. Колычеву официальные полномочия на ведение переговоров с французами от имени Неаполитанского двора («Решено в Совете снабдить господина вице-канцлера полномочием и нужными сведениями и представить ему негоцировать для Его Неапольского Величества мир, заключить оный и подписать» [3, Л. 18 об.]). Все эти попытки, в итоге, не имели никаких практических результатов: мир во Флоренции был подписан без всякого участия российской стороны, хотя французские представители и заявили об уважении к покровительству Неаполю со стороны России (как в ходе переговоров, так и в самом тексте договора) [3, Л. 35]. Реальным итогом Флорентийского договора стала оккупация адриатических портов Неаполитанского королевства восьмьютысячной французской армией, отныне напрямую угрожавшей Османской Порте.

Безусловно, одним лишь неаполитанским «эпизодом» не исчерпывается такая сложная проблема, как российско-французское сближение (1800—1801 гг.), тесно переплетенная с целым рядом других сюжетов, включая Мальгійский вопрос, политику вооруженного нейтралитета и план Индийского похода. Тем не менее анализ этого небольшого эпизода, касающегося взаимоотношений Российской империи с периферийным итальянским государством, позволяет, как кажется, пролить свет на причины и характер российско-французских переговоров 1800—1801 гг. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что сближение с Францией было сознательным и во многом вынужденным шагом со стороны Санкт-Петербурга, принятым, в том числе, под влиянием катастрофических событий военной кампании 1800 г. Идя на прямые переговоры с Францией, Российский двор стремился добиться

участия в «общем замирении» на правах арбитра и посредника, защитив интересы своих «малых союзников» (включая Неаполь) и предотвратив угрозу «сговора» между Бонапартом и Венским двором. При этом французское руководство не было заинтересовано в том, чтобы Санкт-Петербург вмешивался в переговоры между республикой и «малыми» европейскими государствами (в особенности в Италии, которая рассматривалась французским правительством как собственная сфера влияния). Это стало очевидно уже в феврале 1801 г., когда французы сделали все возможное для того, чтобы перенести центр переговоров с Неаполем из Парижа в Центральную Италию, воспрепятствовав всякому участию в негоциации русских дипломатов. Не соответствовали интересам России и условия подписанного в марте 1801 г. Флорентийского мирного договора, нарушившего неприкосновенность Королевства обеих Сицилий и фактически открывшего французским войскам путь к побережью Адриатики, откуда они могли напрямую угрожать Балканам. Принимая во внимание тот факт, что именно усиление французской экспансии в Средиземноморье стало одной из главных причин вступления императора Павла I в войну Второй коалиции, нетрудно заметить, что итоги столь многообещающего сближения с Францией в Южной Европе оказались для русской дипломатии по меньшей мере очень неоднозначными.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 288.
2. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 290.
3. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 822.
4. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10734.
5. АВПРИ. Ф. 270/1. Оп. 523. Д. 367.
6. Аеев А.С. Между адмиралом Ф.Ф. Ушаковым и Сицилийским двором: дипломатическая миссия А.Я. Италинского в Неаполе (1799 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. С. 81–101. URL: nbpublish.com/library_read_article.php?id=73560 (Дата обращения: 22.06.2025).
7. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. / под ред. Д.А. Милютина. Т. V. СПб., 1853. — 523 с.
8. Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. LXX. СПб., 1890. — 915 с.
9. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. — 503 с.
10. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1901. — 614 с.
11. *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910. — 348 p.
12. *Ragsdale H.* Détente in the Napoleonic Era. Bonaparte and the Russians. Lawrence, 1980. — 195 p.

Социально-политические слухи о монархе по материалам уголовных преступлений в России в первой четверти XIX в.²

Аннотация. Исследование посвящено анализу феномена социально-политических слухов первой четверти XIX в. в России как неотъемлемого элемента неформальной публичной коммуникации. Источниковой базой работы являются материалы уголовных преступлений, сохранившихся в фондах Комитета 1807 г., 5 департамента Сената и Государственного совета. Рассматриваются механизмы формирования, функционирования и распространения слухов, выступавших индикатором общественно-политических ожиданий. Особое внимание уделяется специфике реагирования на поступившую с мест потенциально опасную для государственного спокойствия информацию. Отсутствие налаженных механизмов и четкой системы надзора за распространением слухов и пасквилей не способствовало эффективному контролю за общественными настроениями. Рассматриваются различные сценарии слухов, связанных с восприятием фигуры Александра I и ключевых социально-политических вопросов. Раскрываются характерные черты интерпретаций действий власти в рамках устной коммуникации.

Ключевые слова: слухи; государственная безопасность; политические преступления; пасквили; политическая полиция

Socio-political rumors about the monarch based on the materials of criminal offenses in Russia in the first quarter of the 19th century

Abstract. The study is devoted to the analysis of the phenomenon of socio-political rumors of the first quarter of the 19th century in Russia as an integral element of informal public communication. The source base of the work are the materials of criminal offenses preserved in the funds of the Committee of 1807, the 5th Department of the Senate and the State Council. The mechanisms of formation, functioning and spread of rumors, which were an indicator of socio-political expectations, are considered. Special attention is paid to the specifics of responding to information received from the field that was potentially dangerous for the state's peace. The lack of well-established mechanisms and a clear system of supervision over the spread of rumors and lampoons did not contribute to effective control of public sentiments. Various scenarios of rumors related to the perception of Alexander I and the key socio-political issues. The main features of interpretations of government actions within the framework of oral communication are revealed.

Keywords: rumors; state security; political crimes; lampoons; political police

¹ **Мария Алексеевна Козлова** — младший научный сотрудник, Центр социальной истории Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: cozlowa.marya2018@yandex.ru

Maria A. Kozlova — Junior Researcher, Centre of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649. URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>.

Социально-политические слухи являются неотъемлемой частью публичной сферы. Изучение различных форм устной коммуникации позволяет проследить наиболее актуальные темы и варианты интерпретации основных социально-политических вопросов, а также определить границы влияния и эффективность мер, предпринимаемых для регулирования публичных разговоров и «толков». Материалы судебной практики и архивные документы фондов государственных учреждений помогают выявить специфику контроля за общественными настроениями.

Отражая общественно-политические ожидания и настроения общества, слухи также являются генератором определенной, эмоционально окрашенной картины мира. Слухи опираются на устойчивые культурные модели, становятся способом записи и передачи культурных значений [6, с. 6].

Анализу специфики слухов как индикатора общественно-политических настроений в исторической исследовательской литературе посвящены работы ряда авторов [1–4; 7; 17]. Большинство исследователей акцентируют внимание на социально-психологических аспектах слухов, механизмах их распространения и проблеме идентификации. О.В. Кораблева определяет слухи как значение, посредством которого нестабильная коллективность возникает из совокупности. Исследователь отмечает схожесть понятий «слухи» и «общественное мнение» в вопросах формирования данных, схожих механизмах формирования и функций [5, с. 136–140]. К.В. Чистов определил «слухи и толки» как самостоятельную форму передачи системы представлений социального коллектива [18, с. 12]. И.В. Побережников идентифицирует слухи как неотъемлемый элемент неформальной коммуникации, механизм, оказывающий воздействие на социальное взаимодействие [7, с. 3].

Начало XIX в. сопряжено с поиском наиболее эффективной системы государственного контроля за распространением информации, потенциально опасной для государственной безопасности и общественного спокойствия. В период правления Александра I учреждаются «Экспедиция о Спокойствии и Благочинии», «Тайная полицейская экспедиция», «Комитет высшей полиции», «Комитет охранения общей безопасности», Министерство полиции [16, с. 8–9]. В поле зрения специальных органов, направленных на своевременное реагирование на поступающую с мест информацию, находились социально-политические слухи, классифицируемые чиновниками как «толки», «опасные рассуждения» и «недозволительные речи». Ввиду обострения внешнеполити-

ческой обстановки и необходимости контроля настроений на западных границах империи доклады и донесения о публичных «толках» и разговорах попадали под пристальное внимание столичной администрации.

Слухи как часть неформальной публичной коммуникации являются индикатором перемены ожиданий населения, отражают варианты восприятия социально-экономических и политических вопросов в различных социальных группах. Социально-политические слухи неизбежно циркулировали вокруг наиболее актуальных внутривластных вопросов: государственной власти и возможных вариантов изменения формы правления, а также решения крестьянского вопроса. «Дерзновенные речи» затрагивали и русско-французские отношения, в частности, противостояние русского царя с французским императором.

Так, недовольство социально-экономическим положением нередко проецировалось на конкретную личность. Фигура монарха традиционно являлась центром притяжения для сюжетов народных «толков» и «опасных» разговоров. Сообщения об успехах или неудачах русского оружия, опыт проведения государственных преобразований, увольнения или назначения сановников империи, частная жизнь правителя — любые изменения в государстве воспринимались обществом посредством анализа в неформальной коммуникации. Слухи выполняли двойственную функцию: с одной стороны, седативную, смягчая социальное напряжение. В то же время циркуляция «опасной» и «недозволенной» информации, напротив, способствовала распространению сведений антиправительственного, критического содержания, не всегда имевшей прямую корреляцию с действительностью. В центре сюжетов социально-политических слухов начала XIX в. неизбежно находилась фигура Александра I. К образу императора апеллировали в разговорах о скорых радикальных изменениях, прежде всего — возможном государственном перевороте и смене монарха.

В слухах о готовящихся заговорах усматривается намерение «убеждать», «предупредить», «оградить» монарха от возможной угрозы. Переворот готовят «злые силы», но некая высшая воля способна уберечь государя от угрозы. Так, легенда о «царе-избавителе» [18, с. 15] трансформируется в сценарий охранения, предупреждения монарха от злонамеренных сил.

Одним из часто встречающихся вариантов «дерзновенных выражений» в адрес Александра I становились слухи об участии монарха в заговоре против Павла I. Участием в убийстве отца-императора объясняли несправедливости и неудачи молодого императора, но также ставили под сомнение богоизбранность царя. События 11 марта 1801 г.

нередко становились своеобразным «фоном» для циркуляции слухов антиправительственного содержания.

Так, дело якобы ротмистра польской службы Игнатия Мощинского за присланные в Сенат просьбы с «дерзкими об Императоре Александре I выражениями» рассматривалось в 1814 г. «Комитетом охранения общей безопасности». Мощинский приписывал подольскому коменданту и гражданскому губернатору следующие слова: «...что Государь император для того не может сделать справедливого обиженному удовлетворений, что якобы участвовал в убийтии Отца своего» [11, Л. 25 об.]. Апелляция к слухам об участии Александра I в государственном перевороте — довольно популярная реакция общественности, мотивировавшая неудовлетворенность действиями государя.

В 1818 г. Комитет проводил следствие по делу помещика Невельского уезда Марцелия Ивановича Градовского, донесшего императору об очередном «заговоре», когда якобы было сказано: «...благонамеренные люди желают, дабы Государь берегся темных ночей и апоплектического удара <...>, что покушение на Его жизнь было и прежде, но отвратил оное Великий Князь Константин Павлович» [12, Л. 28 об.]. В данном варианте слухов также прослеживается отсылка к убийству Павла I и предупреждение государя о готовящейся угрозе.

М.И. Градовский был доставлен в столицу и допрошен в Комитете. Помещик показал, что разговоры о «заговоре» он слышал в доме местного судьи, от дворян Лоссовских и Борятинского, а также офицера инвалидной команды Шпака. Согласно свидетельским показаниям, некий дворянин по фамилии Шишка, говоря о кончине Павла I, упомянул, что «и с нынешним Государем Императором то же хотели сделать Министры в Комитете <...>». Кроме Государя, когда Его министры убить хотели, а Государь говорил министрам: меня убьете, останется Константин Павлович, а после Его Николай Павлович и Михаил Павлович» [12, Л. 215—217 об.]. Сам же Марцелий Иванович имел довольно скверную репутацию: в 1814 г. участвовал в судебных разбирательствах, обвинялся в «бесчеловечных истязаниях чужим крестьянам, в насильных, деланных чужим и своим женщинами и девкам и в приказывании сделать поджог; а при том подозревается и в самом убийстве» [12, Л. 215—217 об.]. Градовский, вероятно, намереваясь выслужиться и «обелить» репутацию путем доноса о «заговоре», за распространение слухов и «недозволительных речей» подвергся обвинению в клевете.

Анализ дел, рассмотренных органами высшей полиции, позволяет выявить несколько сценариев слухов о заговоре. Ключевой фигурой в подобных «толках» являлся наследник престола Константин Павло-

вич. С его фигурой связывались нереализованные ожидания различных социальных групп, направленные на либеральные преобразования и ослабление крестьянского гнета. После смерти Александра I, по замечанию К.В. Чистова, начала распространяться легенда о Константине [18, с. 198], возникшая после событий 14 декабря 1825 г.

Однако в слухах о переворотах фигурировал не только сценарий восшествия на престол Константина Павловича. Народные ожидания также апеллировали к женскому образу как продолжению «блестательного века» Екатерины II. В таком варианте «претендентами» на престол становились Великая княгиня Екатерина Павловна и императрица Елизавета Алексеевна [3, с. 23].

Александр Павлович фигурировал в народных «толках» в качестве одного из возможных инициаторов освобождения крестьян. Сценарий освобождения по указу императора выстраивался посредством слухов о возможном переводе крепостных и дворовых в разряд государственных крестьян [15, с. 14]. Ожидания населения, связанные с инициативой русского императора по решению крестьянского вопроса, были наиболее распространенным вариантом сценария обретения «вольности».

Исследователи, характеризующие социально-политические слухи XVIII–XIX вв., распространявшиеся в народных массах, довольно часто отмечают идеализацию русского монарха. И.В. Побережников указывает на выстраивание образа Государя как благодетеля и высшего покровителя, в чьей фигуре концентрировалось представление о божьей милости и великой силе [7, с. 7]. К.В. Чистов рассматривает несколько вариантов идеи о «царе-избавителе», где сакральные функции может нести как «природный» царь, так и царевич, который, согласно рассмотренным утопическим легендам, должен принять на себя бремя власти [18, с. 30–31]. В любом из вариантов присутствует некий «божественный» образ, идея о высшем предназначении и безусловном благе как фундамент выстраивания слухов о будущем или действующем монархе.

Другое, также опасное для образа монарха направление пасквилей — резко эмоционально окрашенная критика личности и проводимой государем политики. Так, в 1814 г. Санкт-Петербургскому главнокомандующему и управляющему Министерством полиции Сергею Кузьмичу Вязьмитинову был представлен доклад владимирского гражданского губернатора Авдия Николаевича Супонева [10, Л. 1–2 об.] о некоем преподавателе Педагогического института титулярном советнике Николае Ивановиче Язвицком, уличенном в распространении слухов, наполненных «дерзкими рассуждениями». Н.И. Язвицкий

написал А. Н. Супоневу письмо, содержание которого показалось последнему дерзким и нелепым. Губернатор усмотрел даже «повреждение ума» у Язвицкого ввиду его наружности, а также «смущение и томность в глазах». Дело передали в Министерство полиции, затем следствие началось в рамках работы «Комитета охранения общей безопасности».

В записке губернатору Владимирской губернии от 13 января 1814 г. Язвицкий утверждал: «За предание смертоубийства и суровые рабские законы, кои нечто иное были как явное покрывало зверства и ужасный шаг тиранства, Государя при въезде в столицу должно лишить всех почестей и триумфов, сумму же, собранную от dobroхотно подателей для сего предмета надлежат обратить в Государственную казну для безбедного продовольствования <...> людей, в здешней губернии находящихся, или насильно оторваны <...> от своих мест...» [10, Л. 3 об.]. Комитет мотивировал создание «пасквиля» на государя «странностью» слов и поступков Язвицкого: «...неизвестно, от физического ль повреждения, от расстройстве в рассудке, или может статься от притворства оное, происходит» [10, Л. 18]. Преподаватель, якобы поврежденный рассудком, за дерзкую критику в адрес императора был помещен в Обуховскую больницу [10, Л. 19].

Оскорбления в адрес монарха имели и бытовой характер. Александр I обвинялся не только в недостаточности либеральных преобразований или же военных неудачах. Царь в народных представлениях мог стать виновником насущных проблем простого населения — неурожая или падежа скота. К примеру, в 1813 г. казак Черниговской губернии Конотопского повета, села Курени Игнатий Аникиев Хоменко привлёкся к ответственности за произнесение дерзких слов об императоре Александре I. Согласно доносу, Хоменко, будучи сильно пьян, заявил: «...пора уже и Государя на цепу взять, за то, что он нас и скотину нашу мучит» [9, Л. 2 об.]. За оскорбление императора Хоменко приговорили к заключению в острог [9, Л. 24 об.].

Ряд дел, классифицируемых как «дерзновенные речи» и оскорбления в адрес монарха, поступали в Уголовный департамент Сената как государственные или политические преступления. К Александру I, по донесениям чиновников с мест, в народных «толках» применялись эпитеты «плешивый» [13, Л. 11 об.] и «дурак» [14, Л. 34 об.], а также обвинения в «расстройстве людей». Император в народных «толках» также удостоивался именованием «крокодил». В 1824 г. Сенат осудил на каторгу крепостного Рязанской губернии Козьму Меркулова. На крестьянина донесли сельский заседатель Иванов и земский суд, заявившие, что Меркулов якобы во время чтения приговора по собственному

делу не снял шапки, а после заявил: «у вас и Государь то под караулом Крокодил» [8, Л. 2 об.]. Крокодил традиционно отождествлялся с библейским морским чудовищем, левиафаном. Фразу «под караулом крокодил» можно интерпретировать как чудовище, находящееся под стражей, нечто опасное, но скованное.

Свидетели донос подтвердили. Меркулов же, раскольник, ранее судимый за «перекрещивание» крестьянина Фокина в ледяной воде, после чего якобы последовали его болезнь и скоропостижная смерть, был уличен в непокорности. Объяснений «дерзновенных слов» в адрес Государя местные власти не получили, а сам Меркулов от сказанного отрещивался.

Оправданием в разглашении «недозволительных речей» в адрес государя довольно часто служило признание в непомерном употреблении спиртного, что, согласно показаниям обвиняемых, объясняло необдуманность сказанного. В случае признания вины в разглашении слухов и пасквилей выносилось строгое наказание — заключение в крепость, ссылка на каторжные работы или направление на принудительное лечение.

Особое внимание чиновников местной и столичной администрации к сообщениям о распространении слухов и пасквилей в адрес монарха свидетельствует о понимании необходимости контроля за настроениями в обществе. Своевременное реагирование на распространение слухов, затрагивавших фигуру монарха, являлось делом государственной важности. Однако отсутствие налаженной системы надзора за публичными «толками» и агентурной системы не способствовало выстраиванию эффективной системы политического надзора. Реагирование на уже распространявшуюся информацию не могло в полной мере остановить «дерзновенные речи», что способствовало дальнейшему поиску оптимальной системы высшей полиции.

Список источников и литературы

1. Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Исторические науки». 2018. № 4(20). С. 45–52.
2. Егоров А.К. Слухи как объект исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3. С. 7–10.
3. Козлов В.П. Типология слухов как исторического источника // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. Т. 9. М., 2020. С. 250–259.
4. Козлова М.А. «Комитет охранения общей безопасности» 1807 года: механизмы выявления и содержание социально-политических слухов // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 3. С. 18–27.
5. Корablева О.В. Слухи как фактор формирования общественного мнения // Социосфера. 2010. № 4. С. 136–140.

6. Орлов И.Б. «Словно мухи, тут и там...» слухи как источник коммуникации в пространстве постфольклора: городские тексты и практики // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М.: Форум, 2015. С. 12–21.

7. Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – 60 с.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1151. Оп. 1. 1824. Д. 171.

9. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1813. Д. 2.

10. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1814. Д. 1.

11. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1814. Д. 4.

12. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1818. Д. 1а.

13. РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 903.

14. РГИА. 1345. Оп. 98. Д. 976.

15. Тимофеев Д.В. Перспективы решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX века в отражении недворянских проектов и слухов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 9–16.

16. Троцкий И.М. Третье отделение при Николае I. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев, 1930. – 139 с.

17. Чернов С.Н. Слухи 1825–1826 гг. (Фольклор и история) // У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории русского декабризма. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1960. – 424 с.

18. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. – 341 с.

**«Лжеревизоры» в провинции в первой половине XIX в.,
или дело о поимке в Вологодской губернии
двух подозрительных людей, выдававших
себя за «секретных» ревизоров**

Аннотация. В статье рассматривается случай, произошедший в 1822 г. в Вологодской губернии, когда двое беглецов из Костромской губернии, представляясь «тайными» ревизорами питейных сборов, доехали до г. Великого Устюга, inspectируя питейные дома. Сохранившаяся в Государственном архиве Вологодской области делопроизводственная документация, в том числе судебный приговор по этому делу, позволили установить, кем на самом деле являлись «лжеревизоры», каковы были их действия и как реагировали служащие на их распоряжения. Сделан вывод, что выявленный случай, как и другие известные исследователям подобные истории, играет весомую роль не только для изучения феномена «лжеревизий», но и во многом характеризует состояние местного управления.

Ключевые слова: сенаторские ревизии; тайные ревизии; самозванцы; местное управление; провинциальное чиновничество; губерния; первая половина XIX в.

**“False auditors” in the provinces in the first half of the 19th century,
or the case of two suspicious people who posed as “secret”
auditors in the Vologda province**

Abstract. The article examines a case that occurred in 1822 in the Vologda province, when two fugitives from the Kostroma province, posing as “secret” inspectors of alcohol taxes, traveled to Veliky Ustyug, inspecting taverns. The records preserved in the State Archive of the Vologda Region, including the court verdict in this case, allowed us to determine who the “false inspectors” actually were, what were their actions, and how the employees reacted to their orders. It is concluded that this case, as well as other similar stories known to researchers, plays a significant role not only in studying the phenomenon of “false revisions”, but also in characterizing the state of local governance.

Keywords: senatorial revisions; secret revisions; impostors; local administration; provincial bureaucracy; province; first half of the XX century

«Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор», — с этой, ставшей уже крылатой фразы начинается знаменитое произведение Н.В. Гоголя «Ревизор». События пьесы всем хорошо знакомы и, учитывая представления о состоя-

¹ **Олеся Анатольевна Плех** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории РАН (Москва, Россия); e-mail: plekh@mail.ru
Olesya A. Plekh — Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

нии местного управления в первой половине XIX в., воспринимаются чуть ли не как документальная повесть о жизни провинциального чиновничества. Насколько правдив сюжет произведения и какие именно события вдохновили Гоголя на его создание, известно благодаря многочисленным публикациям, имеющимся на сегодняшний день². Однако вопрос, насколько типичной являлась описываемая картина, до настоящего времени в исторической науке не имеет однозначного ответа, в первую очередь потому что феномен «лжереvizоров» еще не привлекал особого внимания историков (по всей видимости, по причине очевидной сложности выявления документальных свидетельств, которые можно обнаружить только путем скрупулезного разбора массовой делопроизводственной документации, сохранившейся в фондах местных архивов). В ходе настоящего исследования рассматривается конкретный случай появления в провинции «секретных ревизоров», нашедший отражение среди материалов, хранящихся в Государственном архиве Вологодской области (далее — ГАВО).

* * *

В феврале 1822 г. в г. Великом Устюге Вологодской губернии были задержаны два «подозрительных человека, называвшие себя секретными ревизорами питейных сборов»: один представлялся ревизором питейной части действительным статским советником и кавалером ордена св. Анны 1 степени Лобановым, другой — его письмоводителем надворным советником Веселовским [3, Л. 5]. Уже на предварительном следствии местным чиновникам удалось открыть все их «злодеяния», причем самозванцы сразу начали давать признательные показания. Ими оказались лальский мещанин Анфим Лобанов, который прожи-

² Известно, что на создание «Ревизора» Гоголя вдохновил рассказ А.С. Пушкина о «мнимом ревизоре». Существует предположение, что Гоголь мог услышать о нескольких подобных историях, произошедших в разных губерниях [5, с. 16–19]. В частности, граф В.А. Соллогуб, служивший в 1830-е гг. чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, в своих воспоминаниях отмечал: «Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того, Пушкин, сам будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена [гр[афом] В.А. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтоб был осторожен, так как история пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был “Ревизор”» [12, с. 552, 553]. При этом особое внимание современных исследователей привлекает случай, произошедший в Устюжне. Установлено, что он действительно имел место быть, правда, описывается не в таких ярких красках, как в воспоминаниях Соллогуба [подробнее см.: 6, с. 145–153].

вал в Костромской губернии, находясь «при отце своем при питейных сборах», и отставной канцелярист Костромской духовной консистории Николай Веселовский. Они познакомились в Костроме и в декабре 1821 г. «согласились» бежать в соседнюю Вологодскую губернию, для чего наняли ямщика мещанина Василия Андреева («по прозванию Кузнецова») и «на паре лошадей» отправились с ним в Вологду. «Дорогою украли на ночлеге топор, которым, не доехав до города Любима», убили ямщика, «потом мертвое тело его, положив в сани, провезли чрез Любим ночным временем и от одного верста за пять бросили на сторону в снег», и далее продолжили путь по Вологодскому тракту к г. Грязовцу. В Вологду они прибыли 23 декабря и остановились на квартире у родственницы Лобанова мещанской вдовы Анны Пешковой. Здесь они прожили почти две недели, в течение которых «ходили по городу в масках и у той Пешковой учинили покражу, вынули из сундука коробку с разными вещами и деньгами 14-ю рублями серебром». Кроме того, они обокрали лавку мещанина Михаила Волкова: «в одну ночь изломали топором двери лавки... унесли разные вещи, денег серебром 14 и медных около 6 рублей». Одну из лошадей продали и спешно покинули город, направившись в Тотьму [1, Л. 651 об., 652; 3, Л. 1 об., 2].

В Тотьме беглецы сняли квартиру у мещанина Николая Чекалева и, по всей видимости, озадачившись дальнейшим планом действий, именно тут у них и родилась мысль выдавать себя за «тайных» ревизоров питейных сборов. Лобанов, как уже упоминалось, в Костроме помогал отцу с питейными сборами, следовательно, был хорошо знаком с этой сферой деятельности и знал, как устроена торговля. Злоумышленники хорошо подготовились: «сочинили» себе паспорта для беспрепятственных разъездов по губернии, «для освидетельствования по питейным сборам фальшивые предписания» и «подписывались за разных чиновников». Более того, они «написали отрицание от Бога Иисуса Христа и Пречистой Его Матери, проклинали своих родителей, заклиная себя, чтоб не быть христианами, а служить сатане и аду, утверждая ту хартию своим подписанием» [3, Л. 2]. Данную бумагу с прочими поддельными документами обнаружили у них при обыске.

В Тотьме Лобанов и Веселовский распродавали украденные вещи и выгодно сторговались за лошадь с управляющим солеными варницами, но задержаться надолго у них не получилось. Спустя две недели после их прибытия Чекалев решил объявить о гостях городничему К.И. фон Зигелю, который затребовал их к себе. Лобанов, «являсь ко оному», показал свое «фальшивое предписание». Удивительно, но опытный чиновник, за плечами которого была многолетняя служба,

не решился сразу же арестовать самозванцев и ограничился лишь требованием не покидать город. В свою очередь, Лобанов и Веселовский, понимая, что дело может принять невыгодный для них оборот, спешно наняли извозчика тотемского крестьянина Ивана Крысантаева, который, «будучи сам без паспорта», согласился тайно довести их до Устюга. В пути, «по фальшивым своим наставлениям», беглецы «ревисовали в питейных домах и выставках вино, чинили продавцам разные битием обиды и брали с них деньги», «отбирали о смене и приеме вина списки» [1, Л. 652–655; 3, Л. 2, 2 об.].

Прибыв в Устюг, «лжереvisоры» поселились в доме крестьян Горбовских (которые также не стали спешить с «объявлением» о прибытии гостей) и тут же решили отыскать надзирателя питейных сборов Козмина. «Найдя его у бывшего исправника Самсонова», предложили отправиться в располагавшуюся на «трактовой дороге» Бобровскую дистанцию³, где не только обревизовали вино, но и привели к присяге в церкви и взяли подписки с помощника надзирателя питейных сборов Петра Корелина и исправлявшего должность винного пристава Бобровской дистанции Александра Новосельцева, и даже «отобрали питейные меры». Вернувшись в город, ревизоры отправились в уездное правление питейного сбора и принялись изучать делопроизводственную документацию. Наблюдая за действиями Лобанова и Веселовского, Козмин не оказывал никакого сопротивления (более того, позволил «брать им к себе... письменные документы»), но, следуя установленному порядку, доложил о начавшейся проверке уездному начальству [1, Л. 658, 658 об.; 3, Л. 2 об.].

Закономерно возникает вопрос, почему у служащих питейного ведомства и сидельцев питейных домов не возникало сомнений в подлинности ревизоров? В изучаемый период ревизии, в том числе и ведомственные, не были редкостью. В начале 1820-х гг. Министерство финансов пыталось реорганизовать управление питейным делом (после отмены откупной системы) и наладить казенную продажу вина, и в связи с этим направляло в губернии своих чиновников с поручениями на месте исследовать состояние питейных заведений. К примеру, в 1822 г. в Ярославскую губернию был направлен коллежский советник Ф.И. Татаринов «для изыскания причин безуспешной в 1822 г. раздачи питейных сборов в содержание на 1823 г., по изданным вновь правилам, с приведением оной в надлежащее устройство и исследования

³ Дистанционный подвал (дистанция) представлял собой казенное хранилище для приемы вина, которое могло располагаться как при питейном доме, так и на удалении от него.

разных злоупотреблений по части питейного сбора» [9, Л. 82 об., 83]. Можно предположить, что Лобанов знал о таких инспекциях (возможно, и не понаслышке), и тогда это обстоятельство объясняет, как ему удавалось вводить в заблуждение сидельцев питейных домов, которые в большинстве своем являлись мещанами или крестьянами. Однако реакция опытных чиновников, которые не спешили с принятием решений и в непонятных ситуациях предпочитали согласиться с требованиями «лжесревизоров», весьма любопытна. По всей видимости, определяющим в их поведении являлись требование соблюдать субординацию и боязнь проявить инициативу без санкции начальства.

Следует отметить, что в первой половине XIX в. назначаемые из центра инспекции нередко оказывались внезапными мероприятиями и заставляли местную администрацию врасплох. Если речь шла о сенаторском инспектировании, то элемент внезапности, скорее, являлся исключением, нежели нормой (практика оповещения местных учреждений о приезде сенаторов существовала со времен Павла I, предпринявшего, по выражению А.В. Ковальчука, «беспрецедентный по масштабам “смотр губерний” посредством сенаторских ревизий» [4, с. 326]). Материалы ревизий свидетельствуют, что как только в центре принималось решение о проведении ревизии и определялась кандидатура ревизора, в губернию направляли официальное извещение о грядущей проверке. При этом время с момента получения известия до приезда столичных чиновников, как правило, исчислялось несколькими днями. Конечно, учитывая состояние дорог, корреспонденция из центра могла прибыть в губернию почти одновременно с сенатором. Так, в 1814 г. внезапной для вологодских чиновников стала ревизия А.З. Хитрово, приехавшего в губернию 12 января «для изыскания причин накопления в оной недоимок казенных сборов» [2, Л. 13 об.]. Извещение о назначении ревизии поступило в Вологодское губернское правление в этот же день и тут же было разослано во все присутственные места (соответственно, до адресатов новость дошла уже тогда, когда сенатор начал проводить проверку). Другая сенаторская ревизия Вологодской губернии, произошедшая в 1830 г., отражает совершенно иную картину. В ходе подготовки сенаторы А.М. Корнилов и В.Ф. Мертенс своими «предложениями» из Санкт-Петербурга заранее предписали «Вологодскому губернскому правлению и казенной палате о изготовлении к приезду... надлежащих ведомостей и сведений... чтоб благовременно приготовлены были» [8, Л. 1, 1 об.]. Отъезд из столицы затянулся по причине подбора «благонадежных» помощников, которые должны были отправиться с ними в командировку, и задержки

в выделении средств (в связи с этим провинциальные чиновники имели в распоряжении несколько недель) [11, Л. 15–28]. В целом назначение «тайных» сенаторских ревизий в большинстве случаев не имело смысла, поскольку времени, исчисляемого несколькими днями, которое отводилось на приготовление к приезду сенатора, было явно недостаточно для сокрытия укоренившихся злоупотреблений, но его вполне хватало для систематизации документации, что, в конечном итоге, вело к сокращению сроков проведения проверки. В этом были заинтересованы и сами сенаторы, и верховная власть, для которой организация инспекции являлась дорогостоящим мероприятием.

Другое дело, когда речь шла о ведомственных ревизиях, в особенности, когда ревизорам поручалось «внезапно» освидетельствовать казну и изучить финансовые документы. В таких случаях отправка «тайного» инспектора наилучшим образом способствовала выявлению нарушений. Ревизоры, как правило, действовали по единой схеме: прибыв на место, сразу же отправлялись в казенную палату или уездное казначейство, опечатывали «кладовую», приглашали «местное начальство» и при нем приступали к разбору бумаг, осмотру казенного имущества и подсчету находившейся на хранении суммы [7, Л. 26–27 об.]. Несмотря на внезапность, ревизоров всегда выдавал вполне узнаваемый однотипный алгоритм действий (закрепленный в правительственных инструкциях), поведение и, конечно же, внешний вид. К тому же опытный чиновник всегда мог отличить «фальшивое» предписание от оригинальной бумаги. В нашем случае даже в судебном приговоре нашло отражение недоумение, вызванное невнимательностью (или халатностью) служащих, которые совсем не обратили внимания ни на внешний вид ревизоров («явных по виду, одежде и обращению обманщиков»), ни на предъявляемые ими фальшивые бумаги, в первую очередь «увольнительную», «которая, кроме того что нет на ней следующей местного начальства печати, очень приметна по самому дурному слогу» [1, Л. 658 об. — 659].

Возвращаясь к дальнейшей судьбе Лобанова и Веселовского, подчеркнем, что одурочить устюжских полицейских у них не получилось: «в съезде доме» они были взяты под арест частным приставом Устюжской полиции П.Е. Котовым. Об этом упоминается в формулярном списке чиновника: «При бдительном надзоре и прямом исполнении занимаемой должности частного пристава с 1821 года отыскал и схватил в городе Устюге вверенной ему второй части двух самозванцев, называвшихся кавалерами, первый действительным статским советником Лобановым-Ростовским, а второй надворным советником Ве-

селовским, ревизующими питейную часть, оказавшиеся по исследованию им беглыми, первый лальский мещанин, а второй костромской семинарии студент, учинившие смертоубийство над везшим их ямщиком, ревизуя питейные дома и делая разные грабежи во время проезда своего из Костромы через Любим, Грязовец, Вологду, Кадников и Тотьму до Устюга, кои по решению дела и приняли должное наказание» [10, Л. 454 об. — 457]⁴. Котов происходил из обер-офицерских детей (сын личного дворянина) и не посещал никаких учебных заведений. Несмотря на свою молодость (в 1822 г. ему было всего 25 лет), он уже имел весомый служебный опыт: в возрасте 8 лет поступил на службу в Устюгскую полицию, а первый чин (коллежского регистратора) получил в 13 лет. В 1818 г. был назначен на должность квартального надзирателя, в 1821 г. — частного пристава. По всей видимости, Котов действительно был бдительным полицейским, добросовестно исполнявшим обязанности, которого не получилось ввести в заблуждение с помощью поддельных документов. Более того, сразу после ареста обвиняемых ему удалось добиться признания ими всех совершенных преступлений.

О поимке Лобанова и Веселовского уездные чиновники сразу же сообщили в губернский центр, а оттуда рапортовали в столицу. В частности, сведения об этом случае удалось обнаружить среди материалов фонда Вологодского губернского прокурора ГАВО (Ф. 806), из которых следует, что исправлявший должность устюгского уездного стряпчего секретарь уездного суда И.О. Поздышев сообщил о происшествии исправлявшему должность губернского прокурора губернскому стряпчему И.Н. Иваницкому, а тот поспешил донести министру юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому [3, Л. 1—2 об.]. В свою очередь, последний предписал Иваницкому, «приняв дело сие в особенное Ваше внимание, иметь бдительнейшее наблюдение, чтобы оно проведено было в совершенную ясность и чтобы с виновными поступлено было по всей строгости законов без всякого послабления, с хранением строгой справедливости, и об успехах в производстве сего дела мне доносить» [3, Л. 5].

⁴ Этот случай стал не единственным примечательным событием в карьере Котова. В его формулярном списке также обозначено, что в 1824 г. он «был вытребован в Вологду» во время приезда Александра I для усиления частных приставов (по штату в Вологодской полиции служило три частных пристава) и «имел счастье для поднесения Его Императорскому Величеству писать чистым почерком от господина губернатора всеподданнейший рапорт о благосостоянии губернии и прочие ведомости», и «за представленные манускрипты был удостоен бриллиантового перстня». В 1824 г. его заслуги (в том числе и поимка самозванцев) были отмечены орденом св. Анны 3 степени [10, Л. 460 об., 461].

Иными словами, министр взял дело под личный контроль (что неудивительно, учитывая, кем представлялся Лобанов). Трудно установить, это ли обстоятельство или же тяжесть совершенных злодеяний сыграло решающую роль, но местная судебная система сработала на удивление быстро.

В марте 1822 г. дело приняли на рассмотрение Устюгский уездный суд «обще с городовым магистратом», а 19 июля того же года решение поступило на ревизию в Вологодскую палату уголовного суда, которая уже 31 июля вынесла окончательный приговор. Как и следовало ожидать, сомнений в виновности у судей не возникло и с преступниками поступили «по всей строгости законов без всякого послабления»: «наказать в городе Устюге публично кнутом по семидесяти ударов, заклепав в кандалы и поставя на лбу и щеках указные знаки, сослать вечно в каторжную работу каждого порознь в Нерчинск, предав потом за отречение их от Бога... церковному покаянию» [1, Л. 656]. Также суд не оставил без внимания действия людей, ставших невольными соучастниками: мещан Пешкову и Чекалева, вовремя не сообщивших о «приезде в дом к ним без паспортов Лобанова и Веселовского» и позволивших злоумышленникам безгласно проживать продолжительное время, приговорили «выдержать под стражей с употреблением в городовую работу... по одному месяцу»; извозчику Крысантиеву, отвезшему преступников в Устюг без письменного вида, и домовладельцам Горбовским, «не давшим знать тотчас полиции о приезде к ним тех людей», вменили в наказание долговременное содержание их «по сему делу в тюрьме». Что же касается служащих, поверивших «лжеревизорам» и не предпринявших никаких мер для их задержания, то наказания им назначать не стали, ограничившись предписанием губернским учреждениям рассмотреть их упущения [1, Л. 657–659 об.].⁵

⁵ «Неосторожность и невнимание» служащих по питейной части (Козмина, Корелина и Новосельцева) должна была рассмотреть казенная палата, а действия тотемских городничего и исправника, не предпринявших к удержанию от побега «пристойных мер», — губернское правление (в вину Зигелю вменялось то, что он «бывшего у него по его требованию Лобанова не приказал задержать, что обязан был сделать как по предъявляемой сим фальшивой увольнительной якобы его бумаге... так и потому что он явился к нему принужденно, проживши в сем городе известное ему городничему время, т.е. почти две недели», и то, что, «узнав об отлучке его с Веселовским из города о преследовании их относился к тамошнему исправнику», но не удосужился проследить, «учинено» ли было преследование; в свою очередь, исправник П.И. Иванов «ни преследования оному Лобанову и товарищу его Веселовскому, ни подлежащего о сем распоряжения, по отношению к нему городничего, как видно, не делал») [1, Л. 655, 659–659 об.].

* * *

В ходе проведенного исследования был рассмотрен конкретный случай, который, наряду с многочисленными рассказами о «лжеревизорах» в разных губерниях, служит еще одним доказательством того, что появление в провинции таких лиц не было большой редкостью в первой половине XIX в. Правда, за ревизоров главным образом принимали лиц с представительной внешностью, а не беглецов, занимавшихся убийствами и воровством.

В отличие от гоголевского сюжета, «лжеревизорам», путешествовавшим по Вологодской губернии в 1822 г., удавалось одурачивать в основном малограмотных сидельцев питейных домов, а при столкновении с чиновниками они сразу же вызывали подозрения. Весомую роль, конечно же, играли слухи, которые всегда опережали официальные известия и для служащих являлись важным каналом получения информации. К моменту прибытия самозванцев в Устюг, где их арестовали, новость о «тайных» ревизорах уже пронеслась по губернии, и можно предположить, что для устюжских чиновников их появление было ожидаемым. Однако же определить, с кем именно придется иметь дело — с настоящими или мнимыми инспекторами, и как реагировать на их распоряжения, можно было лишь при личной встрече и после ознакомления с предписаниями, на основе которых действовали ревизоры.

Дело Лобанова и Веселовского вряд ли следует воспринимать как типичный случай, но произошедшая история весьма показательна как для изучения феномена «лжеревизий», так и для характеристики состояния местного управления. С одной стороны, центральное правительство, активно практикуя ревизии, в том числе «тайные», пыталось таким образом усилить контроль за деятельностью провинциальных чиновников, а элемент внезапности, в особенности, когда требовалось проинспектировать управление казенным имуществом, играл важную роль в поддержании законности. С другой стороны, местный аппарат с жестко выстроенной чиновной иерархией, требовавшей согласования с вышестоящими чинами и инстанциями, представлял собой довольно неповоротливый механизм, зачастую неспособный адекватно и оперативно реагировать на происходившие события. И это наглядно иллюстрируют истории со «лжеревизорами», когда чиновники (даже умудренные опытом), зная о практике «тайных» ревизий, лишний раз не проявляли инициативу и не спешили с принятием решений, опасаясь совершить ошибку и поплатиться карьерой.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 177. Оп. 1. Д. 92.
2. ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 66.
3. ГАВО. Ф. 806. Оп. 3. Д. 9.
4. *Ковальчук А.В.* Состояние местного государственного аппарата по материалам сенаторских ревизий 1799–1800 гг. // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти проф. А.А. Преображенского: сб. статей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 318–343.
5. *Манн Ю.В.* Гоголь: [трилогия]. Кн. 2: На вершине, 1835–1845. М.: РГГУ, 2012. – 551 с.
6. *Поздеев А.А.* Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Устюжна: историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 145–153.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 1. Д. 1396.
8. РГИА. Ф. 1341. Оп. 32. Д. 768а.
9. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 129.
10. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1838. Д. 441. Ч. 1.
11. РГИА. Ф. 1405. Оп. 28. Д. 2513.
12. *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л.: Художественная литература, 1988. – 717 с.

Система подготовки нижних чинов Пермской жандармской команды в 1817–1867 гг.

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс подготовки нижних чинов Пермской жандармской команды, выявляются особенности, изменения требований к кандидатам, поступающим на службу в жандармерию в периоды правления трех императоров. С момента учреждения жандармской команды в Перми до ее упразднения, на основе архивных документов, удалось установить и проследить процесс подготовки личного состава к несению служебных обязанностей. Автором выявлены периоды, когда к кандидатам предъявлялись минимальные и более жесткие (образовательный ценз) требования, позволявшие стать жандармом. Стоит отметить, что требования к поступающим на службу в жандармские подразделения в рассматриваемый период менялись.

Ключевые слова: Пермская жандармская команда; Корпус жандармов; П.А. Шувалов; В.А. Долгоруков; А.В. Комаров; жандармская школа

The system of training lower ranks of the Perm gendarmerie team in 1817–1867

Abstract. This article examines the process of training the lower ranks of the Perm gendarme team, reveals features, changes in the requirements for candidates entering the service of the gendarmerie during the reign of three emperors. From the moment the gendarme team was established in Perm until its abolition, on the basis of archival documents, it was possible to establish and trace the process of preparing personnel for official duties. The author revealed periods when minimal requirements were imposed on candidates and more stringent educational qualifications, which allowed them to become a gendarme. It is worth noting that the requirements for those entering the service in the gendarme units changed during the period under review.

Keywords: Perm gendarme team; Gendarmes Corps; P.A. Shuvalov; V.A. Dolgorukov; A.V. Komarov; gendarme school

От уровня образования и подготовки кадров любого учреждения зависит эффективность его работы. Нижние чины жандармских частей Российской империи могут послужить тому примером.

Как правило, при изучении жандармерии мало внимания уделяется нижним чинам, а ведь именно им приходилось на практике воплощать в жизнь приказы самодержца. Круг служебных обязанностей у них был весьма обширным — от конвоирования политических заключенных и наблюдения за иностранцами до розысков беглых крестьян

¹ **Сергей Николаевич Штейников** — ассистент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, Россия); e-mail: sergei801@mail.ru
Sergey N. Shteynikov — assistant, Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russia).

и слежки за старообрядцами. Для эффективной работы жандармских частей Российской империи, с учетом изменений в политической жизни, требовалось повышать образовательный уровень, для этого при жандармских командах создавались школы.

Цель данной статьи — на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации [3] и в Государственном архиве Пермского края [1; 2] выявить, как проходил процесс комплектования и подготовки нижних чинов жандармской команды г. Перми. Важной группой источников являются нормативно-правовые акты [5; 6; 7; 8]. Стоит отметить, что в данной статье впервые исследуются вопросы, связанные с подготовкой нижних чинов пермской жандармерии в 1817–1867 гг.

В первые годы существования Корпуса жандармов (далее — КЖ) ощущалась сильная нехватка как офицеров, так и нижних чинов. В приказах за 1829 г. можно встретить упоминания о некомплектности в жандармских дивизионах, губернских и портовых командах. Всего не хватало 199 рядовых и 10 знающих коновальное и кузнечное дело. Больше вакантных мест было в Московском дивизионе (50 человек) и Санкт-Петербургском дивизионе. В Царскосельской команде — 41 человек, в Пермской команде не хватало двух рядовых. Для нижних чинов были установлены и определенные параметры отбора. На первое место ставилось безупречное поведение и нахождение на службе не менее 10 лет, далее уделялось внимание росту: кандидат должен был быть не ниже 2 аршин 4 вершков (160 см) и не выше 2 аршин 7 вершков (173 см) [7]. Как отмечает А.Г. Чукарев, в основном для пополнения жандармских подразделений отбирались жители средней полосы России [10, с. 315].

Преимущество при формировании команды отдавалось чинам, служившим в кавалерийских частях, или бывшим чинам драгунских команд. Все жандармские команды указом Александра I от 29 апреля 1822 г. стали комплектоваться нижними чинами из кавалерийских полков, прослужившими уже несколько лет. Не разрешалось комплектовать команды новоопределяющимися как в унтер-офицеры, так и в жандармы (рядовые), поскольку отсутствие кавалерийских навыков могло помешать в исполнении приказов [5]. Особых требований к уровню образования не предъявлялось, от жандармов требовалось лишь четкое исполнение своих служебных обязанностей.

Согласно § 107 «Положения о Корпусе жандармов» 1836 г. люди в жандармы отбирались расторопные и способные, а следовательно, должны быть и обучаемые [7]. В 1856 г. новым шефом жандармов был назначен В.А. Долгоруков. Понимая, что жандармское ведомство ра-

ботае по старинке, должного внимания подготовке нижних чинов не уделяется, в 1859 г. в Лейб-гвардии жандармском полуэскадроне, в каждом эскадроне жандармских полков и дивизионов и жандармских командах было поручено организовать школы для обучения грамоте нижних чинов [8]. В приказе по корпусу указывалось, что распространение правил на жандармские части 3-го и 6-го округов КЖ представлялось на усмотрение наместников Царства Польского и на Кавказе, согласно местным условиям и требованиям этих краев [8].

Заведование обучением в командных школах возлагалось на командиров означенных команд или на состоящих за адъютантов обер-офицеров, по усмотрению губернских штаб-офицеров. Наблюдение за обучением лежало на штаб-офицерах. Можно сказать, что это были первые попытки дать начальное образование нижним чинам жандармских команд до появления подготовительной школы, учрежденной П.А. Шуваловым.

Ситуация с открытием школы при пермской жандармской команде (далее — ПЖК) затянулась на 5 лет. Это было связано с аварийным состоянием казармы и долгим поиском финансов на ремонт служебных помещений [3]. Архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Пермского края, показывают, что в мае 1864 г. пермский штаб-офицер А.В. Комаров распорядился начать подготовку к обучению. Начальник ПЖК штабс-капитан К.И. Латухин приступил к подготовке образовательного процесса. Составив расписание занятий по дням и часам, он предоставил его штаб-офицеру для того, чтобы тот мог знать, чем заняты нижние чины, и посещать их во время занятий.

Согласно приказу, обучение в школах должно было проходить по установленной программе. На первое место ставилось чтение и чистописание, затем знание повседневных молитв и 10 заповедей. Для развития нижних чинов в религиозно-нравственном отношении предлагалось от имени пермского штаб-офицера пригласить одного священника от прихода, к которому команда была приписана (чины ПЖК были приписаны к Петропавловскому собору), для преподавания Закона Божьего и Священной истории [1, Л. 2].

Уделялось внимание и арифметике, нижние чины должны были знать первые четыре правила (сложение, вычитание, умножение и деление). Каждый жандарм должен был знать, сколько он получает жалования, крупы, муки и прочих годовых и других вещей и на какой срок. Во всех казарменных комнатах прибывались таблички с информацией.

Обучение грамоте должно было дать возможность каждому обучающемуся свободно читать и писать под диктовку. В прописях писали

исключительно об обязанностях нижних чинов и о том, что им полагалась от казны. В ПЖК нижним чинам два раза в неделю читались приказы по КЖ. Была сделана выборка приказов, которые касались только нижних чинов. Также читалось предписание начальника округа 1860 г. за № 191 которое, как полагал Комаров, в переписанном самими нижними чинами должно было приучить их к чтению скорописного текста. Уделялось внимание и изучению правил о командированиях с политическим преступниками [1, Л. 2 об.].

В ПЖК на каждого обучающегося были заведены тетрадки для письма с надписью, кем она написана и какого числа, а также отметки успехов в классных занятиях, которые первого числа каждого месяца представлялись штаб-офицеру на проверку. Во избежание лишних расходов, нижних чинов учили первоначально чтению по азбукам и прописям, которые составлялись при канцеляриях, а письму — на черных досках мелом. Только впоследствии грамотных жандармов заставляли читать солдатский журнал и писать на бумаге чернилами [8].

Штаб КЖ поставлял в школы следующие учебники: краткий катехизис, русский букварь, руководства к арифметике и прописи. Эти учебники высылались в каждую часть в потребном количестве экземпляров, соразмерно численности строевых нижних чинов [8].

Для того чтобы рассчитать единовременный расход на первоначальное обзаведение самыми необходимыми предметами по устройству школ и ежегодный расход на покупку письменных принадлежностей и средств для освещения помещений, окружным начальникам и командирам жандармского полка и жандармского полуэскадрона требовалось представлять шефу жандармов соображения о суммах, потребных для каждой части на данные расходы [8].

Ежегодно при инспектировании частей окружным начальником для всех обучающихся в школах проводились экзамены и об их успехах требовалось докладывать шефу жандармов в установленной форме, которая прилагалась к приказу по КЖ. При этом были устроены соревнования между обучающимися и разработаны правила поощрения: рядовых младшего оклада жалованья перемещать на старший оклад, а равно производить в ефрейторы, вице-унтер-офицеры и унтер-офицеры не иначе, как грамотных [8].

Однако одно только знание грамоты не могло служить достаточным основанием для получения таких преимуществ. Каждый солдат своим поведением на службе, а также ее знанием должен был удовлетворять необходимым требованиям для представления ему тех отличий, которые давали возможность продвижения по служебной лестнице.

Первыми в ПЖК за хорошее поведение и усердие к службе были переведены на имеющиеся вакансии старшего оклада унтер-офицер Иванов, а на вторые оклады — рядовые Алексей Кетов и Клим Мясников [1, Л. 13 об.]. 28 сентября 1864 г. рядовой Кузьма Гурьянов за безукоризненное поведение, расторопность, успехи в грамотности и усердие к службе был награжден унтер-офицерским званием. Окружные начальники составляли списки отличившихся в учебе и отправляли их шефу жандармов. Успевающих представляли к поощрению денежными наградами из вспомогательного капитала.

Особых помещений для школ не отводилось, а учащихся собирали в казармах, в часы, свободные от других служебных занятий. Полковник А.В. Комаров рассчитывал завести хозяйственным средствами еще один классный стол и проводить гимнастику для развития ловкости и сил нижних чинов, а также занятия фехтованием на саблях и стрельбой в цель из пистолетов [2, Л. 2 об.]. Впрочем, занимались ли жандармы гимнастикой, неизвестно.

В деле о расформировании ПЖК за 1867 г. хранится список чинов 7-го пехотного Ревельского полка, зачисленных в команду в том же году. Возможно, нижние чины так и не попали в Пермь в связи с реформированием жандармской команды. Из числа нижних чинов упраздненной ПЖК начальником управления М.П. Самойловым были выбраны и оставлены трое наиболее способных к жандармской службе рядовых (Х.Ф. Молоков, И.А. Степанов, В.С. Уфинцов) с производством в унтер-офицеры. Для формирования наблюдательного состава ПГЖУ были поданы рапорты еще 11 кандидатами. Каждый поступающий на службу давал расписку в том, что в случае его принятия в наблюдательный состав КЖ он обязывался прослужить там не менее 5 лет [2, Л. 9, 24, 25, 41, 60, 65, 75, 87]. В течение 1868 г. кандидаты проходили проверки и трое из них оказались неспособны к жандармской службе, в том числе двое были отправлены во временный отпуск, а один — в бессрочный.

Как отмечает российский исследователь Д.А. Сафонов, на первых порах существования жандармского ведомства от офицера Корпуса требовались более всего качества чиновника, но в XX веке — уже сыскные навыки [9, с. 79]. С 1867 г. нижние чины Корпуса (вахмистры, унтер-офицеры, рядовые) назывались наблюдательным составом, с 1870 г. — чинами дополнительного штата. Комплектация этого штата — прерогатива начальника управления, но итоговое решение принадлежало штабу Корпуса жандармов. В 1870 г. для подготовки нижних чинов на службу в КЖ было принято решение открыть «приготовительную школу» в Санкт-Петербурге [4, с. 155]. Целью данной школы было подготовить

нижних чинов к сознательному исполнению обязанностей по наблюдательной части. В школу зачислялись войсковые унтер-офицеры по распоряжению Главного штаба, после чего они направлялись для службы на освободившиеся вакансии в наблюдательных частях Корпуса. Поступающий в школу должен был быть уволен с армейской службы, уметь обстоятельно изъясняться с начальством, быть склонным к наблюдательной деятельности и вести трезвый образ жизни [9, с. 80].

В пореформенный период система подготовки кадров политического сыска только создавалась, она в основном касалась офицерского состава. Так, на 1 января 1873 г. 12% жандармских унтер-офицеров не умели читать и писать. Четверть из них научилась грамоте только на службе. Ситуация с подготовкой стала изменяться только к 1890-м гг., когда все могли «излагать свои мысли на бумаге удовлетворительно» [9, с. 80].

При изучении вопроса, связанного с обучением нижних чинов жандармских команд Российской империи, удалось установить, что этот процесс можно разделить на два этапа. Первый этап относится к царствованию Александра I и Николая I. В означенный период главное внимание уделялось подготовке нижних чинов к кавалерийской службе, так как все жандармские команды были конными и без умения держаться в седле служба была бы недопустима. Второй этап — период царствования Александра II, когда для более качественного обучения стали организовываться школы при жандармских командах с единой системой подготовки. Их характерной чертой стало обучение не только кавалерийскому ремеслу, но и знанию законодательства Российской империи, религиозных основ и должностных обязанностей жандармов.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 162. Оп. 2. Д. 1.
2. ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 395.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 39. Оп. 1. Д. 61.
4. *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России.: (1826–1880 гг.). М., 1982. — 207 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ-1). № 29019. 01.09.1822 СПб.: Типография II Отделения его Императорского Величества, 1830. Т. XXVIII. — 873 с.
6. ПСЗ-2. № 9355. 01.07.1836. СПб.: Типография II Отделения его Императорского Величества, 1837. Т. XI. — 895 с.
7. Приказ по корпусу жандармов (КЖ) № 4 от 29 марта 1829 г. СПб., 1830. — 154 с.
8. Приказ по КЖ № 79 от 26 июля 1859 г. СПб., 1859. — 318 с.
9. *Сафонов Д. А.* Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения // Вестник Оренбургского педагогического университета. 2013. № 3(7). С. 78–86.
10. *Чукарев А. Г.* Тайная полиция России, 1825–1855. М., 2005. — 701 с.

**Организационное становление
и структурное развитие органов Корпуса жандармов
в губерниях Европейского Севера России
1827–1917 гг.**

Аннотация. Статья освещает процесс формирования и развития регионального аппарата политической полиции на примере губерний севера Европейской части Российской империи. Хронологические рамки охватывают весь период существования Корпуса жандармов, территориальные – Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии, административные границы которых в указанный период не менялись. Прослеживается постепенный процесс усложнения системы политического сыска, находивший отражение в возникновении новых жандармских ведомств на уровне губерний: уездных отделений губернских жандармских управлений, отделений жандармских полицейских управлений железных дорог. Прокомментированы назначения в северные губернии офицеров Корпуса жандармов, чьи служебные биографии заслуживают внимания.

Ключевые слова: Корпус жандармов; политический сыск; Европейский Север России; Архангельск; Вологда; Петрозаводск; губернские жандармские управления

**Organizational formation and structural
development of the Gendarmerie Corps' agencies
in the provinces of the European North of Russia
1827–1917**

Abstract. The article highlights the process of formation and development of the political police regional apparatus on the North provinces of the European part of the Russian Empire example. The chronological framework covers the entire period of the existence of the Gendarmerie Corps, the territorial framework covers Arkhangelsk, Vologda and Olonets provinces, whose administrative borders did not change during this period. There is a gradual process of complication of the political investigation system, which was reflected in the emergence of new gendarmerie departments at the provincial level: county offices of provincial gendarmerie departments, offices of gendarmerie police departments of railways. The appointments of officers of the Gendarmerie Corps to the northern provinces, whose service biographies were notable, are commented by the author.

Keywords: Corps of Gendarmes; political investigation; European North of Russia; Arkhangelsk; Vologda; Petrozavodsk; Provincial Gendarmerie Departments

¹ **Андрей Дмитриевич Резанов** – ассистент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия); e-mail: andreydmrezanov@yandex.ru
Andrey D. Rezanov – Assistant, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

На современном этапе изучения политической полиции Российской империи несомненный интерес исследователей вызывает история региональных подразделений Корпуса жандармов. Их структура и служебная деятельность рассмотрены по регионам неравномерно. Например, если говорить о такой историко-культурной области, как Европейский Север России («Русский Север»), заметим, что вплоть до выхода в 2021 г. работы К.Ф. Белоусова [2] не существовало монографических исследований по истории политической (жандармской) полиции в северных губерниях. В контексте XIX — начала XX вв. Север Европейской части Российской империи включал Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии. Административные границы данных регионов были определены губернской реформой Павла I и не менялись вплоть до 1917 г.

В советский и ранний постсоветский период деятельность жандармов на Севере эпизодически рассматривалась в контексте истории политической ссылки и борьбы с революционным движением [6; 13]. В дальнейшем появлялись статьи, где региональная политическая полиция уже была полноценным предметом исследования [5; 21; 29]. При этом необходимо отметить, что северные губернии в контексте поставленной проблемы всегда рассматривались по отдельности, а развитие местных жандармских структур не подлежало сравнительному анализу. До сих пор не имеется и обобщающих работ, посвященных особенностям системы политического сыска на Европейском Севере в целом. В этой связи уместно начать углубление исследований с постановки вопроса об институциональном оформлении и последующем структурном развитии формирований и ведомств Корпуса жандармов (далее — Корпус) на рассматриваемой территории.

Жандармы впервые появились в регионах в 1817 г., когда 1 февраля были учреждены жандармские команды в составе войск внутренней стражи. Именно личный состав этих команд, конной военизированной полиции, стал первой жандармской структурой на уровне губерний. В частности, с 1817 г. жандармские команды подлежали формированию в Архангельске, Вологде и Петрозаводске — северных губернских центрах [30, с. 49].

Жандармский корпус начал формироваться в 1826 г., после выделения в качестве «высшей полиции» III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и принятия генерал-лейтенантом А.Х. Бенкендорфом должности шефа жандармов. 28 апреля 1827 г. вышло первое «Положение о Корпусе жандармов», которое учредило на территории Европейской России жандармские

округа, а в их составе — отделения [11]. Окружные генералы и штаб-офицеры во главе отделений были обязаны наблюдать за обстановкой на подведомственной территории: социальными процессами, поведением чиновников, деятельностью сект и старообрядцев.

Институциональное оформление ведомства политической полиции на Севере непосредственно связано с учреждением Корпуса как такового. По «Положению» 1827 г. в составе 1-го (Санкт-Петербургского) жандармского округа выделялось пять отделений, и 3-е отделение включало Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии [11]. То есть еще на этапе создания регионального аппарата политического надзора предполагалось определенное районирование: три наиболее близкие в культурном и социально-экономическом отношении губернии были объединены под надзором одного жандармского штаб-офицера.

Главой 3-го отделения был назначен подполковник Антон Федорович Дейер, а его штаб-квартирой определена Вологда [3, Л. 72]. Вероятно, именно Вологда стала центром первичного жандармского присутствия на Севере, так как была достаточно удобно расположена для поездок штаб-офицера в столицу и иные города, в то время как иные варианты для дислоцирования выглядели менее удобными в плане логистики.

Подполковник А.Ф. Дейер вступил в Корпус 3 января 1827 г. из отставки, ранее служил в Нарвском пехотном полку [23, с. 2]. После Вологды был штаб-офицером в Ярославской и Тверской губерниях, в конце 1836 г. получил чин действительного статского советника и перешел в МВД [17]. Венцом служебной карьеры А.Ф. Дейера стало назначение Харьковским губернатором в ноябре 1837 г., однако уже через месяц он умер. Это не единственный пример того, как офицеры Корпуса входили в управленческую элиту. К примеру, Санкт-Петербургский жандармский штаб-офицер, полковник И.И. Огарев в конце 1831 г. был назначен Архангельским гражданским губернатором [14].

В начале 1830-х гг., с постепенным пополнением офицерского состава Корпуса, происходит ликвидация окружных отделений. Стало возможным постепенно реализовать идею о назначении в каждую губернию жандармского штаб-офицера. Однако на начало 1833 г. только должность в Вологде была замещена в лице подполковника П.И. Шварца, что могло свидетельствовать о сохранении более высокого приоритета надзора в Вологодской губернии относительно соседних регионов.

Первым жандармским штаб-офицером в Олонецкой губернии стал подполковник Гуторов, назначенный 13 апреля 1833 г. На службу

он поступил из отставки, прежде находясь в чине коллежского советника [15]. Сравнительно поздно штаб-офицер был назначен в Архангельск — только 23 января 1834 г. им стал майор Бердяев, получивший это звание вместе с назначением [16].

Вплоть до 1867 г. институт жандармских штаб-офицеров не подвергался изменениям. К управлению штаб-офицера относился адъютант, ему же подчинялись чины жандармской команды, которые при этом имели постоянное дислоцирование только в губернских центрах. В 1860-х гг. с распространением революционных «брожений» была осознана необходимость реформы политического сыска. «Положением о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г. управления губернских штаб-офицеров преобразовывались в губернские жандармские управления (ГЖУ), а жандармские команды — в «наблюдательный состав» Корпуса [12]. Отныне жандармы не были «привязаны» к губернским городам, а могли по решению шефа жандармов иметь постоянное присутствие в уездных центрах, под руководством помощников начальников ГЖУ либо без внедрения в штат такового помощника.

Новое «Положение» учредило Архангельское, Вологодское и Олонецкое жандармские управления (АГЖУ, ВГЖУ и ОГЖУ). Их статус, штаты и объемы финансирования не различались [12, см. штаты и табели]. Первыми начальниками северных ГЖУ стали местные жандармские штаб-офицеры, причем все трое на тот момент могли считаться в губерниях «новичками».

Так, полковник Антон Онуфриевич Заранек был назначен в Архангельск летом 1867 г. Он являлся выпускником престижного Пажеского корпуса, прежде служил жандармским штаб-офицером в трех губерниях. Возглавлял АГЖУ до апреля 1872 г., выйдя затем в отставку с производством в генерал-майоры [4, Л. 1–5; 22, с. 840].

В Петрозаводске с сентября 1866 г. пребывал майор Киприан Фаустинович Кретковский, дослужившийся во главе ОГЖУ до полковника. Ранее имел опыт руководства политической полицией в Томской губернии. В мае 1881 г. он вышел в отставку, также получив генеральский чин. Интересно, что и Кретковский, и Заранек являлись католиками [2, с. 44; 22, с. 850].

По иной модели сложилось замещение должности в ВГЖУ. Первый начальник, подполковник Николай Петрович Скачилов, был штаб-офицером с мая 1865 г. Однако уже 17 ноября 1867 г. он перешел состоять по кавалерии, выйдя в отставку в 1869 г. [24, с. 1] Во главу ВГЖУ был поставлен майор Август Евгеньевич фон Мерклин, переве-

денный из Астраханской губернии. В Вологде он прослужил до конца 1872 г., получил звание подполковника [22, с. 860–861]. Оставил воспоминания о Даргинском походе на Кавказе.

Уже с первых лет функционирования северных ГЖУ их штатная структура расширялась за счет внедрения должностей уездных помощников. Так, с 1868 г. в ОГЖУ имелось отделение в Вытегорском уезде, причем присутствие жандармов в Вытегре сохранялось до 1917 г. В ходе революции 1905–1907 гг. должность была изменена на «помощника начальника ОГЖУ в Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском и Вытегорском уездах», однако иных офицерских вакансий в штат не добавлялось [10, с. 65].

Более разветвленную структуру имело АГЖУ, которое в разные периоды включало следующие должности помощника: в Шенкурском уезде (1868–1902 гг., с 1898 г. включая Холмогорский уезд), в Пинежском и Мезенском уездах (1878–1897 гг.), в Онежском и Кемском уездах (1888–1898 гг.), в Архангельске и Архангельском уезде (1897–1917 гг.) Очевидно, это было связано с гораздо большей площадью региона в сравнении с Олонецкой губернией, дальними расстояниями между уездными городами [7–9; 26; 28].

Структура ВГЖУ подвергалась наиболее частым изменениям. Здесь в разное время существовали следующие должности помощника: в Великоустюжском уезде (с 1868 г. до начала XX в.), в Никольском уезде (на 1879–1882 гг.), в Усть-Сысольске (с 1888 г. до начала XX в.), в Вологодском, Кадниковском, Грязовецком и Вельском уездах (на 1904–1907 гг.), в Великоустюжском, Сольвычегодском, Никольском, Усть-Сысольском и Яренском уездах (к 1911 г. и до 1917 г.), в Вологде (на 1909 г.) [7–9; 26–28].

Хотя основными ведомствами политического сыска в регионах являлись ГЖУ, на губернском уровне действовали и другие структуры Корпуса жандармов, а именно – отделения жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУ ж.д.) Жандармский надзор на железных дорогах учреждался еще на этапе строительства полотен, причем подведомственные участки отделений ЖПУ могли не совпадать с административными границами губерний. Железнодорожные жандармы подчинялись начальникам ГЖУ лишь в производстве дознаний, в остальном же не зависели от них.

При организации жандармско-полицейского надзора северные губернии не выделялись из общего порядка, однако железные дороги появились здесь достаточно поздно. Наибольшее количество жандармских железнодорожных отделений было сосредоточено в Воло-

годской губернии, на территории которой проходили и соединялись в губернском городе две линии: Московско-Архангельская и Петербургско-Вятская. Соответственно, в регионе существовал надзор Московско-Архангельского и Санкт-Петербургского ЖПУ. К 1905 г. в пределах губернии действовало 5 отделений ЖПУ ж.д. [1, с. 5–6].

В Архангельской губернии долгое время единственной жандармской структурой на железной дороге являлось Архангельское отделение Московско-Архангельского ЖПУ ж.д. Оно было образовано в 1895 г. вместе с Вологодским и Нименским при строительстве путей от Вологды до Архангельска [20]. С ликвидацией Нименского отделения сфера полномочий чинов распространилась и на некоторые станции Олонецкой губернии.

На территории самой Олонецкой губернии железнодорожного жандармского надзора не существовало вплоть до Первой мировой войны, если не считать участка Вологодско-Архангельской линии в Каргопольском уезде. В мае 1914 г. началось строительство железной дороги от Петербурга до Петрозаводска, поэтому появилось Петрозаводское отделение в составе Санкт-Петербургского ЖПУ ж.д. В связи с переименованием столицы название этого Управления было изменено на Петроградское [27, с. 140–144].

В 1915 г. в том же Петроградском ЖПУ ж.д. были выделены Кивачское и Сорочкое отделения, что было связано с дальнейшей прокладкой путей на север Кольского полуострова через западные уезды Архангельской губернии [28, с. 140–144]. Таким образом, как и везде, на Севере надзор ЖПУ ж.д. всегда развивался вместе с расширением железнодорожного строительства и появлением новых линий. Поэтому пик его деятельности пришелся на последние годы существования Российской империи.

Помимо ГЖУ и отделений ЖПУ ж.д., на уровне губерний с 1902 г. учреждались охранные отделения как специальные розыскные ведомства, однако они действовали не в каждом регионе. Охранных отделений в Вологде, Архангельске и Петрозаводске не существовало, так как «охранка» присутствовала либо в наиболее крупных и промышленно развитых городах империи, либо там, где революционное движение в террористической форме было четко проявлено. Ближайшее к Северу охранные отделение, не считая столичного, располагалось в Ярославской губернии.

При обзоре развития структур политического сыска в губерниях Европейского Севера в 1827–1917 гг. заметен тренд на увеличение их общего количества, несмотря на периодическое сокращение должно-

стей помощников ГЖУ. Северные губернии не выделялись из общего порядка управления чинами Корпуса жандармов, хотя комплектование кадрами иногда происходило с некоторой задержкой, как и появление отделений ЖПУ ж.д., что обуславливалось «провинциальным» статусом региона. Особенности структурного развития трех северных ГЖУ были продиктованы размерами губерний, наличием более-менее развитых центров в уездах и мест массовой ссылки. Хотя наиболее крупным в плане численности штата являлось АГЖУ, считаем, что его работа была наиболее сложной за счет удаленности уездных центров и иных наблюдательных пунктов друг от друга. То же справедливо для службы жандармов в восточных уездах Вологодской губернии.

В заключение также хотелось бы выделить некоторых начальников политического сыска на Севере, чьи биографии можно считать примечательными в плане служебных успехов или интересных деталей.

Мышецкий Александр Алексеевич, князь, Олонецкий жандармский штаб-офицер. Находился в должности почти 20 лет, в 1843–1863 гг. Начал службу в Корпусе в 1833 г. с должности адъютанта штаб-офицера в той же Олонецкой губернии, в 1838 г. был перемещен в Омскую область. В Петрозаводске прошел путь от капитана до полковника, выйдя в отставку с генеральским чином и прослужив в губернии в общей сложности четверть века [22, с. 864].

Латухин Коронат Андреевич, начальник ОГЖУ в 1886–1887 гг. и АГЖУ в 1888–1892 гг. Стал жандармом еще в юности, поступив в 1852 г. унтер-офицером в Санкт-Петербургский жандармский дивизион. Послужной список Латухина охватил все офицерские должности: начальник жандармской команды, адъютант губернского штаб-офицера, помощник начальника и начальник ГЖУ. В 1893 г. вышел в отставку с производством в генерал-майоры, прослужив в Корпусе более 40 лет [22, с. 852–853].

Лакс Антон Иванович, Архангельский штаб-офицер в 1864–1867 гг. Был преподавателем в кадетском корпусе, издавал журнал «Московское обозрение». Вступил в Корпус майором в 1859 г., прежде находясь под надзором полиции. Впоследствии служил в качестве начальника жандармов в семи губерниях. В начале 1887 г. в чине генерал-майора вышел в отставку, был назначен Томским губернатором. Планировал внедрение в Сибири судебной реформы, но уже на следующий год скончался [22, с. 852].

Щетинин Александр Николаевич, начальник АГЖУ в 1874–1885 гг. и ВГЖУ в 1893–1896 гг. Служил во флоте и в лейб-гвардии Преображенском полку, из которого вошел в Корпус капитаном, с переимено-

ванием в подполковники. В дальнейшем возглавлял 5 ГЖУ, в Вологде выслужил звание генерал-лейтенанта, с которым вышел в отставку [22, с. 896].

Мочалов Николай Илларионович, начальник АГЖУ в 1908–1915 гг. В Корпус поступил в 1887 г. в звании корнета. В первые годы службы находился в Архангельской губернии, где позже сам возглавит ГЖУ. В конце XIX в. был помощником начальника Санкт-Петербургского охранного отделения, а в 1901 г. недолго возглавлял его. В 1912 г. получил звание генерал-майора, в 1916 г. вышел в отставку. Был арестован Архангельской губ. ЧК летом 1918 г., вероятнее всего, затем расстрелян [22, с. 864].

Соколов Павел Аполлонович, Вологодский штаб-офицер в 1834–1848 гг. Участник войны 4-й антифранцузской коалиции 1806–1807 гг. и Отечественной войны 1812 г. Кавалер ордена св. Георгия 4-го класса. В январе 1834 г. поступил подполковником в Корпус жандармов с назначением в Вологду. Был посредником в переписке А.С. Пушкина с А.Х. Бенкендорфом [25].

Мосолов Всеволод Алексеевич, Вологодский штаб-офицер в 1859–1860 гг. В Корпусе с 1842 г., служил штаб-офицером в Томской губернии, а также на золотых приисках Восточной Сибири. Затем из Вологды был назначен на высокий пост — начальника 8-го (Сибирского) жандармского округа. Возглавлял сибирских жандармов до лета 1863 г. Генерал-майору Мосолову подчинялись штаб-офицеры в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях и в городе Омске [22, с. 863].

Зарин Николай Евгеньевич, Вологодский штаб-офицер в 1860–1863 гг. Эта должность стала для него первой на службе в Корпусе. В дальнейшем занимал важный пост командира Санкт-Петербургского жандармского дивизиона (1865–1871 гг.), после вышел в отставку. В 1877 г. вновь поступил в Корпус, возглавив генерал-майором Ярославское ГЖУ, которым руководил вплоть до кончины в 1889 г. [8 с. 145; 18; 19]

Кременецкий Леонид Николаевич, начальник ВГЖУ в 1908–1909 гг. В Корпус поступил в звании поручика в 1890 г. Долгое время служил в жандармских управлениях (губернских и уездных) Польши, затем в Екатеринославе. В 1903–1905 гг. в звании подполковника возглавлял Петербургское охранное отделение [27, с. 244]. В 1916 г. Кременецкого уволили со службы, открыв, что он «разоблачал» специально созданные своими агентами «подпольные» типографии. Расстрелян Пензенской губ. ЧК в 1918 г.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь Вологодской губернии на 1904–1905 годы. Вологда: тип. губ. правл., 1904. — 226 с.
2. Белоусов К.Ф. Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления. Петрозаводск: Острова, 2021. — 271 с.
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1094.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1914.
5. Коновалов Ф.Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. (на материалах Вологодского губернского жандармского управления) // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 86–145.
6. Михайлов Б.Г. Демократическое движение в Вологде во второй половине XIX века // Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Выпуск 1. С. 144–159.
7. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 мая 1884 г. СПб.: тип. МВД, 1884. — 469 с.
8. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 сентября 1888 г. СПб.: тип. Месника и Римана, 1888. — 337 с.
9. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 января 1892 г. СПб.: тип. Месника и Римана, 1892. — 345 с.
10. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 год. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1906. — 369 с.
11. Положение о корпусе жандармов, 28 апреля 1827 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 2. № 1062.
12. Положение о корпусе жандармов, 9 сентября 1867 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.
13. Потылицын А.И. Крестьянское революционное движение на Севере в 1905–1907 гг. Архангельск: Гос. изд-во., Сев. краевое отделение, 1930. — 72 с.
14. Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1832 г. / Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830–1915. — 253 с.
15. Приказы по Корпусу жандармов за 1833 г. / Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830–1915. — 248 с.
16. Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1834 г. / Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830–1915.
17. Приказы по Корпусу жандармов за 1836 г. / Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830–1915. — 337 с.
18. Приказы по Корпусу жандармов за 1860 г. / Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830–1915.
19. Приказы по Корпусу жандармов за 1865 г. / Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830–1915. — 453 с.
20. Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1895 г. / Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830–1915.
21. Пулькин М.В. Жандармы Олонецкой губернии: специфика профессиональной деятельности (XIX – начало XX в.) // *Studia Humanitatis*. 2018. № 3. URL: <https://st-hum.ru/en/node/700> (Дата обращения: 29.06.2025).
22. Румянцев П.П. Сибирский жандармский округ в системе имперской власти (1833–1902 гг.): в 2 т.: дис. ... д.и.н. Томск, 2024. — 998 с.
23. Русский инвалид. 1827 г. № 2. 3 января.
24. Русский инвалид. 1869 г. № 8. 18 января.
25. Соколов Павел Аполлонович (1774–1852) // Наполеон и революция. URL: <https://impereur.blogspot.com/2012/12/1774-1852.html?m=0> (Дата обращения: 28.06.2025).

26. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 1 октября 1909 г. СПб.: тип. ОКЖ, 1909. — 725 с.

27. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 октября 1915 г. Петроград: тип. ОКЖ, 1915. — 815 с.

28. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 15 февраля 1916 г. Петроград: тип. ОКЖ, 1916. — 816 с.

29. Трофименко В.Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX — начале XX вв. // История органов государственной безопасности на Севере России: мат. конф. (Архангельск, 23—24 мая 2013 г.) Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2014. С. 7—19.

30. Хребтов Н.А. Гарнизонные войска в системе управления государством: история и современность // Развитие Севера и Арктики: потенциал наставничества и инновации в социально-гуманитарной сфере: мат. конф. (Архангельск, 27—29 апреля 2023 г.). Архангельск: САФУ, 2023. С. 46—51.

Холерные бунты 1831 г. в Старой Руссе: действия, мотивы и отношение людей и властей

Аннотация. Впервые вводимые в оборот документы военной следственной комиссии — обвинения, ответы, показания жертв, свидетелей — показали: за бунтами стояли триггеры — непопулярные меры против холеры и общее недовольство купцов и мещан отношением к ним полиции, постоем, повинностями. Бунтовщики призывали убивать офицеров, полицейских, врачей — особенно с немецкими и польскими именами. Купцы были дезорганизованы, часть скрылась с началом бунта; но несколько купцов, поддерживая порядок, организовали «суд» над офицерами и чиновниками. Комиссия освободила лишь троих купцов, спасавших офицеров и чиновников; остальных 42-х осудили по 1-му разряду в градации преступлений (1-й — 3-й — телесное наказание и служба в армии, 4-й — служба). Для купцов не было разницы в тяжести поступка: замеченных на улицах и бездействовавших карали наравне с основными организаторами; а за те же обвинения (подпись отобранных у офицеров признаний) мещане получали 4-й разряд. Приговорили 73 мещанина из 91, 61 — по 4-му разряду.

Ключевые слова: эпидемия 1831 г.; холерные бунты; Старая Русса; купцы; мещане; дума; местные власти; власть и общество

The 1831 Cholera Riots in Staraia Russa: Actions and Views and Positions of the People and Authorities

Abstract. Documents of the investigation commission, previously unexplored — accusations, replies, testimonies of victims, witnesses — showed: there were triggers, unpopular measures against cholera, and general dissatisfaction of merchants and meshchane with the attitude of urban police, billeting, duties; many called for policemen to be killed; doctors, especially those with German and Polish names, were persecuted. Merchants were disorganized, some fled when riot began; but some maintained public order, even “tried” captured officers and officials. Only three merchants who had saved officers and officials were released; 42 were convicted of the 1st category of penalty (1st–3rd — corporal punishment and military service, 4th — service); for merchants there was no grade of severity: presence on streets, inaction was punished as strict as actions of main rioters; for same misdeeds e.g. signing confessions of poisoning, meshchane received the 4th category: 73 of 91 were convicted, 61 as the 4th.

Keywords: the 1831 pandemic, “cholera riots”, Staraia Russa, merchants, meshchane, town council, local authorities, state and society

¹ Михаил Александрович Белан — DPhil in History, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия); e-mail: mikhailbelan@mail.ru
Mikhail A. Belan — DPhil in History, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia).

1. Введение

Во время эпидемии холеры 1830–31 гг. в Санкт-Петербурге, Севастополе, Тамбове произошли холерные бунты, быстро пресеченные властями. Выделяются два бунта в июле 1831 г. в Старой Руссе, втором после Новгорода городе губернии и с 1825 г. центре военных поселений. Бунт начали солдаты размещенного здесь 10-го рабочего батальона и горожане Старой Руссы вечером 11 июля (все даты даются нами по старому стилю), и волнения распространились по округам поселенных полков вокруг о. Ильмень, угрожая Новгороду и Санкт-Петербургу (войска из столицы и линейные батальоны из поселений боролись с мятежом в Царстве Польском). К концу июля власти уладили рабочий батальон, горожан и крестьян. В Новгороде начала работу военная судебная комиссия (председатель А.Ф. Орлов) с отделением в Старой Руссе. Следствие и суд над рабочими солдатами, горожанами и крестьянами длились до января 1832 г. Анализ документов комиссии по купцам и мещанам позволяет изучить поводы и причины бунта, оценить позиции властей.

Выступления городского населения, в том числе в городах Северо-Запада, заслуживают особого внимания историков [28, с. 496–499]. Однако внимание исследователей больше привлекали выступления в XVII в., чумной бунт 1771 г. в Москве. Основная политическая канва холерных бунтов 1830–1831 гг. изучена — прежде всего, событий 22 июня 1831 г. в Санкт-Петербурге, бунтов в Севастополе и Тамбове [31]. «Возмущения» в Старой Руссе остаются малоисследованными [24; 27] — главными бунтовщиками и зачинщиками комиссия сочла рабочих солдат; действия солдат и военных крестьян, усмирение бунта и суд были хорошо изучены П.П. Евстафьевым [32]. Однако роль купцов и мещан и расследование комиссией их действий до сих пор не исследовались.

Данная работа построена на неисследованных материалах комиссии: в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) хранятся дела и о купцах и мещанах, вовлеченных в бунты [3–22]. Комиссия изучала действия 139 горожан, хотя «в беспорядках участвовала большая часть старорусских мещан» [8, Л. 5 об.]. Также изучен фонд Старорусской думы в Государственном архиве Новгородской области (ГАО) [23].

Задачи настоящей статьи: 1) раскрыть отношение комиссии к бунтовщикам и к обвинениям; 2) выявить непосредственные поводы бунтовских действий и более глубокие причины недовольства; 3) понять и оценить позиции купцов и думы в ходе бунта.

2. Действия горожан 11–12 июля: погромы, расправы и «суд»

В начале XIX в. Старая Руса была зажиточным городом, обязанным своим процветанием производству соли [29, с. 22]. В 1775 г. был открыт крупнейший в губернии солеваренный завод [30, с. 36]. В 1825 г. Александр I приказал сделать город центром военных поселений [25, с. 119]: сюда перевели офицеров, солдат, мастерские, конюшни, склады. Старую Руссу вывели из юрисдикции гражданских властей, сделав первым «военным городом». Но дума по-прежнему управляла общинами купцов и мещан. Присутствие военных вело к спаду в экономике города (так, военные взяли под контроль часть рынка зерна; открыли лесопилки; горожанам приходилось снабжать военных по фиксированным ценам). Только с роспуском военных поселений в 1859 г. военных вывели из города [33, с. 211–213; 32, с. 323; 34, с. 200–205].

Военная следственная комиссия в Новгороде, расследовавшая произошедшие события, установила следующий ход событий. Июль 1831 г. был жарким; горожан и рабочих солдат взволновали меры военных властей против холеры (окуривание помещений и т.д.). Днем 11 июля «волнение нарастало; купцы и мещане собирались на городском мосту, на площади, на улицах, тихо о чем-то разговаривая» [26, 113]. Солдаты рабочего батальона отказались мыться в окуриваемых банях, а вечером после отбоя взбунтовались и двинулись в центр города: офицеры были избиты или бежали. Частный пристав Савостьяников пытался помочь, но был жестоко избит солдатами и горожанами. Ударил набат, горожане и солдаты бегали по улицам: искали и избивали полицейских и офицеров. Ночью толпа разгромила здание полиции и присутственных мест, разыскивая полицмейстера Манджоса (но казну думы не тронули), и аптеку, убив аптекаря Вагнера.

Начальник полиции Манджос, крайне непопулярный у горожан за его жесткие меры, собрал полицейских, пожарную команду, позвал на помощь купцов и их сыновей, послал за главой города купцом Севериковым. Но глава, увидев солдат и горожан «с кольями», бежал и скрывался «в великом страхе в лесу три дня» (многие свидетели потом жаловались, что глава был из «раскольников»). Манджос сказал прибывшим горожанам брать колья и вместе идти навстречу толпе, но горожане грубо отказали в помощи. Манджос с полицейскими вышел навстречу бунтовщикам, но, увидев их число, приказал своим людям скрыться. Сам он был найден в огороде одной мещанки и растерзан солдатами и горожанами. Старший офицер в городе, инженер-

майор Мевес, в парадной форме, пытался на площади уговорить толпу разойтись, но кто-то крикнул «бери его!», и Мевеса растерзали [26, с. 113–121].

Тем временем 30–40 бунтовщиков шли мимо Спассо-Преображенского монастыря. Архимандрит Серафим спросил их из окна, кого они ищут: купеческий сын А. Кузнецов ответил ему, что мещанин Воробьев поймал отравителя, но Манджос арестовал его и грозит расправой, и они ищут начальника полиции и офицеров. Сначала Серафима слушали, но кто-то крикнул: «Не слушайте, или мы ничего не сделаем!», и толпа двинулась дальше. Серафим позже вспоминал, что «солдат в толпе не было, только купцы последней гильдии, мещане и слуги» [26, с. 122–123].

Всю ночь солдаты и горожане искали офицеров, полицейских, чиновников. Нескольких «арестовали» и отвели на гауптвахту для «суда». 12 июля «суд» собрал на площади думу, купцов, мещан, солдат. Еще на рассвете к Серафиму приходили несколько первых купцов города за советом, как усмирить бунт. Серафим предложил незамедлительно оповестить генерала Леонтьева в полевом лагере (удивляясь, что гонца еще не отправили). Но уже в 7 утра прибыл новый посланник от купцов, требуя идти на площадь для участия в суде над офицерами «за измену и отравление» («все готово: стол, покрытый красным сукном, бумага, чернила, взятые яды»). Архимандрит отказывался, но ему грозили, что рабочие солдаты притащат его. Серафим и священники с крестным ходом явились на площадь. [26, с. 122–123].

Отслужив службу, Серафим заметил, что священники и ряд купцов «ускользнули» с площади. Серафим утверждал, что явился только чтобы остановить бунт, но был принужден купцами и солдатами принять участие в «суде» («иначе мы разломаем весь город!»): за столом, вынесенным из думы на середину площади, вместе с ним сидели первые купцы города и двое солдат. Серафиму давали «нюхать разные порошки, от которых было дурно». «Суд» допрашивал по очереди избитых офицеров и «добивался» показаний — признания вины, что они хотели отравить и «извести» солдат, и народ. Под признаниями ставили подписи все участники суда и присутствовавшие на площади купцы и мещане (так, признание лекаря Богословского подписали 12 купцов и 31 мещанин). Офицеров, заковав некоторых в цепи, увели, поставив стеречь их стражу из солдат и мещан.

Днем прекратились кровопролитие и погромы; в думе ряд купцов во главе с городским старостой купцом Солодовниковым распоряжались мещанами и солдатами: на выездах из города выставили мещан,

чтобы никого не впускать (когда местный помещик Болотников приехал, не зная о бунте, его тоже взяли под стражу). Бунтовщики освободили мещанина Воробьева. Солодовников послал его с людьми в госпиталь, проверить воду и пищу, там они хотели схватить врача, но за него заступились больные. Бунтовщики продолжили бунтовать в деревнях.

В это время о бунте узнали в летнем лагере, и к городу спешно отправили майора Ясинского с батальоном карабинеров, чтобы навести порядок, «не прибегая к силе». Из Новгорода вышли новые силы. Николай I велел срочно усмирить бунты и искать подстрекателей, которые могли прибыть из столицы [26, с. 124–131].

Поздно вечером 12 июля карабинеры прибыли в город, на подходе встретив бежавшего архимандрита. Карабинеры зашли в город без боя, освободили арестованных офицеров и «очистили площадь от граждан и солдат, которые находились там в большом количестве, несмотря на поздний час» [26, с. 126]. Были выставлены посты, а майор Ясинский вошел в думу, где «около полуночи застал собрание из примерно двадцати важных купцов и мещан города во главе с купцом Солодовниковым», которые якобы «обсуждали, как навести порядок» [26, с. 128]. Ясинский отправил их домой, оставив при себе Солодовникова «для распоряжений». Вскоре прибыли новые силы. Но военные не решались на аресты: мещане, купцы и солдаты казались замиренными, хотя ситуация оставалась напряженной, а многие прибывшие части были ненадежными. 21 июля солдаты снова взбунтовались, но горожане оставались дома. Через несколько дней прибыли надежные кавалерийские части, испуганные городские купцы вышли встречать генерала Микулина. 27 июля 10-й батальон вывели из города, вскоре уладили и деревни.

3. Следствие, суд, наказание горожан Старой Руссы: позиции комиссии

Комиссия провела следственные действия в отношении 139 горожан: почти всем предъявили обвинения, часто из нескольких пунктов, по которым собирали показания обвиняемых, показания жертв, свидетелей [10, Л. 1–8]. Сведений о ключевых обвиняемых доступно больше, тогда как о многих других сохранились лишь однотипные одиночные обвинения. Из 139 человек было 6 жен и «девиц»: их обвинения были не очень тяжкими (помогли выследить офицеров, перепродавали краденые вещи). Их отослали к гражданскому губернатору и дальнейшая их судьба не известна.

Из 42-х купцов комиссия сочла непричастными и освободила троих: они прятали и защищали офицеров, полицейских, чиновников. Все трое происходили из первых фамилий города. Я. Булин и ратман Я. Балахонцев утром 12 июля были в группе 5–6 купцов, пришедших просить совета архимандрита. Балахонцев защищал надзирателя Дирина и лекаря Пешкова от избиения. Булин заступался на площади и в здании думы за двоих чиновников, за что его тоже ударили [20, с. 9]. При этом других первых купцов города, бывших утром у Серафима, включая брата ратмана, Василия Балахонцева, осудили по 1-му разряду: в начале бунта он прятался, просив слуг закрыть его с семьей в сарае; не помогло и то, что Василий ездил днем в летний лагерь в с. Княжий Двор к генералу Леонтьеву [7, Л. 4–5].

Из 91 мещан трое умерли; одного, подписавшего признания, в общине не было (мог скрыть свое имя). 15 человек, обвиняемых, как почти все мещане, в нетяжких проступках («орал как злодей», «бегал с бунтовщиками»), отпустили: видимо, из-за нехватки улик (двое сознались сами, без доказательств), ввиду легкости обвинений, возраста и здоровья. Остальных же в основном судили по 4-му разряду (Табл. 1), отправляя на службу в Финляндию, крепостные роты в Херсон, в 5-ю запасную дивизию. Осудили в итоге 73 человека; одного, наказав шпицрутенами, отпустили — многие были уже немолоды [26, с. 234–235].

Таблица 1

**Купцы и мещане Старой Руссы,
проходившие по следствию и осужденные, 1832 г.**

Найдены виновными:		Разряд обвинения	Приговорен к:
Купцы:	Мещане:		
42		1	удары кнутом; в солдаты на 20 лет
	5		удары шпицрутеном; в солдаты на 20 лет
	7	3	удары шпицрутеном/розгой в солдаты на 20 лет
	61	4	в солдаты, на 20 лет
Всего: 42	Всего: 73	Найдены виновными и осуждены 115 из 139 Освобождены: 18 (15 мещан, 3 купцов) 6 женщин отосланы к гражданскому губернатору	

Интересно, что мещанская община сама выдала комиссии бунтовщиков, но имели место жалобы («кто действительно бил начальников, но богат, остался дома, а кто не был в бунте, но беден, того наказывают и отсылают» [23, Л. 50, 98]).

Обвинения можно разделить на часто встречающиеся (типовые) и на более частные случаи. Наиболее распространенные обвинения: 1) подпись под признаниями, «выбитыми» у офицеров и чиновников (многие мещане показали, что на площади и в думе их принуждали подписываться купцы; они же не понимали, что подписывают; но на самом деле только несколько мещан были неграмотны) — мещане получали 4-й разряд; 2) присутствие на площади, на улицах в ходе бунта, без действий, иногда с «колом» в руках — 4-й разряд для мещан; 3) действия «средней» тяжести: «бегал с колом», «орал», бил стекла, ругал офицеров, помогал солдатам искать офицеров (в целом 4-разряд для мещан); 4) тяжкие преступления — бил офицеров, ковал их в кандалы; для мещан это уже был 3-й разряд.

Заметны диспропорции в оценке комиссией тяжести поступков: купцов власти считали гораздо более виноватыми. Исключая трех освобожденных, всех 42 купцов обвинили по 1-му разряду, и всех нашли виновными, включая купцов второй гильдии, членов думы, магистрата. Одни и те же обвинения у купцов и мещан оценивались по-разному. Даже за «легкие» проступки, когда обвиняемый не участвовал в избиениях и погромах (просто «ходил с колом», «был на площади» — иногда могло не быть даже свидетелей) купцов обвиняли по 1-му разряду, мещан — по 4-му. Даже мещане с серьезными обвинениями — избиения (при свидетелях) — проходили только по 3-му разряду. Только 12 наиболее активных бунтовщиков из мещан получили 3-й и 2-й разряд. Даже ни одного из тех мещан, которые участвовали в избиениях, призывали к убийствам, распространяли якобы указ царя убивать офицеров, полицейских не обвинили по 1-му разряду. Купцов же, даже не подписавшихся, а только замеченных на площади 12 июля или ночью на улице, и бездействовавших — наказали по 1-му разряду. Комиссия была одинаково сурова к купцам, замеченным на площади, подписавшим признания, или просто не оказавшим помощи офицерам, а также и к старосте Солодовникову, устроившему «суд» и 12 июля фактически управлявшему городом, и к помогавшему ему делопроизводителю думы купцу Соколову.

4. Поводы и причины действий горожан

Отчасти обвинения и ответы горожан подтверждают, что непривычные меры против холеры были непосредственными поводами, катализаторами волнений [26, с. 188].

Но выделяются более глубокие причины недовольства. Особенно не любили полицию: ряд купцов и мещан участвовали в избивании частных приставов и квартальных надзирателей; некоторые прилюдно призывали убивать полицейских; искали конкретных полицейских служителей, сводя счеты. Купец И. Птицын призывал убивать полицейских («Первую голову слоим, а там всех перевешаем!»); купеческий сын М. Шапошников ругал полицейских, призывал убивать и сам мучил и чуть не убил, допрашивая, где искать полицмейстера, надзирателя и пристава. Купеческий сын Н. Лапин первым ударил полицмейстера колом, подав пример солдатам; купеческий сын А. Кузнецов был одним из первых бунтовщиков: на Тихвинском мосту он звал рабочих солдат («Сюда, ребята! Наши здесь! Надо убить полицмейстера!»). Купец Е. Плотников силой вел на площадь двух женщин, включая сестру пристава Дирина, на расправу, не реагируя на просьбы заступников. Мещане действовали так же активно, как и купцы. П. Коростынский бил надзирателя у Крестецкой будки, следуя его призыву, рабочие солдаты пошли в центр города. А. Теслов везде искал надзирателя Жукова, «брал за грудь унтер-офицера полиции Птицына, покушаясь бить его и говоря: «Ты знаешь, как яд разносили, и все вы знаете!»; ругал у будки непристойно часового роты полиции Коровина»; а В. Хлебников угрожал унтер-офицеру полиции П. Стороженкову: «Теперь тебе то же будет, что Манджосу... Бери его!» [11, Л. 29].

За этим острым недовольством полицией и, шире, «начальством», стояли и личные обиды, и общая усталость от военно-полицейских властей, повинностей. Многие были недовольны постоем и другими обязанностями. Незадолго до бунта к одному купцу пришел частный пристав и, слушая жалобы на расквартирование большого числа солдат, ответил: «Если мы прикажем, разместите десять, двадцать, пятьдесят солдат!» [11, Л. 32]. Купец А. Васильев бил офицеров розгами на площади, говоря «мы кормим вас! Поим! А вы задумали отравить нас!» [11, Л. 34].

Горожане выражали неприязнь и к полицейским, и к офицерам, которые в военном городе вместе с полицией олицетворяли местные власти. Особенно не доверяли докторам: лекаря Богородского жестоко избили; еще ночью толпа разбила аптеку, аптекарь Вагнер стал первой жертвой бунта; днем 12-го мещане и солдаты хотели схватить врача в госпитале [17, Л. 1–3; 26, Л. 116].

Особенно не любили офицеров и чиновников с «немецкими» и «польскими» именами. Во время суда были получены признания у капитана Шаховского: полицмейстер якобы уговорил его взять яд у май-

ора Розенмейстера, обещая Шаховскому закрыть возбужденное против него дело [26, с. 114–116]. Шаховской назвал еще двух поручиков и землемера Кашубского: «Первый и третий поляки и всегда восхищались при гибели русской родины, а второй имеет короткую дружбу и связь тайную с майором Розенмейстером» [7, Л. 8]. А когда днем в город въехал помещик Болотников, не знавший о бунте, мещане и солдаты потащили его под стражу, крича: «это природный поляк с ядом!» [7, Л. 7].

В заговоре с целью отравления купцы и мещане винили как управляющих городом военных и полицейских, врачей, так и гражданских — специалистов из числа привилегированных, «образованных» социальных групп: на площади допрашивали и доктора Богородского (причем первым), и землемера Кашубского. Купец К. Глушицкий считал, что, будучи в его доме, Кошубский всыпал яд в тесто; купецкий сын Н. Латин указал бунтовщикам квартиру землемера. Во время второго бунта, 23 июля, преследовали аудитора и провиантского смотрителя (так, купец П. Хахин явно сводил с последним счеты); а трое мещанок гнали по огородам «большого роста горбатого человека во фраке», архитектора Шаттена, зовя солдат («Вон архитектор на капусту сыпает яд!»).

Горожане верили, что все «начальство» состоит в заговоре: офицеров и чиновников звали «холерою», которую нужно убить. Одно из интересных обвинений — распространение мещанами, Александром Тесловым и Василием Хлебниковым бумаг, возвещавших о начале бунта. Оба имели и другие обвинения (угрозы полицейским, помощь солдатам в «наказании» офицеров), но призыв к восстанию карался тяжелее всего: их обвинили по 2-му и 3-му разрядам [7, Л. 7]. В Старой Руссе 11–12 июня Теслов и Хлебников говорили, что получили накануне некие «бумаги» в Новгороде о начале бунта; Теслов «бил себя в грудь, крича “я первый зачинщик”»; (комиссии он показал, что был пьян и ничего не помнит: типичный ответ). Из города они отправились по деревням возмущать поселян, предъявляя им «бумаги». Их задержали офицеры, жестко допросили и передали комиссии в Новгороде, не найдя «бумаг». Доносили и о других чтениях «секретных указов» в деревнях военных поселений [26, с. 131–148]. Такие «антиправительственные» действия были серьезным обвинением; не случайно царь велел искать зачинщиков из Санкт-Петербурга. В Старой Руссе несколько горожан упоминали «буйного молодого человека», назвавшегося одним из участников бунта в столице; но опознать его не смогли. В 1820-е гг. о случаях распространения секретных указов доносили власти ряда губерний (например, об указе Александра I дать свободы народу, включая освобождение крепостных). Природа недовольства,

сомнений горожан Старой Руссы в целом соответствовала представлениям периода: в своих бедах купцы и мещане обвинили местные власти, «отравителей» из офицеров и полицейских, врачей, «немцев» и «поляков», но не царя (известно, что к Николаю I в ходе бунта стремились попасть депутаты военных поселян [26, с. 155–161]).

5. Действия думы и купцов — магистратов города

Сложно дать оценку роли думы и первых фамилий города. Ряд лиц (глава Севериков, бургомистр Балахонцев) испугались и сразу скрылись. Скорее всего, имело место замешательство, о чем говорит визит купцов к архимандриту на рассвете. Но ряд купцов сыграли активную роль в событиях: староста Солодовников, делопроизводитель Соколов, уличные старосты мещане Я. Егоров и П. Гнутиков сознались, что караулили избитых офицеров и помогали ковать в кандалы [11, Л. 2]. Позже организаторы оправдывались, что были принуждаемы рабочими солдатами устроить суд, созывать горожан на площадь, подписываться — они же лишь старались замирить солдат. Но в составе суда было лишь двое рабочих солдат. Многие свидетели указали, что весь день 12 июня в думе кипела деятельность, купцы вместе с бунтовщиками из солдат принимали решения (В. Соколов что-то писал с солдатами, говоря «с ними весьма тихо»; Солодовников, Соколов с братом командовали мещанами и солдатам, приказывали мещанам подписываться, переписывать признания офицеров). Эти купцы действовали явно сообща с восставшим батальоном: освободили Воробьева, выставили посты, к офицеров заковали и поставили караул; послали проверить госпиталь.

Очевидно, среди купцов и мещан были и бунтовщики, и «подчинившиеся бунту», и противники бунта. Один мещанин в ходе бунта кричал на купцов «вы заугольники, изменники, прячетесь за угол и не хотите идти на площадь... напрасно вы укрываетесь, вам первым следовало бы стоять против на отношение к осужденным в 1831 г. купцам и мещанам и их судьбу [1, Л. 2].

В 1840–41 гг. жены и дети подали прошения о переводе осужденных в части неподалеку от родного города; найдено десять прошений: в основном о мещанах, служивших в отдельном Финляндском корпусе и на флоте; их ходатайство одобрили, солдат перевели заканчивать службу в 41-й и 42-й батальоны внутренней стражи в Старой Руссе (начальство в 1842 г. жаловалось, что переведенные не подчинялись дисциплинарным нормам и носили на службе гражданское платье, что позволительно лишь в праздники [2, Л. 232]. Два прошения подали за

бывших купцов, городского старосту Солодовникова и И. Сумрякова. Солодовников служил унтер-офицером, а Сумрякова в 1842 г. отпустили служить в канцелярию военных колоний в Новгороде [2, Л. 234].

6. Заключение

Многие купцы и мещане Старой Руссы активно участвовали в бунте 11–12 июля. Часть магистратов сразу скрылась, но ряд наиболее влиятельных купцов вместе с солдатами 10-го рабочего батальона управляли городом 12 июля, организовывали общественный порядок и провели суд над «отравителями» — офицерами и чиновниками.

Четыре разряда обвинений предусматривали телесное наказание и отдачу в солдаты (1-й — 3-й) и отдачу в солдаты (4-й). Осудили 115 горожан (включая 6 женщин): 42 купца третьей и второй гильдий и 73 мещанина. 24 рушанина были отпущены (спасшие офицеров купцы; пожилые мещане с легкими обвинениями).

Купцов комиссия судила более строго. Освободили лишь трех из них. Все остальные 42 купца были приговорены к 1-му разряду наказания. Для купцов не было разницы в тяжести проступка: присутствие на площади и бездействие карались так же сурово, как действия главных организаторов.

Причинами бунта были как непосредственные действия властей — непопулярные меры против холеры, так и общее недовольство горожан отношением полиции, постоем и повинностями. Многие призывали убить полицейских, преследовали и чиновников, врачей, особенно с немецкими и польским именами. Циркулировали даже поддельные указы от царя, повелевающие «избивать холеру», под которой понимались чиновники и полиция.

Список источников и литературы

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 399. Оп. 1/209. Д. 161.
2. РГВИА. Ф. 399. Оп. 1/209. Д. 166.
3. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5397.
4. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5403.
5. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5415.
6. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5465.
7. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5572.
8. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5573.
9. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5574.
10. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5575.
11. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5576.

12. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5577.
13. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5578.
14. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5579.
15. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5580.
16. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5581.
17. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5583.
18. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5585.
19. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5586.
20. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5593.
21. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5597.
22. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5598.
23. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5599.
24. Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. — 282 с.
25. *Вязинин И.Н.* Старая Русса в истории России. Новгород: Кириллица, 1994. — 317 с.
26. *Евстафьев П.П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М.: Издательство Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссылнопопеленцев, 1935. — 255 с.
27. *Матвеев О.В.* Восстание 1831 года в Новгородских военных поселениях // Новгородский архивный вестник. 2002. № 3. С. 58–70.
28. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (18 — начало 20 в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. — 548 с.
29. *Полянский М.И.* Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород: Типо-лит. В.И. Павлова, 1885. — 471 с.
30. *Пылаев В.А.* Старая Русса. Сергиев-Посад: Тип. Св. Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. — 246 с.
31. *Ховен И.Р.* Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году (Рассказ современника и очевидца) // Русская старина. 1884. Т. 44 С. 391–400.
32. *Bitis A., Hartley J.M.* The Russian Military Colonies in 1826 // Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78, 2. P. 321–330.
33. *Hartley J.M.*, Russia, 1762–1825: Military Power, the State and the People. Westport: Praeger, 2008. — 318 p.
34. *Pipes R.* The Russian Military Colonies, 1810–1831 // The Journal of modern history. 1950. Vol. 22, 3. P. 205–219.

**Дискуссия об опоре «русского дела»
в Северо-Западном крае в 1860-е гг.
(на материалах периодической печати)**

Аннотация. В исследовании рассматривается, как в российской периодической печати второй половины XIX в. развиваются идеи защиты и укрепления «русского дела» в Северо-Западном крае Российской империи. Особый упор делается на том, какие противоречия и конфликты возникали в ходе этой дискуссии на материале таких периодических изданий, как «Весть», «День» и «Голос». Изучение этой проблематики проходит с опорой на принципы научной объективности и системного подхода. Авторы статьи отмечают, что особое положение Северо-Западного края как передового фронта империи Романовых перед угрозой «польского национального проекта» вызвало в русской журналистике начала 1860-х гг. активное обсуждение оптимальной платформы для развития «русского дела». В результате каждая из сторон предлагала свой взгляд на реализацию русского «возрождения», и лишь ситуация конца 1860-х гг. привела к снижению градуса общественной полемики по этому вопросу.

Ключевые слова: XIX век; «русское дело»; периодическая печать; империя; Северо-Западный край

**The discussion about the support of the «Russian affair»
in the North-Western Region in the 1860s (based on periodical press)**

Abstract. The study examines how the ideas of protecting and strengthening the «Russian affair» in the North-Western Territory of the Russian Empire developed in the Russian periodical press of the second half of the 19th century. Special emphasis is placed on the contradictions and conflicts that arose during this discussion based on the materials of such periodicals as «Vesti», «Den» and «Golos». The study of this issue is based on the principles of scientific objectivity and a systematic approach. Russian journalism in the early 1860s actively discussed the optimal platform for the development of the «Russian affair». The authors of the article note that the special position of the North-Western Region as the advanced frontier of the Romanov Empire in the face of the threat of the “Polish national project” caused an active discussion in Russian journalism in the early 1860s. As a result, each side offered its own view on the implementation of the Russian «renaissance»,

¹ **Алексей Федорович Савченко** — младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; ассистент кафедры истории России, магистрант Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия); e-mail: alexey.savchenko_02@mail.ru

Alexey F. Savchenko — junior researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; assistant professor of the Department of Russian History, master's student at Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

² **Александр Алексеевич Филатов** — магистрант Факультета гуманитарных наук Научно-исследовательского института «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); e-mail: sanyaifilato1914@gmail.com

Alexander A. Filatov — master's student of the Faculty of Humanities at the Higher School of Economics Research Institute (Moscow, Russia).

and only the situation of the late 1860s led to a decrease in the degree of public controversy on this issue.

Keywords: XIX century; Russian cause; periodical press; empire; North-Western Region

Вторая половина XIX в. стала временем значительных изменений и преобразований для Российской империи. Сталкиваясь с необходимостью модернизации и адаптации к новым социально-экономическим условиям, остатки традиционных имперских практик начинают уступать место современным формам организации социума. Особенно ярко эта проблематика прослеживается при исследовании взаимодействия имперского центра и периферии на материалах Северо-Западного края Российской империи, в особенности — в периодической печати.

В историографии конфликт «русского» и «польского», «национального» и «имперского», а также «центра» и «периферии» по отношению к поднимаемой теме раскрывается во многих отечественных и зарубежных работах. В связи с этим мы сосредоточимся лишь на основных трудах при исследовании избранной темы.

При изучении имперской политики в «польском вопросе» нельзя не упомянуть работы Л.Е. Горизонтова [9]. В его трудах комплексно представлены механизмы использования властью «русского элемента» для укрепления своих позиций в западных губерниях, в первую очередь — «деполонизация» землевладения и мобилизация социальных групп для отпора польскому влиянию. Конкретно политике Российской империи в Северо-Западном крае посвящены две взаимодополняющие, хотя и конфликтные между собой, оптики М.Д. Долбилова [14] и А.А. Комзоловой [15]. М.Д. Долбилов в своих трудах показывает, что само представление о «единой политике» империи в Западном крае есть результат определенного историографического взгляда, который напрямую зависит от выбора источников. Имперская политика в его измерении выступает не как некая данность, а как противоречивое поле экспериментов, где местные деятели «русского дела» — не просто исполнители центральной воли, а те, кто во многом ее и формируют непрямым путем. Взгляд А.А. Комзоловой, опирающийся на архивы центральных ведомств, напротив, концентрирует внимание на проблеме управления окраинами «сверху» из ведомственного центра, что позволяет увидеть «официальный взгляд» на описываемую проблему.

На наш взгляд, все представленные линии являются частицами одного мозаичного полотна, где дихотомия «свой» / «чужой» в призме процессов модернизации империи и строительства имперской нации сыграли ключевую роль [17]. Периодическая печать при этом — не про-

сто отражение всех этих образов, идей и смыслов, а подчас и прямой инструмент конструирования идентификации российских подданных второй половины XIX в., с опорой на традиционные маркеры повседневности той поры: этнос, сословная или же религиозная принадлежность. Именно поэтому при исследовании настоящей темы важно понять не только то, как имперский центр смотрит на Северо-Западный край, но и как *публичная сфера* 1860-х гг. как конститутивная часть социального оказывает влияние на выработку стратегии имперской политики в Западном крае.

«Русское дело»: в поисках «возрождения»?

После Польского восстания 1863—1864 гг. российская власть стала воспринимать Северо-Западный край как свою — *исконно русскую* — территорию, «русскость» которой, по ее мнению, находилась в поиске своей опоры. Подобное положение закономерно вело к конфликту транслируемого восприятия со стороны центра и той сложной этноконфессиональной реальности, которая уже давно сложилась в крае. Очень точно этот парадокс выразил известный представитель позднего славянофильства И.С. Аксаков. Не сомневаясь в *сложном* статусе этой территории, он считал, что русская народность этой земли *забыта*, и она ждет главного — своего часа для *возрождения*. Смысл этой политики И.С. Аксаков излагал следующим образом: если мы хотим обрусить поляков, нам нужно ответить на вопрос: а что значит быть русским? Обрусить себя — значит обрести сознательное — *гражданское* в какой-то мере — понимание себя как части русского общества [12].

Отсюда неудивительно, что газета И.С. Аксакова «День» высказывала недовольство касательно решения насущных проблем в стране через правительственные рычаги, минуя участие *гражданского общества* [10]. По его мнению, если бы *местное русское* или *великорусское* общество не обратилось к государственной силе за помощью, передавая той монополию на общественную работу, то тогда бы борьба с польским влиянием не смогла бы выйти за рамки исключительно интеллектуального противостояния.

Нечто схожее мы видим в оценке дел западнорусским мыслителем М.О. Кояловичем. Он тоже считал, что опорой «русского дела» должно служить местное общество, но со своей спецификой. Например, особую роль в решении этой проблемы М.О. Коялович отводил малороссийским деятелям, видя в них некоторое спасение «русского дела», несмотря на ряд их отрицательных черт: эгоизм, отрыв от

общерусского противостояния полонизму, а главное — отказ от вне-
сения русской грамотности в массы [13]. Итог же такого положения
и в его оценках, и в реальности был прост: «русское дело» становилось
заложником личных расчетов, политической моды и фанатизма, никак
не способствуя связи Западного края с остальной Россией [11].

Иная точка зрения высказывалась петербургской газетой В.Д. Ска-
рятина «Весть», для которой опорой «русского дела» могло служить
крупное землевладение, в особенности — местное дворянство. Верно-
подданический адрес виленских дворян российскому императору газе-
та считывала как важное явление, искренность которого не подлежала
сомнению. Высший класс Западного края осознал бесперспективность
всякого восстания в своих землях в связи с отсутствием поддержки со
стороны западных держав и реальных возможностей что-либо противопо-
ставить силе армии генерала-губернатора М.Н. Муравьева-Вилenskого.
Исходя из этого, «Весть» не видела особой причины «почему бы польское
дворянство западных губерний не могло быть верным России, когда оно
убедится окончательно в невозможности и бесплодности борьбы» [1].

Взгляды славянофильски настроенных авторов вызывали недо-
вольство у газеты, поскольку последние, по мнению редакции «Вести»,
предлагают только разные «дикие меры» для разрешения польского
вопроса в Западном крае. «Весть», не скрывая своих эмоций, писа-
ла, что характер мер И.С. Аксакова радикален: «Мы с напряженным
вниманием и даже не без некоторого страха следим за деятельностью
славянофильских общественников. Слову “общественник” мы не
придаем невинного значения...». Петербургское издание не отстава-
ло, прямо называя газету «День» И.С. Аксакова своим непримиримым
врагом [2].

Учитывая сказанное, особенно интересным представляется рас-
суждение современного историка русской мысли А.Э. Котова, кото-
рый видит в борьбе консервативных изданий 1860-х гг. дискурс «бело-
го нигилизма»: каждая газета норовит обвинить другую в нигилизме,
следовании анархическим и социалистическим началам [16, с. 72]³,
и в этом отношении вопрос о «возрождении» русского элемента
в Северо-Западном крае играет одну из ключевых ролей.

³ Показательным в этом вопросе является следующий сюжет: «Весть», реагируя на предложение Ю.Ф. Самарина набирать состав земских учреждений в западных губер-
ниях из опытных чиновников извне, а не из местных чиновников и представителей
дворянства, называют его действия анархическими выходками, а за риторикой изда-
ния «День» разглядывают влияние Сен-Симона и Фурье [2].

«Земельный вопрос» в поле дискуссии о «новой опоре»

К 1860-м гг. российское правительство начинает деполонизацию земель владения. Сначала накладывается секвестр на владения лиц, прямо или косвенно причастных к восстанию 1863—1864 гг. [19, с. 4—6], затем утверждается инструкция о порядке продажи земель лицам русского происхождения [21, с. 76—84]. В последней мы видим стремление властей привлечь в регион чиновников русского происхождения военного и гражданского званий. Очевидно, все эти шаги — ставка на формирование управляемой бюрократической структуры. Венцом деполонизаторской стратегии становится указ от 10 декабря 1865 г. [19, с. 42—44], запрещающий покупку имений в Западном крае лицам польского происхождения. Поворот властей к крестьянству виден в указе о прекращении обязательных отношений крестьян с помещиками [20, с. 1—4], принятом в самом начале польского восстания, и в опубликованных инструкциях для руководства поверочным комиссиям при определении выкупных платежей вышедшим из крепостной зависимости крестьянам [20, с. 42—46].

Комментируя описанные шаги правительства, газета «Весть» полагала, что ни притеснения польских помещиков, ни конфискация имений мятежных подданных не смогут в полной мере решить задачу по упрочению положения русского населения в западных губерниях, ибо «не все поляки Западных губерний заслужили своими поступками конфискацию имений <...>. Эта мера не избавит Россию от присутствия польских помещиков в Западных губерниях» [3]. Для газеты «День» подобные интенции петербургских «коллег» носили лишь негативный характер, воспринимались как сочувствие «польскому делу» и заступничество польскому дворянству.

Со своей стороны «Весть» никогда не отрицала, что выступает за политическое преобладание высших и средних классов и не приемлет возможности политического участия крестьянского сословия, апологетом которой для нее выступал И.С. Аксаков. Мысль о крестьянском самоуправлении в западных губерниях рассматривалась авторами газетных статей лишь как исключительная мера, на которую должны опереться власти в лице военной диктатуры М.Н. Муравьева-Вилenskого. Выступая в качестве защитника естественного представления о неприкосновенности частной собственности в пику Аксакову, «Весть» постулировала свой легендарный лозунг: «В России весьма много народностей, а собственность одна!» [цит. по: 16, с. 74]. Отсюда следует, что для газеты «Весть» было важно следование прежнему

имперскому принципу управления окраинами, основу которого скрепляла космополитичная корпорация дворянства. Эта сословная интерпретация консерватизма исходила из представления о незыблемости права собственности — основания законного порядка в империи. Само же это понимание в рассматриваемый период оказалось под вопросом ввиду народнических симпатий славянофилов и изменившегося в сторону процесса «национализации» политического курса Петербурга. Со своей же стороны правительство старалось поддержать «русское дело», предоставляя русским возможность покупать имения в Западном крае посредством ссуд.

Газета «Голос» также не осталась в стороне от обсуждения земельного вопроса в крае, давая свою — не менее, на наш взгляд, интересную — интерпретацию тому, как лучше выстроить баланс между требованиями *законности* и *национальными задачами* в Северо-Западном крае. Так, по мнению издания, укрепление русской идентичности в крае ни в коей мере не должно сильно ударять по «польскому самолюбию». А потому, лишая поляков явного преобладания в крае, необходимо соблюдать логику универсального закона для всей империи, не нарушая его принципов в пользу господствующей — русской — национальности. На практике это означало поддержку русского землевладения. При этом укрепление русского элемента должно идти постепенно, без насилия — в этом есть благо и для поляков, и для русских [8].

В отличие от газеты «Весть», «Голос» не отдавал предпочтение крупному дворянскому землевладению, обоснованно считая, что помещики не спешат заниматься делами в своих поместьях и им будет легче сдать свои имения в аренду. Более того, крупное дворянство, по мнению издания, менее всего представляет из себя защитника национальных интересов русских. Подтверждение своих слов «Голос» видел в историческом опыте: при необходимости даже дворяне способны поменять свою религию и национальность, исходя из конъюнктурных предпочтений [8]. Потому «Голос» советовал власти обратить внимание не на дарование прав местному дворянству, а на укреплении позиций «среднего сословия» в Северо-Западном крае путем раздачи небольших участков земли людям «среднего сословия» из внутренних губерний России с правом продажи ее лицам русского происхождения [8]. При этом, хотя это несколько выбивается из общей повестки, газета признавала благоразумной защиту в крае тех польских помещиков, которые остались верными правительству [7]. Видя это, «Весть» отмечала, что позиция, занятая «Голосом», страдает двуличием и непоследовательностью, а сама газета старается ловко обходить упреки в свой адрес, меняя

мнения как перчатки: например, защищая литовских помещиков, «Голос» не раз пытался показать себя как защитника крестьян [4].

На этом фоне газета «Весть» с середины 1860-х гг. стала все больше ощущать свое маргинальное положение в русской журналистике, причиной чему как раз стал вопрос польского землевладения⁴. Многие русские газеты, такие как «День» — и даже отчасти «Московские ведомости» М.Н. Каткова, — начали защищать произвольное понижение оценочной стоимости польской собственности и возвышение интересов «русской народности» над требованиями закона и баланса сил в империи [5].

Отсюда для издания «Весть» следовало, что в русской журналистике сложился совершенно односторонний взгляд на последние события в западных губерниях, и жалобы польских помещиков на отказ русских властей в защите их имений от банкротства действительно имели под собой справедливые основания. Поддержка же газетой начинаний графа Ф.Ф. Берга в деле создания кредитного банка для поляков вызвала недовольство со стороны «Московских ведомостей», явно не нацеленных на предоставление поземельного кредита польским помещикам — меры, по мнению «Ведомостей», тормозящей процесс расширения русского крупного и среднего землевладения [6]. В достаточно жесткой отповеди петербургской газете их московские «коллеги» подчеркнули подчиненное положение русского дворянства государственным интересам, а потому прямо высказали изданию В.Д. Скарятину свое мнение об их предосудительных с политической точки зрения шагах [18].

* * *

В завершение статьи подведем некоторые итоги касательно связи русского «возрождения» и поиска его «опоры» в Северо-Западном крае.

Особое положение Западного края как передового фронта империи Романовых перед угрозой «польского национального проекта» вызвало в русской журналистике начала 1860-х гг. активное обсуждение оптимальной платформы для развития «русского дела».

Каждая из сторон предлагала свой взгляд на реализацию русского «возрождения». Так, для славянофильской мысли, представленной газетой «День», был характерен поиск точки опоры в местном гражданском обществе. Оставшиеся же в общественном поле издания, такие

⁴ Польское восстание стало дополнительным поводом для разрешения крестьянского вопроса как в бывшем Царстве Польском, так и в западных губерниях. Данные мероприятия обостряли отношение общественности к польскому землевладению и поднимали вопрос о месте землевладения в претворении в жизнь «русского дела».

как «Весть» и «Голос», преимущественно признавали именно вопрос землевладения основным для продвижения русской политики в крае.

Ситуация конца 1860-х гг. привела к снижению градуса полемики вокруг обсуждения «русского дела» в целом. Правительственная реакция на польское восстание 1863—1864 гг. сыграла в этом ключевую роль. Используя арсенал различных средств для укоренения «русскости», власть снимает с общественной повестки активную польскую оппозицию, заглушая «польскую проблему» вплоть до 1890-х гг., когда та активизируется уже в совершенно другом общественно-политическом контексте.

Список источников и литературы

1. Весть. 1863. № 1. 11 августа
2. Весть. 1863. № 8. 29 сентября.
3. Весть. 1863. № 12. 27 октября.
4. Весть. 1864. № 2. 12 января.
5. Весть. 1864. № 27. 3 июля.
6. Весть. 1864. № 35. 29 августа.
7. Голос. 1864. № 11. 11 (23) января.
8. Голос. 1865. № 328. 27 ноября (9 декабря).
9. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. — 270 с.
10. День. 1863. № 2. 12 января.
11. День. 1863. № 10. 9 марта.
12. День. 1863. № 12. 23 марта.
13. День. 1863. № 15. 15 апреля.
14. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. — 1000 с.
15. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. — 383 с.
16. Котов А. Э. «Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике второй половины XIX — начала XX вв. // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 68—75.
17. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 246 с.
18. Московские ведомости. 1865. № 215. 2 октября.
19. Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае. Вильно, 1886. — 346 с.
20. Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае (с 25 августа 1864 г. по 1 ноября 1865 г.). Вильна: тип. Штаба Вилен. воен. окр., 1865. — 150 с.
21. Сборник узаконений и распоряжений по землевладению в западных губерниях. Киев: тип. К. Н. Милевского, 1885. — 132 с.

Крестьянское отходничество: поиск экономического равновесия или личностного преимущества?

Аннотация. В статье выявляются внешние (экономические, социальные) причины и внутренняя мотивация отходничества среди крестьян во второй половине XIX в. Для этого рассматривается состояние крестьянского хозяйства: распределение земельных угодий, эффективность производства, общее соотношение доходов и расходов на примере конкретной крестьянской семьи. Изучаются психологические особенности быта крестьян: процесс отделения малых семей, рост индивидуализма, восприятие собственного жилища. Статья базируется на статистико-экономическом исследовании Сергиевской волости Тульского уезда, которое было выполнено по личной инициативе секретаря Тульского губернского статистического комитета В.М. Борисова в 1880 г. Преимущества источника состоят в привлечении значительного объема данных о крестьянском хозяйстве и повседневности, что позволяет раскрыть как экономическую, так и идейную специфику временного отхода крестьян на заработки.

Ключевые слова: отходничество; крестьянство; крестьянское хозяйство; крестьянская повседневность; Тульская губерния

Seasonal Work of Peasants: the Search for Economic Balance or Personal Advantage?

Abstract. The article aims to identify the external (economic and social) causes and internal motivation for seasonal work among peasants in the second half of the 19th century. For this purpose, the state of the peasant economy is considered: the distribution of land, production efficiency, and the overall ratio of income and expenses of a specific peasant family. The psychological features of peasant life are studied: the process of small families separating, the growth of individualism, and the perception of one's own home. The article is based on a statistical and economic study of the Sergievsky volost of the Tula District, which was carried out on the personal initiative of the secretary of the Tula Provincial Statistical Committee, V.M. Borisov, in 1880. The advantages of the source are the attraction of a significant amount of data on the peasant economy and everyday life which makes it possible to reveal both the economic and ideological specifics of the peasants' leaving for seasonal work.

Keywords: seasonal work; peasantry; peasant farming; peasant daily life; Tula province

В современной науке сохраняется устойчивый интерес историков, экономистов, антропологов к изучению истории крестьянства Российской империи эпохи модернизации второй половины XIX в.; причем характерной чертой исследовательских практик стала ориентация

¹ **Елизавета Олеговна Грибова** — студент ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия); e-mail: gr1bova_liza@mail.ru

Elizaveta O. Gribova — Student, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia).

ученых на достижения «антропологического поворота». Это позволяет по-иному представить процесс крестьянских миграций второй половины XIX в., а результаты локальных и региональных исследований позволяют яснее осмыслить общероссийский процесс.

Настоящее исследование направлено на выявление внешних (экономических и социальных) причин и внутренней мотивации крестьян Тульской губернии перемещаться в города на заработки в эпоху постепенного формирования индустриального общества во второй половине XIX столетия. Избрание в качестве объекта исследования крестьянства Тульской губернии обусловлено спецификой региона: сочетанием в нем черт двух экономических районов — Центрально-промышленного и Центрально-земледельческого [25, с. 5–6]. Для анализа выбрана Сергиевская волость ввиду ее высокого уровня экономического развития [24, с. 91, 97]: местность, где крестьяне наиболее были широко вовлечены в товарно-денежные отношения, позволяет полнее рассмотреть процесс крестьянского отхода.

Первое осмысление трудовых крестьянских миграций проходило параллельно с их осуществлением в XIX в. — имеется широкий ряд работ экономистов, историков и других современников, составивших свой анализ причин и проявлений крестьянского отхода, где уделено значительное внимание состоянию крестьян и деревни в целом [11; 18; 28; 29]. Разработка проблематики продолжилась в XX в., когда видные ученые социально-экономического профиля на макроисторическом уровне анализировали масштабы распространения отходничества, тенденции его проявления, общественно-экономические причины, его обуславливавшие [8; 10; 12; 21; 23; 27]. Современный этап изучения крестьянства Российской империи отмечился «антропологическим поворотом»: уделяется внимание вопросам мировоззрения крестьян, семейного быта и господствующих традиций [1; 16; 17; 26]. В настоящее время ведутся исследования в рамках проблематики микроистории, активно привлекаются архивные данные регионов с целью показать, как характерные для всего государства процессы протекали в конкретной местности, какую специфику они имели [6; 9; 13; 19].

В основу настоящей статьи положено статистико-экономическое исследование Сергиевской волости Тульского уезда, которое инициировал В.М. Борисов, секретарь Тульского губернского статистического комитета. Работа была выполнена им лично путем составления подворных описей крестьянских хозяйств и опроса жителей волости. Представленное описание составлено в декабре 1879 г. — апреле 1880 г., что делает возможным зафиксировать ближайшие последствия Вели-

ких реформ. Информационный потенциал источника позволяет приблизиться к пониманию устройства и функционирования хозяйства крестьян, что необходимо для установления объективных экономических причин крестьянского отхода. Приведенные автором наблюдения крестьянского быта раскрывают мировоззренческие представления жителей села. Вместе с тем обращение к данному источнику таит риски: данные составляются из сведений, поданных самими жителями чиновнику — отсюда могут последовать искажения, «замалчивания» (например, может сознательно занижаться доля отходников, не желающих являть свой статус государству). Стоит отметить, что к работам В.М. Борисова уже обращались историки. Так, Н.А. Биленко использовал сведения по Сергиевской волости для исследования трансформаций семейной жизни крестьянства, распространения образования и функционирования кустарных промыслов в среде этого социального слоя [2, с. 89, 127, 172–173, 189].

Сергиевская волость располагалась на юго-востоке Тульского уезда. Почвы этой местности были глинистыми и суглинистыми, что требовало их интенсивного удобрения. Площадь волости составляла 11472 $\frac{3}{4}$ десятин, из которых 5617 $\frac{3}{4}$ (49,0%) принадлежали крестьянам, 5439 (47,4%) — частным владельцам, 416 (3,6%) — церкви [3, с. 6]. На 1 крестьянина приходилось 1,97 дес., на 1 частного владельца — 93,76 дес. Помимо весьма неравного распределения земли крестьяне имели меньше лугов и лесов по сравнению с частными владельцами и вынуждены были платить за пользование общественными угодьями [3, с. 7].

Надел у крестьян-собственников составлял 2,8 дес., у государственных крестьян — 3,8 дес., у временнообязанных — 2,6 дес., у освобожденных от крепостной зависимости — от 1,3 до 5,3 дес. [3, с. 9–10] В исследованиях по вопросу о норме крестьянского надела историки-экономисты указывают цифру выше двух десятин земли на душу населения [7; 29], при этом показатель в 2 десятины упоминается как «малоземельный» [5]. Данные из Сергиевской волости Тульского уезда свидетельствуют о существенной нехватке земли у крестьян. Отсюда следует вывод, что для удовлетворения части насущных нужд крестьяне были вынуждены обращаться к дополнительным способам заработка — одним из них выступало отходничество.

В.М. Борисовым высказывалась мысль о возможном расширении крестьянского хозяйства, которому на момент 1879 г. мешали некоторые факторы: малая обеспеченность угодьями и недостаток корма скоту на зиму [3, с. 18]. Крестьянину приходилось удовлетворять

потребности или повышать уровень состояния за счет других средств (например, заработка на стороне — отходничества).

Важным фактором являлся передел земли у крестьян. Из статистики явствует неравномерное распределение земель по отношению к составу семей: семьи с двумя и тремя рабочими имели один надел, хотя наблюдались ситуации, когда семьи с одним рабочим имели двух-, трех- и более наделное хозяйство [3, с. 14–15]. Причинами такой ситуации В.М. Борисов видел: во-первых, сокращение земельных переделов после реформы 1861 г., во-вторых, препятствие со стороны богатых землевладельцев, обильно наделенных землей [3, с. 16]. За 20 лет, прошедших с момента проведения крестьянской реформы, ситуация в семьях значительно изменилась: «...большие семьи успели помереть, а в мало наделенных землею успели подрасти рабочие и сделались многочисленными» [3, с. 16]. Крестьянину приходилось компенсировать малоземелье дополнительными заработками.

Обратимся к смете, представленной в исследовании В.М. Борисовым. План иллюстрирует годовой бюджет конкретной семьи, насчитывавшей 20 душ (из которых 4 работника). Содержание по продуктам и одежде обходилось в 346 р. К расходам добавлялись подати за землю — 72 р. с 15 десятин. Итого: 418 р. [3, с. 62–63].

Всего семья получала 17 четвертей ржи. То есть, исходя из потребности в 20 четвертей (по четверти на человека), 3 четверти необходимо было докупить. Овса оставалось 37 ½ четвертей. Из урожая семья прокармливалась хлебом и кашей, уплачивала подати и получала 232 р. Из расхода в 418 р. и дохода в 232 р. выходит разница в 186 р. — именно столько нужно было заработать, чтобы покрыть все потребности [3, с. 62–63].

Анализ сметы демонстрирует, что хлеба не хватало даже «зажиточной» [3, с. 62] семье и продукт приходилось докупать. Автор теоретизировал, что семья смогла бы «покрыть все свои потребности без особых заработков», имея в распоряжении 45 дес. [3, с. 63] (в то время как она располагала всего 15 дес., что в 3 раза меньше: в этом случае снова встает проблема малоземелья). Во-вторых, среди статей расхода невозможно обнаружить какого-либо пищевого разнообразия, предметов мебели/гардероба/интерьера и пр., тем более не наблюдается предметов роскоши. То есть даже скудная продовольственная корзина требовала «значительного напряжения» [3, с. 63]. В-третьих, доходами только от земледельческого промысла семья получала примерно половину всей суммы (55,5%), еще 44,5% ей неминуемо приходилось зарабатывать дополнительно — иначе семье грозило обнищание. В итоговом обзоре

В.М. Борисов приводил сходные усредненные данные: земледельческий промысел давал крестьянскому населению волости доход в 56%, неземледельческий — 44% [3, с. 61]. Эти показатели нашли подтверждение в классической работе П.Г. Рындзюнского: в Европейской России к концу XIX в. крестьянская семья от земледелия на наделе получала 55,4% доходов, неземледельческий промысел давал 44,6% [23, с. 39].

Обратимся к антропологическому фактору. Статистика свидетельствует, что в 46,1% семья насчитывала одного рабочего, два — в 32,2% случаев, три — в 14,3%, более — в 4,9% [3, с. 12]. Таким образом, прослеживается начало формирования нуклеарной семьи. В качестве решающего фактора семейных разделов В.М. Борисов обозначал «желание каждого крестьянина сделаться более самостоятельным человеком» [3, с. 12]. Отдельно отмечалась роль женщин: «...женщины имеют желание прокормить себя работой одних своих здоровых рук», «подбивают своих мужей, и как средство этого, употребляют возбуждение ссор в семье» [3, с. 13]. Также автор указывал ряд других причин крестьянских разделов: «нежелание кормить детей и нередко убогих членов семьи», неравенство достатка членов семьи, при котором «один больше зарабатывает, другой меньше» [3, с. 13]. Крестьяне чувствовали несправедливость в соотношении затрат и приобретений, стремились к независимости и обособленности. Необходимо заметить, что в представлении крестьян переход к малой семье открывал экономические преимущества. Показательно, что подобные мотивы поведения крестьян были распространены по всей Европейской России, что нашло отражение в источниках и было рассмотрено в трудах В.Б. Безгина, И.Н. Милоголоной, З.З. Мухиной [1; 15; 17].

В семейных разделах можно усмотреть шаг к сужению крестьянского мира, зарождению индивидуализма. Нередки были случаи, когда отходник стремился скрыть заработок от большака, имея желание сохранить деньги для себя и возвести на сумму самостоятельное хозяйство, что приводило к семейным конфликтам и разделам земли [1, с. 104]. Современники отмечали: «...большое количество молодых крестьян оставляют временно деревню и возвращаются с изменившимися понятиями и наклонностями, с ослабевшими родственными чувствами, в большинстве случаев заводят свое отдельное хозяйство» [22, с. 161]; «возвращавшиеся домой крестьяне вносили в сельскую жизнь понятия, далеко не всегда желательные, радикально расходившиеся с прежними воззрениями» [4, с. 30]. Таким образом, рост крестьянского индивидуализма, происходивший во время отходничества, переходил в семейные разделы и в новой малой семье — укреплялся.

Отметим, что в вопросе семейных переделов удовлетворение экзистенциальных потребностей ставилось крестьянами выше экономических. Отсюда можно сделать вывод, что психологические интересы ставились выше материальных. В отношении отходничества этот тезис может быть применим в качестве объяснения процесса: крестьяне стремились в город не потому, что это было выгодным, а потому, что на них действовали эмоционально окрашенные рассказы вернувшихся отходников, впечатлило их поведенческое и ментальное преобразование.

Для того, чтобы более детально разобраться в обстановке, окружавшей крестьян, необходимо рассмотреть внутреннее пространство их жилища. В.М. Борисов отмечал, что санитарно-гигиенические условия существования не соответствовали принятым нормам [3, с. 24]. К недостатку системы вентиляции и отсутствию полагающегося количества света прибавлялось нагромождение в избе, пугавшее постороннего наблюдателя: «зимой [были] испарения тела человек 10–15, живущих в подобной избе, телят и ягнят, вносимых в нее, отелившихся во время морозов»; «если прибавить ко всей упомянутой обстановке еще лоханки с помоями, воду, в которой моют посуду и белье, грязное белье, нечистоты малолетних детей, качаемых в люльках, пыль от пряжи; загромождение избы станком, который отнимает добрую половину места и света и без того тесной и полутемной избы и производит при тканье довольно сильный шум, причем дает тоже не незначительное количество пыли; при этом еще жарко натопленная печь» [3, с. 24].

Таким образом, состояние крестьянского быта представляется крайне тяжелым с точки зрения установленных санитарных норм. Если рассмотреть психологическую проблематику ситуации, можно предположить, что крестьянин, переезжая в город на заработки, сталкивался с другой жизнью, порой более привилегированных общественных страт. Думается, увиденное могло действовать на него, и, возвратившись домой, он чувствовал контраст: некогда переживаемая им обстановка, принятая за норму, переставала быть таковой. Можно предположить, что перемены представлений сельских жителей являлись причиной увеличения уровня отхода, вызванного желанием перемены состояния или даже бегства из удручающих условий.

Итак, причины отходничества, выявленные в Сергиевской волости Тульской губернии, можно разделить на два типа: объективные — экономические и субъективные — антропологические. Экономические причины включали в себя следующий ряд проблем: 1) острое малоземелье ввиду малого размера надела и неравного распределения земли между членами общины; 2) «значительное напряжение» в обеспече-

нии минимальной продовольственной корзины и удовлетворении базовых жизненных потребностей. В случае непредвиденных ситуаций (обветшание избы, неурожай, болезнь работника) — крестьяне неминуемо обращались к займу. Таким образом, можно охарактеризовать социально-экономическое положение крестьян как затруднительное и сделать вывод, что отходничество возникло в условиях крайней нужды для получения заработка на обеспечение первичных потребностей.

Внутренняя мотивация крестьян перемещаться в город на заработки обусловлена субъективными антропологическими причинами, которые нашли свое отражение в: 1) росте числа переделов земли семьей среди крестьян, тенденции к формированию нуклеарной семьи, что свидетельствует о росте индивидуализма; 2) неудовлетворительном состоянии крестьянского жилища, в котором можно усмотреть причину увеличения уровня отхода, вызванного желанием перемен.

Решение крестьян искать работу вдали от дома определялось рядом факторов, среди которых нельзя выделить один детерминирующий: экономические и психологические причины действовали в тесном взаимодействии и взаимно обуславливали друг друга.

Список источников и литературы

1. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. — 303 с.
2. *Биленко Н.А.* Товарный рынок Тульской губернии в процессе модернизации России второй половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тула, 2018. — 347 с.
3. *Борисов В.М.* Статистико-экономическое исследование Сергиевской волости Тульского уезда: Сост. по поручению Тул. уезд. зем. собр. В.М. Борисов. Тула: тип. Н.И. Соколова, 1880. — 89 с.
4. *Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 2. М., 1917. — 321 с.
5. *Дружинин И.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880. М.: Наука, 1978. — 287 с.
6. *Дюканова Е.Н.* Историко-географические истоки развития отходничества в Курском крае // Псковский регионологический журнал. 2016. № 4(28). С. 137–145.
7. *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М.: Соцэкгиз, 1958. — 470 с.
8. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. — 413 с.
9. *Курицев А.Н.* Переселенчество и отходничество крестьян центрально-черноземных губерний в 1861–1917 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 4(84). С. 44–53.
10. *Ленин В.И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века. М.: Парт. изд-во, 1932. — 69 с.
11. *Ленский Б.* Отхожие неземледельческие промыслы в России // Отечественные записки. 1877. № 12. С. 207–258.

12. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861–1895 гг. М.: Наука, 1972. – 424 с.

13. Ловцова М.С. Неземледельческие отхожие промыслы крестьянства Темниковского и Моршанского уездов Тамбовской губернии в последней четверти XIX в. // Вестник ТГУ. 2014. № 1(129). С. 130–135.

14. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 2001. – 572 с.

15. Милогорова И.Н. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 6. С. 37–46.

16. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 547 с.

17. Мухина З.З. Особенности процесса социализации русской крестьянки во второй половине XIX – начале XX в. в Европейской России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 1. С. 252–261.

18. Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. – 259 с.

19. Перепелицын А.В. Временные трудовые миграции крестьян центрального черноземья в России в 60–90е годы XIX века // Берегиня. Сова. 2012. № 1(12). С. 6–9.

20. Петухов А.А. Историк и статистик В.М. Борисов // Вопросы социально-экономической истории России. Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1975. С. 32–41.

21. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – 632 с.

22. Романов Н.Н. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда. Тамбов, 1886. – 167 с.

23. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М.: Наука, 1983. – 269 с.

24. Симонова Е.В. Города Тульской губернии в процессе социальных трансформаций начала XX века. Тула: изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. – 265 с.

25. Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула, 2005. – 237 с.

26. Смунова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг. (по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний): дис. ... докт. ист. наук: 70.00.02. Кострома, 2005. – 434 с.

27. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1978. – 212 с.

28. Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. СПб., 1875. – 31 с.

29. Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881. – 160 с.

Проект «крейсера будущего времени» глазами представителей отечественного военно-морского профессионального сообщества в 1880-е гг.

Аннотация. На протяжении второй половины XIX в. происходило непрерывное развитие военно-морской мысли. Параллельно шло формирование принципов использования военно-морских сил. Данные процессы не могли не оказать влияния на формирование взглядов военно-морского профессионального сообщества. В это время одним из магистральных течений военно-морской мысли, в том числе и российской, была теория «крейсерской войны». Крейсера воспринимались многими представителями отечественных военно-морских кругов в качестве одного из основных инструментов сдерживания сильных на море держав, имеющих широкую сеть торговых связей. В 1880-е гг. различными представителями отечественного военно-морского профессионального сообщества было разработано несколько вариантов проектов «крейсера будущего». В данной статье предполагается проанализировать их, определить их место в истории военно-морской мысли.

Ключевые слова: вице-адмирал И.Ф. Лихачев; вице-адмирал Н.М. Чихачев; «крейсерская война»; «истребители торговли»; крейсерские операции; российское военно-морское профессиональное сообщество

The “Future Cruiser” project through the eyes of representatives of the Russian naval professional community in the 1880s

Abstract. During the second half of the 19th century, naval thought continued developing. At the same time, the principles of naval warfare were also evolving. These processes had a significant impact on the views of the naval professional community. One of the main currents of naval thought, including Russia, was the theory of “cruiser warfare”. Cruisers played a crucial role in this theory. They were perceived by many representatives of the domestic naval circles as one of the main tools for containing the sea powers that had a large maritime trade. In the 1880s, several projects of the “cruiser of the future” were developed by various representatives of the domestic naval professional community. This article aims to analyze them and determine their place in the history of naval thought.

Keywords: Vice Admiral I.F. Likhachev; Vice Admiral N.M. Chikhachev; “Cruising war”; “trade destroyer”; cruising operations; Russian naval professional community

¹ **Василий Анатольевич Болтрукевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России ИРИ РАН (Москва, Россия); e-mail: tikuma@mail.ru
Vasily A. Boltrukevich — Candidate of Historical Sciences, researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

На протяжении второй половины XIX в. происходило непрерывное развитие военно-морской мысли. В это время появлялись и совершенствовались новые типы боевых кораблей (броненосцы, носители минного оружия) и их вооружение (нарезная скорострельная артиллерия, самодвижущаяся мина-торпеда). Параллельно шла разработка новых принципов использования военно-морских сил. Все эти процессы не могли не оказать влияния на формирование взглядов военно-морского профессионального сообщества. Его представители как в России, так и в других морских державах, включились в активное обсуждение будущих перспектив развития военно-морского флота.

Одним из проявлений технического прогресса в деле военно-морского строительства стало формирование мнения о том, что флот является сосредоточением лучших технологий, чем обладает государство, а его уровень наиболее ярко свидетельствует о его научном потенциале. Считалось, что в военно-морских силах «верно как в зеркале отражаются все конечные результаты, достигнутые политическим и экономическим развитием той страны, флаг которой поднят на судах флота» [4, Л. 1]. И далее: «Осмотрев тщательно какой угодно корабль и обратив внимание на заводские штампы, украшающие различные изделия на судне, — писал автор анонимной записки, — можно с точностью, не зная государства, к которому судно принадлежит, составить себе понятие о внутренней силе этого государства и о степени развития в нем промышленности» [4, Л. 1, 1 об.].

В рассматриваемое время одним из магистральных течений военно-морской мысли, в том числе и российской, была теория «крейсерской войны». Одной из главных составляющих этой «доктрины», без которой все проекты по нападению на морские коммуникации потенциального противника нельзя было реализовать, являлись крейсера. Именно они воспринимались многими представителями отечественных военно-морских кругов в качестве одного из основных инструментов сдерживания сильных на море держав, имеющих развитую морскую торговлю, например, Великобритании. Исходя из вышесказанного, одной из главных задач, которая стояла перед представителями российского военно-морского профессионального сообщества, являлось определение качеств, которым должны были соответствовать будущие «истребители торговли».

Необходимо отметить, что первые попытки, предпринятые в этом направлении (как в российских, так и в зарубежных военно-морских сферах), относятся к первой половине 1860-х гг. При этом они формировались под сильным влиянием от действий «рейдеров» Конфедерации.

рации Южных Штатов в ходе Гражданской войны в Америке². Отбор соответствующих тактико-технических характеристик обуславливался, главным образом, спецификой предстоящей службы указанных боевых единиц: нападение на морские (океанские) коммуникации противника и оборона своих торговых путей. В числе параметров, которым уделялось основное внимание, можно назвать: достаточная вместимость для помещения запасов, необходимых для длительного плавания, небольшое количество нарезных орудий, высокие ходовые качества при использовании паровой силовой установки [8, с. 28]. На протяжении последующих лет взгляды на тактико-технические элементы эволюционировали, появлялись новые, уточнялись старые.

Одним из источников, которые позволяют нам судить о взглядах российских морских офицеров и близких к ним общественных слоев на эволюцию «истребителей торговли», являются неофициальные аналитические записки, сохранившиеся в РГА ВМФ. Кроме того, ряд предложений по развитию кораблей крейсерского класса был опубликован некоторыми представителями военно-морских кругов как в периодических изданиях, так и в виде книг или брошюр. Согласно наблюдениям, в 1880-е гг. среди представителей военно-морского профессионального сообщества России появилось большое количество предположений о том, как должен выглядеть идеальный корабль крейсерского класса, предназначенный для ведения боевых действий на коммуникациях противника, и какими качествами он должен обладать. Мы предполагаем, что это явление может быть связано с тем, что достаточно многочисленный крейсерский флот, построенный в 1850—1860-е гг. для российского ВМФ, с точки зрения военно-морских кругов и близких им общественных слоев империи, стал постепенно устаревать как физически, так и морально. Следует отметить, что в ряде случаев авторы не ограничивались рассуждением о том, насколько те или иные тактико-технические требования необходимы для кораблей крейсерского класса. Они шли дальше и разрабатывали достаточно проработанные проекты «крейсеров будущего времени».

Проиллюстрируем сложившуюся ситуацию в военно-морской мысли несколькими примерами. В основу исследования был положен хронологический принцип. Рассмотрим первыми соображения морского офицера М.А. Бирилева, который в самом начале 1880-х гг. подробно сформулировал основные критерии, которым должен соответствовать

² Термин «рейдер» — более позднего времени; он используется нами в качестве синонимов понятий «крейсер», «истребитель торговли».

представитель класса крейсеров³. Он выделяет несколько основных требований, которым должен соответствовать «истребитель торговли»: первое — высокая скорость (от 14 узлов и выше). Второе — возможность брать запас угля минимум на 3—4 недели полного хода. Третье — крейсер должен обладать возможностью нести большой боекомплект. Четвертое — он должен иметь грузовые трюмы, которые могут «поместить, по крайней мере, половину груза коммерческого судна, по водоизмещению равному ему самому». Пятое — наличие на нем запасов провизии и воды на два месяца. Шестое — жилые помещения «рейдера» должны вмещать двойной комплект команды [1, с. 3, 4].

Помимо этого, по мнению Бирилева, нужно было учесть еще ряд менее важных параметров: крейсер должен быть снабжен мастерской для ремонта как своих механизмов (машины и котлов), так и артиллерийского вооружения; его лазарет должен располагать количеством мест, рассчитанным на одну пятую часть команды; кроме того, крейсер, помимо всего вышеперечисленного, должен иметь полное оборудование для плавания (надлежащее число канатов, якорей, шлюпок и др.) [1, с. 4].

С точки зрения публициста, крейсер не должен иметь крупнокалиберную артиллерию, поскольку «вся военная деятельность крейсера должна быть исключительно направлена на суда коммерческие». По его мнению, командир крейсера, невзирая ни на какие благоприятные шансы, должен был уклоняться от сражения с военным судном. Исходя из этого, все вооружение «истребителя торговли» должно быть подчинено тому, чтобы он «мог с полным успехом завязать и окончить бой с каждым коммерческим судном, носящим неприятельский флаг» [1, с. 8]. Также на корабле, предназначенном для ведения крейсерских операций, помимо орудий должно иметься «несколько усовершенствованных мин со всеми приспособлениями для действия ими», а также «весьма не лишне иметь [на нем] также паровые катера с минными приспособлениями» [1, с. 8, 9].

Команда же корабля крейсерского класса в полном составе, начиная от командира и заканчивая простым кочегаром, должна состоять исключительно из добровольцев [1, с. 5].

Таким образом, как считает М.А. Бирилев, при постройке корабля крейсерского класса и его снабжении все должно быть подчинено

³ Первоначально эта работа представляла цикл статей «О крейсерах», опубликованных в газете «Николаевский вестник» в течение 1880 г. Впоследствии, как пишет сам М.А. Бирилев, «по просьбе некоторых лиц» они были им собраны, исправлены и напечатаны отдельным изданием. См.: [1, с. I].

принципу, согласно которому «каждый крейсер, оставив родные воды, представлен исключительно самому себе». В самом деле, — пишет автор, — «ни на какую помощь он рассчитывать не должен. Самое лучшее на что он может рассчитывать, это то, что его будут терпеть из симпатий. Россия, не имея боевой морской силы, защитить свое крейсера не в состоянии, и потому от качеств самого судна и личной подготовки командира и служащих единственно зависит весь успех его будущей деятельности: “или пан или пропал”. Только уверенность в своем судне и экипаже, да вера в свои знания и счастье — могут поддержать командира крейсера в его крайне опасном и трудном предприятии» [1, с. 5].

Одним из первых свой вариант проекта «истребителя торговли» нового типа предложил вице-адмирал Н.М. Чихачев. В своем отзыве на записку управляющего Морским министерством контр-адмирала А.А. Пешурова от 26 апреля 1881 г. он сформулировал свое видение этого вопроса⁴. Исходным тезисом для Чихачева являлось утверждение, что для успешного ведения «крейсерской войны» важнее не количество, а качество крейсеров, «так как по количеству Англия, Франция и вообще морские державы с колониями и обширной торговлей всегда будут иметь над нами перевес...» [7, Л. 88 об.]. Другим, не менее важным качеством, «столь желательным для крейсера» являлась, по его мнению, «независимость от портов» [7, Л. 88].

Исходя из этого, он определял следующие критерии, которым должен был соответствовать предполагаемый «рейдер». Он должен иметь броневую защиту, а «размерами, скоростью хода и силой своей артиллерии превосходить большую часть военных крейсеров других держав и, во всяком случае, превосходить размерами или скоростью коммерческие пароходы, чтобы воюющее с нами государство не могло найти в своем коммерческом флоте неисчислимый источник для их вооружения и для противодействия крейсерской войне». По мысли Чихачева, большие размеры для крейсера являлись необходимыми, чтобы быть способным «держаться в море продолжительное время, не нуждаясь в пополнении запасов». Другими словами, боеприпасов, провизии и т.п. припасов должно быть на год плавания, а топлива — минимум на 10 тыс. миль. Кроме того, большие размеры могли позволить ему быть достаточно вместительным, «для убежища многочисленных экипажей с взятых призов, чтобы не заходить в порта и тем не указывать врагам своих следов» [7, Л. 89].

⁴ Подробнее о таких источниках российской военно-морской мысли, как записка контр-адмирала А.А. Пешурова и отзывы адмиралов российского военно-морского флота на нее, см. в статье: [2, с. 16–27].

Отталкиваясь от заявленных им требований, в качестве прототипа для предполагаемого крейсера Н.М. Чихачевым были избраны итальянские броненосцы «Италия» и «Лепанто», бывшие на тот момент одними из самых совершенных кораблей в своем классе [7, Л. 88 об., 89].

Следующим представителем военно-морского профессионального сообщества России, который обратил свое внимание на проблему разработки «идеального» корабля крейсерского класса, являлся вице-адмирал И.Ф. Лихачев. Он полагал, что мореходность — это «первое, самое главное и необходимое условие крейсера» [5, с. 81]. Кроме того, по словам адмирала, существует взаимосвязь этого качества с рангоутом и парусностью, составляющих «безусловную необходимость для существующих *одно-винтовых* судов, — но для судов, снабженных двумя независимыми машинами, или *двух-винтовых*... необходимость эта представляется далеко менее настоящей» [5, с. 82]. Второе основное условие, предъявляемое Лихачевым ко всем подобным боевым единицам, заключается в том, что они должны быть хорошими ходоками, поскольку для охраны или конвоирования транспортов надо иметь ход равный или превосходящий их [5, с. 92, 93]. Оно вытекает из их главного военного предназначения, которое заключается «в покровительстве своим и нанесении вреда неприятельских коммерческим судам» [5, с. 92].

Все боевые средства корабля отечественный военно-морской теоретик подразделяет на две разновидности — *наступательные* и *оборонительные*, отличающие военное судно от купца. На первое место среди наступательных средств им ставятся артиллерийские орудия (в том числе скорострельные) и самодвижущиеся мины Уайтхеда. При этом крейсер не нуждается в крупнокалиберной артиллерии, поскольку состязание с береговой обороной или броненосцами не его дело. Тем более, что подобных орудий нельзя много установить на корабль, а медлительность стрельбы делает невыгодным их при сражении в открытом море. Вместо каждого из них можно поставить по четыре шестидюймовки, «совершенно достаточных для борьбы со всякого рода другими крейсерами» [5, с. 83, 84]. Еще одним из качеств артиллерии является ее дальнобойность, поскольку этот атрибут «особенно важен для крейсеров, назначение которых будет нагонять коммерческие пароходы, перед которыми они часто будут иметь только ничтожное преимущество в ходе и, не имея средств быстро настигать, должны иметь средства поражать их на больших расстояниях» [5, с. 84]. Таким образом, повышение силы «истребителя торговли», по мысли автора рассматриваемой нами статьи, заключается в увеличении числа орудий, а не их калибра. Помимо этого, крейсер нуждается в скорострелках, способ-

ных пробивать «толщину железных стен обыкновенных коммерческих и военных судов» [5, с. 84, 85].

Также особое внимание, по словам Лихачева, необходимо уделять грамотному распределению углов обстрела артиллерии крейсера. «Вокруг каждого судна должно образоваться непрерывное поле поражения без мертвых промежутков: это составляет неперменное условие, которым довершается боевая сила судна», — авторитетно заявляет он [5, с. 85].

Не менее важными для корабля крейсерского класса являются и его оборонительные средства. Однако его прикрытие броней не должно быть рассчитано на достижение абсолютной неуязвимости, стремление к которой безрассудно и которая недостижима. К подобным свойствам крейсера И.Ф. Лихачев относит: 1) обеспечение от «взрывов и повреждений его жизненных органов, как-то: крьюйт-камер, котлов и машин»; 2) «в достижении хотя бы относительной непотопляемости судна» [5, с. 87]. Эти цели достигаются: во-первых, большим развитием водонепроницаемых переборок; во-вторых, наличием палубной брони, расположенной ниже ватерлинии; в-третьих, прикрытием наиболее важных органов запасным углем и другими судовыми запасами; в-четвертых, «в окружении всего судна по ватерлинии, как спасательным поясом, целой системой непроницаемых клеток и отделений, в которых могут храниться уголь, другие запасы, однако большая часть наполнена пробкой, как делается это во Франции, и устройством так называемых «коффердамов или перемычек вдоль борта и вокруг люков» [5, с. 87]. Подобная клетчатая система (даже в неполном виде), также как и «непроницаемость выпуклой броневой палубы», по словам адмирала, «много способствуют к обеспечению сравнительной непотопляемости», если к этому еще присоединить «правильно обдуманную и хорошо разработанную систему водоотливных средств», то получится боевое судно, которое «не будет бояться каждой пробоины, ибо оно не может пойти ко дну от первого попавшего в него снаряда, а может вынести не одну, а несколько пробоин, не потеряв в значительной степени необходимых свойств плавучести, остойчивости, послушливости управлению и даже скорости хода» [5, с. 88].

Таким образом, главный тезис, выдвигаемый И.Ф. Лихачевым, сводится к тому, что «в сущности крейсер может и должен рассчитывать только на самого себя, на те средства, которые он возит с собой» [5, с. 91]. Отсюда проистекает убеждение адмирала в том, что крейсер «должен во всяком случае иметь большой запас угля», как и прочие запасы [5, с. 102]. Поскольку если у него окажется недостаток в топливе, то «это будет конец его существования как крейсера и конец

его пользы, которую он может принести отчеству» [5, с. 91]. Надежда на то, что можно будет пополнить уголь (как и другие запасы), зайдя в какой-либо нейтральный порт, является, с точки зрения адмирала, наивностью [5, с. 90, 91].

В заключение своих рассуждений о том, каким критериям должен соответствовать будущий «истребитель торговли», И.Ф. Лихачев приводит свой вариант тактико-технических требований к кораблю подобного назначения. Итак, «крейсер будущего времени», с его точки зрения, должен иметь двухвальную силовую установку, позволяющую развивать 18–20 узлов и более, нести уменьшенную (или вспомогательную) парусность; обладать броневой палубой толщиной не менее двух-трех дюймов и расположенной ниже ватерлинии, а также располагать дополнительной защитой в виде рационального расположенных угля и других запасов и «клетчатого спасательного пояса» вдоль всей ватерлинии; он должен быть вооружен сильным артиллерийским (в том числе, большим количеством скорострельных орудий) и минным вооружением; быть снабженным полным комплектом минных сетей и других оборонительных средств; быть способным нести «сколь возможно больше угля», а также значительные запасы всего необходимого; и, наконец, располагать отборным экипажем [5, с. 106, 107].

Ближе к концу 1880-х гг. появился и проект корабля крейсерского класса, представленный капитаном 2-го ранга А.М. Доможировым в своей аналитической записке «О значении крейсерского флота для России» (от 26 февраля 1888 г.)⁵. Он сразу оговаривается, что в своих рассуждениях исходил из того, что «тип русского океанского крейсера есть тип исключительный, но зато и условия для его деятельности исключительные» [6, Л. 35]. Он должен, несмотря на самые дурные слагаемые обстоятельства, «быть в состоянии наносить тяжелые, нравственные удары торговле Англии в течение некоторого времени в Атлантическом океане, затем дойти до Владивостока без пополнения угля на пути, уничтожая купцов и разоряя слабые угольные станции. После принятия угля во Владивостоке — идти в Индийский океан для действия против торговли Индии и Австралии» [6, Л. 35 об.]. Естественным образом, по мнению автора рассматриваемого источника, вопрос о доставке топлива является самым серьезным: «уголь есть душа крейсера, душа подвижности, той уверенности в успехе, которая будет прочно гнездиться как в каждом командире, так и в последнем матросе» [6, Л. 33 об.].

⁵ Подробнее об этом источнике можно прочитать в статье: [3, с. 98–100].

В записке отмечалось, что будущие русские крейсера должны иметь сильную артиллерию (она не должна быть слабее, чем та, что установлена на броненосцах) и состоять из большого числа хорошо защищенных скорострельных орудий [6, Л. 35 об., 36].

Под стать вооружению должны быть и оборонительные качества, проектируемого «истребителя торговли»: согласно взглядам публициста, подобные боевые корабли флота должны были нести как броневую палубу, так и сплошной пояс по ватерлинии. Более того, они должны были иметь стальной корпус с двойным дном для обеспечения повышенной живучести [6, Л. 36].

Что же касается других характеристик, то, по словам Доможирова, большая скорость должна была явиться «исключительным достоянием наших крейсеров» [6, Л. 35 об.].

Подведем итоги. В последней трети XIX в. крейсера по-прежнему рассматривались офицерами Российского императорского флота в качестве одного из самых эффективных средств сдерживания потенциального противника. В 1880-е гг. внутри отечественного военноморского профессионального сообщества начинает формироваться особый уникальный тип русского океанского «истребителя торговли».

Обращает на себя внимание то, что всех авторов рассмотренных нами проектов «крейсера будущего времени» объединяет осознание настоящей необходимости разработки проекта нового, небывалого по своей концепции в истории Российского Императорского флота корабля указанного класса. Однако мотивы, ведущие их к таковому выводу, различны. Так, например, адмирал Н.М. Чихачев исходит из своего тезиса о том, что вся крейсерская эскадра России небоеспособна [7, Л. 86 об. — 88 об.] В свою очередь, капитан 2-го ранга А.М. Доможиров этого не утверждает, а видит в разработке и запуске в серию новых кораблей крейсерского класса особое преимущество в морском соперничестве с Англией: по его мнению, она «одна в состоянии помочь нам стать в дружеские отношения с Англией, а если бы это и не случилось, то гордый Бритт не мог бы с такой уверенностью делать России повсюду затруднения как это было раньше, теперь и будет впредь, если не принять к этому меры...» [6, Л. 37, 37 об.].

С другой стороны, все эти проекты объединяют сходные характеристики: сильное артиллерийское вооружение, броневая защита, большая скорость хода и достаточная автономность. Более того, авторы всех трех рассмотренных нами проектов перспективных «крейсеров будущего времени» (Доможиров, Лихачев и Чихачев) особенно выделяли проблему самодостаточности крейсера, того, что крейсер должен

рассчитывать только сам на себя. Можно высказать предположение, что это требование было вынужденным. Оно было связано с четким пониманием того, что, несмотря на все попытки организации особых военно-морских станций, могущих служить опорными пунктами для «рейдеров», наиболее дальновидные морские офицеры понимали, что российские «истребители торговли» в грядущей войне по ряду причин (как субъективным, так и объективным) с высокой долей вероятности будут обречены действовать в крайне неблагоприятной обстановке, не имея возможности пополнять свои боевые и прочие припасы.

Кроме того, обращает внимание на себя такой факт, что и М.А. Бирилев, и И.Ф. Лихачев были категоричны в отношении запрета «истребителю торговли» вступать в сражение против боевых кораблей противника. Как нам кажется, в этом требовании был здравый смысл: увлекшись погоней за победой, командир крейсера мог не выполнить главную задачу, стоящую перед ним — нарушение коммуникаций неприятеля.

Есть разногласия и в оценках того, какую броневую защиту должен был иметь крейсер. С точки зрения Лихачева, достаточно было установить броневую палубу со скосами, дополненную развитой системой обеспечения живучести (пояс коффердамов, улучшенное деление на водонепроницаемые отсеки и т.д.). Напротив, Чихачев и Доможиров настаивают на том, что подобный боевой корабль должен обладать еще и броневым поясом.

Тем не менее, несмотря на все противоречия во взглядах авторов рассмотренных нами источников, мы можем констатировать, что к этому времени российские военно-морские специалисты уже в общих чертах определились с тем, каким должен был стать перспективный корабль крейсерского класса. Все это делает рассмотренные нами проекты «истребителей торговли» ценными памятниками военно-морской мысли, являющимися иллюстрацией того, как в 1880-е гг. внутри российского военно-морского профессионального сообщества происходила работа по аккумуляции опыта прошедших десятилетий.

Список источников и литературы

1. *Бирилев М.А.* Крейсер в военное и мирное время. Николаев: Б.и., 1883. — 30 с.
2. *Болтрукевич В.А.* «Мы должны быть на море сильнее союза наших ближайших соседей...». Российские адмиралы о путях развития отечественного Военно-Морского Флота в 1881 году (по документам Российского государственно-го архива ВМФ) // Военно-исторический журнал. 2023. № 1. С. 16–27.

3. Болтрукевич В.А. Предложения представителей военно-морского профессионального сообщества в России по использованию крейсеров в 1880-е годы // Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. X. СПб.: Анима, 2020. С. 94–102.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 667. Александр III. Оп. 1. Д. 430.

5. Лихачев] И.[Ф.] Военные суда будущего // Морской сборник. 1884. № 12. С. 77–109.

6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 315. Коллекция документов «Материалы по истории русского флота». Оп. 1. Д. 1538.

7. РГА ВМФ. Ф. 410. Канцелярия Морского министерства. Оп. 2. Д. 4103.

8. Федечкин А.Д. Развитие типа океанских броненосных крейсеров Российского флота в 70–90-е годы XIX века. СПб.: ООО ИЦ «Остров», 2021. – 211 с.

Забытая геральдика Туркестанского генерал-губернаторства

Аннотация. В статье рассматривается история формирования и особенности геральдики Туркестана в период завоевания региона Российской империей и дальнейшего административного развития края. До установления российской власти в регионе использовались местные символы — *тамги* и *тугры*, а классические гербы как элемент государственной символики были чужды. С установлением российской власти появились гербы, сочетающие традиции имперской геральдики с местными историко-культурными мотивами. На примере гербов Туркестанского генерал-губернаторства, Самаркандской области, а также г. Ташкента анализируется их символика, процесс утверждения и роль в отражении политического и социального статуса регионов. Отмечается идеологическое неприятие геральдики в советский период и недостаточная систематизация исследований в этой области, что подчеркивает актуальность дальнейшего изучения туркестанской геральдики как важного источника по истории государственности и региональных идентичностей.

Ключевые слова: герб; Туркестанское генерал-губернаторство; геральдика; Российская империя; Самаркандская область; Ташкент

The Forgotten heraldry of the Turkestan General Government

Abstract. The article explores the history of the formation and distinctive features of the heraldry of Turkestan during the period of the region's conquest by the Russian Empire and its subsequent administrative development. Prior to Russia's rule, local symbols such as *tangas* and *tughra* were used, while classical coats of arms as elements of state symbolism were foreign to the region. With the establishment of Russian authority, coats of arms began to appear that combined the traditions of imperial heraldry with local historical and cultural motifs. Using the examples of the coats of arms of the Turkestan General-Governorship, Samarkand Region, and the city of Tashkent, the article analyzes their symbolism, the process of official approval, and their role in reflecting the political and social status of the regions. The article also notes the ideological rejection of heraldry during the Soviet period and the insufficient systematization of research in this field, which underscores the relevance of further study of Turkestan heraldry as an important source for understanding the history of statehood and regional identities.

Keywords: coat of arms; Turkestan Governor-Generalship; heraldry; Russian Empire; Samarkand Region; Tashkent

До завоевания Центральной Азии Российской империей понятие классического герба, который является главным объектом изучения

¹ **Жамшид Хасан угли Адилов** — старший научный сотрудник, Национальный Центр археологии Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан); e-mail: jamshid8880@bk.ru

Jamshid Hasan ugli Adilov — senior Researcher, National Center of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan).

геральдики, было чуждым для данного региона. Функцию гербов выполняли различные знаки — тамги [См.: 19; 27, с. 60—69; 29] и тугры — монограммы, существовавшие в регионе с древнейших времен и имевшие свои особенности развития [28].

Гербы, появившиеся в регионе с приходом российской власти, на первый взгляд воплощали традиции государственности Российской империи. Но более детальное изучение их содержания показывает, что в них были сохранены символы и изображения, отражающие специфику и особенности прежней местной государственности. Анализируя форму и внешний вид созданных гербов административных единиц Туркестанского генерал-губернаторства, можно получить информацию об отношении метрополии к региону, репрезентации Туркестана в представлениях как «центра» в лице высших чиновников империи, так и «периферии», представленной военно-политической элитой Туркестана.

Но, несмотря на довольно важную роль гербов и геральдики в системе государственности, в советской историографии отношение к геральдике было крайне негативным. Она воспринималась как отражение средневековых и буржуазных пережитков, противоречащих идейным устремлениям пролетариата. С идеологической точки зрения гербы были атрибутами бывшей имперской власти и в глазах советской власти были напоминанием о ней. Изображения старых гербов уничтожались или же их скрывали под новой советской символикой.

Поэтому история Туркестанской геральдики, как научная проблема, до сегодняшнего дня не изучена систематически. В целом отсутствие исследований гербов, являющихся важной частью дискурса по истории государственности Центральной Азии, повышает актуальность изучения этого вопроса.

В российской историографии обращение к проблемам геральдики начинается с 90-х гг. XX в., особенно к вопросам теории и разработки методологических подходов [13, с. 118—127; 14, с. 50—52; 15, с. 126—127; 25]. Современная узбекская историография истории геральдики Туркестана представлена работами научно-популярного и описательного характера [5; 6, с. 91—94; 8; 16, с. 15; 21; 22]. Пожалуй, единственными являются исследования В.А. Бочина и Д.А. Алимовой, посвященные гербу Хорезмской Народной Советской Республики, основанные на геральдических методах [6, с. 91—94; 4, с. 269—270]. Сегодня в фондах Национального архива Узбекистана (далее — НА Уз) хранятся несколько документов, на основе которых мы можем реконструировать историю создания этих гербов.

Российская империя в процессе завоевания территорий Центральной Азии начинает устанавливать здесь свою административную систему, вводя также государственные символы Российской Империи — флаг, герб, деньги и т.д. Ввиду этого в 1866 г. был разработан проект городского герба города Ташкента по требованиям российской геральдики того периода. Хотя этот проект по определенным причинам не был принят, но он стал первым шагом на пути формирования первой уникальной геральдики в регионе.

Завоевательные походы оканчивались присоединением новых территорий, а следовательно, менялось административно-территориальное устройство региона, его статус и границы. В таких условиях начинается зарождение геральдики Туркестанского генерал-губернаторства, которая состояла из различных гербов городов, областей и самого генерал-губернаторства. Таким образом сформировалась «туркестанская геральдика», ставшая частью государственности Российской империи с ярко выраженным местным колоритом.

Отсутствие четких границ областей, неясность до определенного периода статуса административных единиц и административно-бюрократический аппарат Российской империи задерживали процесс формирования официально утвержденных гербов Туркестанского генерал-губернаторства.

Так, герб Туркестанского генерал-губернаторства был принят только 20 мая 1882 г. [10, Л. 1] (рис. I). В «Описании Большого государственного герба Российской империи» [10, Л. 3–4], принятого в новой редакции 3 ноября 1882 г., упоминается и герб Туркестанского генерал-губернатора:

«§ 3. Над сению главного (с Государственным гербом) щита шесть щитов: ... VI. Герб Туркестанский: в золотом щите черный идущий единорог с червлёными глазами, языком и рогом» [10, Л. 4 об.] (рис. II).

Если анализировать этот герб по правилам геральдики, щит герба изображен как традиционный французский боевой щит. Причина этого в том, что геральдика сформировалась в Российской империи во времена Петра I за счет привлечения французских герольдов. Поэтому гербы Российской империи в основном составлялись в традициях французской геральдики. Цвет щита выполнен в виде золотого металла, что в геральдике считается символом власти и богатства. Изображенный на щите единорог — это негеральдическая гербовая фигура, которая является символом рассудительности, чистоты, осторожности, строгости и требовательности. Этот символ как государственный символ бывшей Римской империи использовался византийскими

императорами вместе с двуглавым орлом в гербе одной из четырех основных префектур: Италия — орел, Галлия — грифон, Иллирия — лев, Азия — единорог [26, с. 4]. Возможно, Российская империя, позиционирующая себя как наследница государственности Византийской империи, применила к Туркестану (части Азии) символ древней Азии, как свое время это сделала Византия [1, с. 206—212]. По правилам геральдики изображение единорога в черном цвете было символом мудрости и серьезности, а красный цвет глаз, языка и рога олицетворял власть и молодость.

В полном виде на гербе Туркестанского генерал-губернаторства вместо щитодержателя изображена арматура², а золотые дубовые ветви обмотаны Андреевской лентой. В геральдике дуб — символ силы, стабильности, постоянства, мудрости и выносливости. Дубовые стволы, ветви, листья и желуди использовались и до сих пор используются в геральдике и эмблемах многих народов. Если он изображен с дубовыми желудями — это символ зрелой силы и могущества, а без желудей — считается символом юной силы, энергии и власти. В геральдике дубовые листья могут изображаться в разных цветах — зеленом, серебряном и золотом. С XIX в. сложилась традиция изображать гербы всех краев (губерний) Российской империи в арматуре, украшенной дубовыми ветвями.

Андреевская лента, опоясывающая дубовые ветви, представляет собой голубую шелковую ткань, названную в честь ленты одного из высших орденов Российской империи — ордена Андрея Первозванного. В российской геральдике его использовали для украшения гербов городов, которые являлись центрами губерний, столиц, а также городов, где временно проживали члены императорского дома. Поверх гербового щита помещена императорская корона.

Согласно архивным источникам, этот герб был нарисован художником Отдела гербов Департамента Герольдии при Сенате Российской империи Зотовым. За проделанную работу ему полагалось выплатить 12 руб. из счетов Туркестанского генерал-губернаторства [10, л. 6].

Позднее гербы были утверждены так же и для других областей Туркестанского края, с учетом особенностей климатических, экономических, а также исторического прошлого этих областей.

Большой интерес представляет история создания герба Самаркандской области. 11 октября 1886 г. туркестанский генерал-губернатор

² Арматура — украшение из военных и других эмблем и предметов, располагающихся вокруг щита или за щитом [9, с. 258].

направил военному министру Российской империи просьбу об утверждении гербов Самаркандской и Ферганской областей [11, Л. 1]. В ответ на это 24 ноября 1886 г. начальник Генерального штаба военного министерства и начальник Азиатского департамента просили генерал-губернатора края прислать проекты областных гербов (с изображениями) для утверждения на самом высоком уровне [11, Л. 2]. Согласно архивным документам, позднее эти полномочия будут переданы герольдмейстеру³ при Сенате Российской империи.

В письмах герольдмейстера Е. Е. Рейтерна туркестанскому генерал-губернатору Н. О. Розенбаху (от 20 марта 1887 г.) по поводу оформления гербов сообщалось следующее: *«У меня нет необходимой информации для создания гербов этих областей. Поэтому следует присылать любые эмблемы, которые могут служить гербами, чтобы эти эмблемы давали информацию о древней истории стран (имеются в виду области. — Ж.А.) или их значении для современной России. Поэтому, Ваше Превосходительство, прикажите местным властям создать проекты гербов и прислать их мне <...>. В данном случае за основу гербовых проектов уместно взять их (областные. — Ж.А.) древние знаки»* [11, Л. 5–5 об.].

Позже по приказу Н. О. Розенбаха в Самаркандской и Ферганской областях начинается процесс подготовки проектов своих гербов. Ответственность за подготовку была возложена на военных губернаторов и областные администрации этих областей.

Первоначальный проект герба Самаркандской области был следующим:

«Щит разделен на две половины изображением реки, представляющей Зарафшан, главную оросительную реку Самаркандской области, которой большая часть области обязана своим плодородием и богатством. ...В верхней половине щита помещена тамга (печать) эмира Тимура (Темерлана), который сделал Самарканд своею столицею и при котором страна пользовалась миром и благоустройством. Кроме того, большинство сохранившихся доныне архитектурных памятников относятся ко времени Тимура и его ближайших потомков. Эта тамга чаще всего встречается на монетах Тимура. В нижнем поле находится ветка шелковицы (тута) как эмблема шелководства» [11, Л. 7–7 об.] (рис. III).

Стоит отметить, что первый проект герба Самаркандской области, изображенный на IV рисунке, наряду с описанием экономики региона, включал также изображение печати Амира Темура — °. ° знака,

³ Герольдмейстер — (от нем. Herold — глашатай и Meister — мастер) — государственный служащий в Российской империи с 1722 по 1917 гг., возглавлявший геральдическое ведомство при Императорском Сенате.

освещающего его историю. Печать Тимура, изображенная на гербе Самаркандской области, подчеркивала значимость Тимура в истории Самарканда [11, Л. 14]. С одной стороны, это был символ средневековой истории страны, а с другой — символ легитимации колониального правительства в глазах местного населения и проявления исторической преемственности власти нового государственного строя⁴. Позже этот проект был переработан и в него внесены некоторые изменения.

После работы над гербами обеих областей составленные эскизы были высланы 9 января 1888 г. от лица генерал-губернатора Туркестана на имя герольдмейстера Е.Е. Рейтерна [11, Л. 14–15 об.]. В сопроводительном письме отмечалось, что при создании гербов, представленных в этих проектах, внимание было уделено производству шелка и хлопка — основным видам экономической деятельности областей, а также изображался источник воды. Полное описание герба Самарканда выглядело так: *«Щит, разделенный наискось также волнообразной голубой полосой, представляющей реку Зеравшан, в верхнем углу на серебряном фоне тамга (печать) эмира Тамерлана. Тамга эта состоит из трех равных кругов, центр которых составляет равносторонний треугольник. В нижнем углу на золотом фоне изображены ветви тутового дерева, между листьями коконы, сверху листьев шёлковый бабочка* (Так в тексте. Имеется в виду тутовый шелкопряд. — Ж.А.). *Арматура вокруг щита общеустановленная»* [11, Л. 14–15 об.].

После изучения этого проекта Отделом гербов Департамента Герольдии при Сенате Российской империи в Петербурге были внесены некоторые изменения, о которых было сообщено Е.Е. Рейтерном в письме Н.О. Розенбаху 5 апреля 1888 г. [11, Л. 16–20]. К письму был приложен протокол заседания Гербового отдела Департамента Герольдии от 31 марта 1888 г., в котором были описаны ошибки и недостатки проекта герба, присланного из Туркестана. В частности, герб Самаркандской области был изображен очень похожим на герб Ферганской области (который разрабатывался параллельно. — Ж.А.): оба щита герба наклонены в правую сторону волнистой полосой, а наличие ветки тутового дерева на левой стороне щита выглядело почти одинаково. Кроме того, нарисовать этот проект герба технически очень сложно. Причиной этого была необходимость изобразить три предмета в узком месте в левой нижней части герба Самаркандской области. Было также отмечено, что по правилам геральдики несколько предметов,

⁴ Существует множество мнений и гипотез по поводу вышеуказанного знака, использованного в гербе Амира Темура и ее семантики [См.: 17, с. 95–102].

имеющих одно и то же значение (ветка тутового дерева, бутон кокона, бабочка кокона. — Ж.А.) не могут быть изображены в одном гербе [11, Л. 18 об. — 19].

Учитывая вышеизложенное, сотрудники Гербового отдела предлагали утвердить герб Самаркандской области в следующем виде:

«Образ серебряной волнистой колонны (как символа Зарафшана, главной реки региона) изображен на воздушном (лазурном) щите, с золотыми ветвями тутового дерева на двух концах — главное производство жителей региона, как ссылка на производство шелка. На серебряной дамасцировке⁵ голове щита изображены три черных круга, образующие равносторонний треугольник, являющийся клеймом (печатью) Тимура» [11, Л. 19 об. — 20].

Полный вариант герба также включал в себя корону Древнего царства и арматуру, украшенную золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой (рис. IV). Александровская лента — красная шелковая лента. Она использовалась как лента ордена Святого Александра Невского — высшего звания, существовавшего в Российской империи. В Российской империи он использовался в гербах областей, городских управ и уездных городов.

Также в своем письме Е.Е. Рейтерн просил генерал-губернатора сообщить, согласен ли он или возражает против этих предложений [11, Л. 16]. В своем ответе Н.О. Розенбах сообщал, что не имеет возражений против проекта нового варианта герба и просит в кратчайшие сроки утвердить их на высшем уровне [11, Л. 21—21 об.]. Наконец, 31 января 1890 г. герб Самаркандской области был утвержден (рис. V). 28 февраля 1890 г. Е.Е. Рейтерн сообщил Н.О. Розенбаху об этом письмом за № 564 [11, Л. 26]. Из этого письма следует, что герб области был нарисован сотрудником отдела коллежским ассессором Митенским. За нарисованные гербы Самарканда: два краской (20 рублей), один пером (5 руб.) и записи описания герба (6 руб.) из счетов Туркестанского генерал-губернатора было выплачено всего 31 руб. [11, Л. 27—29]. В свою очередь, генерал-губернатор Туркестана приказывал военному губернатору Самарканда выплатить эту сумму из средств, выделенных на экстраординарные расходы области [11, Л. 30—31].

Таким образом, работа по созданию герба Самаркандской области, начавшаяся 11 октября 1886 г., завершилась лишь 31 января 1890 г.

⁵ Дамаскирование — техника, используемая в украшении гербов. Она заключалась в размещении декоративного орнамента на области щита или фигур на нем. Цвет покрываемой области или изображения выполнен в виде градиента. Этот термин происходит от рисунка на дамасской стали.

Этот герб действовал до установления советской власти в регионе. Интересно, что герб, ставший впоследствии гербом Самарканда в советский период, повторяет визуально многие аспекты герба, принятого во времена Российской империи (рис. VI).

Позднее гербы были введены и для городов Туркестана. В этом отношении следует оценивать гербы городов, как и любой герб, не только как исторический источник или художественное произведение, но и как средство изучения общественно-политической истории региона путем изучения их вместе с другими документами [18, с. 5].

Исследование гербов городов как исторического источника позволяет определить историю развития этих городов, деятельность центральных государственных учреждений, отношение высших государственных органов и представителей местной администрации к этим регионам (городам). Ярким примером может служить история создания и утверждения герба города Ташкента колониального периода.

В 1865 г. город Ташкент был завоеван войсками Российской империи, а позднее был включен в состав Туркестанской области при Оренбургской губернии. Уже в 1866 г. был разработан первый проект герба Ташкента с изображением: *«Щит серебряный, разделен червленым крестом, сопровождаемым четырьмя зелеными виноградными лозами с кистями. В вольной части герб Туркестанской области»*. Также щит был украшен серебряной короной в виде трехконечной замковой башни, а с обеих сторон ветвями виноградной лозы, соединенными Александровской лентой [20] (рис. VII). Но этот проект так и не был официально утвержден. В 1867 г., с преобразованием Туркестанской области в Туркестанское генерал-губернаторство, административным центром становится город Ташкент. Но и тогда проект герба официально еще не был утвержден. Позже этот гербовый проект 1866 г. теряет свою актуальность.

Ташкент считался также центром Сырдарьинской области и Ташкентского уезда в ее составе. Это была также резиденция генерал-губернатора края и командующего Туркестанским военным округом, важная станция Среднеазиатской железной дороги, крупный административный, торговый и промышленный центр. Но, несмотря на упомянутый выше высокий статус, официальный герб город получил лишь 21 апреля 1909 г. Герб города Ташкента был утвержден на высшем уровне наряду с гербами других городов Сырдарьинской области и имел следующий вид: *«В золотом щите лазуревый волнообразный пояс, сопровождаемый, вверху и внизу, двумя зелеными опрокинутыми виноградными листьями. Щит увенчан золотою башенною о трех зубцах*

короною и окружен двумя золотыми виноградными лозами, соединенными Александровскую лентою» [7] (рис. VIII и IX).

Герб Ташкента имел форму в соответствии с традицией русской геральдики: щиток герба изображался в виде боевого французского щита — с прямыми углами, нижние края овальные и средняя нижняя часть заостренная. Лазурная волнистая полоса на этом гербе была символом канала Анхор, разделявшего город на «новую» (русскую) и «старую» (местную) части, и одного из его основных источников воды — правого рукава канала Бозсув. Виноградные листья и виноград в целом издревле были символом плодородия и изобилия, а также жизненной силы и жизнерадостности. Лоза была символом оседлой культуры.

В указе «О губерниях, городских управах, городах и местечках посадских» [23] от 16 апреля 1857 г. было прописано, что: «Золотая башенная корона о трех зубцах для других губернских городов, и... для губернских городов, имеющих менее пятидесяти тысяч жителей, и которые вместе и крепости». Александровская лента в гербе красного цвета, ею украшали гербы областей, городских управ и городов, считающихся центром уезда. Также Александровская лента с двумя золотыми виноградными лозами предназначалась для городов, занимающихся виноделием [3].

Здесь следует отметить, что герб города Ташкента, принятый в 1909 г., главными мотивами повторял герб Сырдарьинской области, утвержденный 5 июля 1878 г. (Закон № 58684). Можно отметить, что щит городского герба полностью дублировал щит областного герба. Однако по правилам русской геральдики герб Сырдарьинской области украшен золотыми дубовыми листьями в сочетании с древнецарской короной и Александровской лентой [24, с. 149] (рис. X). При этом лазурная волнистая полоса, изображенная в середине герба, олицетворяет реку Сырдарью, являющуюся источником жизни и плодородия области, а виноградные листья и ветви также олицетворяют развитие виноградарства в регионе.

Гербы городов Сырдарьинской области, утвержденные в 1909 г., не вошли в знаменитое издание «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи», составленное П.П. фон Винклером в 1900 г., и были опубликованы позже, в 1912 г., в «Полном собрании законов Российской империи» [12, с. 271].

Хотя все гербы, утвержденные во времена Российской империи, были де-факто признаны недействительными в Советском Союзе и считались упраздненными, де-юре официально они никем не были отменены. В частности, герб города Ташкента использовался до уста-

новления в городе советской власти в ноябре 1917 г. Позже этот герб был забыт как символ «прежнего режима» и «классового неравенства» [2, с. 96–97].

В заключение следует отметить, что исследование геральдики Туркестанского генерал-губернаторства может стать важным источником для изучения истории региона, отдельных областей и городов в этот период.

Имперская власть рассматривала гербы как средство легитимации и в то же время как символ государственности. С помощью гербов, ссылаясь на религиозные, исторические и местные ценности страны, власть пыталась легитимизировать себя перед местным населением и показать единство или преемственность государственности. Изучение архивных документов, касающихся истории создания этих гербов, позволяет реконструировать образ Туркестана в представлениях имперских чиновников местных и центральных органов Российской империи.

Список источников и литературы:

1. Адиллов Ж.Х. Герб Туркестанского генерал-губернаторства: история создания и его семантика // Akademik Ubaydulla Karimov tavalludining 105 yilligi munosabati bilan o'tkazilgan xalqaro ilmiy konferensiya materiallari to'plami. Toshkent, 2025. С. 206–212.
2. Адиллов Ж.Х. История создания городского герба Ташкента (вторая половина 60-х годов XIX века – начало XX века) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апр. 2016 г. М.: РГГУ, 2016. С. 96–97.
3. Александровская лента // Сайт StateSymbol.ru. URL: <https://statesymbol.ru/dictionaries/20070116/39672456.html> (Дата обращения: 12.06.2025)
4. Алимова Д.А. Состояние народного хозяйства, налоговая и денежная политика, воинское дело и геральдика Хорезмской Народной Советской Республики // Хорезм в истории государственности Узбекистана. Ташкент: Ўзбекистон файласуфлар миллий жамияти, 2013. С. 269–270.
5. Арапов А. Первый герб Ташкента (1909 год) // Сайт «Письма о Ташкенте». URL: <https://mytashkent.uz/2012/09/14/pervyj-gerb-tashkenta-1909-god> (Дата обращения: 12.06.2025)
6. Бочин В.А. Разновидности герба Хорезмской народной республики на бумажных и шелковых денежных знаках // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана. Нукус, 2002. № 5–6. С. 91–94.
7. Герб города Ташкент // Сетевое издание «ГЕРАЛЬДИКА.РУ». URL: <https://geraldika.ru/s/1075> (Дата обращения: 12.06.2025)
8. Гербы Средней Азии // Сайт «Письма о Ташкенте». URL: <https://mytashkent.uz/2013/02/24/gerby-srednej-azii> (Дата обращения: 12.06.2025)
9. Корников А.А. Геральдическое многообразие России. Современные гербы и флаги субъектов Российской Федерации. Иваново: Изд-во Ивановского гос. университета, 2021. – 283 с.
10. Национальный архив Узбекистана (НА Уз). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2407.
11. НА Уз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 23.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье, 1881–1913. СПб.: Гос. типография, 1912. Т. XXIX. № 31731. — 1006 с.

13. Пчелов Е. Геральдика в ряду вспомогательных исторических дисциплин // Гербовед. № 30. М., 1998. С. 118–127.

14. Пчелов Е. Геральдика и ее место в системе вспомогательных исторических дисциплин // Геральдика в прошлом, настоящем и будущем. Материалы конференции к 20-летию Геральдического семинара при Государственном Эрмитаже. СПб., 2000. С. 50–52.

15. Пчелов Е. Геральдика как источник для изучения менталитета // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. Тезисы конференции кафедры ИВИД ИАИ РГГУ. М., 1994. С. 126–127.

16. Рево О. Гербы городов Сырдарьинской области Российской империи // Наука и жизнь. 1998. № 4. С. 15.

17. Ртвеладзе Э.В., Курбонов Г. Символы государственности // История Узбекистана. Эпоха Амира Темура и Темуридов / отв. редакторы: Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. Ташкент: Фан, 2017. С. 95–102.

18. Соболева Н.А. Российская городская и областная Геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981. — 263 с.

19. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. — 452 с.

20. Ташкент (Узбекистан) // Сайт heraldicum.ru. URL: <https://www.heraldicum.ru/uzbekstn/towns/tashkent.htm> (Дата обращения: 12.06.2025).

21. Туркестан и Средняя Азия в составе Российской империи // Сайт heraldicum.ru. URL: <http://www.heraldicum.ru/uzbekstn/gubernii.htm> (Дата обращения: 12.06.2025).

22. Тутов А. Герб Туркестанского генерал-губернаторства // Сайт «Письма о Ташкенте» — художественный исторический альманах. URL: <https://mytashkent.uz/2012/09/18/gerb-turkestanskogo-general-gubernatorstva> (Дата обращения: 12.06.2025).

23. Указ № 32037 от 4\16.07.1857 г. «О гербах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов» // Геральдический сайт С. Панасенко. URL: <http://goldarms.narod.ru/status2.htm> (Дата обращения: 12.06.2025).

24. фон Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в Полное Собрание законов с 1649 по 1900 год. изд. И.И. Иванова. СПб.: Тип. И.М. Комелова, 1900. — 222 с.

25. Шевцов В.В., Полухин А.Н. Вспомогательные исторические дисциплины: нумизматика, геральдика: учеб.-метод. пособие / под. общ. ред. В.В. Шевцова. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2018. — 78 с.

26. Köhne v. B. Das Kaiserlich Russische Reichs-Wappen. Reiter und Doppel-Adler (Hierzu zwei Tafeln). Berlin, 1882. — 4 s.

27. Manassero N. Tamgas, a code of the Steppes, Identity Marks and Writing among the Ancient Iranians // The Silk Road. Vol. 11. Seattle, 2013. P. 60–69.

28. Neubecker O. Heraldik. Wappen — ihr Ursprung, Sinn und Wert. Frankfurt am Main: Krüger, 1977. — 288 s.

29. Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. Dunkling Books, London & Dover, 2010. — 518 p.

Иллюстрации

Рис. I.
Герб Туркестанского
генерал-губернаторства
(1882)

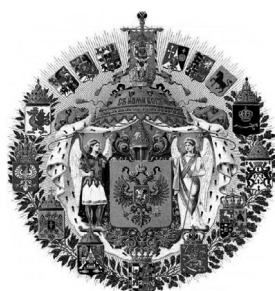

Рис. II.
Полный герб Российской
империи. Справа
вверху — герб Туркестана

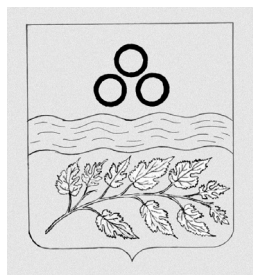

Рис. III.
Проект герба
Самаркандской
области (1887)

Рис. IV.
Герб Самаркандской
области (1890)

Рис. V.
Герб Самаркандской
области в гербовнике фон
Винклера (1890)

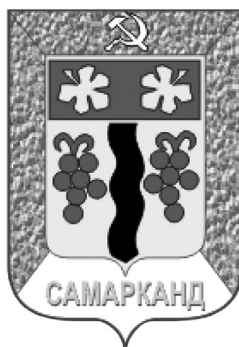

Рис. VI.
Герб Самаркандской
области в советский
период

Рис. VII.
Проект герба г. Ташкент
(1866)

Рис. VIII.
Герб г. Ташкент (1909)

Рис. IX.
Герб г. Ташкент (1909)

Рис. X.
Герб Сырдарьинской
области (1878)

Взгляды на эпоху ордынского владычества в отечественных учебниках по истории XIX — начала XX в.

Аннотация. В статье анализируются образы ордынского владычества, развившиеся в отечественных учебниках по истории XIX — начала XX вв. Рассмотрены основные и самые популярные учебные пособия данного времени: книги Н.Г. Устрялова, Д.И. Иловайского, И.И. Белярминова, М.Я. Острогорского, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова. Ордынское владычество трактуется в них как отрицательное явление, оказавшее влияние, главным образом, на быт и нравы населения Руси. Высоко оценивается значение Куликовской битвы, ее образ закрепляется в учебной литературе под влиянием работ Д.И. Иловайского. Главная роль в борьбе с зависимостью от Золотой Орды отводилась русским князьям.

Ключевые слова: история России; образы истории; общественное сознание; образование; учебник; ордынское владычество

Views on the era of the Horde's rule in Russian textbooks on history of the 19th — early 20th centuries

Abstract. The article analyzes the image of the Horde rule reflected in Russian textbooks on history of the 19th and early 20th centuries. The main and most popular textbooks of N.G. Ustryalov, D.I. Ilovaysky, I.I. Bellarminov, M. Ya. Ostrogorsky, S.M. Solovyov, V.O. Klyuchevsky, and S.F. Platonov are studied. In the textbooks, the rule of the Golden Horde is interpreted as a negative phenomenon that mainly affected everyday life and morals of the Russian population. The significance of the Battle of Kulikovo is highly appreciated, and its image is established in educational literature under the influence of D.I. Ilovaysky's works. The Russian princes played a crucial role in the struggle against the Golden Horde's dominance.

Keywords: Russian history; images of history; public consciousness; education; textbook; Golden Horde's rule

Ордынское владычество является одной из базовых категорий исторических представлений населения России, причем интерес к нему возникает с момента зарождения преподавания отечественной истории в школе. В условиях сегодняшних постоянных реформ в сфере преподавания истории в школе целесообразно проанализировать опыт его развития до 1917 г. Этот опыт следует учитывать при составлении новых учебников по истории России.

¹ **Алексей Викторович Смирнов** — аспирант кафедры истории России факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия); e-mail: alexdf247@mail.ru

Alexey V. Smirnov — Post-graduate student of the Department of the Russian History of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

Необходимо отметить особенности работы с учебниками как источником по изучению исторических образов. Они представляют собой важный источник для изучения общественного сознания. А.Н. Фукс совершенно верно считает, что «в школьном преподавании наиболее рельефно обнаруживается связь между историей и современностью» [15, с. 21], причем данная ситуация является типичной для любого периода развития сферы исторического образования в России. И.С. Огоновская полагает, что школьные учебники являются массовым видом источников, как по причине схожести их содержания, регулируемого государственным заказом, как и в силу большого объема выпуска данной литературы [8, с. 266–267]. Если со вторым аргументом трудно не согласиться, то первый нуждается в уточнении. Именно государство в России всегда задавало стандарты исторического обучения, однако в рамках этих стандартов каждый автор закладывал в свой учебник личный взгляд на события прошлого.

А.Н. Фукс подчеркивает роль школьного образования как связующего звена между исторической наукой и обществом [15, с. 4]. Зарубежный историк М. Ферро, наоборот, указывает на различия в изображении тех или иных событий в научных трудах историков и преподавании истории [14, с. 9]. На наш взгляд, главной функцией в школьном историческом образовании является воспитательная.

Долгое время исследователи полагали, что первым учебным пособием по истории России является «Синописис», впервые изданный в Киеве в 1674 г. Недавно В.В. Ткаченко вполне убедительно оспорила это мнение. Она считает использование «Синописиса» в преподавании истории России в XVIII в. историографическим мифом [12].

История России как школьный предмет появляется лишь в конце XVIII в. С конца 1830-х гг. по 1860 г. основным учебным руководством по истории отечества в школе, по мнению А.Н. Фукса, являлась книга Н.Г. Устрялова «Начертание русской истории для средних учебных заведений» [16, с. 60]. Автор эмоционально описывал нашествие Батыя и установление ордынского владычества: «Величайшее бедствие постигло Русскую землю; на нее из глубины Азии нашла туча варваров, искоренила целые поколения, разрушила до основания города и села... Сокрушенная тяжкими ударами, она признала над собою господство дикой, степной Орды, которая долго терзала ее, как жертву беззащитную» [13, с. 25]. По мнению Н.Г. Устрялова, из-за отсталости в культурном развитии по сравнению с захваченными странами монголы не стали управлять ими изнутри, а господствовали издали. Поэтому Русь сохранила свое внутреннее устройство, законы, веру, язык. Главными

чертами зависимости было утверждение князей в своих владениях по воле хана, который обычно не нарушал установленного порядка наследования, и выплата дани Орде.

Александр Невский своим подчинением Орде спас Русь от окончательного порабощения. Монгольская угроза не коснулась остальных европейских стран лишь по случайному стечению обстоятельств. Одним из главных последствий ордынского владычества стало разделение Руси на две части, западную и восточную, в каждой из которых зависимость от Сарая развивалась по своему пути. Юго-западные земли Руси охотно переходили под власть литовских князей, так как они могли защитить эти территории от ордынцев.

Далее, по мнению Н. Г. Устрялова, с 1328 г. начинается новый период в русской истории: благодаря усилению Москвы власть Орды над Северо-Восточной Русью постепенно уменьшается. Главное орудие для достижения своих целей Иван Калита нашел в Орде. Он умело добивался расположения хана угодничеством и смирением, увеличивая с помощью этого свою власть в русских землях [13, с. 40].

Главным пособием по русской истории во второй половине XIX — начале XX в. были, по мнению ученых, учебники Д. И. Иловайского [2, с. 498—499; 4, с. 39]. Эти книги выдержали несколько десятков изданий. Для анализа взглядов автора на сущность ордынского владычества можно использовать любое, так как содержание этих учебников за все время их переиздания практически не менялось [15, с. 66].

Монголы описываются автором как дикий и свирепый народ. Он критикует раздробленность и нежелание князей приходить друг к другу на помощь [6, с. 32]. Зависимость Руси от Орды выражалась, главным образом, в выплате огромной дани. В политической сфере больше выделяется необходимость князьям переносить унижительные обряды в ставку хана [5, с. 54; 6, с. 34—35]. Престиж русских правителей для Д. И. Иловайского имел в русской истории первостепенное значение. Завоеватели не нарушили внутреннего устройства Руси и ее религии, что оставило покоренным надежду когда-нибудь свергнуть иноземную зависимость [6, с. 35]. Высокую оценку автор давал деятельности Александра Невского по отношению к Золотой Орде. «Сделавшись великим князем, Александр особенно старался внушить русскому народу терпение и покорность в отношении к завоевателям» [5, с. 56]. С помощью покорности Сарая Иван Калита «самых Татар сделал орудием для усиления Москвы» [5, с. 91].

Много внимания Д. И. Иловайский уделял Куликовской битве, в каждом из его учебников описанию этого события отведено несколь-

ко страниц — гораздо больше, чем, к примеру, нашествию Батая. Основным источником, которым Иловайский пользовался для освещения битвы в учебниках, является позднее, но сохранившее в себе наибольшее количество ярких деталей «Сказание о Мамаевом побоище».

Со времени выхода работ Д. И. Иловайского в учебной литературе по русской истории закрепляются такие сюжеты, как благословение Сергием Радонежским князя Дмитрия Ивановича перед боем, рассказ о подвигах иноков Пересвета и Осляби, значение засадного полка, обмен доспехами Дмитрия с боярином Бренком, участие московского князя непосредственно в сражении и т.д. Эти факты, в большей или меньшей степени, будут присутствовать во всех последующих отечественных учебниках, формируя в общественном сознании определенный образ Куликовской битвы. То же относится и к Стоянию на Угре 1480 г., при описании которого Иловайский приводил легенду о том, что Иван III растоптал ханскую басму.

Д. И. Иловайский негативно характеризовал последствия ордынского владычества для дальнейшего развития России. «Во время татарского ига сношения Русских с Европейцами почти прекратились, и Русские невольно переняли многие обычаи у своих завоевателей татар. (Оттого в России нравы сделались грубее)» [6, с. 55]. «Вредные следы» ига еще долго жили в русском народе, долговременная зависимость привела к «порче народного характера, угнетению низших классов и распространению в России многих обычаев, свойственных деспотическим, азиатским государствам» [5, с. 115].

Д. И. Иловайский выдвинул стройную и простую концепцию ордынского владычества, которая несколько десятилетий господствовала в российском образовании XIX — начала XX в. Она оказала влияние на многие последующие учебники советского и постсоветского времени. Неспроста учебные книги Иловайского широко переиздавались после 1991 г.

Исследователи российской учебной литературы по отечественной истории, изданной в XIX — начале XX в., делят весь массив учебников на две группы по господствующим в них взглядам и концепциям: официально-охранительную и либеральную [1, с. 22; 15, с. 364–365]. В рамках первого направления господствующими были труды Д. И. Иловайского, однако существовали и другие популярные учебники, представлявшие государственно-патриотическую позицию, например, пособия М. Я. Острогорского и И. И. Беллярминова, причем от издания к изданию материал в них практически не менялся.

М. Я. Острогорский негативно оценивал племена монгольских завоевателей даже на физическом и бытовом уровне. В ходе походов

Чингисхана погибло огромное количество людей. Вместе с тем автор также показывал, что в созданной завоевателем империи царил строгий порядок, справедливое правосудие и веротерпимость [9, с. 33].

Александр Невский понимал, что Русь еще слаба для борьбы с завоевателями, «и что одною только покорностью можно спасти родину от окончательного порабощения... Но народ не всегда так благоразумно поступал, как Александр», и восставал против баскаков. Лишь с помощью многочисленных унижений князю удалось отвратить от Руси ханское наказание [9, с. 37].

М.Я. Острогорский отмечал, что долговременное господство ордынцев негативно сказалось на развитии Руси: она серьезно отстала в уровне просвещения по сравнению с домонгольским временем, ожесточились нравы, распространилось сквернословие и суровые телесные наказания. Русь оказалась заперта в своих границах и уже не могла вести сношения с более просвещенной Западной Европой и Византией. Автор учебника писал: «Окруженная необразованными Татарами, Русь сама стала дичать» [9, с. 47]. Одновременно в данный период усилилась власть русских князей, которые утверждались по воле хана и в случае неповиновения могли призвать на помощь ордынские отряды [9, с. 48]. Деспотическая модель русской власти выводилась революционными учебниками из влияния Орды.

В учебнике И.И. Белярминова схема изложения событий ордынского периода во многом повторяет работы Д.И. Иловайского. Монголы и татары были дикими кочевниками, а Чингисхан — жестоким правителем [3, с. 160]. Вследствие нашествия Батыя Русь разделяется на две части, северо-восточную и юго-западную [3, с. 164]. Александр Невский был прозорлив и покорностью ханам облегчал для России зависимость. Такой политикой на Руси многие были недовольны.

Видные русские историки XIX — начала XX в., такие как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, также писали учебники по отечественной истории. Они относятся к либеральному направлению данной сферы деятельности по классификации современных исследователей. Их учебники оказывали влияние, в первую очередь, на учителей, которые выбирали эти книги в качестве пособия, а через них и на самих учеников.

С.М. Соловьев в своей «Учебной книге» уделял связанным с ордынским владычеством событиям немного места. Кратко в ней рассказано о нашествии Батыя и Куликовской битве. Южная Русь, особенно Киевская земля, после монгольского разорения окончательно ослабевают и теряют значение, центр русской жизни отныне сосредотачивается на севере [11, с. 38; 55].

Соппротивление ордынцам в первые годы их владычества, по его мнению, было невозможно. Александр Невский «больше всего хлопотал о том, чтобы сдерживать своих подданных от восстаний против Татар, с которыми они не в силах бороться» [11, с. 52]. Даже в учебниках, написанных с либеральных позиций, народная борьба против ордынского владычества не одобряется.

К концу XIII в., после удаления баскаков и численников, князья полностью освободились от ордынского влияния на свои внутренние дела, сами стали собирать дань с учетом благосостояния населения [11, с. 100]. Нравы русского народа в ордынский период стали гораздо грубее из-за прекращения контактов с христианами Европы и «постоянном сообщении только с азиатскими, нехристианскими народами, от которых нечего было заимствовать хорошего» [11, с. 113]. Однако, как отмечает С.М. Соловьев, для порчи нравов были в русской жизни того времени и другие причины.

Еще меньше места ордынскому владычеству уделено в учебнике В.О. Ключевского. Упадок Юго-Западной Руси, по мнению историка, начался задолго до нашествия монголов, которое лишь завершило опустошение данного региона [7, с. 52]. Тверские князья не могли понять истинного положения дел и считали возможной борьбу против Орды, тогда как московские правители воздействовали на Сарай деньгами и смогли сделать ханов орудием своей политики. Это В.О. Ключевский считал одной из причин возвышения Москвы.

Учебник В.О. Ключевского, по мнению А.Н. Фукса, был весьма популярен у московских учителей истории начала XX в. [15, с. 106]. Писали учебники и многие историки «школы Ключевского». Все они относятся к либеральному направлению учебной литературы конца XIX — начала XX в. Их содержание проанализировал А.Н. Фукс. Говоря об ордынском владычестве, эти авторы не преувеличивали его последствий для социально-экономического развития Руси, так как уровень развития у нее все равно был выше, чем у Золотой Орды. Основные негативные последствия зависимости видятся им в задержке культурного развития России на столетия и упадке экономической жизни русских земель сразу после нашествия Батыя [15, с. 142–143].

Еще одним популярным учебником по русской истории в начале XX в. была книга С.Ф. Платонова. Для рассмотрения сущности ордынской власти на Руси автор выделил отдельный параграф. Говоря о русских князьях, он отмечал, что им стоило большого труда предотвращать новые набеги кочевников и склонять народ к повиновению завоевателям. Ордынское завоевание привело к разобщению Северо-Восточной

Руси с Новгородом и Юго-Западной Русью. Владимиро-Суздальская Русь не смогла уберечься от влияния ордынских порядков. Поэтому в XIII–XIV вв. здесь «наблюдается некоторый культурный застой и отсталость и некоторый налет “татарщины”». Вместе с тем, по его убеждению, преувеличивать это культурное влияние не стоит. В первые века зависимости русские ничего не могли перенять у Орды, находившейся тогда на очень низком уровне культурного развития [10, с. 88].

С.Ф. Платонов выдвинул тезис о важной роли сопротивления Руси Батыю в спасении остальной Европы от монголов – русское население «многострадально заслонило собою от татарского насилия всю Европу» [10, с. 88]. Александр Невский понимал, что у Руси нет сил воевать с Ордой, поэтому повиновался хану сам и заставлял силой и угрозами делать это народ. Куликовская битва имела огромное значение для северной Руси и Москвы, она показала возможность победы над ордынцами и дала толчок к дальнейшему объединению русских земель под властью московских князей [10, с. 120].

В заключение отметим, что в дореволюционных учебниках по отечественной истории сформировался единый образ ордынского владычества. Согласно ему, ордынцы представляли как дикий и отсталый народ, который был гораздо менее культурно развит, чем завоеванная ими Русь. По мнению авторов, ничего положительного в ее историю степные властители привнести не могли. Несколько веков Орда разоряла русские земли набегами, облагала данью и способствовала привитию в русском населении негативных качеств, грубых нравов и т.п. Авторы учебников выводили все плохие, по их мнению, черты русского народа, его культурную отсталость, из долговременных контактов с «варварской» Азией в лице Золотой Орды. Подобный взгляд присутствует в учебниках как либерального, так и государственно-охранительного направлений.

Важнейшее значение зависимость от Орды, по мнению составителей учебников, сыграла в размежевании Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. Южные земли охотно переходили под власть Литвы, чтобы избавиться от господства Орды. Благодаря учебникам Д.И. Иловайского закрепляется в отечественном историческом обучении подробное освещение событий Куликовской битвы и высокая оценка ее итогов.

Главная роль в борьбе с ордынским владычеством во всех учебниках отводится русским князьям, особенно Александру Невскому и Ивану Калите. Их подчинение Орде было частью процесса освобождения от ханской власти. По замечанию авторов, для этой борьбы

Руси необходимо восстановить силы, а сделать это можно было только смирившись с ханской властью. Народные восстания против этой зависимости не приветствовались князьями — они лишь мешали далеко идущим планам русских князей по освобождению Руси от зависимости. Таким образом, все рассмотренные нами учебники воспитывали уважение к сильной монархической власти и ненависть к опасной Азии. Образ ордынского владычества в дореволюционных учебниках был по большей части европоцентричным.

Список источников и литературы

1. *Абрамкин О.С.* Концепции русской истории по материалам школьных учебников дореволюционной России // История и педагогика естествознания. 2015. № 4. С. 22–26.
2. *Абрамкин О.С.* Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII — начала XX в. // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 6. С. 496–509.
3. *Беллярминов И.И.* Элементарный курс всеобщей и русской истории: 38-е изд. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. — 384 с.
4. *Бущик Л.П.* Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1961. — 540 с.
5. *Иловайский Д.И.* Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста: 9-е изд. М.: Типография Грачева, 1868. — 396 с.
6. *Иловайский Д.И.* Руководство к русской истории. Средний курс: 40-е изд. М.: Типо-литография А.В. Васильева и К°, 1901. — 180 с.
7. *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. М.: Прогресс-Пангея, 1992. (Репринт изд.: М., 1906). — 208 с.
8. *Огоновская И.С.* Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. Вып. 12. С. 264–286.
9. *Острогорский М.Я.* Учебник русской истории. Элементарный курс. Для средних учебных заведений и городских училищ. Таллинн: Октобер, 1992. (Репринт изд: СПб., 1913). — 167 с.
10. *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический: в 2 ч., 9-е изд. Пг.: Типография Я. Башмаков и К°, 1917. — 500 с.
11. *Соловьев С.М.* Учебная книга русской истории. М.: Типография Э. Барфкнехта и К°, 1859. — 566 с.
12. *Ткаченко В.В.* Синописис и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2018. С. 41–47.
13. *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. 4-е изд. СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1842. — 218 с.
14. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. Е.И. Лебедевой. М.: Книжный клуб 36.6, 2010. — 461 с.
15. *Фукс А.Н.* Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. — вторая половина 1930-х гг.). 2-е изд. М.: ИИУ МГОУ, 2017. — 420 с.

Заболееваемость населения Вологодской губернии скарлатиной и реакция местных жителей на меры по борьбе с эпидемией в начале XX в.

Аннотация. В статье анализируется динамика заболеваемости скарлатиной населения Вологодской губернии в начале XX в. Для этого используются материалы статистического ежегодника Российской империи, а также статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи за 1913–1923 гг. Для раскрытия реакции местных жителей на меры по борьбе с эпидемиями скарлатины автор проанализировала журнал «Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии», который выходил с 1902 по 1914 гг. Автор приходит к выводу, что в начале XX в. в Вологодской губернии наблюдалось широкое распространение скарлатины. Заболевание поражало не только детей, но и взрослое население, что усугубляло эпидемическую ситуацию. Медицинский персонал положительно оценивал противоскарлатиную вакцину, разработанную профессором Московского университета Г.Н. Габричевским. Среди местных жителей отношение к вакцинации было неоднозначным. Это связано как с общим недоверием населения к новой вакцине, так и с народными суевериями.

Ключевые слова: скарлатина; эпидемия; вакцина; заболеваемость; вакцинопрофилактика; эпидемическая ситуация

Scarlet fever among the population of the Vologda Province and the reaction of local people to the measures taken to combat the epidemic in the early XX century

Abstract. The article analyses the dynamics of scarlet fever infection rate among the population of the Vologda province in the early XX century. For this purpose, the materials of the statistical yearbook of the Russian Empire, as well as statistical materials on the state of public health and organization of medical care for 1913–1923 are used. To reveal the reaction of local people to the efforts to combat scarlet fever epidemics, the author analyzed the journal “Medical and Sanitary Review of the Vologda Province”, which was published from 1902 to 1914. The author concludes that at the beginning of the XX century there was a wide spread of scarlet fever in the Vologda province. The disease affected not only children, but also adult population, which aggravated the epidemic situation. The medical staff favorably evaluated the anti-scarlet fever vaccine developed by Professor G.N. Gabrichevsky from Moscow University. Among local people, the attitude towards vaccination was ambiguous. It was due both to the people’s general distrust to the new vaccine and to folk superstitions.

Keywords: scarlet fever; epidemic; vaccine; morbidity; vaccine prevention; epidemic situation

Скарлатина в начале XX в. являлась инфекционным заболеванием с повышенным эпидемическим потенциалом. Она протекала циклически, с интоксикацией, ангиной, мелкоточечной сыпью на коже

¹ **Екатерина Сергеевна Позднякова** — аспирант, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия); e-mail: katerina.strogaleva@gmail.com
Ekaterina S. Pozdnyakova — postgraduate student, Vologda State University (Vologda, Russia).

[28, с. 312]. По данным земских медиков, заболевание легко передавалось, а на его основе могли развиваться различные осложнения: нефриты, отиты и последующая глухота, которые приводили к смертельным исходам [11, с. 675]. Отношение населения к болезни, его доверие или сопротивление к принимаемым мерам отражают взаимодействие медицины и общества, что актуально и сегодня. Изучение реакции людей на вспышки скарлатины и ее лечение позволяет выявить ошибочные стратегии, что полезно для борьбы с новыми инфекционными угрозами. Цель исследования — выявить заболеваемость населения Вологодской губернии скарлатиной и реакцию местных жителей на меры по борьбе с эпидемией в начале XX в.

Тема противодействия эпидемиям и реакции населения на предотвращение распространения эпидемических заболеваний в той или иной степени привлекала внимание исследователей. Клиническое описание скарлатины впервые сделал итальянский анатом и врач Д. Инграссиа (1564) [5, с. 3]. Английский врач Томас Синденхем, один из основоположников клинической медицины, дал описание скарлатины в XVII в. [5, с. 3].

Русское название болезни происходит от английского scarlet fever — пурпурная лихорадка; так называли скарлатину в конце XVII в. Стрептококковая этиология скарлатины, предполагавшаяся Г.Н. Габричевским и И.Г. Савченко (1905), доказана работами В.И. Иоффе, И.И. Левина, супругов Дик, Ф. Гриффа и Р. Лэнсфилд (30–40-е г. XX в.) [5, с. 3].

Активное изучение исследователями велось по проблеме оспопрививания. И.В. Буяльский [6] еще в 1853 г. опубликовал труд «Об оспе», где анализировал зарождение оспы в Европе, причины возникновения и ход болезни. И.И. Моллесон [30] в конце XIX в. изучал организацию земского оспенного дела в Пермской губернии. Довольно много об оспопрививании писали земские деятели Я.В. Абрамов [1], Б.Б. Веселовский [8], З.Г. Френкель [38].

В советский период проблемы искоренения эпидемий также находились в фокусе изучения историков медицины. К.Г. Васильев и А.Е. Сегал [7] рассматривали историю эпидемий в России с Древней Руси и до начала XX в. Л.Н. Карпов [27] в 1960-е гг. исследовал земскую санитарную организацию и работу врачей.

На современном этапе изучением медицины данного периода специалисты занимаются более активно. Ученые рассматривали как общую эпидемическую ситуацию, так и эпидемии отдельных заболеваний.

А.А. Желтов [25] анализирует господствующие в XIX — начале XX вв. болезни на Вологодской земле, где отдельное внимание уделяет уровню заболеваемости скарлатиной. По мнению историка, в первой

половине XIX в. скарлатина не имела значительной распространенности и тех серьезных последствий, которыми она обладала в начале XX в. [25, с. 59]. Е.Ю. Баранов [4] проводил анализ эпидемической ситуации в СССР в 1930-е гг., В.Ю. Альбицкий и С.А. Шер [2] рассматривали опыт борьбы с острыми детскими инфекциями в советской России (1930–1940 гг.).

В область интересов И.Э. Ляшенко, В.И. Желтова, М.В. Скачкова [29] входит история борьбы с холерой в Оренбургском крае. В.Г. Баданов [3] анализирует медицину и особенности оспопрививания на Русском Севере в период существования земств. С.В. Голикова изучает сопротивление оспопрививанию жителей Пермской губернии [18] в пореформенное время и в Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв. [17] М.А. Ильичева [26] исследует вакцинацию и профилактику оспы в XVIII – начале XX вв. по материалам Государственного архива Вологодской области. М.А. Ильичева проводит анализ истории становления оспопрививания в губернии, отношения населения к оспопрививанию, а также предоставляет статистику изменения уровня заболеваемости в губернии.

Реакция населения Вологодской губернии на меры по борьбе с эпидемиями скарлатины в начале XX в., а также заболеваемость скарлатиной в Вологодской губернии подробно не изучались.

Исходя из важности проблемы истории борьбы с эпидемиями, перейдем к описанию развития скарлатины на материалах Вологодской губернии. Основные данные по заболеваемости скарлатиной в XX в. выявлены автором в статистическом ежегоднике Российской империи, а также в «Статистических материалах по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг.» [31]. Реакция населения на борьбу со скарлатиной выявлена во врачебно-санитарных обзорах Вологодской губернии.

В статистическом ежегоднике Российской империи количество заболевших скарлатиной на территории Вологодской губернии фиксировалось с 1903 по 1913 гг.: 1903 г. – 1305 [19, с. 636], 1904 г. – 1715 [20, с. 328], 1905 г. – 3105 [21, с. 304], 1906 г. – 2455 [22, с. 142], 1907 г. – 3853 [23, с. 166], 1908 г. – 5506 [24, с. 128], 1909 г. – 4141 [32, III отдел, с. 7], 1910 г. – 4525 [33, III отдел, с. 7], 1911 г. – 4297 [34, III отдел, с. 7], 1912 г. – 1141 [35, III отдел, с. 7], 1913 г. – 1516 [36, III отдел, с. 7]. По данным народного комиссариата здравоохранения РСФСР, в 1914 г. был 861 заболевший скарлатиной, в 1915 г. – 1162 заболевших, в 1916 г. – 3234 заболевших, в 1917 г. – 2405 заболевших [31, с. 128–129]. Таким образом, в начале XX в. минимальное

количество заболевших скарлатиной наблюдалось в 1914 г. — 861 чел., максимальное значение в 1908 г. — 5506 чел.

Эпидемический фельдшер Н. Алексеева, учувствовавшая в ликвидации эпидемии скарлатины в Вологодском уезде в 1906 г., писала, что скарлатиной заболевали в основном дети [9, с. 418]. По мнению кандидата исторических наук А.А. Желтова, данной болезни были подвержены не только дети младшего возраста, но и взрослое население [25, с. 58].

Лечение скарлатины, по словам эпидемического фельдшера Н. Алексеевой, сводилось главным образом к молочной диете и ваннам, однако для большинства крестьян соблюдение лечения вызывало трудности. Это было связано с развитием в Вологодской губернии маслодельных заводов, куда крестьяне относили молоко.

XX в. характеризовался интенсивным развитием вакцинопрофилактики: создавались новые вакцины, изучался процесс формирования поствакцинального иммунитета [37, с. 109]. В 1906 г. во врачебно-санитарном обзоре Вологодской губернии № 10 вышла статья, в которой профессор Московского университета Г.Н. Габричевский предлагает лечение эпидемий скарлатины путем прививания детей. Ученый сформулировал стрептококковую теорию скарлатины и предложил противоскарлатиновую вакцину. Исследователь также организовал ее производство. По данным врачебно-санитарного обзора Вологодской губернии № 11 (вышедшего спустя месяц), санитарное бюро Вологодской губернской земской управы уже располагало запасами вакцины и приступило к рассылке вакцины по губернии [12, с. 991].

О качестве противоскарлатиновой вакцины впоследствии писал медицинский персонал губернии. Санитарно-эпидемический врач Вологодского губернского земства П.Э. Фере в 1907 г. составил отчет о борьбе с эпидемией скарлатины в Вологодском и Кадниковском уездах, где отмечал: «В вакцине Габричевского мы имеем, по-видимому, могучее профетическое средство против скарлатины, сберегающее массу жизней и много средств» [13, с. 501]. По мнению санитарно-эпидемического врача Вологодского губернского земства И.И. Пыстина, благодаря прививкам скарлатинной стрептококковой вакцины профессора Габричевского очаги инфекции эффективно подавлялись [14, с. 670]. О положительном профилактическом действии прививок против скарлатины говорилось и в журналах врачебно-санитарного совета Грязовецкого уездного земства [14, с. 623].

Население губернии относилось к прививанию вакцины неоднозначно. Эпидемический фельдшер Вологодского губернского земства И. Пыстин писал об эпидемии скарлатины в Куркинском (IV) врачеб-

ном участке Вологодского уезда. По словам фельдшера, лечить scarlatinu вакциной у местного населения считалось грехом. Население врачебного участка воспринимало scarlatinu как болезнь, посланную Богом, и относилось к ней так же, как и к Божьей оспиче [10, с. 568]. Эпидемический фельдшер А. Чтецов описывал эпидемию scarlatiny в Лузянской волости Никольского уезда, где упоминал, что везде встречал со стороны населения недоверие к новому средству [14, с. 691].

Санитарно-эпидемический врач Е.П. Попов писал об эпидемии scarlatiny в Кубенской волости Вологодского уезда в начале 1907 г. Специалист приводит сведения о целой выработанной тактике убеждения населения. По его мнению, было важно добиться расположения и положительного решения о вакцинации в самой первой семье, что вызывало трудности. Как только согласие пациентов было получено, известие о первой сделанной прививке быстро распространялось по всей деревне. Жители, убедившись в безопасности процедуры, охотно разрешали прививать детей. Добиваться согласия не только у взрослого населения, но и у детей, которым вводили вакцину, стало одним из правил врача.

Конфликты с детьми младшего возраста улаживались врачом с помощью конфет как наиболее действенным инструментом убеждения. В отношении вакцинации от scarlatiny врач писал: «В первой семье мы встретили некоторое противодействие со стороны родителей детей и только после долгих упрашиваний и убеждений удалось пробить брешь недоверия к новому средству» [14, с. 666].

В Сольвычегодском уезде некоторые крестьяне объясняли отказ от вакцинации малой информированностью о прививках, а также высокой заболеваемостью детей. В период активных сельскохозяйственных работ родители не имели возможности уделять время уходу за детьми [16, с. 846].

В некоторых волостях крестьяне относились к вакцинации нейтрально. Эпидемический фельдшер И.С. Виноградов в отчете о командировке в очаг эпидемии scarlatiny в Лузянскую волость Никольского уезда отмечал, что в данной местности население сравнительно легко соглашалось на прививки [15, с. 877], как и в некоторых деревнях у р. Лузы Великоустюгского уезда [15, с. 752].

В ответ на сопротивление населения медицинский персонал прибегал к помощи духовной власти. Эпидемический фельдшер А. Чтецов, не имея возможности провести даже единичную вакцинацию в Лузянской волости Никольского уезда, обратился к священнику в с. Шубрюг с просьбой разъяснить населению природу заболевания и убедить в необходимости принимаемых мер. После беседы со служителем церкви мнение населения переменилось

в благоприятную сторону. Автором отмечался низкий уровень образования населения, так как часто люди путали вакцину от скарлатины с оспенными прививками [14, с. 691].

В некоторых местностях губернии скарлатину лечили домашними средствами: опаяванием больного водкой и пареньем в печке [14, с. 692].

Таким образом, в начале XX в. в Вологодской губернии наблюдалось широкое распространение скарлатины, обусловленное условиями жизни населения (перенаселение и плохая гигиена). Заболевание поражало не только детей, но и взрослое население, что усугубляло эпидемическую ситуацию. Лечение от скарлатины включало молочную диету, гигиенические ванны и вакцинопрофилактику. Если медицинский персонал положительно оценивал эффективность вакцины, то среди местных жителей отношение к ней было неоднозначным. Это связано с народными суевериями, общим недоверием населения к новому препарату и побочными реакциями у детей. Для убеждения жителей в необходимости иммунизации медицинский персонал привлекал духовенство, что демонстрирует взаимосвязь медицины и религии в борьбе с эпидемиями. Этот исторический пример показывает, как социальные и культурные факторы влияют на эффективность медицинских мер, а также говорит о важности просвещения по вопросам профилактики заболеваний.

Список источников и литературы

1. *Абрамов Я.В.* Что сделало земство и что оно делает: обзор деятельности русского земства. СПб.: Типография газеты «Новости», 1889. — IV, [2], 288 с.
2. *Альбицкий В.Ю.* Опыт борьбы с острыми детскими инфекциями в советской России (1930–1940) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2021. № 3. С. 32–36.
3. *Баданов В.Г.* Земская медицина на Русском Севере // Север. 2014. № 9/10. С. 168–182.
4. *Баранов Е.Ю.* Эпидемическая ситуация в СССР в 1930-е гг. (историографический аспект) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 62–83.
5. *Брико Н.И.* Скарлатина // Медицинская сестра. 2012. № 7. С. 3–8.
6. *Буяльский И.В.* Об оспе. СПб.: Типография Я. Ионсона, 1853. — 15 с.
7. *Васильев К.Г.* История эпидемий в России: материалы и очерки / К.Г. Васильев, А.Е. Сегал. М.: Медгиз, 1960. — 399 с.
8. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 1: Бюджет. Медицина. Общественное призвание. Народное образование. Систематический указатель литературы по земским вопросам. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909. — 724 с.
9. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 6. Вологда, 1906. — 447 с.
10. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 8. Вологда, 1906. — 590 с.
11. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 10. Вологда, 1906. — 719 с.
12. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 11. Вологда, 1906. — 794 с.
13. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 6. Вологда, 1907. — 530 с.

14. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 8. Вологда, 1907. — 724 с.
15. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 9. Вологда, 1908. — 802 с.
16. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 10. Вологда, 1908. — 894 с.
17. *Голикова С.В.* Оспопрививание в Оренбургской губернии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. № 3. С. 60–76.
18. *Голикова С.В.* Сопротивление оспопрививанию жителей Пермской губернии в пореформенное время // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 2. С. 22–31.
19. Ежегодник России 1905 г. (год второй). Санкт-Петербург, 1906. — 749 с.
20. Ежегодник России 1906 г. (год третий). Санкт-Петербург, 1907. — 370 с.
21. Ежегодник России 1907 г. (год четвертый). Санкт-Петербург, 1908. — 422 с.
22. Ежегодник России 1908 г. (год пятый). Санкт-Петербург, 1909. — 464 с.
23. Ежегодник России 1909 г. (год шестой). Санкт-Петербург, 1910. 476 с.
24. Ежегодник России 1910 г. (год седьмой). Санкт-Петербург, 1911. 788 с.
25. *Желтов А.А.* Жизненная среда и здоровье населения Вологодской земли в исторической ретроспективе (XIX — начало XX века). Вологда: Книжное наследие, 2009. — 168 с.
26. *Ильичева М.А.* Оспа в Вологодской губернии: вакцинация и профилактика заболевания в XVIII — начале XX вв. (по материалам Государственного архива Вологодской области) // Исследования Русского Севера: экология, история, наследие (к 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского): материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Вологда, 25–27 октября 2022 г. Вологда, 2022. С. 30–40.
27. *Карпов Л.Н.* Земская санитарная организация в России. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1964. — 124 с.
28. Краткая медицинская энциклопедия: [в 2 т.]. Т. 2: Миазы — Яшур / гл. ред. В.И. Покровский. М.: Крон-пресс, 1994. — 544 с.
29. *Ляшенко И.Э.* Из истории борьбы с холерой в Оренбургском крае (к 175-летию первой эпидемии холеры в Оренбурге) // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2005. № 1. С. 59–60.
30. *Моллесон И.И.* Записка об организации земского оспенного дела в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1872. Июль — август. С. 171–177.
31. Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. / Нар. комиссариат здравоохранения РСФСР; [предисл. Н. Семашко]. М.: Изд-во НКЗ РСФСР, 1926. LXIII, [1], 378, [5] с.: табл.
32. Статистический ежегодник России 1911 г. (год восьмой). Санкт-Петербург, 1912. — 622 с.
33. Статистический ежегодник России 1912 г. (год девятый). Санкт-Петербург, 1913. — 644 с.
34. Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Санкт-Петербург, 1914. — 591 с.
35. Статистический ежегодник России 1914 г. (год одиннадцатый). Санкт-Петербург, 1915. — 638 с.
36. Статистический ежегодник России 1915 г. (год двенадцатый). Санкт-Петербург, 1916. — 650 с.
37. *Таточенко В.К.* Вакцинация: от истоков до создания федерального центра // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2011. № 2(4). С. 108–111.
38. *Френкель З.Г.* Очерки земского врачебно-санитарного дела: (по данным работ, произведенных для Дрезденской и Всероссийской гигиенических выставок). СПб.: тип. АО «Слово», 1913. — X, [2], 228 с.

**Традиция товарищества в социокультурном пространстве
Императорского училища правоведения:
механизмы формирования и воспроизводства
корпоративной идентичности**

Аннотация. В статье анализируется феномен товарищества в Императорском училище правоведения — элитарном закрытом учебном заведении, которое готовило кадры для правительственных учреждений Российской империи. Специфика обучения в формате пансиона, длившегося семь лет и предполагавшего контакты с семьей лишь в выходные и каникулы, способствовала выстраиванию прочных товарищеских уз и формированию особой корпоративной культуры. Становлению идеалов братства содействовала целенаправленная политика руководства. Товарищеские связи являясь важной составляющей отношений как внутри одного класса, так и между учениками разных возрастов. Выпускники сохраняли чувство принадлежности к единой корпорации на протяжении всей жизни, что проявлялось в товарищеской солидарности. Данный феномен нашел яркое отражение в мемуарном наследии выпускников, которые неизменно подчеркивали атмосферу тесных связей, царившую в социокультурном пространстве училища правоведения.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения; закрытое учебное заведение; товарищество; И.Г. Щегловитов; К.П. Победоносцев; Е.И. Барановский

**The Tradition of Comradeship in the Socio-cultural Space
of the Imperial School of Jurisprudence: Mechanisms
of Formation and Reproduction of Corporate Identity**

Abstract. This article analyzes the phenomenon of comradeship at the Imperial School of Jurisprudence, an elite closed educational institution that trained personnel for government agencies in the Russian Empire. The specific nature of boarding school education, which lasted for seven years and expected limited contact with family members on weekends and holidays, contributed to the development of strong comradeship and a unique corporate culture. The establishment of ideals of brotherhood was facilitated by the deliberate policies of the school administration. Comradeship was an essential aspect of relationship within the same class and between students of different ages. Graduates retained a sense of belonging to a unified corporation throughout their lives, which manifested in comradeship and solidarity. This phenomenon was vividly reflected in the memoirs of graduates, who consistently emphasized the close-knit atmosphere that prevailed in the socio-cultural space of the School of Jurisprudence.

Keywords: Imperial School of Jurisprudence; Closed educational institution; Comradeship; I.G. Shcheglovitov; K.P. Pobedonostsev; E.I. Baranovsky

¹ **Мария Сергеевна Шишкина** — преподаватель-исследователь (Орел, Россия); email: maschakutaf@mail.ru

Maria S. Shishkina — lecturer-researcher (Oryol, Russia).

В современных образовательных организациях значительное внимание уделяется формированию межличностных отношений на основе взаимовыручки и поддержки. С 2022 г. коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение официально признаны традиционными ценностями России [15], что делает актуальным привлечение исторического опыта учебных заведений, в которых эти моральные принципы успешно развивались.

Проблема корпоративных традиций и, в частности, феномен товарищества, неоднократно привлекали внимание исследователей, преимущественно в контексте изучения военно-учебных заведений. В своей диссертации А.Н. Гребенкин в главе, посвященной неофициальным кадетским и юнкерским традициям и обычаям, рассмотрел и обычай товарищества и корпусного братства, делая акцент на том, что данная традиция зарождалась как производная негативного отношения к руководству заведения [6, с. 404] в отличие от обычая корпусного братства. Примечательно, что в среде правоведов термины «товарищество» и «братство» использовались преимущественно как синонимы. И только в воспоминаниях выпускника К.К. Арсеньева есть упоминание о том, что «вражда к начальству способствовала укреплению чувства товарищества» [3, с. 218]. Мемуары других учеников характеризуют сплочение правоведов не как реакцию на действия администрации, а как проявление борьбы за справедливость в том виде, в каком она представлялась юным воспитанникам с развитым нравственно-этическим самосознанием.

Теме традиций в Кавалерийском Николаевском училище посвящена статья А.В. Агеевой, позволяющая проследить общие тенденции проявления товарищества в данном заведении, а также в училище правоведения [1, с. 201]. В рамках диссертации И.В. Олимпиевой в главе о корпорации воспитанников имеются отдельные упоминания о проявлении товарищеской традиции в Императорском училище правоведения [16, с. 167]. Однако этот элемент культурной среды учебного заведения еще не становился предметом специального комплексного исследования в историографии.

Цель статьи — выявить и проанализировать механизмы формирования уникальной традиции товарищества в Императорском училище правоведения и определить ее роль в воспроизводстве корпоративной идентичности в закрытом, элитарном социокультурном пространстве училища.

Источниковую базу исследования составили материалы личного происхождения, юбилейные сборники и памятные книжки Импера-

торского училища правоведения. Ключевую группу источников образуют мемуары выпускников разных лет (В.В. Алышевского [2], К.К. Арсеньева [3], А.В. Болотова [4], Ю.Р. Дистрело [8], В.А. Друцкого-Соколинского [10], П.П. Менделеева [12], В.П. Мещерского [13], К.П. Победоносцева [20], В.В. Стасова [22], Г.П. Сюзора [24], И.А. Тютчева [25], Г.В. Немировича-Данченко [5]), которые позволяют реконструировать генезис традиции товарищества и выявить ее ценностное значение для воспитанников. Материалы к 50-летию [9; 21] и 70-летию юбилеям [22] Училища служат ценным источником для изучения феномена «товарищеского братства» в его внешнем, публичном измерении, демонстрируя, как традиция воспроизводилась выпускниками, проживавших в разных регионах России. Памятные книжки [18; 19], в свою очередь, позволяют изучить внутренние, повседневные проявления отношений товарищества в период обучения правоведов.

На основе анализа мемуаров правоведов можно выделить несколько вариантов проявлений традиции товарищества: взаимная поддержка воспитанников внутри класса, заступничество старших учеников перед младшими, внутрикорпоративная поддержка выпускников, организация внеклассных мероприятий, «выносы» старшеклассников — чествование выпускников младшеклассниками, празднование неофициальных праздников («перелома» — середины обучения, «слияния» — перехода из младшего отделения училища в старшее, «шпажного ужина» — разрешения носить шпагу). Данные термины использовались самими воспитанниками для характеристики товарищеского братства. К.К. Арсеньев видел проявления товарищества в первую очередь в том, чтобы «не выдавать друг друга, поддерживать друг друга в пассивном противодействии училищным властям» [3, с. 218]. Правовед Г.П. Сюзор отмечал такие отличительные черты товарищества от дружбы, как коллективная сила и «товарищеский» контроль и суд [24, с. 206].

Весомый вклад в становление традиции товарищества как важной доминанты социокультурного пространства училища правоведения внесло его руководство. Основатель учебного заведения и его первый попечитель принц П.Г. Ольденбургский воплощал свою идею с исключительной ответственностью и личной вовлеченностью. Базовым принципом взаимоотношений между находящимися внутри училищных стен было чувство единой семьи [9, с. 315]. Правовед В.В. Стасов (выпускник 1843 г.) писал: «Вся моя любовь, все мои симпатии и интересы в немного дней перешли на училище и на наш класс» [23, с. 4]. В.П. Мещерский (выпускник 1857 г.) отмечал: «Честный дух товарищества у нас господствовал» [13, с. 81].

Традиция товарищества сохранялась и в конце XIX — начале XX в. Закончивший обучение в 1890 г. В.В. Алышевский вспоминал: «Товарищеские отношения между воспитанниками были хорошие. Выдать проступок товарища, пожаловаться на него — считалось позором» [2]. Правовед П.П. Менделеев (выпуск 1885 г.) писал, что «общий товарищеский дух был прекрасный» [12, с. 72]. А.В. Болотов (выпуск 1888 г.) отмечал: «Дух единения и добрые товарищеские отношения царили на старшем курсе» [4, с. 219]. По свидетельству В.А. Друцкого-Соколинского (выпуск 1901 г.), мальчики относились «один к другому любовно и с полным уважением, связанные крепкой испытанной дружбой» [10, с. 142]. Г.В. Немирович-Данченко (выпуск 1910 г.) подчеркивал: «В училище царил, со дня его основания, дух товарищеской сплоченности и дисциплины, которая поддерживалась самими же правоведами» [5, Л. 12].

Процесс складывания товарищества нельзя назвать однозначным, крепкие связи внутри правоведческой семьи возникали в течение длительного времени, «товарищеские отношения создавались не сразу, а постепенно к 5-му классу» [12, с. 71]. Не был постоянным и социальный состав, в первую очередь в младшем звене (7–4 классы): в училище поступали новые ученики, иные переводились в другие учебные заведения. Так, в выпуске Менделеева из 25 мальчиков, поступивших в приготовительный класс, лишь трое проучились все 10 лет. Все это приводило к тому, что товарищеские отношения формировались на основе «цука» или как его называли правоведа — «подтягивания» [10, с. 68]. И несмотря на социальное равенство, обращение друг к другу на «ты», в училище действовал строгий порядок подчинения младших классов старшим. Г.П. Сюзор, окончивший училище в 1900 г., писал о цуке, что «этой участи подвергалось большинство воспитанников» [24, с. 205]. В то же время, по сравнению с военными учебными заведениями, «цук» в училище проявлялся в более легкой форме.

При разговоре со старшим надо было стоять, держа руки по швам. К моменту пробуждения шестиклассников ученики 7 класса обязательно покидали спальню. Семиклассники могли быть «подтянуты» за неподобающее поведение за стенами училища, например, за грязные перчатки. Были и абсурдные требования, такие, как писать сочинения для старшеклассников на фантастические темы [8, с. 17].

Шестиклассники обладали правом самостоятельно налагать дисциплинарные взыскания, запрещая провинившимся покидать училище в выходные дни. До руководства информация об этих наказаниях не доходила, поскольку все организовывалось так, будто воспитанник остался в училище добровольно [10, с. 70].

Иногда традиция иерархического подчинения проявлялась и внутри одного класса. Так, известен случай, когда в 1850-е гг. семиклассники разделились на «плебеев» и «аристократов» [24, с. 205]. Однако, по воспоминаниям правоведов, такие случаи были скорее исключением.

Неизбежно проходили через «цук» и те, кто переводился в училище из других заведений. По воспоминаниям ученика И.А. Тютчева: «К новичку приставали воспитанники старших классов, проделывали с ними школьные проделки, а иногда и били их» [25, с. 3]. Особенно доставалось вновь пришедшим в 4 класс, их называли «ананасами» и «подтягивали».

Несмотря на жесткость традиции «цука», как бы это ни было парадоксально на первый взгляд, многие правоведы, так же, как и кадеты [14, с. 202; 7, с. 32], одобряли его. И.А. Тютчев подчеркивал, что такое отношение имело и позитивную сторону: «служило к образованию характера» [25, с. 3], учило самостоятельности, выдержке. К.К. Арсеньев был уверен, что это помогало развитию умения жертвовать личным в пользу общественного [3, с. 219]. Правовед Ю.Р. Дистерло считал, что традиция «цука» в конечном счете помогала развитию солидарности, ораторских качеств и формированию единой правоведческой корпорации [8, с. 17].

Мальчики должны были стойко выдерживать насмешки, иногда разрешалось давать сдачи, но категорически запрещалось обращаться за помощью к сотрудникам училища, в противном случае жалобщик рисковал стать изгоем. По характеристике П.П. Менделеева, от таких людей класс стремился избавиться [12, с. 71]. Примечательно, что воспитатели, которые должны были следить за мальчиками, не вмешивались в сложившиеся устои. По мнению В.А. Друцкого-Соколинского, саморегулирование отношений внутри коллектива оказывалось удобным начальству [10, с. 68]. Таким образом, пройдя через это своеобразное «посвящение», новичок признавался полноправным членом коллектива, «своим» в школьной среде, что завершало его интеграцию в товарищество.

Главными хранителями устоев учебного заведения, в том числе и традиции товарищества, являлись ученики выпускного первого класса [18, с. 41]. Известны случаи, когда первоклассники всем составом шли отстаивать правду перед директором ради идеи правоведческой солидарности, рискуя получить сбавку баллов перед выпуском и, следовательно, окончить училище с понижением чина. Правоведы разных выпусков подчеркивали, что часто начальство прислушивалось к требованиям выпускников. Так, В.А. Друцкой-Соколинский вспоминал, как

первоклассники добились увольнения воспитателя Вердье, назвавшего 6-классников свиньями [10, с. 72]. Г.В. Немирович-Данченко отмечал, что воспитанники 1-го класса отказали в приеме сыну известного петербургского состоятельного человека в старшие классы и начальство этому подчинилось [5, Л. 12]. По правилам учебного заведения поступление в старшее отделение осуществлялось только в 3 класс после сдачи экзаменов. Вполне возможно, что абитуриент не сдал их, ученики первого класса предпочитали считать отказ в приеме своей заслугой.

Обучение в училище делилось на два этапа: общеобразовательный (7–4 классы) и юридический (3–1 классы). В 4-м классе в середине учебного года отмечался «перелом» — окончание половины срока обучения. В честь этого события делалось общее фото класса с воспитателем (однако в случае напряженных отношений последний на фотосессию не приглашался). У придворного ювелира заказывались специальные памятные жетоны, дизайн которых каждый 4-й класс ежегодно разрабатывал самостоятельно [10, с. 100].

Празднованию «перелома» предшествовал символический ритуал — «похороны ананаса», который символизировал окончательное принятие новичков-«ананасов» в правоведческое братство. Мероприятие предусматривало изготовление фигуры из старого мундира с ананасом вместо головы, которое помещали в футляр от контрабаса. Далее следовала инсценировка траурной процессии под музыку оркестра и с произнесением надгробной речи, после чего муляж разрывался, а ананас съедался всеми участниками [8, с. 31].

Ежегодно для учеников 3-го класса старшеклассники организовывали «слияние», знаменовавшее их переход на старший курс. На этом праздничном обеде присутствовало и руководство: директор, два инспектора, три воспитателя и протоиерей. Общее число присутствующих достигало 100–120 человек [10, с. 136]. После официальной части директор удалялся, начиналось пиршество, сопровождавшееся демонстрацией творческих талантов третьеклассников.

Помимо упомянутых выше неофициальных праздников при переходе в 1 класс устраивался «шпажный ужин», на котором воспитанники отмечали переход в выпускной класс и получение права носить шпагу.

Неотъемлемым компонентом проявления товарищеских чувств были «выносы» — ритуал, в ходе которого ученики младших классов на руках выносили первоклассников из классных комнат до парадного подъезда. Как правило, «выносы» устраивались в конце учебного года перед экзаменами и сопровождались обедом, который организовывали для выпускников учащиеся двух других старших классов.

Во многом поддержанию товарищества способствовала и внеклассная деятельность: концерты, театральные постановки. На театральные вечера приглашались и бывшие выпускники, что способствовало укреплению корпоративных связей между правоведами разных поколений. По характеристике К.П. Победоносцева (выпуск 1846 г.) «вынесенные из училища товарищеские между собою связи, они составили и в Москве особую компанию правоведов» [20, с. 6]. В свою очередь, высокопоставленные выпускники, занимавшие важные государственные посты, всегда были рады видеть у себя в гостях тех, кто только осваивал азы юридической науки в стенах *alma mater*. Так, министр юстиции И.Г. Шегловитов (выпускник училища) приглашал на свои вечера мальчиков из разных классов [8, с. 13].

Наиболее ярко единство правоведческой корпорации проявлялось в дни празднования юбилеев училища. Масштабные мероприятия проходили в Петербурге, традиционно бывшие воспитанники, посвящали стихи родному училищу. Правоведы, проживавшие в других городах, также не оставались в стороне от знаменательной даты 5 декабря: они направляли поздравительные телеграммы в училище и собирались узким кругом, чтобы отметить праздник. Так, в день 30-летия основания училища в Вильно перед одноклассниками выступил правовед В.С. Зыбин (выпуск 1843 г.) с речью: «Все мы, бывшие воспитанники Училища Правоведения, составляем огромное семейство, связанное товарищескою любовью» [11, с. 1]. На 50-летию училища выпускники решили организовать правоведческую кассу для оказания помощи нуждающимся товарищам [21, с. 147]. На 75-летие учебного заведения помимо прочих выпускников приехал из Могилевской губернии и правовед первого выпуска 1840 г. Е.И. Барановский [22, с. 14]. Кроме юбилеев училища правоведы также отмечали и годовщины своих выпусков. Юристы, окончившие училище в 1859 г., в честь 35-летия выпуска издали свою памятную книжку [19, с. 20]. Выпускники 1904 г. собрались в училище, чтобы отметить 10-летие выпуска. Некоторые правоведы не ждали круглой даты для встречи: так, выпускники 1907 г. организовали кружок, где устраивали общие собрания с ведением протоколов. На собрании 1911 г. присутствовало 15 из 33 одноклассников [17, с. 1].

Таким образом, корпорация правоведов являлась неотъемлемым элементом социального состава российской элиты. В основе этого объединения лежала традиция товарищества, которая складывалась в стенах закрытого учебного заведения и скрепляла воспитанников на долгие годы. Несмотря на то, что формирование товарищества проходило через «цук», который не может быть одобряем с позиции мораль-

ных норм, крепкие связи между воспитанниками устанавливались на долгие годы. Важным отличием от традиции товарищества в военно-учебных заведениях являлось то, что сами основы правоведческого братства были заложены непосредственно его основателем, принцем П.Г. Ольденбургским. Через проведение неофициальных и официальных праздников укреплялся дух единения и осознания себя частью большой правоведческой семьи. Традиция товарищества бережно передавалась от одного выпуска к другому, что способствовало сохранению особой атмосферы товарищества, оказавшейся устойчивой перед лицом времени и последующих политических потрясений.

Список источников и литературы

1. Агеева А.В. Традиции юнкерского товарищества Николаевского кавалерийского училища как система самовоспитания (середина XIX — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. Вып. 72. 2024. С. 21–48.
2. Алышевский В.В. Воспоминания. // Сайт Липских, Ляпидевских и Достоевых. URL: <http://dostovalov.ru/vv2.html> (Дата обращения: 23.06.2025).
3. Арсеньев К.К. Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4. Т. 50. С. 199–220.
4. Болотов А.В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. М.: Институт Русского Афона, 2018. — 493 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 13.
6. Гребенкин А.Н. Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII — начало XX в.): дисс... доктора ист. наук. Орел, 2017. — 576 с.
7. Гребенкин А.Н. Неуставные отношения в военно-учебных заведениях Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 3(9). С. 31–35.
8. Дистерло Ю.Р. Годы пребывания в Училище правоведения (1908–1916 гг.) // Три голоса утраченной старины. СПб.: Радио «Град Петров», 2015. — 205 с.
9. Дорн Л.Б. Краткий исторический очерк деятельности Училища правоведения за 50 лет. СПб.: Типография. И. Рапопорта, 1885. — 27 с.
10. Друцкой-Соколинский В.А. Да благословлена память. Записки русского дворянина. 1880–1914. Орел, 1994. — 344 с.
11. Зыбин В.В. Речь, произнесенная на правоведском обеде, бывшем 5 декабря 1865 г. в г. Вильне, председателем Виленской гражданской палаты, В.А. Зыбиным, бывшим воспитанником... Училища правоведения. Вильна: тип. А.К. Киркора. 1865. — 2 с.
12. Менделеев П.П. Свет и тени моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М.: Кучково поле, 2017. — 752 с.
13. Мещерский В.П. Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 1897. — 453 с.
14. Нетужилов К.Е. Неофициальные традиции в военных учебных заведениях России накануне Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. 2015. С. 195–205.
15. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ

Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Дата обращения: 20.06.2025).

16. *Олимпиева И.В.* Императорское училище правоведения (1835–1918): эволюция юридического образования в России и формирование корпуса просвещенной бюрократии: дис... канд. ист. наук. СПб., 2021. — 262 с.

17. Отчет общих собраний членов кружка 68 выпуска Императорского училища правоведения. СПб.: Тип. Тов. «Свет», 1911. — 15 с.

18. Памятная книжка Императорского училища правоведения: К столетию со дня его основания, 1835–1935. Париж: Комитет правоведческой кассы, 1935. — 164 с.

19. Памятная книжка правоведов 20-го выпуска 1859 года Училища правоведения. СПб., Ч. [1]–2. 1894. — 233 с.

20. *Победоносцев К.П.* Московские воспоминания. М.: Университ. Тип., 1904. — 12 с.

21. Пятидесятилетний юбилей Училища правоведения. СПб.: Гос. тип., 1886. — 159 с.

22. Семидесятипятелетие Императорского Училища правоведения. СПб.: Сенатская тип. 1911. — 64 с.

23. *Стасов В.В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // Избранные сочинения: в 3 т. Живопись. Скульптура. Музыка. Т. 2. М.: Искусство, 1952. С. 299–390.

24. *Сюзор Г.П.* Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения (исторический очерк). СПб.: Государственная типография, 1910. — 514 с.

25. *Тютчев И.А.* В Училище правоведения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1885. — 48 с.

**Опыт организации образовательных экскурсий
в контексте просветительской деятельности
органов земского самоуправления
(на материалах Воронежской губернии)**

Аннотация. Статья посвящена одному из самых малоизученных направлений просветительской деятельности земских органов местного самоуправления — организации экскурсионных программ для учащихся народных школ. Воронежская губерния стала одним из первых организаторов образовательных экскурсий в начале XX в. Если изначально данная форма внешкольного просвещения распространялась только на лучших выпускников школ, то в течение нескольких лет, благодаря увеличивавшемуся финансированию уездных земствами, она охватила более широкие слои учащихся. В работе рассматриваются популярные экскурсионные маршруты, достопримечательности, внесенные сотрудниками губернской земской управы в уникальный путеводитель по Воронежу, анализируются результаты экскурсионной просветительской деятельности. Исследование освещает активную деятельность земских гласных по непрерывному расширению возможностей знакомства с родным краем для представителей малообеспеченных слоев населения.

Ключевые слова: Воронежская губерния; земство; образовательный туризм; экскурсионный путеводитель; внешкольное просвещение; гражданская инициатива

**Experience of organizing educational excursions
in the context of educational activities of the zemstvos
(based on materials of the Voronezh province)**

Abstract. The article is devoted to one of the least studied areas of the educational activities of the zemstvo local administration — organization of excursion programs for students of public schools. The Voronezh province became one of the pioneers in organizing educational excursions in the early XX century. Initially this form of extracurricular education was distributed only to the best school graduates, although within a few years, thanks to increasing funding from district zemstvos, it covered wider layers of students. The work examines popular excursion routes, attractions included by employees of the provincial zemstvo council in the unique “Guide to Voronezh”, and analyzes the results of excursion educational activities. The study highlights the active work of zemstvo deputies in continuously expanding the opportunities for low-income groups to get acquainted with their native land.

Keywords: Voronezh province; zemstvo; educational tourism; excursion guide; extracurricular education; civil initiative

¹ **Елена Михайловна Чигирева** — кандидат исторических наук, доцент кафедры издательского дела филологического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия); e-mail: Tchigireva89@yandex.ru
Elena M. Chigireva — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Publishing, Faculty of Philology, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

Народное образование и просвещение, отнесенные к числу неотъемлемых земских забот, в кратчайшие сроки стали «любимым делом» органов земского самоуправления, продемонстрировавших многочисленные примеры настоящего альтруизма и подвижничества. Социальная направленность, конструктивный характер, всесторонний подход к культурно-просветительской работе стали главными особенностями данного направления деятельности представителей земских органов как по всей стране, так и в Воронежской губернии, — одной из самых густонаселенных и малограмотных территорий Российской империи. К основным формам внешкольной просветительской деятельности земств относились организация народных чтений, создание школьных и народных библиотек, народных домов и театров, книжных складов и пр. В конце XIX — начале XX вв. появляются новые формы просветительской работы: народные университеты и образовательные экскурсии. В это время передовые педагоги и общественные деятели обратили свое внимание на экскурсионное дело и туризм как на великолепную возможность разнообразить образовательный процесс. Для многих детей именно экскурсии становились главным толчком для дальнейшего умственного развития, ведь «никакая интересная книга, никакое воодушевленное объяснение учителя, никакие картины не могут заменить непосредственного наблюдения и впечатления крестьянского ребенка» [1, Л. 124].

По мнению исследователей, история образовательного туризма, особенно в региональном аспекте, до сих пор слабо изучена в отечественной исторической науке. Дореволюционная историография в основном представлена публицистическими материалами, статьями в периодической печати, в советской историографии долгое время доминировали теоретическое и методологическое направления. В «перестроечный» и постсоветский период появляются интересные общие исследования по истории туризма, например, «Туризм социальный: история и современность» В.А. Квартальнова и В.К. Федорченко (1989), «История туризма в дореволюционной России и СССР» Г.П. Долженко (1988), «История туризма» Л.П. Воронковой (2001) и пр. В последние годы внимание исследователей к данной проблеме значительно возросло. Так, изучению истории туристско-экскурсионной деятельности в конце XIX — начале XX вв. посвящено диссертационное исследование Д.В. Арцыбашева, вопросам организации образовательного туризма — работы Н.В. Тарасовой, С.Г. Пятаковой и пр. В том числе появляются и исследования, затрагивающие различные аспекты развития региональной туристско-экскурсионной

деятельности. Среди современных исследователей внешкольных форм образования в воронежском крае необходимо отметить труды Т.Н. Чернобаевой, Ю.В. Пыльнева, Т.Ю. Жегульской, Д.В. Карманова и пр. В диссертационных исследованиях Т.Ю. Жегульской и Д.В. Карманова эпизодически упоминается проблема образовательных экскурсий в Воронежской губернии [5; 8], однако авторы ограничиваются констатацией самих фактов их проведения, не вдаваясь подробно в их содержание, хотя, на наш взгляд, данная тема очень актуальна и востребована в исторических, метапредметных исследованиях и научно-популярном дискурсе, что обусловлено все возрастающим значением Воронежа как туристического центра, а также усиливающимся интересом к участию институтов гражданского общества в вопросах воспитания и образования.

В начале XX в. на страницах прогрессивных журналов педагоги, просветители, общественные деятели сосредоточили свое внимание на огромном воспитательном потенциале региональных экскурсионных программ, которые, по часто цитируемому мнению М. Караулова, научат детей «любить свои далекие уголки, заботиться о подъеме истинной культуры на далеких окраинах широкой Руси, они будут горячими патриотами, потому что будут знать свою родину и привыкнут служить ей с малых лет по мере своих сил и способностей» [7, с. 11]. В 1910–1914 гг. особенно оживилась издательская деятельность в области экскурсионного дела: появляются специальные журналы «Экскурсионный вестник», «Русский экскурсант», «Школьные экскурсии и школьный музей», «Бюллетени Харьковского Общества любителей природы», появляются специальные разделы в журналах «Естествознание и география», «Труды Общества земледения» и пр.

По мнению ряда исследователей, первопроходцами развития школьного экскурсионного дела стали руководители и сотрудники Киево-Печерской гимназии, Сумского реального училища Харьковской губернии и Александровской учительской школы в Тифлисе, которые занимались организацией подобной формы просветительской деятельности еще с 1880-х гг. [14, с. 46]. География их образовательных поездок распространялась не только на достопримечательности Кавказа, Крыма и Финляндии, но и охватывала Германию, Чехию, Францию, Швецию и пр. На этом грандиозном фоне скромные успехи воронежских ревнителей просвещения казались совершенно незаметными, однако отметим, что именно Воронежская губерния стала одним из первопроходцев в вопросах организации образовательных экскурсий на уездном уровне. Так, 1898 г. учащиеся из нескольких сел

Воронежского уезда посетили город Воронеж, а в 1902 г. — Москву. В 1903 г. Воронеж посетили уже 60 детей из 4 земских школ [5, с. 141]. Однако активная работа по развитию данного направления внешкольной просветительской деятельности фактически началась с 1909 г., когда Острогожское и Валуйское уездные земства организовали ознакомление выпускников начальных школ с достопримечательностями Воронежа, а в следующем 1910 г. — Киева [1, Л. 139, 149, 154]. В силу ограниченности средств большинство экскурсий организовывалось в пределах Воронежской губернии: Воронеж, Задонск, Дивногорский монастырь. Несмотря на материальную стесненность, уездные земства постоянно увеличивали ассигнования на экскурсионные программы, например, со 100 руб. в 1910 г. до 300 руб. в 1912 г. Острогожским земством, до 600 руб. — Валуйским [1, Л. 139, 160]. Для сравнения отметим, что в 1912 г. Ростовский уезд Ярославской губернии ассигновал на ученические экскурсии 300 руб., пермское уездное земство выделило 500 руб. в 1914 г., а московское уездное земство — 1300 руб. [10, с. 2] Уже в 1913 г. в образовательных экскурсиях (в первую очередь, в город Воронеж) приняли участие 697 учащихся из 106 школ и 8 уездов губернии (524 мальчика и 173 девочки, по данным же земской управы — 762 ребенка) в сопровождении 65 руководителей, а ежегодные расходы губернского земства на данный вид просветительской деятельности составили 107 руб. 96 коп. [3, Л. 70—71] Благодаря частичному субсидированию учащихся уездными земствами, городскими думами, участием благотворителей и деятельному сотрудничеству земства с администрацией театров, музеев, парков и пр. стоимость подобных экскурсий была невысока: около 2 руб. при поездке в Воронеж, 5 руб. — в Киев и Москву. Отметим, что в средствах были стеснены все участники просветительского процесса. Так, в 1913 г. Комиссия по приему экскурсий Московского общества грамотности обращалась в Воронежскую губернскую земскую управу с ходатайством о добровольном ассигновании хоть какой-либо суммы на свое существование, так как в 1912 и 1913 гг. 145 школьников-экскурсантов из Воронежа воспользовались услугами Комиссии, предоставившей детям горячее питание и помещение для ночлега фактически на безвозмездной основе [4, с. 12].

Экскурсии земских начальных школ в губернский город Воронеж начинались с мая и продолжались до конца лета. В 1913 г. за 4 месяца его посетили 762 ребенка, а в 1914 г., разорванном войной, всего за 2,5 месяца — 1188 человек [11, с. 1].

Наибольшего успеха в вопросах организации образовательных экскурсий в Воронеже губернская земская управа, координировавшая

действия уездных органов местного самоуправления, достигла во время совместной работы В.А. Раевского, В.И. Змеева, М.Ф. Черткова, А.Н. Де-Витта и М.П. Паренаго под председательством В.Н. Томановского. В 1914 г. по поручению губернского земского собрания отдел народного образования под руководством К. Березникова создал уникальный путеводитель по городу Воронежу для школьных экскурсий («Город Воронеж. К сведению руководителей школьными экскурсиями»), который бесплатно раздавался всем руководителям — сопровождающим земских школ. Отметим, что данный путеводитель не был первым изданием подобного рода: еще в 1901 г. в Киеве был выпущен «Путеводитель по Воронежу с 15 видами и планом города», содержащий описание главных улиц, церквей и монастырей, библиотек, театров, перечень гостиниц, дилижансов и пр. [12], однако ориентирован он был на взрослых самостоятельных туристов.

Первая часть школьного путеводителя была посвящена определению главных задач этого издания, которыми признавалась систематизация осмотра города, наиболее продуктивное использование времени и предоставление необходимых удобств при наименьших материальных затратах школьников, а также освещение работы губернской земской управы по их реализации. Вторая часть содержала в себе исторический очерк г. Воронежа со времени его основания до текущего момента, а также довольно подробное и хвалебное описание результатов пятидесятилетней деятельности земских органов в области народного просвещения, здравоохранения, ветеринарного дела, дорожного строительства, противопожарной безопасности и пр., вплоть до вывода, что именно благодаря земству в губернии в два раза сократилась смертность и повысилась продолжительность жизни [13, с. 13]. Неоднократно составителями подчеркивалось, что в стремлении к улучшению условий жизни населения воронежское земство не знало так называемых сословных интересов (отметим, что вопрос о соотношении сословных интересов с земской активностью освещается нами в диссертационном исследовании, посвященном общественной деятельности дворянства губернии [15]). Третья часть путеводителя была посвящена описанию мест, намеченных для осмотра экскурсантами (до 50 объектов), причем описание каждого учреждения, предприятия, памятника старины сопровождалось указанием ответственных за прием экскурсантов лиц и уточнением времени работы учреждений [13].

Экскурсионная программа по Воронежу, предложенная в путеводителе, была рассчитана на 3–4 дня, что считалось совершенно недостаточным для ознакомления с городом как культурным, историческим

и торгово-промышленным центром. Каждый час юных путешественников должен был быть проведен с пользой, для чего авторы издания составили детализированный и продуманный до мелочей маршрут. Для успешного достижения поставленных целей губернская управа получила от управления конно-железных дорог разрешение на бесплатный проезд для экскурсантов по городу на вагонах конки. Также управа заручилась согласием распорядительного комитета Народного Дома попечительства о народной трезвости, где дети могли не только посетить бесплатный литературно-музыкальный вечер, но и чайную с угощением, о предоставлении на время экскурсий телефона для предварительных переговоров организаторов и руководителей групп с назначенными для посещения местами. Также управой было организовано бесплатное фотографирование экскурсионных групп [2, Л. 262].

Начинать знакомство с городом руководителям групп рекомендовалось с посещения одного из главных духовных центров губернии — Благовещенского Митрофановского монастыря (ныне на его месте располагается главный корпус ВГУ) и поклонения мощам святителя Митрофана, а затем постараться не заходить в сады, скверы и иные увеселительные места, чтобы успеть, в первую очередь, посетить торгово-промышленные предприятия [13, с. 65]. Основной акцент делался организаторами на деловой жизни губернского города, ознакомление с промышленными объектами признавалось очень полезным для детей и подростков из сельской местности. Отметим, что многие предприятия живо отозвались на просьбу земских органов самоуправления о принятии групп экскурсантов. Так, на механическом заводе Товарищества Столль и К°, выпускавшем сельскохозяйственную технику и промышленное оборудование, дирекция откомандировала каждой группе специальное лицо, которое сопровождало учеников по всему заводу, последовательно проводя их от модельной до мастерской, выпускающей машину уже готовой к работе; экскурсантам объяснялось назначение каждого инструмента, тут же демонстрировалась его работа. Осмотр завода и объяснения были несколько увлекательными, включали в себя так много нового, что юные посетители не желали уходить. Не меньшее впечатление производила на посетителей паровая мукомольная мельница 2-го Товарищества. В отчетах губернской земской управы о внешкольном образовании описывался искренний восторг деревенских школьников, когда какой-нибудь жернов, приводимый в движение силой пара, перемалывал за несколько минут такое количество зерна, которое знакомый детям деревенский ветряк был в состоянии одолеть только за полдня. [4, с. 9]. Сотрудники управы

бережно собирали и описывали эмоции впечатлительных деревенских детей, которые «с широко открытыми от удовольствия глазами, забыв про все, жадно наблюдали, как четырехсотпудовый паровой молот могучими ударами рубил и ломал цилиндрическое железо» [11, с. 9]. Кроме указанных предприятий экскурсантам рекомендовалось посетить макаронную фабрику «Янтарь», конфетную фабрику «Александрия», табачную, ватную, мебельную фабрики, Епархиальный свечной завод, колокольный, маслобойный, мыловаренный, уксусный, пивоваренный, механический чугунно-литейный заводы и пр. Каждый насыщенный полезной информацией день предлагалось завершать посещением кинотеатра или иного увеселительного заведения.

Следует отметить, что большинство экскурсантов не располагали хоть какими-то свободными денежными средствами на развлечения, а иногда даже на продовольствие. Учитывая это, губернская управа исходатайствовала для детей бесплатное посещение ряда культурных и развлекательных учреждений города. Так, бесплатный вход в дни гуляний, право пользования купальнями, а также лодки с гребцами для катания по реке Воронеж был предоставлен очень модным и популярным в городе Петровским яхт-клубом. Клуб, входивший в число 22 официально утвержденных яхт-клубов Российской империи, имел всероссийскую известность, активно участвовал в культурной жизни города; после прекрасного переоборудования цейхгауза о нем заговорили как об одном из лучших во всей стране [9, с. 6]. Здесь, помимо гуляний на озелененном острове (на нем располагалось здание цейхгауза — памятник петровской эпохи 1696 года создания), танцев под духовой оркестр, театральных представлений, литературно-музыкальных вечеров, общество устраивало гребные гонки, лодочные путешествия по рекам Воронеж и Дон, а также легкоатлетические соревнования, первые футбольные матчи и т.п. Дети, особенно из сел, в которых не было водоемов, приходили в полный восторг от подобного проведения досуга. По ходатайству управы во всех четырех воронежских кинематографах — «Биограф», «Тауматограф», «Ампири» и «Модерн» — экскурсантов из земских школ принимали бесплатно, как и музей А.Л. Дурова. По льготной цене предоставляли школьникам билеты в летний городской театр (2 руб. за 30 человек), Воронежский публичный театр (ныне ВГАТД им. А.В. Кольцова) брал с каждого ученика всего 10 коп. и предоставлял несколько лож верхнего яруса; в цирке бр. Никитиных для экскурсантов сохраняли 2 ряд и брали умеренную плату 10 коп., временный передвижной музей Бейковского, пребывавший в Воронеже летом, брал плату только с сопровождающих.

Чаще всего экскурсанта́ны после Митрофановского монастыря посещали яхт-клуб, затем под присмотром самого заведующего знакомились с устройством городского водопровода, осматривали железобетонный Чернавский мост Воронежского уездного земства, а затем заходили осматривать земские станции по борьбе с вредителями растений, одновременно знакомясь с земскими курсами по пчеловодству. Дети посещали музей при экономическом отделе губернской управы, дом Трудолюбия, где у них на глазах печатались книги, училище слепых, где их поражало, что незрячие могут обучаться грамоте, читать и писать. В среднем механико-техническом училище императора Петра I лаборанты демонстрировали школьникам разнообразные опыты с электричеством, магдебургскими сферами и пр. Самые теплые воспоминания дети уносили с собой от посещения конфетной фабрики «Александрия», где после осмотра производства администрация неизменно дарила юным посетителям конфеты [4, с. 15].

Не только о детях и их всестороннем просвещении заботилось земство при организации экскурсионных программ. Губернской управой был организован широкий ряд экскурсий для слушателей летних педагогических курсов, проходивших в Воронеже. В самом городе экскурсии совершались для ознакомления с фабриками, заводами, различными научными учреждениями. Экскурсанта́ны осматривали Бактериологический институт, контрольную семенную станцию, оспенный телятник, Графское лесничество проф. Б.А. Келлера, Воронежский сельскохозяйственный институт, училище слепых, электрическую станцию и многое другое [6, с. 54–55]. Однако подробное рассмотрение этого направления развития экскурсионной практики является темой отдельного исследования, так как изобилует множеством любопытных деталей.

К сожалению, война значительно осложнила дальнейшее успешное развитие экскурсионного дела в губернии. Так, в 1915 г. общее число экскурсанта́нов составило 330 человек, то есть в три раза меньше, чем в 1914 г., а в 1916 г. — всего 274 чел. [3, Л. 70] По ряду мнений, в 1917 г. воронежскому земству удалось выйти на уровень средних показателей 1913 г., однако начавшиеся революционные потрясения Октября не позволили ни продолжить эту практику, ни предоставить точную статистику [8, с. 35].

Не подлежит сомнению, что в Воронежской губернии всего за несколько лет земские органы самоуправления вышли на передовые позиции в вопросах развития важнейшей формы внешкольного просвещения — образовательных экскурсий, как для учащихся, так и для учащихся, их работа стала образцом для подобной практики в других гу-

берниях империи, интересовавшихся воронежским опытом. Активная деятельность губернской управы и ее отдела народного образования стала интегративным фактором, соединяющим передовое общественное мнение интеллигенции, опыт педагогов воронежской эвристической школы, деятельное участие активно развивавшегося промышленного сектора, гражданскую инициативу общественных организаций. Экскурсионные программы, вызывавшие у детей и подростков искренний и глубокий интерес, окончательно сломили скептическое отношение к образованию даже самых консервативных крестьян, начавших отправлять детей на экскурсии за собственные средства. Многочисленные планы воронежского земства по организации экскурсий на протяжении всего года, во время рождественских и пасхальных каникул, увеличению ассигнования, удлинению срока пребывания экскурсантов в городе, изданию более полного путеводителя были разрушены войной и начавшимся пожаром революций. Дело развития туристско-экскурсионной работы перешло к органам советской власти, обладавшей могучими административными ресурсами. Тем ценнее сохранение памяти о самостоятельной практике организации внешкольных форм народного просвещения региональными органами самоуправления, которые в условиях постоянной ограниченности финансов, отсутствия властных полномочий, строгой регламентации со стороны властных органов смогли в своей деятельности раскрыть высшие формы любви: к детям, родному краю и своему народу.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 8159.
2. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 8163.
3. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10561.
4. 4. Доклад Воронежской губернской земской управы по вопросам народного образования: Воронеж. губ. зем. собр., очеред. сессии 1913 г.: Отд. VIII, № 1–13. Воронеж, [1914]. – [194] с.
5. Жегульская Т.Ю. История внешкольного образования Воронежской губернии во 2-й половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 2008. – 187 с.
6. Журнал заседания комиссии по народному образованию Воронежского губернского земства / Журналы Воронежского губернского земского собрания. Очередная сессия 1914 г. (15–21 января 1915 г). Воронеж: Типо-тит. Т-ва «Н. Кравцов и К». 1915. – 470 с.
7. Караулов М. Живая школа // Русская школа. 1901. № 10–11. С. 136–154.
8. Карманов Д.В. Воронежское земство, 1914–1918 гг. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 2002. – 204 с.
9. Коробчук А.О. Яхт-клуб в Воронеже до 1917 года // Сова. 2014. № 3(22). С. 6–14.

10. *Мезиер А.* Экскурсионное дело и экскурсионная литература в 1914 году // Русская школа. 1915. № 4. С. 1–10.
11. Об экскурсиях в гор. Воронеж учащихся земских низших школ Воронежской губернии // Доклады Воронежской губернской земской управы Воронежскому губернскому земскому собранию по народному образованию. Очередная сессия 1914 года. Воронеж: Типография Бр. Розенберг, 1915. Отд. VIII. С. 1–23.
12. Путеводитель по Воронежу с 15 видами и планом города. Киев: Издание М.Н. Ключникова. 1901. — 84 с.
13. Путеводитель по городу Воронежу для школьных экскурсий. Воронеж: Изд-е Воронеж. Губ. Земства; Типо-Лит. Т-ва «Печатник». 1914. — 74 с.
14. *Тарасова Н.В.* Образовательный потенциал ученических экскурсий во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2014. Вып. 1(32). С. 45–55.
15. *Чигирева Е.М.* Дворянство Воронежской губернии в пореформенную эпоху: социально-экономические и общественно-политические аспекты жизни сословия. 1861–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 2017. — 425 с.

«Указ упадет как снег на голову».

Д. Ф. Трепов и вопрос об университетской автономии

Аннотация. Статья посвящена роли Д. Ф. Трепова, занимавшего в 1905 г. должности Санкт-Петербургского генерал-губернатора и товарища министра внутренних дел, в подготовке и принятии «Временных правил» 27 августа 1905 г., по которым восстанавливалась университетская автономия. На основе малоизученных документов, обнаруженных в ЦГИА СПб и ГАРФ (копии докладов Д. Ф. Трепова Николаю II, личные заметки генерал-губернатора, письма С. Н. Трубецкого Д. Ф. Трепову), рассматриваются причины изменения позиции Д. Ф. Трепова по вопросу об университетской автономии, его мотивы и цели при проведении реформы. В статье делается вывод о взглядах Д. Ф. Трепова на университетский вопрос до назначения генерал-губернатором, об изменении мнения о необходимости университетской автономии под влиянием общения с профессором Московского университета С. Н. Трубецким, а также о целях Д. Ф. Трепова с помощью «Временных правил» заручиться поддержкой профессуры и умиротворить образовательную среду в преддверии созыва Государственной думы.

Ключевые слова: университетская автономия; первая русская революция; история высшей школы; Д. Ф. Трепов; С. Н. Трубецкой

“The decree will fall out of the blue”.

D. F. Trepov and the issue of university autonomy

Abstract. The article is devoted to the role of D. F. Trepov, who held the positions of St. Petersburg Governor-General and Comrade Minister of Internal Affairs in 1905, in the preparation and adoption of the “Provisional Rules” of August 27, 1905, according to which university autonomy was restored. The research is based on little-studied documents found in the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the State Archive of the Russian Federation (copies of D. F. Trepov’s reports to Nicholas II, personal notes of the Governor-General, letters from S. N. Trubetskoy to D. F. Trepov). The study examines the reasons for D. F. Trepov’s change of position on the issue of university autonomy, his motives and goals in carrying out the reform. The author concludes that D. F. Trepov had views on the university issue before his appointment as Governor-General, highlights the change in his opinion on the need for university autonomy under the influence of communication with professor of Moscow University S. N. Trubetskoy, as well as D. F. Trepov’s goals to enlist the support of professors and pacify the student community with the help of the “Provisional Rules” in anticipation of the convocation of the State Duma.

Keywords: university autonomy; First Russian Revolution; history of the higher school; D. F. Trepov; S. N. Trubetskoy

¹ Иван Михайлович Булыга — студент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: BIM0503@yandex.ru
Ivan M. Bulyga — student, Institute of History of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

История созданий «Временных правил» 27 августа 1905 г., по которым восстанавливалось университетское самоуправление, становилась предметом изучения в советской и современной отечественной историографии. Например, советский исследователь В.П. Яковлев считал, что «Временные правила» должны были «отвлечь народ от революции» [17, с. 158]. А.Е. Иванов писал, что стремление «сосредоточить все наличные силы на пролетарском фланге борьбы» стало главным фактором «либерального маневра» правительства, в ходе которого высшей школе даровались права самоуправления [6, с. 123]. Исследователи рассматривали и роль Д.Ф. Трепова в подготовке и публикации «Временных правил». Наиболее подробно деятельность сановника изучил А.Е. Иванов, проследивший, в том числе, и изменение взглядов генерал-губернатора на образовательный вопрос в течение 1905 г. [5, с. 216–218]. Тем не менее причины изменения взглядов Трепова на вопрос об университетской автономии остаются малоизученными. В фонде канцелярии санкт-петербургского генерал-губернатора № 2075 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), а также в личном фонде Трепова (Ф. 595) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) удалось обнаружить еще не введенные в научный оборот документы, касающиеся подготовки реформы университетской автономии — доклады Трепова императору, черновые заметки генерал-губернатора, письма профессора Московского университета С.Н. Трубецкого Д.Ф. Трепову. Целью данного исследования является выявление на основе обнаруженных архивных материалов причин, побудивших Трепова изменить свое мнение по вопросу об университетской автономии, а также уточнение обстоятельств разработки и принятия «Временных правил» 27 августа 1905 г.

В революционных событиях 1905 г. весомую роль играла ситуация в учебных заведениях. Всеобщая студенческая забастовка, приведшая к потере контроля правительства над университетами, началась еще до начала Первой русской революции. В событиях «Кровавого воскресенья» студенты приняли активное участие, причем несколько учащихся были арестованы [14, с. 124]. Министр народного просвещения В.Г. Глазов «не владел сколько-нибудь значимой административно-распорядительной инициативой в делах академических» [5, с. 214]. В такой политической ситуации Трепов занял должность санкт-петербургского генерал-губернатора.

Согласно указу о назначении, генерал-губернатору были подчинены все учебные заведения в столице, «по предметам, относящимся к охранению государственного порядка» [11]. Однако в связи с бы-

стро установившимися доверительными отношениями с императором Трепов включился в обсуждение политики в сфере образования в масштабах всей империи. Меры, которые Трепов предлагал в первые месяцы в должности генерал-губернатора, носили, в основном, запретительный и карательный характер. Он призывал закрыть до особого распоряжения все учебные заведения, где были в 1905 г. беспорядки; служащих в этих заведениях считать «уволенными в отпуск»; закрыть учреждения, находящиеся при высших учебных заведениях: библиотеки, столовые, общежития и т.д.; пересмотреть уставы высших учебных заведений [12, Л. 3–4]. Высказывался генерал-губернатор и по вопросу об университетской автономии, необходимость принятия которой широко обсуждалась в обществе. Трепов считал, что принятие ее теперь, «после беспримерной в истории культурных стран забастовки не только учащихся, но и профессоров <...>, имело бы самые пагубные последствия» [12, Л. 3]. Он указывал, что предоставление университетам прав самоуправления все равно приведет к их закрытию, но этому «закрытию» будут предшествовать незаконные собрания, сопряженные с принятием недозволенных резолюций» [13, Л. 13].

Летом 1905 г. генерал-губернатор изменил свое мнение относительно университетской автономии, что, по нашему мнению, произошло под влиянием профессора московского университета С.Н. Трубецкого. Они находились в родственных отношениях: племянник Трубецкого был женат на дочери Трепова. Кроме того, Трепов в 1896–1904 гг. занимал должность московского обер-полицмейстера. В ГА РФ содержится письмо профессора Трепову, датированное декабрем 1903 г., в котором Трубецкой просил оказать помощь преподавателю московского университета Перцову, а также сообщал Трепову свои взгляды на организацию студенческого самоуправления [3, Л. 1–4]. По информации из письма можно сделать вывод, что определенное знакомство с представлениями друг друга по образовательному вопросу имелось у них и до революционных событий.

Как отмечает исследователь П.В. Краснов, мысли Трубецкого по образовательной политике были схожи с идеями С.В. Зубатова, начальника Московского охранного отделения, которого активно поддерживал Трепов во время службы в Москве. Зубатов вспоминал, что они с Треповым «выработали и взгляды на студенческие дела» [8, с. 69]. Начальник Московского охранного отделения в качестве примера успешного решения недопущения беспорядков в учебных заведениях, приводил созданные в Московском университете курсовые совещания, в которых участвуют выборные студенты и профессора. По его

мнению, «если этим совместным собраниям было бы дано значение постоянного органа, то <...> под их ответственностью и контролем могли бы функционировать и развиваться другие студенческие организации, и жизнь студенчества приняла бы безмятежный характер в строгом единении с профессурой, властью и учебным начальством» [9, с. 112]. Таким образом, идея о том, что контроль за беспорядками можно делегировать самим учебным заведениям с помощью выборных органов, была знакома Трепову до 1905 г.

Ключевым событием, повлиявшим на изменение позиции Трепова по университетской автономии, стало направление депутации земских деятелей императору 6 июня 1905 г. Трубецкой от имени депутации выступал перед императором с речью. В последующем разговоре с царем Трубецкой обещал ему представить свои мысли по поводу политики в университетском вопросе. 21 июня 1905 г. московский профессор прислал Трепову копию своей записки императору. В сопроводительном письме к записке он указывал, что в ней выражено мнение, которое «приблизительно» соответствует мыслям остальных профессоров. Трубецкой признавал, что по вопросу об открытии университетов 1 сентября могут быть разные мнения, но большинство будет солидарно с тем положением, которое высказывается в записке и которое высказывал в разговоре с ним сам Трепов [16, Л. 77 об.].

Трубецкой в письме к Трепову предлагал меры, необходимые для умиротворения студенческой среды. Во-первых, «немедленное возведение коренной реформы, которая бы уничтожала недостатки академического строя, вернула бы Советам их корпоративный характер, вверив им ведение университетского дела и устройство студенчества». Трепов обратил особое внимание, подчеркнув карандашом, на положение записки, в котором указывалось, что «университетская автономия по существу своему не составляет какого-либо личного права отдельных членов Совета, возлагая на них новые ответственные обязанности» [16, Л. 82]. Во-вторых, желательно принять меры к тому, чтобы «выдающиеся преподаватели <...> вновь возвратились» в университет. В-третьих, осенью надо было бы открыть университеты для вновь поступающих студентов первого семестра и для студентов последнего семестра. В-четвертых, остальных студентов предпочтительно допустить в университет лишь с начала второго полугодия [16, Л. 84–85]. Высказывался Трубецкой и о составе министерства, отмечая, что министр народного просвещения В.Г. Глазов не справляется с обязанностями, а С.М. Лукьянов, товарищ министра народного просвещения, «показал себя совершенно беспринципным карьеристом» [16, Л. 78].

Петербургский генерал-губернатор стал всецело придерживаться идей, выраженных в записке Трубецкого. 31 июля в докладе к государю он высказывал мнение, что необходимо открыть учебные заведения с 1 января 1906 г., выработав к этому времени новые уставы, а с 1 сентября открыть только для первокурсников и для студентов последнего семестра [16, Л. 38]. Заметно, что генерал-губернатор очень спешил с дарованием автономии. Он высказывал императору мысли, что вопрос «о высших учебных заведениях чрезвычайно важен и требует коренного разрешения в самом ближайшем времени, то есть не дольше первой половины настоящего августа» [16, Л. 34].

7 августа император приказал созвать частное совещание главных начальников ведомств, в которых имелись высшие учебные заведения, для обсуждения вопроса об условиях начала с 1 сентября занятий [16, Л. 35]. Трепов, выступая на совещании, развивал мысль Трубецкого, заявляя, что «поддержка порядка внутри учебного заведения отнюдь не может быть задачей полиции, а должна всецело лежать на ответственной обязанности учебного начальства». Допущение полиции, по его мнению, «не только не устранил поводов к нарушению порядка, но, совершенно наоборот, вызовет еще сильнее беспорядки» [16, Л. 46].

Совещание в конечном итоге согласилось с большинством предложений Трепова. Однако генерал-губернатор продолжал убеждать царя в скорейшем принятии «Временных правил». 17 августа он просил императора не учитывать возражений по этому проекту Глазова [16, Л. 63], а 26 августа, за день до принятия указа, просил как можно скорее согласиться с его публикацией. Он указывал, что «эта реформа несет большое умиротворяющее воздействие», а с ее проведением «центр тяжести и ответственности за порядки перенесется с правительства на профессорские коллегии». Профессора, отмечал Трепов, «в данное время тайно совещаются на неразрешенном съезде в Москве с целью вынудить правительство идти на пути реформы и для них указ упадет как снег на голову. Утратится почва для агитации, а ответственность за порядок <...> бременем ляжет на них» [16, Л. 65 об.]. Он высказывал мнение и о министре народного просвещения, говоря императору, что Глазов не может оставаться в должности, так как его руководство может дать только отрицательные результаты. Генерал-губернатор писал, что так считают его ближайшие сотрудники и профессора [16, Л. 64–64 об.].

Таким образом, исходя из представленных документов, видно, что Трепов полностью принял точку зрения Трубецкого и, по-видимому,

искренне поверил в возможность умиротворить с помощью реформы образовательную среду и заручиться поддержкой общественности. Весомую роль сыграло и личное знакомство с профессором московского университета, а также благожелательное отношение к нему со стороны царя. Кроме того, ему представлялось важным удовлетворить главное желание либеральных профессоров, выступающих на съездах, так как этой уступкой подрывалась основа их критики власти. Мотивом Трепова являлось также желание привлечь университетских преподавателей на сторону правительства, обязав их самостоятельно следить за порядком и тем самым отдалить от участия в общественном движении. Спустя время в общественной среде стали распространяться слухи, что это был искусный маневр Трепова, предполагающего, что «автономия продержится два месяца, что в университетах будут свалки и снова отнимут автономию». [1, с. 305]. Однако в документах по подготовке этой реформы отсутствуют любые предпосылки для подобных суждений.

В мемуарной литературе высказывалось мнение, что летом 1905 г. Трепов начал постепенно смягчать карательную политику, главной целью которой теперь было заручиться поддержкой частью общественности [4, с. 747]. Это было связано с принятием императором решения о создании Государственной думы, то есть с появлением в России в той или иной форме публичной политики, а следовательно, необходимостью создания проправительственных сил в обществе. Дарование университетской автономии можно рассматривать как шаг в этом процессе.

Ожидания Трепова не оправдались. Либеральная профессура поспешила воспользоваться этим указом, хотя и критиковала его. Например, совет профессоров столичного университета подчеркнул в своем постановлении, что воздействие указа 27 августа на систему высшего образования Российской империи возможно только при условии осуществления широких и коренных реформ «на началах политической свободы» [5, с. 223]. Главным же следствием введения автономии и открытия университетов стало то, что высшие учебные заведения стали очагами революционной агитации. Таким образом, основная задача, которую хотел реализовать Трепов, не была выполнена. Университетская автономия привела к росту революционных настроений. Случилось все именно так, как предполагал сам Трепов в начале 1905 г.

Трепов, однако, не вмешивался в университетские дела. Он вел переписку с министром народного просвещения и министром финансов, докладывая им о беспорядках в высших учебных заведениях

[2, с. 25–27, 341, 355]. Генерал-губернатор придерживался идеи Трубецкого, что привлечение полиции приведет к еще большим беспорядкам. Это вызывало критику, особенно со стороны правых общественных деятелей. А.А. Киреев, который еще в начале 1905 г. отзывался о Трепове положительно, осенью писал о нем так: «хваленый своею энергиею и решительностью Трепов на просьбу министра народного просвещения помочь ему, отвечает: «Если Ваши студенты начнут бунтовать на улице, я их усмирю, а если они бунтуют в стенах университета — то это Ваше дело, а не мое! На это у Вас автономия! Однако я у себя в доме — тоже автономия, а если ко мне войдут воры — я позову городского!» [7, с. 91].

В воспоминаниях начальника канцелярии министра внутренних дел Д.Н. Любимова отразились впечатления Трепова о происходящем в столичном университете. Он говорил, что ситуация под контролем, «все там варится в собственном соку», для него университет «неоценимое место для наблюдения за развитием движения». Однако теперь профессора просили у генерал-губернатора помощи в борьбе с беспорядками. «Удивительные люди! То все просили автономии, плакались и жаловались, что полиция вмешивается в их внутренние дела, а когда я предоставил им самим распоряжаться, умоляют о помощи, просят спасти храм науки от осквернения», — говорил Трепов [10, с. 273]. В конечном итоге власти пришлось принять решение о закрытии высших учебных заведений 20 декабря [15, с. 109], а в событиях октябрьской политической стачки студенчество сыграло значительную роль.

Реформу университетской автономии, исходя из намеченных целей, можно считать неудачной. Трепов, как это видно из представленных материалов, искренне поверил уважаемому в обществе представителю образовательной среды, полагая, что, реализовав главное желание профессуры, можно будет заручиться ее поддержкой. Кроме того, мысль о привлечении преподавателей к контролю за порядком в учебных заведениях обсуждалась Треповым вместе с Зубатовым еще до событий 1905 г. и не была для генерал-губернатора новой. Трепов стремился лишить либеральную профессуру основного предлога для антиправительственной критики, что было особенно важно в контексте скорого созыва Государственной думы.

В условиях политического кризиса указ об автономии был расценен как слабость и стал поводом для нового давления на власть. Кроме того, открывшиеся университеты стали очагами общественного движения осенью 1905 г. Сам Трепов на заседании Совета министров 3 но-

ября 1905 г. признавал, что «вся революция хлынула в университеты» [15, с. 37]. Тем не менее реформа Трепова не была формально отменена до 1917 г. После октября 1905 г. университетские советы вынуждены были просить помощи у правительства в борьбе с революционным движением. «Временные правила» имели положительный эффект для правительства, однако их введение в условиях политического кризиса привело к еще большей дестабилизации ситуации.

Список источников и литературы

1. *Богданович А.В.* Три самодержца. Дневники генералыши Богданович. М.: Вече, 2008. — 480 с.
2. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М.: изд. Акад. Наук СССР, 1955. — 778 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 595. Оп. 1. Д. 61.
4. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М: Новое литературное обозрение, 2000. — 808 с.
5. *Иванов А.Е.* Академический курс Д.Ф. Трепова: Указ о «временной университетской автономии» 27 августа 1905 г. // Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина. М.: Институт российской истории РАН, 2021. С. 214–224.
6. *Иванов А.Е.* Университеты в России в 1905 г. // Исторически записки. М., 1971. Т. 88. С. 114–149.
7. *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910. М.: РОССПЭН, 2010. — 471 с.
8. *Козьмин Б.П.* Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л., 1928. — 144 с.
9. *Краснов П.В.* «Оградить учащуюся молодежь от доминирующего влияния на нее злонамеренного меньшинства...»: Записка С.В. Зубатова о студенческом движении рубежа XIX–XX вв. // Отечественные архивы: научно-практический журнал. 2007. № 5. С. 107–114.
10. *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. — 560 с.
11. Об учреждении должности Санкт-Петербургского генерал-губернатора. 11 января 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. Отд. 1. СПб, 1908. С. 24.
12. Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 727. Оп. 2. Д. 43.
13. РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 112.
14. *Ростовцев Е.А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917): дис. ... докт. ист. наук. Т. 2. СПб, 2016. — 517 с.
15. Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Ленинград: Наука, 1990. — 478 с.
16. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2075. Оп. 7. Д. 5.
17. *Яковлев В.П.* Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. С. 157–164.

Почтово-телеграфная служба Вологодской губернии в годы Первой русской революции

Аннотация. В статье впервые на основе анализа архивных источников и воспоминаний участников представлен полный обзор событий, происходивших в почтово-телеграфном ведомстве Вологодской губернии во время Первой русской революции 1905 г. В качестве причин, побудивших служащих к выступлению, автор выделяет несоответствие размера заработной платы с увеличивавшейся нагрузкой на служащих. Учреждения связи Вологодской губернии входили в Архангельский почтово-телеграфный округ и стали единственными в нем, кто своими активными действиями поддержал выступления служащих ведомства в Москве. Скорее всего, основной причиной являлась близость к центральному региону и поддержка коллег из соседней Ярославской губернии. Представленные в статье сведения дополнят уже известные материалы о событиях 1905 г., происходивших на территории Европейского Севера России.

Ключевые слова: почтово-телеграфная служба; Вологодская губерния; Первая русская революция; стачка; 1905 год; Всероссийский почтово-телеграфный союз

Postal and Telegraph service in the Vologda province during the First Russian revolution

Abstract. Based on the analysis of archival sources and the participants' memoirs, the article provides a comprehensive overview of the events that took place in the postal and telegraph department of the Vologda province during the First Russian revolution of 1905. The author highlights the discrepancy between the employees' salaries and the increasing workload as the main reason for their protests. The Vologda province's postal and telegraph institutions were part of the Arkhangelsk postal and telegraph district, and they were the only ones to actively support the protests of the department's employees in Moscow. Most likely, the main reason was the proximity to the central region and the support of colleagues from the neighboring Yaroslavl province. The information presented in this article will complement the already known materials about the events of 1905 that took place in the European North of Russia.

Keywords: postal and telegraph service; Vologda Province; First Russian Revolution; strike; 1905; All-Russian postal and telegraph union

¹ Наталья Андреевна Овчинникова — соискатель кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I; начальник отдела информационно-поисковых систем, Государственный архив Вологодской области (Вологда, Россия); e-mail: baraewa.n@yandex.ru

Natalya A. Ovchinnikova — Candidate of the Department of history, philosophy and socio-political disciplines of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I; head of the Department of Information Retrieval Systems, State Archive of the Vologda Region (Vologda, Russia).

Первая русская революция стала ярким отображением глубоких социально-политических процессов, проходивших в российском обществе. Непосредственное участие в событиях приняли и служащие почтово-телеграфного ведомства, игравшего важную роль в системе коммуникаций. Цель настоящего исследования — рассмотреть влияние событий Первой русской революции на деятельность почтово-телеграфной службы Вологодской губернии, являвшейся важным связующим звеном Европейского Севера России с другими административными единицами империи. Особое внимание следует уделить Всероссийской почтово-телеграфной забастовке, состоявшейся в 1905 г. в Вологодской почтово-телеграфной конторе (далее — ПТК). Региональная специфика исследования дает возможность проанализировать условия трудовой деятельности служащих и уровень их готовности к активным действиям, направленным против органов власти.

Участие работников почтово-телеграфной службы в событиях Первой русской революции впервые вызвало интерес ученых еще в 1920-е гг. [1; 3; 28; 31], и в последующие десятилетия к этому вопросу так или иначе обращались, анализируя влияние партийных органов РСДРП на почтово-телеграфных служащих [29; 30; 34] и изучая требования и формы протеста работников ведомства сквозь призму официальной советской идеологии [32]. При этом публикации, освещающие тему в региональном разрезе, носили описательный характер, не противоречили официальному «революционному» нарративу и служили своего рода подтверждением общих тенденций вызревания революционной ситуации на местах [36; 41–43]. В последние десятилетия интерес к теме не угас, но современные историки акцентируют внимание на предпосылках вступления служащих в стачку и последствиях этого решения [2; 37; 44].

В ходе настоящего исследования привлекались источники из фондов государственных архивов Вологодской и Архангельской областей (далее — ГАВО, ГААО)², а также из Российского государственного исторического архива (далее — РГИА). В их числе циркуляры вышестоящего руководства, докладные записки начальника Вологодской ПТК о ходе событий, прошения служащих, отчеты ПТК, материалы судебного разбирательства и т.д. Важной частью источниковой базы стала периодика: статьи в газетах «Северный край» и «Вологодские губернские ведомости» за 1905 г., «Вологодский справочный листок» за 1911–1912 гг. с заметками, воспроизводящими ход событий стачки почтово-телеграфных

² Вологодская почтово-телеграфная контора входила в состав Архангельского почтово-телеграфного округа.

служащих в Вологде и течение следственного дела над ее участниками. Привлекались воспоминания представителей бастовавших работников, опубликованные в газете «Северная почта» за 1923, 1925 гг. Кроме того, в исследовании использованы воспоминания присяжного поверенного Михаила Львовича Манделыштама, являвшегося защитником одного из активных участников движения в Вологде [35].

К 1905 г. в Вологодской губернии услуги связи предоставляло 41 учреждение почтово-телеграфного ведомства: 9 почтово-телеграфных контор, 10 почтово-телеграфных отделений, 20 почтовых отделений, одно железнодорожное отделение в г. Котласе, одна телефонная контора в г. Вологде. Кроме того, в губернии функционировала сеть земской почты. Отметим, что до 1 апреля 1905 г. почтово-телеграфная служба Вологодской губернии входила в состав Ярославского почтово-телеграфного округа (далее — ПТО), с 1 апреля, накануне описываемых событий, перешла в ведение Архангельского ПТО, куда были включены Архангельская и Олонецкая губернии [9, Л. 1; 16, Л. 4].

Рост потребностей населения в надежной и оперативной связи стимулировал повышение качества предоставляемых услуг учреждениями почтово-телеграфного ведомства, модернизацию коммуникационных устройств, что, естественно, приводило к увеличению нагрузки на сотрудников. В начале XX в. в штаты почтово-телеграфных контор входили начальник, его помощник, надсмотрщики, чиновники, механики, почтальоны (рассыльные), сторожа. Как следует из таблицы 1, в Вологодской губернии с 1904 по 1906 гг. штат ведомства увеличился с 148 до 181 человека (на 22,3%). В то же время число отправок по губернии возросло с 4844 до 7584 (на 56,6%).

Из таблицы 1 видно, в какой степени увеличилась нагрузка на сотрудников ПТК. Самые высокие показатели наблюдаются по Сольвычегодской ПТК (40%), Никольской ПТК (34,2%) и Вологодской ПТК (26,9%). Возрастание нагрузки стало результатом ряда распоряжений вышестоящего руководства, которое систематически увеличивало объемы работ и требования к качеству обслуживания. Циркуляром начальника Ярославского ПТО от 20 ноября 1903 г. предписывалось с 1 января 1904 г. установить доставку из ПТК денежных и ценных пакетов, денежных переводов на сумму до 200 р. на дом по желанию адресатов (получателей) [19, Л. 29]. Циркуляром от 7 апреля 1904 г., в соответствии с личным распоряжением товарища министра внутренних дел П.Н. Дурново и ввиду военных действий на Дальнем Востоке, отпуска чиновникам и нижним служителям (почтальоны, рассыльные, сторожа) были запрещены. Исключение составляли только особые случаи:

болезнь или смерть близких [20, Л. 19]. Циркуляром от 29 мая 1904 г., опять же ввиду военных действий, почтово-телеграфными учреждениями должны были приниматься бесплатные пересылки по почте, простые закрытые письма весом до 2 лот (25,6 г), открытые письма на почтовых бланках без штампа, адресованные в места военных действий на имя чинов действующей армии и флота [15, Л. 51]. Деятельность работников почты велась ежедневно и сменным методом, начинаясь с 6 часов утра и заканчиваясь в 8 часов вечера. Служащие трижды в сутки опустошали почтовые ящики, доставляли письма и посылки дважды в течение дня [12, Л. 1, 1 об.; 14, Л. 1 об., 2; 24, Л. 21 об.; 25, Л. 7].

Таблица 1

**Штат ПТК Вологодской губернии и его средняя загруженность
по отправлению почты в 1904—1906 гг.**

Название учреждения	Количество чиновников		Количество нижних служащих						ВСЕГО служащих		Количество отправленных почт		Средняя нагрузка на одного служащего		Увеличения нагрузки в %
			разносящих корреспонденцию		сопровождающих почту		остальных								
	1904 г.	1906 г.	1904 г.	1906 г.	1904 г.	1906 г.	1904 г.	1906 г.	1904 г.	1906 г.	1904 г.	1906 г.	1904 г.	1906 г.	
Вологодская ПТК	38	76	15	26	5	11	6	7	64	86	1646	2841	26	33	26,9
Великоустюгская ПТК	13	17	4	7	5	6	4	2	26	32	602	864	23	27	14,8
Вельская ПТК	2	3	3	2	—	1	2	1	7	7	315	316	45	45	0
Грязовецкая ПТК	3	4	3	2	1	2	—	1	7	9	672	1464	96	163	41
Кадниковская ПТК	5	5	3	3	—	—	1	1	9	9	619	621	69	69	0
Никольская ПТК	4	4	2	—	1	4	2	1	9	9	205	317	23	35	34,2
Сольвычегодская ПТК	4	4	2	2	—	2	2	1	8	9)	313	586	39	65	40
Тотемская ПТК	5	5	2	7	3	—	1	—	11	12	313	418	28	35	20
Усть-Сысольская ПТК	3	3	3	—	1	5	—	—	7	8	159	157	23	20	0
ИТОГО	77	121	37	49	16	31	18	14	148	181	4844	7584	32	42	23,8

Составлено по: [10; 27].

Несмотря на высокую интенсивность труда, заработная плата оставалась низкой: большую часть сотрудников представляли чиновники 5 и 6 разрядов, получавшие в среднем по губернии 29 руб. 4 коп. в месяц, почтальоны — от 14 до 17 руб., сторожа и рассыльные — от

10 до 12 руб. [13, Л. 1–2, 12–13, 186–187]. Заработная плата, хотя постепенно и увеличивалась, в целом ее рост был незначительным [37, с. 166, 167]. Циркуляром Главного управления почт и телеграфов от 31 декабря 1901 г. служащим ведомства разрешалось получать квартирные деньги. Так, в Вологодской ПТК чиновникам 5 разряда полагалось 72 руб. в год, 6 разряда — от 60 до 72 руб., низшим служащим — 24 руб. [15, Л. 201 об.].

В связи со сложившейся ситуацией среди чинов почтово-телеграфного ведомства вызревало недовольство. В 1905 г. сотрудники почтово-телеграфного ведомства, стремясь защитить свои права и интересы, решили приступить к активным действиям. Возглавила движение московская группа чинов, организовавшая Центральное бюро для выработки проекта устава Всероссийского почтово-телеграфного союза. В конце октября 1905 г. через газету «Вечерняя почта» проект устава был направлен во все учреждения связи, в том числе в Вологодской губернии. Интерес к этому документу проявил ряд чинов Вологодской ПТК и телефонной станции [4]. Во время первого собрания инициативная группа решила создать Вологодское отделение Всероссийского почтово-телеграфного союза. Председателем был избран чиновник ПТК 3 разряда К.А. Чулков, секретарем — чиновник ПТК 6 разряда Н.П. Дмитриев. По этому поводу в газете «Вечерняя почта» опубликовали телеграмму: «Чины вологодской конторы присоединяются к Всероссийскому союзу почтово-телеграфных служащих, шлют ему свои полномочия и благодарность за почин и инициативу». В ответ была получена телеграмма от Центрального бюро: «Чулкову. Поздравляем с образованием. Ждем делегатов. Центральное Бюро» [11, Л. 4].

На создание Всероссийского почтово-телеграфного союза последовала реакция Главного управления почт и телеграфов. Циркуляр от 31 октября запрещал почтово-телеграфным служащим как сотрудникам государственных учреждений, дававшим присягу, образовывать союзы. В ответ Центральное бюро направило председателю Совета министров С.Ю. Витте телеграмму с протестом и требованием отстранить начальника Главного управления М.П. Севастьянова от должности, и продолжило проводить собрания.

Датой первого Всероссийского съезда служащих почтово-телеграфного ведомства было назначено 15 ноября. 2 ноября 1905 г. в доме служащего ВПТК К.Н. Шутова состоялось общее собрание членов, на котором обсуждались и решались следующие вопросы: доклад Чулкова на съезд в Москву, требования Вологодского отделения союза, выборы членов постоянного комитета Вологодского отделения [11, Л. 4].

Чулков прибыл на съезд в Москву в качестве делегата. На первом заседании, состоявшемся 15 ноября в здании Политехнического музея, было принято решение о начале забастовки до того момента, пока уволенных от службы организаторов съезда руководство не восстановит на прежних должностях. Основные требования собравшихся сводились к увеличению жалования и квартирных денег, сокращению рабочего времени (чиновникам до 6 часов, почтальонам и рассыльным — до 8), оплате ночного труда и выхода в праздничные дни, предоставлению ежегодных 30-дневных отпусков, полной пенсии после 25 лет службы и т.д. Составленную съездом телеграмму о начале забастовки в этот же день разослали по учреждениям связи: в 7 часов вечера ее получили в Вологодской ПТК. Отметим, что на съезде не было делегатов от Архангельского ПТО; телеграммами в поддержку собравшихся отозвались Великоустюгская и Тотемская ПТК [6; 31, с. 27; 38, Л. 1].

Как следует из донесения начальника Вологодской ПТК начальнику Архангельского округа, 15 ноября около 16 часов в учреждение явились А.И. Пантелеев и А.Н. Ильинская, в 18 часов сотрудники Ярославской ПТК телеграфировали о прекращении работы. Служащие ВПТК отказались выполнять трудовые функции и не реагировали на требования руководства, а также угрожали расправой сотрудникам, которые в этот момент раскладывали почтовые отправления на первом этаже. По свидетельствам руководителя ПТК, в последующие дни Пантелеев вместе с другими чинами ежедневно приходил в учреждение, позволял себе петь «Марсельезу», на требования прекратить пение отвечал оскорблениями и угрозами. Начальник ПТК также сообщал в Архангельск, что из-за отсутствия в Вологде воинских частей и присутствия только двух полицейских чинов для охраны кладовой он не имел возможности принять меры для прекращения забастовки служащих, заручившихся поддержкой со стороны железнодорожных рабочих [17, Л. 2—4 об.; 38, Л. 19, 25—26].

22 ноября 1905 г. министр внутренних дел приказал уволить всех сотрудников, примкнувших к союзу. В Вологодской ПТК было сокращено 45 чел. В сложившейся ситуации для отправки телеграфных депеш на участке Вологда — Архангельск использовалось только железнодорожное отделение. Начальник Архангельского ПТО лично вызвался приехать в Вологду для прекращения забастовки, но руководитель округа недолго пробыл в Вологодской губернии и достаточно быстро вернулся в Архангельск, доехав только до станции Сухона. Причиной послужили начавшиеся волнения среди работников Архангельской ПТК. Кроме того, поступило сообщение от начальника Кад-

никовской ПТК о том, что кто-то из чинов Вологодской ПТК угрожает убийством начальнику округа [5, с. 17, 18; 33, с. 17; 38, Л. 27–30].

Общее собрание почтово-телеграфных служащих состоялось в Вологде 27 ноября. На собрании было принято решение о продолжении забастовки: «Мы, почтово-телеграфные служащие города Вологды, на общем собрании 27 ноября 1905 года единогласно решили: продолжать начатую нами с 15 ноября забастовку до дня ее прекращения по объявлению нашего делегатского съезда и центрального бюро; всеми зависящими от нас мерами и средствами противиться приглашению новых служащих на место уволенных наших сотоварищей, а также всячески протестовать против увольнения со службы кого-либо из нашей среды по поводу настоящей забастовки. И вообще не обращать внимания ни на какие угрозы и репрессии по отношению к стачечникам со стороны нашего начальства, местного и центрального» [39]. После окончания собрания большая часть служащих встретилась с железнодорожными рабочими, организовав общий митинг. 28 ноября вологодские железнодорожники направили телеграммы на имя товарища министра внутренних дел П.Н. Дурново и начальника Главного управления М.П. Севастьянова с копиями председателю Совета министров С.Ю. Витте, Всероссийским почтово-телеграфному и железнодорожному союзам о поддержке служащих ПТК и просьбой присоединиться к их акции другим железнодорожным рабочим.

В газете «Северный край» от 3 декабря 1905 г. сообщалось, что вся почта увезена в казначейство, в городе проходит сбор подписей в пользу бастующих почтово-телеграфных служащих, на днях предполагается благотворительный спектакль, преследующий ту же цель. Отмечалось, что подобные события не приходилось наблюдать ни в одну из предшествующих забастовок, «всеобщее негодование и презрение вызвало здесь известие о работающих в столичных почтамтах добровольцах» [40].

5 декабря на собрании бастующих Чулков сообщил о действиях полиции по предупреждению забастовки в Москве. Однако председательство взял присяжный поверенный дворянин В.Ф. Макеев, который настоял на том, чтобы местные члены союза выразили недоверие вернувшемуся из Москвы Чулкову, советовавшему прекратить стачку. Макеев обещал предоставить свою квартиру для собрания членов союза и оказать бастующим материальную поддержку и передал определенную сумму денег для раздачи в качестве пособия участникам Вологодского отделения союза [11, Л. 8 об.; 33, с. 18, 19]. Несмотря на это, часть служащих Вологодской ПТК, оставаясь без жалования, высказывалась за прекращение забастовки.

5 декабря вологодский губернатор А.А. Лодыженский в телеграмме министру внутренних дел докладывал, что служащие ПТК желают приступить к исполнению своих обязанностей. Заменить их было нечем, а корреспонденции скопилось огромное количество. Но в ответ министр внутренних дел потребовал, чтобы всех служащих почтово-телеграфного ведомства, поддерживающих деятельность союза, увольняли без прошений. Местное начальство было уполномочено решать, кто из подчиненных по слабохарактерности согласился на уговоры подстрекателей, а кто являлся непосредственным активным участником забастовки. Лица, непричастные к союзу, имели возможность вновь приступить к работе с получением жалования за вычетом пропущенных дней. Главных зачинщиков следовало отдать под суд [38, Л. 35].

В то же время в Москве 7 декабря началась Всеобщая стачка рабочих. В результате активных действий были повреждены телеграфные столбы, почтовые ящики, фургоны и т.д., т.е. связь между учреждениями была нарушена. Власть все больше опасалась, что теряет контроль над ситуацией. Между тем служащие Вологодской ПТК приступили к исполнению обязанностей 8 декабря: под охраной полиции к работе были допущены 27 чиновников, 22 почтальона, 9 сторожей и рассыльных. С 9 по 13 декабря работа конторы то продолжалась, то прекращалась под давлением бастующих железнодорожников Вологды. Вся деятельность учреждений связи окончательно нормализовалась только 14 декабря, а 15 декабря почтово-телеграфные служащие и участники Всероссийского почтово-телеграфного союза приняли решение прекратить забастовку и приступить к восстановительным работам [31, с. 63–65; 36, с. 8].

После завершения стачки началось продолжительное расследование. Суд над участниками Вологодского отделения союза состоялся лишь 28–29 января 1911 г. К следствию по обвинению в принадлежности к почтово-телеграфному союзу привлекли 15 человек, опросили 46 свидетелей (в суд явилось 36 человек, из них 24 свидетеля обвинения и 12 защиты). На скамье подсудимых оказалось 14 служащих.

Для защиты подсудимых пригласили шесть адвокатов (присяжных поверенных): М.Л. Мандельштама, Н.В. Сигорского, А.А. Александрова, Б.В. Троицкого, А.М. Виноградова, С.И. Тихановского. Мандельштам оставил воспоминания об этом судебном деле: «Мне пришлось защищать не только процесс Центрального бюро почтово-телеграфного союза, но и местные процессы в провинции. Всегда я встречал снисходительное отношение к забастовщикам из среды служащих и беспощадное к посторонним “агитаторам”, как бы мимолетна, случайна и незначительна ни была роль последних. Так, в Вологде

Московская палата, под влиянием черносотенного судьи Шадурского, осудила присяжного поверенного Макеева за несколько слов, сказанных случайно на каком-то собрании почтово-телеграфных служащих. Палата назначила этому эпизодическому лицу, не связанному ни с забастовкой, ни с союзом, такое же наказание, какое в Москве военный суд дал для главного обвиняемого, председателя Центрального бюро союза» [35, с. 275–277].

29 января 1911 г. суд вынес приговор, в соответствии с которым восемь человек оправдали, Чулкова приговорили к одному месяцу, А.В. Караянова – к трем месяцам, В.Ф. Макеева – к двум годам заключения в крепости, еще троих – к шести месяцам заключения в тюрьме [6–8; 11, Л. 52–53; 45]. Несогласные с приговором подали кассационную жалобу, которую суд рассмотрел 20 сентября 1912 г. и значительно смягчил меры наказания, сократив сроки пребывания в заключении [11, Л. 92, 106, 111, 111 об., 115].

Реакцией правительства на события 1905 г. стал целый ряд распоряжений. Так, усложнялась процедура приема на работу: с 1906 г. требовались фотокарточки и подписка об отказе от участия в политических союзах. В циркуляре начальника Архангельского ПТО от 9 января 1909 г. сообщалось, что новый сотрудник на должности почтальона должен быть грамотным, исполнительным, опрятным, не злоупотребляющим алкогольными напитками. Был ужесточен надзор за служащими [23, Л. 6]. Правительство приняло меры, направленные на усиление безопасности ПТК [17, Л. 336, 336 об., 341; 21, Л. 44; 22, Л. 38, 38 об., 49; 26, Л. 31–32]. Однако значительных изменений в реальном положении почтово-телеграфных служащих практически не произошло [18, Л. 229].

Итак, протест вологодских почтово-телеграфных служащих в 1905 г., несомненно, оказал влияние на общественное мнение и вызвал определенный резонанс в обществе. Значимым является то обстоятельство, что из всех учреждений связи Архангельского почтово-телеграфного округа активно выступили против правительства только сотрудники Вологодской губернии. Определенную роль в этом сыграла близость к столице – эпицентру революционных событий, и поддержка коллег из Ярославской почтово-телеграфной конторы. Несомненно, активное выступление привлекло внимание к проблемам почтово-телеграфного ведомства, но успешными результаты протеста считать нельзя. Значимых изменений в положении работников ведомства и условиях их труда добиться не удалось. Основная масса служащих продолжала испытывать чрезмерную рабочую нагрузку при недостаточной оплате труда и отсутствии социальных гарантий.

Список источников и литературы

1. Антошкин Д. В. Очерк движения служащих в России (со второй половины XIX века). М.: [4-я тип. МСНХ], 1921. — 104 с.
2. Бажитова Л. И. Из истории создания почтово-телеграфного Союза (1905—1917 гг.) (по материалам документальных фондов ЦМС им. А. С. Попова) // Связь в революциях. Революции в связи: материалы Десятых научных чтений памяти А. С. Попова, посвященных Дню радио — празднику работников всех отраслей связи. СПб.: ЦМС им. А. С. Попова, 2017. С. 28—37.
3. Базилевич К. В. Очерки по истории профессионального движения работников связи: 1905—1906. М.: ЦК Союза связи, 1925. — 728 с.
4. Биографические справки о ряде участников // Северная почта. 1925. № 11. С. 24—25.
5. Вологодские губернские ведомости. 1905. № 51.
6. Вологодский справочный листок. 1911. 1 февр. (№ 194). С. 3.
7. Вологодский справочный листок. 1911. 4 февр. (№ 195). С. 4.
8. Вологодский справочный листок. 1911. 6 февр. (№ 196). С. 3.
9. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 667.
10. ГААО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1064.
11. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 180. Оп. 15. Д. 932.
12. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 78.
14. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 81.
15. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 113.
16. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 115.
17. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 119.
18. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 121.
19. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 606.
20. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 607.
21. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626.
22. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 63.
23. ГАВО. Ф. 400. Оп. 4. Д. 22.
24. ГАВО. Ф. 400. Оп. 5. Д. 27.
25. ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 1.
26. ГАВО. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1840.
27. Государственный архив Ярославской области (ГЯАО). Ф. 573. Оп. 1. Д. 284.
28. Гудван А. М. Очерки по истории движения служащих в России. М.: ЦК ССТС, 1925. — 248 с.
29. Ерман Л. К. Всероссийская почтово-телеграфная стачка 1905 г. // Исторические записки. Т. 53. М.: изд-во АН СССР, 1955. С. 110—143.
30. Ерман Л. К. Участие демократической интеллигенции во Всероссийской октябрьской политической стачке // Исторические записки. Т. 49. М.: изд-во АН СССР, 1954. С. 352—390.
31. Иванов В. Накануне суда (по делу о почтово-телеграфной забастовке 1905 г.). М.: Мосполиграф-10-я тип., «Заря Коммунизма». 1923. — 70 с.
32. Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Всероссийская почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 г. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 51—66.
33. Почтово-телеграфная забастовка 1905 г. в г. Вологде. Из воспоминаний Н. П. Дмитриева // Северная почта. 1925. № 11. С. 14—19.
34. Лебедев В. Н. Участие работников связи в революционном движении России. М.: Связь, 1967. — 80 с.
35. Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах: записки Защитника. М.: изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. — 392 с.

36. Моденов Н. 1905 год (о забастовочном движении в бывшем Архангельском почтово-телеграфном округе // Северная почта. 1925. № 11. С. 4–10.

37. Овчинникова Н.А. Развитие почтово-телеграфной службы в Вологодской губернии в начале XX в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. статей Межд. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых. М.: ИРИ РАН, 2022. С. 161–170.

38. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 8. Д. 62.

39. Северный край. 1905. 2 декабря (№ 286). С. 3.

40. Северный край. 1905. 3 декабря (№ 287). С. 2.

41. Скворцов П. К истории Союза. Забастовка 1905 г. // Северная почта. 1923. № 7. С. 17–20.

42. Скворцов П. К истории Союза. Забастовка 1905 г. // Северная почта. 1923. № 8. С. 16–20.

43. Скворцов П. К истории Союза. Забастовка 1905 г. // Северная почта. 1923. № 9. С. 16–20.

44. Тихонравова З.Б. Участие почтово-телеграфных служащих в забастовке 1905 года: преступление или личная трагедия? // Связь в революциях. Революции в связи: материалы Десятых научных чтений памяти А.С. Попова, посвященных Дню радио – празднику работников всех отраслей связи. СПб.: ЦМС им. А.С. Попова, 2017. С. 15–28.

45. Шебалков С.В. Организационное устройство мест заключения и система тюремного управления в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Молодой ученый. 2013. № 10(57). С. 456–460.

Протестные настроения крестьянства Псковской губернии в годы Первой российской революции 1905–1907 гг.

Аннотация. В статье исследуется проблема протестных настроений крестьян Псковской губернии в 1905–1907 гг. Крестьянство составляло большинство населения в России и Псковской губернии того периода. От политической позиции крестьян зависел будущий путь развития страны. Крестьяне активно писали жалобы на власть. Псковская губерния была охвачена акциями неповиновения крестьян. Пик протестной активности крестьян Псковской губернии пришелся на 1906 г. Данный факт усматривается как из динамики подачи жалоб, так и антиправительственной активности крестьян. В отличие от крестьян в более экономически развитых губерниях, крестьяне Псковской губернии не стремились установить собственную власть, борясь за свои экономические интересы. Протестные настроения псковских крестьян в 1905–1906 гг. выразились на качественно новом уровне для спокойной ранее Псковской губернии – на уровне крестьянского движения. 1907 стал годом резкого спада протестной активности и умиротворением протестных настроений.

Ключевые слова: крестьянство; протест; протестные настроения; крестьянское движение; первая российская революция

Protest sentiments of the peasants of the Pskov province during the Russian revolution of 1905–1907

Abstract. The article studies the problem of protest sentiments of the peasants of the Pskov province in 1905–1907. The peasantry constituted the majority of the population in Russian Empire and the Pskov province in 1905–1907. The future development of the country depended on the political position of the peasants. Peasants actively wrote complaints to the authorities. Pskov province was engulfed with acts of peasant disobedience. The peak of protest activity of the peasants of the Pskov province occurred in 1906. This fact is evident both from the dynamics of peasant's complaints and their anti-government activity. The peasants did not seek to establish their own power and fought for economic interests unlike some more economically developed provinces. The protest sentiments of the Pskov peasants in the period of revolution 1905–1906 were expressed by the peasant movement. 1907 became a year of sharp decline in protest activity and pacification of protest sentiments.

Keywords: Peasantry; Protest; Protest sentiments; Peasant movement; Russian revolution of 1905

Проблема исследования протестных настроений общественного большинства в годы революционных событий 1905–1907 гг. не теряет актуальности как ввиду 120-летия первой российской революции, так и по причине противоречивого (социально, экономически и геополитически) качества современного момента.

¹ **Виталий Николаевич Фролов** – аспирант, Псковский Государственный университет (Псков, Россия); e-mail: frolo.vitalij2012@gmail.com
Vitaly N. Frolov – postgraduate student, Pskov State University (Pskov, Russia).

В годы революции 1905–1907 гг. протестными настроениями были охвачены многие города и деревни: в городах организовывались стачки и баррикады, а в деревне оформлялось крестьянское движение. Поскольку крестьянство являлось самой многочисленной частью населения страны, его позиция определяла будущее революционной борьбы города за демократизацию общественной жизни. Псковская губерния до 1905 г. имела репутацию спокойной. Как красноречиво отмечалось в переписке псковского губернатора за 1902–1904 гг., одиночные выступления не переходили в большинстве случаев «за пределы дерзких, оскорбительных выходов» [3, Л. 22]. Главной проблемой в Псковской губернии было малоземелье. Во владении некрестьянского меньшинства, составлявшего около $\frac{1}{10}$ населения, находилось примерно $\frac{7}{10}$ всей пахотной земли губернии; $\frac{9}{10}$ населения, крестьянского большинства губернии, располагалось около $\frac{3}{10}$ пахотной земли [24, с. 227]. Первая российская революция привела к всплеску массовой протестной активности псковских крестьян.

Целью настоящего исследования является анализ протестных настроений крестьян Псковской губернии в годы первой российской революции 1905–1907 гг.

Протестные настроения понимаются как вид политических общественных настроений, характерных для конкретной исторической эпохи и проявляющихся в оппозиции определенной социальной группы господствующим нормам и ценностям. Проанализировать протестные настроения крестьян представляется возможным по формам их выражения: ненасильственным и насильственным протестным действиям, зафиксированным в исторических источниках.

Источниковую базу исследования составили документы 348 архивных дел из фондов Государственного архива Псковской области (ГАПО): фонда 20 «Канцелярия псковского губернатора», фонда 30 «Псковской уездной по делам о выборах в Государственную Думу комиссии», фонда 78 «Псковское губернское присутствие», фонда 92 «Прокурор окружного суда», фонда 108 «Псковского уездного съезда и земского начальника», фонда 142 «Судебный следователь 2-го участка г. Пскова». Фонды содержат большой массив информации по крестьянским протестным настроениям.

Данные источники представляют собой делопроизводственные документы. Фонд 20 «Канцелярия Псковского губернатора» хранит большую часть информации об активных противоправных действиях крестьян: митинги, волнения, захваты земли и т.д. Фонд 78 Псковского губернского присутствия содержит крестьянские жалобы на власть,

т.е. законные формы выражения протестных настроений. Жалобы несут информацию о настроениях крестьян, так как они содержат живое слово крестьянина и его отношение к происходившим несправедливостям. В фондах 92, 108, 142 также есть информация как о жалобах крестьян, так и об их деятельности, считавшейся преступной в Российской империи: распространение антиправительственных слухов и листовок, брань на царя или других представителей власти и церкви.

Историография событий в деревне 1905–1907 гг. в Псковской губернии в основном представлена советскими работами. Среди них статьи Г.Р. Рафельсона [22; 23], Ю. Мудрова [18; 19], Г. Дейча [14], Н. Поповой [21], Г. Демидовой [15]. Довольно подробно тема крестьянского движения в годы революций была развернута в ряде статей в газетах «Псковская правда», «Молодой ленинец», авторами которых выступили как упомянутые выше исследователи, так и, например, А. Морозов [17]. Статьи и газетные публикации ученых-марксистов освещали только события активного насильственного крестьянского протеста, сосредотачиваясь сугубо на социальном движении, обходя тематику ненасильственных форм выражения протестных настроений (жалоб на суды, уездные съезды, должностных лиц). Протестные настроения, таким образом, были освещены не полностью.

Ненасильственной стороне крестьянских протестных настроений Псковской губернии 1905–1907 гг. уделено недостаточно внимания и сегодня. Работы Л.В. Алиевой [1] и Н.П. Никитиной [20] касаются ненасильственных форм выражения протестных настроений в контексте малоземелья или реакции на столыпинские реформы, однако объектом их исследований был институт крестьянской общины. Ни советские, ни современные историки не использовали категорию протестных настроений для анализа крестьянского сознания. Таким образом, в историографии тема протестных настроений крестьян 1905–1907 гг. не нашла полного отражения.

Для анализа ненасильственных протестных настроений крестьян потребовался самый многочисленный источник — крестьянская жалоба. Жалобы, где крестьяне открыто выражали субъективное негодование против сложившихся порядков, категоризованы как «протестные». Всего в архивах ГАПО по указанному периоду было обнаружено 409 жалоб: 1905 г. — 108 (и 19 «протестных»), 1906 г. — 149 (и 22 «протестных»), 1907 г. — 106 (и 5 «протестных») [Приложения 2–4]. Жалобы были поданы на власти Псковской губернии (волостных старшин, волостные суды, земских начальников, уездные съезды). Из них было оставлено «без последствий» 238 жалоб, т.е. 58%. Без рассмотрения

осталось 11 жалоб, т.е. 3%. 61% оставленных без движения жалоб являются минимальным значением, так как часть дел утратили решения по жалобам (47 жалоб, 12%), таким образом, отказов могло быть больше 61%. Жалоб «протестных» за период революции насчитывается 46, что составляет примерно 11% от общего числа жалоб. Факт отказов в большинстве обращений не мог не стать источником усиления недовольства работой местных органов власти, т.е. источником радикализации протестных настроений в крестьянской среде.

Жалобы содержат живое слово крестьян. Иногда текст несет в себе возмущение действиями власти или своим положением. Например, в своей жалобе на уездный съезд и волостной суд (июнь 1905 г.) крестьянин деревни Лысачи (Хворостовская волость, Торопецкий уезд) возмущенно написал губернатору: «Где же можно достигнуть правосудия?» [8, Л. 1]. Суд — «неправильно» посудил, уездный съезд — не рассмотрел апелляционную жалобу. Решение по делу утрачено.

В жалобе, поданной в мае 1905 г., описываются беспорядки в Вышегородской волости (Островский уезд) при раздаче ссуд. Крестьяне писали следующее: «При раздаче земский Беклешов затеял драку и вызвал на бунт. Прибил нами уважаемого крестьянина, который ранен на войне, проливал кровь за Отечество, царя и веру. Прибил до крови. Одним словом, учинил кровопролитие... ни от куда заступки и покровительства, ни от ответственных властей, ни от губернских и самого губернатора. Мы всецело предоставлены воле судьбы и произвола тиранов и грабителей. По этому земно Вам кланяемся и приэтом Богом просим Вас — заступиться за нас обиженных в горе и в отчаянии не знаем ни чего делать, как только к Вам обратиться за защитой. Просим назначить самое строгое следствие по этому делу» (орфография источника сохранена. — *В.Ф.*) [9, Л. 3—3а]. Земский начальник объяснял дело так: «Зная отношение крестьян ко мне я могу с уверенностью сказать, что она подана не от них. Самый слог и проглядывающая грамотность в правописании заставляет думать, что жалоба написана лицом интеллигентным» [9, Л. 8].

В прошении губернатору в январе 1906 г. крестьяне деревни Горончарово (Сорокинская волость, Порховский уезд) жаловались на тяжесть аренды у помещицы: «эта аренда привела нас в нищету...»; и выражали намерение выкупить эту землю. Более того, они попросили воспретить помещице продавать близлежащий лес до покупки ими земли — и это место в тексте было выделено карандашом и поставлен вопросительный знак. Решение по жалобе не сохранилось [10, Л. 3].

В августе 1907 г. на уездный съезд была подана жалоба в деревне Бемицы (Пикалихинская волость, Псковский уезд): съезд утвердил «неправильное» решение волостного суда и обязал крестьянина снести гумно. Крестьянин писал: «Крайне обидно — и весьма возмутительно» [11, Л. 2]. По его словам, имела место коррупционная связь с волостным судьей на почве родства. Присутствие оставило жалобу без последствий, так как кассационных поводов для отмены не было.

Крестьяне не понимали разницы между кассационным и апелляционным порядком обжалования решений. Никаких рычагов для пересмотра решения уездного съезда или земского начальника апелляционно (т.е. пересмотра фактического содержания тяжбы и степени ее доказанности) не существовало. Губернское присутствие занималось проверкой соблюдения формальности при рассмотрении уездным съездом дела, т.е. был или не был соблюден уездным съездом законный порядок рассмотрения дела. Правительствующий сенат и МВД наблюдали за законностью решений губернских присутствий и также не могли пересмотреть или отправить на пересмотр решения уездного съезда, если не было нарушений формального порядка. Все жалобы крестьян, которые были «оставлены без последствий» Псковским губернским присутствием, были отклонены ввиду обращения крестьян по внутреннему, фактическому содержанию производства и отсутствия каких-либо нарушений законности со стороны уездного съезда или земского начальника. Оценка решений уездных съездов и земских начальников была поставлена в зависимость исключительно от соблюдения ими формальности производства, но не от качества анализа ими доказательств, представленных сторонами.

Среди ненасильственных, но нелегальных форм протестных настроений стоит выделить оскорбления представителей власти и царской фамилии. В августе 1907 г. крестьянин деревни Забы (Толковская волость, Островский уезд) Дмитрий Петров оскорбил царя, сказав о генерале Брянчанове: «Он черносотенец и такой же кровопийца, как государь. Его надо убить вместе с государем, который разорил Россию и отправил за границу три вагона золота для приданого своим дочерям» [13, Л. 3].

Насильственные формы выражения протестных настроений крестьян Псковской губернии в годы первой российской революции также были распространены. За первый год революции в Псковской губернии было отмечено 50 различных акций неповиновения, для подавления которых власть прибегала к использованию армии [4, Л. 1–18, 94, 117–134].

Несмотря на отсутствие выраженного антиклерикального движения в Псковской губернии, местами церковь становилась объектом выражения протестных настроений. Крестьян не устраивало наличие у церкви пахотной земли, а также денежный аспект отношений (платные церковные услуги, денежные сборы). Так, 27 ноября 1905 г. крестьяне Вышгородской волости (Островский уезд) явились в местную церковь. Волостной староста с амвона выступил за организацию самоуправления на месте: «Мы насильно отменим все церковные деньги, книги и все имущество, начальства нам никакого не нужно, мы сами будем управлять церковью, сами выберем церковного старосту без всякого составления архиерея» [12, Л. 2]. Далее крестьяне составили приговор² с требованиями, о которых писавший заявление причт знал «по слухам»: 1) передача земли крестьянам, по 10 десятин на душу; для этого отобрать все казенные, кабинетские, церковные и частновладельческие земли; 2) запрет порубки леса до апреля, так как он должен быть общественным; 3) уничтожить земские и полицейские власти; 4) уничтожить тюрьмы и крепости и заменить их... (далее неразборчиво. — *В.Ф.*); 5) ограничить власть министерств; 6) скорее привести в исполнение манифест от 17 октября и созвать Государственную думу на основании всенародного равного и тайного голосования; 7) запрет духовенству совершать сборы и брать требы, введение жалования духовенству; 8) допуск всех крестьянских детей в учебные заведения бесплатно; 9) уравнивание прав всех сословий [3, Л. 4]. Если предположить, что составленные «по слухам» требования сфальсифицированы и причт самостоятельно составил их, то это означало бы, что подобные требования были, с одной стороны, в высшей степени нежелательны для власти, а с другой — ожидалась ею от антиправительственно настроенных крестьян. Стоит обратить внимание на то, что большая часть требований не имела отношения к церкви, а выражала вообще требования крестьян к власти.

В 1906 г. в губернии прошло более 70 акций выражения протестных настроений. Крестьяне жгли усадьбы, захватывали землю, рубили помещичий лес.

Помимо этого, 16 июля в погосте Чирский Псковского уезда произошло выступление примерно двухсот крестьян. Губернатор А.В. Адлерберг убедился во всей серьезности положения: крестьяне

² Крестьянский приговор — документ, фиксировавший решения крестьянской общины или требования ее к власти.

попытались организовать засаду на губернатора, однако толпа была рассеяна конным разъездом [5].

В 1907 г. в источниках впервые описывается расстрел крестьянского митинга. Убиты: крестьянин Ануфрий Артемьев и две крестьянки Анна Семенова и Аксинья Константинова. Ранены: крестьяне Нефёд Михайлов, Нил Семенов, Осип Кузьмин, Исая Михайлов и Мавра Федорова [6, Л. 10–13]. В 1907 г. положение в Псковской губернии быстро стабилизировалось и вести о роспуске II Государственной Думы, будоражившие местную городскую общественность, интереса у псковских крестьян не вызвали [7, Л. 1].

Всего период первой российской революции 1905–1907 гг. насчитывает более 120 акций насильственного протеста [2, с. 140–141], однако подавляющая их часть пришлось на период 1905–1906 гг.

Крестьяне Псковской губернии были настроены умеренно и не стремились захватить политическую власть. Пик беспорядков в Псковской губернии пришелся на 1906 г. [2, с. 140], как и на далеких от центра территориях [16, с. 199]. Источником радикализации протестных настроений крестьян Псковской губернии было малоземелье и несправедливый суд по земельным вопросам, решения которого можно было пересмотреть только в случае нарушения им формальной процедуры, но не при плохом качестве анализа доказательной базы сторон. Большое количество отдельных выступлений крестьян 1905–1906 гг., их массовый характер, единство методов воздействия на власть в разных регионах Псковской губернии, выражение сходных интересов, выдвижение программных установок, широкие хронологические рамки с сохранением интенсивности выступлений (с 1905 по 1906 г.) позволяет определить возникновение качественно новой для Псковской губернии формы выражения протестных настроений крестьян – крестьянского движения. В 1907 г. сохранилась интенсивность подачи жалоб, однако широкой протестной активности и массовых протестных настроений крестьян Псковской губернии выявить не удалось.

Список источников и литературы

1. Алиева Л.В. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России: 1906–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Псков, 2004. – 314 с.
2. Алиева Л.В., Фролов В.Н. Динамика крестьянских выступлений в Псковской губернии в период Крестьянской революции // Клио. 2024. № 1(205). С. 137–144.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2688.

4. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2768.
5. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2771.
6. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2793.
7. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2797.
8. ГАПО. Ф. 78. Оп. 5. 1905. Д. 17.
9. ГАПО. Ф. 78. Оп. 5. 1905. Д. 250.
10. ГАПО. Ф. 78. Оп. 5. 1906. Д. 43.
11. ГАПО. Ф. 78. Оп. 6. Д. 307.
12. ГАПО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 179.
13. ГАПО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 210.
14. *Дейч Г.М.* Крестьянское движение в Псковской губернии в 1905–1907 гг. // Псковская правда. 1956. 3 февраля.
15. *Демидова Г.С.* Революционное движение в Псковской губернии в 1905–1907 годах // Псковский край в истории СССР. Очерки истории. Л. 1970. С. 161–175.
16. *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции // Северо-запад в аграрной истории России. 2020. № 26. С. 195–212.
17. *Морозов А.* Генеральная репетиция Октября: к 75-летию первой русской революции // Псковская правда. 1980. 22 января.
18. *Мудров Ю.* В годы первой русской революции // Молодой ленинец. 1975. 13 ноября.
19. *Мудров Ю.* Первая революция в нашем крае // За урожай. 1968. 20 января.
20. *Никитина Н.П.* Крестьянская поземельная община Северо-Запада России, 1861–1906 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Псков, 1999. — 254 с.
21. *Попова Н.* Из искры возгорелось пламя: (к 80-летию первой русской революции 1905–1907 гг.) // Молодой ленинец. 1985. 22 января.
22. *Рафельсон Г.Р.* Только факты // Молодой ленинец. 1975. 16 октября.
23. *Рафельсон Г.Р.* Волнения крестьян губернии // Псковская правда. 1976. 16 сентября.
24. Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. — 565 с.

Наблюдательный пункт дополнительного штата Калужского губернского жандармского управления в Жиздринском уезде накануне Первой мировой войны

Аннотация. Статья анализирует оперативную деятельность Жиздринского жандармского пункта в 1913 г., акцентируя внимание на регулярных выездах сотрудников для проведения негласной разведки по делам о государственном преступлении. Исследование основано на архивных документах, которые свидетельствуют о систематическом контроле за рабочим движением и выявлении потенциально неблагонадежных элементов в обществе. Основное внимание уделяется географии выездов, их плановому характеру и стабильности оперативной обстановки в регионе. В статье рассматриваются также методы работы жандармов, их взаимодействие с вышестоящим руководством и другими государственными структурами. Анализ показывает, что жандармский пункт активно использовал разведывательные мероприятия для предотвращения возможных угроз государственному порядку. Результаты исследования подчеркивают важность оперативной деятельности жандармов в контексте политической ситуации начала XX в., а также их роль в поддержании общественной безопасности и контроля над социальными процессами. Статья представляет интерес для историков, исследующих вопросы государственной безопасности и правоохранительной системы Российской империи.

Ключевые слова: Жиздринский жандармский пункт; негласная разведка; рабочее движение; антиправительственная деятельность; оперативный контроль; предреволюционная ситуация

The observation post of the additional staff of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department in Zhizdrinsky Uyezd on the eve of the First World War

Abstract. The article analyzes the operational activities of the Zhizdrinsky Gendarmerie Station in 1913, focusing on the regular visits of its officers to conduct covert intelligence operations in cases of state crime. The research is based on archival documents that provide evidence of the systematic monitoring of labor movements and the identification of potentially unreliable elements of the society. The article focuses on the geography of the visits, their planned nature, and the stability of the operational situation in the region. It also examines the methods used by the gendarmes, their interactions with higher authorities, and other government agencies. The analysis reveals that the gendarmerie actively employed intelligence activities to prevent potential threats to public order. The results of the study highlight the importance of the gendarmes' operational activities in the context of the political situation of the early 20th century, as well as their role in maintaining public safety and controlling social processes. This article is of interest

¹ **Александр Евгеньевич Власов** – старший преподаватель, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия); e-mail: alexvlasov90@yandex.ru
Alexander E. Vlasov – Senior Lecturer, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia).

to historians studying the issues of state security and the law enforcement system in the Russian Empire.

Keywords: Zhizdrinsky Gendarmerie Station; covert intelligence; labor movement; anti-government activities; operational control; pre-revolutionary situation

Реформа института политического сыска, инициированная образованием жандармских управлений в каждой губернии Российской империи после покушения Д.В. Каракозова в апреле 1866 г., оказала значительное влияние на Калужскую губернию. Изменения затронули не только высший офицерский состав калужской жандармерии, но и нижние чины. В соответствии с Высочайшим повелением «О переименовании чинов наблюдательного состава Корпуса жандармов» от 28 августа 1870 г., чины наблюдательного состава Калужского губернского жандармского управления (далее — КГЖУ) были переименованы в дополнительный штат. Основной задачей этих чинов стал сбор информации об идеологическом настроении подданных империи [1]. Анализ численности и направленности деятельности жандармских унтер-офицеров дополнительного штата калужской жандармерии осложняется отсутствием архивных документов в Государственном архиве Калужской области (далее — ГАКО) за 1860—1870-е гг. Частично ответ на данный вопрос можно найти в «Памятных книжках» Калужской губернии, а также в приказах по Корпусу жандармов.

Так, согласно приказу по Корпусу жандармов № 18, шесть унтер-офицеров дополнительного штата в сентябре 1870 г. были награждены денежными премиями за «задержание лиц без письменных видов», дезертиров, а также «за открытие беспатентной торговли вином и задержание лиц с просроченными паспортами» [12]. В «Памятной книжке» Калужской губернии говорится о наличии 9 унтер-офицеров дополнительного штата в Калужском уезде [11, с. 74].

В 1884 г. дополнительный штат из восьми унтер-офицеров был передислоцирован в Жиздринский уезд с центром в Жиздре [3, с. 26]. Двумя годами позже его деятельность охватила Жиздринский и Мещовский уезды с центром в г. Мещовске [4, с. 25]. На протяжении 1887—1888 гг. численность нижних чинов оставалась неизменной (1 вахмистр и 7 унтер-офицеров) [5, с. 26]. В 1888 г. штаб дополнительного штата вновь вернулся в Жиздру [6, с. 25], где он и располагался в 1889 г. [7, с. 25], а в 1891 г. переместился обратно в г. Мещовск [8, с. 25], а затем снова вернулся в Жиздру в 1892 г. [9, с. 25]. С начала XX в. деятельность дополнительного штата распространилась на Мосальский уезд, а между 1914 и 1915 гг. — на

Перемышльский и Медынский уезды. Известно, что в 1911 г. штаб находился в Калуге, где состоял из одного вахмистра и девяти унтер-офицеров [10, с. 42]. Такая структура сохранялась до 1916 г. [13, с. 42]. Из-за отсутствия архивных данных сложно объяснить причину перемещения дополнительного штата, однако можно утверждать, что перемещения дополнительного штата, о которых упоминается в тексте, обоснованы несколькими ключевыми факторами, связанными с оперативной деятельностью жандармского пункта и политической обстановкой в регионе. В контексте проблемы статьи можно выделить следующие моменты:

Регулярные выезды сотрудников жандармского пункта (в частности, вахмистра Орешкина и унтер-офицера Родионова) на промышленные объекты и в населенные пункты указывают на необходимость мониторинга социальной ситуации. Перемещения дополнительного штата могут быть обусловлены необходимостью более тщательного контроля за потенциальными угрозами со стороны рабочих движений и антиправительственных элементов.

Упоминание о «словесном приказании» для поездок может свидетельствовать о необходимости быстрой реакции на изменяющиеся условия. Это подразумевает, что перемещения дополнительного штата были частью стратегии по адаптации к новым вызовам, возникающим в результате политической нестабильности.

Представление маршрутов поездок и регулярные командировки показывают, что перемещения дополнительных сотрудников были частью системы координации между различными уровнями жандармского управления. Это важно для обеспечения эффективного взаимодействия и контроля над ситуацией.

Использование предписаний для поездок в одни и те же места с интервалом в несколько месяцев указывает на плановый характер работы жандармов. Перемещение дополнительного штата может быть связано с необходимостью поддержания постоянного присутствия в ключевых районах для предотвращения возможных волнений.

Расширение географии оперативной деятельности может говорить о том, что жандармы реагировали на изменения в политической ситуации, появление новых очагов социальной напряженности или информацию о деятельности антиправительственных групп. Это также могло потребовать перемещения дополнительных ресурсов для обеспечения безопасности.

Таким образом, перемещения дополнительного штата обоснованы необходимостью наблюдения за социальной ситуацией, гибкостью

оперативного реагирования, координацией действий между сотрудниками, плановым подходом к работе и изменениями в политической обстановке. Эти факторы подчеркивают важность активных действий правоохранительных органов для поддержания правопорядка в условиях предреволюционной России.

Другим сложным вопросом является дата образования наблюдательного пункта дополнительного штата калужской жандармерии. Однако сохранившиеся документы ГАКО о работе данного учреждения за период с 1913 по 1915 гг. подтверждают комплектование личного состава наблюдательного пункта унтер-офицерами дополнительного штата. Исследование автора показывает существование наблюдательных пунктов в Жиздринском уезде (с. Песоченский завод), Медынском уезде и г. Козельске. В данной статье будет рассмотрена работа унтер-офицеров дополнительного штата КГЖУ на наблюдательном пункте Жиздринского уезда в 1913 г.

Организационная структура и строевая часть

Анализ делопроизводственной документации Жиздринского жандармского пункта дополнительного штата КГЖУ за 1913 г. позволяет реконструировать структуру подразделения и выявить особенности его функционирования. Изученные рапорты, в частности документ № 1 от 4 января 1913 г., свидетельствуют о том, что вахмистр Иван Орешкин являлся, по всей видимости, руководителем данного пункта, осуществлявшим общее руководство и делопроизводство. В подчинении у него находился, как минимум, унтер-офицер Иван Родионов, что указывает на минимальную штатную численность пункта в два жандармских чина. Отметим, что учреждение Жиздринского пункта свидетельствует об усилении внимания КГЖУ к Жиздринскому уезду и прилегающим территориям в связи с осложнением общественно-политической обстановки. Зона ответственности пункта охватывала обширные территории, включающие Калужский, Жиздринский, Мещовский и Мосальский уезды, что предопределяло значительную нагрузку на личный состав. Подчиненность Жиздринского пункта помощнику начальника КГЖУ указывает на иерархическую структуру губернского жандармского управления. Анализ рапортов вахмистра Орешкина позволяет зафиксировать динамику перемещений личного состава жандармского пункта [2, Л. 9, 12]. В частности, отмечается командирование унтер-офицера И. Родионова в с. Людиново (17 января 1913 г.) и его возвращение в Жиздру (18 января 1913 г.). Данные

перемещения позволяют судить о характере выполняемых задач, которые могли включать в себя как оперативно-розыскные мероприятия, так и проверку поступающей информации. Скудость информации не позволяет сделать четкий вывод. Делопроизводственная документация свидетельствует о поддержании регулярной связи Жиздринского жандармского пункта с вышестоящим руководством в лице помощника начальника КГЖУ ротмистра Кравцова. Циркуляры содержат распоряжения по строевой части, касающиеся обеспечения служащих проездными документами (открытые листы для взимания обывательских подвод, увольнительный билет) и участия в кассе взаимопомощи нижних чинов Отдельного корпуса жандармов. Данные документы позволяют реконструировать систему материального обеспечения и социальной поддержки жандармских служащих, а также свидетельствуют о бюрократическом характере управления, свойственном данному ведомству [2, Л. 10, 11, 19]. Рапорт вахмистра Орешкина подтверждает получение проездных документов, что было необходимо для осуществления оперативной деятельности на обширной территории. Данный факт свидетельствует о важности мобильности и оперативности жандармских служащих при выполнении ими служебных обязанностей [2, Л. 13]. Донесение Орешкина и Родионова об их согласии на получение денежной компенсации вместо предоставления жилья «натурой» свидетельствует о прагматичном подходе к решению жилищного вопроса и, возможно, об отсутствии возможности предоставить служащим достойные жилищные условия [2, Л. 15]. Получение увольнительного билета вахмистром Орешкиным говорит о возможности предоставления отпусков служащим жандармского пункта [2, Л. 14]. При этом отправка унтер-офицеру Родионову бланков заявления в кассу взаимопомощи может указывать на необходимость оформления документов, связанных с болезнью, ранением или другими обстоятельствами, требующими оказания материальной помощи [2, Л. 19]. Постоянные ссылки на «личное Вашего Высокоблагородия приказание» в рапортах Орешкина и Родионова подчеркивают строгую иерархичность системы жандармского управления и прямое подчинение Жиздринского пункта помощнику начальника КГЖУ. Это свидетельствует о централизованном характере планирования оперативной работы и непосредственном контроле вышестоящего начальства за деятельностью низовых звеньев [2, Л. 31, 38]. Циркуляр помощника начальника КГЖУ штабс-ротмистра Добромыслова от 23 марта 1913 г. с предписанием о говении и исповеди вахмистра Орешкина и унтер-офицера Родионова вместе с их семьями в период Великого Поста, и предо-

ставлении соответствующих списков с подписью причта, указывает на значимость религиозного аспекта в жизни сотрудников жандармерии. Данный документ может быть интерпретирован как элемент социального контроля, направленный на поддержание морального облика и лояльности служащих, а также как отражение общепринятых норм и традиций того времени, которые распространялись и на военные и правоохранительные учреждения [2, Л. 37].

Представление докладной записки унтер-офицера Родионова с просьбой о месячном отпуске и последующее предоставление ему увольнительного билета свидетельствуют о продолжающейся кадровой нестабильности и текучести кадров в Жиздринском жандармском пункте [2, Л. 51–54]. Повторяющиеся просьбы Родионова о предоставлении отпуска, мотивированные необходимостью перевода семьи и имущества к месту службы, указывают на нерешенные бытовые проблемы и возможную неудовлетворенность условиями службы [2, Л. 52]. Оперативное получение вахмистром Орешкиным увольнительного билета и своевременное уведомление вышестоящего руководства о выезде Родионова в отпуск, а также представление маршрутов поездок и рапортов о выездах и возвращениях, подтверждают соблюдение строгого внутреннего распорядка и правил отчетности [2, Л. 54]. Каждый выезд вахмистра Орешкина сопровождается оформлением маршрутного листа, указанием цели поездки (негласная разведка по делу о государственном преступлении), километража и суммы транспортных расходов [2, Л. 61, 63–69]. Возвращение унтер-офицера Родионова из месячного отпуска позволяет говорить о восстановлении штатной численности Жиздринского жандармского пункта. Отсутствие новых рапортов об увольнении Родионова может свидетельствовать о разрешении проблем, связанных с его переездом и обустройством на новом месте службы [2, Л. 73]. Представление вахмистром Орешкиным маршрута поездок в с. Людиново и с. Песоченский завод, в том числе и маршрута унтер-офицера Родионова скрупулезно фиксирует все передвижения, их цели, и затраты. С одной стороны – это бюрократия, с другой – инструмент контроля, анализа действий служащих и финансовых трат [2, Л. 77–80]. Интересным эпизодом является награждение унтер-офицера Родионова большой золотой медалью на Александровской ленте [2, Л. 85]. Данный факт свидетельствует о признании его заслуг со стороны вышестоящего руководства и может быть связан с успешным выполнением особо важных или сложных оперативных заданий. Представление расписки Родионова о получении медали подтверждает соблюдение формальных процедур и правил

отчетности [2, Л. 86]. Рапорт Орешкина о выезде унтер-офицера Родионова в с. Думиничи свидетельствует о разделении труда между сотрудниками Жиздринского жандармского пункта и координации их действий [2, Л. 100]. Вахмистр Орешкин, как руководитель пункта, несет ответственность за планирование оперативной работы и распределение задач между подчиненными. Рапорт Родионова показывает тесное взаимодействие жандармерии с заводской администрацией и местными властями. Упоминается распоряжение заводской администрации о приостановке работы на заводах 21 февраля и выплате рабочим среднего заработка за этот день, что свидетельствует о стремлении предотвратить возможные волнения и обеспечить лояльность рабочих. Описывается участие местного населения в торжественном богослужении и крестном ходе, организованном в с. Людиново, а также народное гуляние, устроенное управляющим Сукремльского завода Федором Васильевичем Востровым. Эти факты говорят о стремлении властей использовать различные формы социального контроля, включая религиозные обряды и развлекательные мероприятия, для поддержания общественного порядка и формирования позитивного отношения к правящей династии. Соккрытие волостным старшиной факта осквернения портрета императора и нежелание полицейского десятского сразу доносить об инциденте, свидетельствуют о распространенности практики утаивания информации даже о серьезных проступках, подрывающих авторитет власти. Причины могут быть разными: страх перед начальством, нежелание брать на себя ответственность, личная неприязнь к пострадавшему или солидарность с нарушителем. Важно отметить, что действия волостного писаря были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Это может указывать на наличие социальных проблем, таких как пьянство и отсутствие моральных ориентиров, которые способствовали формированию антиправительственных настроений. Слова писаря «Нам нет от них свободы» позволяют предположить, что он был недоволен проводимой властями политикой и считал, что реформы, проведенные Александром II, не принесли ожидаемых результатов. Тот факт, что рапорты о несении службы и отсутствии инцидентов поступают от вахмистра Орешкина и унтер-офицера Родионова, подчеркивает их ключевую роль в сборе первичной информации. Однако формулировки наподобие «по собранным мной негласным сведениям» и «недостаток рабочих пополняется» указывают на использование различных источников информации, включая агентурную сеть и повседневные наблюдения. Выводы жандармов о «благополучном прохождении» событий, несмотря на эпизо-

ды невыхода на работу, отражают их стремление минимизировать значимость инцидентов, не имеющих прямой политической подоплеки, и докладывать об отсутствии серьезных угроз [2, Л. 86, 100].

Финансовое обеспечение

Важным аспектом функционирования Жиздринского жандармского пункта являлось его финансовое обеспечение. Анализ рапорта от 5 января 1913 г. выявляет, что финансирование пункта осуществлялось как из губернского бюджета, так и за счет средств Жиздринской городской Думы. Однако, объем ассигнований со стороны последней, составлявший 7 руб. в месяц на каждого унтер-офицера, представляется недостаточным для покрытия расходов на жилье, отопление и освещение. В связи с этим, вахмистр Орешкин ходатайствовал о предоставлении квартиры «натурой», что показывает стесненное материальное положение жандармов. Данный факт может указывать на наличие противоречий между губернской администрацией и органами местного самоуправления в вопросах поддержания правопорядка и политического контроля [2, Л. 3—3 об., 4]. Рапорты вахмистра Орешкина подтверждают факт получения квартирных денег в период с января по ноябрь 1913 г. включительно, демонстрируя регулярность выплат со стороны Жиздринской городской управы. Однако, объем выплат в 7 руб. на каждого служащего был низким [2, Л. 18, 36, 55, 74, 81, 82, 87, 92, 97]. Представление унтер-офицером Родионовым удостоверений для бесплатного проезда по железной дороге свидетельствует о стремлении к оптимизации транспортных расходов и использованию имеющихся льгот.

Документация за февраль 1913 г. отражает продолжающуюся кадровую нестабильность в Жиздринском жандармском пункте [2, Л. 16, 17]. Рапорт унтер-офицера Родионова подтверждает его намерение выехать в Калугу для увольнения в отставку [2, Л. 21]. Однако, уже 15 февраля 1913 г. Родионов возвращается из отпуска, что может говорить о затягивании процедуры увольнения, либо об изменении его решения [2, Л. 22]. Телеграмму ротмистра Кравцова с требованием немедленной явки в Калугу Орешкина и Родионова можно связать с необходимостью разъяснений по поводу кадровых вопросов, а также с проведением инструктажа или заслушиванием отчета о проделанной работе. Срочный вызов сразу двух сотрудников может указывать на нештатную ситуацию или необходимость оперативного решения возникших проблем. Представление вахмистром Орешкиным маршрута

поездки в Калугу иллюстрирует бюрократическую процедуру оформления транспортных расходов, даже в случае срочного вызова по службе. Указание расстояния (160 км в одну сторону) и суммы (3 руб. 20 коп.) на оплату проезда демонстрирует строгий контроль за использованием казенных средств [2, Л. 23, 25].

Архивные данные позволяют детализировать финансовые аспекты оперативной деятельности [2, Л. 26]. Маршрутные листы содержат сведения о километраже и суммах, выделяемых на транспортные расходы [2, Л. 30–31 об., 35]. Так, поездка в Людиново и цементный завод обходилась в 1 руб. 50 коп., а вызов в Калугу и обратно – в 6 руб. 40 коп., что говорит о достаточно существенных затратах на перемещение в пределах обширной зоны ответственности пункта [2, Л. 30–31 об.]. Конкретные расстояния и затраты (например, 25 км и 25 коп. за поездку до Людиново) дают представление о транспортной логистике и финансовых издержках, сопряженных с оперативной работой. Повторяющиеся маршруты в одни и те же населенные пункты свидетельствуют о наличии долгосрочных оперативных интересов в данных локациях, вероятно, связанных с концентрацией потенциально неблагонадежных элементов или высокой общественной активностью [2, Л. 45 об.]. Известно, что поездка в с. Хотьково обходилась в 92 коп., а в с. Маклаки – в 66 коп. Сравнение этих сумм с размером ежемесячных квартирных денег (7 руб. на каждого сотрудника) позволяет понять относительную значимость транспортных расходов в бюджете жандармского пункта [2, Л. 62, 66].

Кадровая ситуация

Изучение личных дел служащих Жиздринского жандармского пункта позволяет выявить особенности кадровой политики и факторы, влиявшие на стабильность личного состава. Прошение вахмистра Орешкина об отставке, мотивированное окончанием 20-летнего срока сверхсрочной службы, свидетельствует о стремлении опытных служащих к выходу на заслуженный отдых. При этом запрос на единовременное денежное пособие в размере 1000 руб. и о предоставлении отпуска для перевода семьи в Жиздру отражает систему материального стимулирования и иных форм поддержки, существовавших в Отдельном корпусе жандармов [2, Л. 3–3 об., 4]. Докладная записка унтер-офицера Родионова об увольнении в отставку может свидетельствовать о наличии проблем, связанных с условиями службы, оплатой труда или отношениями в коллективе, что требует дальнейшего изучения [2, Л. 7].

Оперативная деятельность

Рапорты вахмистра Орешкина [2, Л. 6, 8] свидетельствуют об активной оперативной деятельности Жиздринского жандармского пункта, направленной на поддержание общественного порядка и выявление политически неблагонадежных элементов. Регулярные выезды в «пределы вверенного наблюдению района», включавшие волости и промышленные предприятия (Людиновский, Сукремльский и Боровский цементные заводы), указывают на повышенное внимание жандармов к рабочим и крестьянским массам, как потенциальным источникам социальной нестабильности [2, Л. 6, 8]. Рапорт унтер-офицера Родионова о поездке через с. Людиново в с. Бутчино для наблюдения за общественной жизнью во время торжества 21 февраля 1913 г. говорит о возложении на жандармских служащих задач по политическому контролю и негласному наблюдению за настроениями населения. Упоминание о «негласной разведке» указывает на использование агентурных методов работы и стремление получить информацию о возможных антиправительственных проявлениях. Ссылка на «личное приказание» помощника начальника КГЖУ подчеркивает важность данного задания и личную ответственность исполнителя [2, Л. 27, 28]. Из рапорта вахмистра Орешкина о поездке в Боровский цементный завод известно, что ее целью было наблюдение за настроениями рабочих, выявление организаторов стачек или распространителей революционной пропаганды, иными словами — «производство негласной разведки по делу о государственном преступлении» [2, Л. 29]. Представленные маршруты поездок вахмистра Орешкина и унтер-офицера Родионова с 21 февраля по 24 марта 1913 г. убеждают в повышенной активности Жиздринского жандармского пункта в сфере политического сыска [2, Л. 30, 35, 38 об.]. Аналогичные задачи выполнялись в сельской местности, о чем свидетельствуют поездки в села Людиново, Погост и Буда Жиздринского уезда [2, Л. 32–35, 38 об.]. Упоминание «проверки полученных сведений» подтверждает наличие агентурной сети или системы информирования о настроениях населения. Периодичность рапортов о выездах и возвращениях (например, выезд 10 марта и возвращение 12 марта) демонстрирует систематический характер оперативной работы и регулярное присутствие жандармских чинов на подотчетных территориях. Интенсивность таких поездок, порой длящихся несколько дней (поездка на заводы с 30 апреля по 3 мая), указывает на серьезность выполняемых задач и необходимость глубокого проникновения в местную общественную жизнь. Апрель–май 1913 г. характеризуются

интенсификацией оперативной работы Жиздринского жандармского пункта [2, Л. 32, 33].

Важным аспектом деятельности вахмистра Орешкина является его личное присутствие и докладная работа вышестоящему руководству. Его поездки в Калугу для «личного доклада по секретным делам» и «по делу о государственном преступлении» были систематическими, что подчеркивает статус Орешкина как ключевого звена в системе политического сыска в регионе и свидетельствует о доверии к нему со стороны начальства КЖУ.

В мае и июне 1913 г. вахмистр Орешкин продолжал совершать регулярные выезды на промышленные объекты, такие как Боровский цементный завод и Песоченский завод, а также на Хотьковский чугунно-литейный завод с целью «производства негласной разведки по делам о государственном преступлении». Указание на «словесное приказание» о поездке в Боровский завод может свидетельствовать о гибкости оперативного реагирования на возникающие угрозы или о неформальных каналах связи между жандармским пунктом и вышестоящим руководством [2, Л. 47–47 об., 50, 56–69].

Представление вахмистром Орешкиным маршрута поездки унтер-офицера Родионова в с. Людиново свидетельствует о координации действий между сотрудниками Жиздринского жандармского пункта и контроле со стороны руководителя за оперативной деятельностью подчиненных [2, Л. 79, 80]. В последующие месяцы сохраняется практика регулярных оперативных выездов. Рапорт Орешкина свидетельствует о его командировке в Людиновский завод 22 августа 1913 г. Цель поездки прямо не указана, но, учитывая предыдущие документы, можно предположить, что она была связана с «производством негласной разведки по делу о государственном преступлении» [2, Л. 83]. Рапорт Орешкина свидетельствует о его выезде 11 октября 1913 г. в Будскую волость и на Думиничский чугунно-литейный завод с наблюдательной целью. Расширение географии оперативной деятельности может быть связано с изменением политической обстановки в регионе, появлением новых очагов социальной напряженности или получением информации о деятельности антиправительственных элементов в данных районах. Документы за период с октября по декабрь 1913 г. продолжают свидетельствовать об интенсивной оперативной деятельности Жиздринского жандармского пункта [2, Л. 88]. Вахмистр Орешкин регулярно выезжает с целью проведения «негласной разведки по делам о государственном преступлении» в различные населенные пункты Жиздринского уезда, включая села Людиново, Крынки

и Боровский цементный завод. Примечательно, что некоторые населенные пункты, такие как с. Людиново и Боровский цементный завод, регулярно посещаются жандармами, что может свидетельствовать о сохраняющейся там социальной напряженности или о наличии устойчивых очагов антиправительственной деятельности. Тот факт, что для поездок в одни и те же места используются предписания, выданные с интервалом в несколько месяцев, может говорить о плановом характере оперативной работы и отсутствии значительных изменений в оперативной обстановке [2, Л. 90, 91].

В статье представлено всестороннее исследование деятельности Жиздринского жандармского пункта в 1913 г., основанное на архивных документах и рапортах. Оперативные выезды сотрудников — вахмистра Орешкина и унтер-офицера Родионова, подчеркивают важность наблюдения за политической обстановкой в регионе и выявления потенциальных угроз со стороны рабочих движений и антиправительственных элементов. Анализ показывает, что жандармы использовали заранее подготовленные предписания для поездок в одни и те же места с интервалом в несколько месяцев. Это свидетельствует о плановом подходе к оперативной работе и определенной стабильности ситуации в данных населенных пунктах. Регулярные визиты в ключевые районы указывают на долгосрочный контроль со стороны жандармов, направленный на поддержание правопорядка и предотвращение возможных волнений.

Таким образом, статья подчеркивает значимость архивных данных для понимания методов работы правоохранительных органов в условиях предреволюционной России. Дальнейшее изучение этих материалов может помочь прояснить динамику взаимодействия между властями и различными социальными группами, а также осветить влияние оперативного контроля на общественные процессы того времени.

Список источников и литературы

1. Высочайше утвержденное положение о Корпусе жандармов (28 августа 1870 г.). [№ 48666] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 45. Отд. 2-е. 186. СПб., 1870. С. 216–217.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 948. Оп. 1. Д. 5.
3. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 мая 1884 г. СПб.: Тип. МВД, 1884. — 484 с.
4. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 мая 1886 г. СПб.: Тип. МВД, 1886. — 332 с.
5. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 1 февраля 1887 г. СПб.: Типолитография Месника и Римана, 1887. — 341 с.
6. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 20 января 1888 г. СПб.: Типолитография Месника и Римана, 1888. — 343 с.

7. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 января 1889 г. СПб.: Типолитография Месника и Римана, 1889. — 348 с.

8. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 сентября 1891 г. СПб.: Типолитография Месника и Римана, 1891. — 356 с.

9. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 января 1892 г. СПб.: Типолитография Месника и Римана, 1892. — 356 с.

10. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 26 февраля 1911 г. Ч. 1 и 2. СПб.: Тип. Отдельного Корпуса Жандармов, 1911. — 776 с.

11. Памятная книжка Калужской губернии на 1873—1874 год / под. ред. Н.А. Гильтебрандта. Калуга: Тип. Губ. Правления, [1873—1874]. — V, 224, LXXXII с.

12. Приказы по корпусу жандармов за 1871 г.: № 1—111. СПб., 1871. — 596 с.

13. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправления по 15 февраля 1916 г. Ч. 1 и 2. СПб.: Тип. Отдельного корпуса жандармов, 1916. — 816 с.

**Организация помощи детям
Петроградскими уездными земствами
в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)²**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Петроградских земских попечительств и комитетов в годы Первой мировой войны, которая стала важным этапом в организации социальной поддержки семей, пострадавших от военных и экономических кризисов. Особое внимание автор уделяет различным формам попечения детей, включая создание приютов, яслей, детских площадок, столовых, общежитий и медицинских учреждений. Анализируются такие меры поддержки, как выдача продуктов, одежды, организация временного жилья, помощь матерям-беженкам с детьми, а также мероприятия по поддержанию детского здоровья. Подчеркивается роль земских попечительств в обеспечении жизненно важных потребностей детей, несмотря на трудности и ограничения, связанные с недостаточным финансированием и ростом числа нуждающихся, что осложняло своевременное и полноценное оказание помощи.

Ключевые слова: дети; война; земства; помощь; призрение

**On the activities of the Petrograd County zemstvos
for helping children during the First World War (1914–1916)**

Abstract. The article examines the activities of the Petrograd Zemstvo boards and committees during the First World War, which became an important stage in the organization of social support for families affected by military and economic crises. The author pays special attention to various forms of child care, including the creation of shelters, nurseries, playgrounds, canteens, dormitories and medical institutions. The article analyzes such support measures as the provision of food, clothing, temporary housing, assistance to refugee mothers with children, as well as measures to prevent child mortality and protect the health of infants. The role of the zemstvo guardianship authorities in ensuring the vital needs of children is emphasized, despite the difficulties and limitations associated with insufficient funding and the growing number of those in need, which complicated the timely and full-fledged provision of assistance.

Keywords: children; war; zemstvos; help; charity

Первая мировая война стала испытанием не только для мужчин, призванных на фронт, но и для их семей, оставшихся без защиты. В наиболее уязвимом положении оказались дети. Деятельность земских благотворительных учреждений приобретала особое значение, поскольку

¹ Тамара Владиславовна Волгина – аспирант, ассистент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: lerona97@mail.ru
Tamara V. Volgina – postgraduate student of the Department of Russian History, assistant of the Department of History, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П.
URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

именно в этот период возрастала необходимость в системной поддержке семей, пострадавших от военных и экономических потрясений. Изучение опыта организации помощи детям и матерям в военное время позволяет понять эффективные методы и подходы к социальной поддержке в кризисных условиях, а также выявить проблемы, связанные с финансированием, организацией и доступностью помощи.

Целью исследования является анализ форм помощи детям в земских попечительствах Петрограда в годы Первой мировой войны.

В исследованиях, отражающих вопросы организации помощи детям в годы Первой мировой войны, следует выделить работы, посвященные деятельности земских и уездных попечительств [4; 21], организации помощи семьям запасных и военнослужащих [2], беженцам [1; 7], а также вопросам детского призрения [3]. В работах наиболее подробно освещается деятельность государственных органов по организации помощи семьям в годы Первой мировой войны, заключающейся в материальной поддержке, а также создании сети учреждений, занимавшихся призреванием детей. Однако вопросы, касающиеся дошкольного воспитания и образования на территории Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии, рассмотрены не были.

Источниковой базой исследования являются делопроизводственная документация (отчеты) и материалы периодической печати (журнал «Призрение и благотворительность в России»), в которых наиболее полно была отражена деятельность земств по оказанию помощи детям [5–6; 8–20]. Данные источники наиболее полно отражают исследуемую проблему, позволяя сформировать целостную картину системы организации дошкольного воспитания и образования в годы Первой мировой войны.

С началом Первой мировой войны в деятельности Петроградского уездного земства произошли изменения. Одной из главных задач земств стало решение вопроса о призрении семейств с малолетними детьми, кормилец которых был призван в армию. К 1 декабря 1915 г. в Петроградском уезде числился 9401 малолетний ребенок, а к 1 декабря 1916 г. их количество увеличилось в два раза, до 18204 детей, а количество детей от 5 до 7 лет составляло 27768 [16, с. 1].

Все земские попечительства, начав свою работу с июля–августа 1914 г., в первую очередь провели обследования семей и выявление нуждающихся. Начало работы попечительств было связано с трудностями. В силу разного рода обстоятельств оказать помощь всем и сразу не представлялось возможным. В результате появились, по словам источника, «обиженные» женщины, старики и дети, которые считали,

что семьи пригородов Петрограда незаслуженно забыты и обделены помощью, в отличие от жителей города, которым уже с момента объявления мобилизации был выдан паек [13, с. 6]. Лишь с середины августа 1914 г. была организована выдача единовременных пособий — 2 руб. на взрослого и 1 руб. на малолетнего ребенка. Однако среди «жалующихся» были и состоятельные родители, требовавшие казенный паек, подкрепляя свое право тем, что у них рос сын.

В первую очередь оказание помощи детям заключалось в обеспечении их предметами жизненной необходимости — одеждой, едой и жильем. Продовольственная помощь, оказываемая попечительствами, заключалась в открытии столовых и выдачи обедов на дом. Обеды включали 1 тарелку супа или шей с куском мяса, 1 порцию макарон, каши или картошки с маслом и хлеб для детей в возрасте от 5 до 7 лет и половинную порцию для детей от 1 года до 5 лет [14, с. 10]. Помимо обедов 5-е Александровское и 10-е Лесное земские попечительства выдавали до 40 бутылок молока в день на 30 детей грудного возраста исключительно для грудных и детей младшего возраста. Детям в возрасте от 6 до 10 месяцев полагалось $\frac{1}{2}$ бутылки молока, от 10 месяцев до полутора лет — 1 бутылка [14, с. 11]. Члены совета попечительства настаивали на продолжении выдачи молока даже в столь незначительных объемах в связи с особым вниманием к охране детского здоровья.

Решение жилищных проблем было также одной из первоочередных задач попечительств. Так, в Лесном земском попечительстве под покровительством находились 308 жен призванных с 647 детьми, нуждающихся в помощи. В результате организации четырех общежитий место в них получили 40 женщин и 81 ребенок [9, с. 14]. Таким образом, только 12,5% нуждавшихся получили места для проживания. 1-м Петергофским земским попечительством было открыто «Общежитие для детей дошкольного возраста», принимавшее до 30 детей, квартиру с водяным отоплением для которого бесплатно передала княгиня Л.Л. Вяземская [13, с. 16].

Во многих попечительствах были организованы учреждения для призрения детей. Преимущественно это были приюты-ясли, рассчитанные на 30–50 человек. Однако их открытие зачастую приходилось на 1915 г. в связи с финансовыми трудностями, испытываемыми земствами. Часто средства для открытия учреждений по призрению детей собирали путем продажи старых гитар и подержанных детских велосипедов. Также принимались и пожертвования нового и ношеного белья, обуви, платья, одеял, одежды, книг, продуктов и игрушек [12, с. 46]. Так, понимая необходимость открытия яслей в районе Выборгского шоссе,

Лесное попечительство, не имея достаточных средств, было вынуждено ограничиться помещением нескольких детей в убежище Общества «Лепта» за плату. Также при одном из общежитий был организован детский очаг с несколькими приходящими дежурными, который, однако, вскоре закрылся из-за несоответствия помещения санитарно-гигиеническим нормам и отсутствия соответствующего возрасту детей питания [9, с. 15]. Впоследствии при общежитии были открыты ясли.

Некоторые ясли, открытые как учреждения дневного призревания, были вынуждены оставлять детей и на ночь. В Шувалово-Озерковском попечительстве в ясли были буквально «подобраны на улице девочка и мальчик» [12, с. 13]. С течением времени назначение этих яслей изменилось, поскольку помимо присмотра за детьми с ними проводились занятия и прогулки приглашенной фребеличкой. Впоследствии от организации яслей в данном Попечительстве отказались и был организован постоянный приют для сирот.

Таким образом, за 1914–1915 гг. ясли действовали при пяти Попечительствах, призревавшие 385 детей [15, с. 7].

В 1-м и 5-м попечительствах действовали приюты для сирот и полусирот. Главной ошибкой деятельности приютов был признан тот факт, что в них принимались дети здоровых матерей, которые, освободившись от необходимости их опекать, отказывались забирать детей обратно [16, с. 10].

Детские сады как форма призревания не были распространены. Был открыт только один детский сад в здании Путиловского кружка любителей спорта.

При 4-м Фарфоровском земском попечительстве на летнее время 1915 г. была открыта детская площадка, где руководительницами выступали слушательницы Фребелевских курсов. Занятия проводились с детьми в возрасте до 15 лет ежедневно с двух до пяти часов. Первоначально на посещение записалось более двух тысяч человек, однако среднее количество приходивших на площадку составляло 300 детей. Это было связано с тем, что не всем детям доставляли удовольствие «игры, требующие планомерных движений и соблюдения дисциплины» [8, с. 28]. Помимо разнообразных игр и занятий с детьми совершались прогулки в лес, поле и парк.

Однако были попечительства, которые не видели необходимости в оказании помощи детям. Так, совет 13-го Сестрорецкого земского попечительства «намеренно избегал таких форм благотворительности, как устройство детских садов и площадок для игр <...>, считая, что приносимая этими учреждениями незначительная, а иногда и сомни-

тельная польза, не оправдывает потребных для их содержания крупных расходов» [11, с. 14]. Однако в смете попечительства были указаны расходы на организацию елки для детей.

Были и другие примеры организации благотворительности. Не имея приюта, в 9-м Пороховском уездном земстве секретарь В.В. Васильев принял и расположил в своем доме больных детей беженца из Курляндии до их определения в приют. Родные дети секретаря заразились трахомой глаз, но В.В. Васильев «даже отказался от возмещения убытков, сопряженных с лечением сына» [10, с. 11].

В связи с требованиями военного времени в земствах были открыты и новые учреждения, деятельность которых также была направлена на призрение семей лиц, призванных на войну. Это были комитеты Попечительства об охране материнства и младенчества, открытые с августа 1914 г. Так, уже 18 июля 1914 г. жители селения Старая Ладога обратились с просьбой образовать Староладожский комитет, деятельность которого распространялась на 120 селений и 4 волости Новоладожского уезда [17, Л. 1]. Первоначально деятельность Комитета ограничивалась содержанием родильного приюта. Но уже с августа 1914 г. в инструкции указывалось, что деятельность Староладожского комитета должна была быть направлена «к мероприятиям, способствующим уменьшению детской смертности и охраны здоровья женщин вообще <...>, охраны здоровья детей младшего возраста и в особенности грудных младенцев» [17, Л. 23]. В первые месяцы были предоставлены бесплатные места для жительства женщинам с детьми во флигеле усадьбы одного из членов комитета. Родильный приют снабжал немущих родильниц-жен запасных чинцов необходимым количеством белья для новорожденных [17, Л. 25]. Были открыты консультации для беременных и детей, амбулатория для грудных детей [5, с. 709]. Наиболее нуждающимся малолетним детям были бесплатно выданы теплая одежда и обувь [6, с. 1175]. Одной из важнейших задач было открытие больницы для детей до семи лет, поскольку «амбулаторное лечение детей, в особенности грудных, мало достигает цели, так как, при неразвитости населения, медицинские советы и лекарства применяются на практике столь своеобразно, что нередко приносят больному ребенку не пользу, а существенный вред» [17, Л. 26]. Однако расширение сети учреждений, оказывающих помощь и призрение детей, было затруднено в связи недостаточным финансированием и постоянным увеличением количества нуждающихся из-за неурожаев и последующей продажей скота, в связи с чем Комитет был вынужден просить у благотворителей деньги на питание детей.

В 1915 г. на летние месяцы в Старой Ладоге были открыты ясли на 50 детей, деятельность которых была продолжена и в 1916 г., поскольку «матери получили возможность свободно заниматься хозяйством, а дети их, находясь в яслях, заметно поздоровели» [17, Л. 103]. В 1916 г. ясли посещали до 100 детей.

Ораниенбаумский временный комитет с августа 1914 г. устраивал дневное убежище для малолетних детей, а также содействовал их помещению в приюты [18, Л. 2]. Из отчета Комитета видно, что его деятельность непрерывно развивалась и кроме обычного приюта-яслей было также организовано отделение для грудных детей, матери которых работали в Ораниенбаумской Трудовой помощи. Ясли были очень популярны, с января по апрель 1915 г. через них прошел 5651 ребенок, что составляло в среднем 56,5 посещений в день, причем на долю грудных детей приходилось 15 посещений [18, Л. 46].

Ясли, как наиболее распространенная форма призрения детей, были открыты и Кронштадтским комитетом 18 января 1915 г. Однако за первые три месяца их посещало только 4 детей в возрасте 1 года 7 месяцев, двух, шести и семи лет. Среди причин подобного положения учреждения отмечались как удаленность яслей, неосведомленность населения, так и «сравнительная обеспеченность жен, призванных на войну, благодаря заботам Правительства и города» [19, Л. 17]. Согласно отчету комитета за 1916 г., количество посещавших ясли детей значительно увеличилось: общее количество призреваемых составляло 33 ребенка в возрасте от 10 месяцев до 7 лет, сословная принадлежность детей — крестьяне и мещане, преимущественно дети запасных и находящихся на действительной службе, и только четверо детей вдов [19, Л. 54]. Ясли были вынуждены отказывать в приеме тем матерям, дети которых были старше семилетнего возраста, а также матерям с грудными детьми, несмотря на их нужду, в связи с невозможностью взять на работу нянь за низкую плату.

Остро стоял вопрос и о призрении детей-беженцев. Путиловским комитетом 25 октября 1915 г. был открыт приют для матерей-беженок с их малолетними детьми (до семилетнего возраста), куда принимались «вполне здоровые матери» не более чем с двумя детьми. Во время пребывания в приюте призреваемые пользовались бесплатно едой, бельем, платьем, обувью и врачебной помощью [20, Л. 70]. При норме в 28 человек в приюте в 1916 г. содержалось 34 женщины с детьми в возрасте от 8 недель до 1 года. Однако данного учреждения не хватало для обеспечения района Нарвской заставы и к концу 1916 г. детская смертность на данной территории составляла 60%. [20, Л. 159].

Таким образом, в годы Первой мировой войны деятельность Петроградских уездных земств значительно расширилась. Их главной задачей стала организация помощи семьям лиц, призванных на войну, и, в первую очередь, матерям и малолетним детям. Были организованы учреждения — ясли, приюты, очаги, детские площадки, столовые, общежития — для удовлетворения таких жизненно важных потребностей, как еда, сон, здоровье, безопасность. Однако попечительства не смогли организовать помощь всем нуждающимся. Из 70 тыс. нуждающихся поддержку в той или иной форме получили примерно 50%. Это было связано с недостаточным (а зачастую и полным отсутствием) финансирования, нехваткой заинтересованных в помощи лиц (воспитателей, нянь, врачей) и постоянно увеличивающимся количеством нуждающихся в признании. Несмотря на это, попечительства и комитеты уездных земств за счет благотворительности смогли организовать широкий спектр мер по обеспечению питания, жилья, медицинской помощи и приюта, что улучшило условия жизни семей призванных и, в первую очередь, детей.

Список источников и литературы

1. Букалова С.В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I мировой войны // Санкт-Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 61–79.
2. Верemenko В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2014 г.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 157–164.
3. Волгина Т.В. Ясли и дневные приюты в Петрограде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // История повседневности. 2024. № 1(29). С. 75–95.
4. Грудина А.Д. Система волостных и земских попечительств в деле обеспечения семей нижних чинов, призванных на первую мировую войну (начальный этап деятельности) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3(37). С. 37–46.
5. Из деятельности Попечительств об охране материнства и младенчества // Призрение и благотворительность. 1914. № 6–7. С. 701–711.
6. Комитеты Попечительства об охране материнства и младенчества // Призрение и благотворительность. 1914. № 8–10. С. 1145–2222.
7. Ларин Н.В. «Война, как ни посмотри на нее, — всегда безумие» — организация приютов для детей беженцев в период Первой мировой войны в Рязанской губернии (по архивным материалам) // История: факты и символы. 2024. № 4(41). С. 43–53.
8. Отчет 4-го Уездного земского попечительства с августа 1914 г. по 1-е сентября 1915 г. Пг.: тип. М.Я. Герц, 1915. — 63 с.
9. Отчет Лесного (10-го) уездного земского попечительства о семьях призванных на войну за период времени с 7 августа по 1 ноября 1914 года. Пг.: тип. Первой Пг. Трудовой артели, 1914. — 39 с.

10. Отчет Пороховского (9-го) уездного земского попечительства о семьях призванных на войну за 1915 год. Пг.: тип. Морского мин-ва в Главном Адмиралтействе, 1915. — 26 с.

11. Отчет Сестрорецкого 13-го Земского участкового попечительства по призрению семей лиц, призванных на войну с 20-го июля 1914 года по 1-е сентября 1915 года. Пг.: тип. В.Д. Смирнова, 1916. — 31 с.

12. Отчет Совета 12-го Уездного земского Шувалово-Озерковского попечительства с 6-го августа 1914 г. по 1-е августа 1915 г. Пг.: тип. В.Д. Смирнова, 1916. — 52 с.

13. Отчет: вып. 1. Земское попечительство по призрению семейств, призванных на войну. Петергоф. пригород. р-н. Вып. 1: Август и сентябрь 1914 год. Пг.: тип. Т-ва «Худож. Печатня», 1914. — 23 с.

14. Петербургское уездное земское попечительство. Доклад Совета 5-го Земского попечительства о деятельности Попечительства с 10 августа по 1-е октября и денежный отчет: прочитан на собр. чл. Попечительства 12 окт. 1914 г. Пг.: тип. акц. общ. «Слово», 1914. — 16 с.

15. Петроградское уездное земство. Краткий обзор деятельности Петроградского уездного земства с 18-го июля 1914 г. по 1-е декабря 1915 г. в связи с обстоятельствами военного времени. Пг.: Коммерческая скоропечатня, 1915. — 41 с.

16. Петроградское уездное земство. Краткий обзор деятельности Петроградского уездного земства с 1-го декабря 1915 г. по 1-е декабря 1916 г. в связи с обстоятельствами военного времени. Пг.: тип. Пг. Т-ва печатного производства, 1917. — 51 с.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 767. Оп. 1. Д. 45.

18. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 46.

19. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 54.

20. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 64.

21. *Степанов К.А.* Деятельность Ростовского земства по оказанию помощи семьям нижних воинских чинов в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в истории России: к 150-летию земской реформы: мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 мая 2014 г.). М.: ИРИ РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 195–202.

Пропаганда Германии и Австро-Венгрии, направленная на русские войска Румынского фронта (вторая половина 1916 – первая половина 1917 г.)

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать масштабы и основное содержание пропаганды Центральных держав, направленной против российских армий Румынского фронта. Приведены количественные показатели, отражающие распространение прокламаций противника в различных армиях Румынского фронта и некоторых других участках Восточноевропейского театра военных действий. Выявлены основные сюжеты, затрагиваемые в пропагандистских материалах Четверного союза, и показана взаимосвязь между развитием революционного процесса в России, неизбежно отражавшемся на состоянии русской армии, и сменой тематики пропагандистских материалов войск германского блока. Благодаря хорошей осведомленности о положении дел внутри России и в рядах русской армии австро-германское командование и разведка стремились к тому, чтобы в листовках фигурировала наиболее значимая для русских солдат тематика (заключение мира и устранение препятствий к нему). В условиях весны 1917 г. прокламации все чаще передавались русским солдатам во время братания, которое в значительной части случаев стимулировала австро-германская сторона.

Ключевые слова: Первая мировая война; Румынский фронт; пропаганда; прокламации; братание; разложение армии; разведка

Propaganda of Germany and Austria-Hungary, directed at the Russian troops of the Romanian Front (second half of 1916 – first half of 1917)

Abstract. The author makes an attempt to analyze the scale and main content of the Quadruple Alliance's propaganda directed against the Russian armies of the Romanian Front. Quantitative indicators reflecting the distribution of enemy proclamations in various armies of the Romanian Front and in some other sectors of the Eastern European theater of operations are given. The author also identifies the main themes addressed in the Quadruple Alliance's propaganda materials and demonstrates the relationship between the development of the revolutionary process in Russia, which inevitably affected the state of the Russian army, and the changing themes of the German bloc's propaganda materials. Due to good knowledge of the situation in Russia and the Russian army, the Austro-German command and intelligence sought to ensure that the leaflets contained the most relevant information for Russian soldiers, resulting in a large number of propaganda texts. In the spring of 1917, proclamations were increasingly distributed to Russian soldiers during fraternization, which was often encouraged by the Austro-German side.

Keywords: World War I; Romanian Front; propaganda; proclamations; fraternization; army disintegration; intelligence

¹ Сергей Владимирович Курицын – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия); e-mail: sergejj-88@yandex.ru
Sergey V. Kuritsyn – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Статья посвящена анализу масштабов и основного содержания пропаганды войск Четверного союза, направленной против российских армий, входивших в состав Румынского фронта. Тематика исследования представляется весьма актуальной, поскольку роль пропагандистского воздействия противника на деструктивные процессы в русской армии в период ее революционной трансформации требует дальнейшего изучения. Данная проблематика в различной степени затрагивалась в работах А.Б. Асташова [2], В.Б. Аксёнова [1], Е.С. Сенявской [14], С.В. Курицына [5]. Однако комплексного исследования пропагандистского материала, распространяемого австро-германским командованием после вступления Румынии в мировую войну, ранее не предпринималось.

Основная масса прокламаций, распространявшихся на Восточноевропейском театре военных действий (ТВД), была опубликована А.Б. Асташовым [8]. Вошедшие в сборник документы в совокупности представляют собой максимально полный перечень прокламаций, зафиксированных на Русском фронте. Однако часть пропагандистских текстов, в основном рукописных листовок и плакатов, была утрачена, чем обусловлена определенная неполнота имеющегося материала. Установить долю не дошедших до нас документов не представляется возможным. Из общего массива нами была сделана выборка листовок, относящихся непосредственно к Румынскому фронту. Кроме того, в ходе подготовки исследования нами привлекались материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (разведывательные и оперативные сводки штаба Румынского фронта, штабов 4-й (Ф. 2118) и 9-й (Ф. 2139) армий, документация армейских корпусов). Данные документы позволяют выявить, на каких участках Румынского фронта и в какие периоды наиболее активно распространялись прокламации. Имеются в оперативных и разведывательных сводках также указания на способы распространения австро-германской стороной пропагандистского материала. Ценные сведения содержатся в трудах российских, германских и австро-венгерских военных деятелей: генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, генерал-лейтенанта А.И. Деникина, Первого генерал-квартирмейстера, генерала пехоты Э. Людендорфа, руководителя германской военной разведки полковника В. Николаи, начальника австро-венгерской военной разведки М. Ронге.

Хронологические рамки исследования охватывают период от вступления Румынии в Первую мировую войну (14 (27) августа 1916 г.) до начала активных действий на Румынском фронте в ходе летнего на-

ступления (июль 1917 г.). В этот период австро-германская пропаганда искала наиболее эффективные пути воздействия на русского солдата в условиях революционного кризиса в России и прогрессирующего разложения русской армии. В конце весны – начале лета на первый план для командования войск Германии и Австро-Венгрии выходит задача срыва наступления на Румынском театре, что обусловило появление новых пропагандистских материалов.

Перейдем непосредственно к рассмотрению заявленной проблематики. В конце 1916 г. власти и военное командование Четверного союза, несмотря на успехи, достигнутые в Румынии с момента ее вступления в Первую мировую войну 14 (27) августа 1916 г. на стороне Антанты, оказались вынуждены признать, что исключительно военными методами добиться победы в войне им не удастся. Поэтому гораздо большее внимание, нежели в предшествующие годы, Германия и ее союзники начали уделять пропагандистской работе [6, с. 3, 5]. Не стал в этом отношении исключением и Румынский фронт.

Здесь, как и на других участках Восточноевропейского ТВД, имела место пропагандистская деятельность Центральных империй, особенно активизировавшаяся после падения монархии в России. Всего за период с августа 1916 по июль 1917 г. включительно выявлено 44 образца (типа)² прокламаций, в текстах которых затронуты события, произошедшие в связи с вступлением Румынии в войну. Из них 14 (31,8%) – это листовки, зафиксированные в армиях других фронтов Восточноевропейского ТВД. Необходимо отметить, что из указанного количества 11 образцов прокламаций распространялись во второй половине 1916 – начале 1917 г. (до 2 марта) и были выявлены преимущественно в 11-й армии Юго-Западного фронта, и лишь один тип листовок был зафиксирован еще и в 7-й армии того же Юго-Западного фронта. После же Февральской революции распространение прокламаций о событиях на Румынском театре войны имело место в 8-й армии (два образца листовок) и в 7-й армии (один тип прокламаций) Юго-Западного фронта.

Непосредственно на Румынском театре распространялось 30 из имеющихся образцов прокламаций. В приводимой ниже схеме отражена специфика распределения листовок по армиям Румынского фронта, а также на других фронтах.

² Под термином «образец» («тип») мы понимаем прокламацию, содержащую оригинальный текст, распространявшуюся на конкретном участке Румынского фронта, на всем Румынском фронте или на нескольких фронтах Восточноевропейского ТВД в конкретный период времени.

Количество образцов (типов) листовок

Всего: 44

Из них:

— распространялось на других фронтах: 14

*до 2 марта 1917 — 11 образцов

*после падения монархии — 3 образца

— непосредственно на Румынском фронте — 30:

9-я армия	26 образцов
4-я армия	4 образца
6-я армия	Образцов не выявлено

Приведенные показатели позволяют сделать некоторые выводы. Неравномерность в распределении листовок по армиям Румынского фронта (87% из 30 типов выявленных на Румынском фронте прокламаций приходится на 9-ю армию) позволяет с высокой долей вероятности заключить, что в нашем распоряжении находится далеко не полный перечень пропагандистского материала Четверного союза. Причем наблюдается тенденция уменьшения материала с движением по линии фронта на юг: если в 9-й армии, занимавшей северный участок Румынского фронта, число прокламаций довольно велико, то в 4-й армии их значительно меньше, а в 6-й армии их не выявлено вообще. Представляется маловероятным, чтобы подобная тенденция была связана со степенью разложения частей и соединений фронта, поскольку уровень падения боеспособности войск в целом уменьшался при движении с севера на юг и был наименее выражен в армиях Румынского фронта [См.: 3, с. 455—456; 4, с. 61—62]. Кроме того, в начале марта 1917 г. на различных участках Румынского фронта фиксировалось массовое выставление противником плакатов о революционных событиях в России и распространение прокламаций [10. Ч. 1. Л. 46, 58, Ч. 2. Л. 87; 11. Л. 17, 24; 12. Л. 102; 13. Ч. 1. Л. 256, 281]. Вероятно, наблюдаемая закономерность связана со сложностями эвакуации армий в период демобилизации в конце 1917 — начале 1918 г.

Переходя к анализу содержания прокламаций, необходимо отметить, что в конце 1916 — начале 1917 г. наиболее частыми были тексты, содержащие «сведения» о военных неудачах России и ее союзников, в частности, в Румынии после ее вступления в войну, которые зачастую преувеличивались, в то время как успехи армий Антанты характеризовались как незначительные. Что касается призывов о сдаче в плен, то

такого рода тексты, в отличие от первых лет войны, когда листовки подобного содержания активно распространялись на различных участках Русского фронта, в рассматриваемый период становятся менее частыми [8, с. 128, 141].

Наиболее важным мотивом в австро-германской пропаганде стало стимулирование стремления к миру в рядах русской армии. Данная идея была сформулирована уже в листовке, обнаруженной не позднее 6 ноября 1916 г. на участке 403 пехотного Вольского полка 101 пехотной дивизии 32 армейского корпуса 11-й армии Юго-Западного фронта. Германская и австро-венгерская разведки были осведомлены о нежелании солдатских масс русской армии продолжать войну, в особенности, о нарастании антивоенных настроений после Февральской революции, и посредством прокламаций и братания стремились усиливать подобные тенденции [7, с. 135–136; 9, с. 279]. Помимо часто повторяемого утверждения о том, что Германия и ее союзники стремятся к заключению мира, в большинстве листовок указывались и виновные в том, что мира достичь не удаётся. В первую очередь нападкам активно подвергались союзники России по Антанте, которые назывались главными противниками мира. Наибольшее число такого рода текстов были направлены против Великобритании. Выпады в ее адрес содержатся в 66% случаев (29 типов листовок из 44) [8, с. 133–134, 136, 155].

В то же время дискредитации подвергалась российская власть и командование, выступавшие за продолжение участия России в Первой мировой войне. Всего из имеющегося массива листовок, в которых так или иначе затрагиваются события, связанные со вступлением Румынии в войну, нами выявлено 22 образца (50% от общего количества) прокламаций, содержание которых акцентированно направлено на дискредитацию российского правительства и командного состава армии [8, с. 130–132; 133–135; 138–139, 141, 164–165, 231, 244–245, 251–252, 257–258]. Причём до 2 марта 1917 г. выявлено четыре образца такого рода текстов [8, с. 129–130, 134–135, 133–134, 138–139]. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что к началу 1917 г. в странах Четверного союза не ожидали скорой революции в России.

После Февральской революции количество листовок, направленных на подрыв авторитета Временного правительства и командного состава армии, существенно возросло. Эта работа проводилась австро-германской стороной с первых дней революции, поскольку военнополитическое руководство Центральных империй надеялось на заключение сепаратного мира с новой российской властью, а вызванный пропагандистским воздействием подрыв авторитета Временного

правительства в армии мог ускорить начало переговоров. В общей сложности после 2 марта 1917 г. выявлено 18 образцов прокламаций с текстами, направленными против российских властей, возникших в результате Февральской революции, из которых 16 отложились в штабах Румынского фронта [8, с. 141, 155, 164–165, 231, 251–258].

Одним из самых частых аргументов пропаганды Четверного союза, направленной на дискредитацию Временного правительства, был тезис о его несамостоятельности и зависимости от Британии. В целом ряде листовок говорилось о том, что члены правительства, генералитет, а также ведущие периодические издания подкуплены Великобританией [См.: 8, с. 141, 231].

Отдельно необходимо остановиться на риторике австро-германских пропагандистов, направленной на подрыв авторитета командного состава русской армии. В листовках делался акцент на позицию российского военного руководства и офицерства в целом как на препятствие к достижению мира. Уже в марте эта тема начала развиваться австро-германской стороной: «Ваши офицеры рассказывают Вам ежедневно, что мы, немцы, лишь только потому желаем заключить с Вами мир, чтобы всеми силами собраться против англичан и французов, а после их уничтожения снова на Вас пойти войной. Солдаты! Да не позволяйте же себе подобное говорить. За спинами Ваших офицеров стоят англичане и французы. <...> Ваши офицеры плохо осведомлены, говоря, что мы снова начнём с Вами воевать» [8, с. 130–132; 133–135; 138–139]. В апреле был выявлен новый образец прокламации, содержащий сходные идеи, но, кроме того, призывавший: «Русские офицеры и солдаты! <...> Старайтесь, чтобы Ваши высшие начальники присылали к нам Ваших уполномоченных офицеров и солдат. Мы желаем с Вами заключить для своих сторон — прочный и честный мир» [8, с. 129–130].

Наблюдалось и стремление углубить разложение русской армии как «по вертикали» (офицерство — солдатская масса), так и «по горизонтали» — между родами войск. Так, в ряде листовок содержались призывы, направленные против артиллерии и авиации, срывающих, по мысли авторов прокламаций, уже установленное на передовой фактическое перемирие [8, с. 159, 160, 171, 174–175, 181, 232–233, 251].

Необходимо отметить, что австро-германская пропаганда чутко реагировала на изменения военно-политической обстановки, что отражалось в появлении новых образцов листовок.

Солдатам русской армии прокламации доставлялись различными способами: их сбрасывали с аэропланов и других летательных аппара-

ратов; оставляли на передовой большое количество экземпляров разведывательные партии противника; австро-германской стороной использовались специальные снаряды, при взрыве которых рассеивались листовки; в особых случаях выставлялись плакаты. Однако в условиях 1917 г. одним из основных способов стала передача листовок во время братания.

Пик пропагандистского воздействия на русские армии Румынского фронта пришелся на апрель 1917 г., когда на Восточноевропейском ТВД наблюдалось и максимальное развитие братания.

В преддверии и в ходе летнего наступления на первый план вышли призывы, направленные против активных действий на фронте [8, с. 251–260], а затем обвинения российской стороны в срыве дела мира и «преступлении против человечества» [8, с. 252–253]. В ряде прокламаций назывались факты, свидетельствующие о высоком уровне осведомленности командования войск германского блока относительно состояния русской армии, в том числе об имевших место антивоенных выступлениях в ее рядах [8, с. 254–260].

Что касается эффективности австро-германской пропаганды, то оценить ее довольно сложно. По-видимому, отдельные призывы, в целом созвучные с господствовавшими в солдатской массе настроениями (стремление к миру, рост недоверия к офицерству) в большей мере воздействовали на сознание солдат, побуждая к сиюминутным действиям, другие в целом не вызывали отклика (к примеру, листовки, посвященные геополитике). Само же австро-германское командование было склонно оценивать свою пропагандистскую работу на Восточном фронте как не вполне удачную, поскольку вывести Россию из войны в короткий срок не удалось [15, с. 99–100; 221].

Подводя итоги, можно заключить, что в условиях тотальной войны помимо летальных средств борьбы с противником все большее значение приобретало идеологическое воздействие на армию и население враждебного государства. Приёмы «информационной войны» совершенствовались всеми державами. Однако положение, сложившееся на Русском фронте после падения монархии, позволило австро-германской стороне оказывать пропагандистское воздействие на солдат русской армии в более благоприятных для себя условиях. Воюющие с Россией державы вносили свою пропаганду в ряды русских войск различными способами: во время братания могла вестись устная пропаганда; имели место случаи обращений к русским войскам посредством радиостанций. Однако, по нашему мнению, именно листовки являлись главным средством внедрения идей, которые стремилось

транслировать в рядах русской армии австро-германское командование. Тематика текстов листовок менялась по мере накопления командованием войск Центральных империй сведений о состоянии русской армии и об изменении положения внутри России в целом. Пропагандистское воздействие Четверного союза на русскую армию способствовало углублению кризисных явлений в ее рядах, однако вывести Россию из войны в короткий срок посредством пропаганды, а также в условиях 1917 г. все чаще организуемого австро-германской стороной братания не удалось.

Список источников и литературы

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 992 с.
2. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. — 736 с.
3. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014. — 544 с.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Минск: Харвест, 2002. — 464 с.
5. Курицын С.В. Феномен братания на Юго-Западном фронте в 1917 году. М.: Квадрига, 2022. — 456 с.
6. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем. А.А. Свечина. М.: Вече, 2014. — 704 с.
7. Николаи В. Тайные силы: интернациональной шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М.: Principium, 2015. — 288 с.
8. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / авт. сост. А.Б. Асташов. М.: Спецкнига, 2012. — 400 с.
9. Ронге М. Военный и промышленный шпионаж. Двадцать лет службы в разведке. М.: Центрполиграф, 2020. — 415 с.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2118. Оп. 1. Д. 235.
11. РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 513.
12. РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 530.
13. РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1223.
14. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. — 288 с.
15. Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 6. Das Kriegsjahr 1917 // Herausgegeben vom Österreichischen Bundesministerium für Landesverteidigung und vom Kriegsarchiv unter der Leitung von Edmund Glaise-Horstenau. Wien: Verlag der militärwissenschaftlichen Mitteilungen, 1936. — 814 s.

*М.А. Князев*¹

**«Переписка и телеграммы последних дней
царствования Николая II»: обзор документов
из фонда Управления дворцового коменданта Министерства
императорского двора в Государственном архиве
Российской Федерации**

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор документов по истории Февральской революции 1917 г., выявленных в фонде 97 (Управление дворцового коменданта Министерства императорского двора) Государственного архива Российской Федерации. Центральное место среди материалов фонда занимает дело «Переписка и телеграммы последних дней царствования бывшего императора Николая II», в котором сосредоточена корреспонденция, связанная с обеспечением безопасности монарха в конце февраля – начале марта 1917 г. Эти документы проходили непосредственно через руководителя царской охраны, дворцового коменданта В.Н. Воейкова, при этом наиболее важные сведения доносились императору. Наряду с материалами, непосредственно касающимися обстановки в Петрограде и освещающими подробности последней царской поездки из Могилева в Царское Село, в деле выявлены документы, позволяющие изучить особенности политической борьбы в верхах в мятежные дни. Делается вывод о перспективах архивной эвристики в изучении обстоятельств Великой Российской революции.

Ключевые слова: Государственный архив Российской Федерации; архивная эвристика; Февральская революция; Николай II; А.И. Гучков; дворцовый комендант; императорская охрана

**“Correspondence and telegrams of the last days of the reign
of Nicholas II”: a review of documents from the collection
of the Palace Commandant’s Office of the Ministry
of the Imperial Court in the State Archives
of the Russian Federation**

Abstract. The article is an analytical review of documents on the history of the February Revolution of 1917, identified in collection 97 (Office of the Palace Commandant of the Ministry of the Imperial Court) of the State Archives of the Russian Federation. The central place among the materials of the collection is occupied by the file «Correspondence and telegrams of the last days of the reign of the former Emperor Nicholas II», which contains correspondence related to ensuring the safety of the monarch in late February – early March 1917. These documents passed directly through the head of the tsar’s guard, the palace commandant V.N. Voeikov, with the most important information reported to the

¹ **Марк Андреевич Князев** – кандидат исторических наук, ассистент, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Ниžний Новгород, Россия); e-mail: kn.mark.nn@mail.ru

Mark A. Knyazev – PhD in History, assistant, junior researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

emperor. Along with materials directly related to the situation in Petrograd and covering the details of the last tsar's trip from Mogilev to Tsarskoye Selo, the file contains documents that make it possible to study the features of the political struggle at the top during the rebellious days. A conclusion is made about the prospects of archival heuristics in studying the circumstances of the Great Russian Revolution.

Keywords: State Archive of the Russian Federation; Archival heuristics; February Revolution; Nicholas II; A.I. Guchkov; Palace commandant; Imperial guard

Изучение обстоятельств Февральской революции 1917 г. в России в условиях, когда тема, как может показаться, изучена почти полностью, может строиться как на введении в научный оборот ранее неизвестных источников, так и на качественно новом прочтении уже известных документов [18, С. 343]. Именно это обстоятельство актуализирует вопрос о необходимости дальнейших архивных поисков по теме, причем в тех архивных фондах, описях, делах, которые ранее либо относились к категории закрытых, либо не привлекали внимания исследователей. В этой связи представляется уместным дать обзор документов, посвященных последним дням царствования Николая II, которые отложились в фонде 97 (Управление дворцового коменданта Министерства императорского двора) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Насколько можно судить по анализу современной историографии Февральской революции 1917 г. [4; 18; 20; 22], ученые специально не обращались к данным материалам, что позволяет нам хотя бы отчасти восполнить данную исследовательскую лакуну.

Как известно, роль дворцовых комендантов — руководителей царской охраны — не была ограничена лишь формальным выполнением функциональных обязанностей, заключавшихся в обеспечении физической безопасности императора и его семьи. Благодаря профессионально развитой агентурной сети они получали и обрабатывали большое количество разного рода документации, в том числе и секретной, прямо или косвенно касавшейся безопасности суверена [5].

Как можно судить по материалам описи № 1а и № 4 фонда 97, к руководителям царской охраны стекалась информация о беспорядках в разных регионах империи (в том числе Самарская, Тульская, Харьковская, Виленская, Гродненская губернии, Москва), которые стали предвестниками событий конца февраля — начала марта 1917 г. в Петрограде. Тем не менее среди дел фонда по своему наименованию выделяется одно, имеющее непосредственное отношение к событиям 22 февраля — 6 марта 1917 г., т.е. предшествующим и последующим отречению Николая II от власти.

Дело, именуемое как «Переписка и телеграммы последних дней царствования б[ывшего] императора Николая II» [1], содержит 72 листа. Обращает на себя внимание наименование на обложке дела — «Дело Особого отдела, учрежденного приказом по Управлению дворцового коменданта от 31 декабря 1914 г. за № 195» — что скорее свидетельствует о том, что подборка была сделана не архивистами, а непосредственно сотрудниками отдела. Учитывая то, что большинство материалов расположено в хронологическом порядке и лишено какой-либо систематизации, уместно предположить, что они откладывались в папку по мере их поступления.

Подборка начинается с документов, отражающих детали императорского маршрута (поезд литер А) из Царского Села до Могилева в феврале 1917 г., а также свитского поезда литер Б [1, Л. 1–3], что позволяет уточнить мемуарные указания на то или иное время прибытия / отбытия царского поезда. О том же свидетельствуют и материалы служебной переписки (телеграммы) по уточнению времени отправки и прибытия поездов литер А и Б [1, Л. 10–13] и иным вопросам их передвижения [1, Л. 21–24]. Отметим, что наряду с известной в историографии запиской свитского генерала Д.Н. Дубенского на имя профессора С.П. Федорова от 28 февраля с предложением направить царский поезд из Бологого в Псков [16, с. 408] в деле содержится записка того же адресанта от 1 марта о порядке прибытия литерных поездов на станцию Дно [1, Л. 34].

Стоит обратить внимание на то, что история последнего царского перемещения из Ставки в Петроград в основном реконструируется по воспоминаниям его участников [10] (нередко противоречащим друг другу), их показаниям Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства [11–17], а также по ряду опубликованных в 1920-е гг. документов в таких изданиях, как «Архив русской революции» [2], «Русская летопись» [19] и «Красный архив» [21]. В этом смысле анализируемые архивные материалы могут быть полезны в плане уточнения устоявшейся историографической интерпретации последних дней царствования Николая II.

Документы дела позволяют достаточно точно определить, какая конкретная — и по объему, и по содержанию — информация о беспорядках в столице направлялась из Петрограда и получалась лично дворцовым комендантом, а затем представлялась царю.

Телеграмма, поданная 24 февраля 1917 г. на имя Николая II председателем Совета министров князем Н.Д. Голицыным, сообщала об экстренном созыве совещания ключевых министров в связи с уличными

беспорядками, подогреваемыми нарушениями в снабжении продовольствием населения столицы [1, Л. 4–5]. На следующий день глава правительства отчитался в телеграмме перед царем о том, что «решено передать заведывание продовольственным делом в городе Петрограде столичному городскому общественному управлению» [1, Л. 6]. А в сообщении петроградского градоначальника А.П. Балка, направленном царю 26 февраля, подробно описывались происшествия в столице накануне, указывались места столкновений сил правопорядка с демонстрантами и сообщалось о количестве раненых и убитых с обеих сторон [1, Л. 7–7 об.]

Информацию из первых рук непосредственно получал и дворцовый комендант В.Н. Воейков²: в зашифрованной телеграмме от 27 февраля полковник В.В. Ратко передавал генералу о бунте «литовцев», «преображенцев» и «волынцев», резюмируя: «[Во] многих местах столицы стрельба и события, не поддающиеся скорому учету, ввиду отсутствия средств передвижения и неисправного соединения телефонистками» [1, Л. 8]. В тот же день зашифрованную телеграмму направил руководителю царской охраны министр внутренних дел А.Д. Протопопов. В сообщении, полученном в Ставке 27 февраля в 14 часов 30 минут, министр информировал о мерах по преодолению беспорядков в столице [1, Л. 9–9 об.]. Стоит отметить, что характер обращений как Балка, так и Протопопова носили достаточно оптимистичные оценки, что не могло не исказить в представлении как дворцового коменданта, так и самого монарха всей опасности ситуации, сложившейся в столице.

Вечером 27 февраля состоялись две беседы по каналу прямой связи В.Н. Воейкова и военного министра М.А. Беляева о необходимости подготовить монарший поезд к выезду из Ставки в Царское Село [1, Л. 39–39 об.], а также о безопасности пребывания членов императорской семьи в Царском Селе и о поступившем в связи с этим предложении «иметь наготове поезд для следования навстречу его императорскому величеству» [1, Л. 40–40 об.] Контакты между министром и дворцовым комендантом продолжались и далее: в зашифрованной телеграмме, поданной на имя В.Н. Воейкова в Лихославль 28 февраля в 16 часов 30 минут, М.А. Беляев сообщал о «тревожном» положении в столице [1, Л. 14].

Отдельные документы свидетельствуют о той непростой атмосфере, в которой проходило принятие решений о дальнейшем продвижении литературных поездов. Так, в записке подполковника Г.А. фон Таля, направленной 28 февраля со станции Бологое, сообщалось: «По слухам, полученным в Лихославле, оба литературных поезда хотят насильно

² Подробнее о деятельности В.Н. Воейкова в дни февральского переворота см.: [6].

направить из Тосно в Петроград-Николаевский. Если действительно будут предъявлены такие требования и движение на Гатчину для нас будет закрыто, то полагаю литеру Б оставить в Тосно до прибытия литеры А. Ответ прошу телеграфировать в Малую Вишеру...» [1, Л. 15]. В мятежные дни члены царской свиты были вынуждены пользоваться слухами в качестве источника информации, так как во время движения литературных поездов из Могилева в Псков никаких сведений от Петроградского телеграфного агентства (ПТА) не поступало [10, с. 97]: все отложившиеся в деле телеграммы ПТА датированы лишь 2 и 3 марта 1917 г. [1, Л. 41–63]

В литературе активно обсуждается вопрос о характере действий Николая II в дни Февральской революции 1917 г. Наибольшую дискуссию при этом вызывает проблема, когда и при каких условиях царь принял решение пойти на компромисс с думской оппозицией, назначив «ответственное министерство». Общим положением в советской историографии было утверждение, что монарх был вынужден пойти на уступки только вечером 1 марта в Пскове под давлением оппозиционно настроенного начальника штаба Северного фронта генерала Н.В. Рузского [3, с. 338–340]. Однако эту точку зрения опровергают отложившиеся в деле проекты телеграмм, составленные от имени Николая II дворцовым комендантом В.Н. Воейковым для передачи бывшему председателю Государственной думы М.В. Родзянко утром — днем 1 марта 1917 г., т.е. еще до приезда императора в Псков [1, Л. 32]. Содержание этих проектов недвусмысленно указывает на то, что царь был готов дать «министерство доверия» еще до своего приезда в штаб Северного фронта. Источниковедческое исследование предполагаемых к отправке телеграмм позволяет прийти к выводу, что первая из них была отсроченным ответом царя на обращения думского лидера 26–27 февраля 1917 г. с призывом к реформам государственного управления, а вторая содержала приглашение М.В. Родзянко в Псков совместно с председателем Совета министров Н.Д. Голицыным, государственным секретарем С.Е. Крыжановским и кандидатом для обсуждения состава нового правительства³.

Не менее актуальным в современной историографии революции 1917 г. является вопрос о роли лидера октябристов А.И. Гучкова в событиях накануне и во время свержения монархии в феврале 1917 г. В целом исследователи сходятся во мнении, что побудительным мотивом участия оппозиционера в революционных событиях было стремление

³ Подробнее см.: [8].

к отстранению Николая II от власти для передачи трона наследнику Алексею при регентстве брата Михаила Александровича [9]. В связи с этим поездка А.И. Гучкова в Псков 2 марта 1917 г. с целью добиться отречения императора от престола чаще всего рассматривается как практическое воплощение данного замысла «магистра революции». Тем не менее выявленные в деле материалы позволяют поставить под сомнение справедливость данного исследовательского суждения. Речь идет о документе, представляющем собой машинописный текст и содержащем сведения о предполагаемом составе нового кабинета министров, который должен был возглавить «премьер-министр» А.И. Гучков [1, Л. 36]. Подробный анализ источника позволяет сделать вывод о том, что документ был создан самим Гучковым или лицами из его окружения в период с 28 февраля по 2 марта 1917 г. с целью предложить Николаю II назначить оппозиционера на высокий государственный пост. О том, что это «предложение» имело ультимативную форму, свидетельствует та часть документа, где приводятся сведения об аресте видных государственных сановников и министров, а также о переходе на сторону революции «18 полков до 75.000 человек». По нашему мнению, Гучков ехал в Псков не только с целью добиться отречения императора от власти, но и получить официальное назначение на пост главы правительства, хотя, очевидно, эта попытка потерпела фиаско⁴.

В заключение отметим, что аналитический обзор документов по истории Февральской революции из фонда Управления дворцового коменданта ГАРФ еще раз подтверждает высказанную нами ранее мысль о том, что практическое применение архивной эвристики может положительно сказаться на развитии знаний и представлений о феномене Великой Российской революции. Выявленные и рассмотренные в ходе исследования документальные материалы конца февраля — начала марта 1917 г. не только расширяют и уточняют историографическую картину хода событий Февральской революции, но и ярко свидетельствуют о серьезной политической борьбе в верхах накануне падения самодержавия в России.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 97. Оп. 1а. Д. 40.
2. Документы к «Воспоминаниям» ген. Лукомского // Архив русской революции. 1921. Т. 3. С. 247–270.
3. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. Л.: Наука, 1967. — 371 с.

⁴ Подробнее см.: [7].

4. Калашиников В.В. Новейшая историография Русской революции // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2023. Т. 11. С. 130–163.

5. Князев М.А. Дворцовые коменданты Николая II: дела и дни руководителей императорской охраны на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2025. — 232 с.

6. Князев М.А. Дворцовый комендант В.Н. Воейков в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. С. 30–44.

7. Князев М.А. К вопросу о целях поездки А.И. Гучкова в Псков к императору Николаю II в дни Февральской революции 1917 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 73–85.

8. Князев М.А. Новые документы по истории Февральской революции 1917 г. и обстоятельствам отречения императора Николая II от власти // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 866–878.

9. Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск: САУМК, 2015. — 256 с.

10. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. Л.: Красная газета, 1927. — 248 с.

11. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Т. 1. Л.: ГИЗ, 1924. — 432 с.

12. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Т. 2. М.-Л.: ГИЗ, 1925. — 440 с.

13. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Т. 3. Л.: ГИЗ, 1925. — 507 с.

14. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Т. 4. Л.: ГИЗ, 1925. — 535 с.

15. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Т. 5. М.-Л.: ГИЗ, 1926. — 473 с.

16. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Т. 6. М.-Л.: ГИЗ, 1926. — 416 с.

17. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева: в 7 т. Т. 7. М.-Л.: ГИЗ, 1927. — 477 с.

18. Первая мировая война и конец Российской империи: в 3 т. Т. 3. Февральская революция. СПб.: Лики России, 2014. — 432 с.

19. Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н.В. Рузского // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 112–160.

20. Уйд Р.А. Революция в ее столетие: проблемы и тенденции в англоязычной историографии Русской революции 1917 года // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2023. Т. 11. С. 229–262.

21. Февральская революция 1917 года (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 2(21). С. 3–78.

22. Hasegawa T. The February Revolution, Petrograd, 1917. Leiden, Boston: Brill, 2018. — 711 p.

*А.В. Полещук*¹

Организация кадрового состава милиции Временного правительства на Ставрополье в марте — апреле 1917 г.

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап формирования народной (городской) милиции на Ставрополье в контексте первых преобразований, проводимых Временным правительством, трансформации правоохранительной системы в целом. Для рассмотрения вопроса использовались преимущественно архивные источники, включающие в себя делопроизводственную документацию, а также публицистика, представленная региональной прессой. Основной акцент сделан на реконструкции процесса создания милиции в Ставропольской губернии, особое внимание уделяется кадровой политике при поиске кандидатов на службу. Статья адресована специалистам по истории революции 1917 г., историкам государства и права, а также всем интересующимся проблемами трансформации государственных институтов в кризисные переходные периоды. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших сравнительных исследованиях процессов формирования милиции в различных регионах Российской империи.

Ключевые слова: милиция; органы правопорядка; Февральская революция; Временное правительство; Ставрополье

The organization of the personnel structure of the Provisional government's militia in the Stavropol region in March — April 1917

Abstract. The article examines the initial stage of the formation of the militia in the Stavropol region within the context of the early reforms implemented by the Provisional government and the broader transformation of the law enforcement system. The study relies primarily on archival sources, including official records, as well as regional press publications. The main focus is on reconstructing the process of establishing the militia in the Stavropol province, with particular attention given to personnel policies in recruiting candidates. The article is addressed to specialists in the history of the 1917 Revolution, legal and state historians, and those interested in the transformation of state institutions during critical transitional periods. The results obtained can be used in further comparative studies of militia formation processes in various regions of the Russian Empire.

Keywords: militia; law enforcement agencies; February Revolution; Provisional Government; Stavropol region

В начале XX в. система правоохранительных органов Российской империи претерпела значительные изменения в связи с угрожающей верховной власти революционной обстановкой. В 1903 г. в большинстве губерний вводилась уездная полицейская стража, а в 1908 г. Николаем II

¹ **Алиса Валерьевна Полещук** — архивист, Государственный архив Ставропольского края (Ставрополь, Россия); e-mail: alice_poleshchuk@mail.ru
Alice V. Poleshchuk — archivist, State Archive of the Stavropol Territory (Stavropol, Russia).

был утвержден указ «Об организации сыскной части», в соответствии с которым в полицейских управлениях создавались сыскные отделения четырех разрядов для общеуголовного делопроизводства в городах и уездах. Ставрополь определялся в третий разряд. Расследовались дела о кражах, поджогах, причинении насилия, убийствах. Составлявшиеся в городе ведомости фиксировали сведения о несчастных случаях, в том числе, со смертельным исходом. Несмотря на стремление местной администрации поддерживать стабильность и спокойствие, сохраняя с этой целью действие положения о чрезвычайной и усиленной охране, уровень преступности неуклонно возрастал [8, с. 97].

В первые месяцы 1917 г. ставропольский полицмейстер продолжал составлять рапорты для губернатора, кратко описывая происшествия минувшего дня и ход расследования каждого из них [1, Л. 3]. В это же время в Петрограде в результате революционных событий 2 марта была установлена новая легитимная власть — Временное правительство. В числе проводимых им демократических реформ полиция, которая воспринималась в качестве символа старого режима, преобразовывалась в милицию.

Актуальность вопроса о первом этапе создания нового правоохранительного органа связана с его историографическим аспектом. Существующие на данный момент исследования, посвященные народной милиции, немногочисленны. Согласно А.М. Кожевниковой, недостаточная изученность проблемы обоснована малым массивом сохранившихся архивных документов [10, с. 31], однако исследования милиции на региональном уровне вполне способны восполнить существующие пробелы [10, с. 32]. В контексте этой мысли Д.А. Сафонов, называя первые шаги Временного правительства временем экспериментов в сфере правопорядка, также акцентирует внимание на необходимости изучения процесса в региональных рамках, характеризуя сами эксперименты как «местные, локальные» [14, с. 21].

Заметим также, что изучение реформирования правоохранительных органов, особенно в рамках государственного кризиса, имеет двойную значимость: оно способствует систематизированному пониманию эволюции российской системы правопорядка, а также позволяет разрабатывать эффективные решения для современной ее оптимизации.

Следовательно, в представленной работе ставится вопрос о формировании штата народной милиции на Ставрополье в первые месяцы после Февральской революции.

В ходе исследования проанализированы такие виды письменных источников, как публицистика — статьи региональных газет, относя-

щиеся к проблематике исследования; законодательные акты — циркуляры МВД и положения Временного Правительства; делопроизводственная документация, представленная докладом Д.Д. Старлочанова. В совокупности упомянутые документы могут дать комплексное представление о событиях, понимание их контекста.

Значение милиции в трудах историков оценивается по-разному. Так, она определялась как «некий промежуточный, переходный, может быть, даже компромиссный вариант между дореволюционной полицией и рабоче-крестьянской милицией» [10, с. 31] или же как часть экспериментального этапа «создания милиции Временного правительства и первых “советских” милиционных структур на местах» [14, с. 21].

Ставрополье на момент Февральской революции 1917 г., согласно оценке Н.И. Сухановой, представляло собой территорию с пестрым социальным и национальным составом населения, который «порождал разнообразие настроений и ожиданий, что осложняло возможности формирования единого правительства» [18, с. 44]. Л.А. Зверева отмечает стабильность экономической ситуации в годы войны «по сравнению с другими регионами», и связанную с ней географическую особенность расположения края, называя «специфические условия южной губернии» причиной относительного спокойствия [7, с. 87].

В начале марта в губернии был образован комитет общественной безопасности, в основные задачи которого входило сохранение ключевых достижений революции, включая закрепление и обеспечение гражданских свобод, постепенная подготовка к созыву Учредительного собрания. Ставропольским историком Н.Д. Судацовым подчеркивается, что состав комитета «был сформирован таким образом, чтобы обеспечить преимущество в нем интеллигенции» [8, с. 97]. Членами комитета по должности изначально избирались: «Дидрихсон Н.Г. — Городской Голова. А.И. Беляев — Мещанский Староста. А.И. Кухтин — Председ. Губ. Зем. Управы. А.К. Озеров — Председ. Уезд. Земск. Управы. Манжос-Белый — председатель комитета “Земгор”. А.Г. Малий — председатель “Союз банка”» [2, Л. 40]. Включались в состав также кандидаты от Городской думы, районных попечителей, армии, Совета рабочих депутатов, духовенства и различных организаций.

18 марта 1917 г. губернский комиссар, как новый глава губернии, подотчетный центральной власти, направил сообщение прокурору Ставропольского Окружного суда следующего содержания: «...имею честь сообщить, что функции уездных полицейских управ в уездах перешли их уездным комиссарам. В городе Ставрополе сокращено городское полицейское управление с передачей его в ведение городского

общественного управления, причем городская полиция преобразуется в городскую милицию» [3, Л. 23]. Ранее в статье о новом составе полиции, опубликованной в газете «Северокавказское слово» от 8 марта, нотариус Владимир Иванович Манжос-Белый назначался ее главой. Заместителем становился адвокат Николай Яковлевич Павловский [15, с. 2].

Указом Временного Правительства от 10 марта 1917 г. упразднен Департамент полиции. Вместо него учреждалось Временное управление по делам общественной полиции, в июне переименованное в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. Тогда же будет создана специальная комиссия для «ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции» [13, с. 27]. В Ставрополе специальная Комиссия по выяснению правопорядка на местах на заседании 15 марта поручила «наметить схему организации народной милиции в уезды и лекционно-осведомительные части Комитетов Уездного и Волостных» [4, Л. 7]. В принятом Ставропольским комитетом проекте указывалось, что «определение количества милиционеров предоставляется волостному комитету, но не менее одного милиционера на каждую тысячу населения, и эти наемные милиционеры получают жалованье <...>. Милиционеры назначаются и увольняются волостными Комитетами и ответственны перед Комитетом и законом», гражданские свободы правоохранителям прописывалось охранять «как святыню», также в ряды милиции набирали, «по возможности и преимуществу», солдат, частично потерявших трудоспособность в ходе войны [4, Л. 12]. Здесь можно предположить, что отбор кандидатов на службу проводился с учетом необходимости наличия боевого опыта и дисциплинированности, однако вполне уместен аргумент и в пользу того, что иных кандидатов, желающих поступить на службу, практически не было.

На начальном этапе формирования кадрового состава местной администрации, включавшую в себя милицию, затягивание процесса было очевидно, поэтому в последнем пункте прописывалось, что приставы и урядники упраздненной полиции должны будут оставаться на местах «до сформирования волостных милиций, когда волостные комитеты могут входить с представлениями в Уездный Комитет о замене чинов полиции милиционерами» [4, Л. 12 об.]. В конце марта работа все еще не была завершена, этот вопрос вновь поднимался на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов в Ставрополе. В выпуске упомянутого «Северокавказского слова» от 28 марта И. Лисовин крат-

ко сообщал: «Ряд ораторов указывает на медленность в организации милиции. Указывает, что до настоящего времени народная милиция не организована. После прений совет вынес такую резолюцию: предложить начальнику городской милиции В.И. Манжос-Белому, в интересах спокойствия и охраны личной безопасности, немедленно организовать народную милицию и удалить всех старых членов полиции и кроме того, предложить г. Манжос-Белому и г. Павловскому по важным вопросам единоличных распоряжений не давать» [16, л. 3].

В начале апреля Ставропольский горисполком настаивал, чтобы комитет «незамедлительно приступил к организации платной милиции, поручив заведование и инструктирование милицией специальному лицу», требуя при этом «заменить безотлагательно всех агентов бывшей полиции как городских, так околоточных, милиционерами из рабочих» [5, Л. 106—106 об.]. Такой изначально радикальный подход к формированию штата служащих стал одной из главных причин практического отсутствия какой-либо правоохранительной деятельности. Тем не менее, по верному замечанию Е.Ю. Оборского, «старая система, с новыми названиями и новыми людьми, с трудом, но функционировала» [12, с. 242].

Уже 17 апреля 1917 г. было издано расширенное положение «Об учреждении милиции». Во временном приложении к общему порядку, милиция окончательно определялась как «исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений» [13, с. 186]. Для служащих вводилась единая форма, на вооружение выдавалось холодное оружие и револьверы.

В разделе «О порядке определения и увольнения чинов уездной и городской милиции», в тринадцатом пункте указывались основные требования к кандидату: «На должности по милиции могут быть назначаемы только лица, состоящие в русском подданстве и достигшие 21 года». Далее вводились ограничения, согласно которым на службу нельзя было подаваться состоящим под следствием или судом, осужденным и лишенным согласно судебному решению каких-либо прав, «если со дня отбытия наказания прошло менее 5 лет». Такой возможности также лишились «несостоятельные должники», «состоящие под опекой за расточительность», «содержатели домов терпимости». В пятнадцатом пункте обозначался уровень образования, необходимый для получения должности начальника милиции или его помощника — «не ниже среднего». Для занятия второстепенных должностей требовалось лишь базовое владение грамотой [13, с. 187].

Прямого, абсолютного запрета на предоставление служебных мест в милиции бывшим чинам полиции и офицерам из ликвидированного корпуса жандармов не последовало. Наоборот, 15 марта был издан циркуляр МВД «О приеме бывших чинов полиции на службу в милицию», согласно которому «...прием на службу в милицию достойных из числа их всецело зависит от Комиссаров» [9, с. 69]. Те же сведения были опубликованы в региональной газете «Северокавказское слово» 30 марта 1917 г. [17, с. 1]. В итоге решающий голос в кадровом вопросе практически полностью отводился главе местной администрации, а отсутствие четкого определения понятия «достойных» вполне могло способствовать субъективности процесса отбора.

В следующем циркуляре от 22 марта «О лицах, могущих войти в состав милиции», ответственность за зачисление на должность милиционера уже полностью перекладывалась на губернских комиссаров «при условии оценки пригодности каждого чина в отдельности...». При этом дальнейшее формирование милиции до разработки полноценного положения должно было проходить «не стесняясь законами, относившимися к бывшей полиции» [9, с. 69]. Соответственно, если нерешенность организационного вопроса способствовала обращению руководства милиции к постановлениям старой власти, то относительно подбора кадров вполне могло быть допустимо принятие в милицию бывших полицейских и жандармов. В приоритете были эффективность и результативность работы, которые могли обеспечить только компетентные и опытные служащие.

24 марта к тексту уже добавилась формулировка об обязательном разрешении губернского комиссара о приеме на службу бывших полицейских «с местными самоуправлениями: земскими, городскими, по принадлежности, или заменяющими их гражданскими комитетами» [9, с. 70]. Позднее в удостоверениях, выдаваемых Ставропольским губернским комитетом общественной безопасности, как, например, бывшему унтер-офицеру Владикавказского жандармского полицейского Управления Филиппу Алексею Саенко, указывалось, что «прежняя служба в полиции, при отсутствии злоупотреблений и проступков на этой службе, не может явиться препятствием в получении службы или работы, но нежелательна служба такого лица в милиции» [2, Л. 58].

Процесс формирования штата нового органа отразился и в региональной печати. Пятигорская газета «Народное Эхо» содержит статью о собрании милиции 25 апреля 1917 г., где среди прочих рассматри-

вался вопрос о принятии на службу Стrepельцева, Цабая, Щетинина и Синькевича. В ходе обсуждения было постановлено «солдат, имеющих отпуск менее трех месяцев, не принимать, а потому Щитинин на службу в милицию принятым быть не может. Солдат Сенькевич, уволенный навсегда в отпуск по болезни глаз, принят быть не может, так как обладает плохим зрением. Цабай вследствие свидетельства врача о болезни ног принят быть не может. Стrepелец, казак, единогласно принят на службу в Пятигорскую милицию, с зачислением его первым кандидатом, на имеющуюся быть вакансию». Примечательно указание, что решающий голос в установлении пригодности к службе «имеет комиссариат с представителями милиции», при этом врач также имел голос, однако лишь совещательный [11, с. 3].

Свой доклад министру внутренних дел от 25 июля Д.Д. Старлочанов, занимавший на тот момент пост губернского комиссара, начинал с характеристики настроения населения в губернии после государственного переворота, описывая его как «тревожное» и «приподнятое», и заверяя, что возможные беспорядки предусматривались и «благополучно ликвидировались, с одной стороны, благодаря мерам административного воздействия, с другой — благодаря работе общественных организаций». Однако глава губернии также упомянул о продолжении своей работы по дальнейшей организации милиции в уездах и указывал, что «дело продвигается чрезвычайно медленно». Основными причинами такого состояния он считал «несовершенство закона о милиции, оставившего много неясного, отсутствие подходящих лиц, некультурность населения <...>, расшатанность административной власти» [6, Л. 235].

Итак, местная администрация Ставропольской губернии на первых этапах формирования народной милиции руководствовалась мартовскими циркулярами Министерства внутренних дел. Впоследствии они переставали играть значимую роль — все ключевые решения в отношении набора милиционеров принимались местными властями самостоятельно. Несмотря на отсутствие в циркулярах точных критериев отбора кандидатов, власти отчасти контролировали процесс набора милиционеров — солдат с боевым опытом, но имеющих серьезные проблемы со здоровьем, на службу старались не принимать. Последнее является признаком противоречивости кадровой политики. Прагматичность же местной администрации выражалась в декларировании, с одной стороны, разрыва с прежней полицией, с другой — допущении привлечения бывших полицейских чинов при определенных условиях.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101. Канцелярия Ставропольского губернатора. Оп. 4. Д. 3871.
2. ГАСК. Ф. Р-1658: Ставропольский губернский Комитет Общественной Безопасности. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 8.
6. ГАСК. Ф. Р-1867. Канцелярия Ставропольского губернского комиссара. Оп. 1. Д. 1.
7. *Зверева Л.А.* 1917 год на Ставрополье // Известия СОИГСИ. 2018. № 27(66). С. 86–93.
8. Из века в век служа закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края / под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь: Изд-во «Сервисшкола», 2005. — 578 с.
9. История полиции дореволюционной России (Сборник документов и материалов по истории государства и права) / Курицын В.М., Мулукаев Р.С., Коряков В.П. (сост.). Учебное пособие. М.: Московская высшая школа милиции, 1981. — 96 с.
10. *Кожевникова А.М.* Милиция Временного правительства: к историографии вопроса // Органы внутренних дел России: история, преемственность, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 220-летию образования Министерства внутренних дел и 105-летию образования советской милиции (Барнаул, 28 октября 2022 г.). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. С. 31–34.
11. Народное эхо. 1917. № 90. 29 апреля.
12. *Оборский Е.Ю.* Органы правопорядка на Ставрополье в 1917 году // Институт судебных следователей в России: история и современность: (к 145-летию проведения судебной реформы на Тереке и Кубани): материалы междунар. науч.-практ. конф., (17–18 нояб. 2016 г.). Ставрополь: Печатный двор, 2016. С. 241–245.
13. Россия (1917, февраль-октябрь). Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля — 5 мая 1917 г. / Сост. Отд-нием Свода Законов Гос. Канцелярии. 1917. VI, 2, 555 с. // Электронная библиотека ГПИБ России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10721-vyp-1-27-fevralya-5-maya-1917-1917> (Дата обращения: 04.05.2025).
14. *Сафонов Д.А.* Замена полиции милицией в России 1917 года: региональный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7(261). С. 21–25.
15. Северокавказское слово. 1917. № 619. 8 марта.
16. Северокавказское слово. 1917. № 634. 28 марта.
17. Северокавказское слово. 1917. № 636. 30 марта.
18. *Суханова Н.И.* Ставрополье в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Наука. Инновации. Технологии. 2005. № 40. С. 44–53.

II. Отечественная история XX – начала XXI в.

*В. Н. Самоходкин*¹

**Между Троцким и Лениным:
репрезентация Петербургского Совета рабочих депутатов
1905 г. в контексте советской политики памяти
в 1917–1930 гг.**

Аннотация. Статья посвящена месту Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов 1905 г. в советской политике памяти, складывавшейся в 1920–1930-е гг. В это время именно Петербургский Совет 1905 г. рассматривался как первый в России орган советской власти, бывший первоисточником советской политической традиции. Автор рассматривает трансформацию представлений о роли Петербургского Совета рабочих депутатов в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг., на которую непосредственно влияли такие факторы, как возникновение культа личности Л.Д. Троцкого и внутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б). Эти перемены наиболее ярко иллюстрирует изменение нарратива о Петербургском Совете в ходе юбилейной кампании 1925 г.

Ключевые слова: большевики; революция 1905–1907 гг.; Л.Д. Троцкий, Петербургский Совет рабочих депутатов, советская политика памяти

**Between Trotsky and Lenin: the representation
of the 1905 St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies
in the context of Soviet memory politics of 1917–1930**

Abstract. The article is devoted to the place of the St. Petersburg Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies of 1905 in the Soviet politics of memory which formed in the 1920s-1930s. It was the St. Petersburg Soviet of 1905 that was regarded as the first organ of Soviet power in Russia and the primary source of the Soviet political tradition. The author examines the transformation of views on the role of the St. Petersburg Council of Workers' Deputies in the events of the First Russian Revolution of 1905–1907, which was directly influenced by such factors as the formation of the personal cult of L.D. Trotsky and the intraparty strife in the Russian communist party of the Bolsheviks. These changes are most vividly illustrated by the changing narrative about the Petersburg Soviet during the anniversary campaign of 1925.

Keywords: bolsheviks; revolution of 1905–1907; L. D. Trotsky; St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies; Soviet memory politics

В истории советского государства, как известно, имел место быть не только культ отдельных личностей, но и почитание связанных с ними

¹ **Вячеслав Николаевич Самоходкин** – кандидат исторических наук, заведующий музеем «Шалаш В.И. Ленина» СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разлив» (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: feoclistus-sicilicius@yandex.ru
Vyacheslav N. Samokhodkin – Candidate of Historical Sciences, Head of the Museum “V.I. Lenin’s Hut”, St. Petersburg Historical and cultural museum complex in Razliv (St. Petersburg, Russia).

общественных институций. Наиболее ярко, конечно, это проявилось в культе правящей коммунистической партии, которая нередко наделялась не только самостоятельной, но и сакральной субъектностью. В связи с этим почитались ее предшественники: основанная Г.В. Плехановым группа «Освобождение труда», Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), музей I съезда которой стал одним из первых партийных музеев в СССР, и т.д. В свою очередь, государственная система, в основе которой лежали Советы рабочих депутатов, также должна была изыскивать исторические примеры для обоснования собственной легитимности и формирования преемственности политической традиции, ключевым первоисточником которой была революция. В этой связи весьма любопытен пример репрезентации Петербургского Совета рабочих депутатов.

Петербургский Совет рабочих депутатов действовал на исторической сцене совсем недолго: с всего 52 дня. Первое его заседание состоялось 13 октября, последнее – 3 декабря 1905 г. [10, с. 53, 366]. Тем не менее фоновыми декорациями к его политической деятельности стали драматические события период пика Первой русской революции 1905–1907 гг. Таким образом, возникший в качестве общегородского стачечного комитета, Петербургский Совет рабочих депутатов смог с первых дней своего существования приковать к себе пристальное общественное внимание, как и действовавшие в нем политические фигуры, прежде всего председатель Совета Г.С. Хрусталева-Носаря и сменивший его на этом посту Л.Д. Троцкий. Особенно большой резонанс вокруг упомянутых руководителей Совета возник после их ареста: Г.С. Хрусталева-Носаря был арестован в 26 ноября, а Л.Д. Троцкий – 3 декабря вместе со всем составом Исполнительного комитета.

Петербургский Совет рабочих депутатов стал общественной институцией, заложившей традицию институционализации политического протеста в пролетарской среде. Как отмечали Б.Д. Гальперина и В.И. Старцев, «в дни июльских боев петербургского пролетариата в 1914 г., и осенью 1915 г., в момент выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов, и весной 1916 г., и, наконец, в феврале 1917 г. возникали разговоры в рабочей среде и в среде деятелей социалистических партий о необходимости возродить Совет. Эта традиция, жившая в сознании старших и средних поколений петроградских рабочих и подхваченная рабочей молодежью, объясняет в какой-то мере дружные выборы депутатов в Совет, быстроту его организационного оформления» [8, с. 10].

И действительно, когда 27 февраля 1917 г. в ходе Февральской революции в столице возник Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, с его трибуны постоянно звучали апелляции к опыту Совета 1905 г., а ряд выступавших, например, меньшевик О.А. Ерманский, бывший членом Исполкома Совета в 1905 г., неоднократно напоминал об этом собравшимся [13, с. 73, 137]. Правда, такая апелляция не всегда срабатывала. Так, освободившийся утром 27 февраля из Дома предварительного заключения бывший председатель Петербургского Совета Г.С. Хрусталева-Носарь, выступая перед рабочими массами на углу Литейного проспекта и Шпалерной улицы, напомнил толпе о своих боевых заслугах и даже призвал ее сжечь здание Окружного суда, что было немедленно претворено в жизнь [8, с. 12]. Однако его попытки апеллировать к своему прежнему статусу в Петроградском Совете, имевшие место в тот же день, потерпели неудачу. «Летописец революции» Н.А. Суханов вспоминал, что Хрусталева-Носарь, «поминутно ссылаясь на опыт 1905 г. <...> явно предлагал себя в руководители советской организации и политики и не только произвел на всех крайне неприятное впечатление, но и заставлял думать о том, как бы отделаться от его услуг, пока через несколько дней он не исчез из Петербурга “играть роль” в других центрах» [25, с. 92].

Л.Д. Троцкого Петроградский Совет рабочих депутатов встречал совершенно иначе, правда, этому способствовали не только личный авторитет Льва Давидовича, но и его скандальный арест в Галифаксе, за которым наблюдали депутаты [13, с. 537]. Избранный сразу по возвращении в Россию сперва депутатом Петросовета, а 25 сентября, после перевыборов, ознаменовавших большевизацию органа пролетарской власти — его председателем, Троцкий не мог удержаться от аналогий с 1905 г. В своей первой председательской речи он отметил: «Позвольте вам напомнить момент из 1905 г., когда мне пришлось открыть заседание Петроградского Совета р.д. вместо арестованного Хрусталева. Тогда Петроградский Совет пережил переломный момент, который кончился нашим поражением» [14, с. 404–405]. Н.Н. Суханов, бывший свидетелем этого выступления, отметил, что тот, говоря о прежнем председателе Петросовета, меньшевике Н.С. Чхеидзе, «напомнил [депутатам] о том, что, собственно, не он занял место Чхеидзе, а, наоборот, Чхеидзе занимал место Троцкого» [26, с. 213]. Таким образом, Лев Давидович прямо закрепил традицию преемственности столичных Советов 1905 и 1917 гг., отметив, что они функционируют в совершенно разных условиях. Он же сделал и первый шаг к сакрализации института пролетарской власти, выступив

инициатором объявления даты 4 ноября «Днем Петроградского Совета» [19, с. 58].

Вскоре после Октябрьского вооруженного восстания, в организации которого Л.Д. Троцкий сыграл заметную роль, начал формироваться культ его личности. По мнению А.В. Резника, «мифом основания» для культа личности Л.Д. Троцкого, занявшего к тому времени пост председателя Реввоенсовета Республики, стало взятие Казани красными 12 сентября 1918 г. [18, с. 58]. Хотя, безусловно, в структуре формирующегося культа Л.Д. Троцкого ключевую роль играла именно ипостась «вождя Красной армии» (в связи с пятилетием которой, например, город Гатчина был переименован в 1923 г. в Троцк), важную роль в репрезентации образа политика играла и его карьера революционера, в том числе и столь важный эпизод, как руководство Петербургским Советом рабочих депутатов в 1905 г. Так, например, на обложке «Альбома “Дня красного офицера”», выпущенного 15 января 1919 г., накануне первого отмечаемого нового праздника, также учрежденного по инициативе Л.Д. Троцкого, был помещен его знаменитый портрет, сделанный в Доме предварительного заключения вскоре после ареста Петербургского Совета, снабженный подписью следующего содержания: «Тов. Троцкий в бытность его товарищем председателя Первого Совета Рабочих Депутатов Петербурга» [6].

Вопрос о влиянии Хрусталева-Носаря и Троцкого на деятельность Петербургского Совета рабочих депутатов в историографии долгое время детально не рассматривался. В советской историографии до 1927 г. превалировало мнение о том, что ключевую роль в Совете играл Л.Д. Троцкий, а Хрусталева-Носарь был лишь «случайной фигурой» [см., напр.: 22; 27]. Хотя благодаря статьям И.Н. Стрекалова [23; 24] эта точка зрения была признана не соответствующей действительности. Даже в самых последних работах, посвященных Л.Д. Троцкому, отмечается, что именно он «был движущей силой и идейным руководителем Совета» [20, с. 65]. Такое положение вещей стало возможно благодаря идеологическому и легитимационному подходу к Петербургскому Совету 1905 г. в СССР, родоначальником которого можно считать депутата Совета, близкого соратника Л.Д. Троцкого Дмитрия Федоровича Сверчкова.

В 1921 г. недавно созданная Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт) опубликовала воспоминания Д.Ф. Сверчкова «На заре революции», в качестве предисловия к которым было напечатано письмо Троцкого в Истпарт. В этом документе последний приписывал самому себе идею «создать выборный орган

власти по образцу комиссии Шидловского», но по прибытии в Петербург из Финляндии узнал, что такой орган в виде Петербургского Совета уже создали меньшевики. Кроме того, Троцкий отмечал, что, даже не будучи большевиком, консультировался тогда с бывшим наряду с В.И. Лениным руководителем большевистской фракции А.А. Богдановым по вопросу об отношении к Совету [15, с. 6–7]. Таким образом, Троцкий стремился показать читателю мемуаров Сверчкова, что он был не только «идейным руководителем Совета» [21, с. 123], как писал его соратник, но и весьма близким к большевикам политиком, без малого выразителем их интересов в Совете.

Кроме того, именно Сверчков в этой книге впервые выдвинул тезис о «случайности» возглавления Совета С.Г. Хрустальевым-Носарем, а также заявил, что Петербургский Совет рабочих депутатов был первым Советом в России. Это вызвало дискуссию в историко-партийных кругах: оппоненты Сверчкова доказывали, что первым Советом рабочих депутатов следует считать Иваново-Вознесенский Совет, действовавший с 12 мая по 27 июля 1905 г. Сверчков парировал это утверждение тем, что «Совет» — это не вывеска, а сущность, и в отличие от Иваново-Вознесенского Совета, Петербургский был не просто стачечным комитетом, а «классовой организацией пролетариата, поставившей своей задачей революционный захват государственной власти и фактически приблизившейся к этой цели» [22, с. 45]. Последнее утверждение, конечно, представляет собой явное преувеличение. Однако тезис Сверчкова о «первородности» Петербургского Совета получил распространение в советской историографии. Его горячим сторонником был выпускник Института Красной профессуры Павел Горин, которому в первом издании своей работы о Советах (1925) пришлось с жаром отстаивать точку зрения Сверчкова и подчеркивать роль Троцкого в Петербургском Совете [9, с. 4–9], а во втором, вышедшем после высылки Льва Давидовича из СССР — усиленно опровергать [10].

Еще большие преувеличения допускал сотрудник Коминтерна Макс Истмен, автор первой зарубежной биографии Л.Д. Троцкого, в которой, описывая его деятельность в Петербурге в октябре 1905 г., заключал: «Несколько дней власть Троцкого в России действительно была большей, чем царская» [цит. по: 20, с. 68]. Такое грубое преувеличение в условиях внутрипартийной борьбы вызывало явное неудовольствие членов «тройки» — И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, оформившейся в Политбюро для политической изоляции Троцкого и знакомившейся с работой Истмена в служебном переводе на русский язык [см., напр.: 2].

К тому времени идея преемственности Петроградского Совета 1917 г. Петербургскому 1905 г. стала устойчивым нарративным конструктом. «Популярный политический словарь» под редакцией Б.М. Эльцина, сторонника Л.Д. Троцкого, поместил краткое описание обоих Советов под одним заголовком [16, с. 239–240]. В 1923–24 гг. в Петрограде был совершен ряд топонимических мероприятий, призванных увековечить память о Петербургском и Петроградском Советах. Так, Технологическому институту, в Физической аудитории которого 13 октября 1905 г. произошло первое заседание Петербургского Совета рабочих депутатов, 20 декабря было присвоено имя Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Весьма примечательно, что выбор даты приурочен к годовщине объявления Московским Советом рабочих депутатов забастовки, переросшей в дальнейшем в вооруженное восстание, ставшее кульминацией Первой русской революции. В свою очередь, на пропилеях, возведенных в 1924 г. перед Смольным институтом, использовавшимся с сентября 1917 г. как место заседаний Петроградского Совета, была выведена надпись: «Первый Совет пролетарской диктатуры».

Уже с конца 1924 г. в СССР стали готовиться к празднованию 20-й годовщины революции 1905 г. 1 сентября 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) ознакомилось с проектом празднования годовщины на местах, наметив широкий план мероприятий, приуроченных к юбилею: печать литературы, съемку фильмов и т.д. Празднование предлагалось назначить на 20 декабря 1925 г., сделав этот день выходным [1, Л. 147]. Л.Д. Троцкий и Д.Ф. Сверчков также включились в работу по коммеморации: в фондах Российского государственного архива социально-политической истории сохранилось письмо к тому моменту уже бывшего наркомвоенмора к своему другу, датированное ноябрем 1925 г., в котором они обсуждали в связи с юбилеем вопрос о создании организации из бывших депутатов Петербургского Совета [3, Л. 2.]. В декабре 1925 г. в целом ряде ведущих советских газет и журналов вышли материалы, приуроченные к юбилею Петербургского Совета, которые часто иллюстрировались групповыми фотографиями с Л.Д. Троцким. Например, в юбилейном номере иллюстрированного журнала «Красная нива» на странице, посвященной Петербургскому Совету и озаглавленной «Первый Совет рабочих депутатов», на всех трех фотографиях с депутатами присутствует и подписан Лев Троцкий [11, с. 1238]. Похожая ситуация наблюдалась в журнале «Прожектор», где был помещен очерк Д.Ф. Сверчкова о Петербургском Совете, также снабженный фотографией депутатов во время суда над ними, в центре которых

стоял Л.Д. Троцкий [17, с. 15]. Касса взаимопомощи Технологического института выпустила целый альбом с фотографиями депутатов Совета, среди которых было 5 фотографий с Л.Д. Троцким, в том числе и индивидуальный портрет. Причем предварялся текст альбома портретом В.И. Ленина и цитатой из собрания его сочинений, к тому времени уже увидевшего свет [4]. Сакрализация фигуры недавно почившего вождя большевистской партии делала историю Петербургского Совета не вполне вписывающейся в формирующийся официальный партийный нарратив.

В.И. Ленин прибыл в Петербург 8 ноября 1905 г., уже после Всероссийской октябрьской политической стачки и образования Совета. Непосредственного участия в работе совета Владимир Ильич из-за опасности ареста принимать не мог: вместо него в заседаниях участвовал А.А. Богданов (Малиновский), который оказался арестован вместе со всем Советом 3 декабря 1905 г. [7, с. 21–22] Неслучайно один из исследователей ленинской биографии Г.С. Усыскин отмечал, что деятельность Ленина в Петербургском Совете остается малоизученной, а воспоминания депутатов, публиковавшиеся в 1930-е гг. [5], свидетельствующие о встречах Ленина в Совете, далеко не всегда верифицируются другими источниками [27, с. 22–23]. Таким образом, после 1935 г. в советской историографии перестала подчеркиваться исключительность Петербургского Совета в событиях Первой русской революции.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 595.
2. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 312.
3. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 531.
4. 1-й Совет рабочих депутатов гор. Петербурга в 1905 году. Л.: Касса взаимопомощи Технологического ин-та им. Ленингр. совета рабочих, крестьян. и красноарм. депутатов, 1925. — 56 с.
5. 25 лет. Сборник памяти Ильича: По воспоминаниям членов Петербургского Совета рабочих депутатов. Под общ. ред. Н.Н. Глебова-Путиловского. Л.: Ленинградское обл. изд-во, 1931. — 154 с.
6. Альбом «Дня красного офицера» 15 января 1919 г. М.: Кооперативное изд-во, [1919]. — 36 с.
7. Богданов (Малиновский) А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания: 1901–1928. М.: ИЦ АИРО–XXI, 1995. — 250 с.
8. Гальперина Б. Д., Старцев В.И. Предисловие // Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года. Т. 1. Л.: «Наука», 1991. С. 5–18.

9. Горин П. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. М.: Изд-во Коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова, 1925. — 316 с.

10. Горин П. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. 2-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. — 508 с.

11. Красная нива. 1925. № 52.

12. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года. Т. 1. Л.: «Наука», 1991. — 664 с.

13. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы, стенограммы... Т. 2. СПб.: б.и., 1995. — 560 с.

14. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы, стенограммы... Т. 4. М.: РОССПЭН, 2003. — 615 с.

15. Письмо Л. Троцкого в Истпарт // *Сверчков Д.Ф.* На заре революции. [М.]: Госиздат, 1921. С. 5—9.

16. Политический словарь. Краткое научно-популярное толкование слов. Под общ. ред. Б.М. Эльцина. 2-е изд. М.; Л.: Красная новь, 1924. — 400 с.

17. Прожектор. 1925. № 23.

18. Резник А.В. Лев Троцкий и проблема культа вождя в 1917—1927 гг. Уроки Октября и практики советской системы. 1920—1950-е гг.: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5—7 дек. 2017 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 56—63.

19. Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924. — 324 с.

20. Рубинштейн Д. Троцкий: Жизнь революционера. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. — 280 с.

21. *Сверчков Д.Ф.* На заре революции. [М.]: Госиздат, 1921. — 308 с.

22. *Сверчков Д.Ф.* Родословная Петербургского Совета рабочих депутатов // Красная летопись. 1923. № 9. С. 45—53.

23. *Стрекалов И.Н.* Был ли Л.Д. Троцкий лидером в Петербургском совете рабочих депутатов 1905 г.? // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 356—369.

24. *Стрекалов И.Н.* Г.С. Хрусталеv-Носарь в 1905 г. К предыстории создания Петербургского Совета рабочих депутатов // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2019. № 1. С. 54—73.

25. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. — 383 с.

26. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. М.: Республика, 1992. — 415 с.

27. *Усыскин Г.С.* В.И. Ленин в Петербургском Совете рабочих депутатов // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 20—36.

Оппозиция в Моссовете в 1918–1922 гг.

Аннотация. Статья посвящена деятельности оппозиции в рамках основного столичного органа в годы Гражданской войны и монополизации власти большевиками. На основе систематизации и анализа статистики, стенограмм заседаний Пленума, записей участников, корреспонденции и документации меньшевиков рассмотрена динамика сокращения некоммунистических партий, выявлены противоречия источников, обозначены проблемы, возникшие перед оппозицией. Рассмотрены деятельность внутрипартийной большевистской оппозиции в Совете и резкий рост удельного веса беспартийных в 1921 г. Сделаны выводы о том, что беспартийные начали складываться как сознательное политическое движение, однако не сформировались как полноценная политическая сила; все коммунисты в рамках Совета соблюдали партийную дисциплину, а попытки формирования единого антибольшевистского фронта не предпринимались из-за принципиальных расхождений самой представленной оппозиционной партии, РСДРП, с остальными в ее позиции о необходимости легальной работы.

Ключевые слова: Моссовет; социалистическая оппозиция; беспартийные; стенограммы заседаний

The opposition in the Moscow City Council in 1918–1922

Abstract. The article is devoted to the activity of the opposition in the capital during the Civil War. Using statistics, transcripts of meetings, participants' recordings, correspondence and documentation of the Mensheviks, the dynamics of the decline of non-communist parties is considered, contradictions of sources are identified, and problems faced by non-Bolshevik parties are outlined. The activity of the inner-party Bolshevik opposition in the Mossoviet and the sharp increase of non-party deputies in 1921 are considered. It is concluded that the non-party members began to take shape as a conscious political movement, but did not form a complete political force; all communists within the Moscow City Council observed party discipline, and attempts to form a united anti-Bolshevik front were not undertaken due to the fundamental difference between the most represented opposition party, the RSDLP, and the rest due to its position on the need to work within the legal field.

Keywords: Moscow City Council; socialist opposition; non-party deputies; transcripts of meetings

Период 1918–1922 гг. для главного столичного органа управления — это время организации собственной структуры и одновременно монополизации власти большевиками. Трудом, наиболее полно описывающим деятельность Моссовета в 1918–1922 гг., является книга Н.М. Алещенко [1]. Современные исследования по политическому положению в рассматриваемый период (например, «The Russian

¹ Глеб Олегович Ковалев — бакалавр исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: kgo0608@mail.ru
Gleb O. Kovalev — bachelor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Revolution in Retreat 1920–1924» Саймона Пирани [19]) в основном акцентируют свое внимание на внутрипартийных изменениях и подчинении Советов партийным органам [18]. Есть работы, которые анализируют политический состав Моссовета [2; 3], однако они создают лишь общую картину, не отражая в полной мере все ключевые проблемы представленной в Совете оппозиции, с чем и связана актуальность настоящей статьи. В труде Н.М. Алешенко 1976 г. многие кризисные явления в нем смягчаются, а деятельность меньшевистских партий зачастую замалчивается.

Источниковой базой работы стали отчетные сборники Моссовета за 1920 и 1927 гг., сохранившиеся печатные стенографические отчеты рассматриваемого периода, работа депутата Моссовета от фракции РСДРП Двинова о переходе партии в подполье, а также документы и корреспонденция меньшевистского происхождения. Из материалов оппозиционных партий выбраны источники, связанные с РСДРП, поскольку она была наиболее представленной в Совете меньшевистской партией в рассматриваемый период.

Левые и правые меньшевики, сохранившие единую партийную структуру, разъединившиеся левые и правые эсеры, эсеры-максималисты «разных сортов», «легальные» анархисты и представители прочих малых социалистических организаций и течений — все они составляли незначительную, но заметную социалистическую оппозицию большевистскому режиму в Моссовете с 1918 г. по декабрь 1922 г.²

Выборы в Моссовет весной 1918 г. имели важный контекст помимо IV Съезда Советов³. Еще 7 января 1918 г. меньшевики выдвигали предложения о перевыборах Совета, однако Исполком их отклонил, аргументировав свое решение тем, что рабочие в случае недовольства своими представителями всегда могут отозвать их и заменить новыми. Через три недели Исполком исключил из состава Совета правых эсеров, делегированных в Совет непосредственно от партии [13, с. 19–21]. Правые эсеры и эсеры центра в этот момент оказались полуизолированными даже со стороны оппозиции: они заняли слишком открыто враждебную позицию к новому строю [24].

² Хотя левые эсеры до своего восстания в июле 1918 г. и не вступали в конфронтацию с большевиками, я нахожу корректным их рассмотрение как оппозиционной силы, поскольку правительственная коалиция большевиков и ПЛСР рухнула еще до перевыборов 1918 г.

³ На нем было закреплено решение о временном переносе столицы в Москву и ратифицирован Брест-Литовский мирный договор, в связи с чем левые эсеры и вышли из правительства.

Когда большевики назначили выборы в Совет, нуждавшаяся в доборе депутатов РСДРП в лице своего Московского комитета постановила, что в партийном списке могут еще фигурировать сочувствующие или беспартийные, но участие в нем эсеров недопустимо. Только если речь шла о предприятии, выславшем в Совет всего одного делегата, а вероятности прохождения меньшевика не было, то поддержать тогда следовало кандидата от эсеров [22]. При этом наказ МК РСДРП требовал невозможного в условиях сохранения власти большевиков: борьбы с безработицей, восстановления самоуправления, свободы слова, печати, союзов, собраний и личности, Учредительного собрания с роспуском СНК, а также расторжения Брестского мирного договора [17].

Статистические сборники за 1920 и 1927 гг. дают разные результаты оппозиционных партий на выборах в Совет⁴: в тексте сборника 1920 г. можно найти показатели в 10,8% делегатов-меньшевиков⁵, 3,6% эсеров⁶ и 4,03% левых эсеров⁷, причем в статистическом отделе сборника размещена информация о 86 делегатах-меньшевиках (9,9%) и 31 левом эсере (3,6%) при неясном числе прочих эсеров. Эти же цифры были перепечатаны и в сборнике 1927 г., только при переносе были упущены левые эсеры и 31 депутат перешел просто к «с.-р.». Это противоречие разрешается почти полностью за счет внимательной обработки таблицы 1920 г.: если в таблице 1927 г. после меньшевиков и эсеров все остальные слиты в «прочие партии», то ее предшественница сделана более подробно. Показатель в 94 депутата можно получить, если сложить меньшевиков, «с. д. интернационалистов» и Бунд; с эсерами все несколько сложнее: таблица дает 5 ответвлений, ни одна комбинация которых не дает указанных чисел [13, с. 3, 41–42; 15, с. 132].

Оппозиционеры, избиравшиеся в Советы весной 1918 г., сталкивались с парадоксом: они, выступая на тот момент противниками советской власти даже на идейном уровне, были вынуждены требовать расширения прав Советов, их освобождения от государственного контроля [11]. В итоге на фоне начавшегося восстания Чехословацкого корпуса и образования КОМУЧа ЦИК РСФСР 14 июня исключил из своего состава меньшевиков и эсеров⁸ и постановил исключить их из советских органов [5]. На заседании Исполкома Моссовета 25 июня

⁴ Если быть точным, разные показатели содержатся также в рамках одного сборника 1920 г.: процентные результаты из текстового блока не соответствуют перепечатанным в сборник 1927 г. показателям из раздела статистики.

⁵ Это соответствует 94 депутатам.

⁶ 31 депутат.

⁷ 35 депутатов.

⁸ К представителям ПЛСР это не относилось.

меньшевик И.А. Исув⁹ пытался опротестовать это решение, обвиняя большевиков в диктатуре, поправении и приближении к кадетству, однако собрание в итоге постановило исключить эсеров из Моссовета¹⁰, а меньшевиков из его исполнительных органов [10].

Последовавший в июле мятеж левых эсеров привел к сокращению и их фракции, однако реакция большевиков на него была более сдержанной: 23 июля пленум Моссовета признал по-прежнему необходимым сотрудничество с левыми эсерами, готовыми отмежеваться от политики центра, официально выступившего против действовавшей власти, более того, в состав Исполкома был введен левый эсер Рутковский – последний член некоммунистической партии в Исполкоме Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов [13, с. 5–9, 35–38].

С началом активной фазы Гражданской войны положение некоммунистических фракций заметно осложнилось, пленум подавляющим большинством принимал постановления, содержавшие, например, такие формулировки: *«изменники социализма правые эсеры и меньшевики»* [23]. Положение этих партий все больше напоминало «политическую шизофрению»: меньшевики, которые еще в начале осени 1918 г. отказались от требования Учредительного собрания и сменили его лозунгом *полного соблюдения советской конституции*¹¹, не будучи официально полностью запрещенными, вновь были легализованы [16, с. 19], а уже в феврале 1919 г., на фоне легализации эсеров, вновь были почти запрещены [16, с. 56]. В марте положение МК РСДРП менялось несколько раз: меньшевики были арестованы, затем отпущены, Президиум подтвердил, что партия легальна, а через несколько дней снова произошли аресты и Совет объявил их врагами рабочего класса [14].

В РСДРП заявляли, что с какого-то момента арестованным начали предлагать освобождение в случае отказа от публичной критики или выхода из партии или правления фабзавкома [9]. В таком нестабильном положении оппозиционные социалистические партии и подошли к перевыборам 1920 г.

По вопросу о результатах оппозиции на этих выборах источники вновь не достигают единства: сборник 1920 г. сообщает об избрании 40 меньшевиков, 3 анархистов, 1 независимого социалиста, 1 максима-

⁹ На тот момент в составе Исполкома помимо 43 большевиков и 5 левых эсеров были еще 9 меньшевиков и 3 эсера центра [13, с. 18].

¹⁰ На предприятиях, которые представляли эсеры, производились перевыборы [13, с. 5–9].

¹¹ Это решение ЦК вызвало шквал критики и усугубило раскол между «правым» и «левым» течениями РСДРП [16, с. 41].

листа и 1 члена Объединенной еврейской социалистической партии, с чем согласуются данные сборника 1927 г., однако сохранившаяся стенограмма первого пленарного заседания после выборов сообщает другие цифры. Председатель собрания, объявив, что мандатная комиссия отклонила заявки 10 коммунистов, 9 меньшевиков, 3 анархистов и 6 беспартийных, подтвердил избрание 46 меньшевиков, 3 депутатов от анархистов, максималистов и еврейской социалистической партии (по одному делегату от каждого), что уже на 3 оппозиционных депутата больше, чем указано в статистических сборниках. Более того, выступавший на том заседании Дан заявил о 51 члене фракции меньшинства, то есть количество избранных на выборах в Моссовет в феврале 1920 г. представителей социалистической оппозиции колеблется от 46 до 51 депутата (4,07–4,51%) [7; 13, с. 47–48].

Меньшевики, которые составляли абсолютное большинство оппозиции в Совете, переживали тяжелый кризис: Мартов эмигрировал, в стране усиливалось «правое крыло», выступавшее с критикой линии ЦК [12; 21], все больше членов партии покидало ее ряды [4, с. 15–17, 40–41, 43–44, 55; 8; 20]. Период 1921–1922 гг. стал закатом РСДРП как в России в целом, так и в Моссовете.

Если на выборах 1921 г. меньшевики провели 12 делегатов (0,6%), эсеры — 6 (0,3%), а «прочие» — 10 (0,5%), то уже на январских выборах 1922 г. оппозиция состояла из меньшевистской и эсеровской групп по 3 депутата (0,2%), а выборы декабря 1922 г. стали первыми выборами, после которых Пленум Моссовета мог быть разделен всего на две фракции — коммунистов и беспартийных [15, с. 132].

История представительства социалистической оппозиции, ключевой силой которой на протяжении всего времени была РСДРП, пытавшаяся сохранять легальность и тем самым отстранявшаяся от остальных оппозиционных сил в Моссовете, — это непрерывная тенденция общего сокращения.

Обращаясь к историографии, можно встретить тезис, согласно которому московская группа коммунистов, возглавляемая изначально А.И. Рыковым, а затем Л.Б. Каменевым, выступала за более умеренный экономический курс, изначально лучше справлялась с организацией хозяйственной деятельности и в целом была оппозиционно настроена к центральной власти [18, с. 61–62, 73, 76–77]. Однако отобранные источники дают очень мало свидетельств подобного: в рамках заседаний Пленума большевики и избиравшиеся ими председатели (тот же Каменев) строго проводили партийную линию и отстаивали тезисы государственной власти, обвиняя их противников в контрре-

волюционности и мелкобуржуазности. Единственный случай, выбивающийся из этой череды одобрений – это вопрос о подписании мира с немцами в 1918 г. В сборнике 1920 г.¹² указано, что Московский Совет еще 28 февраля 1918 г. повторял призывы к *продолжению мобилизации революционных сил для защиты завоеваний революции*. Более того, ничего не сказано о поддержке итогового варианта Брестского мира, впоследствии только упоминается одобрение дополнительного соглашения 3 сентября 1918 г. [13, с. 16]. В сборнике 1927 г. отмечается, что вопрос о переговорах с немцами о мире обсуждался в Исполкоме три раза: 14 января, 21 и 25 февраля 1918 г. Финальным решением Исполкома, принятым большинством в 42 голоса против 10, было требование об отклонении сепаратного мира и *продолжении войны в целях защиты завоеваний русской революции*. Однако в сборнике есть примечание, что «Исполнительный комитет по данному вопросу занял ошибочную позицию, впоследствии им самим исправленную» [15, с. 76]. Хотя официального решения о признании ошибочности прежнего решения мне обнаружить не удалось, необходимо отметить, что, например, Каменев впоследствии упоминал происходившие события действительно в рамках официального партийного дискурса.

Аналогичная ситуация складывается и с малыми внутрипартийными оппозиционными объединениями начала 1920-х гг., описанными ярче всего Саймоном Пирани. Так, он, например, выделяет группу Ефима Игнатова в качестве одной из основных оппозиционных сил в столице, опираясь в основном на источники внутрипартийного происхождения. Анализируя же известную деятельность последнего в рамках Моссовета, нельзя четко говорить о яркой его оппозиционности: с самого начала функционирования объединенного Совета и до мая 1919 г. Игнатов входил в Президиум, а как минимум еще до середины 1920 г. оставался в Исполкоме [13, с. 33–38]; из стенограмм заседаний 1919 г. можно выяснить, что он был одним из ключевых спикеров по проблеме топлива в Моссовете в какой-то момент и действительно отличался от многих тем, что вносил предложения, давал конструктивную критику и периодически говорил о необходимости каких-либо изменений не в рамках своей тематики. Однако в большинстве случаев он также четко следовал партийному курсу и не проявлял никакой оппозиционности. То есть можно сказать, что в рамках деятельности в Совете внутрипартийная большевистская оппозиция четко следовала провозглашенной линии, придерживаясь партийной дисциплины,

¹² Главным редактором был Каменев.

а потому в рамках «внутрисоветской» политики она не может считаться оппозиционной силой.

Отдельно следует упомянуть о движении беспартийных — объединении людей любых взглядов и программ, выдвинувшихся каждый по своей причине. Каким образом они могут быть политической силой и тем более движением или объединением?

Если анализировать удельный вес беспартийных депутатов в рассматриваемый промежуток времени в виде графика, то получится колокообразная кривая: 73 депутата (8,4%) на выборах 1918 г., 42 (6,3%) после чисток 1918 г., 166 (10,8%) на выборах 1920 г., 533 (25,2%), в 1921 г., 251 (14,8%) на январских выборах 1922 г., и 177 (9,3%) на декабрьских [15, с. 132]. Уже в 1920 г. большевики признавали, что количество беспартийных растет, но связывали это с выходом из партий меньшевиков и эсеров [13, с. 2–3]. Однако беспартийная четверть депутатов в тех условиях — явный социально-политический феномен. Саймон Пирани больше остальных исследователей акцентирует внимание на подъеме 1921 г. и считает это ключевым политическим движением периода полного развала и кризиса, когда все небольшевистские партии подвергались репрессиям, а улучшение социально-экономических показателей не виделось на горизонте.

Обращаясь к источникам, можно сказать: существовали небольшие общественные движения внепартийного толка (так, на заседании 11 марта 1919 г. один рабочий, назвавшийся махаевцем, заявил, что хоть их организация и разогнана, но *творчество работы* принадлежит им, а также, констатируя полный развал хозяйственной системы, предложил закрыть театры, чтобы люди работали, а не шлялись [6, с. 123]). Большая часть таких организаций относилась к условному рабочистскому течению; однако было и массовое движение беспартийных, самоопределявшихся как осознанно шедших в Совет пролетариев.

Для всех классических политических сил это стало открытием. Социалисты, писавшие о самоорганизации рабочих масс на протяжении десятилетий, именно что столкнулись с ним в советском строе. В записках Двинова отражается определенное удивление как власти, так и оппозиции, не ожидавших подобного явления в 1921 г. Описано, как большевики сперва попытались создать параллельное движение «честных беспартийных», которых включали в свои списки вместе с большевиками. Каменев попытался устроить общее собрание, но беспартийные первым делом проводили всех партийных, бывшему большевику поаплодировали, а А.А. Трояновского, члена ЦК РСДРП, вышедшего из партии, выгнали [4, с. 42–43]. Тем не менее уже в конце

года большевики добились определенного успеха: известно о проведении в Моссовете 11 октября 1921 г. совместного заседания фракции РКП(б) и беспартийных, с которого всех остальных¹³ попросили удалиться [25].

Движение беспартийных так и не стало реальной политической силой, как-либо повлиявшей на деятельность Совета: оно возникло, поразив всех самым фактом своего появления, но никак не изменило окружающую действительность. Вместе с тем, переходя на уровень гипотез, можно предположить, что формирование рабочего течения, дойдя до сведения правящей верхушки, стало еще одним из множества аргументов кризисного характера в споре о необходимости перехода к новой политике.

Рассуждая об оппозиции в Московском Совете в 1918–1922 гг., нельзя не отметить, что это была простая картина из сложных людей в сложнейшее время. Члены РКП(б) соблюдали партийную дисциплину и не выносили внутренние дискуссии в поле деятельности Совета. Социалистическая оппозиция делилась на часть, более отвергавшую большевистский строй и мало принимавшую участие в Совете, и лучше приспособившихся (и от того еще более распавшихся) меньшевиков, представительство которых все равно положительно выигрывало только на фоне остальных оппозиционных партий; беспартийные появились как политический субъект, но не оформились как самостоятельная политическая сила. Оппозиция в целом за все время своего существования не предприняла попыток формирования единого фронта для борьбы с большевиками, вследствие чего РКП(б) полностью вытеснила все остальные партии из Моссовета.

Список источников и литературы

1. *Алеценко Н.М.* Московский Совет в 1917–1941 гг. М.: Наука, 1976. – 592 с.
2. *Гусев А.В.* Выборы в Московский Совет в 1918–1939 гг. // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг.: материалы научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2019 г.). М.: Московская городская Дума, 2019. С. 143–152.
3. *Гусев А.В., Гусева Ю.В.* Власть и оппозиция на выборах в Москве в 1918–1922 гг.: Как Моссовет стал однопартийным // Жить историей и думать о будущем. Сборник статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К.Н. Морозова. М., 2021. С. 420–434.
4. *Двинов Б.Л.* От легальности к подполью. (1921–1922). Stanford: Hoover Institution, 1968. – 201 с.

¹³ 28 депутатов из 2115, 1,4%.

5. Запрос социал-демократической фракции Моссовета по поводу решения ЦИК об исключении Социалистических партий из Советов всех уровней [18.06] // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1918 году. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 561–562.*
6. Заседание Пленума М.С. Р. И К. Д. 11-го марта 1919 года // *Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М.: 11-я Государственная типография. 1919. № 8. С. 117–132.*
7. Заседание Пленума М.С. Р. И К. Д. 6-го марта 1920 года // *Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М.: 11-я Государственная типография. 1920. № 1. С. 1–11.*
8. Заявление А. Никольского, М. Бляхера и С. Будника о выходе из РСДРП [20.05.1921] // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 259–260.*
9. Заявление ЦК РСДРП в Президиум ВЦИК по поводу ареста членов партии [24.05.1919] // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1919–1920 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 195–196.*
10. Из материалов заседания Исполкома Моссовета 25 июня // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1918 году. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 568–572.*
11. Из материалов пленарного заседания Моссовета 23 апреля // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1918 году. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 385–387.*
12. К Всероссийской конференции РСДРП. Бюллетень членов Киевской организации РСДРП, стоящих на платформе оппозиции ЦК // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1921–1922 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 154–166.*
13. Красная Москва, 1917–1920: [сборник Статистического отдела Московского Совета р.к. и к.д.] / под общ. ред. Л.Б. Каменева и Н.С. Ангарского. М.: Московский совет р., к. и кр. д., 1920. — 744 с.
14. Листовка ЦК РСДРП // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1919–1920 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 175–179.*
15. Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1927: Сборник. М.: 16-я тип. «Мосполиграф», 1927. — 597 с.
16. *Ненароков А.П., Павлов Д.Б., Розенберг У.* Оппозиция в рамках советской системы: неудавшийся дрейф «влево». 1919–1920 гг. Документально-исторический очерк // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1919–1920 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 17–72.*
17. Обращение МК РСДРП «Ко всем московским рабочим и работницам» и примерный наказ на выборах в Моссовет [около 30 марта] // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1918 году. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 337–339.*
18. *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество — История, 1997. — 272 с.
19. *Пируни С.* Русская революция в отступлении. М.: Новый хронограф, 2013. — 480 с.
20. Письмо Б.С. Васильева П.Б. Аксельроду [06.08.1921] // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1921–1922 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 319–331.*
21. Письмо Д.Ю. Далина П.Б. Аксельроду [14.02.1921] // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1921–1922 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 105–106.*

22. Постановление МК РСДРП о выставлении самостоятельных списков на выборах в Моссовет [29.03.] // Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1918 году. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 337.

23. Собрание постановлений и распоряжений М. С. Р. И К. Д. М.: Издание Юротдела М.С. Р. И К. Д. № 2 [1–30 сентября 1918 г.]. – 30 с.

24. Статья Ю.О. Мартова в газете «Всегда Вперед!» Почетная капитуляция // Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. / Меньшевики в 1919–1920 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 92–93.

25. Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М.: 7 типография МГСНХ. 1921. № 10. – 10 с.

**Становление и развитие советского
военно-морского образования (1919–1941 гг.)
на примере Училища командного состава флота –
Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе:
историография вопроса**

Аннотация. Первая половина XX века – уникальный период в отечественной истории, ознаменованный формированием нового государства с особой идеологией. Происходила перестройка всех сфер общественной жизни, включая военно-морское образование. Изучение проблемы формирования и развития советского военно-морского образования представляет значительный интерес, однако сейчас в науке довольно мало работ, посвященных этой проблематике. Настоящая статья представляет собой попытку проанализировать и систематизировать имеющиеся исторические исследования, посвященные вопросу изучения и развития советского военно-морского образования в период его становления на примере основообразующего военно-морского училища государства – Училища командного состава флота – Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе.

Ключевые слова: историография; высшее военно-морское образование; СССР

**The study of formation and development
of the Soviet naval education (1919–1941) on the example
of the Fleet Command Staff School – of the Higher Naval School
named after M. V. Frunze: historiography of the issue**

Abstract. The first half of the 20th century is a unique period in Russian history, marked by the formation of a new state with a special ideology. There was a restructuring of all spheres of public life, including naval education. The study of the problem of formation and development of Soviet naval education is important and interesting, but nowadays there are few works devoted to this problem. This article is an attempt to analyze and systematize the available historical studies devoted to the issue of the development of the Soviet naval education in the period of its formation on the example of a state fundamental naval academy – the Fleet Command Staff School of the Higher Naval School named after M.V. Frunze.

Keywords: historiography; higher naval education; USSR

Советское военно-морское образование до сих пор недостаточно изучено и представляет собой важную область для исторических исследований. Первым и одним из ключевых этапов любого исторического исследования является рассмотрение уже существующих работ по теме,

¹ Ангелина Сергеевна Филимонова – аспирант, Институт российской истории Российской академии наук (Москва, Россия); email: gels.555.ist@yandex.ru
Angelina S. Filimonova – postgraduate student, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

что и является целью данной статьи, а также предпринята попытка упорядочить и структурировать имеющиеся публикации.

Историографию темы представляется целесообразным разделить на несколько групп. Классификация проведена от специализированных и узких исследований к более общим трудам, в которых лишь затронуты вопросы, касающиеся эволюции советского военно-морского образования.

Первой и наиболее необходимой для изучения темы группой являются исследования, посвященные структурной организации и исследованию внутренних распорядков непосредственно в военно-морских училищах.

В эту группу входят изданные после 1919 г. «сквозные» исследования истории Морского корпуса – ВВМУ им. М.В. Фрунзе. Если ранние работы этого жанра имели пропагандистско-агитационную направленность и представляют лишь минимальный научный интерес [6; 32], то увидевшие свет в последующие десятилетия очерки истории старейшего военно-морского училища страны содержат сведения, раскрывающие аспекты советской военно-морской подготовки в специализированных учебных заведениях [3; 7; 37]. По нашему мнению, в данной группе наибольшую ценность представляет двухтомная коллективная монография, подготовленная к 300-летию юбилею ВМФ под руководством начальника кафедры военной истории Высшего военно-морского училища (имя М.В. Фрунзе к этому времени из названия учебного заведения было исключено) кандидата исторических наук, профессора капитана 1-го ранга В.Ю. Грибовского [27; 28]. Этот труд содержит не только общий очерк истории старейшего светского высшего учебного заведения нашей страны, но и главы, посвященные истории факультетов, кафедр, служб и отделов училища, что позволяет конкретизировать наши представления об эволюции целеполагания, форм, методов и результатов учебного процесса по различным дисциплинам и специальностям, научно-методического и материально-технического обеспечения учебно-воспитательного процесса и т.п.

Среди многочисленных юбилейных изданий стоит отметить также объемную монографию, изданную в 2022 г. к 320-летию Училища [29]. Действительно ценная и детализированная работа, выполненная с энтузиазмом, однако, демонстрирует преимущественно достижения, так как по формату не является историческим исследованием, в основе которого лежит критический анализ. Несмотря на это, исследователями был использован обширный архивный материал (в том числе справочные материалы, отражающие вклад выпускников Морского

корпуса Петра Великого (современное название учреждения) в развитие флота, военно-морского дела, науки и культуры) и проделана огромная работа.

Особняком в первой группе стоят работы моряков-эмигрантов об истории своей alma mater [21; 39]. Эмигрантское военно-морское сообщество не признавало преемственности ВВМУ им. М.В. Фрунзе дореволюционному Морскому корпусу. Например, в своем труде А.Г. Тарсаидзе прямо указывает на то, что «старейшая школа в Империи» на момент прихода большевиков к власти прекратила свое более чем двухвековое существование [39, с. 3]. Однако отношение «морской семьи в изгнании» к советской «кузнице флотских кадров» (и Рабоче-Крестьянскому Красному Флоту в целом) на протяжении 1920–1930-х гг. эволюционировало от уничижительно-критического к внимательно-заинтересованному [20, с. 184–195].

Все работы этого раздела представляют безусловную ценность с точки зрения освещения эволюции организационной структуры училища, истории учебного процесса и отчасти воспитания будущих офицеров, однако оставляют за скобками повседневную жизнь воспитанников, их быт и досуг. Последние аспекты в настоящий момент времени только ждут своего раскрытия.

В отдельную группу целесообразно свести исследования политико-идеологической работы в Вооруженных силах межвоенного периода, деятельности политических органов, партийных и комсомольских организаций в армии и на флоте. Приведенные в них сведения формируют представление о контексте проводимой в училище политико-воспитательной, культурно-массовой и т.п. работы [14; 15; 25; 30; 31; 35; 40]. Существенным пробелом в исследованиях военно-морского образования является отсутствие работ, посвященных политико-идеологической деятельности непосредственно на Флоте. Тем не менее, учитывая общие принципы, которыми руководствовались советские руководители в отношении всех Вооруженных сил, данные статьи оказываются полезными, поскольку они дают общее представление о целях и задачах в этой сфере.

В.В. Жарков в своей статье, посвященной культурно-просветительской работе в Красной Армии в межвоенный период [14], рассматривает преимущественно ее задачи: формирование необходимого советскому руководству мировоззрения, а также содействие политической и боевой подготовке войск, воинскому воспитанию; распространения знаний о боевых традициях, об опыте Гражданской войны с целью приобретения служащими военных и военно-технических знаний;

развитие в военных творческого потенциала в результате организации разного рода самостоятельности. В результате анализа автор приходит к выводу о недостаточной материальной поддержке хозяйственной части и культурно-просветительской деятельности в Красной армии. В.В. Жарков считал, что это являлось причиной негативных явлений, таких как пьянство и несанкционированные отсутствия. Также выше-названным автором написана работа, посвященная пропаганде и агитации в Красной Армии [15], что являлось несомненно важной частью советской системы.

Ю.П. Петровым написана монография, посвященная исследованию структуры политических органов и комсомольских организаций Армии и Флота [35]. По его мнению, одна из важнейших и характерных черт советских военных структур – советское единоначалие – напрямую связана с включением партийно-политических структур в деятельность Армии и Флота. Если советские исследователи в основной массе не высказывались негативно относительно выше-названной черты, то в современных работах мы все чаще встречаем критику. В частности, С.Г. Осьмачко в своей статье отмечал, что советское единоначалие, иногда переходящее в форму принуждения и насилия, могло приводить к непредсказуемым для руководства последствиям – снижению уровня дисциплины, «контркультурному поведению»: «Культурное насилие большевиков породило в широких слоях населения контркультурные настроения (вплоть до прямого протеста)... Например, в армии формой контркультурного поведения является недисциплинированность» [31, с. 265].

К следующей группе следует отнести исследования об эволюции отечественного образования в целом. Обращение к ним позволяет выявить место старейшего и во многом системообразующего учебного заведения, каковым являлось ВВМУ им. М.В. Фрунзе, в системе подготовки военно-морских командных кадров [1; 8; 11; 12; 13; 19; 22; 38; 41]. Хронологические рамки в такого рода исследовательских работах довольно широкие и обычно охватывают период от организации первых военно-морских учебных заведений при Петре I вплоть до системы военно-морского образования Российской Федерации. В данном случае они полезны для общего понимания контекста при разработке более глубинного исследования.

Наконец, обобщающие исследования, характеризующие состояние РККФ в межвоенный период, уровень его боеспособности и боеготовности, организацию и эффективность оперативно-боевой подготовки, состояние аварийности и т.п. [9; 10; 16; 17; 18; 23; 26; 33; 34;

36]. Все эти параметры определялись в значительной степени уровнем специальной, тактической, морской и общей подготовки выпускников высших военно-морских училищ, в первую очередь ВВМУ им. М.В. Фрунзе, и, следовательно, чрезвычайно важны для оценки результатов учебно-воспитательной работы с курсантами.

Вопросы образования и подготовки кадров в военно-морских учебных заведениях в исследованиях данной группы затрагиваются лишь косвенно. Несмотря на это, исследователи все же поднимают проблему недостаточного уровня подготовки кадров военно-морских сил. Так, в работе адмирала И.М. Капитанца [17] кадровая проблема второй половины 1930-х гг. рассматривается лишь вскользь, но исследователь определяет ее как одну из трех ключевых причин недостаточного уровня развития советских военно-морских сил накануне Великой Отечественной войны, ставя ее в один ряд с оперативно-стратегическими ошибками высшего руководства и недостаточной технической оснащенностью флота. Его оценка кадровой проблемы не нова для историографии, так как в качестве основного ее недостатка указываются интенсивные чистки, приведшие к дефициту знаний и практических навыков в высшем руководящем составе.

Наиболее полным исследованием в данной группе является монография доктора исторических наук П.В. Петрова. Его работа представляет собой масштабное и всестороннее исследование состояния Краснознаменного Балтийского Флота (КБФ) накануне войны, охватывающее технические, боевые, политические аспекты и кадровую проблему. Глава, посвященная подготовке командных кадров, описывает систему высшего военно-морского образования, учебные заведения того времени и анализ готовности кадров, основанный на мнении наркома Н.Г. Кузнецова. Исследователь считает, что «данная система (подготовки командно-начальствующего состава для ВМФ. — А.Ф.) выглядит вполне логичной и правильной. Но насколько эффективной была данная система и насколько хороших специалистов для ВМФ она готовила, является довольно обширной темой для исследований» [34, с. 322]. Несмотря на стремление охватить весь спектр проблем, вопрос советского военно-морского образования не был ключевым для исследователя, в связи с чем мы не найдем в его работе глубокого анализа внутреннего устройства военно-морских училищ и жизнедеятельности их курсантов. Он справедливо указывает на неизученность этой проблемы и необходимость ее дальнейшего изучения, так как, хотя низкий уровень подготовки кадров и признается, причины этого явления остаются неясными.

В небольшую отдельную группу стоит выделить работы, в которых раскрываются довольно узкие аспекты военно-морской деятельности в межвоенный период, оказавшие влияние на советское военно-морское образование [4; 5]. В частности, исследователь А.А. Бочаров начал изучение роли кинематографа в ВМФ в конце 1930-х – 40-х годов, в рамках чего им была затронута проблема учебного кино для моряков [4].

Таким образом, в настоящее время историография по теме нуждается в пополнении. Как видно из приведенного анализа, в научной литературе преобладают либо общие исследования, связанные со структурой и организацией всего ВМФ, в которых вопросы советского военно-морского образования затрагиваются опосредованно – только в тех случаях, когда необходимо оценить степень подготовки кадров, либо работы, в которых раскрываются отдельные аспекты, влияющие на подготовку военно-морских кадров в специализированных учебных заведениях.

Работы, посвященные истории исследуемого училища обладают безусловной ценностью, но только с точки зрения освещения таких общих вопросов, как эволюция организационной структуры учебного заведения, истории учебного процесса и лишь отчасти воспитания и подготовки будущих офицеров. В свою очередь, в них оставлены за скобками такие важные вопросы, как повседневная жизнь воспитанников, их быт и досуг.

Эмигрантская литература, несмотря на высокий уровень субъективности, полезна с точки зрения нового, отличного, взгляда на известные события.

Если говорить о тех исследованиях, которые посвящены изучению развития отечественного военно-морского образования в целом, то благодаря им мы можем определить место старейшего военно-морского учебного заведения среди других учебных заведений страны. Оно, как известно, являлось во многом системообразующим. Однако в силу широкого хронологического охвата этих работ они не изобилуют подробностями, а содержат лишь общие сведения.

Исследования, освещающие политико-идеологическую работу, были выделены в отдельную группу ввиду того, что они имеют особую важность для рассматриваемого нами периода (1919–1941 гг.). Для советского государства вопрос идеологического воспитания и пропаганды стоял на передовых позициях, особенно в первой половине XX столетия, когда шло формирование государственных структур и системы образования. Представляется, что недостатком этой группы работ является то, что они преимущественно посвящены рассмотрению

вышеназванных проблем в структурах РККА. В целом, программы для организаций РККА и РККФ могли быть довольно схожими, однако присутствовали и отличительные черты, как минимум, в силу особенностей военно-морской культуры.

Обобщающие исследования, в которых оценивается состояние всего РККФ в межвоенный период — наиболее обширная и по количеству, и по содержанию группа работ. Говоря о подготовке Флота к войне, о его модернизации и развитии, исследователь не может упустить такой важный аспект, как подготовка кадров. Последняя оказывала ошутимое влияние на боеспособность РККФ в целом, его организацию, эффективность оперативно-боевой подготовки, состояние авиарийности и проч.

Рассмотрев имеющуюся историографию, можно сделать вывод о том, что в настоящее время полных, качественных, всеобъемлющих трудов, посвященных изучению становления военно-морского образования на примере Училища командного состава флота — Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе как системообразующего и старейшего военно-морского учебного заведения, не имеется.

Список источников и литературы

1. 300 лет военно-морского образования в России (Материалы военно-морских исторических чтений в Центральном военно-мор. музее). СПб., 2001. — 151 с.
2. Актуальные проблемы повышения эффективности функционирования научно-учебно-флотской системы, теории и практики боевой и оперативной подготовки и учебно-воспитательного процесса высших военно-мор. учеб. заведений: сб. материалов научно-практической конференции 1994. Часть 1. СПб., 1996. — 172 с.
3. Антонова В.В., Грибовский В.Ю., Лобов В.С., Мотрохов В.А. Высшее Военно-Морское Училище имени М.В. Фрунзе. Краткая история: факты, события, люди. Л., 1989. — 191 с.
4. Бочаров А.А. Флот и становление отечественного кинематографа // Елагинские чтения / Федеральное архивное агентство; РГАВМФ. Вып. VII. СПб.: Издательский Дом «Гиперион», 2014. С. 35—44.
5. Бочаров А.А., Фотуньянц В.Н. Советский Военно-Морской Флот и кинематограф в конце 30—40-х годах XX в. // Россия в Глобальном Мире № 8(31). 2016. С. 321—332.
6. Высшее военно-морское ордена Ленина Краснознаменное училище имени М.В. Фрунзе. Л., 1951. — 140 с.
7. Гельфонд Г.М., Жаров А.Ф., Стрелов А.Б., Хренов В.А. Там, за Невой, моря и океаны. М., 1976. — 365 с.
8. Грабарь В.К. Морская школа России. СПб., 2015. — 784 с.
9. Грибовский В.Ю. Морская политика СССР и развитие Флота в предвоенные годы 1925—1941 гг. М., 2006. — 131 с.
10. Грибовский В.Ю. Рабоче-Крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы 1936—1941. СПб., 1996. — 94 с.

11. Довженко В.Д., Кобзев В.П., Махров Н.В. Исторические аспекты военно-морского образования в России // Морской сборник. М., 2012. № 6 (1983). С. 23–31.
12. Доценко В.Д. История военно-морского искусства. Т. 1. Галеры, парусники броненосцы. М.: Изд-во Эксмо; Terra Fantastica. 2003. С. 23–47.
13. Еремин В.П., Загорин Н.Д., Кобзев В.П., Махров Н.В. Военно-морское образование в России. История и современность. СПб.: Наука, 2000. – 640 с.
14. Жарков В.В. Культурно-просветительская работа в Красной Армии в межвоенный период // Ярославский педагогический вестник. 2006. С. 21–26.
15. Жарков В.В. Пропаганда и агитация в Красной Армии в 1921–1941 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. С. 197–204.
16. Золотарев В.А. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза / В.А. Золотарев, В.С. Шломин. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. Кн. 1. – 479 с.
17. Капитанец И.М. Война на море. 1939–1945. Военно-морское искусство во Второй Мировой и Великой Отечественной войнах. М.: Вече. 2005. – 400 с.
18. Кинякин И. Боевая подготовка ВМФ накануне войны // Морской Сборник. 1991. № 6. С. 6–9.
19. Кобзев В., Махров Н. Военно-морское образование в России: исторический аспект // Морской сборник. 2009. № 6 (1948) С. 48–56.
20. Козлов Д.Ю. Состояние и перспективы Рабоче-Крестьянского Красного Флота во второй половине 1920-х – 1930-х гг. во взглядах и оценках русской военно-морской эмиграции: пражский «Морской журнал» // Нансеновские чтения 2016. СПб., 2018. С. 184–195.
21. Колыбель флота. Навигацкая школа – Морской корпус. 1701–1951. Издание Всезарубежного объединения морских организаций. Париж, 1951. – 328 с.
22. Копанишин В.В. Подготовка командного состава на флоте в межвоенный период (1921 – июнь 1941 гг.) // Вестник Военного университета. 2007. № 2(10). С. 74–82.
23. Краснов В.Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны // В.Н. Краснов; Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М.: Наука, 2005. – 215 с.
24. Македонский А.В. Деятельность культурно-просветительных учреждений Красной Армии по укреплению воинской дисциплины в 1920–30-е гг: практика и итоги // Вестник РУДН. Серия «История России». 2007. № 4. С. 99–104.
25. Мильбах В.С. Влияние политических репрессий на боевую готовность Вооруженных Сил СССР в канун Великой Отечественной войны // Курсом к Победе. Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945. Восьмая научно-практическая конференция по программе «Море и Флот». Доклады и материалы. СПб., 2020. С. 32–43.
26. Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг. О подводных лодках и подводниках. М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. – 877 с.
27. Морской кадетский корпус – Высшее Военно-Морское Училище имени М.В. Фрунзе (1701–1996). Исторические записки / под Ред. Б.А. Попова. СПб., 1997. Ч. 1. – 266 с.
28. Морской кадетский корпус – Высшее Военно-Морское Училище имени М.В. Фрунзе (1701–1996). Исторические записки / под ред. Б.А. Попова. СПб., 1997. Ч. 2. – 232 с.
29. Морской корпус Петра Великого. 320 лет на службе Отечеству: монография / под общ. ред. И. И. Малышева. М.: Международные отношения, 2022. – 440 с.
30. Невежин В.А. «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 1930-х – 1940-х годах. М., 2007. – 316 с.
31. Осмачко С.Г. Культурный стереотип и контркультурное поведение советского человека (на примере дисциплинирования военнослужащих Красной армии 1929–1940 гг.) // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 264–270.

32. Памятная книжка Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе, изданная к 10-летию юбилею Училища (1918–1928 гг.). Л., 1928. — 42 с.
33. *Петров П.В.* Аварийность в Советском флоте в 1938–1940 гг. // Тайфун. 2006. № 49. С. 28–30.
34. *Петров П.В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны, 1935 — весна 1941 гг. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. — 692 с.
35. *Петров Ю.П.* Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций Армии и Флота (1918–1968). М.: Военное Издательство Министерства Обороны СССР, 1968. — 541 с.
36. *Пиголицын А.В.* Подготовка кадров для советского военно-морского флота накануне Великой Отечественной войны (на примере Краснознаменного Балтийского флота) // Материалы студенческого научного общества исторического факультета СПбГУ. Вып. 2: Сб. статей. СПб., 2005. — 272 с.
37. *Стрелов А.Б.* Путь в океан: Очерк истории ВВМКУ им. М.В. Фрунзе. Л., 1966. — 252 с.
38. *Сысеев Ю.Н.* Военно-морское образование: проблемы и пути их решения // Военная мысль. № 11. 2008. С. 68–80.
39. *Тарсаидзе А.Г.* Морской корпус за четверть века (1901–1925). Нью-Йорк, 1944. — 88 с.
40. Тенденции развития военно-морского образования и требования к подготовке офицерских кадров: сб. материалов межвуз. науч.-метод. конф. / под ред. проф. Е.И. Якушенко. Военно-мор. инженерный институт. СПб., 2001. — 294 с.
41. *Щебылкин О.В.* Эволюция системы Военно-Морского образования в России // Морской сборник. 2013. № 3 (1992). С. 57–66.

Политика коренизации партийно-советских кадров Донбасса в 1920-е гг.

Аннотация. В статье на основе архивных источников, местных материалов периодики 1920-х гг. и научной литературы рассмотрены направления политики коренизации (украинизации) в отношении партийно-советских кадров Донбасса. Рассматриваются вопросы: об уровне владения украинским языком работниками органов партийных организаций и государственных учреждений; об организации курсов изучения украинского языка; о мерах по осуществлению контроля за ходом украинизации. В работе раскрыты особенности процесса коренизации в национальных административно-территориальных единицах Донбасса в 1920-е годы. Показана трансформация языковых ориентиров национальных меньшинств при внедрении политики коренизации и украинизации. В заключение делается вывод о том, что политика коренизации в Донбассе была сложным и противоречивым процессом, который оказал значительное влияние на формирование партийно-советских кадров региона. Подчеркивается, что, несмотря на определенные успехи, коренизация столкнулась с трудностями и ограничениями, обусловленными специфическими условиями Донбасса.

Ключевые слова: коренизация; украинизация; Донбасс; партийно-советские кадры; национальные районы

The policy of korenization of the party-Soviet cadres of Donbass in the 1920s

Abstract. Based on archival sources, local periodicals of the 1920s and scientific literature, the article examines the directions of the policy of Korenization (Ukrainization) in relation to the party-Soviet cadres of Donbass. The issues of the reference level of Ukrainian language by employees of party organizations and government agencies are considered, along with the circumstances of organization of courses for learning the Ukrainian language and measures taken to monitor the progress of Ukrainization. The work reveals the features of the process of Korenization in the national administrative-territorial units of Donbass in the 1920s. The transformation of the linguistic orientations of national minorities during the implementation of the policy of Korenization and Ukrainization is shown. It is concluded that the policy of Korenization in Donbass was a complex and contradictory process that had a significant impact on the formation of party and Soviet personnel in the region. The author emphasizes that, despite certain successes, Korenization has faced difficulties and limitations due to the specific conditions of Donbass.

Keywords: Korenization; Ukrainization; Donbass; party-Soviet cadres; national regions

¹ **Александра Викторовна Чеботарева** — старший преподаватель кафедры археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования, Донецкий государственный университет (Донецк, Россия); e-mail: abc5071@mail.ru
Alexandra V. Chebotareva — Senior Lecturer Department of Historiography, Source Study, Archeology and methods of historical research, Donetsk State University (Donetsk, Russia).

В условиях современных политических и социальных вызовов изучение истории Донбасса периода 1920-х гг. имеет важное значение для формирования объективного исторического сознания, преодоления стереотипов и мифов.

Национальная политика большевиков на территории УССР не всегда сопровождалась успехами и одинаковой реакцией в различных регионах. Донбасс, как регион с полиэтническим составом населения и доминированием русского языка и культуры, представлял собой особый вызов для политики коренизации.

История советской коренизации является одной из самых популярных тем в современной историографии. Политика коренизации (украинизации) в 1920-е гг. рассматривается в контексте реализации советской национальной политики в УССР, о чем свидетельствует большой объем выходящей в последнее время литературы, а именно работ Е.Ю. Борисенок [2], Н.А. Осипова [13], К.В. Шпаковича [15], Г.Н. Васильчука [3], К.В. Мануиловой [11]. Отдельные аспекты политики украинизации и ее влияние на партийно-советские кадры Донбасса рассмотрены в научных статьях С.Ю. Сергиенко [14], И.А. Дмитрик [9], Т.Ю. Анпиловой [1]. Однако изучение особенностей практической реализации политики украинизации региональных руководящих кадров не нашли достаточного освещения в историографии, что и обусловило выбор темы статьи.

Источниковую базу исследования составили материалы Донецкого Государственного архива [5–8] и периодическая печать 1920-х гг.

В первые годы после Гражданской войны большевикам для удержания власти и дальнейшего строительства нового общества требовалось консолидировать политический контроль, восстановить экономику и заручиться поддержкой населения. Власти стремились привлечь представителей коренных национальностей для работы в партийных комитетах, советах, судах и других государственных учреждениях. Это должно было создать образ «народной» власти, сделать ее более понятной для местного населения. Для решения этой цели на XII съезде РКП (б) в апреле 1923 г. была провозглашена политика коренизации [9, С. 12]. В резолюции по национальному вопросу, в частности, указывалось, что нужно добиваться того, чтобы органы национальных республик и областей состояли преимущественно из людей местных, знающих язык, быт и обычаи соответствующих народов; издавались специальные законы, которые должны были обеспечить употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, которые обслуживают местное население и национальные меньшин-

ства. Реализация политики коренизации означала усиленное внимание к подготовке, воспитанию и выдвижению кадров коренной национальности в партийный аппарат и государственные органы.

В Украине такая политика получила название «украинизация». Она имела региональные особенности, которые определялись национальным составом населения, географическим положением региона и его экономическим значением в стране.

Перед ЦК КП(б)У встал вопрос о проведении украинизации таким образом, чтобы не разрушить государственный аппарат и вместе с тем повысить его работоспособность. Для этого необходимо было перевести делопроизводство партийного и советского аппарата на украинский язык, требуя от работников изучения и знания языка; провести выдвижение национальных кадров на руководящие должности.

Решительный шаг к реализации главных направлений политики украинизации был сделан постановлением Всеукраинского Центрального исполнительного комитета и Совнаркома УССР от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», который предусматривал разработку специальных курсов по изучению языка [11, с. 240]. Решением Президиума Старобельского Окружного исполнительного комитета в 1923 г. были организованы курсы по изучению украинского языка для советских работников [8, Л. 57]. Подобные курсы были образованы по всем округам Донецкой губернии, однако уровень владения партийно-советскими кадрами украинским языком оставался довольно низким. Так, например, среди секретарей райкомов, председателей и секретарей райисполкомов по Мариупольскому, Бахмутскому и Луганскому округам знали язык только 8,76% [7, Л. 3]. По городу Бахмут ни один ответственный работник партийно-советского аппарата не владел языком. Такой низкий показатель можно объяснить особенностями этнической картины Донбасса.

Известно, что с начала заселения регион имел разнообразный этнический состав, но преобладали в нем украинцы. Вместе с тем с промышленным подъемом рабочий класс начал быстро пополняться в основном за счет выходцев из русских губерний, что привело к доминированию русской культуры в городах и многих рабочих поселках. Согласно данным переписи за 1923 г., украинцы составляли 63,9% населения региона, второй национальной группой по численности были русские — 26,1%, 3,4% населения региона составляли греки; 2,2% — немцы; 1,7% — евреи; 0,5% — белорусы; 2% — представители других национальностей [12, с. 52]. Специфическим явлением было и то, что

в Донбассе этнических украинцев было больше, чем тех, кто владел украинским языком.

Переломным моментом в деле украинизации можно считать принятие постановления ВУЦИК и Совнаркома УССР от 30 апреля 1925 г. «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», а также постановление ВУЦИК и СНК от 16 июля 1925 г. «О практических мероприятиях по украинизации советского аппарата», которые предписывали применение достаточно решительных мер при переводе национально-государственного аппарата на украинский язык до 1 января 1926 г. [11, с. 240].

Руководить аппаратной украинизацией должна была Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата. При всех учреждениях создавались специальные комиссии, которые должны были проверять знание украинского языка сотрудников, организовывать обучение украинскому языку на специальных курсах и проводить аттестацию после их окончания [2, С. 175].

По всем округам Донецкой губернии при Бюро окружкомов и окрисполкомах такие комиссии формировались довольно быстро и разветвленно. Так, например, только в городе Артемовск (Артемовского округа) было создано 54 комиссии по украинизации различного уровня. Практическое проведение курса было поручено ведомственным комиссиям, так называемым «тройкам по украинизации», под руководством которых были организованы во всех учреждениях, а также при окружкомах курсы по изучению украинского языка для ответственных и технических работников.

Так, в 1925 г. в Сталинском округе были созданы украинского языка для советских служащих, с трехмесячным обучением для лиц, свободно владеющих украинским языком (умеют говорить, читать, писать, но с синтаксическими ошибками), а также пятимесячным — для лиц, не знающих языка [8, Л. 20].

Учебная программа включала изучение грамматики, правописания и практические занятия, на которых выполнялись упражнения по делопроизводству на украинском языке, ознакомление с произведениями украинских писателей [8, Л. 20–21]. Занятия по украинскому языку проводились ежедневно по 2 часа. После окончания обучения комиссия по украинизации на основании итогового отчета заведующего курсами определяла, к какой категории отнести слушателя. Таких категорий было установлено три: первая — полностью владеет украинским литературным языком; вторая — освоил курс языка для ежедневного употребления в учреждении; третья — не освоил курс в доста-

точной мере [8, Л. 21]. Если тот или иной сотрудник не был доволен выставленной оценкой, он мог потребовать провести отдельный экзамен с участием комиссии по украинизации и представителя инспектуры ликбеза Наркомпроса [2, С. 179].

Следует обратить внимание, что подобные курсы организовывались при всех советских и партийных учреждениях, где были партячейки. В районах функционировали даже марксистско-ленинские семинары, на которых один урок проводили только на украинском языке (как, например, в Гришинском районе).

Планировалось как можно быстрее перевести делопроизводство партаппарата на язык коренного населения. Для углубленной украинизации делопроизводства создавались кружки «повышенного типа». Курс был рассчитан на 54 академических часа, программа состояла из двух блоков – деловой украинский язык и украиноведение [8, Л. 57]. Они предназначались для работников, прослушавших курс украинизации и получивших 1-ю и 2-ю категории. Курсы повышенного типа организовывались в городах, а в районах функционировали исключительно начальные курсы.

Большинство ответственных работников неохотно или вовсе не посещали курсы, ссылаясь на загруженность работы [7, Л. 3]. В объяснительной записке секретаря Сталинского Городского совета Иванова говорилось: «...украинские курсы мною не посещались, потому что я всего три месяца как взят из производства на эту работу, да вдобавок сему имел перегруженность в работе т.е. по партийной линии, а также по советской... и вдобавок ко всей нагрузке живу очень далеко... И утром рано не предоставляется ходить» [8, Л. 22 об.]. С целью контроля учета слушателей окружные комиссии предписывали заведующим курсам регулярно предоставлять отчеты о посещении занятий.

Одним из факторов, вызвавшим много опасений, нареканий и открытых протестов, был экзамен на знание языка, который проходил в форме письменной работы и устной беседы. По результатам такого экзамена человек не просто получал одну из трех категорий, но и сохранял или терял свою должность. Так, например, в постановлении Бюро Артемовского районного партийного комитета за 1926 г. указывалось: «Категорически запретить принимать на службу лиц, которые не имеют удостоверения о владении украинским языком; считать за необходимое уволить со службы лиц, которые уклоняются от изучения украинского языка» [6, Л. 67].

Сеть курсов по украинизации в Донбассе в 1920-е гг. имела широкомасштабный характер и охватывала все партийно-советские учреж-

дения. Однако результаты проведенной работы были далеки от поставленных целей.

Для контроля реализации практических мероприятий по украинизации проводились регулярные проверки уровня знания украинского языка работников советских учреждений и партийных организаций. Так, например, проводимая в январе 1927 г. проверка знаний украинского языка партийно-советскими кадрами Сталинского округа показала, что в Сталинском окружкоме 75% сотрудников сдали украинский на 1-ю категорию и 25% — на 2-ю, в Сталинском исполкоме на 1-ю категорию сдали 50% сотрудников и 50% — на 2-ю [9, С. 13]. Такие показатели объяснялись как объективными, так и субъективными факторами. Среди причин довольно медленного и слабого процесса украинизации можно назвать исторические особенности национального состава региона, формальное отношение со стороны ответственных работников.

Немаловажной задачей политики коренизации было выдвижение национальных партийных кадров на руководящие должности. В циркуляре ЦК КП(б)У от 9 июля 1925 г. «О приеме на курсы окружных партийных работников при ЦК КП(б)У» говорилось, что в связи с осуществляемой «украинизацией всей партийной работы» ЦК КП(б)У ставит перед окружками партии конкретную задачу — «выдвижение и подготовку квалифицированных партийных работников». Для реализации этой стратегически важной задачи в Харькове были организованы специальные девятимесячные курсы ЦК КП(б)У для 200 партийных работников с мест. Учебный курс состоял из трех частей — общеобразовательные и общественно-политические дисциплины, а также практическая партийная работа в городе и селе [4, с. 2].

Курсантами могли стать трудоспособные и выдержанные товарищи, имевшие практический опыт, владеющие украинским языком, которые могли за ограниченный срок научиться работать над книгой, ориентироваться в вопросах коммунистической теории и политики партийного и советского строительства [10, с. 3]. Все кандидатуры, предложенные окружками, утверждались ЦК КП(б)У. Так, например, в 1926 г. Сталинский окружной комитет КП(б)У направил письмо в ЦК с просьбой рассмотреть кандидатуру заведующего информационным подотделом Окружного партийного комитета Болтенко на командирование в г. Харьков на курсы окружных работников. В сопроводительном письме сообщалось, что Болтенко соответствовал всем требованиям по приему на курсы [6, Л. 67]. В 1927 г. Артемовская окружная отборочная комиссия рекомендовала к прохождению данных курсов уже восемь человек [5, Л. 3].

Функционирование курсов изучения украинского языка для партийно-советских кадров на местах было одним из элементов воплощения политики украинизации в 1920-е гг., направленной на расширение сферы употребления украинского языка и привлечение украинцев к управлению.

В процессе коренизации перед властью также стояла задача сформировать партийный и государственный аппарат на территориях, где компактно проживали представители национального меньшинства, преимущественно за счет местных кадров. С этой целью в рамках административно-территориального деления стали образовываться национальные районы, поселковые и сельские советы. Так, в местах компактного проживания греческого населения в Донбассе в 1920-е гг. было создано три национальных греческих района – Мангушский, Сартанский, Великоянисольский, в составе которых было 15 греческих сельсоветов [15, с. 214]. На территории Мариупольского округа был образован немецкий район, который получил название Люксембургский, он состоял из 43 сельсоветов [15, с. 208].

Партийные и советские кадры из числа национальных меньшинств готовили в 1920-е гг. в специальных советских партийных школах с национальным языком преподавания. Так, немецкие отделения функционировали в г. Одессе, татарские – в г. Артемовске.

Украинизация поставила перед аппаратом национальных меньшинств вопрос о том, каким языком пользоваться в отношениях с другими государственными органами. Согласно постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 6 июля 1927 г. «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры» советский аппарат в своей работе должен был использовать язык большинства населения определенной местности, а в отношениях с республиканскими, окружными и районными органами один из самых распространенных языков – украинский или русский [11, с. 241].

На первом окружном совещании работников национальных Советов в г. Артемовске, которое проходило 28–29 августа 1927 г., были названы основные недостатки в работе сельских и районных советов. В частности, указывалось на неготовность к обслуживанию национальных меньшинств, а именно отмечалось, что работники не знали национального языка, несмотря на то, что делопроизводство во многих национальных сельсоветах уже было переведено на родной язык.

В 1928 г. комиссия ВУЦИК в ходе проверки Люксембургского района Мариупольского округа отметила, что немецкий язык недостаточно прививается в районе райисполкома и его аппарата, а преобла-

дающим языком был русский. Из окружных организаций все распоряжения поступали в райисполком на украинском языке. Райисполком также направлял различные документы в сельсоветы на украинском языке [12, с. 64]. То есть в райисполкоме рабочими были одновременно три языка, что вносило большую путаницу.

Коренизация, несмотря на декларативные цели поддержки национальных меньшинств, на практике сталкивалась с рядом трудностей и противоречий. Создание национальных районов и сельсоветов не всегда сопровождалось достаточной подготовкой кадров, владеющих национальными языками, что затрудняло эффективное взаимодействие с населением.

Таким образом, политика коренизации имела огромное значение в решении кадровой проблемы в области укрепления партийного и государственного аппарата местными кадрами. Работа в данном направлении велась целенаправленно и планомерно. Украинизация в Донбассе как один из способов подготовки руководящих национальных кадров не была выполнена в полном объеме, что объясняется своеобразием этнического состава, а также преобладанием русскоговорящего населения.

Список источников и литературы

1. *Аннілогова Т.Ю.* Українізація Донбасу 20-х рр. ХХ ст.: особливості й проблеми впровадження // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. 2008. № 15. С. 130–137.
2. *Борисенок Е. Ю.* «Посещение курсов обязательно для всех...»: опыт аппаратной украинизации 1920-х годов // Восточнославянские исследования. 2023. Вып. 2. С. 174–203.
3. *Васильчук Г.М.* Передумови та труднощі українізації вищих органів державного апарату УСРР (друге десятиріччя ХХ ст.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2005. Вип. 19. С. 276–282.
4. Вісті ВУЦВК. 1925. № 246. 27 жовтня.
5. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 490.
6. ГА ДНР. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 299.
7. ГА ДНР. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 58.
8. ГА ДНР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 311.
9. *Дмитрик І.О.* Історико-правові аспекти функціонування курсів української мови для службовців у 1920-х рр. (на матеріалах Донеччини) // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. 2019. Т. 1. № 42. С. 12–14.
10. Звезда. 1925. № 213. 21 июля.
11. *Мануїлова К.В.* Українізація партійного апарату в національних адміністративно-територіальних районах південно-західного регіону Української РСР (1920–1930-ті рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. 32. С. 239–243.

12. *Никольский В.Н.* Национальные проблемы 20-х годов и их решение // Новые страницы в истории Донбасса. 1992. Книга 2. С. 51–70.

13. *Осипов Н.А.* Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на примере Юго-Востока Украины // История повседневности. 2022. № 4. С. 118–137.

14. *Сергієнко С.Ю.* Основні чинники специфіки процесу українзації в Донбасі у 20–30-ті рр. XX ст. // Збірник наукових праць «Гілея (науковий вісник)». 2010. Вип. 30. С. 138–143.

15. *Шабельніков В.І.* Адміністративно-територіальний устрій України: історичний досвід і уроки (1917 – червень 1941 рр.). Донецьк: ДонНУ, 2011. – 306 с.

16. *Шпакович К.В.* Мовна політика в УСРР та українізація національно-державного апарату на сторінках харківських періодичних видань 1920-х років // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 40. С. 112–116.

*С. В. Парфенов*¹

**В отсутствие Ленина.
Взгляды высшего политического руководства СССР
на концепцию НЭПа в марте 1923 – январе 1924 гг.**

Аннотация. В статье проведен анализ взглядов высшего политического руководства СССР на перспективы нэпа в период последнего этапа развития болезни общепризнанного лидера В.И. Ленина. Выявлено, что среди сформировавшейся группировки большинства в Политбюро не высказывалось концептуально отличных от устоявшейся концепции нэпа взглядов, в то же время именно к этому периоду восходят проявившие себя впоследствии особенности теоретических изысканий Н.И. Бухарина. Л.Д. Троцкий в силу опыта руководства военным ведомством настаивал на переносе центра внимания экономической политики в область развития крупной промышленности. Развившийся конфликт с большинством ЦК привел к образованию «оппозиции» и началу острой дискуссии октября 1923 – января 1924 гг., затронувшей, в том числе, вопросы экономического развития. Смерть Ленина и грандиозные траурные мероприятия на время затушили разразившуюся в партии дискуссию, в том числе и по вопросам экономического характера.

Ключевые слова: СССР; НЭП; большевики; Политбюро; В.И. Ленин; Л.Д. Троцкий; Н.И. Бухарин

**In the absence of Lenin.
Views of the USSR high-level political establishment
on the New Economic Policy concept in March 1923 – January 1924**

Abstract. The article examines the views of the high-level political establishment of the USSR on the prospects of the New Economic Policy during the last period of V.I. Lenin's illness. It is revealed that no views differing from the previously accepted concept of NEP were expressed by the majority of the Politbureau. At the same time, it was the period when the features of N.I. Bukharin's theoretical positions found their roots. L.D. Trotsky, due to his experience in leading the military department, insisted on shifting on the development of large-scale industry. The rising conflict with the majority of the Central Committee led to the formation of an "opposition" and the beginning of a sharp party discussion in October 1923 – January 1924, which also focused on the economic development issues. Lenin's death and the subsequent grandiose mourning events temporarily silenced the ongoing debates in the party, including discussions on economic matters.

Keywords: USSR; NEP; bolsheviks; Politbureau; V.I. Lenin; L.D. Trotsky; N.I. Bukharin

Большевики, декларировавшие приверженность модели социалистического развития, серьезно относились к идейно-теоретическому

¹ **Сергей Васильевич Парфенов** – бакалавр Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: sergee.parfionov@mail.ru
Sergey V. Parfionov – bachelor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

обоснованию пути экономического развития страны в условиях революционного процесса. Если до 1923 г. безусловной монополией на выработку концепции экономического развития в силу общепризнанного авторитета обладал В.И. Ленин, то после его ухода высшему политическому руководству страны пришлось столкнуться с необходимостью создания механизма разработки и принятия решений в условиях зарождающейся системы коллективного руководства. В этом смысле совершенно справедливо восприятие 1923 г. как «развилки» советской истории [33, с. 38], которая «для правящей большевистской партии период 1923–1924 гг. стоит особняком, диалектически соединяя в себе конец и начало различных этапов в развитии политической истории России... Этот исходный, начальный этап внутрипартийной борьбы очень важен для понимания последующих политических событий в партии и стране...» [28, с. 5].

В ночь на 7 марта 1923 г. начался новый, заключительный период жизни В.И. Ленина. Третий инсульт лишил его возможности членораздельной речи, наступил стойкий паралич правой части тела. Общепризнанный лидер партии и правительства ушел в политическое небытие. Он больше не мог влиять на развитие революционного процесса в России и будущее предпринятого партией большевиков проекта социалистического строительства в условиях крестьянской страны. У соратников неизлечимо больного вождя осталось богатое теоретическое и практическое ленинское наследие. В противовес традиционной установке советской историографии о наличии точно оформившегося ленинского научного плана построения социализма в СССР [7, с. 12], следует признать справедливым мнение И.С. Полищука о том, что «концепция перехода к социализму в России на путях нэпа менее всего напоминает жесткий “план”. Это не директива, а гибкая, диалектическая система взглядов, способная под влиянием требований жизни к постоянному обновлению и самодвижению. То есть мы имеем дело скорее не с «ленинским планом», а с ленинским методом строительства социализма» [12, с. 54]. Следовательно, соратники уходящего вождя оказались в сложнейшем идейно-теоретическом положении.

Под высшим политическим руководством СССР имеются в виду члены и кандидаты в члены высшей партийной инстанции – Политбюро ЦК РКП(б). И на XI, и на XII съездах партии членами Политбюро были избраны следующие лица: В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков, М.П. Томский. И кандидаты в члены: В.М. Молотов, М.И. Калинин, Н.И. Бухарин, к которым на XII съезде добавился Я.Э. Рудзутак [6, с. 631]. Соответственно, в центре

внимания исследования будут находиться взгляды на концепцию экономического развития страны указанного круга лиц.

Исследователи справедливо отмечают заметную лакуну в изучении теоретических позиций перечисленных выше персоналий — до сих пор здесь существует значительный исследовательский простор [1, с. 43]. Безусловно, невозможно проводить линию разграничения между указанными членами высшего политического руководства и другими влиятельными партийными и государственными организациями и их работниками: ЦК, ЦКК, СНК, СТО, ВСНХ. Нельзя упускать из виду и ученых-специалистов, в первую очередь экономистов. Все эти организации заметно влияли друг на друга, а развитие теоретической мысли находилось в непосредственной связи с работой всего партийного, хозяйственного и государственного организма в условиях существовавшего плюрализма мнений. В этом заключается известная условность избранного круга персоналий, позволяющая увидеть концентрированное выражение их позиций по сюжетам экономического развития.

Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация [3; 5; 11; 28], периодическая печать [13–26], политические сочинения [4; 29; 30]. Зафиксированные в них выступления и речи, обсуждения и дискуссии по проблемам хозяйственного развития, выражающие различные точки зрения ведущих политических деятелей представляют собой богатый материал для исследования обозначенной темы.

Стоит отметить, что в исторической науке не было консенсуса по ряду важнейших вопросов сущности НЭПа как органической части отечественной истории XX в. как в советскую эпоху: «до сих пор среди ученых существуют разногласия относительно понимания ряда черт нэпа, его хронологических рамок. До сих пор встречаются различные определения нэпа, выдвигающие на первый план те или иные его стороны...» [10, с. 6], так и в наше время: «Была ли эта политика необходимым этапом строительства социализма в условиях России? Или же условия для строительства социализма были недостаточны, и НЭП по существу был периодом разворачивания капиталистической модернизации в своеобразной социально-политической оболочке?» [9, с. 5].

Изучение нэпа возвращает исследователей к постановке вопроса о природе и перспективах Октябрьской революции 1917 г. как социалистической, потому что от оценки природы этой революции зависит и определение позиции по отношению к данному периоду советской истории. В этой связи актуальность исследований этапов становления

и развития советской экономической модели, в том числе на уровне ее идейно-теоретической разработки, лишь возрастает. Это даст возможность учесть позитивный и негативный опыт хозяйственной политики при формировании современной экономической политики, приблизиться к выработке цельной концепции исторического пути, пройденного Россией в XX в. Вместе с тем, традиционно сосредоточиваясь на проблемах внутрипартийной борьбы и политического развития, исследователи незаслуженно обделяют вниманием проблему генезиса в данный период идейно-теоретических взглядов членов высшего политического руководства СССР на перспективы экономической политики.

Осветим взгляды наиболее видных членов высшего политического руководства страны, претендовавших в рассматриваемый период на роль теоретиков концепции экономического развития страны.

Н.И. Бухарин, в прошлом левый коммунист и один из ведущих теоретиков военного коммунизма, после введения нэпа совершил кардинальную перегруппировку своих идейных позиций и встал на путь осмысления концепции нэпа, а вскоре и ведущим разработчиком данной экономической модели. В 1921 и 1922 гг. он написал брошюру «Новый курс экономической политики» [4, с. 240–248] и статью «Хозяйственные формы в Советской России» [13, с. 1], в которых выразил утвердившиеся ленинские положения о концепции экономического развития советской власти (за исключением дискуссии о терминах, когда Н.И. Бухарин, как и его будущий оппонент по экономическим дискуссиям — Е.А. Преображенский, категорически не принял ленинское определение нового общественного уклада как «государственный капитализм»). Как ни странно, в 1923 г. Бухарин уделяет вопросам экономического развития заметно меньше внимания, чем это было ранее, совершенно прекращает самостоятельные искания в области перспектив экономической политики. Исследователь политической биографии Бухарина С. Коэн объясняет это тем, что Бухарин «взвешивал, оценивал меняющуюся общественную обстановку [8, с. 172], и уже «к концу 1923 г. он сформулировал свои мысли по большинству проблем внутренней политики на период до конца десятилетия» [8, с. 172–173].

В наиболее концентрированной форме взгляды Н.И. Бухарина, в будущем доработанные им в концепцию вставания крестьянства в социализм, содержатся в его статье «Крестьянство и рабочий класс в ближайший исторический период». В ней указано: «Руководящая роль... принадлежит пролетариату; государственная организация находится в его руках. Крестьянство поддерживает этого своего союзника и составляет его широкую опору. Чем быстрее налаживается эконо-

мическая жизнь, тем скорее пролетариат ассимилирует крестьянство, и крестьянское хозяйство эволюционным путем (через процесс обращения, госкредит, кооперацию и т.д.) мало-помалу «вращается» в общесоциалистическую организацию общества. Социализированная промышленность тащит за собой на буксире огромную мелкокрестьянскую баржу, пока не исчезнет индивидуалистический характер крестьянского хозяйства» [24, с. 1]. Таким образом, именно к этому периоду можно с уверенностью отнести генезис будущих взглядов Бухарина на развитие народного хозяйства, характерных для 1925–1928 гг.: «Мы будем многие десятки лет медленно вращаться в социализм: через рост нашей госпромышленности, через кооперацию, через возрастающее влияние нашей банковской системы, через тысячу и одну промежуточную форму» [23, с. 1].

Г.Е. Зиновьев, председатель ИККИ и руководитель ленинградской парторганизации, в данный исторический период не высказывал каких-либо собственных суждений и взглядов на нэп, сосредоточившись на проблемах всемирной пролетарской революции и внутрипартийной политики. Тем не менее он, например, выражал полную поддержку взглядам Бухарина, а его статьи на страницах официальной прессы характеризовал как «прекрасные» [18, с. 2–3]. На XII съезде он призывал «дать отпор всем тем», кто видит в политике нэпа «крестьянский уклон», отстаивал незыблемость его принципов: «И я думаю, товарищи, что новая экономическая политика в смысле смычки с крестьянством, в смысле применения методов, которые до сих пор применялись, доказала свою правоту, и нам остается ее развивать и уточнять» [5, с. 38]. Выступая в условиях разразившейся в конце 1923 г. партийной дискуссии на XIX конференции Петроградской губернской организации, Зиновьев подчеркивал: «Нэп — это целая глава в истории рабочей революции, это не полоса, которую мы должны пробежать загнув глаза...» [25, с. 5–6].

Совершенно особое место в конструировании теоретической концепции нэпа занимает Л.Д. Троцкий. У этого есть свои объективные причины. Троцкий, один из ведущих организаторов и руководителей Красной армии в годы Гражданской войны, был непосредственно погружен в вопросы военного строительства, чему посвящен целый ряд его статей. Больше всего, помимо воинской выручки и кадрового состава, Троцкого беспокоили большие проблемы в области технического оснащения армии [14, с. 1; 15, с. 1; 16, с. 3].

Именно по причине значительной технической отсталости Красной армии сформировалось увлечение Троцкого тяжелой промышлен-

ностью: «Мы бедны авиацией, мы бедны химическим оружием, мы бедны броневыми силами, мы бедны артиллерией, мы бедны инженерным имуществом, мы бедны средствами транспорта, чисто военными и общегосударственными. Это все несомненные факты... надо развиваться хозяйству, прежде всего, по промышленности... по ее постепенному подъему. Нужно, чтобы государственная промышленность дала армии... максимум того, что может дать». Вместе с тем председатель РВСР отмечал, что нельзя требовать от хозяйства непосильных жертв: «Надо, чтобы темп военного строительства, доведенный до максимума, соответствовал в то же время основному темпу хозяйственного развития страны... и прежде всего ясно, что оборона Советского Союза находится в прямой и непосредственной зависимости от упрочения и развития госпромышленности» [22, с. 3].

Во многом именно по причине военного опыта Л.Д. Троцкий с самого начала 1923 г. делал большую ставку на развитие промышленности: «считал и считаю необходимым поставить интересы объединенной государственной промышленности — со всеми необходимыми оговорками — равняться по интересам этой последней», для чего предлагал объединить пост председателя ВСНХ с постом председателя Госплана, «дабы разработка всех плановых вопросов шла прежде всего под углом зрения интересов промышленности» [3, с. 10]. На этой почве произошло первое значительное столкновение большинства ЦК с Л.Д. Троцким по вопросам экономического развития во время согласования его тезисов о промышленности к XII съезду партии. Разногласия были преодолены в результате обсуждения консенсуса в формулировках о роли сельского хозяйства и разграничения полномочий партии и хозяйственного аппарата.

В то время Л.Б. Каменев, один из ведущих хозяйственников в большевистском руководстве, отмечал, что советской власти нужно продержаться годы, для чего «мы должны во что бы то ни стало удержать и укрепить доверие крестьянства, не имея покуда возможности использовать для этой цели ресурсы хилой промышленности» [17, с. 3]. В докладе о работе ЦК на московской губернской партконференции, проходившей в начале апреля 1923 г., он отмечал, что укрепление диктатуры пролетариата «следует искать не в преобладании крупной промышленности, а во взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством» [19, С. 3].

В своем докладе на заседании VII Всеукраинской партийной конференции 5 апреля 1923 г. Троцкий скорректировал свою позицию, подчеркивая, что «главная определяющая линия в области хозяйствен-

ной и политической — это линия взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Основную задачу переходного периода — обеспечить союзные отношения с крестьянством — нужно решать отныне более систематическими, плановыми методами, рассчитанными на более длительный период...» и уверенно заявляя: «Нет, товарищи, нет. Мы не перерождаемся, мы меняем методы и приемы, но революционное сохранение партии остается для нас превыше всего» [20, с. 4].

В то же время Л.Д. Троцкий претендовал на лидирующую роль в определении курса экономической политики советского государства, что в условиях отсутствия общепризнанного политического лидера могло быть воспринято как претензия на роль первого теоретика партии: «теоретическая разработка вопросов революции — не только ее методов... но и ее материальных основ — сейчас для нас настоятельнее и обязательнее, чем когда бы то ни было... от вопросов “политики”, в узком смысле слова, теоретическое внимание партии должно снова спуститься глубже, к вопросам экономики — не только советского хозяйства, но и мирового капиталистического рынка... Время суммарных революционных обобщений прошло... Внимание к экономике! Вот чего требует нынешний период от партийной мысли, и требует строго» [21, с. 2]. А. Резник отмечает, что претензии Троцкого на обладание им большим профессионализмом пагубно влияло на деловые и личные отношения с другими членами ЦК и Политбюро [27, с. 43].

Прочитав в июне 1923 г. несколько лекций в университете им. Я.М. Свердлова, Троцкий уезжает в отпуск в Kislovodsk. Позднее, в письме в Политбюро и Президиум ЦКК от 19 октября, Троцкий отмечал, что по возвращении из отпуска в августе он «застал обстановку в стране и в партии, резко изменившуюся у худшему» [28, с. 194–196]. События лета 1923 г. стали значимыми предпосылками разразившегося осенью кризиса в партии: серьезное ухудшение дипломатических отношений с Великобританией, подъем революционного процесса в Германии, «ножницы» цен и вызванная ими серия забастовок в августе — сентябре 1923 г.

Исходной точки для нового конфликта стал вопрос введения в коллегию РВСР новых членов, чему Троцкий резко противился. В его письме членам ЦК и ЦКК от 8 октября представлена позиция о неудовлетворительном положении во внутрипартийной жизни и выдвинут ряд обвинений в бессистемности хозяйственной политики и секретарском бюрократизме [11, с. 47].

В Политбюро данное заявление Л.Д. Троцкого было сразу расценено как письмо-платформа (акт фракционности), констатировалось

проникновение положений из письма в широкие партийные массы. Специалист по истории внутрипартийной борьбы в 1920-е гг. Д.И. Апальков подчеркивает, что составление и распространение Троцким и его сторонниками оппозиционных документов в последние месяцы 1923 г. являлось грубым нарушением правил коллективного руководства [2, с. 72]. В задачи нашего исследования не входит рассмотрение разгоревшихся в октябре 1923 г. — январе 1924 г. перипетий внутрипартийной борьбы. Безусловно, эти события оказали значительное влияние и на теоретическую разработку модели экономического развития страны. Укажем лишь на то, что позднее, уже в ходе разразившийся в недрах ЦК дискуссии, в коллективном ответе членам Политбюро 19 октября на письмо Л.Д. Троцкого от 8 октября большинство ЦК партии разошлось с ним в вопросе о смычке с крестьянством, его позицию расценили как «склонение к недооценке роли крестьянства» [28, с. 197], а подходы Троцкого в партийной, политической и хозяйственной работе характеризовались как «волевые импульсы» [28, с. 203].

Что касается взглядов И.В. Сталина, то в рассматриваемый период генсек ЦК РКП(б) сосредоточился в большей мере на партийной и организационной работе, сколько-нибудь концептуально отличные предложения о корректировке существующей модели экономического развития он не высказывал. В своей заключительной речи на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 26 октября по проблеме позиции Троцкого и «письма 46-ти» Сталин в обращении к Троцкому и присутствовавшим участникам «оппозиции» лишь в общих чертах коснулся экономических перспектив: «Кризисы — необходимый элемент нэпа. Вы не понимаете нэпа... не то еще будет» [28, с. 251]. А.С. Сорокин, останавливаясь на участии Сталина в отдельных вопросах экономической и финансовой политики в интересующий нас период, также не упоминает о выработке им концептуально новых направлений развития нэпа в СССР [32, 227—313].

С целью обозоружить аргументы Троцкого и группировок оппозиционеров Л.Б. Каменев и А.И. Рыков выступили с докладами об экономической политике на собрании бюро ячеек Красно-Пресненского района 29 декабря 1923 г., в которых подробно разобрали результаты развития народного хозяйства СССР за прошедший год. А.И. Рыков подчеркивал, что в условиях НЭПа свобода товарооборота создает предпосылки для интенсификации процессов расслоения крестьянства, в силу чего вся политика по отношению к крестьянству должна быть строго согласована с необходимостью поддержать бедных крестьян, середняков и бороться с кулачеством и возникновением бур-

жуазии в деревнях [30, с. 11]. Рыков подчеркивал, что «...политика рабочего класса в области организации промышленности только тогда сможет достичь успеха, когда интересы крестьянства и сельскохозяйственного рынка будут полностью и целиком учтены в повседневной работе нашей промышленности» [30, с. 7]. В кризисе сбыта сказались не только ошибки хозяйственников, но и слабость регулирующих хозяйство органов [30, с. 19]. Причем подчеркивалось, что по прошествии двух лет НЭПа «участие частного капитала в производстве у нас равно почти нулю» [29, с. 14].

8 января 1924 г. был опубликован бюллетень о состоянии здоровья Л.Д. Троцкого, в котором исследовавшая его комиссия врачей пришла к выводу о необходимости «предоставить больному немедленно отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей для специального климатического лечения на срок не менее двух месяцев» [26, с. 3]. Вскоре Троцкий уехал на лечение и не смог присутствовать на проходившей в январе 1924 г. XI Московской губернской конференции и XIII конференции РКП(б), явившихся высшей точкой продолжавшейся с октября дискуссии. Дискуссия была прервана новостью о смерти В.И. Ленина. Масштабная кампания чествования его памяти «многократно укрепила невозможность оппозиционности», поскольку лозунг единения вокруг ЦК в обстановке траура возобладавал в массах [27, с. 76].

Некоторые авторы последовательно различают две концепции новой экономической политики — ленинскую и троцкистскую [31, с. 84—99]. На наш взгляд, проводить такое разграничение применительно к 1923 г. представляется сомнительным, поскольку в этот период происходит генезис теоретических взглядов на концепцию нэпа и у других членов высшего политического руководства, что совершенно естественно в условиях отсутствия В.И. Ленина и разгоревшейся борьбы за выработку концепции дальнейшего экономического развития страны.

Следует подчеркнуть, что необходимость новых методов ведения народного хозяйства концептуально не ставилась под сомнение никем из числа высшего политического руководства. В обозначенный период многие его члены только начинали принимать активное участие в выработке курса экономического развития советского государства. Известную напористость и своеволие в этом вопросе проявил Л.Д. Троцкий, что вызвало резкое отторжение у остальных деятелей высшего политического руководства. Мы можем выделить два периода развития взглядов Л.Д. Троцкого на концепцию экономического развития.

Первый период – до его отпуска в Кисловодске, когда он согласился со всеми внесенными в доклад о промышленности поправками. Второй период – после возвращения Л.Д. Троцкого из отпуска в августе – сентябре 1923 г. и нарастания внутрипартийного кризиса, вспыхнувшего в октябре 1923 – январе 1924 г. и приведшего к кампании по осуждению взглядов «оппозиции», возглавляемой Троцким. Существующие же среди других руководителей расхождения во взглядах нейтрализовывались на время кампании по критике Троцкого, откладывались под сукно и дали о себе знать лишь впоследствии.

По мере ухудшения состояния здоровья В.И. Ленина усиливалась внутрипартийная борьба, становилось все более очевидно, что в скором времени стратегическое направление развития революции в России будет зависеть от того, какого курса хозяйственного развития будет придерживаться СССР. Оставшимся соратникам предстояло постараться дать теоретический и практический ответ на главный ленинский завет: будет ли из России нэповской – Россия социалистическая?

Список источников и литературы

1. *Анфертьев И.А.* Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев: несостоявшиеся преемники В.И. Ленина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение. М., 2018. № 5(38). С. 42–50.
2. *Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. – 206 с.
3. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Ред.-сост. Ю. Фельштинский: в 4 т. Т. 1. М.: «ТЕРРА», 1990. – 256 с.
4. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. – 499 с.
5. Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет: Издательство политической литературы, М., 1968. – 903 с.
6. *Зенькович Н.А.* Политбюро. Лица и судьбы. Энциклопедия биографий. 3-е изд., испр. и доп. М.: Вече, 2023. – 688 с.
7. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 2. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР 1921–1925 гг. М.: Наука, 1976. – 479 с.
8. *Козн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938: пер. с англ. / общ. ред., послесл. и коммент. И.Е. Горелова. М.: Прогресс, 1988. – 574 с.
9. Ленинский НЭП: реактуализация. СПб.: Политехника-сервис, 2022. – 300 с.
10. Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., Наука, 1974. – 360 с.
11. Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг. Сб. док. / сост. О.Б. Мозохин. М.: Историческая литература, 2017. – 792 с.
12. *Полещук И.С.* Новая экономическая политика: теория и практика (опыт исследования истории России 20-х гг. XX в.). Тверь, 2007. – 186 с.
13. Правда. 1922. 8 февраля.
14. Правда. 1923. 15 февраля.
15. Правда. 1923. 20 февраля.
16. Правда. 1923. 14 марта.
17. Правда. 1923. 24 марта.

18. Правда. 1923. 27 марта.
19. Правда. 1923. 3 апреля.
20. Правда. 1923. 12 апреля.
21. Правда. 1923. 6 мая.
22. Правда. 1923. 25 мая.
23. Правда. 1923. 9 июня.
24. Правда. 1923. 28 сентября.
25. Правда. 1923. 7 декабря.
26. Правда. 1924. 8 января.
27. Резник А. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923—1924 годы. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 392 с.
28. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. Отв. сост. В.П. Вилкова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 464 с.
29. РКП(б). Московский комитет. Материалы для докладов. № 32: Доклад тов. Л.Б. Каменева об экономической политике на собрании бюро ячеек Красно-Пресненского района; Доклад тов. Рыкова А.И. об экономической политике на собрании бюро ячеек и активных работников московской организации. М., 1923. — 42 с.
30. Рыков А.И. Хозяйственное положение советских республик и очередные задачи экономической политики. М., 1924. — 44 с.
31. Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: Изд-во Моск. ун-та., 2003. — 717 с.
32. Сорокин А.К. История одного правления. Сталин в 1917—1953 гг.: в 2 кн. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2023. Кн. 1.: «Мы наш, мы новый мир построим...» 1917—1939. — 959 с.
33. Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921—1928 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. — 530 с.

Кадровый вопрос в немецких школах Ленинградской губернии в 1924–1927 гг.

Аннотация. В статье рассматривается проблема нехватки учителей в немецких школах Ленинградской губернии и методы, с помощью которых власти пытались решить кадровый вопрос. Учрежденные в начале 1920-х гг. Немецкие центральные курсы по переподготовке и Центральный немецкий педагогический техникум должны были стать основными местами подготовки нового советского учительства для национальных меньшинств. Большинство абитуриентов были беспартийны, происходили из бедных крестьянских семей и не имели оконченного школьного курса. Это вынуждало руководство учреждения находить дополнительные источники стипендий, а студентов начинать педагогическую практику во время учебы, что позволяло по окончании техникума сразу получать место работы в школе. Низкая политическая грамотность поступавших компенсировалась большим количеством идеологических предметов, целью которых была советизация будущих учителей. Медленная организация педагогических заведений и слабая подготовка студентов были причинами, по которым кадровый вопрос в немецких колониальных школах не был решен к концу 1920-х гг.

Ключевые слова: Ленинград; немецкие колонии; школьное образование; Центральный немецкий педагогический техникум

Personnel issues in German schools of the Leningrad province, 1924–1927

Abstract. The article examines the problem of shortage of teachers in German schools in the Leningrad province and the methods by which the authorities tried to resolve the personnel issue. The German Central Retraining Courses and the Central German Pedagogical College, established in the early 1920s, were to become the main training centers for the new Soviet teaching staff for national minorities. Most of the applicants were non-party members, of poor peasant families and did not have a completed school course. This forced the management of the institution to find additional sources of scholarships, and students to begin teaching practice during their studies, which allowed them to immediately get a job at a school after graduation. The low political literacy of the applicants was compensated by a large number of ideological subjects, the purpose of which was to Sovietize future teachers. The slow organization of teaching institutions and poor student training were the reasons why the personnel issue in German colonial schools was not resolved by the end of the 1920s.

Keywords: Leningrad; German settlements; school education; Central German Pedagogical College

¹ **Марк Юрьевич Мушкин** – студент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: st121029@student.spbu.ru
Mark Yu. Mushkin – student, Institute of History of the Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

Школьная система и ее работники в лице учителей тяжело переживали кризис, наступивший в стране после Революции и Гражданской войны. Бывшие учебные здания были разрушены, письменных принадлежностей и учебников с литературой не хватало, а педагоги, без которых невозможно было проводить образовательную политику, уходили из профессии [4; с. 183–184]. С этими сложностями сталкивались также национальные школы, в числе которых были учреждения немецких колонистов, селившихся под Санкт-Петербургом с середины XVIII в. Рассмотрение и изучение их опыта позволяет более подробно исследовать образовательную политику молодого советского государства по отношению к национальным меньшинствам.

Целью работы является изучение проблемы дефицита кадров для национального образования и методов, с помощью которых предполагалось привлечь и подготовить новых работников просвещения. Соответствующая проблема уже рассматривалась такими исследователями, как В. Зюсс [2] и И.В. Черказыянова [16; 17]. В. Зюсс концентрировал свое внимание на динамике учебного процесса и рассматривал различные формы организации педагогического дела, в то время как И.В. Черказыянова выделяла внедрение советских элементов в немецкие школы и отличающийся опыт находящихся в разных регионах колоний. Тем не менее исследований, освещавших как студенческую среду, так и программную часть учебных заведений еще не было. Задачей настоящей статьи является восполнение этого пробела.

В Петроградской губернии начала 1920-х гг. было 27 немецких колоний, из которых только в 13 имелись школы [10, Л. 19]. Учителями в них числилось всего 29 работников, чего было недостаточно для полноценного функционирования образовательных учреждений. Если до революции немецкие дети отличались самым высоким уровнем грамотности в Российской империи [6, с. 33], то всего за несколько лет после нее в докладе отдела национальных школ писалось следующее: «...население это делается каким-то отсталым в сравнении с самой последней русской деревней...» [8, Л. 45]. Аргументом в пользу привлечения новых лиц в дело просвещения, помимо нехватки педагогов, также был церковный характер немецких учебных заведений, где служащие были активной частью лютеранской общины [10, Л. 18]. В этих условиях необходимо было создать новое учреждение, которое должно было подготовить политически грамотное национальное учительство, способное работать в колонистской среде.

Одним из самых быстрых способов организовать подготовку новых кадров было учреждение Немецких центральных курсов по пере-

подготовке. За 240 часов студентам предлагалось пройти программу, состоящую из 5 блоков — политика, педагогика, общий отдел, экскурсии и кружковая работа [10, Л. 31—32]. Стоит отметить, что к 44 часам, выделенным на идеологические дисциплины, можно добавить «Учительское движение в интернациональном масштабе» и «Пионерское движение» из общего отдела по 4 часа на каждый предмет, что в сумме дает почти равное количество времени для педагогики и политики — 56 и 52 часа соответственно. На примере этих курсов можно проследить важность коммунистической подготовки нового учительства, способного стать проводником новых ценностей в школьной среде. На немецкий компонент уделялся один предмет — «Вопросы языка и установление учебного плана для немецких учителей», в то время как советизация будущих педагогов занимала 7 дисциплин, в числе которых был «Исторический материализм» с пометкой об уделении особого внимания вопросам пропаганды. Повышенное внимание к ликвидации политической безграмотности не было уникальным явлением курсов [5, с. 115—116], но отсутствие в программе национальных предметов помимо методики преподавания языка может дать картину того, из чего должен был состоять учебный план, реализуемый учителями малых народов. В первую очередь школа должна была оставаться советской, строящейся на совмещении труда и обучения, а немецкая часть оставалась ограничена преподаванием родного языка, не затрагивая и не меняя программ других дисциплин.

Курсы не могли полностью удовлетворить потребность государства в учителях, тем более, что кадровый вопрос оставался острым не в отдельных колониях, а по всей стране, поэтому создание полноценного учебного заведения было одним из вариантов решить эту проблему. В 1922 г. был создан Московский немецкий практический институт народного образования, декларируемой целью которого была подготовка высококвалифицированных кадров для населенных немцами местностей по дошкольному, школьному и внешкольному профилю. Заведение предназначалось для студентов из разных регионов, поэтому условия для переезжающих обучаться создавались достаточно комфортные — имелось общежитие в бывшем здании школы для бедных детей и сирот евангелической веры, предоставлялась стипендия и продовольственный паек, состоящий из муки, мяса или рыбы, соли и кофе [9, Л. 21—22]. Проблема образовательного учреждения заключалась в том, что в ближайших от Москвы губерниях не было достаточного количества колоний, в которых студенты могли бы проходить практику. Это стало причиной, по которой в 1925 г. институт был пере-

веден в Ленинград в статусе Центрального немецкого педагогического техникума [13, Л. 2].

Прием в заведение состоял полностью из иногородних студентов, в большинстве своем приехавших из сельской местности. Из 146 обучающихся 104 человека были из крестьянских семей, 27 из служилых и только 15 имели рабочее происхождение [13, Л. 101]. Стоит отметить, что такое распределение изначально входило в конфликт с тезисами, выдвинутыми М.И. Калининым и Н.К. Крупской на XIII съезде РКП(б). В их докладе утверждалось, что для более успешного просвещения деревни необходимо привлекать к учительской профессии не сельское население, а пролетариев [7, с. 466]. Объяснялось это в том числе и тем, что деревенская интеллигенция не может в полной мере заниматься культурной работой, так как «они всю революцию шли рука об руку с кулачеством...» [7, с. 470]. Однако традиционный формат расселения немцев в виде колоний, в которых большая часть населения была занята земледелием, способствовал преимущественно крестьянскому происхождению абитуриентов.

Качество подготовки абитуриентов, поступавших в Педагогический техникум, было низким. Только 30% поступивших окончило семилетнюю школу [13, Л. 53], а финансовое положение большинства было бедствующим. В 1925 г. только двое учащихся могли позволить арендовать отдельное жилье и не занимать место в общежитии, а более 80% студентов жили за счет стипендий. Они могли назначаться как самими заведением, так и быть выделенными из средств региона (АССР Немцев Поволжья) или ведомства (Наркомпрос) [12, Л. 1–2]. При этом политическая позиция студентов также была под вопросом — только 29 человек были партийными, в то время как о взглядах других обучающихся известно не было [13, Л. 39]. В условиях, когда немецкое население уже находилось под подозрением в шпионской и диверсионной деятельности, а национальное учительство признавалось антисоветским элементом наравне с духовенством [1, с. 267], такой низкий уровень партийной работы в заведении мог быть одним из сигналов для более пристального внимания к тому, что происходило в техникуме. Руководство немецкой секции пыталось принять меры по организации коммунистических ячеек как в 1925 г. [11, Л. 34], так и спустя 9 лет [15, Л. 19], однако успехов в этом деле оно не добилось. Плачевная ситуация с партийной работой, наряду с нехваткой финансирования и невозможностью организовать административное руководство, была причиной объединения Немецкого техникума с Латышским и Польским в Педагогический техникум Национальных меньшинств Запада.

Учебная программа заведения была сформирована из традиционных блоков для средних профессиональных образовательных учреждений: общеобразовательных предметов, изучаемых на первых двух годах обучения (химия, математика, география), предметов по специальности (педология, конституция ребенка, система народного образования СССР), а также курсов, направленных на ликвидацию политической безграмотности (история классовой борьбы, история РКП(б) и ленинизма, политпросвет работа) [12, Л. 1–2]. Согласно выведенным Н.К. Крупской тезисам о необходимости разностороннего подхода к обучению, способствующему развитию личности [3, с. 102], у студентов была возможность сформировать индивидуальную траекторию обучения. На III курсе, по предложению заведующего А.Г. Вульфуса [12, Л. 4], обучающиеся выбирали одно из двух отделений – школьное и дошкольное. Для тех, кто выбрал учительскую профессию, учебный план предусматривал на последнем году обучения выбор специализации – биолого-географической, физико-математической или общественно-литературной.

Учеба в техникуме занимала чуть более 20 часов в неделю, а учитывая то, что студенты иногда не имели возможности пройти часть предметов [20], у обучающихся было время начать педагогическую практику, параллельно получая образование. В Среднюю Рогатку, население которой состояло из приблизительно 900 немцев и 50 русских [11, Л. 53], был направлен студент IV курса Ив. Вильмс, так как одна из двух учительниц не владела русским языком, что не позволяло получать образование не немецким детям. Вильмс к тому моменту обладал пятилетним педагогическим стажем и получил предложение о работе в январе, то есть за полгода до конца обучения в техникуме. В похожей ситуации оказался его однокурсник Абр. Янцен, который должен был заменить финскую учительницу, плохо понимавшую другие языки, в Овцино [14, Л. 2]. Отсутствие полного профессионального образования и уже двухлетний опыт в педагогике не были препятствием для студента, чтобы получить должность в колониистской школе. Для учебных заведений это был единственный способ пополнить коллектив немецкими кадрами, что можно проследить на примере школы в Кингисеппе. С открытия заведения в 1921 г. там не хватало одного учителя [9, Л. 30], которого не могли найти на протяжении двух лет. Итогом стало временное принятие на должность русскоговорящей В.Д. Ивановой, не владевшей немецким [10, Л. 34]. Можно сделать вывод, что ситуацию, когда половина педагогов в населенном пункте не знала языка преподавания (в Овцино и Средней

Рогатке было по одной школе с двумя учителями [10, Л. 19]), необходимо было в срочном порядке решать. Поэтому привлечение не завершивших образование студентов в середине учебного года было одним из способов, во-первых, распределить обучающихся сразу на место будущей работы, во-вторых, закрыть проблему нехватки кадров. Также тем самым была решена проблема того, что приезжие обучающиеся, в чьих родных колониях не хватало педагогов, не желали оставаться в Ленинграде и губернии и по окончании техникума уезжали в провинциальные школы [14, Л. 2].

Подводя итог, стоит отметить некоторые характерные особенности кадрового вопроса в немецких школах Ленинградской губернии. Во-первых, программы национальных педагогических курсов и техникума были советизированы и включали в себя идеологические предметы в большом объеме, чтобы новое учительство было политически грамотным и способным вести партийную работу в колонистских школах. Во-вторых, прием в техникум в основном состоял из людей крестьянского происхождения с бедственным финансовым положением, что требовало от администрации дополнительных сил по привлечению стипендий для студентов. Они начинали вести педагогическую деятельность во время обучения, а колонистские школы были готовы сразу трудоустроить их, так как к середине 1920-х гг. проблема нехватки учителей для национальных меньшинств все еще была не решена и остро стояла перед местными властями.

Список источников и литературы

1. Деннигхаус В. В тени «большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011. — 727 с.
2. Зюсс В. Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде // Немцы в России: петербургские немцы. СПб.: Дм. Буланин, 1999. С. 452–474.
3. Крупская Н.К. К вопросу о подготовке квалифицированной рабочей силы // Трудовое воспитание и политехническое образование. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1959. С. 101–105.
4. Митин С.Н. Новая государственная образовательная политика и учительство в 1920-х гг. // Власть. 2014. № 11. С. 182–185.
5. Сенник Н.И. Идеологические основы формирования учительства советской школы в 20-е гг. XX в. // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 2. С. 114–117.
6. Сержанова Ж.А. Языковые вопросы российских немцев в историческом аспекте // История повседневности. 2020. № 2. С. 30–40.
7. Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. — 989 с.
8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 929.

9. ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1122.
10. ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1234.
11. ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 2100.
12. ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 2101.
13. ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 2102.
14. ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 2566.
15. ЦГА СПб. Ф. Р-7444. Оп. 18. Д. 81.
16. Черказьянова И.В. Ленинград – АССР немцев Поволжья: культурно-образовательные связи в 1920–1930-е годы // Ежегодник МАИИКРН. 2024. № 2. С. 91–104.
17. Черказьянова И.В. Советизация образования немцев СССР в 1920–1930-е гг. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3. С. 45–58.

*Т.И. Морозова*¹

**За кулисами Первого краевого съезда
Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.):
быт, досуг и привилегии делегатов**

Аннотация. Статья посвящена изучению отдельных аспектов социальной и политической повседневности делегатов Первого краевого съезда Советов Сибири, состоявшегося в Новониколаевске 3–9 декабря 1925 г. Исследование основано преимущественно на делопроизводственных документах комиссии по организации съезда, воспоминаниях одного из делегатов и материалах периодической печати. В публикации приведены сведения о количественном и качественном составе делегатов, предоставленном им транспорте, условиях проживания в Новониколаевске, сопутствующих съезду культурно-просветительских мероприятиях. Сделан вывод, что для большинства делегатов организация быта, насыщенная культурная программа и предоставленные льготы послужили дополнительным основанием, чтобы ощутить себя частью новой политической элиты. Выдвинута гипотеза, что такая самоидентификация делегатов не просто отвечала ленинской концепции вовлечения широких масс в государственное строительство, но и способствовала ее популяризации среди населения.

Ключевые слова: советская власть; съезды Советов; делегаты съезда; повседневность; Новониколаевск; Сибирский край

**Behind the Scenes of the First Krai Congress
of Soviets of Siberia (December 3–9, 1925):
Everyday Life, Leisure, and Privileges of Delegates**

Abstract. This article analyzes the socio-political dimensions of daily life for delegates at the First Krai Congress of Soviets of Siberia, convened in Novonikolaevsk on December 3–9, 1925. The research is grounded in primary sources, including the administrative records of the organizing commission, a delegate's personal memoirs, and periodical press materials. The study scrutinizes the composition of the delegate body, the logistical arrangements for their transportation and accommodation, and the cultural program organized along with the congress. It is argued that the meticulous organization of the delegates' daily routine, combined with a robust cultural program and material privileges, fostered their self-identification as members of a nascent political elite. This emergent identity, in the author's opinion, not only aligned with the Lenin doctrine of incorporating the masses into state-building, but also was an instrument in popularizing it among the Siberian population.

¹ **Татьяна Игоревна Морозова** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; заместитель директора Гуманитарного института по научной работе, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия); e-mail: mti137@yandex.ru

Tatiana I. Morozova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Sector of the History of Socio-Political Development Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Deputy Director for Scientific Research of the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Keywords: Soviet authorities; congresses of Soviets; congress delegates; everyday life; Novonikolaevsk; Siberian Krai

Съезды Советов разных уровней сыграли важнейшую роль в становлении Советской России. Именно они, по Конституции РСФСР, являлись высшими органами власти в пределах соответствующих административно-территориальных образований, от волостей и районов до краев, областей и всей республики в целом. Съезды обсуждали различные вопросы политического, экономического, социального и культурного развития страны и ее отдельных регионов, а также избирали из своего состава постоянно действующие органы – исполнительные комитеты Советов.

Значимое место съездов в советской политической системе обусловило повышенный интерес к ним со стороны отечественных историков и политологов. Особого внимания по понятным причинам удостоились Всероссийские съезды Советов [8; 10; 15 и др.]. Вместе с тем существует несколько десятков публикаций, полностью или частично посвященных краевым, областным, губернским и уездным съездам (см. например: [9; 14; 19; 20, 21]). В большинстве случаев авторы исследовали обстоятельства созыва того или иного форума, перечень обсуждаемых вопросов и принятые съездом решения, реже – количественный и качественный состав его участников. Но что означало быть делегатом съезда? Как добираться до места проведения, где жили и чем занимались делегаты в свободное от заседаний время? Эти и другие вопросы, лежащие в русле истории повседневности, до сих пор практически не рассматривались.

Первой попыткой восполнить данный пробел является настоящая статья, посвященная быту, досугу и привилегиям делегатов состоявшегося в Новониколаевске 3–9 декабря 1925 г. Первого краевого съезда Советов Сибири. Основным источником изучения данной темы стали материалы комиссии по организации съезда, функционировавшей с сентября по декабрь 1925 г. В их числе – протоколы заседаний комиссии, предварительная смета расходов, переписка с различными краевыми органами и организациями. Дополнительную информацию удалось почерпнуть из ежедневной краевой газеты «Советская Сибирь», а также из написанных в апреле 1957 г. воспоминаний одного из делегатов – председателя Ермаковского райисполкома Минусинского округа, члена РКП(б) с 1919 г. Н.К. Обухова. Названные источники имеют ограниченный потенциал применительно к избранной теме, однако, взятые в комплексе, позволяют, тем не менее, ответить на большинство поставленных вопросов.

* * *

Созыв Первого краевого съезда Советов стал следствием административно-территориальной реформы, в рамках которой был создан Сибирский край. В его состав решением Президиума ВЦИК от 25 мая 1925 г. были включены Алтайская, Енисейская, Новониколаевская, Омская, Томская губернии и Ойротская автономная область. Следующим этапом реформы стал переход от губернского и уездного к окружному и районному административно-территориальному устройству. В результате к концу 1925 г. Сибирский край состоял из 16 округов, Иркутской губернии² и Ойротской автономной области.

Главной задачей краевого съезда являлось подведение итогов шестилетней работы чрезвычайного органа власти – Сибирского революционного комитета (август 1919 – декабрь 1925 г.). Вместо него в соответствии с Конституцией РСФСР съезду предстояло избрать Сибирский исполнительный комитет Советов и наметить основные направления его деятельности³.

В работе съезда приняли участие 573 человека: 474 делегата с правом решающего и 99 – с правом совещательного голоса (*Илл. 1*). Для характеристики состава съезда мандатная комиссия использовала анкеты только тех делегатов, которые получили право решающего голоса. По ее подсчетам, 266 из 474 чел. (56,1%) были коммунистами, 28 (5,9%) – кандидатами в члены РКП(б), 9 (1,9%) – членами РЛКСМ и 171 (36,1%) – беспартийными. По социальному составу 223 делегата (47,0%) являлись партийно-советскими работниками разных уровней от председателей сельсоветов до руководителей краевых органов Сибири, 187 (39,5%) – крестьянами, 54 (11,4%) – рабочими и 10 (2,1%) – представителями интеллигенции. При этом большинство делегатов – 222 чел. (68,2%) – имели низшее и только 75 чел. (15,8%) – среднее или высшее образование, еще 76 чел. (16%) при заполнении анкеты назвались самоучками или малограмотными. Что касается гендерного состава, то среди участников съезда преобладали мужчины: 428 из 474 чел. (90,3%). По возрасту делегаты съезда распределялись следующим образом: 220 чел. (46,4%) – от 31 до 40 лет, 152 чел. (32,1%) – от 21 до 30 лет., 89 чел. (18,8%) – от 41 до 60 лет, 11 чел. (2,3%) – в возрасте 19–20 лет и только двое (0,4%) преодолели 60-летний рубеж [3, Л. 1–2 об.].

² Разделена на округа в 1926 г.

³ Подробнее о задачах, организации, проведении и результатах Первого краевого съезда Советов Сибири см.: [9].

Иллюстрация 1. Делегаты Первого краевого съезда Советов Сибири [2, Л. 3].

На вопрос об участии в предыдущих съездах ответили только 300 человек: 180 из них (38,0% от всех делегатов с решающим голосом) сообщили, что участвовали в съездах один или два раза, 82 чел. (17,2%) — от трех до четырех раз и 38 чел. (8,0%) — никогда прежде не участвовали. Учитывая полноту анкет, можно утверждать, что оставление данного вопроса без ответа, скорее всего, означало отсутствие у анketируемых опыта участия в съездах.

Качественный состав Первого краевого съезда Советов в полной мере отвечал решению двух противоположных задач. С одной стороны, преобладание среди делегатов молодых мужчин, имевших по крайней мере низшее образование, состоявших в РКП(б) и на практике знакомых с партийно-советской работой, служило залогом работоспособности съезда. С другой стороны, заметная доля беспартийных рабочих и крестьян, впервые делегированных на мероприятие такого уровня, позволяла позиционировать съезд как орган поистине народного представительства.

Анализ персонального состава съезда позволяет утверждать, что как минимум 70 из 573 делегатов жили и работали в Новониколаевске [13, с. 234–265]. Остальные являлись приезжими, что налагало допол-

нительные обязательства на организаторов. Первостепенной и наиболее трудной задачей стало обеспечение иногородних делегатов жильем: ожидаемое число делегатов заметно превосходило инфраструктурные возможности Новониколаевска.

Для решения этой и других текущих задач в сентябре 1925 г. Сибирский революционный комитет создал комиссию по организации краевого съезда Советов под председательством управляющего Сибирской конторой Госбанка А.М. Певзнера. Вопрос о «предоставлении помещения для делегатов» обсуждался этой комиссией трижды: 22 сентября, 10 октября и 11 ноября 1925 г. [6, Л. 1, 4, 5]. В результате было принято решение разместить участников съезда в трех разных местах. Для наиболее почетных гостей предназначались 15 номеров в так называемой коммунальной гостинице [6, Л. 5]. Делегатов-женщин планировалось разместить в Доме работников просвещения и печати. В качестве общежития для всех остальных было намечено только что достроенное, но еще не сданное в эксплуатацию здание Текстильсиндиката [14, с. 1]. Чтобы сделать его пригодным для жизни в условиях зимнего времени, 27 ноября управляющий делами Сибревкома Я.И. Гоба от имени организационной комиссии подготовил две записки директивного характера. Первая была адресована руководителю Сибгосстроя Н.Е. Луциковичу и содержала требование «давать в первом этаже дома Текстильсиндиката <...> свет с 4-х часов вечера до 8-ми часов утра непрерывно» [4, Л. 26]. Во второй, направленной непосредственно в Текстильсиндикат, предлагалось «принять все меры к нормальному отоплению помещения» [4, Л. 27].

Судить об условиях проживания большинства делегатов позволяет предварительная смета, составленная и утвержденная организационной комиссией 25 ноября 1925 г. Согласно этому документу, для оборудования общежития требовалось 450 деревянных топчанов, столько же соломенных матрацев, простыней и одеял, 900 наволочек, 150 полотенец и 50 венских стульев. Судя по тому, что подготовленная комиссией смета не предусматривала расходов на перечисленные позиции, они уже имелись в распоряжении Сибревкома⁴. Сверх перечисленного планировалось закупить 50 электрических ламп, 25 железных ведер, 10 пудов тряпок для мытья, два пуда обычного и 16 дюжин кускового мыла, 15 рукомойников, 15 столов и 10 скатертей, 10 баков для кипяченой воды и 20 кружек к ним, 20 стеклянных графинов, 10 вешалок

⁴ Можно предположить, что они были закуплены ранее в связи с проведением Первой (8–11 мая 1924 г.) или Второй Сибирской партийной конференцией (27 ноября – 2 декабря 1925 г.).

для одежды, три дюжины пепельниц и прочие мелочи. Все перечисленное должно было обойтись в 1825 руб. при общем бюджете съезда в 10833 руб. 50 коп. Кроме того, смета предполагала оплату работы коменданта общежития, уборщиц-поломоек, электромонтера, водовоза, «дежурных у входа» и «дежурных у вешалки» [7, Л. 125–126].

В полуподвальном помещении Текстильсиндиката была организована столовая для делегатов. Трехразовое питание 450 человек на протяжении семи дней предварительно оценивалось в 4725 руб. Для получения бесплатных завтраков, обедов и ужинов делегатам выдавались специальные «талонные книжки» [7, Л. 125 об. — 126].

Статус делегата краевого съезда подтверждался специальным документом — мандатом: красного цвета — для делегатов с решающим и синего — для делегатов с совещательным голосом. Делегаты, прибывшие в город с 30 ноября по 2 декабря, могли получить свои мандаты прямо в общежитии в специально установленные для этого часы.

Новониколаевск являлся крупным железнодорожным узлом, благодаря чему большинство делегатов добирались до города поездом. Для их встречи на вокзале организационная комиссия создала «постоянное бюро по приему прибывающих делегатов» [17, с. 1]. Председатель Ермаковского райисполкома Н.К. Обухов много лет спустя вспоминал, что делегация от Минусинского округа, в которую он входил, «была встречена представителями Сибревкома» и «с вокзала отправлена к общежитию на извозчике» [1, Л. 3]. Всего для перевозки делегатов и гостей съезда организационной комиссией было выделено 13 лошадей с легкими повозками и шесть автомобилей [7, Л. 125].

Встреча и дальнейшее пребывание в городе оставили у Н.К. Обухова почти романтические впечатления: «Прибывающих на съезд делегатов в Новониколаевск[е] встречали с большой теплотой и товарищеской сердечностью. Не только теплая встреча, заботливое обслуживание радовало нас, но и необыкновенное товарищеское отношение к нам со стороны руководителей Сибири и всех, с кем нам приходилось встречаться» [1, Л. 3].

«Заботливое обслуживание» проявлялось в самых разных формах от организации проживания и питания до бесплатной раздачи блокнотов, карандашей и даже папирос. Приобретение последних в количестве 45 тыс. штук стоило комиссии 900 руб., то есть всего вдвое меньше, чем было израсходовано на оснащение общежития мебелью, бельем, посудой и прочей утварью [7, Л. 125 об. — 126].

Местом проведения Первого краевого съезда Советов Сибири был избран официально еще не достроенный, но уже торжественно

открытый Дом Ленина. Здание строилось с целью увековечивания памяти В. И. Ленина и должно было служить местом народных собраний. «Украшение помещения» было поручено председателю организационной комиссии А. М. Певзнеру и члену этой же комиссии, заместителю полномочного представителя ОГПУ по Сибири Б. А. Баку [6, Л. 7]. Оба являлись членами Сибревкома и, по всей видимости, должны были нести личную ответственность за правильность репрезентации советской власти участникам съезда. Непосредственно для оформительских работ комиссия пригласила декоратора-художника из располагавшегося в Новониколаевске Сибгостеатра [4, Л. 24].

Фасад Дома Ленина был украшен государственным флагом и большими алыми полотнищами [1, Л. 3], зал заседаний — ростовым портретом В. И. Ленина и транспарантом с надписью «Привет 1-му Сибирскому краевому съезду Советов» (*Илл. 2*). На сцене были установлены шесть покрытых скатертями столов для президиума съезда. На столах располагались подсвечники, графины с водой, стаканы, пепельницы и два звонка для объявления о начале или прекращении выступлений [7, Л. 125 об.]. Во время первого заседания съезда сцена Дома Ленина пополнилась дополнительной атрибутикой: красным знаменем, преподнесенным съезду работниками железнодорожного транспорта Новониколаевска, и глыбой каменного угля — подарком горняков Анжеро-Судженского района [12, с. 22, 28] (*Илл. 2*).

В холле второго этажа были организованы выставки, посвященные промышленности и сельскому хозяйству Сибири. Экспонатами служили диаграммы, специально подготовленные различными учреждениями и организациями Сибири, тематическая литература, фотографии, макеты заводов и других сооружений, а в отдельных случаях даже продукты производства: «образцы экспортного леса», «коллекция хлебов» и т. п. [7, Л. 69, 115].

Открытие съезда, изначально запланированное на утро 2 декабря, дважды переносилось: сначала на вечер того же дня, а затем — на пять часов вечера 3 декабря. Чтобы занять заранее прибывших в Новониколаевск делегатов, комиссия организовала для них экскурсии в городской музей, на промышленные предприятия и мельницы города [18, с. 1]. Для остальных аналогичные экскурсии были проведены в обеденное или вечернее время непосредственно в дни съезда. По воспоминаниям Н. К. Обухова, делегаты съезда «побывали на многих предприятиях г. Новониколаевска и в казармах красноармейцев». Глубокое впечатление на делегатов, судя по всему, производили не столько сами экскурсии, сколько возникавшая в ходе них возмож-

ность неформального общения с руководителями краевых партийных и советских органов. В качестве одного из таких примеров Н.К. Обухов приводил состоявшуюся на второй день съезда экскурсию с участием секретаря Сибирского краевого комитета РКП(б) С.В. Кошиора, который, по его словам, «залез в кузов грузовой автомашины марки “АМО” и, вместе с делегатами стоя в кузове машины, уехал на предприятие» [1, Л. 7].

Иллюстрация 2. Президиум Первого краевого съезда Советов Сибири, 3 декабря 1925 г. [3, Л. 1].

Особое значение организационная комиссия придавала культурно-просветительской программе. Вечером 3 декабря, сразу после первого заседания, делегаты съезда стали зрителями большого торжественного концерта, данного труппой Сибгостеатра [12, с. 53]. В постановке были задействованы оркестр под управлением дирижеров К.Ф. Брауэра и Я.А. Позена, хор в составе 30 человек и 13 солистов. Концерт состоял из трех отделений, в рамках которых фрагменты классических произведений М.И. Глинки, Н.А. Римского-Корсакова и П.И. Чайковского удивительным образом перемежались то революционными песнями, то с народными плясовыми композициями [7, Л. 160–161]. Не только рабочие и крестьяне, но и большинство дру-

гих делегатов, съехавшихся в Новониколаевск из различных уголков Сибири, ничего подобного раньше не видели.

Делегатский мандат позволял его владельцу не только прибегнуть к культурной жизни, но и получить экономическую выгоду. Так, например, Сибирское краевое издательство на время проведения краевого съезда установило для делегатов скидки: в Новониколаевске — 30% на книги и 10% на канцелярскую продукцию, в отделениях и магазинах Сибкрайиздата на местах — 25% на книги и те же 10% на канцелярию. Пятипроцентную скидку на товары предлагал делегатам краевого съезда Центральный рабочий кооператив [7, Л. 130–131]. Кроме того, по окончании съезда всем иногородним делегатам были выданы специальные талоны, дававшие право на приобретение железнодорожных билетов вне очереди и за полцены [13, с. 193].

Состав Первого краевого съезда Советов Сибири был неоднороден по целому ряду качественных характеристик. Делегатские мандаты с правом решающего голоса получили мужчины и женщины, молодые и зрелые, малограмотные и образованные, беспартийные и коммунисты, представители трудящихся и ответственные партийно-советские работники. Руководители краевых партийных, советских и хозяйственных органов, находившиеся в положении организаторов мероприятия, вряд ли столкнулись с переменами бытового характера. Совсем иначе участие в съезде воспринималось иногородними делегатами. Благодаря съезду десятки рабочих, крестьян и низовых советских работников оказались временно оторваны от своих непосредственных обязанностей и привычного образа жизни. Для них торжественная встреча на вокзале, недельное проживание в центре сибирской столицы, бесплатное трехразовое питание, насыщенная культурная программа и различные льготы послужили дополнительным основанием, чтобы ощутить себя частью новой политической элиты. Такая самоидентификация делегатов не просто отвечала ленинской концепции вовлечения широких масс в государственное строительство, но и, вероятно, способствовала ее популяризации среди населения.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 6. Д. 317.
2. ГАО. Ф. П-11796. Оп. 1. Д. 41.
3. ГАО. Ф. П-11796. Оп. 1. Д. 42.
4. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1381.
5. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1394а.

6. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1604.
7. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1652.
8. *Ионкина Т.Д.* Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1974. – 277 с.
9. *Логинов С.Л.* Социальный состав депутатского корпуса Вятской губернии 1924–1927 гг. (по материалам X–XIII губернских съездов советов) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Глазов, 2013. С. 90–97.
10. *Мионов Б.Н.* Коллективный портрет делегатов съездов Советов в 1917–1936 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 936–969.
11. *Морозова Т.И.* Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.): от замысла к реализации // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. Т. 32. № 3. С. 87–96.
12. Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.): стенографический отчет / сост. и науч. ред. И.А. Мошетотов. Новосибирск, 1993. Ч. 1. – 222 с.
13. Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.): стенографический отчет / сост. и науч. ред. И.А. Мошетотов. Новосибирск, 1993. Ч. 2. – 276 с.
14. *Пожарова В.И.* Первый краевой съезд Советов Сибири (1925 г.) // Научные труды Новосибирского государственного педагогического института. Вып. 24. Из истории партийных организаций Сибири / отв. ред. В.М. Горячева. Новосибирск, 1968. С. 100–105.
15. *Смирнов Н.Н.* Третий Всероссийский съезд Советов. Л., 1988. – 160 с.
16. Советская Сибирь (Новониколаевск). 1925. 25 ноября.
17. Советская Сибирь. 1925. 29 ноября
18. Советская Сибирь. 1925. 3 декабря.
19. *Сорокун П.В., Дорохов В.Г.* Роль краевых съездов Советов Сибири в интенсификации Сибирского края (1925–1930 гг.): ретроспективный обзор // Социально-экономической и гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 269–284.
20. *Сорокун П.В.* Организация и деятельность окружных органов Советской власти в Сибирском крае в 1925–1930 гг. Красноярск, 2016. – 183 с.
21. *Шишкин В.И.* Роль уездных съездов Советов Сибири в укреплении союза рабочего класса и крестьянства в 1920 году // Осуществление ленинских идей о союзе рабочего класса и крестьянства в Сибири: тезисы докладов и сообщений пленарного заседания, I и II секций Всесоюзного симпозиума (Барнаул, 26–28 мая 1976 г.). Барнаул, 1976. С. 119–121.

В.В. Акимченков¹

Профессор Григорий Вейсберг (1884–1942) у истоков создания Крымского отделения ВАРНИТСО

Аннотация. В статье на основе источников, выявленных автором в фондах Российского государственного архива экономики и Российского государственного архива литературы и искусства, изучена общественная деятельность советского педагога, психолога, профессора Григория Петровича Вейсберга (1884–1942) в Крыму. Рассмотрена его роль в формировании Крымского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО). Проанализирована система межличностных коммуникаций ученого с представителями местной научной и инженерно-технической интеллигенции. Отдельный акцент сделан на истории противостояния старых кадров и генерации новых специалистов, которое разворачивалось среди членов Крымского межсекционного бюро инженеров и техников и местного отделения ВАРНИТСО. Раскрыты ранее не изученные сюжеты деятельности Г.П. Вейсберга во главе Крымского государственного педагогического института имени М.В. Фрунзе, которым он руководил с 1927 по 1930 гг.

Ключевые слова: Г.П. Вейсберг; Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО); Крымская АССР; Крымский государственный педагогический институт имени М.В. Фрунзе

Professor Grigory Weisberg (1884–1942): one of the founders of the Crimean branch of VARNITSO

Abstract. Based on sources identified by the author in the collections of the Russian State Archive of Economics and the Russian State Archive of Literature and Art, the article examines the social activities of Grigory Petrovich Weisberg (1884–1942), a Soviet teacher, psychologist, and professor, in Crimea. His role in the formation of the Crimean branch of the All-Union Association of workers of science and technology to promote socialist construction in the USSR (VARNITSO) on the territory of the autonomy is considered. The system of interpersonal communications of the scientist with representatives of local scientific and engineering intelligentsia is analyzed. A special emphasis is made on the history of the confrontation between the old cadres and the generation of new specialists, which unfolded among the members of the Crimean intersectional bureau of engineers and technicians and the local branch of VARNITSO. The previously unexplored G.P. Weisberg's activities as the head of the Crimean State Pedagogical Institute named after M.V. Frunze, which he chaired from 1927 to 1930, are revealed.

Keywords: Grigory Weisberg; All-Union Association of workers of science and technology to promote socialist construction in the USSR (VARNITSO); Crimean ASSR; M.V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute

¹ **Виктор Владимирович Акимченков** – кандидат исторических наук, преподаватель истории, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 1519» (Москва, Россия); e-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru
Viktor V. Akimchenkov – Ph.D in History, history teacher, State budgetary general educational institution of Moscow «School № 1519» (Moscow, Russia).

На сегодняшний день биография видного советского педагога, профессора Григория Петровича Вейсберга (1884–1942) остается в полной мере не изученной. В отечественной историографии предпринимались попытки осмысления его творческого наследия, давшие лишь фрагментарные результаты [1; 2; 3]. Цель статьи состоит в рассмотрении роли Г.П. Вейсберга в деле создания и функционирования Крымского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (далее – ВАРНИТСО). Это всего лишь одна из страниц биографии ученого, связанная с пребыванием в Крыму и оставшаяся совершенно неизученной. В основу данного исследования легли источники, выявленные в фондах Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива литературы и искусства, а также малоизвестные материалы газеты «Красный Крым» (г. Симферополь).

В мае 1927 г. Г.П. Вейсберг был назначен на должность директора Крымского государственного педагогического института имени М.В. Фрунзе. Он совмещал эту работу с преподаванием ленинизма на кафедре истории того же вуза, при которой изначально числился доцентом [10, Л. 5]. В этот период большинство научных организаций полуострова функционировало в Доме ученых, работа которого протекала в Симферополе в одном из корпусов Крымского пединститута имени М.В. Фрунзе. Это было здание бывшего еврейского общественного училища Талмуд-Тора. Это во многом предопределило активное участие вновь назначенного директора Вейсберга в судьбе ключевых сообществ, взявшего их под свое покровительство. По прибытии в Крым педагог сразу погрузился в реалии общественной и научной жизни полуострова.

Г.П. Вейсберг оказался в Симферополе в то время, когда научная общественность Советского Союза активно обсуждала инициативу создания ВАРНИТСО. С этой целью стали возникать первые рабочие группы как в союзных республиках, так и субъектах РСФСР. К концу 1927 г. подобные инициативные группы возникли в Керчи, Феодосии и Симферополе. Приняв пединститут, предприимчивый директор Вейсберг, обладая природной хваткой и умением организовать любое дело, сумел перехватить инициативу и самостоятельно сформировал на полуострове отделение ВАРНИТСО, полностью нивелировав все попытки керченской и феодосийской научной общественности. Помощь в этом ему оказали особо деятельные преподаватели пединститута в лице профессоров И.И. Тихановского и П.А. Двойченко, а также доцента В.Г. Лунева. Вокруг этой инициативы удалось сплотить яркую

плеяду представителей крымской научной и инженерно-технической интеллигенции. Кроме уже перечисленных деятелей в ее состав вошли: П.И. Голландский, П.А. Двойченко, Г.А. Максимович, И.И. Тихановский, инженеры П.П. Дюкоммен, В.П. Кулаков, М.С. Кискачи, П.Я. Макаровский, А.Д. Петровский-Ильenko, А.А. Степновский, Н.А. Ярцев, Б.П. Дубровский и А.А. Засядько, А.Н. Казанский [1].

Процесс набирал обороты и уже 30 марта 1928 г. в Симферополе состоялось организационное собрание научных и инженерно-технических работников, желающих вступить в Ассоциацию. Председателем был избран Г.П. Вейсберг, а в состав президиума вошел сотрудник Управления строительного контроля Крымской АССР Петр Павлович Дюкоммен и ответственный секретарь Крымского бюро Агрономической секции Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР Николай Тихонович Трофимов. Собравшиеся были ознакомлены с текущей организационной документацией, поступавшей из Москвы, в том числе, с проектом устава и инструкциями о рабочей структуре Ассоциации [13, Л. 54]. Развернувшаяся среди собравшихся дискуссия позволяет понять мотивы крымской интеллигенции, побуждавшие ее вступать в ряды ВАРНИТСО. Например, научный сотрудник Госплана Крымской АССР А.Д. Петровский-Ильenko указал на непроясненность вопроса о привилегиях для членов ВАРНИТСО, что, по его мнению, сдерживало некоторых от вступления в ассоциацию. Он считал, что «на практике члены Ассоциации, несомненно, будут в привилегированном положении в отношении условий своей работы <...>: они будут более обеспечены всякого рода научными пособиями, лабораториями, они получают содействие по созыву Съездов, по изданию журнала, своих трудов и т.д. И это правильно, ибо естественно, что Власть, строящая социализм, окажет поддержку работе этому строительству. Так и должно быть». Он усматривал организацию ВАРНИТСО в формате «большой практической академии строительства социализма» [13, Л. 54 об.]. Взгляды А.Д. Петровского-Ильenko полностью разделял заместитель директора пищевого управления Центрального совета народного хозяйства Крымской АССР Л.Н. Брайнес.

Ответственный секретарь Крымского межсекционного бюро инженеров и техников А.М. Комиссаров, отвечая собравшимся, настаивал на том, что наличие привилегий является недопустимым и не предусмотрено уставом Ассоциации. Создание подобной организации, по его мнению, позволило бы объединить разрозненные группы крымской интеллигенции, ослабив позиции тех, кто смотрит на ВАРНИТСО как на «комсомол для престарелых». В свою очередь,

научный сотрудник Госплана Крымской АССР Н.К. Корде отмечал, что членство нельзя связывать с наличием каких-либо преимуществ вне Ассоциации. Отрицал «кастовую» подноготную ВАРНИТСО и председательствующий на собрании Г.П. Вейсберг [13, Л. 55 об.].

Архитектор Крымгоспроекттреста, инженер П.К. Кржижановский, акцентировал свое внимание на более остром – кадровом вопросе. По его мнению, «работников техники, проявивших себя в смысле активно-творческой работы в условиях Крыма, немного. Повседневная работа высококвалифицированных работников техники тесно переплетается с техниками средней квалификации, поэтому не создается ли неувязки и разрыва между этими группами, из которых одна – высококвалифицированные техники с натяжкой могут быть членами ВАРНИТСО, а другая – техники средней квалификации – не могут быть ее членами[?]» [13, Л. 55].

В ходе собрания звучала и самокритика. Так, инженер С.К. Даниэль высказал суждение о том, что достойных кандидатов в члены этого сообщества будет немного. В том числе и свою кандидатуру он считал неподходящей. А в деле создания ВАРНИТСО, по его мнению, наблюдался «чиновный подход». Противоположной точки зрения придерживался научный сотрудник Госплана Крымской автономии В.Б. Лукьянов: «<...> Абсолютная необходимость заставляет нас идти в ВАРНИТСО. Предстоящая ломка в строительстве заставляет нас общаться, вентилировать свою творческую мысль. Речь идет не о социальных группировках даже, а о правильном творческом направлении нашей работы» [13, Л. 55]. Точка зрения С.К. Даниэля была раскритикована и А.Д. Петровским-Ильенко, который констатировал, что члены Ассоциации – это не отмежевывшиеся от работников науки и техники «апостолы», а единомышленники.

В ходе этого собрания был избран временный президиум Симферопольской инициативной группы ВАРНИТСО. В его состав вошли: Г.П. Вейсберг, П.П. Дюкоммен, А.М. Комиссаров, В.Б. Лукьянов и Г.А. Максимович [13, Л. 56]. Также были избраны делегаты на предстоящую Первую Всесоюзную конференцию ВАРНИТСО, которая должна была носить учредительный характер. Большинство собравшихся поддержало кандидатуру именно Г.П. Вейсберга, который получил 20 голосов из 28 возможных. Вторым делегатом стал научный сотрудник Госплана Крымской АССР П.Я. Макаровский.

Таким образом, данное организационное собрание положило начало системной работе крымской инициативной группы по созданию местного отделения ВАРНИТСО. Г.П. Вейсбергу удалось стать во главе

новых процессов, набиравших обороты в крымском научном сообществе. Безусловно, здесь решающую роль играла не только должность, которую он занимал, но и характерный для него активистский склад личности.

Уже на следующий день, 31 марта, состоялось заседание временного президиума Крымского отделения ВАРНИТСО. В ходе его работы председателем был избран П.П. Дюкоммен, заместителем председателя — Г.П. Вейсберг, а ответственными секретарями — А.М. Комиссаров и В.Б. Лукьянов. Сформировали и приемочную комиссию, в состав которой вошли П.П. Дюкоммен, Г.А. Максимович и А.М. Комиссаров. Временному руководству удалось наметить план работы, который предшествовал бы проведению конференции в Москве. Условились вплоть до официального учреждения Ассоциации проводить заседания президиума один раз в неделю [13, Л. 53].

Торжественная церемония открытия ВАРНИТСО прошла в ходе ее Первой Всесоюзной конференции, состоявшейся в Москве 23–26 апреля 1928 г. [15] Крымская делегация была представлена Г.П. Вейсбергом, П.Я. Макаровским, а также представителем от керченской инициативной группы, агрономом В.А. Вилейкиным [11, Л. 17–19]. Поздравительная телеграмма в адрес конференции была направлена также президиумом Съезда по изучению производительных сил Крыма. В ней отмечалось: «ВАРНИТСО — [это] новый отряд, который усилит социалистическое строительство рабочей страны» [15, с. 213].

Получив мандат от вновь сформированных центральных органов управления ВАРНИТСО, крымские делегаты Всесоюзной конференции, вернувшись на полуостров, приступили к формированию местного отделения Ассоциации. В силу административной целесообразности эта работа была возложена на симферопольскую инициативную группу, в состав которой вошел, в первую очередь, профессорско-преподавательский состав пединститута (Г.П. Вейсберг, П.А. Двойченко, Г.А. Максимович, В.С. Шевчук), представители аппарата экономического управления при СНК Крымской АССР, в частности, Планового бюро (В.Б. Лукьянов, В.Г. Лунев) и Управления строительного контроля (П.П. Дюкоммен, П.Я. Макаровский), а также члены Крымского отделения Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (А.М. Комиссаров) [13, Л. 30].

Уже в мае 1928 г. столичное руководство ВАРНИТСО оповестило феодосийскую инициативную группу о том, что было принято решение об открытии единого Крымского отделения Ассоциации

и нецелесообразно разбивать его по городам. Всем желающим вступить в организацию было рекомендовано отныне обращаться за организационной помощью в Симферополь к Г.П. Вейсбергу и П.Я. Макаровскому [14, Л. 8].

В 1928 г. Крымское отделение ВАРНИТСО было сформировано. Основные должности оказались заняты представителями симферопольской инициативной группы. Председателем был избран профессор Крымского государственного пединститута имени М.В. Фрунзе Г.А. Максимович. Директор пединститута Г.П. Вейсберг был утвержден заместителем председателя. Он оказывал решающее влияние на принятие всех ключевых решений в рамках Ассоциации. Профессор пединститута П.А. Двойченко и инженер П.П. Дюкоммен стали ответственными секретарями, научный сотрудник Госплана Крымской АССР П.Я. Макаровский – заместителем ответственного секретаря и казначеем. Представителя от Керчи В.А. Вилейкина зачислили в члены ревизионной комиссии наряду с доцентом пединститута В.С. Шевчуком и землеустроителем В.Г. Луневым [12, Л. 4]. В состав приемочно-контрольной комиссии вошли: научный сотрудник Госплана автономии В.Б. Лукьянов, инженер А.М. Комиссаров и профессор пединститута Г.А. Максимович. 7 июня 1928 г. была окончательно оформлена управленческая структура Крымского отделения ВАРНИТСО, прошла кооптация первых членов организации. Заседания президиума и актива проходили каждый вторник с 17.00 в кабинете директора пединститута Г.П. Вейсберга [13, Л. 30].

В жизни Крымского отделения ВАРНИТСО Вейсберг принимал деятельное участие. Используя общественный резонанс и властную поддержку этой структуры, он пытался осуществить идею восстановления университета в Крыму [6, с. 23]. Ко второй половине 1928 г. вновь обострился вопрос, связанный с порядком приема в члены Ассоциации. Высказывались уже звучавшие на момент создания организации идеи о том, что необходимо детальным образом анализировать биографические сведения каждого кандидата, подающего заявление для вступления в ВАРНИТСО. Причем внимание следовало бы уделить социальному происхождению, положению, занимаемому до событий революции 1917 г. и т.д. В ходе заседания Крымского отделения Ассоциации, состоявшегося 24 сентября 1928 г., этот нарыв был вскрыт. Председатель Г.А. Максимович и ответственный секретарь А.М. Комиссаров утверждали, что принимать в члены Ассоциации тех, в чьих анкетах фрагментарно отображены биографические сведения, крайне нежелательно. С этим была категорически не согласна часть присут-

ствующим на заседании. Прения зашли в тупик, после чего было принято решение делегировать Г.П. Вейсберга в Москву, где он должен был уточнить в президиуме ВАРНИТСО порядок приема новых членов [13, Л. 5 об.]. Отметим, что Григорий Петрович регулярно посещал столицу в рабочих целях, имел отлаженные связи в Наркомпросе РСФСР, Московском отделе народного образования и во многих столичных вузах. Благодаря этому ему удавалось решать, или, по крайней мере, актуализировать в «высоких кабинетах» проблемные вопросы, возникавшие в его деятельности на крымском образовательном поприще [7, с. 28].

Крымский период в биографии Вейсберга совпал с обострившимся противостоянием среди членов большинства общественных профессиональных объединений полуострова. В первую очередь, это было вызвано разногласиями, возникшими между представителями старой научной интеллигенции и выходцами из партийного и комсомольского актива, которые формировали новую прослойку инженерно-технической интеллигенции. Период с декабря 1928 г. по февраль 1929 г. явился кульминацией противостояния в Крымском межсекционном бюро инженеров и техников (далее – КМБИТ), которое было тесным образом связано с местным отделением ВАРНИТСО. Перевыборы в районные отделения КМБИТа привели к их существенному кадровому обновлению. Старое организующее ядро, которое к тому времени стали открыто именовать «делецкой группой», было выведено из состава организации. Это, по словам П.Я. Макаровского, явилось переломным моментом, в котором «либо осилит советская группа и тогда делецкая рассыпится (исчезнет пирог, исчезнут и поклонники пирога, пойдут за советской группой сначала за страх, а там и за совесть), либо осилит делецкая группа, лишит советскую «огня и воды» и задавит надолго всякую возможность протеста и откровений <...>. В Крыму – в заповеднике зубров – нам приходится жарко» [12, Л. 23]. В условиях конфронтации с профессурой пединститута, которая, по мнению П.Я. Макаровского, думала, что «ВАРНИТСО – это тихий кружок, вроде “любителей хорового пения”», Г.П. Вейсбергу, П.П. Дюкоммену, А.М. Комиссарову и П.Я. Макаровскому приходилось вести напряженную работу.

Старые научные кадры, осознавая утрату прежних позиций, изменили тактику противостояния. Часть крымской профессуры из числа членов ВАРНИТСО вновь обострила больной и ранее не решенный вопрос о формате членства. Нарочно зазвучали призывы о равном доступе всех желающих в ряды Ассоциации, что в условиях очередной чистки советского аппарата привело к небывалому валу заявлений

о приеме. Под этим нажимом председатель отделения Г.А. Максимович и член приемочно-контрольной комиссии В.Б. Лукьянов публично выступили за упрощение правил приема в члены организации и примирение с «делецкой группой». Однако были и те, кто не желал идти на попятную. На окончательном выводе «дельцов» из профорганизаций настаивали Г.П. Вейсберг, П.А. Двойченко, П.П. Дюкоммен, А.М. Комиссаров и П.Я. Макаровский [12, Л. 23].

В условиях столь острого противостояния в среде крымской научной и инженерно-технической интеллигенции точка зрения Вейсберга вновь оказалась решающей. Он выступал за полный вывод «неблагонадежной и сомнительной» части крымской интеллигенции из существующих общественных объединений. Во время общего собрания членов Крымского отделения ВАРНИТСО, состоявшегося 15 января 1929 г., был заслушан доклад инженера П.П. Дюкоммена под названием «Объединять или вытеснять», в котором декларировалась укоренившаяся точка зрения об углублении в рядах отделения борьбы с «правым уклоном» и необходимости замены старых специалистов. В обсуждении данного вопроса приняли активное участие: П.Н. Берменев, Л.Н. Брайнес, Г.П. Вейсберг, А.М. Комиссаров, В.Г. Лунев, П.Я. Макаровский, А.Д. Петровский-Ильenko и В.С. Шевчук. Для решения этого вопроса была сформирована комиссия в составе Г.П. Вейсберга, П.П. Дюкоммена и В.Г. Лунева, которой было поручено подготовить соответствующую резолюцию, которую планировали заслушать в ходе предстоявшего заседания [12, Л. 39].

В первой половине апреля 1929 г. в симферопольском Доме ученых, который располагался в одном из корпусов пединститута, прошла II Всекрымская конференция секции научных работников [8, с. 656]. Мероприятие имело весьма представительный состав. Здесь присутствовали делегаты от Крымского отделения ВАРНИТСО, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, Общества по изучению Крыма, Таврического общества истории, археологии и этнографии, Научной Ассоциации врачей Симферополя, Педагогического общества и других научных сообществ автономии. В ходе конференции состоялись перевыборы членов Крымского бюро секции научных работников, в состав которого вошли А.М. Лукьяненко (председатель), Г.А. Максимович (ответственный секретарь), а также члены бюро Г.П. Вейсберг, И.И. Леманов и В.С. Шевчук [5, с. 4]. В ходе заседаний были озвучены доклады по наиболее острым вопросам, связанным с попытками преодоления аполитичности среди крымской интеллигенции и концентрации всех интеллектуальных ресурсов вокруг

всестороннего изучения производительных сил региона и вопросов социалистического строительства.

К концу 1920-х гг. разногласия в крымском научном сообществе нарастали. В процессе повседневной работы Крымского отделения ВАРНИТСО, а точнее — «упорной борьбы с правыми группировками», как отмечал П.Я. Макаровский, имелись серьезные затруднения, вызванные тем, что «часть членов ВАРНИТСО оказалась мягкотелыми интеллигентами, с типичным подходом “жалкого человека”, “зачем ссориться, и так клюют”», что, по его мнению, являлось отражением процесса классовой борьбы [12, Л. 8]. Такую же ситуацию, по всей видимости, можно было наблюдать и в других общественных объединениях Крымской АССР того времени.

На рубеже 1920–1930-х гг. раскол в среде крымской научной и инженерно-технической интеллигенции явно выкристаллизовался. Уже не кулуарно, а во всеуслышание с трибун всевозможных съездов и пленумов, со страниц местной прессы к числу «надежных и идеологически устойчивых деятелей» было принято относить М.Я. Макаровского, Л.Н. Брайнеса, Г.П. Вейсберга, П.П. Дюкоммена, А.М. Комиссарова, В.Г. Лунева, И.И. Тихановского, В.С. Шевчука и др. В число же «колеблющихся», «мягкотелых», и отчасти связанных с «правыми группами» попали Н.К. Бауман и Н.Т. Трофимов, П.Н. Берменев, П.А. Двойченко, В.Б. Лукьянов, А.Г. и Г.А. Максимовичи, А.Д. Петровский-Ильenko, Д.И. Софронов и др. [12, Л. 8 об.].

Как следствие, это серьезным образом повлияло на общественные настроения в крымском научном сообществе. Начались призывы к обновлению управленческого состава местного отделения ВАРНИТСО. Идеи, высказанные П.Я. Макаровским по данному вопросу, нашли отклик у большей части членов Ассоциации. Он отмечал, что в президиуме следует выделить три места техническим специалистам и два профессуре, поскольку, по его мнению, «ведущую роль наша крымская профессура принять на себя не в состоянии» [12, 8 об.]. При этом предлагалось сместить с поста председателя Г.А. Максимовича, заменив его П.П. Дюкомменом, назначив ему в заместители профессора Крымского пединститута им. М.В. Фрунзе И.И. Тихановского. В состав президиума, по его мнению, стоило бы ввести директора пединститута Г.П. Вейсберга, казначеем назначить заместителя директора пищевого директората Центрального совета народного хозяйства Крымской АССР Л.Н. Брайнеса либо доцента пединститута В.Г. Лунева, а в ответственные секретари он предлагал свою кандидатуру. Приемочно-контрольную комиссию он также рекомендовал полностью пере-

форматировать, введя в ее состав А.М. Комиссарова и В.С. Шевчука, а на усмотрение делегатов съезда — кандидатуру Л.Н. Брайнеса либо В.Г. Лунева. Ревизионную комиссию считал целесообразным «отдать на откуп» районным отделениям, выделив квоту: по одному человеку от Симферополя, Севастополя и Керчи [12, Л. 8 об.].

Ко второй половине 1929 г. коллективы ВАРНИТСО удалось сформировать при ключевых учреждениях и предприятиях автономии. Среди них самым крупным и активным оставался созданный при Крымском пединституте и Крымском научно-исследовательском институте. В его организующее ядро по-прежнему входили Г.П. Вейсберг, Н.К. Бауман, В.М. Белоус, П.А. Двойченко, А.Г. и Г.А. Максимовичи, И.И. Прейс, И.И. Тихановский, В.С. Шевчук и др. К концу 1920-х гг. они предпринимали неоднократные попытки реформирования высшей школы в Крыму. В частности, ими был взят курс на «пролетаризацию» и углубление достижений культурной революции, а также структурные изменения пединститута, выразившиеся в открытии общественно-экономического отделения, подготовке к восстановлению медицинского и физико-математического факультетов [4, с. 2].

Зарекомендовав себя на крымском общественно-научном прище, в мае 1930 г. Г.П. Вейсберг был вынужден покинуть пост директора Крымского пединститута имени М.В. Фрунзе. Его вновь отозвали в столицу на ответственную должность. Григория Петровича назначили заместителем председателя Российской ассоциации научно-исследовательских институтов марксистской педагогики, педологии и психологии [9, Л. 2–3 об.]. Его трехлетняя деятельность в Крыму не только способствовала росту научной значимости местного педагогического вуза, но и существенно укрепила позиции местных научных объединений, что коренным образом видоизменило интеллектуальный ландшафт полуострова. Крымские страницы деятельности ученого — лишь малая, однако довольно содержательная составляющая его научного наследия. Дальнейшее изучение биографии ученого позволит понять все особенности его научных и карьерных коммуникаций.

Список источников и литературы

1. *Акимченков В.В.* «Союз серпа, молота и книги»: Крымское отделение Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (1928–1937) / под ред. А.А. Непомнящего. Симферополь, 2022. — 256 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 32).

2. *Акимченков В.В.* У истоков советской системы образования: неизвестные страницы биографии Г.П. Вейсберга // Ученые записки Крымского федерального

университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2025. Т. 11(77), № 1. С. 3–35.

3. Акимченков В.В. Это-документы как источник для изучения интеллектуального ландшафта Крымской АССР // Актуальные проблемы источниковедения: матер. VI Межд. научно-практич. конф., Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 297–299.

4. [Вейсберг Г.П.] Пути советского ВУЗа в Крыму // Красный Крым. 1929. № 112(2536). 22 мая. Изд. под псевд.: Г.В.

5. Крымская конференция научных работников // Красный Крым. 1929. № 81(2505). 12 апр.

6. Непомнящий А.А. «Наблюдается всюду застой, вялость, равнодушие и сонливость»: Крымский университет имени М.В. Фрунзе в первой половине 20-х годов XX столетия по эпистолярному наследию П.А. Двойченко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2024. Т. 10(76), № 1. С. 23–40.

7. Непомнящий А.А. Научно-исследовательское общество изучения Крыма (1935–1937): провал проекта советской краеведческой организации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2015. Т. 1(67), № 1. С. 28–37.

8. Непомнящий А.А. Съезды по изучению производительных сил Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2023. Вып. 28. С. 654–667.

9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3216. Оп. 1. Д. 500.

10. РГАЛИ. Ф. 3216. Оп. 1. Д. 506.

11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4394. Оп. 1. Д. 167.

12. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 305.

13. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 306.

14. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 466.

15. Стенографический отчет 1-й Всесоюзной конференции ВАРНИТСО. 23–26 апреля 1928 г. // Бюллетень ВАРНИТСО. Москва, 1928. № 2. С. 1–217.

Австро-германская таможенная уния 1931 года в оценках советской печати²

Аннотация. В статье на примере заявлений, опубликованных в газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда» и журнале «Огонек», прослеживается публичная реакция Советского Союза на озвученный в марте 1931 г. проект австро-германской таможенной унии и развернувшуюся вокруг него дипломатическую борьбу. Продемонстрировано, что официальная печать занимала строго прогерманскую позицию и подвергала критике Францию за стремление сохранить в силе ограничительные статьи Версальского мирного договора. В то же время показано, что заявления в печати не в полной мере отражали позицию советского руководства, поскольку одновременно Москва проводила политику, направленную на сближение с Парижем. Соответственно, заявления советской прессы по вопросу австро-германской таможенной унии носили инерционный характер, поскольку выражали прежний «курс Рапалло» в советско-германских отношениях, и были призваны замаскировать начавшиеся летом 1931 г. переговоры между СССР и Францией о торговом соглашении и пакте о ненападении.

Ключевые слова: СССР; Веймарская республика; Австрия; Франция; австро-германская таможенная уния; Версальская система; международные отношения

The Austro-German Customs Union of 1931 in the Estimates of the Soviet Press³

Abstract. The article uses statements published in the newspapers “Pravda”, “Izvestia”, “Krasnaya Zvezda” and the magazine “Ogonyok” to trace the Soviet Union’s public reaction to the proposal for an Austro-German customs union announced in March 1931 and the diplomatic struggle that unfolded around it. It demonstrates that the official press took a strictly pro-German position and criticized France for its desire to maintain the restrictive clauses of the Versailles Peace Treaty. At the same time, the research shows that the statements in the press did not fully reflect the position of the Soviet leadership, since Moscow was concurrently pursuing a policy aimed at rapprochement with Paris. Accordingly, the statements of the Soviet press on the issue of the Austro-German customs union were of an inertial nature, since they expressed the previous “Rapallo course” in Soviet-German relations, and were intended to disguise the negotiations between the USSR and France on a trade agreement and a non-aggression pact that began in the summer of 1931.

Keywords: USSR, Weimar Republic, Austria, France, Austro-German Customs Union, Versailles system, international relations

¹ Денис Валерьевич Родин — кандидат исторических наук, научный сотрудник, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: enigma9307@mail.ru
Denis V. Rodin — PhD in History, researcher, Lomonosov MSU (Moscow, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «“Воображаемые регионы” между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления», № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

³ The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>, “‘Imagined regions’ between the two worlds wars: the problems of construction and management”.

В цепи событий, обозначивших в 1930-е гг. кризис Версальской системы международных отношений, важное место занимает аншлюс Австрии. Запрещенное Версальским и Сен-Жерменским мирными договорами 1919 г., слияние Германии и Первой Австрийской Республики в единое государство в марте 1938 г., по словам современного историка О.Р. Айрапетова, недвусмысленно сигнализировало, что «время переговоров и трактатов прошло, впереди будущее, в котором все решает “только сила, основанная на народной поддержке”» [3, с. 346]. Последовавшие за аншлюсом события, в частности, Мюнхенский сговор в сентябре 1938 г. и ликвидация Чехословакии в марте 1939 г., подтверждали этот тезис и неизбежно вели к краху миропорядка, созданного по итогам Великой войны 1914–1918 гг.

В определенной степени относительная легкость присоединения Австрии к Третьему рейху в 1938 г. оттеняет предшествовавшие поползновения германского правительства к объединению двух немецкоязычных государств. Речь идет о попытке нацистского переворота, предпринятой в июле 1934 г. и приведшей к убийству австрийского канцлера Э. Дольфуса, и о попытке заключения таможенного соглашения между Берлином и Веной в марте 1931 г. Последнее фактически являлось первым посягательством германского правительства на пересмотр Версальского и Сен-Жерменского договоров, что было в штыки принято такими державами, как Франция и Италия. Так, газета «Тан», обрушиваясь с критикой на действия правительства Г. Брюнинга, характеризовала план таможенной унии как «маневр, направленный одновременно и против экономического, и против политического равновесия на континенте» [33, р. 1]. А министр иностранных дел Италии Д. Гранди указывал народному комиссару иностранных дел СССР М.М. Литвинову, что «таможенный союз является преддверием политического аншлюса, для Италии абсолютно неприемлемого» [8, с. 354]. Как следствие, Парижу и Риму при поддержке Лондона удалось добиться от Берлина и Вены отказа от реализации намеченного соглашения, что в определенной степени подчеркивало наличие запаса прочности у Версальского миропорядка в начале 1930-х гг.

В рамках представленной статьи внимание будет сосредоточено на отношении к проекту австро-германской таможенной унии Советского Союза, руководство которого в те годы пристально следило за ситуацией в Европе. Реконструировать данную позицию можно в первую очередь на основе заявлений в советской прессе (газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда» и журнал «Огонек»). Сопоставление риторики советской печати вокруг австро-германского таможенного соглашения с ре-

альными действиями советской дипломатии позволит дать определенную оценку общему курсу внешней политики СССР в начале 1930-х гг.

В 1920-е гг. правительство Советского Союза в отношениях с Веймарской республикой следовало «курсу Рапалло», что означало, в том числе, сотрудничество двух государств в политических вопросах. Депутат Национального собрания Чехословакии от немецкого «Союза сельских хозяев» Ф. Шпина дал следующую оценку Рапалльскому договору: «Германо-русское соглашение создало в Европе германо-славянскую сферу интересов...» [24, с. 11]. Австрия же, чья политика, по мнению Москвы, «зависела в большей мере от решений, принимаемых в Париже и Лондоне, чем от взглядов самой Вены», не воспринималась как суверенное государство, и, как считали в НКВД СССР, «лишь дискуссии о так называемом аншлюсе... Австрии придают этому государству какое-то значение» [18, с. 130–131]. Именно в этом контексте рассматривались призывы уже упомянутого Бауэра к присоединению Австрии к Германии «ввиду возможности оздоровить австрийскую экономику иным путем» [15, с. 1].

Соответственно, советское руководство относилось к идеям аншлюса нейтрально, а местами даже положительно. Показательной в этом отношении является редакторская статья в газете «Красная звезда», авторы которой заявляли: «...Происходящий за последние годы беспрерывный, медленный, но верный процесс сращивания австрийской и германской экономики должен будет, в конце концов, неизбежно вылиться в форму тесного политического и экономического союза между этими двумя государствами» [5, с. 1]. Вместе с тем не предполагалось, что аншлюс возможно будет осуществить в ближайшей перспективе: советская печать явно солидаризировалась с заявлениями министра иностранных дел Германии Г. Штресмана о том, что «напрасно нервничают те, которые в отмене паспортных виз при поездках между Австрией и Германией и в согласовании правовых реформ, проводимых в обеих странах, видят признак постепенного присоединения Австрии к Германии» [17, с. 1].

Однако уже во второй половине 1920-х гг. в отношениях Москвы и Берлина повеяло прохладой. Сотрудник германского Министерства иностранных дел, а позднее посол Веймарской республики в СССР Г. фон Дирксен писал о ситуации после Локарнской конференции 1925 г.: «Романтизм духа Рапалло, казалось, испарился. На смену лозунгу об общности судеб двух великих, униженных, побежденных народов со стороны Германии пришла многовекторная, тщательно сбалансированная политика многосторонних отношений» [7, с. 96]. На это же обращал внимание и Литвинов (на тот момент – заместитель

наркома иностранных дел СССР): в одной из бесед с Дирксеном в начале 1930 г. он указывал на активную антисоветскую кампанию в германской прессе, отмечая, что «молчание германского правительства, очевидно, истолковывают как сочувствие травле СССР» [12, с. 361].

Ухудшение советско-германских отношений было связано как с внутривнутриполитическими факторами (переход к индустриализации и коллективизации в СССР, ухудшение положения советских немцев, арест немецких инженеров в рамках «Шахтинского дела», антисоветизм германской социал-демократии), так и с факторами международного характера. Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис нанес серьезный удар и по системе международных отношений, вынуждая как германскую, так и советскую дипломатию к определенной переориентации своего курса. В частности, и та, и другая сторона стали активнее взаимодействовать с Францией: правительство Брюнинга вело свою игру, надеясь на кардинальную ревизию Версальского договора, а Москва, наблюдая похолодание в отношениях с Берлином, пыталась уравновесить связи с ним путем сближения с Парижем. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин осенью 1931 г. писал в одном из писем: «...Мы не можем свою дипломатию подчинить одним отношениям с Германией» [23, с. 107].

В это же время в Берлине и Вене появилась идея преодоления возникших экономических затруднений путем заключения таможенной унии между двумя странами. Начавшись в феврале 1930 г., переговоры между Германией и Австрией продолжались в течение года. Ключевую роль в них играл министр иностранных дел Веймарской республики Ю. Курциус, по всей видимости, надевшийся, что крупный внешнеполитический успех по ревизии Версальского порядка позволит снизить давление на правительство Брюнинга внутри страны и сократить масштабы критики со стороны националистов и реваншистов [34, s. 201]. Однако к марту 1931 г. подготовка таможенного соглашения превратилась в «секрет Полишинеля», из-за чего правительства Австрии и Германии, опасаясь вмешательства великих держав, были вынуждены форсировать переговорный процесс. Уже 19 марта 1931 г. в Вене был подписан протокол о руководящих принципах австро-германского таможенного союза, а 21 марта об этом было официально объявлено в германской прессе. На следующий день вышло соответствующее коммюнике австрийского правительства [30, s. 141].

Если западная печать отреагировала на это известие крайне негативно, то советская пресса подавала это объединение как своего рода закономерность, которой невозможно избежать. Газета «Правда»

напоминала, что «отделение Австрии от Германии являлось и является одним из краеугольных камней грабительской империалистической системы», и призывала революционных рабочих обеих стран вести «решительную борьбу против всей версальской системы и связанных с ней государственных границ, режущих по живому телу немецкого народа» [25, с. 4]. В газете «Известия» проводилась параллель между событиями XIX и XX веков: таможенная уния между Германией и Австрией должна была подготовить политическое объединение, «как это показывает роль таможенного союза в истории объединения Германии в XIX столетии» [1, с. 1]. Журнал «Огонек» приветствовал освобождение Австрии от роли «марионетки в руках французского империализма» и указывал, что «после подписания таможенной унии у Австрии и Германии возникнет при совместной таможенной территории и ряд общих интересов, которые неизбежно поведут к политическому оформлению» [10, с. 12]. Газета «Красная звезда» указывала на то, что «новый экономический союз» между Австрией и Германией «идет в разрез с той расстановкой сил, которую определили послевоенные договоры», и видела в этом показатель «дальнейшего обострения капиталистических противоречий» [16, с. 1].

От советской прессы не укрылся тот факт, что главным противником австро-германской таможенной унии являлось французское правительство, которое само в лице министра иностранных дел А. Бриана совсем недавно призывало европейские страны к объединению в рамках проекта Пан-Европы с целью преодоления экономического кризиса. Следует отметить, что германские послы в европейских странах представляли планируемое соглашение как первый шаг по реализации «общеевропейских устремлений» и подчеркивали, что оно не является союзом и открыто для присоединения к нему новых участников [34, S. 198]. В аналогичном духе немецкие газеты писали, что австро-германское сближение — это лишь «первый шаг на пути к конечной цели объединения всей европейской экономики» [32, s. 2].

В связи с этим Франция обвинялась в лицемерии, и авторы статьи в журнале «Огонек» иронизировали: «Казалось бы, что г. Бриан, инициатор создания пан-Европы, должен приветствовать экономическое соглашение между двумя государствами Средней Европы. Однако Бриан выступает тут с резким протестом, поскольку усиление позиций германского капитализма мешает проведению бриановских планов, построенных на преобладании французского милитаризма в версальской системе» [10, с. 12]. Газета «Правда» в связи с протестами Парижа обвиняла «французский империализм» в стремлении «сохранить

в неприкосновенности версальскую систему, основанную на грабеже и эксплуатации побежденных народов» [4, с. 1]. А газета «Красная звезда» предостерегала: «Детище французского империализма — пан-Европу — постигло серьезное испытание... Не исключено, что французский империализм в интересах осуществления своей антисоветской политики будет стремиться в случае неудачи попыток аннулировать австро-германский союз добиться его использования в интересах подготовки антисоветской войны» [20, с. 1]. Угрозы же Бриана в отношении проекта таможенной унии, как отмечалось в той же газете, были подкреплены «такими солидными аргументами, как отказ во французских кредитах и в облегчении плана Юнга» [27, с. 1]. О «стоимости» отказа Вены и Берлина от проекта таможенной унии со ссылкой на «Тан» писала и газета «Известия» [26, с. 1].

Столкнувшись с решительным сопротивлением французской дипломатии, нашедшей поддержку в Италии и Чехословакии, Берлин и Вена ухватились как за спасительную соломинку за британское предложение передать вопрос о рассмотрении правового статуса предполагаемого австро-германского соглашения в Совет Лиги Наций. Обсуждение прошло в мае того же года, и по его итогу упомянутый Совет постановил передать данный вопрос на решение Постоянной палаты международного правосудия в Гааге [19, с. 156—157]. До вынесения его приговора Австрии и Германии было предписано остановить переговорный процесс. При этом Франция оговорила за собой право вновь поднять вопрос о запрещении австро-германского таможенного союза в том случае, если решение арбитражного суда будет в пользу Вены и Берлина. Тем самым, как считали в редакции журнала «Огонек», «Австрия и Германия потерпели бесспорное дипломатическое поражение, тогда как французский империализм одержал известную победу» [9, с. 2—3]. В аналогичном ключе высказывалась редакция газеты «Красная звезда»: Германия, по ее словам, «после всех своих усилий, маневров и ожиданий снова оказалась перед разбитым корытом» [11, с. 1].

Параллельно с этим Франция, по словам корреспондентов газеты «Правда», готовила новые удары по австро-германскому соглашению. По ее инициативе была создана комиссия по австрийскому займу, причем перед участниками комиссии был поставлен вопрос, «не подорвет ли таможенный союз с Германией платежеспособность Австрии» [28, с. 4]. Кроме того, французское правительство ратифицировало Женевскую торговую конвенцию от 22 марта 1930 г. о таможенном перемирии в Европе. Все это указывало на намерение Парижа «поиграть своими крепкими

экономическими “мускулами”» [21, с. 410] с целью оказать давление на Берлин и Вену и убедить их отказаться от проекта таможенной унии.

В качестве своеобразного предупреждения французские финансисты обанкротили крупнейший австрийский банк «Creditanstalt», что, в свою очередь, привело к банковскому кризису в соседней Германии, оказавшейся на грани экономического коллапса. Кроме того, предоставление новых кредитов австрийскому правительству было увязано с отказом последнего от соглашения с Германией, в то время как отказ от соглашения германской стороны был увязан с вопросом одобрения в Париже предложения американского президента Г. Гувера о введении моратория на выплату репараций [31, р. 142–156]. Корреспонденты газеты «Известия» в связи с этим отмечали: перед германским правительством был поставлен сложнейший вопрос – «как избежать финансовой катастрофы путем приостановки затребования иностранных кредитов, а также как получить новые займы за границей». При этом было очевидно, что Франция «поставит свое участие в оказании финансовой помощи Германии в зависимость от получения со стороны Германии политических уступок» [6, с. 1]. Как признавала редакция «Красной звезды», «французский империализм точно рассчитал свой удар». Вместе с тем отмечалось, что «удар французского империализма рикошетом попал в Англию», поскольку последняя имела свои собственные финансовые интересы в Германии [13, с. 1]. Это порождало надежды на углубление противоречий между Лондоном и Парижем и усугубление общего кризиса капитализма.

В условиях нарастающего экономического кризиса и ввиду отсутствия реальных рычагов влияния на европейское мнение Берлин и Вена были вынуждены пойти на уступки. 3 сентября 1931 г. министры иностранных дел Австрии и Германии заявили об отказе правительств двух стран от таможенной унии. Спустя два дня, 5 сентября, Постоянная палата международного правосудия вынесла восемью голосами против семи решение, что таможенный союз несовместим с договорными обязательствами Австрии. Германский финансист и предприниматель О. Вольф в беседе с заместителем советского торгпреда в Германии Г.С. Биткером заметил по этому поводу: «Первая попытка Германии перейти к активной внешней политике кончилась крахом, и виной этому Курциус, который должен быть заменен дипломатом» (что и случилось в октябре того же года). А условия кредитования, предложенные правительству Брюнинга Комитетом банкиров в Базеле, Вольф считал «такими же похабными, как и условия Версальского договора» [12, с. 624].

В аналогичном ключе изъяснялась и советская печать. Газета «Красная звезда» писала, что «австро-германское соглашение удушено», и называла Гаагский трибунал «шемякиным судом» [2, с. 1]. «Политическим поражением Германии» называли эти события корреспонденты «Известий» и намекали, что отказ от таможенной унии был дан в обмен на «туманные обещания франко-германского сотрудничества» [14, с. 1]. Наконец, журнал «Огонек» писал о крахе попыток Германии «создать с помощью таможенного союза хозяйственную сферу влияния на юго-востоке Европы и на Ближнем Востоке» и подчеркивал, что «хозяйственное благополучие Германии больше, чем когда бы то ни было зависит теперь от воли парижской биржи» [29, с. 15].

Из приведенных выше сообщений складывается картина всеобъемлющей поддержки советской стороной проекта австро-германской таможенной унии. Однако в данном случае речь все же идет несколько об ином. Не следует забывать, что на протяжении двух межвоенных десятилетий советская дипломатия оставалась верна ленинскому принципу мирного сосуществования, составной частью которого было использование противоречий в лагере империалистических держав с целью не допустить образования единого фронта капиталистических государств, направленного против СССР. Поддержка стран-ревизионистов Германии и Австрии в их стремлении порвать с «путами Версаля» вполне соответствовало общему курсу советского руководства на ликвидацию Версальского миропорядка, в котором Советскому Союзу изначально была отведена маргинальная роль.

Но одновременно советская дипломатия начинала выстраивать мосты между Москвой и Парижем: в мае 1931 г. советские представители присоединились к работе европейской комиссии Лиги Наций, изучавшей возможность реализации проекта Пан-Европы (по словам Литвинова, это было сделано из соображений необходимости «иметь в стане врага по крайней мере своего наблюдателя» [22, с. 177]), а летом того же года между двумя странами начались переговоры о заключении торгового соглашения и пакта о ненападении. Советский полпред во Франции В.С. Довгалецкий усматривал прямую связь между дискуссиями об унии и предложениями Парижа о заключении соглашений с Москвой и писал о стремлении Бриана «превратить русскую карту в козырную» [8, с. 256]. Соответственно, у советского руководства не было никаких причин в споре вокруг австро-германского соглашения вставить исключительно на сторону Берлина.

Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что к 1930-м гг. советские дипломаты начали усматривать в идеях аншлюса угрозу чрез-

мерного усиления Германии, в которой начали набирать силу правые партии и движения. В связи с этим полпред СССР в Австрии К. К. Юренев уже в марте 1930 г. докладывал Литвинову, что «не видит ничего хорошего ни в итальянско-австрийско-венгерском сближении, ни в немецко-австрийском». А спустя два года он писал, что любое объединение Австрии с каким-либо государством «для нас политически опасно» [18, с. 146]. Поэтому на официальном уровне ни о какой поддержке австро-германской таможенной унии речи быть не могло.

Таким образом, риторика советской печати в отношении той дипломатической бури, что разверзлась вокруг проекта австро-германской таможенной унии, носила в определенный степени инерционный и отвлекающий характер. Инерционный – поскольку в ней нашел отражение «курс Рапалло» на приоритет германского направления в советской внешней политике, хотя к началу 1930-х гг. уже обозначилась смена векторов в пользу сближения с Францией. И отвлекающий – поскольку целью прогерманской газетной кампании было в том числе замаскировать намечавшееся советско-французское сближение и переговоры о торговом соглашении и пакте о ненападении. Тем самым главные печатные издания СССР превращались в еще одно орудие для достижения советских внешнеполитических целей.

Список источников и литературы

1. Австро-германская таможенная уния // Известия. 1931. 24 марта. С. 1.
2. Австро-германское таможенное соглашение удушено. Шемякин суд в Гааге // Красная звезда. 1931. 3 сентября. С. 1.
3. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М.: Родина, 2020. – 800 с.
4. Борьба вокруг австро-германского соглашения // Правда. 1931. 12 апреля. С. 1.
5. В поисках «нового Локарно» // Красная звезда. 1927. 17 ноября. С. 1.
6. Германия между молотом и наковальней. Германский кризис и политика кредиторов // Известия. 1931. 11 июля. С. 1.
7. Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 444 с.
8. Документы внешней политики СССР. Т. XIV. М.: Политиздат, 1968. – 872 с.
9. Ермаков Н. Политические горизонты // Огонек. 1931. № 16. С. 2–3.
10. Зубцов Н. Политические горизонты // Огонек. 1931. № 10. С. 12.
11. Между Женевой и Лондоном // Красная звезда. 1931. 30 мая. С. 1.
12. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. Т. 2: 1927–1932. М.: Наука, 2011. – 755 с.
13. «Оздоровление» Австрии // Красная звезда. 1931. 25 июня. С. 1.
14. Отказ от австро-германской таможенной унии за туманные обещания франко-германского сотрудничества // Известия. 1931. 3 сентября. С. 1.
15. Отто Бауэр сам себе изменил // Красная звезда. 1925. 4 сентября. С. 1.

16. Прорыв Версальской системы или удар Пан-Европе // Красная звезда. 1931. 23 марта. С. 1.
17. Речь Штреземана. Переход «от теории к практике» // Красная звезда. 1927. 18 ноября. С. 1.
18. Россия – Австрия: Вехи совместной истории. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 304 с.
19. Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. II. Европейский Союз, аграрные конференции и региональные соглашения. М.: Изд-во НКВД, 1932. – 170 с.
20. Серьезное испытание пан-Европе // Красная звезда. 1931. 25 марта. С. 1.
21. Симмс Б. Европа. Борьба за господство. М.: Издательство АСТ, 2017. – 736 с.
22. Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 1: События 1918–1945 годов. М.: Культурная революция, 2009. – 480 с.
23. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 798 с.
24. Станков Н.Н. Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. 2006. № 3. С. 3–15.
25. Таможенный союз между Австрией и Германией // Правда. 1931. 23 марта. С. 4.
26. «Тан» обещает «оплатить» отказ от австро-германского соглашения // Известия. 1931. 29 марта. С. 1.
27. Угрозы и комбинации // Красная звезда. 1931. 31 марта. С. 1.
28. Франция готовит удар австро-германскому соглашению // Правда. 1931. 8 мая. С. 4.
29. Франция – форпост европейского капитализма // Огонек. 1931. № 27. С. 15.
30. Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938. Bd. 7: Das österreichisch-deutsche Zollunionsprojekt, 12. Februar 1930 bis 11. September 1931. Wien; München: Verlag für Geschichte und Politik; R. Oldenbourg, 2006. – 424 s.
31. Ball M. Post-war German-Austrian Relations. London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1937. – IX, 304 p.
32. Jordan M. Der erste Schritt // Berliner Tageblatt. Abend-Ausgabe. 1931. 21. März. S. 2.
33. L'accord austro-allemand // Le Temps. 1931. 24 mars. P. 1.
34. Rödder A. Stresemanns Erbe: Julius Curtius und die deutsche Außenpolitik 1929–1931. München: Schöningh, 1996. – 328 s.

**Советское общество 1934 года
в рапортах XVII съезду ВКП(б)
(по материалам Фонда С.М. Кирова ГМИ СПб)**

Аннотация. В статье представлена попытка посмотреть на советское общество с помощью анализа подарков-рапортов, направленных в 1934 г. XVII съезду ВКП(б) и лично С.М. Кирову ленинградскими рабочими, Октябрьским районом Москвы и строителями Беломорско-Балтийского канала. Эти источники демонстрируют распространенные в то время методы мобилизации внутренних ресурсов: для решения государственных задач власть поощряла тотальную экономию и любые инициативы снизу в этом направлении. На этот вызов общество отвечало широким развитием самоснабжения и активным вовлечением граждан в создание «государственно-необходимых» результатов труда, когда каждое личное достижение человека признавалось общественно-важным.

Ключевые слова: С.М. Киров; XVII съезд ВКП(б); ударничество; подарок-рапорт

**Soviet Society of 1934 in the reports to the 17th Congress
of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)
(based on materials from the S.M. Kirov Foundation
of the State Museum of History of St. Petersburg)**

Abstract. The article presents an attempt to look at Soviet society by analyzing the gift-reports sent in 1934 to the 17th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and personally to S.M. Kirov by Leningrad workers, the Oktyabrsky District of Moscow, and the builders of the White Sea-Baltic Canal. These sources demonstrate the methods of mobilizing internal resources that were widespread at that time: to solve state problems, the authorities encouraged total savings and any initiatives from below in this direction. Society responded to this challenge with the widespread development of self-sufficiency and the active involvement of citizens in the creation of “state-necessary” results of labor, when every personal achievement of a person was recognized as socially important.

Keywords: S.M. Kirov; 17th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks); high-powered work practices; gift-report

В советском обществе рубежа 1920–1930-х гг. была распространена практика публичного вручения подарков-рапортов, которые коллективы рабочих, служащих, колхозников, творческой и научной интел-

¹ **Юрий Алексеевич Соколов** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея С.М. Кирова СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: y.a.sokolov@yandex.ru

Yuri A. Sokolov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientist in the branch of the State Museum of the History of St. Petersburg «The Museum of S.M. Kirov» (St. Petersburg, Russia).

лигенции, учащихся, военнослужащих и даже заключенных преподносили руководителям страны как доказательство производственных, профессиональных и личных достижений. Трудовые рапорты являлись фасадом успехов советской страны, но до сих пор должным образом они не введены в научный оборот. При этом состав и содержание подобных источников дает ценную историческую информацию о советском обществе, ведь подарки-рапорты «соединяют обычных людей и вождей», обнажают «социальный мир дарителя и его представление о власти» [25, с. 13–14].

Рабочий кабинет в Смольном члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) и лидера ленинградских большевиков С.М. Кирова, а также домашний кабинет Кирова в его ленинградской квартире были наполнены подарками-рапортами от советских предприятий и организаций. За 1934 г. Кирову были преподнесены: значок ГТО, красный платок от работниц Ленинграда, тигли для плавки цветных металлов из Луги, ткацкий челнок, рапорт от Ленинградского завода им. Свердлова, жетон «Золотой фонд Светланы» с приветствием от старых производственников, рапорт школьников о сборе стеклянной тары [12, с. 1; 13; 15, с. 33; 16, с. 1; 18, с. 29]. Из воспоминаний сотрудников Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) известно, что руководителю региона преподносили в виде подарков-рапортов совершенно разные предметы: караваи хлеба, перочинные ножи, образцы текстильного полотна, образцы синтетического каучука, фотографии коллективов и созданных ими агрегатов и строений, материалы для облицовки зданий, тестовую установку уличного фонаря, настольные лампы из образцов первых пластмасс, школьные учебники. В тоже время С.М. Кирову, как и другим руководителям, преподносили и весьма экзотические рапорты: «образцы выловленных рыб», «образцы первых помидор» из Хибин, а также «моркови, нацепленной на картон». Также поступало огромное количество богато иллюстрированных альбомов и печатных изданий — трудовых отчетов и рапортов от различных организаций и учреждений [17, с. 42–43, 51, 53, 56, 57, 73, 112–113].

Обилием трудовых рапортов особенно был отмечен 1934 г., являвшийся этапным в советской истории. В это время были достигнуты первые успехи индустриализации, шла подготовка отмены карточной системы распределения продовольствия, снизилось административное и уголовное давление на общество со стороны власти [26, с. 180–181]. Важным политическим событием в 1934 г. стал XVII съезд ВКП(б), названный «съездом победителей» (впоследствии его также назовут «съездом расстрелянных»).

В преддверии этого события коллективы заводов и фабрик, учреждений и учебных заведений принимали на себя ударные обязательства за право подписать рапорт съезду. Общественный ажиотаж был настолько велик, что 20 января 1934 г. Политбюро вынесло решение «О делегациях с приветствиями XVII партсъезда»: «В целях обеспечения нормальной работы XVII партийного съезда, ЦК ВКП(б) предлагает <...> не допускать выезд на съезд делегаций с приветствием от заводов, предприятий и колхозов с подарками» [22, л. 42]. Тем не менее 5 февраля 1934 г. президиуму съезда были преподнесены подарки-рапорты от ленинградских, московских и тульских рабочих, а также комсомольских организаций и колхозников Московской области [1, с. 504–522].

Также на имя съезда по телеграфу и почте было направлено 1 143 приветствия от советских и иностранных организаций, коллективов (в том числе женских и детских) и частных лиц [1, с. 714]. С рапортами к съезду обращались рабочие, колхозники, ученые и деятели искусства [23, л. 60–61]. По всей стране проводились различные мероприятия, в том числе соревнование на организацию к съезду «лучшего барака-общежития» и на звание «лучшего управдома» [4, с. 90–91].

Во время XVII партийного съезда С.М. Кирову были вручены рапорты от союзных наркоматов, Академии наук СССР, строителей Хибин, предприятий центральных городов [5; 7; 9; 10; 14; 19]. Также ему преподнесли портрет В.И. Ленина, вышитый шелком на Московском комбинате «Красная роза» [20] и именной, «не подлежавший оглашению», альбом «Вагонное хозяйство железных дорог» [6]. Все эти предметы хранятся в Фонде С.М. Кирова Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В данном тексте мы остановим внимание на трех рапортах, подаренных XVII съезду и лично С.М. Кирову от рабочих Ленинграда и Москвы, а также организаторов строительства Беломорско-Балтийского канала им. И.В. Сталина.

Центральным предметом на постоянной экспозиции мемориальной квартиры С.М. Кирова является рапорт от рабочих и коммунистов ленинградской обувной фабрики «Скороход» [11]. Отметим, что трудящимся этой фабрики было предоставлено право выступить с приветствием, адресованным партии, прямо на XVII съезде [8, с. 31].

В альбоме, выполненном из красной кожи с дарственной надписью, сделанной золотым тиснением, на 146 листах содержится 1 302 ударных обязательства, адресованных И.В. Сталину и С.М. Кирову от рабочих и коммунистов этой фабрики. Чтобы вместить в альбом внушительный объем этих писем, его создатели представили рапорт

в виде фотоколлажа. Всего на «Скороходе» трудилось 16300 человек. Завершает альбом коллаж, на котором изображен С.М. Киров, ведущий колонны ленинградцев к всесоюзному съезду партии [11, с. 146].

Рабочие «Скорохода» коллективно (по цехам) или индивидуально отчитывались о результатах своей работы, затем принимали на себя письменные обязательства. К XVII съезду ВКП(б) рабочие «Скорохода» не только освоили новые методы работы, но и были вовлечены в соревнование за выполнение плана (принимали на себя так называемые «самообязательства»), занимались самообразованием (в том числе изучали политическую литературу, историю партии и революционное движение), брали на себя нагрузку заниматься обучением и воспитанием коллег. Некоторые рабочие подписывали обязательства об изменении личного графика и на безвозмездной основе сверхурочно ежедневно на час больше работали на «родном» предприятии [11, с. 6, 14, 17, 19]. Отметим, что полный рабочий день на производстве с 1932 г. составлял 7 часов при шестидневной рабочей неделе (фиксированными выходными днями были 6, 12, 18, 24, 30 числа каждого месяца) [3, с. 58–59].

На страницах рапорта рабочие «Скорохода» сообщали, что сократили количество бракованной продукции, учились трудовой дисциплине. Так, ударница Дулевич рапортовала, что уменьшила ежедневный возврат с 50–60 до 20 пар обуви, что было ее личным производственным достижением. Член партии и мастер дубильного цеха Саламатов в своем рапорте отмечал, что «снизил недодуб на 5%». Среди своих личных достижений рабочие называли умение «содержать в культурном порядке рабочее место и станок», а также воздержаться от прогулов [11, с. 5–6, 26, 61]. Содержание писем от них пестрило понятиями и аббревиатурами той эпохи: «техплан», «техэкзамен», «групппоорт», «брачность» и многими другими. При этом некоторое увеличение эффективности фабрики за счет производства качественной продукции и соблюдения основ трудовой дисциплины было очевидным достижением для рабочих, большая часть которых были горожанами в первом поколении.

Кроме ударных обязательств, рапорт наполнен миниатюрными фотографиями. На них запечатлены не только портреты трудового коллектива и отдельных рабочих, но также и производственный процесс, совхоз, где рабочие «Скорохода» на общественных началах трудились после своей основной трудовой смены, ОРС (Отдел рабочего снабжения), в котором коллектив «отоваривал» свои продовольственные пайки. Также на фотографиях запечатлен детский очаг (детское дошколь-

ное учреждение, организованное при производстве), рабочая столовая, библиотеки, дома отдыха, экскурсии, субботники и демонстрации, занятия ГТО, спортивные соревнования, комсомольская работа, партийные и иные заседания, занятия в школах политграмоты (11, с. 107–115). Безусловно, данные формы хозяйствования, кооперации, взаимопомощи, организации социальных объектов и проведения досуга являлись в представлении современников прогрессивными явлениями, заслуживавшими права на то, чтобы рассказать об этом руководству партии в преддверии всесоюзного съезда большевиков.

Другим рапортом, врученным Кирову на съезде, стала так называемая «Красная книга» – рапорт ударников Октябрьского района города Москвы XVII съезду ВКП(б) и И.В. Сталину. Это 400-страничное издание было выпущено ОГИЗ под редакцией А. Воронского, Ю. Лукина, О. Челпанова тиражом 8000 экземпляров. Обложка книги выполнена из картона и обтянута красным шелком. На обложке изображены профили И.В. Сталина и В.И. Ленина. Золотое тиснение свидетельствует о том, что это личный экземпляр книги, принадлежавший С.М. Кирову [21].

В «Красной книге» отчет XVII съезду давало довольно пестрое население Октябрьского района Москвы. В издании в форме публицистических очерков представлены типы московских рабочих, служащих, студентов, комсомольцев и «ударников искусства». Отчитывались перед съездом все организации: от детских садов до высших учебных заведений, от столовых и магазинов до библиотек и театров. При этом рапорты московских предприятий о достигнутых ими успехах демонстрируют действительно серьезные проблемы в организации производства. Так, в июле 1933 г. на тонкосуконной фабрике им. Петра Алексеева 60% тканей производили с дефектом [21, с. 294].

Согласно очеркам, упомянутые в «Красной книге» учреждения и отдельные москвичи участвовали в социалистическом соревновании и в чем-то превзошли своих современников. Не только производственники, но и студенты являлись «ударниками». Профессора, преподаватели и кафедры также были охвачены соревнованием. Даже дети проводили конкурс «на лучшую сохранность учебника» к XVII съезду партии [21, с. 252–256, 271, 289–290].

Представленные в издании история строительства и режим деятельности закрытых рабочих кооперативов и столовых демонстрируют процесс распределения ресурсов в советских городах к 1934 г. Фактически государство, работающее в условиях плановой экономики и тотальной экономии, делегировало решение вопросов снабжения

рабочим кооперативам. В очерках «Красной книги» представлены различные схемы того, как предприятия и кооперативы искали сырье и продовольствие, занимались «самоснабжением», продумывали и выстраивали логистику собственной работы в условиях тотального дефицита и инфраструктурного кризиса. Даже «правильное» хранение лука и четкая организация производства хлеба становились предметом рапорта перед всесоюзным съездом (некоторые главы очерков были названы «Ударники борьбы за мыло», «Хранители картошки»). Трудовым подвигом для современников становился даже своевременный подвоз продовольствия в рабочие кооперативы [21, с. 61–62, 153, 199, 206].

Материалы о социалистическом соревновании соседствуют с очерками, описывающими «зажиточный» быт московских рабочих-ударников, материальное положение которых позволяло им скопить деньги и приобрести пианино, книги издательства Academia или билеты в Большой театр, в виде премии получить отрез ткани, фуфайку или одеяло. В главе «Хорошая старость» в «Красной книге» представлена история дворника, «пятидесятишестилетней, бойкой, шустрой женщины», переживавшей «удивительную старость». Несмотря на свои преклонные, с точки зрения современников, годы, она научилась читать, занималась общественным трудом и даже съездила на море по профсоюзной путевке [21, с. 121, 229–231].

Очерки «Красной книги» демонстрируют другой колоссальный процесс, происходивший в обществе 1934 года — это изыскание внутренних ресурсов на нужды индустриализации с помощью так называемого «шефства». Шефство в качестве безвозмездной помощи приобретало в границах Москвы заметную роль в развитии города. Так, Октябрьский район Москвы (вместе с другими городскими районными организациями) шефствовал над метростроем, мобилизуя комсомольский актив на работу в строительстве [21, с. 342].

Еще одним рапортом, преподнесенным каждому делегату XVII съезда партии, стала книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». В серой коленкоровой обложке с тисненым профилем И.В. Сталина, эта книга была издана тиражом 80000 экземпляров непосредственно к съезду. Книга представляет собой коллективный труд 36-ти писателей под редакцией М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. В числе авторов были: М. Горький, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Ибнер, В. Катаев, М. Козаков, А. Толстой, В. Шкловский и другие известные авторы [2].

31 января 1934 г. с трибуны XVII съезда ВКП(б) Киров говорил: «Вам раздали здесь книжку о Беломорско-Балтийском канале, обязательно прочитайте ее, — очень полезная книжка <...>. Надо отдать

справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали» [1, с. 259]. Авторы подчеркивали, что книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» посвящена вкладу органов НКВД в дело «перевоспитания» и «перековки» заключенных на строительстве канала. Как указано в литературе, впоследствии «тираж книги был изъят из библиотек и уничтожен» [24, с. 66], а многие люди, упомянутые в издании (в том числе руководители органов НКВД Г.Г. Ягода, Ф.Д. Медведь, И.В. Запорожец, начальник лагерей ОГПУ М.Д. Берман) были репрессированы.

В этой книге, создававшейся с пропагандистской целью, отражен режим работы и содержания «заключенных каналоармейцев». Поэтому в первой главе М. Горький указывал, что применение «исправительно-трудовой политики, сведенной в систему воспитания проповедью единой для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом», было оправданным и полезным [2, с. 12].

Во второй главе книги, следующей за текстом Горького, представлен материал «Страна и ее враги», в котором перечислены типы «врагов внутренних» (кулаков, вредителей, бывших нэпманов): «В Москве изменилась в 1931 году уличная толпа, окончательно исчезли раскормленные богачи и расфраченные их женщины, заметные при взгляде на улице всякой другой страны» [2, с. 47].

В содержании книги авторский коллектив стремился показать перевоспитание «каналоармейцев»: недавние «вредители» обучались в профтехшколах, учились «новому отношению» к женщине и «нацменам», становились кавалерами ордена Ленина и «энтузиастами государственно-необходимого труда»; представители «бывших» вместо того, чтобы погибнуть на стройке канала, с оптимизмом и верой начинали смотреть в социалистическое будущее и открывали себя заново [2, с. 12, 82, 85, 352, 354–355, 388–395].

Сама лагерная жизнь, запечатленная в книге, отразила взаимоотношения советского государства и общества 1930-х гг.: на строительстве канала существовали «лагкоры» и газета «Перековка»; работала «радиогазета» и конкурсы ударников; заключенные представляли собой «рабсилу» и «штурмовые фаланги»; периодически проводились «чистки» бригад заключенных каналоармейцев, которых руководство лагеря наказывало за плохое поведение; ресурсом и валютой, мотивирующей людей эффективнее работать на стройке канала, было минимальное улучшение их бытовых условий, в том числе утепление бараков, увеличение пайка, выдача теплой одежды, папирос и «пре-

миальных пирожков» [2, с. 264–266, 285, 302–304, 411]. В завершении книги авторы резюмировали: «Биографии (заключенных. — Ю.С.) исправлены, очищены, дополнены» [2, с. 582].

31 января 1934 г. С.М. Киров объявил с трибуны XVII съезда ВКП(б), что перед партией «основные трудности уже остались позади» [1, с. 259]. Рапорты съезду говорили о свершенных достижениях. При этом они демонстрировали укоренившиеся в то время практики мобилизации внутренних ресурсов и решения проблем институциями и гражданами: в производственной сфере, научном и творческом поиске, укреплении дисциплины, тотальной экономии и самоснабжении. Власть поощряла любые низовые инициативы в этом направлении, касавшиеся всего советского общества и нацеленные на «государственно-необходимые» результаты.

По мысли О.А. Сосниной и Н.В. Ссориной-Чайкова, публичные подарки во власть были «отдарками» общества за социализм как изначальный «дар» большевиков [25, с. 17]. Действительно, рапорты демонстрируют возможности для социализации, образования, улучшения быта «передовиков» труда (из рабочих, интеллигенции и заключенных). В 1934 г. личными, а значит и общественными признавались и успехи в учебе, и качественный результат труда на производстве, и перевоспитание, «перековка» себя как человека и гражданина нового социалистического общества.

Список источников и литературы

1. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. — 716 с.
2. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства. Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934. — 613 с.
3. Брюхонада Ф., Пресницкий Н. Рабочее время, время отдыха и отпуска рабочих и служащих. Ташкент, 1937. — 130 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5456. Оп. 20. Д. 192.
5. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Фонд С.М. Кирова (ГМИ СПб. ФК). Инв. № I-613.
6. ГМИ СПб. ФК. Инв. № I-1241.
7. ГМИ СПб. ФК. Инв. № I-1265с.
8. ГМИ СПб. ФК. Инв. № II-893.
9. ГМИ СПб. ФК. Инв. № II-895с.
10. ГМИ СПб. ФК. Инв. № II-909.
11. ГМИ СПб. ФК. Инв. № II-1102.
12. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-241.
13. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-275.
14. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-404.
15. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0432.
16. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-464.

17. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-551.
18. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-594.
19. ГМИ СПб. ФК. Инв. № VI-1056.
20. ГМИ СПб. ФК. Инв. № VI-1098.
21. Красная книга: Рапорт ударников Октябрьского района г. Москвы 17 съезду ВКП(б) и т. Сталину. М., 1934. – 397 с.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 937.
23. РГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 40.
24. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. III–IV. Екатеринбург, 2006. – 563 с.
25. *Соснина О.А., Ссорин-Чайков Н.В.* Археология власти: анатомия любви // Дары вождям. Каталог выставки. Сост. О.А. Соснина, Н.В. Ссорин-Чайков. М., 2006. С. 12–37.
26. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. – 478 с.

Историческое развитие России в концепции Антонио Грамши

Аннотация. В статье проводится анализ теоретических подходов итальянского мыслителя начала XX в. Антонио Грамши к историческому развитию России с XVI в., а также его взглядов на влияние Советского Союза на западный мир. Особое внимание уделяется его концепциям «гегемонии», «военной гегемонии» и «пассивной революции», которые помогают понять особенности российского исторического пути и роль СССР как контргегемонического центра. Исследование показывает, как грамшианская теория раскрывает взаимодействие между Россией и Западом в исторической, политической, культурной и идеологической сферах, а также их значение для современной исторической мысли. В центре внимания автора статьи — особенности российского пути модернизации, механизмы установления власти в условиях слабого гражданского общества, а также культурное воздействие Советского Союза на западные общества.

Ключевые слова: Антонио Грамши; гегемония; пассивная революция; военная гегемония; историческая концепция; Россия; Октябрьская революция

Historical evolution of Russia in the conception of Antonio Gramsci

Abstract. This article presents an analysis of theoretical approaches to the historical development of Russia since the 16th century to the early 20th century of the Italian thinker Antonio Gramsci, as well as his views on the influence of the Soviet Union on the Western world. Particular attention is paid to his concepts of *hegemony*, *military hegemony*, and *passive revolution*, which shed light on the specific features of Russia's historical trajectory and the role of the USSR as a counter-hegemonic center. The study demonstrates how the Gramscian theory reveals the dynamics of interaction between Russia and the West in historical, political, cultural, and ideological dimensions, and highlights their significance for contemporary historical thought. The author focuses on the peculiarities of the Russian path to modernization, the mechanisms of power establishment under conditions of a weak civil society, and the cultural impact of the Soviet Union on Western societies.

Keywords: Antonio Gramsci; hegemony; passive revolution; military hegemony; historical concept; Russia; October Revolution

Вопросы исторического развития России и анализа ее международного влияния привлекали внимание многих историков, политологов и философов. Однако до сих пор сохраняется недостаток работ, объединяющих исторический материал с теоретическими концепциями гегемонии, особенно в контексте грамшианского подхода.

¹ **Анна Сергеевна Русинова** — директор Центра итальянского языка и культуры Данте, независимый исследователь (Мариуполь / Санкт-Петербург, Россия); e-mail: annarusinova.it@gmail.com

Anna S. Rusinova — Director of the Dante Center for Italian Language and Culture, independent researcher (Mariupol / Saint Petersburg, Russia).

Антонио Грамши (1891–1937), один из наиболее влиятельных итальянских мыслителей XX в., предлагает инструментарий, позволяющий по-новому взглянуть на исторические процессы формирования и поддержания политического и культурного господства [4, р. 164–165; 13, р. 29]. Тем не менее применение грамшианской теории к анализу российской истории не является распространенной темой исследования в современной исторической науке.

Грамши не писал монографий о России, однако в его статьях и в «Тюремных тетрадах» неоднократно появляется тема восточно-европейской специфики, и Россия в этих размышлениях предстает как «противоположность Западу», где гегемония достигается не через сложную сеть гражданских институтов, а через прямое господство государства над массами.

Теоретическое наследие Антонио Грамши, включая вопросы его биографии и интеллектуальной деятельности, стали предметом многочисленных исследований как в российской, так и в зарубежной науке. Следует отметить, что интересующая нас проблематика – исторические воззрения Грамши – в существующей историографии, как правило, рассматривается в контексте политических и философских составляющих его трудов. Несмотря на обширный корпус исследований, историческая компонента его теории редко становится объектом специального, целостного анализа. Вместе с тем ссылки на отдельные исторические суждения итальянского мыслителя, его понимание истории и ее закономерностей, можно встретить у авторов, исследующих самые разные аспекты его творчества и представляющих различные научные дисциплины.

Необходимо констатировать, что исследований, непосредственно сфокусированных на анализе исторических взглядов Грамши, сравнительно мало. Среди них условно можно выделить несколько направлений: работы общеметодологического характера; исследования, анализирующие применение его идей к конкретно-историческим сюжетам; а также комплексные труды, специально посвященные его историзму. К последним, в частности, относится фундаментальное исследование И.В. Григорьевой в российской историографии, а также работы итальянских авторов, таких как А. Бурджо, А. Балдана и Д. Вакка [1; 2; 3; 19].

Что касается анализа отдельных компонентов исторического мировоззрения Антонио Грамши, следует отметить, что его основные аспекты преимущественно исследуются на материале «Тюремных тетрадей». В результате процесс генезиса и формирования этих взглядов, в отличие от комплексных исследований, часто остается вне поля зре-

ния авторов. Определенным недостатком ряда отечественных работ можно считать ограниченное привлечение источников на языке оригинала, что отчасти объясняется отсутствием полного перевода статей Грамши и «Тетрадей» на русский язык. Таким образом, хотя работы, посвященные Грамши-историку, существуют, они фокусируются либо на отдельных аспектах его методологии, либо на его интерпретации конкретных исторических событий.

В отличие от традиционного марксистского подхода, в котором первичность принадлежит базису, Грамши настаивал на аналитической автономии надстройки и в особенности — культуры. Он утверждал, что классовая власть реализуется не только через государственное принуждение, но и через «гегемонию» — то есть способность доминирующего класса добиваться «согласия» подчиненных групп на идеологическом и моральном уровнях: «Государство — это не только аппарат подавления, но и образовательный аппарат, в котором осуществляется формирование гегемонии» [11, р. 1596].

Концепция «пассивной революции» у Грамши означает форму исторических изменений, при которых сохраняется господство старых элит, а преобразования совершаются «сверху», без активного включения народных масс. Эта модель является особенно продуктивной для анализа модернизации в России, начиная с Петра I и заканчивая советским периодом. В отличие от «активной» революции, «пассивная» ведет к частичной трансформации политической формы при сохранении социальной и культурной инерции. Как пишет П. Томас, «пассивная революция — это форма капиталистической реструктуризации, которая уклоняется от народной демократии через бюрократическое посредничество и элитный контроль» [17, р. 152].

Грамши также использовал понятие «исторического блока» для обозначения устойчивой конфигурации социальных сил, идеологий и институтов, в рамках которой закрепляется господство определенного класса. Этот концепт позволяет анализировать не только классовую структуру, но и формы легитимации власти. Применительно к России с XVI в. можно говорить о формировании исторического блока, в котором государство и Церковь играли объединяющую роль, воспроизводя структуру власти и контроль над массами без развитого гражданского общества [7, р. 1–2].

В отличие от стран Западной Европы, где формирование гражданского общества шло в русле укрепления буржуазной гегемонии и институционального плюрализма, в России надстройка была поглощена государством [10, р. 866]. Грамши в этом контексте говорил

об «ориентальных» или «восточных» обществах, где государство предшествует обществу и конституирует его извне, а не вырастает из органического самоуправления [10, р. 866]. Формулируя различия между историей стран западноевропейского и восточноевропейского типа, он выстраивал аналитическую модель, в которой соотношение между государством и гражданским обществом служит индикатором зрелости общественно-политической структуры. В его работах 1930-х гг. неоднократно встречается противопоставление: «На Западе, где гражданское общество сильно, государство незаметно; на Востоке — все наоборот» [10, р. 867].

Россия начиная с XVI в. демонстрировала устойчивую модель «преобладания государства над обществом», что у Грамши интерпретируется как «политическая примитивизация». Так, уже при Иване IV государство становится не просто арбитром, но и главным субъектом исторических изменений, выступая не только как институт власти, но и как механизм культурной и идеологической гегемонии. Мобилизация ресурсов (материальных, человеческих и идеологических) осуществлялась через институты, зависимые от воли монарха, а не от общественного запроса [10, р. 865–866].

Далее Грамши много рассуждал о том, возможна ли «революция в стране, где отсутствует развитое гражданское общество». Ответ он частично нашел в российском опыте Октября [5, р. 513]. Россия, по его мнению, является примером «революции без гегемонии», то есть трансформации, которой не обязательно предшествует долговременный процесс формирования гегемонистского согласия между классами, как это происходило, например, в Италии XIX в. Напротив, по его мнению, в России государство, уже обладая инструментами насилия и централизации, способно было инициировать изменения без предварительной консолидации гражданской среды [14].

В седьмой Тетради (§ 16) Грамши пишет: «На Западе между государством и обществом существует толстый слой институтов, идей, обычаев. В России — государство сразу сталкивается с массой, у которой нет ни защиты, ни посредника» [10, р. 866]. Таким образом, Россия предстает у Грамши в образе «незрелого политического тела», где структурная слабость гражданских институтов требует компенсации за счет централизованного давления. В историко-философской ретроспективе Россия оказывается своеобразной лабораторией «пассивной революции», где модернизация, индустриализация, культурные изменения проводятся без мобилизации низовых классов, а зачастую — против их интересов.

Это создает фундаментальное отличие от западноевропейских стран, где буржуазия, стремясь к власти, была вынуждена вырабатывать «гегемонию», то есть союз с другими классами (например, крестьянством или частью пролетариата). Подобная интерпретация позволяет выстроить линию исторического развития России от централизованного самодержавия XVI–XVII вв. к петровским реформам как к циклу «революций сверху», каждая из которых подчинена логике пассивной революции [11, р. 1822–1824].

В этом ключе при анализе фигуры Петра I в истории России он оказывается субъектом «революции сверху», осуществив форсированную и насильственную модернизацию, в которой элементы западноевропейской институциональности, техники, организации и образования были внедрены в рамках абсолютистского государства. Грамши называл подобные преобразования «реставрацией с модернизацией»: «Пассивная революция есть форма реакции, при которой в условиях давления народных масс правящие классы сохраняют власть, имитируя преобразования» [10, р. 1360].

Петровские реформы, по его мнению, подлинно изменили облик России, но в рамках авторитарной логики. Их сущностной чертой является «отсутствие органического союза с какими-либо подчиненными классами», в отличие, например, от буржуазных революций во Франции или Англии, где гегемония формировалась через классовые компромиссы [12, р. 106]. Российская трансформация представляла собой «модернизационный рывок без демократизации», что в грамшианской терминологии тождественно «революции без гегемонии».

В рамках этой модели важную роль в России начинают играть «бюрократия» и «интеллигенция» — не как представители гражданского общества, а как «функциональные замены гегемонии». Бюрократия (чиновничество) выступает инструментом институционального контроля, тогда как интеллигенция — посредником между государством и народом, не обладая при этом реальной субъектностью [9, р. 479–480]. Грамши, анализируя итальянскую интеллигенцию, писал: «В странах, где отсутствует развитая буржуазия, интеллигенция становится “универсальным классом”, который берет на себя функцию гегемонии, не располагая соответствующей экономической базой» [11, р. 1518].

Такая конструкция применима и к России, где интеллигенция часто выступала выразительницей общественных тревог, но была структурно подчинена государственной логике [9, р. 479]. Она не формировала гегемонического блока, а существовала либо как слой, лояльный

власти, либо как оппозиционный — но в любом случае элитарный и оторванный от массовой поддержки [9, р. 480].

В совокупности это позволяет автору статьи согласиться с позицией Грамши о том, что история России демонстрирует пример «многовековой пассивной революции», реализуемой последовательными волнами реформ, где обновление политических и социальных институтов осуществляется без устойчивой опоры на низы и без гегемонического согласия.

С началом XIX в., особенно после наполеоновских войн, по мнению Грамши, Россия начинает восприниматься как военная и политическая альтернатива западному либеральному порядку. Грамши, находясь под влиянием марксистского и гегельянского наследия, воспринимал Россию как особую формацию, возникшую в результате «незападной» модернизации. Эта формация была внутренне противоречивой: с одной стороны, она осуществила исторический рывок в виде Октябрьской революции, с другой — не создала полноценного гражданского общества, необходимого для устойчивой гегемонии [9, р. 129–130].

Именно это противоречие позволило, с точки зрения Грамши, России и позднее СССР стать «моделью для подражания» для стран периферии, особенно в условиях, когда «Запад» в своих колониальных практиках демонстрировал лицемерие в отношении свободы и равенства [15, р. 141]. Россия, таким образом, стала для части западной интеллигенции не просто объектом анализа, а «проекцией утопических надежд». Этот феномен — идеологического обращения к российскому (или советскому) опыту — можно рассматривать как форму «контргегемонического жеста» в рамках западного исторического дискурса [17].

Анализируя причины успеха революции в России и неудачи аналогичных попыток в Италии, Грамши приходил к выводу, что Россия — при всей своей «отсталости» — оказалась лабораторией исторического прорыва, тогда как страны Западной Европы, несмотря на развитые структуры гражданского общества, не продвинулись к социалистической трансформации. Этот парадокс он выразил в знаменитой формуле: «Революция в России произошла против “Капитала” Маркса, а не вследствие его» [6].

Под этим Грамши понимал, что в условиях структурной слабости гражданского общества и отсутствия зрелой буржуазной гегемонии революция становится возможной именно как «военная гегемония» — то есть силовое утверждение нового порядка в обход механизмов согласия. Для стран Южной Европы (Италия, Испания, Греция), по мысли

Грамши, это означало, что внимание должно быть сосредоточено не на репликации западных моделей, а на изучении российской стратегии как более применимой в условиях «периферийного» развития. В отличие от Франции или Германии, где переход к социализму предполагал длительную борьбу за культурную гегемонию внутри институтов, в России (и потенциально в Италии) революция могла осуществиться при условии, что партия станет «наместником гегемонии» [14].

Некоторые исследователи указывают, что в концепции Грамши Россия — это не только географическое пространство, но и «тип исторической формации», в которой революционное действие возможно без предшествующей гегемонии, но ценой авторитарной консолидации [16, р. 47; 17, р. 139].

В этом контексте Октябрьская революция выступает как «пассивная революция», поскольку изменения осуществлялись не путем прямого вовлечения масс и построения консенсуса, а через институциональную и силовую трансформацию [8, р. 56–58, 60]. Исследователь П. Томас подчеркивает: «Грамши не идеализировал Октябрь, но видел в нем прорыв, который разрушил каноническую линейную модель марксистского развития, открыв новые горизонты для революционной стратегии» [17, р. 112].

Таким образом, Октябрьская революция в грамшианской концепции — это не только исторический факт, но и теоретический инструмент, позволяющий анализировать возможности и ограничения революций в условиях отсутствия гражданской гегемонии.

СССР в грамшианской парадигме — это не просто государство, а опыт создания альтернативной гегемонии, который, несмотря на свои ограничения, оказал мощное влияние на западный мир, стимулируя постоянное переосмысление социально-политических и культурных проектов [18, р. 267].

Грамши, несмотря на отсутствие систематического исследования России как самостоятельной темы, оставил уникальный теоретический инструментарий для анализа этой сложной исторической формации и ее влияния на западный мир. Его подход, основанный на понятиях гегемонии, контргегемонии и культурной борьбы, позволяет увидеть Россию и Советский Союз не как аномалии или периферийные «исторически отсталые» образования, а как активных участников глобального исторического процесса.

В свете новых глобальных вызовов и возрождения интереса к «восточным» моделям развития понимание грамшианского подхода становится особенно актуальным. Он призывает не ограничиваться догмами,

а искать многообразие путей исторического становления и борьбы за справедливость.

В ходе проведенного исследования был осуществлен краткий исторический анализ развития России с XVI в. с использованием теории гегемонии Антонио Грамши, что позволило обозначить механизмы формирования и поддержания власти, а также идеологического влияния, которые играли значительную роль как внутри страны, так и на международной арене.

Таким образом, интеграция исторического материала с теоретическими положениями Грамши позволила выявить комплексный характер процессов развития власти и влияния, а также подчеркнула важность междисциплинарного подхода при изучении историко-политических трансформаций. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований в области международных отношений и теории гегемонии, а также способствовать более глубокому пониманию современного глобального политического контекста.

Список источников и литературы

1. *Григорьева И.В.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М.: Ленанд, 2021. – 304 с.
2. *Baldan A.* Gramsci come storico: Studio sulle fonti del «Quaderni del carcere». Bari, 1978. – 111 p.
3. *Burgio A.* Gramsci storico. Bari, 2002. – 336 p.
4. *Cox R.W.* Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // Millennium: Journal of International Studies. 1983. Vol. 12, No. 2. P. 162–175.
5. *Gramsci A.* La costruzione del partito comunista 1923–1926. Torino: Einaudi 1978. – 565 p.
6. *Gramsci A.* La rivoluzione contro «Il Capitale» // Scritti (1910–1926). Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 2015 / A cura di L. Rapone con la collaborazione di M.L. Righi e il contributo di B. Garzarelli. P. 617–621.
7. *Gramsci A.* La Russia e l'Europa // L'Ordine Nuovo. 1919. 1 novembre. P. 1–2.
8. *Gramsci A.* L'Ordine Nuovo 1919–1920 // A cura di V. Gerratana e A. Santucci. Torino: Einaudi, 1996. – 500 p.
9. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. Torino: Einaudi, 2007. – 1 v. 682 p.
10. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. Torino: Einaudi, 2007. – 2 v. 1509 p.
11. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. Torino: Einaudi, 2007. – 3 v. 2362 p.
12. *Gramsci A.* Scritti 1915–1921. Nuovi contributi. Milano, 1968. P. 106.
13. *Gramsci A.* Selections from the Prison Notebooks. New York: International Publishers, 1971. – 483 p.
14. *Maltese P.* Egeмония конституирующая dei «Quaderni del carcere» di Gramsci. URL: https://www.academia.edu/4913040/Legemonia_\constituente_dei_Quaderni_del_carcere_di_Gramsci (Дата обращения: 10.06.2025).

15. *Mordenti R.* Gramsci e il razzismo italiano // Cultura della razza e cultura letteraria nell'Italia del Novecento. Roma: Carocci, 2009. P. 137–158.
16. *Morton A.D.* Unravelling Gramsci. London: Pluto Press, 2007. — 274 p.
17. *Thomas P.* The Gramscian Moment: Philosophy, Hegemony and Marxism. Leiden; Boston: Brill, 2009. — 477 p.
18. *Tortorella A.* Presupposti etici e ideali di una sinistra rinnovata // Sotto traccia. Idee per ridare un senso alla politica. Soveria Mannelli. 2010. P. 261–277.
19. *Vacca G.* Vita e pensieri di Antonio Gramsci. 1926–1937. Torino, 2012. — 215 p.

**Репрезентация исторического процесса
в художественном произведении как проявление
дискретности исторического сознания
(на примере творчества А.Н. Толстого)**

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация исторического процесса в художественном произведении сквозь призму дискретности исторического сознания автора на материале произведений А.Н. Толстого. Особое внимание уделяется особенностям повествовательных стратегий автора, позволяющих передать динамику исторического процесса. В результате выявлена специфика художественного творчества как формы осмысления исторической действительности, что позволяет расширить возможности реконструкции исторической памяти через художественное слово.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; художественная литература; историческое сознание; историческая память; дискретность

**Representation of the historical process in a fictional work
as a manifestation of the discreteness of historical consciousness
(on the example of A.N. Tolstoy's works)**

Abstract. The article examines the representation of the historical process in a fictional work through the prism of the discreteness of the author's historical consciousness on the basis of A.N. Tolstoy's works. Special attention is paid to the features of the author's narrative strategies that allow to trace the dynamics of the historical process. As a result, the specificity of fiction as a form of understanding historical reality is revealed, which allows to expand of the possibilities of reconstruction of historical memory using the art of declamation.

Keywords: A.N. Tolstoy; fiction; historical consciousness; historical memory; discreteness

В современном художественном и историческом дискурсе особое место занимает исследование взаимосвязи между историческим процессом и его художественной репрезентацией. Заметим, что художественные произведения зачастую выступают не только как средство отражения прошлого, но и как форма интерпретации и конструирования исторической памяти, способная влиять на формирование исторического сознания общества.

¹ Елена Геннадьевна Будкова – преподаватель кафедры философии и истории, аспирант кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения, Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова (Горловка, Россия); e-mail: ellena_2019@inbox.ru

Elena G. Budkova – Lecturer of the Department of Philosophy and History, Postgraduate student of the Department of World Literature and Comparative Literature Studies, Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov (Gorlovka, Russia).

В среде отечественных ученых историческое сознание является объектом изучения Ю.А. Левады, М.А. Барга, И.С. Кона [3; 5; 6]. Также существует ряд трудов, посвященных изучению исторической памяти и взаимосвязи этого феномена с историческим сознанием, в частности, работы А. Ассман, Я. Ассман, Й. Рюзена [1; 2; 14]. Изучению взаимосвязи исторической памяти и художественного текста посвящены исследования В.Я. Малкиной, С.Н. Гришина [4; 7]. Однако стоит заметить, что репрезентация исторического процесса в пространстве художественных произведений с точки зрения проявления исторического сознания изучена недостаточно.

В художественном пространстве исторический процесс зачастую выступает не как ясная, линейная последовательность событий, а как многомерное отображение множества отдельных элементов, отражающих восприятие времени и исторического изменения. В связи с этим представляется целесообразным рассмотрение репрезентации исторического процесса в художественной литературе сквозь призму дискретности — феномена, характеризующегося наличием разрывов, фрагментов и особых точек разворачивания в восприятии истории. Особенно ярко этот феномен проявляется в творчестве А.Н. Толстого, значительную часть которого занимает историческая тематика. Его произведения демонстрируют сложную картину восприятия исторического времени и раскрывают особенности исторического сознания автора.

Целью представленного исследования является анализ особенностей репрезентации исторического процесса в художественном произведении на примере творчества А.Н. Толстого с точки зрения проявления дискретности. В рамках задачи рассматриваются концептуальные основы дискретности исторического восприятия писателя, специфика его художественной интерпретации исторического времени, а также проявления дискретности исторического сознания А.Н. Толстого в рамках содержания его художественных текстов.

Идея дискретности реализации исторического сознания в рамках художественного пространства предложена В.Я. Малкиной. Исследователь отметила, что нарративная структура произведений, описывающих исторические события, явления или процессы, словно бы воспроизводит физиологические особенности памяти, ее обрывочность и нелинейность. Это может организовываться различными способами, в том числе за счет различных персонажей, разных временных планов, вставных текстов или документов. При этом течение времени, цикличность, взаимосвязь прошлого и настоящего в художественных произведениях даются через призму индивидуального субъективного

сознания. Иными словами, нарратор или персонаж произведения через обращение к прошлому на сюжетном или мотивном уровне обретает свою идентичность, осмысляя при этом исторические события, ход исторического времени и истории как таковой. Отсюда, историческая память в художественном произведении представляется как вторичная символическая репрезентация личного или коллективного прошлого в литературном тексте и его субъективное осмысление, которое, по сути, является отражением исторического сознания автора [7, с. 119–124].

Основываясь на определении М.А. Барга, мы определяем историческое сознание как господствующие представления о мире и месте в нем человека, об обществе, рассматриваемом сквозь призму пространства и времени. Историческое сознание наделяет смыслом пространственно-временную ориентацию общества и тем самым содействует его самопознанию [3, с. 3–6]. Как уже отмечалось выше, историческое сознание тесно связано с исторической памятью, в связи с чем одним из важнейших его свойств является фрагментарная природа. В противоположность континуальному свойству, в основе которого лежит непрерывность восприятия, дискретность предполагает осмысление исторического процесса как совокупности отдельных событий и эпох, каждое из которых обладает своей внутренней логикой, значимостью и ценностью.

Впрочем, стоит заметить, что дискретность исторического сознания рядом современных исследователей рассматривается как негативное свойство, которое характерно для сознания общества в период масштабных социокультурных трансформаций. В этом случае дискретность представляется как деформация понимания исторического процесса и, в целом, как нарушение преемственности в процессе формирования исторической памяти. Тем не менее подобный фрагментарный акцент на конкретных исторических событиях, явлениях или процессах является основой для трансформации исторического сознания общества. И смысловая нагрузка данной трансформации предопределена тем, какие конкретно исторические события и какая именно их интерпретация являются основой переосмысления. Отсюда мы видим первоочередность исторической памяти по отношению к историческому сознанию, что и определяет его преимущественно дискретную структуру.

Художественные произведения, которые аккумулируют историческую память общества и, в то же время, являются одной из основ формирования исторической памяти, в большинстве своем отображают отдельные элементы исторического времени. Эти элементы могут вы-

ступать как репрезентанты больших эпох, а их выбор и последовательность создают особый дискретный ряд, отличающийся от линейной исторической хроники. Еще одним отличием художественных произведений от научных исторических нарративов является использование автором системообразующих средств, таких как сюжет и композиция, и эмоционально-экспрессивная подача материала с использованием опорных образов, метафор, аллюзий и мифологем. Эти элементы создают особую художественную реальность, в которой анализ исторической действительности читательской аудиторией сопровождается авторской интерпретацией исторического процесса. И рассмотрение специфики фиксации дискретных элементов писателем позволяет выявить смысл, заложенный автором в рамках понимания исторической реальности.

Для А. Н. Толстого отражение исторической действительности в художественном пространстве является способом осмысления современных ему социокультурных явлений и исторических событий: «...корни многих современных вещей... лежат глубоко исторически, и, чтобы понять многое из совершающегося теперь, необходимо заглянуть в прошлое» [12, с. 239]. Так, в поисках способов познания современности писатель в своем творчестве обращается к отдельным, переломным, как он считал, моментам русской истории: петровской эпохе, периоду правления Ивана IV, революционными событиями 1917 г., Гражданской войне в России и др.

А. Н. Толстой воспринимал историю как сложный и многогранный процесс, в связи с чем в своих произведениях стремился создавать комплексные картины, в которых раскрываются внутренние противоречия эпохи, судьбы личностей и культурные особенности. При этом своей основной задачей он видел не столько достоверное отражение исторического процесса, сколько его осмысление сквозь призму современности. В одном из своих писем А. Н. Толстой отмечал: «В каждом художественном произведении — в том числе и историческом романе, в исторической повести — мы ценим прежде всего фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи и осмысливающего эту эпоху. В этом коренное отличие художника от историка <...>. Ученому нужна цепь последовательных фактов, чтобы рассказать об истине. Художник берет на себя смелость <...> на основании незначительных осколков <...> смело рассказать об эпохе» [8, с. 277].

Эта идея прослеживается во многих его художественных произведениях, в которых мы наблюдаем некую общую модель репрезентации

исторического процесса. Данная модель предполагает наличие точек перехода, изображающих ключевые события или периоды, и связующих элементов, которые обеспечивают их внутреннюю динамику и связь.

Одним из ключевых произведений в творчестве А.Н. Толстого является трилогия «Хождение по мукам», в которой описываются революционные события 1917 г. и период гражданской войны в России. В этом произведении для того, чтобы показать сложность исторического времени, автор использует описание множества личных судеб. При этом каждый персонаж является отдельной точкой, выделенной в многообразии эпохи. В этом и проявляется дискретность исторического сознания А.Н. Толстого — он сознательно выделяет отдельные фрагменты, подчеркивая неоднородность восприятия исторической действительности. Писатель не стремится к линейной хронике, а скорее создает калейдоскоп образов, в котором каждое событие или личность — уникальная ступенька, формирующая общее ощущение исторической реальности. Такой подход демонстрирует его понимание истории как совокупности отдельных, зачастую противоречивых элементов.

Вышеупомянутый мозаичный метод повествования, при котором общая историческая картина формируется с помощью соединения разнородных судеб и событий, является одним из проявлений специфики репрезентации исторического процесса А.Н. Толстым. Дискретность восприятия истории в его творчестве проявляется также с помощью многоуровневой временной структуры. Автор чередует различные уровни времени — глобальное историческое событие изображается в связи с локальными событиями, отображающими влияние масштабного явления на частные судьбы.

При этом герои его произведений сталкиваются с дилеммами. В частности, в романе «Хмурое утро» показана реакция кузнеца Путиловского завода Ивана Горы на призыв к мировой революции ценой собственной жизни, который он услышал во время одного из митингов. Этот призыв стал для него основой долгих размышлений. С одной стороны, Иван Гора уже сделал свой выбор и осознавал его цену: «Неправильно! Мы сами желаем своими руками потрогать социализм, вот что... Надо для этого семь шкур содрать с себя — и сдерем семь шкур... Но социализм хотим видеть вживе...» [10, с. 430]. С другой стороны, показаны сомнения героя: «Замахнулись на большое дело: такую страшицу поднять из невежества... Длинен путь, хватит ли сил, хватит ли жизни... Головой Иван Гора верил, а тело, дрожавшее в худой бекеше,

клонилось в противоречие» [10, с. 431]. Данная сцена в произведении А. Н. Толстого отражает фрагментарность восприятия исторического времени, так как основой для рефлексии героя является отдельное событие без каких-либо связей – революция, которая кардинально преобразила его собственную жизнь.

Помимо прочего, в своем творчестве А. Н. Толстой использует конкретных персонажей и символы, которые становятся своеобразными образами-ключами и каждый из которых представляет собой отдельную точку отображаемого им исторического процесса. В этом контексте отметим образ В. И. Ленина в трилогии «Хождение по мукам». Лидер социалистической революции представляется как фигура, несущая на себе бремя ответственности за выбор, сделанный многими. Иными словами, в трилогии образ В. И. Ленина соотносится не столько с политическим лидерством, сколько с позицией символической надежды на будущее для многих: «Он со страстью, с провидением утверждал, что история России – история великого народа и будущее ее велико и необъятно, если это понять и захотеть, чтобы так было» [10, с. 443].

В романе «Петр I» [11], основной темой которого является конфликт между новаторством и традицией, А. Н. Толстой создает образ российского императора с особой спецификой, которая соотносится с противоречивостью изображаемой им эпохи. С одной стороны, император становится символом прогрессивных реформ и преобразований. С другой, личность Петра I в романе ассоциируется с потерями и страданиями, к которым эти реформы привели.

Вышеупомянутые примеры позволяют нам проследить особые свойства образов конкретных исторических личностей, которые акцентируют внимание лишь на отдельных аспектах описываемого автором исторического процесса. Причем данный феномен создается А. Н. Толстым не только с помощью образов исторических деятелей, но и с помощью архетипических образов, символов и мифологем.

Ярким примером использования А. Н. Толстым архетипического образа для отражения исторической действительности является образ Петербурга в трилогии «Хождение по мукам». Описанию города посвящена первая глава романа «Сестры», в которой мы можем увидеть смену временных пластов, позволяющих скачкообразно проходить между различными эпохами: «Как сон прошли два столетия... бредовыми видениями мелькали дворцовые перевороты, убийства императоров, триумфы и кровавые казни...» [9, с. 10]. Заметим, что тема Петербурга в русской литературе характеризуется особой напряженностью и явля-

ется своеобразным инструментом осмысления важных вопросов истории и национального самосознания [13, с. 259]. Именно поэтому первая глава романа «Сестры» имеет высокий смысловой заряд – северная столица является метафорой противоречивости и застоя: «Петербург <...> жил словно в ожидании рокового и страшного дня» [9, с. 12]. Так, город представляется отдельным самостоятельным модулем повествования, который затем объединяется в целостную картину произведения. Заметим, что подобное выделение ключевых точек, фрагментарность и символизация делают исторический процесс, описанный в романах трилогии «Хождение по мукам», более субъективным, насыщенным личным смыслом автора.

Так, исследование репрезентации исторического процесса в творчестве А.Н. Толстого подтверждает, что художественные произведения, описывающие исторические события или явления, как правило, представляют собой описание серии событий с акцентом на отдельных образах, связанных между собой интерпретативными связями. Отсюда мы делаем вывод о том, что репрезентация исторического процесса в художественном произведении отражает дискретные свойства исторического сознания автора. Осознание этой дискретности позволяет более глубоко осмыслить роль художественного текста как субъективного зеркала исторических процессов, а также расширяет возможности реконструкции исторической памяти через художественное слово.

Список источников и литературы

1. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. – 348 с.
4. *Гришин С.Н.* Художественный текст как средство формирования и сохранения исторической памяти народа // Евразийский союз ученых. 2015. № 9–1(18). // Электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-kak-srededstvo-formirovaniya-i-sohraneniya-istoricheskoy-pamyati-naroda> (Дата обращения: 10.06.2025).
5. *Кон И.С.* Проблема истории в истории философии // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. ст. Вып. 4. Томск, 1966. С. 14–55.
6. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.В. Левада. М.: Наука, 1969. С. 186–224.
7. *Малкина В.Я.* Историческая память в литературе: подходы к анализу // Память как история и воображение: коллективная монография / сост. и ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. С. 113–124.

8. Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. — 431 с.
9. *Толстой А.Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М., 1961. — 638 с.
10. *Толстой А.Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1961. — 727 с.
11. *Толстой А.Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М., 1961. — 862 с.
12. *Толстой А.Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М., 1961. — 711 с.
13. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Кульгура», 1995. — 624 с.
14. *Rusen J.* Meaning and Representation in History. New York: Berhahn Books, 2008. — 274 p.

Пограничные войска в системе обороны Дальнего Востока СССР в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников и литературы рассмотрены процессы формирования структуры обороны СССР. Анализируется геополитическая и военно-стратегическая обстановка на дальневосточных рубежах СССР. На рубежах Дальнего Востока СССР дислоцировалась мощная группировка войск потенциального противника, была выстроена современная военная инфраструктура. Развитие обороны Дальнего Востока СССР носило ответный характер на возрастающую военную угрозу. Оборону Дальнего Востока в рамках обозначенных задач обеспечивала Красная армия, Тихоокеанский флот, пограничные войска НКВД. Оборона обеспечивалась в условиях действия советско-японского пакта о нейтралитете, который существенно ограничивал применение регулярных войск. Пограничные войска стали единственной группировкой, которая имела право применять огонь при защите рубежей. На них возлагались основные задачи по обороне, что привело к расширению их задач. Пограничные войска стали универсальной структурой, обеспечивающей оборону и безопасность СССР.

Ключевые слова: Дальний Восток; оборона; безопасность; Вторая мировая война; армия; флот; пограничные войска

Border Troops in the Defense System of the USSR's Far East during the Second World War, 1939–1945

Abstract. This article based on a wide range of sources and literature examines the formation of the USSR's defense structure. It analyzes the geopolitical and military-strategic situation on the USSR's Far Eastern borders. A powerful enemy troop group of the potential enemy was located along the Soviet Far East borders, and a modern military infrastructure had been built. The development of the Soviet Far East defense was a response to the growing military threat. The defense of the Far East, within the framework of its designated tasks, was provided by the Red Army, the Pacific Fleet, and the NKVD border troops. This defense was carried out under the Soviet-Japanese Neutrality Pact, which significantly limited the use of regular troops. The border troops became the only group authorized to use firepower to defend the borders. They fulfilled the main defensive tasks, which led to an expansion of their missions. The border troops became a universal structure, ensuring the defense and security of the USSR.

Keywords: Far East, defense; security; World War II; army; navy; border troops

¹ **Борис Борисович Кондратенко** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН; ведущий специалист, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток, Россия); e-mail: kpe.kob@mail.ru
Boris B. Kondratenko — Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far East Branch of the RAS; Scientific Reference, Russian State Historical Archive of the Far East, (Vladivostok, Russia).

В настоящее время в Российской Федерации происходят существенные изменения в системе обеспечения национальной безопасности, которая зависит от ряда внутренних и внешних факторов. В условиях трансформации актуализируется задача изучения исторического опыта охраны границ.

В отечественной историографии при рассмотрении обороны применялся ведомственный подход. Оборону рассматривали как деятельность Красной армии и Тихоокеанского флота. Другие структуры рассматривали ее в рамках узконаправленной деятельности, ведомства. Применение структурно-функционального подхода позволяет исследователям отойти от узковедомственного подхода. Оборона рассматривается как комплексный процесс по обеспечению безопасности общества и государства. В современной историографии охрана границ рассматривается как совокупная составляющая структуры обороны. Пограничные войска представлены как отдельная военная структура, наделенная специальными задачами в сфере обеспечения безопасности и обороны страны [5; 11]. В советской историографии они рассматривались как специфическая служба, наделенная определенными задачами охраны границы, а основное внимание обращалось историками больше на западные пограничные округа, тогда как остальные рассматривались фрагментарно. Дальневосточные пограничники упоминались только при рассмотрении завершающего этапа Второй мировой войны [9; 10]. В современной историографии пограничные войска рассматривают как структуру, отвечающую за обеспечение безопасности на границе и прилегающей территории [1; 2; 3]. Кроме того, пограничные войска рассматриваются в рамках международных отношений и ухудшения геополитической обстановки как ведомство, охраняющее границу, без детального анализа целей и задач погранвойск [8; 12; 13]. В работах по истории пограничных войск уделяют внимание оперативной стратегической обстановке на границе [11; 18].

Дальний Восток имел более 4500 тыс. км сухопутной границы с потенциальным противником. С 1932 г. на сопредельной территории располагалось марионеточное государственное образование Манчжоу-го, территория которого полностью контролировалась милитаристской Японией. В течение Второй мировой войны военнополитическое руководство Японии разрабатывало планы по нападению на Дальний Восток. Планирование регулярно менялось и зависело от геополитической обстановки. В апреле 1941 г. СССР и Япония заключили «Пакт о нейтралитете», суть которого заключалась в невмешательстве во внутренние дела государства, неказании военной

помощи той стороне, которая объявит войну одной из договаривающихся сторон. Несмотря на достигнутое соглашение, Япония не отказывалась от экспансионистской политики в отношении Советского Союза. После заключения пакта руководство Японии приняло документ «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». Программа предусматривала целенаправленное дипломатическое и военно-политическое давление на руководство СССР, включая передачу или продажу отдельных районов Дальнего Востока Японии (северной части Сахалина, Камчатки, южного Приморья), выведение войск Красной армии с указанных территорий. Давление осуществлялось путем увеличения группировки войск вдоль границ СССР, строительства военной инфраструктуры. В октябре 1941 г. Япония разработала план войны Кантокуэн («Особые маневры Квантунской армии»), который предусматривал нанесение ударов по территории СССР и прекращение снабжения Дальнего Востока и поставки грузов по ленд-лизу. План оставался актуальным на протяжении 1941–1943 гг. Военно-политическое руководство Японии отошло от наступательной стратегии и перешло к долговременной обороне. В связи с этим активизировались политические методы борьбы: коренное население приграничья Манчжоу-го было выселено и заменено на радикально настроенное против СССР. Из состава населения создавались вооруженные отряды самообороны, которые являлись мобилизационным резервом Вооруженных сил Японии в Манчжоу-го. С 1939 до 1945 гг. численность войск, находящихся вдоль границы, насчитывала 450–700 тыс. чел., не включая войска, дислоцировавшихся в тыловых районах. Выстроенная сеть обороны была хорошо оборудована инженерно-техническими коммуникациями и путями сообщения, имелись законсервированные подземные объекты долговременной обороны. Всего на протяжении 13 лет было выстроено 3 линии обороны, 7 укрепленных районов, около 2000 оборонительных объектов (ДОТы, ДЗОТы, укрытия, блиндажи, гарнизоны, казармы) [12, с. 250, 252; 13, с. 67; 14; 16, с. 8; 17, с. 11].

К началу Второй мировой войны на сопредельной территории Дальнего Востока была развернута группировка с мощной военной инфраструктурой (аэродромы, дороги, оборонительные сооружения). Япония имела завершенную стратегию отчуждения территорий Дальнего Востока СССР. На протяжении 1930-х гг. регулярно отрабатывались тактические боевые действия, направленные на захват территории южных районов Дальнего Востока, где был выход к портам. Дальний Восток СССР находился в ожидании внешнего вторжения.

К началу Второй мировой войны на границе прошли крупные боевые столкновения, в частности, военный конфликт в районе оз. Хасан. Конфликты обозначили Дальний Восток как стратегический регион. Фактор внешней угрозы показал необходимость выстраивать систему обороны. Особенности отдаленности от центра, обширная территория и низкая плотность населения обусловили необходимость создания мобилизационного резерва непосредственно на Дальнем Востоке.

До начала Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке была развернута Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. Она по своему статусу соответствовала военному округу, выполняла специфические задачи и обеспечивала безопасность государственной границы. Воинские соединения комплектовались по штатам военного времени. В соответствии с меняющейся военно-стратегической обстановкой разрабатывались планы обороны Дальнего Востока. Последний план обороны предполагал сосредоточение на территории Дальнего Востока 34 дивизий, 8 танковых бригад, 43 полка авиации. Всего для обороны Дальнего Востока планировалось стянуть 30% Вооруженных сил СССР. Помимо ОКДВА оборону обеспечивал Тихоокеанский флот. Он был образован в 1935 г. на базе морских сил Дальнего Востока. К 1941 г. в состав флота входило 295 кораблей всех видов, включая вспомогательные суда. В начале Великой Отечественной войны проведение мобилизационных мероприятий (призыв людских резервов в действующую армию, отправка личного состава воинских соединений с Дальнего Востока на Запад СССР) привело к сокращению мобилизационного потенциала, что увеличило риски уязвимости границы. Заключение в 1941 г. советско-японский Пакт о нейтралитете ограничивал применение регулярных войск при охране границы. Основная нагрузка по обеспечению обороны границы ложилась на пограничные войска [4, с. 128–137, 141, 241–245; 6, с. 565, 566; 7, с. 12; 20, с. 8; 17, с. 11; 24, Л. 30, 85, 87].

В ходе боевых столкновений на границе в 1930-е гг. был получен боевой опыт, на основании которого были определены задачи войск и система охраны границы. В 1939 г. произошли организационные изменения. Дальневосточный пограничный округ был разукрупнен на 2 самостоятельных – Приморский и Хабаровский. Округа стали ближе к подразделениям. На Дальнем Востоке было 12 пограничных отрядов, 1 авиационный, 4 отдельных подразделения. В округах были образованы отделы разведки. Итогом организационных изменений стало превращение пограничных войск в полноценную военную структуру. Пограничные войска расширили свои полномочия, обрели служебно-

боевую самостоятельность. Была выстроена универсальная система управления охраной границы: управление пограничными войсками было сосредоточено в руках Главного пограничного управления, которое подчинялось наркому внутренних дел. Сложившаяся система управления пограничными войсками просуществовала до конца Второй мировой войны. Она показала свою надежность [11, с. 41; 15, с. 30; 18, с. 181].

Малочисленность пограничных войск не позволяла полностью перекрыть границу. Боевым резервом пограничных войск стали войска НКВД (внутренние, конвойные, охранные отряды НКПС). Это привело к уязвимости границы: фиксировалось увеличение случаев ведения разведывательной деятельности на советской территории. В связи с быстро меняющейся военно-стратегической обстановкой, отсутствием возможности применять оружие при защите государственной границы выполнение оперативно-войсковых задач стало основным видом их служебно-боевой деятельности.

СССР осуществлялась оценка оперативной обстановки и ведение разведки на сопредельной территории на удалении от линии государственной границы на расстоянии 30–40 км, выявление и обезвреживание диверсионных отрядов противника, а также охрана населенных пунктов, прилегающих к государственной границе. Пограничные войска стали более активно выстраивать взаимодействие с местным населением, органами советской власти, подразделениями милиции. Местное население привлекали для проведения рейдовых мероприятий на территории приграничья с целью выявления незаконно прибывающих лиц, привлекали к строительству инженерно-технических систем охраны границы. Местное население формировалось в силы содействия пограничным войскам, в их задачи входила охрана населенных пунктов, прилегающих к границе, частичная охрана пограничных подразделений в период усиления охраны границы, нахождение в нарядах пограничных нарядах совместно с солдатами [20, Л. 7.].

Дальневосточные округа были самыми удаленными от Главного управления погранвойск СССР. Географический фактор играл важную роль в организации служебно-боевой деятельности, вырабатывал самостоятельность в принятии решений. В результате служебно-боевой деятельности пограничные войска на протяжении 1940–1944 гг. задержали 1454 нарушителя государственной границы СССР, из них 490 разведчиков, 128 диверсантов, 72 военнослужащих армии Манчжоу-го, отдельные категории нарушителей не установлены. Пресечено 123 провокации, направленных на втягивание Советского Союза в войну. Из них 15

случаев — обстрел пограничных нарядов, 3 боевых столкновения, 5 случаев — обстрел мирных граждан, 39 случаев авиаразведки [19, Л. 1, 67; 22, Л. 170, 190, 191, 192, 291; 25, Л. 13, 22, 86, 87, 89].

Начиная с 1944 г. началась передислокация личного состава пограничников с Дальнего Востока на западные рубежи. Взамен убывших прибывал личный состав по мобилизации, в основном происходил перевод личного состава из Красной армии в пограничные войска. Прибывающие не знали реалий Дальнего Востока, и на действующих инструкторов возросла нагрузка. Требовалось в сжатые сроки обучить рядовой состав основам службы на границе, распределить его на участки границы для прохождения дальнейшей службы. Также на Дальний Восток в рамках укрепления обороноспособности с западных фронтов Великой Отечественной войны прибывали соединения Красной армии. Эти обстоятельства создавали дополнительные сложности в охране границы. Прибывающие бойцы не знали особенностей прохождения конфигурации границы и неосознанно становились нарушителями пограничного режима и государственной границы. Для предотвращения бесконтрольных нарушений органами советской власти, сельскими дружинами, силами содействия были организованы разъяснительные мероприятия о правилах поведения на приграничной территории. В 1945 г. штатная численность личного состава увеличилась на 3724 чел. (с 22975 чел. в 1944 г. до 26699 чел. в 1945 г.), а фактическая — на 4266 чел. (с 18996 чел. в 1944 г. до 23262 чел. в 1945 г.) [21, Л. 89; 27, Л. 258]. После укомплектования подразделений дополнительным личным составом была поставлена задача составить оперативные сводки по каждому участку границы. Составленные сводки легли в основу стратегических планов Красной армии по разработке завершающих освободительных операций Второй мировой войны.

Пограничные войска проводили подготовку к наступательным действиям, перестроили охрану границы, обеспечили прикрытие войск, увеличили плотность охраны границы. Они также провели разведку на сопредельной территории, собрали оперативные данные. На основе этих данных пограничники совместно с военными разрабатывали стратегические планы. Ранее подобные задачи на пограничные войска не возлагались. Этот фактор показывает, что значение пограничных войск в системе обороны значительно возросло по сравнению с начальным периодом войны.

В ходе подготовки к проведению военных действий по освобождению северо-восточных районов Китая от оккупации милитаристской Японии пограничные войска были переподчинены Ставке

главного командования советских войск на Дальнем Востоке во главе с А.М. Василевским. Две трети их личного состава вошли в ударные соединения фронтов, одна треть осталась охранять границу. При проведении стратегических операций пограничники обеспечили их внезапность, сломили первую линию обороны и захватили плацдарм для развертывания основных войск. Их действиями были ликвидированы 241 погранполицейский кордон, 31 гарнизон, 11 узлов сопротивления и опорных пунктов, уничтожено 42 диверсионные группы, 33 японские войсковые группы, задержано более 1 тыс. агентов противника. Важной задачей пограничных войск была организация военных комендатур, основу которых составляли пограничники. Они несли комендантскую службу, поддерживали прифронтовой режим, контролировали передвижение частей и бронетехники, отдельных лиц по специальным пропускам через границу [3, с. 545; 5, с. 134; 11, с. 560, 561; 28, Л. 193, 322].

В годы Второй мировой войны пограничники в крайне ограниченных условиях обеспечивали безопасность большого макрорегиона – Дальнего Востока. Служба проходила в стремительно меняющихся условиях: малочисленные подразделения, рассредоточенные вдоль линии границы, не всегда имели возможность своевременно реагировать на вызовы и угрозы. По мере возможности они старались оперативно перестраиваться и внедрять новые методы охраны границы. Советское правительство высоко оценило участие пограничных войск в войне с Японией. Более 3 тыс. воинов-пограничников были награждены орденами и медалями, 13 пограничных частей – орденами.

Список источников и литературы

1. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 3. Освобождение. М.: Наука, 1999. – 509 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2015. – 1008 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.
4. Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. – 460 с.
5. Грачев А.В., Ципкин Ю.Н. Чекисты в борьбе за обеспечение государственной безопасности советского Дальнего Востока в годы Второй мировой войны (1941–1945). Хабаровск, 2014. – 167 с.
6. Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941 г. Т. 23: в 2 кн. Кн. 1. 1 января – 31 октября 1940 г. М.: Международные отношения, 1995. – 752 с.
7. Зайцев Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего востока к войне (1932–1945 гг.) // Россия и АТР. Владивосток. 2010. № 3. С. 5–14.

8. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. Т. 1: Подготовка и развязывание агрессивной войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. — 535 с.
9. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М.: 1975. — 536 с.
10. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980. — 495 с.
11. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). М.: Граница, 2008. — 710 с.
12. Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. М.: Вече, 2010. — 475 с.
13. Кошкин А.А. Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012. — 476 с.
14. Рунов В.А. Все укрепрайоны и оборонительные линии Второй Мировой. М.: Яуза, ЭКСМО, 2014. — 413 с.
15. Сечкин Г.П. Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа. 1941–1945. М.: Граница, 1993. — 464 с.
16. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2015. № 2(88). С. 5–24.
17. Ткачева Г.А. Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Россия и АТР. 2020. № 2(108). С. 5–22.
18. Терещенко В.В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 — июнь 1941 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 6(122). С. 181–187.
19. Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦПА ФСБ РФ). Ф. 220. Оп. 1. Д. 176.
20. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177.
21. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178.
22. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128.
23. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 1117.
24. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 16. Оп. 2951С. Д. 24.

**Академическое сообщество
на внеочередном заседании Президиума АН СССР
23 июня 1941 г.: идеологическая борьба с фашизмом
и задачи научной пропаганды**

Аннотация. Статья содержит сведения о внеочередном расширенном заседании Президиума АН СССР 23 июня 1941 г. в контексте задач идеологической борьбы с фашизмом и научной пропаганды. Анализируются протокол и неправленая стенограмма данного заседания, а также принятое ранее «Положение о Совете по научной пропаганде при Президиуме АН СССР» (1940). Выявляются основные способы реализации научной пропаганды: освещение достижений науки и техники на страницах центральной печати, выпуск специальных брошюр и научно-популярной литературы, организация научно-популярных лекций, подготовка радиопередач, съемка кинофильмов и др. Подчеркивается необходимость в условиях военного времени выхода идеологической борьбы с фашизмом на международный уровень. Делается вывод о том, что импульс, полученный на заседании 23 июня 1941 г. по поводу важности научной пропаганды, нашел дальнейшее развитие в появлении Бюро научно-технической пропаганды. Данный опыт использовался также при организации празднования 220-летия АН СССР (1945) и создании общества «Знание» (1947).

Ключевые слова: Академия наук; СССР; академическое сообщество; научное знание; пропаганда; Великая Отечественная война; 1941 г.

**Extraordinary meeting of the Presidium
of the USSR Academy of Sciences on June 23, 1941:
the academic community at the beginning of the Great Patriotic War
and the tasks of scientific propaganda**

Abstract. The article provides information about an extraordinary expanded meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences on June 23, 1941, in the context of the ideological struggle against fascism and scientific propaganda tasks. The article analyzes the protocol and transcript of the meeting, as well as the previously adopted "Regulations on the Council for Scientific Propaganda under the Presidium of the USSR Academy of Sciences" (1940). The article identifies the main methods of scientific propaganda, including covering scientific and technological achievements in the central press, publishing special brochures and popular science literature, organizing popular science lectures, preparing radio broadcasts, and filming movies. In wartime conditions, it became necessary to bring the ideological struggle against fascism to the international level. Finally,

¹ **Светлана Андреевна Лиманова** — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник — начальник Отдела истории Академии наук, Архив РАН; старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия); e-mail: serovasvetlana@mail.ru

Svetlana A. Limanova — Candidate of Historical Sciences; Senior Researcher — Head of the Department of History of the Academy of Sciences, Archive of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

it is concluded that the meeting on June 23, 1941 emphasized the importance of scientific propaganda and led to the organization of the Bureau of scientific and technical propaganda. This experience was also used in organizing the celebration of the 220-th anniversary of the USSR Academy of Sciences (1945) and the organization of the Znanie Society (1947).

Keywords: Academy of Sciences; USSR; academic community; scientific knowledge; propaganda; Great Patriotic War; 1941

Расширенное заседание Президиума АН СССР 23 июня 1941 г. было проведено на следующий день после начала Великой Отечественной войны. Академическое сообщество быстро и единодушно отреагировало на вероломное вторжение фашистских войск на территорию Советского Союза. Сразу стало ясно, что именно научные достижения во многом определяют успешность хода ответных военных действий, однако перестроить систему работы академических учреждений на военный лад оказалось не так просто. Этот первостепенный вопрос и решался в ходе заседания, предлагались различные варианты.

Председательствовал вице-президент АН СССР академик О.Ю. Шмидт, поскольку президент АН СССР академик В.Л. Комаров находился в это время на лечении в Абхазии. На заседании присутствовали академик-секретарь Отделения физико-математических наук А.Н. Колмогоров, академик-секретарь Отделения технических наук В.П. Никитин, академик-секретарь Отделения истории и философии А.М. Деборин и другие члены Президиума АН СССР, ученые-академики и члены-корреспонденты АН СССР по разным направлениям наук (астрофизик В.Г. Фесенков, математик С.Л. Соболев, химик-неорганик С.И. Вольфович, химик-органик С.С. Наметкин, физиологи Л.С. Штерн и Х.С. Коштойнц, нейрофизиолог Н.И. Гращенков, физики П.П. Лазарев и П.Л. Капица, специалист в области металлургии И.П. Бардин, специалист по энергетике Г.М. Кржижановский, географ А.А. Григорьев, палеонтолог А.А. Борисяк, историк Б.Д. Греков, специалист в области права И.П. Трайнин и др.). В общей сложности: 33 передовых советских ученых, а также секретарь Президиума АН СССР П.А. Светлов и заместитель управляющего делами АН СССР С.Д. Носов; 60 специально приглашенных руководящих и научных работников московских учреждений АН СССР.

Во вступительном слове академик О.Ю. Шмидт сфокусировал внимание на важности происходящего и значении науки для войны: «Позвольте открыть заседание. Мы просили товарищей собраться в составе расширенного Президиума с участием директоров институтов и ряда крупнейших ученых нашей страны, ибо страна наша пережива-

ет момент исключительный — без всякого повода на нас напали, напал враг, который стремится уничтожить все наши достижения, достижения нашей страны, которые связаны с лучшими надеждами всего человечества, враг, который разрушил культуру в своей стране, когда-то давшей много славных имен, подавил, уничтожил культуру ряда стран и пытается то же самое делать с нашей страной, не учитывая, насколько наша страна сильнее и по внешней мощи и по внутреннему духу, как первая в мире свободная страна социализма.

Наша страна вся мобилизовалась, чтобы дать наглому врагу отпор. На ученых падает очень большая задача в этот ответственный момент. Современная война в значительной степени война техники, стало быть война науки. Во многом решает то, где то или иное изобретение будет сделано раньше, на сколько месяцев удастся опередить. Велика роль ученых еще и потому, что в этой войне против нас пытаются использовать в широком масштабе клевету, выступая, якобы, защитниками какой-то системы цивилизации, будучи на самом деле основными палачами цивилизации в мире. Необходимо нашим ученым и в этом направлении дать отпор, дать отпор во весь голос от лица самой квалифицированной интеллигенции.

Несомненно, каждый из нас сейчас имеет одно желание: все силы, каждый час, каждую минуту своей жизни отдать работе на пользу родине» [1, Л. 88–89].

По результатам заседания была принята резолюция из пяти пунктов, предписывающая: переориентировать научные разработки «на выполнение задач по укреплению военной мощи»; обеспечить исследовательские работы по оборонной тематике; отдавать приоритет проектам, способным найти непосредственное применение в обороне страны и народном хозяйстве; уполномочить Бюро Президиума в составе президента и вице-президентов осуществлять оперативное руководство работой учреждений Академии наук; обязать всех работников АН СССР «соблюдать строжайшую дисциплину, соответствующую военному времени» [3, Л. 198].

Эти принципиальные задачи по интенсификации деятельности Академии наук в первые дни Великой Отечественной войны в основном и находят отражение в историографии [7; 8; 10; 14; 16]. Заседание 23 июня 1941 г. рассматривается как отправное в перестройке работы академических учреждений. Сохранившиеся в Архиве РАН протокол заседания и неправленная стенограмма частично введены в научный оборот [4; 19; 24]. В данной статье представляется важным обратить внимание на еще один специально не рассмотренный ранее аспект

данного заседания — обсуждение академическим сообществом необходимости идеологической борьбы с фашизмом и способов научной пропаганды в условиях начала войны.

Сами участники по ходу заседания использовали разные определения: «пропаганда против фашизма», «идеологический фронт», «идеологическая борьба» и т.д. Политическая задача общегосударственной пропаганды, заключавшаяся в «целенаправленном распространении и утверждении в общественном сознании тех или иных идей, взглядов, суждений и оценок» [20, с. 8–9], по-своему видоизменилась и адаптировалась в академической среде. В контексте заседания по сути речь шла о двух направлениях (видах) пропаганды — «внешней» и «внутренней».

«Внешняя» пропаганда была ориентирована на разоблачение фашистского режима, выявление его злонамеренности и разрушительной силы. Это была первая, яркая реакция академического сообщества на акт агрессии. Еще во вступительном слове академик О.Ю. Шмидт, наряду с определением огромной практической роли Академии наук по укреплению научно-технической мощи страны, сделал акцент как раз на идеологической (разъяснительной) деятельности: «Представители наших общественных наук <...> уже провели большую работу в части концентрации сил на разрешение задач, стоящих перед нами по части разоблачения тех вредных для нас теорий, которые распространяются нашими врагами на идеологическом фронте во всем мире, а также разоблачения того, якобы своего благополучия, которое стремятся очковтирательски представить наши враги. Это относится прежде всего к нашим Отделениям гуманитарных наук — Отделению истории и философии и другим» [1, Л. 90].

Академик-секретарь Отделения истории и философии А.М. Деборин поддержал мысль о потенциале гуманитарных наук, «которые должны и могут организовать в широком масштабе пропаганду против фашизма, могут организовать составление ряда брошюр, летучек, в которых разоблачались бы фашисты и была бы заклеяна вся их политика, <...> начиная с разоблачения главарей и кончая разоблачением всего того кровавого режима, который они установили в порабощенных странах». Он предлагал адресовать подобные брошюры «к нашему народу и к порабощенным фашизмом народам Франции, Югославии, Польши и т.д.», что имело бы несомненное огромное агитационное значение: «Мы должны использовать решительно все возможности, все то, что в наших силах, чтобы бить врага на всех участках фронта. Еще раз подчеркиваю, идеологический фронт имеет такое же значение, как фронт химический и т.д.» [1, Л. 113–115].

Подобные рассуждения углубил член-корреспондент АН СССР П.Ф. Юдин, директор Института философии АН СССР: «Известно, что фашизм проявляет себя исключительно активно в области идеологической. Фашизм — это идеология разбойников и головорезов, идеология шантажа и демагогии. Надо сказать, что за последние годы в этой области фашизм особенно активно себя проявляет и недооценивать этой стороны фашистской агрессии и недооценивать роли фашистской идеологии в войне нельзя. Поэтому естественно, что разгром фашистской идеологии, идеологическое вооружение не только нашей Красной Армии, которая достаточно вооружена, но и разгром фашистской идеологии за пределами нашей страны, по ту сторону фронта, составляет одну из важнейших областей борьбы с фашизмом. В этом направлении огромную работу должны проделать ученые нашей страны. В этом направлении колоссальную работу должна проделать наша советская интеллигенция» [1, Л. 117].

Важно было не только обратить внимание на варварский характер действий со стороны фашистской Германии, но и заручиться поддержкой мирового сообщества. Именно поэтому на заседании Президиума АН СССР 23 июня 1941 г. было принято решение выступить с обращением «К ученым всех стран». Вскоре оно было готово и опубликовано [9, с. 1; 12, с. 3; 22, с. 1]. Как отметил академик М.Б. Митин, «У нас в Академии сосредоточены огромные силы людей, известных всей стране и не только всей нашей стране, но и за рубежом. Симпатии всех передовых людей всего мира на нашей стороне. Поэтому наши ученые могут сделать чрезвычайно много <...>. В современной войне, пожалуй, как ни в одной из предшествующих войн, война идеологическая играет исключительно большую роль, а в этой идеологической борьбе Академия наук призвана сыграть колоссальную роль. Мы ведь располагаем огромным идейным богатством, самыми передовыми идеями мира для борьбы с фашизмом» [1, Л. 129–131].

Если вспомнить «Технику пропаганды в мировой войне» Г. Лассуэлла (1927), то там как раз речь шла о том, что: «Нация с высоким моральным духом способна справиться со стоящими перед ней задачами за счет некоторого порыва, который можно измерить лишь тогда, когда ему оказывается серьезное сопротивление <...>. Наиболее могущественная роль пропаганды <...> состоит в том, чтобы мобилизовать враждебность сообщества по отношению к врагу, сохранить дружественные отношения с нейтральными и союзными странами, настроить нейтральные страны против врага и сломить неприступную стену

вражеского сопротивления». Он же называл пропаганду третьим важным инструментом борьбы с врагом (сразу после военного и экономического давления) [13, с. 54–55].

Обращение от АН СССР с осуждением вероломного нападения гитлеровцев и их идеологии подписали академики В.Л. Комаров, А.Н. Бах, А.А. Богомолец, Н.Н. Бурденко, Е.С. Варга, В.И. Вернадский, И.М. Виноградов, А.Я. Вышинский, Н.Ф. Гамалея, А.М. Деборин, Н.Д. Зелинский, М.А. Ильинский, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, Б.А. Келлер, А.Н. Колмогоров, А.Н. Крылов, Т.Д. Лысенко, И.И. Мещанинов, М.Б. Митин, Н.И. Мухелишвили, В.П. Никитин, В.Н. Образцов, В.А. Обручев, И.А. Орбели, Л.А. Орбели, Д.Н. Прянишников, Н.Н. Семенов, П.И. Степанов, Е.В. Тарле, А.Н. Толстой, А.Е. Фаворский, А.Е. Ферсман, А.Н. Фрумкин, С.А. Чаплыгин, Е.А. Чудаков, И.И. Шмальгаузен, О.Ю. Шмидт, М.А. Шолохов, Л.С. Штерн, Ф.И. Щербатской, Е.М. Ярославский, а также В.Г. Хлопин, В.П. Волгин, Ю.В. Готье, А.А. Борисяк, В.А. Кистяковский, Б.Д. Греков [3, Л. 202–204]. Всего 48 человек, согласно приложению к протоколу заседания.

В печать попало 42 фамилии, которые, как правило, и фигурируют в литературе. Однако на самом деле подписавших было больше (скорее всего, они поставили свои подписи уже после отправки текста в печать). Еще больше оказалось тех, кто поддержал обращение. Отклики не заставили себя ждать. Они приходили и в качестве официальных писем на адрес Академии наук, и в виде личной переписки между давно и хорошо знавшими друг друга учеными. Некоторые из таких посланий солидарности были опубликованы в прессе. Советские ученые не только регулярно обменивались письмами с зарубежными коллегами, но и являлись активными участниками и организаторами антифашистских митингов и собраний [8, с. 97–98], которые имели огромный общественный резонанс как в самом Советском Союзе, так и за его пределами.

Второе направление пропаганды — «внутреннее» — осуществлялось еще задолго до наступления военного времени. В начале 1930-х гг. при Президиуме АН СССР начал функционировать Отдел научной пропаганды, который в последующие годы неоднократно переименовывался, поэтому в историографии можно встретить различные его названия. 10 декабря 1940 г. было утверждено «Положение о Совете по научной пропаганде при Президиуме АН СССР», в котором были сформулированы принципы руководства научной пропагандой и перечислялись способы ее реализации:

«1. На Совет по научной пропаганде при Президиуме Академии наук СССР возлагается организация и руководство научной пропагандой как устной, так и печатной, проводимой Академией наук СССР.

В этих целях Совет по научной пропаганде:

а) проводит в контакте с Отделениями и научно-исследовательскими учреждениями Академии наук СССР мероприятия по пропаганде достижений науки и техники, в особенности среди советской интеллигенции (преподаватели высших учебных заведений, инженеры, врачи, аспиранты, студенты и т.д.), привлекая к этой работе научные силы Академии, в первую очередь академиков и членов-корреспондентов;

б) рассматривает и утверждает тематику публичных лекций, организуемых Академией наук СССР; обобщает опыт лекционной работы и вырабатывает на основе отзывов и предложений слушателей и лекторов мероприятия по улучшению качества лекций;

в) составляет план выпуска научно-популярной литературы;

г) организует освещение достижений науки и техники, а также вопросов научной пропаганды на страницах центральной печати;

д) разрабатывает план проводимых силами Академии наук СССР радиопередач, popularizing достижения науки и техники;

е) содействует развитию научной пропаганды средствами кино, привлекая ученых в качестве авторов и консультантов по научно-техническим и научным кинофильмам <...>» [2, Л. 187–188].

Участники заседания 23 июня 1941 г., безусловно, были знакомы с содержанием данного положения. Более того, там присутствовал П.Ф. Юдин, председатель Совета по научной пропаганде АН СССР и одновременно директор Объединения государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ). Он сразу перешел к обсуждению практических способов патриотической пропаганды: «Советский народ надо сейчас вооружить целым рядом мастерски написанных, замечательных по стилю, пламенных по изложению и доступных по содержанию литературных работ <...>. Эти работы должны быть написаны очень быстро, тут нельзя ждать ни одного дня, и написаны на самые актуальные темы. Каждая брошюра и статья должны быть могучим снарядом, могучим оружием и могучей силой, которая еще более сцементировала [бы] ряды советского народа, ряды бойцов Красной

Армии и вместе с тем разлагала бы ряды наших врагов, сплачивала бы сторонников наших по ту сторону фронта» [1, Л. 117]. Он предложил также напечатать на эту тему статьи выдающихся ученых в передовых советских газетах и журналах, подготовив первые из них в ближайшие 3–5 дней, и составить небольшие брошюры для широкого круга читателей. В частности, брошюру «Как русские били немцев». Эта идея вызвала живой отклик собравшихся, послышались реплики с мест:

«Ак[адемик] Деборин: Уже пишется.

[Юдин]: Тут не [надо] очень распространяться, обязательно писать об Александре Невском, но нужно взять самые интересные исторические события и дать такую небольшую брошюру на лист и полтора...

Ак[адемик] Штерн: Как и за что били.

Ак[адемик] Образцов: Почему немцев? Врагов вообще.

Ак[адемик] Шмидт: В данном случае нужно взять конкретно.

[Юдин]: Немецкий фашизм — наш главнейший враг. Нужно показать, как не единожды русский народ бил немцев, с тем чтобы сказать — посмотрите, что будет...

Светлов: Сказать, что история повторяется.

[Юдин]: Необходимо подчеркнуть, что фашизм — это диктатура рабства и голода <...>. Я считаю, что такие брошюры придадут еще больше мужества, храбрости и энергии нашим бойцам» [1, Л. 119].

Некоторые из присутствующих высказались за необходимость выступления представителей АН СССР по радио. К тому моменту многие уже успели ознакомиться с речами заместителя председателя СНК СССР и народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова [5, с. 1–3; 21, с. 1], а также премьер-министра Великобритании У. Черчилля [21, с. 5]. В ходе заседания академики неоднократно апеллировали к ним: например, академик М.Б. Митин, назвавший начавшуюся войну «справедливой» и «прогрессивной» в плане неизбежной борьбы «цветущего социалистического государства» с «оголтелыми представителями капитализма» [1, Л. 129]; или академик Б.А. Келлер, подчеркнувший, что «даже Черчилль чувствует, что та война, которую ведет Советский Союз, это борьба за судьбу всего прогрессивного передового человечества» [1, Л. 106]. В этой связи академик И.П. Трайнин обратил внимание на встающие вопросы международного значения — проблемы военного положения и военных трибуналов.

Таким образом, наступившее военное время стало очевидным катализатором применения различных способов научной пропаганды на практике. Академия наук действительно многое сделала для идеологического сопровождения военной кампании. Как и было решено на заседании Президиума АН СССР от 23 июня 1941 г., ученые стали выступать по радио и публиковать обращения. Этот материал регулярно появлялся на страницах передовой советской газеты «Правда», а затем перепечатывался другими изданиями. Периодическая печать запестрела самыми разнообразными статьями и призывами: «Выполним свой долг в Отечественной войне» (академик В.А. Обручев), «Стереть с лица земли фашистских варваров!» (исследователь Арктики И.Д. Папанин), «Фашистская гиена роет себе могилу» (академик И.А. Орбели), «Губители общечеловеческой культуры» (академик Е.В. Тарле), «Враг будет разбит!» (академик А.В. Палладин), «Смерть врагу!» (академик Е.А. Чудаков), «Выполним долг перед Родиной» (академик С.И. Вавилов) и др. Тогда же в «Правде» появилась статья академика Е.М. Ярославского «Великая Отечественная война советского народа» [5, с. 11–17; 17, с. 1–5; 21, с. 4], широко растиражированная и попавшая во многие сборники патриотических брошюр военных лет.

Об осознании особой миссии, представлении советского человека как носителя и хранителя культурных ценностей писал президент АН СССР академик В.Л. Комаров. В статье «Красная Армия защищает мировую цивилизацию» [6, с. 1–3] он назвал фашистов «палачами культуры». О том же речь шла в статье философа Г.А. Гурева «Фашизм — злейший враг культуры» [17, с. 5–8]. В противовес фашистскому мракобесию подробно была охарактеризована культурная мощь Советского Союза, его борьба за сохранение достижений мировой цивилизации.

При определении специфики научной пропаганды периода Великой Отечественной войны неизбежно встает вопрос: чего в ней было больше — идеологии и патриотизма или научных знаний? Даже беглый обзор лекций, прочитанных за 1941 г., показывает, что присутствовало и то, и другое. Причем активными были далеко не только историки-пропагандисты [25], как могло бы показаться на первый взгляд. Свой вклад вносили представители самых разных наук: физикохимик Н.Н. Семенов «О горении и взрывах», физик Г.С. Ландсберг «Свет, цвет и маскировка», физик Б.М. Вул «Значение физики в обороне страны», физиолог Х.С. Коштойанц «Бредовые теории фашизма. Действие отравляющих веществ на организм», геохимик А.Е. Ферсман «Война и стратегическое сырье», экономист И.А. Трахтенберг «Хозяй-

ственное истощение Германии», историк Е.В. Тарле «Две отечественные войны» и многие другие [18, с. 48].

Идеологический импульс, задавший повестку заседания 23 июня 1941 г., продолжал реализовываться и в последующие военные годы, только уже более целенаправленно и методично. С августа 1942 г. действовал Совет по научно-технической пропаганде АН СССР под руководством академика А.Е. Ферсмана. Совет координировал работу по популяризации научных знаний, объединив функционировавшие в разных городах Бюро научно-технической пропаганды. Главными задачами являлись: мобилизация научных и рабочих сил на разгром врага; развенчание чело­веко­нена­вист­нической идеологии фашизма; укрепление патриотического духа советских людей (в том числе посредством популяризации исторических примеров героизма); дальнейшее разноплановое просвещение в области науки и техники, что в годы войны позволило сохранить многие жизни. Средствами реализации служили: выступления по радио и написание разъяснительных брошюр, регулярная публикация статей и воззваний ученых на страницах центральной печати, организация научно-популярных лекций и подготовка специальной литературы; позднее к этому прибавилась съемка кинохроники и кинофильмов.

В Москве Бюро научно-технической пропаганды руководил член-корреспондент АН СССР П.Ф. Юдин, в Свердловске — академик В.Н. Образцов, затем академик Л.Д. Шевяков, в Казани — академик А.М. Деборин, затем академик А.Е. Арбузов, в Ташкенте — член-корреспондент АН СССР М.А. Шателен, во Фрунзе — член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштыянци, в Алма-Ате — академик И.И. Мещанинов, в Йошкар-Оле — академик С.И. Вавилов [14, с. 166], ставший впоследствии президентом АН СССР (1945—1951) и возглавивший правление образованного в 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (общества «Знание»), деятельность которого была направлена на дальнейшее расширение научно-просветительской работы уже в мирное время [26]. Своего рода кульминацией научной пропаганды в годы Великой Отечественной войны стало широко­масштабное празднование 220-летия АН СССР в июне 1945 г. [11; 15; 23], состоявшееся параллельно с торжествами в честь Великой Победы.

Список источников и литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1. Оп. 3а. Д. 53.
2. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 26.
3. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 31.

4. Афиани В.Ю., Осипова Н.М. Академия наук СССР в первые месяцы войны // Исторические записки. 2010. № 13(130). С. 5–27.
5. Вестник АН СССР. 1941. № 5/6.
6. Вестник АН СССР. 1941. № 7/8.
7. Гракина Э.И. Ученые – фронту, 1941–1945. М.: Наука, 1989. – 255 с.
8. Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: ИРИ РАН, 2000. – 386 с.
9. Известия. 1941. № 152.
10. Козлов Б.И. Наука и война: вклад Академии наук СССР в победу Советского Союза в Великой Отечественной войне // Вестник РАН. 2010. Т. 31. № 2. С. 3–29.
11. Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2(104). С. 22–36.
12. Красная звезда. 1941. № 151.
13. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне (перевод с англ.). М.: ИНИОН РАН, 2021. – 237 с.
14. Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1966. – 188 с.
15. Лиманова С.А. Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.
16. Мельников А.В., Лиманова С.А. Все для Победы: наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Российская академия наук. 300 лет истории: в 2 т. М.: Наука, 2024. Т. 2. С. 27–52.
17. Наука и жизнь. 1941. № 7/8.
18. Наука и жизнь. 1941. № 11/12.
19. Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы. М.: Наука, 1996. – 310 с.
20. Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. Москва: Эксмо; Яуза, 2007. – 316 с.
21. Правда. 1941. № 172.
22. Правда. 1941. № 178.
23. Соболев В.С. Празднование 220-летия Российской Академии наук // Вестник Российской Академии наук. 2020. Т. 90. № 8. С. 794–798.
24. Тихонов В.В. Академия наук СССР и Великая Отечественная война: документальная хроника // Пространство науки. 2024. Т. 1. № 1. С. 26–51.
25. Тихонов В.В. «Колесо истории работает в нашу пользу»: историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны // Былые годы. 2012. № 3(25). С. 58–67.
26. V.P. Korzun, S.A. Limanova, M.S. Nosova. «Popularizatsiia nauchnogo znaniia v SSSR v 1945–1975 gg.: mezhdru sotsial’nym zakazom i akademicheskoi kul’turoi» [Popularization of Scientific Knowledge in the USSR 1945–1975: Between Social Order and Academic Culture], RussianStudiesHu 6, no. 2 (2024): 115–132. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.18.

Статистические отчеты Переселенческого управления при СНК СССР об эвакуированном населении в 1941 г.: характеристика источника

Аннотация. Статья посвящена группе архивных документов, которые содержат ценные сведения по истории эвакуации в период Великой Отечественной войны. Это статистические отчеты о населении, размещенном в местах эвакуации, за сентябрь — ноябрь 1941 г. Документы содержат информацию о распределении 2,9 млн эвакуированных по полу, возрасту, региону выхода и национальности в разрезе принимающих субъектов РСФСР, а также республик Средней Азии. Несмотря на богатое содержание, документы мало использовались в отечественной историографии. Выявлены адресаты документов, основания для их создания и лежащие в их основе источники. Представлены ограничения, возникающие при использовании сведений документов: неполнота сведений в географическом разрезе, отставание учета от темпов прибытия эвакуированных, неточность датировки сведений, ошибки в количественных показателях. Тем не менее документы остаются чрезвычайно ценными источниками по теме эвакуации, которые еще предстоит полноценно использовать в исторических исследованиях.

Ключевые слова: эвакуация; статистика; количество; размещение; возраст; национальность

Statistical reports of the USSR Government Resettlement Administration about the evacuated population in 1941: a source description

Abstract. The article is dedicated to the group of archival documents that contain important information about the evacuated Soviet population during World War II. These are statistical reports on the population accommodated in destination regions for September — November 1941. The documents contain information on the distribution of 2.9 million evacuees by gender, age, region and nationality in the context of the destination Russian regions and Central Asia republics. Despite the valuable content, the documents were little used in Russian historiography. The addressees of the documents, the reasons for their creation and the sources have been identified. The limitations of the documents information are presented: information incompleteness in the geographical context, delays in registering arrivals, inaccuracy of the information dating, errors in quantitative indicators. Nevertheless, the documents remain extremely valuable sources on the evacuation, which have yet to be fully used in historical research.

Keywords: evacuation; statistics; quantity; accommodation; age; nationality

Эвакуация советского населения стала одним из наиболее масштабных явлений Великой Отечественной войны. Согласно принятой в отече-

¹ Кирилл Владимирович Ривчак — кандидат исторических наук, главный специалист, Государственный архив Российской Федерации (Москва, Россия); e-mail: rivchak@mail.ru
Kirill V. Rivchak — Candidate of Sciences in History, Principal specialist, the State Archive of the Russian Federation Moscow, Russia).

ственной историографии оценке, за период войны были эвакуированы до 20 млн человек [2, с. 127], что сопоставимо с количеством мобилизованных в вооруженные силы СССР за тот же период – 34,5 млн [3, с. 40].

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранятся содержательные документы органов, руководивших этим процессом – Совета по эвакуации при СНК СССР (фонд Р-6822) и входившего в его состав Управления по эвакуации населения (УЭН), документы которого отложились в фонде Совета Министров РСФСР (А-259). В данной статье представлена характеристика группы таких документов, которую можно назвать одной из наиболее ценных.

Документы подготовило Переселенческое управление при СНК СССР – орган, до войны ведавший переселением колхозников из малоземельных регионов в многоземельные, на основе аппарата которого было создано УЭН. Документы содержат статистические сведения о населении, размещенном в местах эвакуации, за каждые полмесяца с 1 сентября по 1 декабря 1941 г. На последнюю дату были учтены почти 2,9 млн эвакуированных. На каждый отчетный период создавались три таблицы. В таблице «Количество эвакуированных и распределение их по полу и возрастам» эвакуированные учитывались по трем категориям возрастов. В таблице «Распределение эвакуированных по областям и республикам выхода» учитывались прибывшие из союзных республик, подвергшихся оккупации, а также из Московской, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Смоленской, Тульской и Орловской областей РСФСР. В таблице «Распределение эвакуированных по национальностям» учитывались русские, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, карелы и евреи, а начиная с 15 ноября также немцы и финны. Сведения представлены по каждой области (краю, автономной республике) РСФСР и Казахской ССР отдельно, а по Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР без административного деления [4, Л. 22–1; 5, Л. 6–2; 9, Л. 22–39, 53–69].

К отчетам Переселенческого управления прилагаются сопроводительные письма за подписью начальника управления, его заместителя или начальника Центрального справочного бюро (в составе УЭН). Каждый из отчетов также подписан начальником Учетно-статистического отдела Переселенческого управления или его заместителем. Из сопроводительных писем следует, что отчеты направлялись в Совет по эвакуации при СНК СССР [4, Л. 5, 12, 23; 5, Л. 7], а также в Центральное статистическое управление (ЦСУ) Государственной плановой комиссии

(Госплан) при СНК СССР [9, Л. 21, 26, 34, 52, 64]. Последний орган, в свою очередь, направлял копии документов в Отдел труда Госплана [10, Л. 31].

Данные отчеты содержат богатейшие сведения об эвакуации населения, в первую очередь, на территорию современной Российской Федерации. Парадоксально, что эти документы наиболее активно используют зарубежные исследователи советской истории [11, с. 516, 520; 12, с. 363, 369; 15, р. 114, 160, 165, 185, 220]. При подготовке статьи удалось обнаружить лишь две работы отечественных авторов, в которых данные сведения нашли применение. Одна из них посвящена эвакуации в российский регион [13, с. 54, 193, 302–304], другая – в республики Средней Азии [1, с. 107–108]. Монография, полностью раскрывающая тему эвакуации населения в масштабах Советского Союза, или хотя бы РСФСР, до сих пор не написана. Очевидно, что подготовка такого труда невозможна без опоры на рассматриваемые документы.

В данной статье представлены источники сведений для отчетов, а также те ограничения, которые возникают при использовании этих сведений.

Начнем с определения источников сведений, которые стали основой для отчетов. В июле 1941 г. Переселенческое управление и ЦСУ выпустили адресованную переселенческим отделам при облисполкомах и СНК республик инструкцию о порядке составления статистической отчетности по принятым эвакуированным гражданам. Подлинник документа на данный момент не выявлен, имеется его заверенная копия [14, с. 90–91], а также проект с правками [6, Л. 62–65].

В качестве основной формы отчетности инструкция определяла так называемую сводную форму № 1. Она имела форму таблицы со следующими графами: общая численность эвакуированных, распределение по областям и республикам выхода, распределение по полу и возрасту, распределение по национальностям. Графы должны были заполняться отдельно для каждого города и каждого района. Сводная форма № 1 должна была составляться каждые полмесяца, начиная с 1 августа 1941 г., и отсылаться в Переселенческое управление.

В собрании ГА РФ отчеты по сводной форме № 1 на данный момент не выявлены. Однако в научный оборот введены два составленных по данной форме документа из собрания Центрального государственного архива Республики Казахстан со сведениями об эвакуированных в Казахскую ССР на 1 сентября и, вероятно, на 1 декабря 1941 г. Первый отчет составлен Переселенческим отделом при СНК

Казахской ССР, второй – заменившим его аппаратом уполномоченного УЭН [14, с. 100, 103].

Напрямую сопоставить сведения этих документов со сведениями отчетов Переселенческого управления нельзя по причине трудности датировки последних (о чем будет сказано далее). Но в ряде случаев количественные показатели эвакуированных, размещенных в областях Казахской ССР, на одни и те же даты совпадают в тех и других документах. По-видимому, отчеты Переселенческого управления создавались на основе отчетов по сводной форме № 1, которые поступали из областей и республик.

В свою очередь, в качестве источника для отчета по сводной форме № 1 в вышеприведенной инструкции названы «списки семей и лиц прибывших в область». Очевидно, речь идет о документах учета эвакуированных по так называемой форме № 2, которая имела название «Список семей и лиц прибывающих» [8, Л. 22]. Форма № 2 представляла собой поименный список эвакуированных с указанием их пола, возраста, места жительства до эвакуации, национальности – то есть всех необходимых сведений для составления сводной формы № 1.

Таким образом, в основе сведений отчетов Переселенческого управления лежал поименный учет эвакуированных на местах их размещения. Представляется, что это означает высокую достоверность сведений.

Перейдем к рассмотрению ограничений, которые возникают при использовании сведений отчетов Переселенческого управления. В первую очередь, это неполнота сведений в географическом разрезе. Сведения по некоторым областям, в которых размещались эвакуированные, имеются не в каждом отчете. Более того, полностью отсутствуют сведения по республикам Закавказья и Киргизской ССР. Указание на причину этого для последней республики содержит сообщение республиканского статуправления от 12 ноября 1941 г.: «Учет эвакуированного населения по районам и городам производится неорганизованно и неполно, запись ведется не по установленным формам бланков без необходимых для составления формы № 2 сведений» [9, Л. 20]. При отсутствии списков эвакуированных по форме № 2 не могли быть составлены республиканские отчеты по сводной форме № 1. Следовательно, сведения по республике не вносились в отчеты Переселенческого управления.

Второе ограничение вызвано отставанием в учете эвакуированных по сводной форме № 1. В ГА РФ хранятся сведения о количестве принятого эвакуированного населения по телеграфным сообщениям

органов советской власти областей (краев, республик) РСФСР, а также Казахской ССР за 1941 г. [7, Л. 60, 77, 81, 86]. Их сопоставление со сведениями отчетов Переселенческого управления показало, что в масштабах СССР на каждую отчетную дату по сводной форме № 1 оставались неучтенными не менее 1,5–2 млн прибывших. В историографии количество учтенных по сводной форме № 1 зачастую принимают за количество прибывших, таким образом преуменьшая это количество. Так, был сделан вывод, что в республики Средней Азии в 1941 г. прибыли 680 тыс. эвакуированных [1, с. 110], тогда как по документам на январь 1942 г. прибыли 1,25 млн. [5, Л. 17].

Третье ограничение вызвано неточностью датировки сведений. В заголовке каждой таблицы отчета указана дата, на которую она составлена. Однако внутри таблицы сведения по каждой области (краю, республике) имеют свою дату, которая зачастую отличается от даты в заголовке таблицы как в сторону убывания (до двух месяцев), так и возрастания (до двух недель). Очевидно, что строка «всего по СССР» в каждой таблице отражает сведения не на указанную в заголовке дату, а сумму разновременных сведений. Вероятная причина этого – неравномерное поступление в Переселенческое управление отчетов с мест по сводной форме № 1. При этом сопроводительные письма Переселенческого управления показывают, что отчеты направлялись в Совет по эвакуации и ЦСУ спустя месяц и более после формальной даты, на которую они были составлены.

Наконец, наиболее серьезное ограничение в использовании сведений отчетов следует из возможных ошибок в количественных показателях. При подготовке данной статьи не ставилась задача сверять отчеты, но по меньшей мере одна ошибка была выявлена. В отчетах о распределении эвакуированных по национальностям количество литовцев, размещенных в Мордовской АССР, на 15 ноября указано в четыре раза меньше, чем на 1 ноября [4, Л. 22; 5, Л. 4]. Однако согласно вышеприведенной инструкции, в сводной форме № 1 количество эвакуированных должно быть указано «как нарастающий итог с начала прибытия эвакуированных по конец отчетного полумесяца» [14, с. 91], то есть не могло быть меньше предыдущего.

Перечисленные ограничения следует принимать во внимание при использовании статистических сведений, которые предоставляют отчеты Переселенческого управления. Тем не менее они остаются чрезвычайно ценными документами по теме эвакуации населения в период Великой Отечественной войны. В то же время сведения отчетов еще предстоит полноценно использовать в исторических исследованиях.

Список источников и литературы

1. *Беленко М.П.* Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4(6). С. 104–110.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. М., 2013. – 864 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 12. М., 2015. – 864 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Оп. 40. Д. 3091.
5. ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 40. Д. 3517.
6. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 36.
7. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 66.
8. ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 249.
10. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 998.
11. *Дубсон В.* Эвакуация еврейского населения СССР в 1941–1942 гг.: цифры и факты // В тени катастрофы: беженцы, эвакуация и блокада. Иерусалим, 2021. С. 505–524.
12. *Каганович А.* «Ташкентский фронт»: еврейские беженцы в советском тылу. М., 2023. – 447 с.
13. *Мелехова Ю.А.* Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края). дис. ... к.и.н. Барнаул, 2016. – 325 с.
14. Эвакуация в Казахстан / ред. А. Абрамович и др. Алматы, 2008. – 107 с.
15. *Manley R.* To the Tashkent station: evacuation and survival in the Soviet Union at war. L., 2009. – 282 p.

Сохранение исторической памяти о строительстве Куйбышевского оборонительного рубежа осенью 1941 – зимой 1942 гг.

Аннотация. В статье приводится историография изучения темы строительства Куйбышевского оборонительного рубежа, а также обзор основных групп источников по данной тематике, которые представлены архивными материалами, периодической печатью, а также воспоминаниями и сохранившимися вещественными источниками. Выявленные на данный момент источники в значительной степени уникальны. Многие из них до сих пор не введены в научный оборот или использовались в изучении смежных проблем. В научных трудах авторы часто лишь упоминают факт строительства, не вникая в детали, масштабы строительства, оставляя без должного внимания и анализа огромный массив документов. В статье использованы уникальные материалы нескольких экспедиций на места строительства Куйбышевского оборонительного рубежа: личным воспоминаниям участников событий, археологическим находкам, которые позволяют уточнить ряд вопросов, связанных со строительством рубежа в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: история Великой Отечественной войны; Куйбышевский оборонительный рубеж; военно-полевое строительство; 4-я саперная армия; саперные бригады; строительство тыловых оборонительных укреплений

Preserving the historical memory of the construction of the Kuibyshev defensive line in the autumn of 1941 – winter of 1942

Abstract. The article provides a historiography of the study of the construction of the Kuibyshev defensive line, as well as an overview of the main groups of sources on this topic, which are represented by archival materials, periodicals, as well as memoirs and preserved material sources. The sources identified so far are unique. Many of them have not yet been introduced into scientific circulation, or have been used in the study of related problems. In scientific papers, the authors often only mention the fact of construction, without delving into the details, the scale of the construction works, leaving without attention a huge documentary material. The article uses materials from several expeditions to the construction sites of the Kuibyshev defensive line. They contain unique materials: personal memoirs, archaeological finds that allow us to clarify a number of issues related to the construction of the frontier in 1941–1942.

Keywords: history of the Great Patriotic War; Kuibyshev defensive line; military field construction; 4th sapper Army; sapper brigades; construction of rear defensive fortifications

¹ **Игорь Олегович Богданов** — аспирант кафедры Российской истории СНИУ им. С.П. Королева, учитель, руководитель Музея Боевой Славы Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Школа № 43» г.о. Самара (Самара, Россия); e-mail: MBS21Army@yandex.ru

Igor O. Bogdanov — postgraduate student of the Department of Russian History of the S.P. Korolev National Research University, teacher, head of the Museum of Military Glory of the Municipal Budgetary Educational Institution "School No. 43" in Samara (Samara, Russia).

13 октября 1941 г., в наиболее тяжелый период Битвы за Москву, Государственный комитет обороны СССР издал Постановление № 782сс «Об оборонительном строительстве», что стало началом возведения гигантской запасной линии обороны вдоль Волги, от Череповца до Астрахани. В общей сложности, в конце 1941 – начале 1942 гг., в эти работы были вовлечены до 10 млн человек, преимущественно из числа гражданского населения, сопоставимого с численностью действующей армии [4, с. 117].

Несмотря на впечатляющие масштабы, тема тылового оборонительного строительства, результаты которого, кроме регионов Кавказа и Нижней Волги, остались не востребованными, оказалась на периферии исследовательской деятельности историков. Изучались, в первую очередь, вопросы фронтового и прифронтового оборонительного строительства [6, с. 76]. Как в советский, так и последующий историографический периоды, авторы лишь вскользь упоминали факт организации масштабных работ в верхнем и среднем течении р. Волга, уделяя основное внимание возведению московского, ленинградского, сталинградского и курского оборонительных районов [15, с. 156].

На рубеже 2008–2015 гг. интерес к теме тылового оборонительного строительства значительно вырос. На это повлияло несколько факторов: поэтапное рассекречивание ранее недоступных документов; рост интереса к региональной истории; поиск исследователями тем, ранее не затронутых историческим сообществом. Одним из первых, и, на данный момент, наиболее разработанных, стал вопрос строительства Сурского оборонительного рубежа, который протянулся от Пензенской области до республики Марий Эл.

Далее были разработаны темы строительства оборонительных рубежей в районах Череповца, Ярославля, Горького (ныне – Нижний Новгород), Казани [9, с. 24]. При этом одним из крупнейших и ключевых пунктов предполагаемой обороны должен был стать Куйбышевский рубеж, прикрывавший вторую столицу. Это был единственный проект, включавший двойной обвод оборонительных сооружений, на обоих берегах р. Волга [18, Л. 19]. Несмотря на грандиозные масштабы события, вопросы изучения строительства Куйбышевского рубежа обороны, за редким исключением, оставались вне поля зрения историков. Ряд исследователей в период с 2012 г. по 2022 г. опубликовали несколько статей, раскрывающих некоторые аспекты проблемы. Например, был поднят вопрос о деятельности органов НКВД в обеспечении порядка среди мобилизованного на строительство населения [12, с. 479]. Историк Е.М. Малинкин на основе документов архива социально-

политической истории Самарской области (далее СОГАСПИ) посвятил ряд статей вопросам организационного характера [7, с. 75]. В Ульяновске, до 1942 г. входившем в состав Куйбышевской области, вышли в свет несколько работ о деятельности местных властей в рамках мобилизационных процессов на строительство. Рассматривался вопрос о вкладе трудовой интеллигенции, женщин и подростков в возведение рубежа в рамках более широкой тематики [16, с. 299]. Частично была представлена информация о работе транспорта, осуществлявшего переброску мобилизованного населения через Волгу.

Однако за последние десятилетия так и не вышла работа, обобщающая все эти вопросы базирующаяся на крепкой источниковой базе. При этом, недостатка в источниках нет. Они многообразны, хотя и требуют длительного анализа. В данной статье автор ставит задачу обобщить данные об источниковой базе по теме строительства Куйбышевского оборонительного рубежа для дальнейшего исследования темы.

Наибольшую ценность для исследования представляет архив 4-й саперной армии, созданной в октябре 1941 г. для возведения именно Куйбышевского участка обороны. На данный момент Фонд находится в Центральном архиве Министерства Обороны Российской Федерации в г. Подольск [25, Л. 14]. Среди фондов армии хранятся документы организационного характера, списки личного состава, переписка по вопросам строительства. Кроме того, в структуру фонда входят архивы подчинявшихся армии саперных бригад: 8-й, 9-й, 10-й, 11-й; описи имущества, полученного для строительства [26, Л. 81]. Данные рассекретили лишь в 2015 г., и на данный момент к ним обратился очень ограниченный круг исследователей. К сожалению, можно отметить, что ряд офицеров, ответственных за строительные работы, ввиду их субъективной малой значимости, оставили крайне фрагментарные и малосодержательные данные [29, Л. 47].

В ходе изучения темы строительства Куйбышевского рубежа обороны удалось установить одну интересную деталь. Участниками строительства были не только крестьяне, рабочие и военные. В 10-й саперной бригаде нес службу Борис Валентинович Щербаков, а 12-й саперной бригаде — Петр Иванович Баранов. Оба — именитые художники, в будущем — почетные «грековцы», чьи работы хранятся в Третьяковской галерее, Центральном музее Вооруженных Сил и других музеях. Их стиль и жизненный путь были определены войной. Работы, которые они выполнили в период строительных работ, являются уникальным художественным свидетельством событий. Так, рисунки П.И. Баранова оживили журнал боевых действий 12-й саперной брига-

ды, который находится на хранении в ЦАМО, и неизвестны широкому кругу общественности [24, Л. 8].

Огромный пласт документов можно найти в архивах Самарской области. Поскольку большую часть работ курировал местный областной комитет компартии, значительная часть источников расположена в СОГАСПИ в г. Самара. Фонд № 656, опись 19, дело 42 полностью посвящено переписке центральных партийных органов по строительству [18, Л. 1]. Однако документы по рубежу веерно разбросаны по другим описям и фондам [19, Л. 144]. Примечательно, что даже в очень специализированной коллекции документов по судьбе немцев Поволжья можно найти полезную информацию, так как несколько тысяч человек из числа этой группы были мобилизованы на строительство [20, Л. 25]. Заслуживают внимания районные комитеты и организации, так как именно на их уровне осуществлялась фактическая мобилизация населения, а также решение бытовых вопросов, снабжения продовольствием и т.п. [17, Л. 22].

В Центральном государственном архиве Самарской области хранится ряд фондов предприятий, выполнявших заказы на строительство [29, Л. 16]. Это очень важная часть документооборота, позволяющая сделать выводы об эффективности как управленческих, так и производственных решений. Одной из центральных проблем в период возведения оборонительных сооружений был высокий уровень дезертирства и подстрекательства к нему. В изучении этого вопроса огромную ценность представляют документы милиции, народных судов и прокуратур. Частично документы представлены и в Сызранском филиале СОГАСПИ, хотя в гораздо меньшем количестве [21, Л. 56].

Современная Самарская область огромна, сопоставима с такой страной, как Хорватия. В 1941 г. Куйбышевская область была примерно в три раза больше, включая нынешнюю Ульяновскую, части Саратовской и Оренбургской областей. Следовательно, часть документов находится на хранении в соседних регионах. Действительно, в Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области можно найти несколько фондов, хранящих свидетельства действий местных органов власти по организации работ. Ограниченно данные по строительству рубежа можно найти и в Государственном архиве Пензенской области [1, Л. 15]. Однако из запланированных мобилизационным планом 39 тыс. пензенцев на строительные работы так никто и не прибыл. Документы ГАПО объясняют причины такого положения дел, связанные с отсутствием людских резервов, мобилизованных ранее на возведение Сурского рубежа обороны [2, Л. 8].

Подготовка и публикация тематических сборников документов по данной тематике значительно упростила бы работу исследователей в будущем, создав удобную базу для продолжения научных изысканий.

Примечательно, что в периодической печати соответствующего хронологического этапа отсутствуют прямые отсылки к оборонительным работам вокруг г. Куйбышев. В период 1941–1942 гг. в области выходило 26 местных изданий периодики и несколько всесоюзных изданий, редакции которых были эвакуированы во вторую столицу в октябре 1941 г. Тем не менее на страницах газет можно встретить лишь косвенные свидетельства масштабных задач, решавшихся властями (например, почти тотальное невыполнение плана по уборке урожая в области было напрямую связано с изъятием на строительные работы более 150 тыс. чел. из народного хозяйства).

Приказ Народного комиссариата обороны № 050 от 19 декабря 1941 г. учреждал газету «За Отчизну» — орган политического управления 4-й саперной армии, которая должна была выходить два раза в неделю, тиражом в 10 тыс. экземпляров [5, с. 212]. Вероятно, анализ публиковавшихся в ней материалов мог бы пролить свет на целый ряд вопросов, остающихся на сегодняшний день без ответа. Благодаря фондам Центрального архива Министерства Обороны в г. Подольске удалось установить, что в феврале 1942 г., действительно, было осуществлено 8 выпусков газеты, редакция которой располагалась в г. Куйбышеве, на ул. Венцека, 55 [27, Л. 45]. Однако обнаружить сохранившиеся выпуски на сегодняшний день не удалось.

Ряд материалов о строительных работах публиковался значительно позже. Например, известный самарский историк Г.А. Широков ссылается в своей работе на периодическое издание, газету «Волжская коммуна», вышедшее в свет только в 1964 г. [23, с. 33]. Фактические данные, приводимые в периодических изданиях, могут быть неточны, так как опираются чаще на воспоминания участников событий, а не архивные данные.

Большой интерес в изучении темы представляют материалы личного происхождения — воспоминания и свидетельства участников событий. В строительстве Куйбышевского рубежа обороны на разных этапах приняли участие около 200 тыс. чел., т.е. каждый шестой житель области. В многочисленных изданиях сборников воспоминаний участников событий можно встретить десятки уникальных и неповторимых свидетельств эпохи. Часть воспоминаний опубликованы на страницах региональных Книг Памяти.

Значительное количество материалов и документов пока еще не опубликованы. На собственном опыте нам удалось убедиться, что

в населенных пунктах, пролегающих вдоль возводившихся оборонительных полос, можно еще встретить живых свидетелей событий, обладающих информацией, которая способна значительно расширить круг изучаемых вопросов. Так, например, после опроса жительницы села Лесное Матюнино Кузоватовского района Ульяновской области, В.А. Мещеряковой, 1936 г.р., которая подтвердила факт высокой смертности среди строителей в декабре 1941 – январе 1942 гг., впервые в изучении темы встал вопрос о причинах и масштабах этого явления [13, Л. 15]. Разработка этой проблемы продолжается в данный момент.

Свидетельства местных жителей, родившихся в более позднее время, заставших ушедших старожилов, хорошо знакомых с историей строительства, помогают обнаружить сохранившиеся остатки позиций, уточнить географию строительства, а в ряде случаев – выявить поразительные факты, не задокументированные ранее. Например, благодаря содействию жителя села Головино Кузоватовского района Ульяновской области Н.К. Иванова, 1948 г.р., удалось идентифицировать происхождение десятков ям, обнаруженных в ходе экспедиции в ноябре 2024 г. в селе Жедрино, в непосредственной близости от Казанского храма. Село находится на грани вымирания, на данный момент в нем проживает всего около 10 человек. Однако благодаря Н.К. Иванову удалось выяснить, что в 1941 г., когда в этот район прибыли мобилизованные строительные батальоны, из-за нехватки мест церковь и прилегающая территория были выделены для их размещения. Люди, которым не хватило места, копали землянки [13, Л. 18]. Со временем эти недолговечные конструкции обвалились, надолго изменив ландшафт местности.

Поскольку начиная с 1944 г. оборонительные позиции Куйбышевского рубежа утратили свое значение и были сняты с охраны, началось его постепенное разрушение. В районах активного ведения сельского хозяйства остатки позиций уничтожались целенаправленно, ввиду производственной необходимости. Так произошло и в районе села Чирикеево Тагайского района Ульяновской области. Однако благодаря помощи местного историка, Ф.А. Виноходова, места строительства позиций удалось восстановить, несмотря на полное отсутствие физических признаков их наличия [14, Л. 12–13].

Историкам и краоведам Ульяновска и Самары в ближайшем будущем необходимо приложить все усилия, чтобы сохранить и ввести в оборот столь значимый, недооцененный пласт информации, способный значительно расширить представление сообщества о вопросах строительства Куйбышевского рубежа обороны.

Наконец, стоит уделить внимание вещественной группе источников. Первая их коллекция, сформировавшаяся во многом спонтанно, в ходе экспедиционных выездов на места бывшего строительства, представлена сегодня в экспозиции Музея Боевой Славы МБОУ Школы № 43 г.о. Самара и является единственной подобной тематической выставкой в области.

Строго говоря, сами остатки позиций – противотанковые рвы, окопы и долговременные огневые точки, уже являются источником в изучении темы. Их нахождение уточняет географию строительства, подробная схема которого до сих пор не выявлена в архивах. В этой статье впервые публикуется схема возведения Куйбышевского рубежа обороны, построенная на основе изучения как архивных материалов, так и экспедиционной работы.

При этом земля таит в себе еще больше секретов. Остатки инструментов, одежды, элементы крепления инженерных сооружений и опалубки – этот список найденных артефактов можно продолжать. Стоит обратить внимание на наиболее ценную во всех смыслах находку, которая дала значительный импульс исследовательской работе.

В двух километрах южнее села Лесное Матюнино Кузоватовского района Ульяновской области, в отвале противотанкового рва, на глубине около 20 см, был обнаружен вещмешок. Находка была сделана 4 ноября 2024 г. экспедиционной группой в составе руководителя Музея Боевой Славы МБОУ Школа № 43 г.о. Самара и актива обучающихся – Н.С. Пырковым, П.Д. Маликаевой, А.Н. Языкиной. Внутри был солдатский сувенир, изготовленный из обрезка гильзы снаряда 3-х дюймового орудия. На поверхностях артефакта присутствуют надписи: «О.Е. Силаев, в память о Русско-Японской войне 1904–1905 гг. Станция Годзядань» и рисунки скрещенных сабель, кубка и рыбы [13, Л. 16]. Предмет, судя по особенностям конструкции, служил бывшему владельцу в качестве пресс-папье. Благодаря вспомогательному исследованию удалось установить, что Осип Емельянович Силаев, житель ныне исчезнувшего села Дубенки, в возрасте 59 лет был мобилизован в строительный батальон, прибыл на стройку в ноябре 1941 г., а через месяц скончался, оставив на 80 лет память о себе в земле Заволжья.

Учитывая это обстоятельство, вероятно, уместно было бы ввести в оборот понятие «археология Куйбышевского оборонительного рубежа» – 200 тыс. строителей, мобилизованных со всей области, видимо, оставили после себя целый культурный пласт, нуждающийся в подробном изучении.

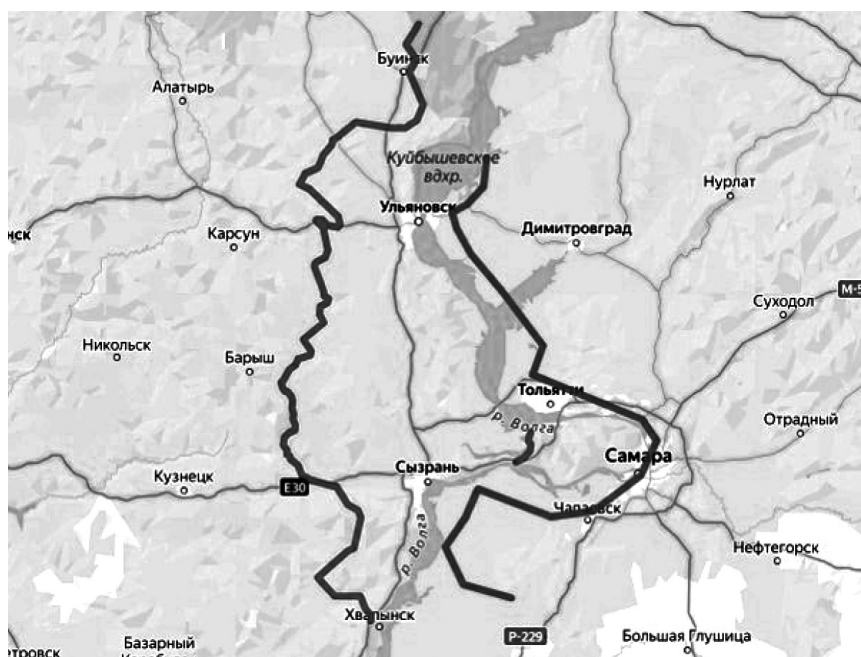

Рис. 1. Схема строительства Куйбышевского оборонительного рубежа, восстановленная на основе архивных и экспедиционных материалов

Рис. 2. Артефакты, найденные в ходе экспедиционной работы на местах строительства рубежа в 2024–2025 гг.

Таким образом, можно утверждать, что малая изученность вопроса строительства Куйбышевского оборонительного рубежа на данный момент представляет собой субъективный феномен. Частично это может быть связано с непопулярностью темы, ввиду того, что выполненные в 1941–1942 гг. оборонительные работы так и не были востребованы в условиях Великой Отечественной войны. Отчасти, сказалась секретность документов, снятая в областных архивах лишь в начале 90-х гг. XX в. Данные объяснения приемлемы, однако они не могут умалить факта настоящего, беззаветного трудового подвига наших предков, подготовивших город к обороне в самый тяжелый период войны, не считаясь с тяготами и лишениями, легшими на их плечи.

Многообразие и обилие источниковой базы позволяет развернуть сегодня масштабную исследовательскую работу по нескольким направлениям. Результаты научной деятельности не только будут коррелировать с базовыми ценностями нашего общества, но также обогатят Отечественную науку и историю Великой Отечественной войны.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО в г. Пенза). Ф. 203. Оп. 11. Д. 52.
2. Государственный архив в Саратовской области (ГАСО в г. Саратов). Ф. 1656. Оп. 1. Д. 2.
3. Инженерные войска в боях за Советскую Родину / А.Д. Цирлин [и др.]. Москва: «Воениздат», 1970. — 424 с.
4. Колесник А.Н. Советские военные строители. М.: «Воениздат», 1988. — 302 с.
5. Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Док. и материалы / Рос. гос. воен. архив; отв. сост. Н.С. Тархова. М.; СПб.: Летний сад, 2005. — 272 с.
6. Комаровский А.Н. Записки строителя. Москва: «Воениздат», 1973. — 264 с.
7. Малинкин Е.М. Куйбышевский оборонительный рубеж. История строительства // «Гасырлар Авазы — Эхо Веков». 2010. № 3/4. С. 70–78.
8. Малиновский Г.В. Бригады инженерных войск Красной Армии 1941–1945 гг. Москва: Изд-во «Патриот», 2005. — 296 с.
9. Малиновский Г.В. Саперные армии // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 22–29.
10. Маяров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб.: «УВИТУ», 2000. — 348 с.
11. О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР 1938–1944. М.: Ведомости Верховного совета СССР, 1945. — 362 с.

12. Пашкин А.Г., Мухамедов Р.А. Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (декабрь 1941 – январь 1942 годов) // Научный диалог. Екатеринбург, 2022. С. 477–493.

13. Полевые материалы. Экспедиция в Кузоватовский район Ульяновской области, ноябрь 2024 г. (информаторы Иванов Н.К., 1948 г.р.; Козырев Н.К., 1946 г.р.; Мещерякова В.А., 1936 г.р.) // Архив Музея Боевой Славы МБОУ Школа № 43 г.о. Самара. ОФ-1. Ед. хр. 690. – 28 с.

14. Полевые материалы. Экспедиция в Тагайский район Ульяновской области, май 2025 г. (информатор Виноходов Ф.А.) // Архив Музея Боевой Славы МБОУ Школа № 43 г.о. Самара. ОФ-1. Ед. хр. 691. – 20 с.

15. Рубежи мужества / М.М. Мальцев [и др.]. Москва: «ДОСААФ», 1978. – 158 с.

16. Салахеев Р.Р. Документы портала «Память народа» в сохранении исторической памяти об участниках строительства Казанского оборонительного рубежа в 1941–1942 гг. // Строительство Сурского и Казанского оборонительного рубежа – трудовой подвиг народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 298–303.

17. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ в г. Самаре). Ф. 656. Оп. 5. Д. 18.

18. СОГАСПИ в г. Самаре. Ф. 656. Оп. 19. Д. 42.

19. СОГАСПИ в г. Самаре. Ф. Р-1338. Оп. 2. Д. 380.

20. СОГАСПИ в г. Самаре. Ф. Р-2558. Оп. 6. Д. 57.

21. СОГАСПИ в г. Сызрань. Ф. 1354. Оп. 3. Д. 70.

22. Шестопалов Н.Ф. Советские военные строители // Военно-исторический журнал. 1988. № 1. С. 11–18.

23. Широков Г.А. Военные годы Куйбышевского региона. Самара: «Научно-технический центр», 2022. – 336 с.

24. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 30312. Оп. 000001. Д. 0001.

25. ЦАМО. Ф. 30293. Оп. 4796. Д. 4.

26. ЦАМО. Ф. 30293. Оп. 4796. Д. 5.

27. ЦАМО. Ф. 30293. Оп. 4796. Д. 24.

28. ЦАМО. Ф. 33468. Оп. 0015395с. Д. 0008.

29. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО в г. Самаре). Ф. Р-2558. Оп. 6. Д. 34.

В.А. Иванов¹

Подпольное Сопротивление Крыма 1941–1944 гг. в свете источников и историографии

Аннотация. В статье рассматриваются источники и историография о деятельности подпольного Сопротивления Крыма 1941–1944 гг. Автор выделяет в первую очередь нарративные источники (воспоминания, дневники) и делопроизводственные документы (анкеты, справки, отчеты, формуляры), выявленные им в Государственном архиве Республики Крым, Архиве города Севастополя, муниципальных архивах Крыма, федеральных архивах (г. Москва), зарубежных архивах (Украина, ФРГ, США). В настоящее время изучение подпольного движения является перспективной научной проблемой на основе обширного, ранее не использованного комплекса источников. Историографию проблемы исследователь выделяет в три ключевых периода: советский (1944–1991 гг.), постсоветский украинский (1991–2014 гг.) и современный региональный (с 2014 г. по настоящее время). В зарубежной историографии материалов о подпольном Сопротивлении Крыма не выявлено.

Ключевые слова: подпольное Сопротивление; Крым в 1941–1944 гг.; источниковедение; историография

Underground Resistance of Crimea 1941–1944 in the Light of Sources and Historiography

Abstract. The article examines the sources and historiography of the activities of the underground Resistance in Crimea in 1941–1944. The author primarily highlights narrative sources (memories, diaries) and documents of management (questionnaires, certificates, reports, forms) found in the State Archive of the Republic of Crimea, the Archive of the City of Sevastopol, municipal archives of Crimea, federal archives (Moscow), and foreign archives (Ukraine, Germany, USA). Currently, the study of the underground movement is a promising scientific problem based on an extensive, previously unused set of sources. The researcher distinguishes the historiography of this problem into three key periods: Soviet (1944–1991), post-Soviet Ukrainian (1991–2014), and modern regional (from 2014 to the present). No materials on the underground Resistance in Crimea have been found in foreign historiography.

Keywords: Underground Resistance; Crimea in 1941–1944; source studies; historiography

Движение Сопротивления на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны является одной из интересных, но в то же время недостаточно изученных научных проблем. Объяснить это можно несколькими причинами:

¹ Вячеслав Александрович Иванов – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (Симферополь, Россия); e-mail: slavik1855@gmail.com

Vyacheslav A. Ivanov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol, Russia).

1) доступ ко многим документам партийных структур и ведомственных организаций ограничен по причине секретности;

2) отсутствие ряда документов по истории подпольного движения;

3) незаинтересованность Украины в государственной поддержке крымских ученых, занимающихся историей Великой Отечественной войны, в то время, когда Крым был его частью (1991–2014 гг.). Вместо этого внимание крымских историков украинские власти направляли на изучение темы политических репрессий в Крыму в советский период;

4) дефицит квалифицированных специалистов в Крыму и в России, занимающихся подпольным Сопротивлением. С 1991 г. по этой теме опубликованы различные работы по истории Великой Отечественной войны, не представляющие собой научной ценности, но тем не менее пытающиеся вытеснить фундаментальные исследования.

Цель настоящей статьи заключается в анализе источниковедческого и историографического потенциала Республики Крым в плане изучения научной проблемы движения Сопротивления.

Изучение подпольного Сопротивления на территории Крыма началось еще в годы Великой Отечественной войны. 18 ноября 1942 г., накануне наступления Красной Армии под Сталинградом, была создана специальная комиссия во главе с редактором газеты «Красный Крым» Е.П. Степановым для сбора материалов о партизанском движении в Крыму и партийном подполье [4, Л. 1]. В состав комиссии также вошли члены областного подпольного центра И.Г. Генов и Н.Д. Луговой.

11 августа 1943 г. бюро обкома ВКП(б) заслушало доклад Е.П. Степанова о ходе сбора материалов. Был утвержден новый состав специальной комиссии в составе 9 человек во главе с секретарем обкома П.А. Чурсиным и утвержден план работы [4, Л. 2].

После освобождения Крыма от нацистских оккупантов были введены штатные должности заместителя председателя комиссии, ответственного секретаря и технического персонала. Заместителем председателя комиссии был назначен бывший руководитель Симферопольского подполья И.А. Козлов. Фактически И.А. Козлов и возглавил теперь работу комиссии вплоть до последнего дня ее существования [4, Л. 2]. Введение в состав комиссии И.А. Козлова имело как положительные, так и отрицательные моменты. К первым следует отнести тот факт, что И.А. Козлов непосредственно участвовал в работе подполья, координируя деятельность различных организаций и групп в оккупированном Симферополе в 1943–1944 гг. То есть в работе комиссии участвовал человек, не понаслышке знающий, что такое под-

полная работа и каким образом она непосредственно проводилась. Что касается другого аспекта, то он заключается в том, что мнение И.А. Козлова стало решающим при оценке борьбы советских патриотов: различные организации, группы, участники не получали признания их заслуг в антифашистской борьбе, а многих и вовсе клеймили как изменников Родины и трусов.

За период своей деятельности Комиссия собрала большое количество материалов по самым разным вопросам истории Великой Отечественной войны в Крыму. Собранные комиссией материалы представляли собой стенограммы бесед с участниками, дневники, отчеты, документы, специально написанные по предложению членов комиссии воспоминания, фотографии и другие материалы. Все материалы были объединены в фонд П-156 и переданы на постоянное хранение в партийный архив Крымской области РСФСР (с 1954 г. Крымской области Украинской ССР. — *В.И.*) [4, Л. 2].

В 1947 г. комиссия прекратила свою работу. Из-за различных причин Комиссия далеко не до конца выполнила свою главную роль.

К тому времени основные документы о деятельности подпольного движения на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны были сосредоточены в фонде П-156 (Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны), фонде П-1 (фонд Крымского обкома Компартии Украины), фонде П-151 (Крымский штаб партизанского движения) [4, Л. 6].

Исследователи, занимающиеся проблематикой подпольного Сопротивления Крыма, неполно использовали архивные источники, так как в них содержались самые противоречивые сведения об антифашистской борьбе. Так, во многих источниках часто назывались места деятельности подпольных организаций и групп, указывалось число участников, но не было имен. Или вместо имен члены организаций и групп именовались по подпольным кличкам [4, Л. 6]. Ситуация значительно изменилась в лучшую сторону, когда работа по изучению подпольного движения Крыма была возложена на ставшего в 1960 г. заведующим партийным архивом Крымского обкома Компартии Украины И.П. Кондранова. Участник Великой Отечественной войны и инвалид, историк, по распределению попавший в Крым, он заинтересовался вопросами истории Великой Отечественной войны и активно включился в процесс ее изучения. И.П. Кондранов вместе с сотрудниками партархива фактически продолжил работу Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Одной из приоритетных задач, которую ставили перед собой И.П. Кондранов и его соратники,

стал сбор воспоминаний участников подпольной борьбы в 1960-е – 1980-е гг. Эта работа проводилась сотрудниками партархива совместно с общественными организациями и музеями Крымского полуострова, с которыми поддерживалась самая тесная связь.

В 1961 г. совместно с Военно-научным обществом при Симферопольском гарнизонном доме офицеров партархивом была проведена военно-историческая конференция, посвященная 20-летию начала Великой Отечественной войны. В этой конференции приняли участие первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) В.С. Булатов, бывший руководитель областного подпольного партийного центра П.Р. Ямпольский и другие активные участники подпольной борьбы. Согласно воспоминаниям, И.П. Кондранова, «выступления всех участников были застенографированы, и стенограмма находится на постоянном хранении в нашем архиве» [4, Л. 3].

В 1963–1964 гг. сотрудники партархива приняли участие в расширенных заседаниях Совета Государственного музея обороны г. Севастополя. Благодаря этому участию фонды партархива были пополнены двумя стенограммами докладов и воспоминаний на темы: «Севастопольская партийная организация в обороне города-героя», «Подпольное и партизанское движение в г. Севастополе в период Отечественной войны». В этих стенограммах содержалось более 20 воспоминаний участников подпольного движения [4, Л. 4].

В работе по сбору воспоминаний о подпольной борьбе в тылу немецко-румынских оккупантов большую помощь партархиву оказывала Историческая комиссия при Севастопольском горкоме партии и бывший секретарь горкома партии в период героической обороны Севастополя, а в 1960-е гг. – А.А. Сарина (секретарь горкома ВКП(б) Севастополя по промышленности, участница героической обороны Севастополя 1941–1942 гг., впоследствии почетный гражданин Севастополя. – *В.И.*). Партархив и комиссия установили тесные деловые связи, благодаря чему удалось собрать значительное количество воспоминаний участников героической борьбы за Севастополь, в том числе севастопольских подпольщиков [4, Л. 4].

Для сбора воспоминаний участников подпольного движения И.П. Кондранов и его коллеги начинают активно внедрять техническую новацию того времени – магнитофон. Так, в 1964 г. на магнитофонную ленту были записаны воспоминания участников борьбы за Крым, с которыми они выступали на военно-исторической конференции, посвященной 20-летию освобождения Крыма от нацистских оккупантов. И.П. Кондранов советовал и в дальнейшем использовать этот прием для

сбора источников информации: «Как нам кажется, магнитофон следует шире использовать при проведении подобных конференций» [4, Л. 4].

Сбор информации о подпольном движении с помощью магнитофона преследовал две задачи. Во-первых, таким образом новыми исходными данными дополнялись имеющиеся архивные материалы. Во-вторых, полученный материал можно было использовать в пропагандистских и воспитательных целях. И.П. Кондранов отмечает и трудности, с которыми столкнулись сотрудники партархива при сборе информации. В 1960-е – 1980-е гг. отсутствовали условия и опыт хранения магнитофонных лент с записями. В связи с этим он обращался напрямую к журналу «Советские архивы» с просьбой оказать поддержку в решении этой проблемы [4, Л. 5].

Кроме протоколирования конференций сотрудники партархива записывали воспоминания участников подпольной борьбы непосредственно в архиве и во время выступлений по местному радио и телевидению. Так, во время телевизионной передачи были записаны воспоминания бывшего художника газеты «За Советский Крым» (орган Крымского подпольного партийного центра. – *В.И.*) Э. Грабовецкого и командира партизанского отряда А.Д. Махнева. Их рассказ содержал в себе подробную информацию о роли подпольной партийной печати в борьбе с гитлеровскими захватчиками [4, Л. 5].

Также по предложению И.П. Кондранова сотрудниками партархива были взяты на карточный учет все организации и подпольные группы, действовавшие на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны. В карточку вносились следующие сведения: название организации (группы) и место ее деятельности, время деятельности, количество участников (в том числе членов ВКП(б) и ВЛКСМ. – *В.И.*), фамилия руководителя, исковые данные. Карточки в партархиве были расположены в алфавитном порядке по географическому признаку. В дальнейшем планировалось завести на них исковые данные всех документов и материалов, в которых были бы обнаружены сведения о данной организации или группе. Кроме того, началось составление именных карточек на всех участников подпольного движения с внесением в них биографических и других сведений, а также времени их деятельности [4, Л. 6].

Сотрудниками партархива были выявлены и взяты на карточный учет подлинные протоколы заседаний областного подпольного партийного центра, дневники его руководителей, информации и донесения на Большую землю, подпольные газеты, листовки и прокламации, издаваемые в Крыму в период нацистской оккупации.

Вышеупомянутые агитационные материалы издавались подпольными типографиями, политуправлениями соединений РККА, газетой «Красный Крым» в Краснодаре и Сочи, пропагандистской группой Главного Политического управления РККА, руководимой С.И. Самойловым, которая находилась при областном подпольном партийном центре и штабе Северного соединения партизан Крыма [4, Л. 7–8].

И.П. Кондранов возглавлял партийный архив Крымской области Украинской ССР вплоть до 1990 г. За 30 лет работы заведующим в фондах партархива его сотрудниками был собран весьма обширный материал, который был сосредоточен в фонде П-849.

В целом, если говорить об источниковедческом потенциале Государственного архива Республики Крым, то материал по истории Великой Отечественной войны, включающий документы по боевым действиям на Крымском полуострове в 1941–1944 гг., нацистской оккупации, военному и гражданскому коллаборационизму, а также партизанско-подпольному Сопротивлению систематизирован в фондах советских партийных, государственных и общественных организаций (Ф. П-1, Ф. Р-652 и Ф. Р-1289), помимо вышеупомянутых фондов Ф. П-151, Ф. П-156 и Ф. П-849 [10, с. 87].

Значительное количество документов обнаружено автором настоящей статьи в муниципальных архивах Республики Крым (Алушта, Евпатория, Саки) и историко-краеведческих музеях (Алушта, Евпатория, Саки, Симферополь, Севастополь, Ялта и др.). Они представляют собой характеристики, воспоминания, решения областных комиссий по делам бывших партизан о принадлежности к партизанам и подпольщикам, письма и справки, подтверждающие участие жителей Крыма в подпольно-патриотическом движении в годы Великой Отечественной войны. В фондах Мемориального музея Холокоста (United States Holocaust Memorial Museum; США) и Федеральном архиве Германии (Bundesarchiv; ФРГ) выявлены документы, свидетельствующие о преступлениях нацистов и их пособников против участников подпольного Сопротивления, а также о деятельности нацистских оккупационных структур. Источники, освещающие вклад спецслужб в антифашистскую борьбу на севере Крымского полуострова в 1943–1944 гг., выявлены автором в фондах Центрального государственного архива гражданских объединений и украиники (ЦДАГОУ; Украина).

Ряд уникальных документов, рассекреченных УФСБ Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю после 2014 г., были изданы в двух сборниках: «Крымская весна 44-го» (Симферополь, 2019) и «Битва за Крым в документах органов госбезопасности» (Сим-

ферополь, 2020) [3, с. 74]. Тем не менее не обошлось без лагун: в ряде документов и материалов, касающихся деятельности подполья, имеются ошибки и неточности, многие участники подпольного Сопротивления записаны в число пособников немецко-румынских оккупантов, хотя эти оплошности были исправлены ведомственными организациями Российской Федерации еще в 1990-е гг.

Что же касается историографического освещения работы крымского подполья, то начало этому процессу было положено также на завершающем этапе Великой Отечественной войны, когда в первую очередь в периодической печати Крымского полуострова публикуются воспоминания участников сопротивления – А. Косухина, В. Бабия, Я. Морозова, В. Долетова, И. Козлова.

Автор условно выделяет советский этап историографии, историографию периода пребывания Крымского полуострова в составе независимой Украины (1991–2014 гг.) и постсоветский этап отечественной историографии (с 2014 г.). Объясняется это тем, что в советское время прежде всего внимание акцентировалось на героизме, высокой морали и нравственности партизан и подпольщиков, боровшихся против нацизма; в украинский период, опираясь на концепцию «украиноцентризма», историки уделяли внимание трагедиям и жертвам Второй мировой войны (а не Великой Отечественной войны, как было ранее. – *В.И.*), стремились уравнивать нацистский и советский политические режимы, реабилитировать украинских коллаборационистов-националистов; в современной России речь идет о прочной, непоколебимой идейной и политической сплоченности советского общества, патриотизме граждан, противодействии попыткам фальсификации и искажения истории Великой Отечественной войны.

После 1944 г. возникло несколько региональных центров изучения проблемы подпольного Сопротивления в Крыму:

- Симферополь (на базе партийного архива Крымского обкома РСФСР, а с 1954 г. УССР, Симферопольского государственного университета имени М.В. Фрунзе и Крымского краеведческого музея (сегодня это Центральный музей Тавриды Республики Крым));
- Севастополь (на базе Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя и Архива города Севастополя);
- Киев (на базе Института истории АН УССР (с 21 ноября 1990 г. – Институт истории Украины АН УССР) и Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Центральный

государственный архив общественных объединений и украиники (ЦДАГОУ));

- Москва (на базе Института истории СССР (ныне Институт российской истории РАН) и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)). Здесь ведущей можно назвать работу Н. Макарова «Непокоренная земля российская», где сообщалось о секретаре Крымского подпольного обкома ВКП(б) И.А. Козлове, о других подпольных организациях Крыма.

Одной из первых, кто детально рассмотрел подпольное Сопротивление на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны, была Е.Н. Шамко. Это было сделано ею в статьях для «Украинского исторического журнала» (1960) [15] и коллективного сборника «Герои подполья» (переиздавался в 1968, 1970, 1972 гг.) [16; 17; 18].

Впервые после окончания Великой Отечественной войны детальный анализ деятельности подпольного Сопротивления приводит И.С. Чирва. Он первым называет общее количество подпольных групп – около 200, которые объединяли более 2150 человек.

Крымским обкомом Компартии Украины в 1981 г. выпускаются «Очерки истории Крымской областной партийной организации», где рассматривались вопросы антифашистского Сопротивления в Крыму в 1941–1944 гг. [6] Авторы сборника условно делили подпольное движение на партийное, беспартийное и комсомольское. Уточнялось общее количество подпольщиков (по сравнению с исследованиями И.С. Чирвы и Е.Н. Шамко), которое включало 2500 человек и 220 подпольных организаций [6, с. 208].

В постсоветский период во время пребывания Крыма в составе независимой Украины вышла в свет книга «Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945)» [5; 11] исследователей В. Н. и Е.В. Пашеня. Ученые рассматривали подпольное движение нацистским оккупантам, однако, по мнению автора настоящей статьи, не справились с поставленной задачей. Фактические ошибки, узкая источниковедческая и историографическая база работы и ее главный недостаток – рассмотрение по большей части партизанского, а не подпольного движения – не сделали исследование востребованным. Отдельный интерес вызывают научные изыскания С.Г. Емец и Ю. Таганова [4; 11], которые изучали подпольное движение в Восточном Крыму в 1941–1944 гг.

В 2017 г. исследователи В.М. Брошеван и Е.В. Гаршина [2] впервые после 72 лет забвения рассказали о вкладе в борьбу с немецко-

румынскими оккупантами молодых симферопольских подпольщиков под руководством Валентина Ивановича Гаршина в составе Симферопольской подпольной комсомольской организации.

В 2020–2021 гг. крымский военный историк, доцент Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого С.Н. Ткаченко в «Ученых записках Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского» публикует две статьи [12; 13], в которых пытается обобщить вопросы становления и развертывания крымского подполья. Однако представляется, что, несмотря на поставленные задачи, С.Н. Ткаченко справился с ними лишь фрагментарно, осветив не все аспекты подпольного движения Крыма.

Последними работами по состоянию на 2024 г. стали книга В. Бобкова и Н. Довгеля [1], а также глава в книге «Форпост на юге... очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.) за авторством В.П. Петрова и А.А. Форманчука [9]. Если работа В. Бобкова и Н. Довгеля подробно раскрывает деятельность подпольной группы театральных работников Крымского государственного драматического театра им. М. Горького (в годы нацистской оккупации 1941–1944 гг. Симферопольский русский театр драмы и комедии, ныне – Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького. – *В.И.*), то книга В.П. Петрова и А.А. Форманчука в вопросе о деятельности движения Сопротивления на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 гг. ничего нового не внесла, кроме того, что повторяла идеологические штампы.

Таким образом, говоря о подпольном Сопротивлении Крыма 1941–1944 гг. в свете источниковедения и историографии, можно выделить несколько ключевых аспектов этого вопроса:

– источники по теме настоящего исследования сосредоточены в фондах архивов и историко-краеведческих музеев Республики Крым, федеральных архивах (г. Москва) и зарубежных архивах (США, ФРГ, Украина). Они представлены справками, отчетами, воспоминаниями, решениями областных комиссий по делам бывших партизан о принадлежности к партизанам и подпольщикам и другими документами и материалами. При этом следует отметить, что ряд документов и материалов в архивных учреждениях Российской Федерации недоступен по причине того, что сведения о некоторых участниках партизанско-подпольного Сопротивления являются конфиденциальными персональными данными, а их распространение должно быть разрешено субъектом персональных данных (Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ);

– историографическое освещение проблемы началось с 1944 г. и продолжается по настоящее время. Выделено три ключевых периода исследования темы: советский (1944–1991 гг.), постсоветский украинский (1991–2014 гг.) и современный региональный (с 2014 по настоящее время). В Республике Крым опубликованы с середины 2000-х гг. ряд документов и материалов по теме партизанской и подпольной борьбы, издаются научные монографии и коллективные издания, публикуются статьи в научных периодических рецензируемых изданиях. По состоянию на 2025 г. в Республике Крым сформировались как минимум семь научных центров, занимающихся проблемами антифашистского Сопротивления:

- 1) в г. Симферополе (О.В. Романько, С.Н. Ткаченко, В.В. Бобков, И.Н. Верешков, В.Е. Поляков, В.А. Иванов, В.Р. Щербакова и др.);
- 2) в г. Севастополе (Е.Б. Мельничук, Р.Н. Белоглазов и др.);
- 3) в г. Феодосии (А.В. Туров, М.А. Гольденберг и др.);
- 4) в г. Судак (С.Г. Емец);
- 5) в г. Керчи (Г.В. Короткова, Л.А. Венедиктов, О.Н. Шеремет и др.);
- 6) пгт. Нижнегорский Нижнегорского района Республики Крым (В.А. Савельев);
- 7) с. Заветное Советского района Республики Крым (С.А. Коваленко).

Список источников и литературы

1. Бобков В., Довгелъ Н. «Исполнив роли главные свои»: история театральной подпольно-патриотической группы «Сокол». Симферополь: АРИАЛ, 2024. – 351 с.
2. Брошеван В.М., Гаршина Е.В. Правда о Валентине Гаршине и его группе в подполье Симферополя. 1943–1944 гг. Симферополь: ООО «Тарпан», 2017. – 102 с.
3. Верешков И.Н., Романько О.В. Фонд 100 Архива УФСБ по Республике Крым и г. Севастополю как источник по истории нацистской репрессивной политики на территории Крыма: обзор документов и материалов // Вестник архивистов Крыма / сост. Т.А. Шарова; Гос. ком. по делам архивов Республики Крым. Симферополь: Изд-во ООО «Антиква», 2022. С. 73–76.
4. Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК). Ф. П-849. Оп. 1. Д. 214.
5. Емец С.Г. Пусть живые запомнят. Судак и судакчане в годы Великой Отечественной войны. Симферополь: Таврида, 2011. – 640 с.
6. Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н.В. Багров. Симферополь: Таврия, 1981. – 376 с.
7. Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.): Монография. Симферополь: ДИАЙПИ, 2009. – 376 с.
8. Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.): монография. Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. 2-е изд. – 414 с.
9. Петров В.П., Форманчук А.А. Крым в Великой Отечественной войне // Форпост Союза на юге... очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.) / сост. В.В. Петров, С.А. Ефимов, Г.Н. Кондратюк [и др.]. Симферополь: ООО «Антиква», 2024. С. 314–343.

10. Романько О.В. Фонды Государственного архива Республики Крым как источник по истории военного коллаборационизма советских граждан в период Второй мировой войны // Вестник архивистов Крыма / сост. Т.А. Шарова; Гос. ком. по делам архивов Республики Крым. Симферополь; Изд-во ООО «Антиква», 2019. Вып. 3. С. 86–93.

11. Таганов Ю. Подпольно-патриотические группы Сейтлерского (Нижнегорского) района в 1942–1944 гг.: постановка проблемы // Крымфронт: проблемы истории и памяти. 70 лет спустя. Сборник работ научно-практической конференции / отв. ред. С.Н. Ткаченко, Ю.А. Утробин. Феодосия: НИЛ, 2012. С. 126–143.

12. Ткаченко С.Н. «Спецзадание-42». К вопросу развертывания крымского подполья летом 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 7(73). № 2. С. 142–150.

13. Ткаченко С.Н. Становление крымского подполья в конце 1941 – первой половине 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 6(72). № 2. С. 203–213.

14. Чирва И.С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. статей / под ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204–261.

15. Шамко К.М. Партійне підпілля в Криму в роки Великої Вітчизняної війни // Український історичний журнал. 1960. № 5. С. 16–27.

16. Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны [Сб. статей] / сост. В.Е. Быстров. М.: Политиздат, 1968. Вып. 2. С. 51–95.

17. Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны [Сб. статей] / сост. В.Е. Быстров. М.: Политиздат, 1970. Вып. 2. 2-е испр., и доп. изд. С. 56–99.

18. Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1972. Вып. 2. 3-е, испр. и доп. изд. С. 47–82.

Специфика социального взаимодействия в эвакуационном госпитале в годы Великой Отечественной войны: консолидация и конфликт

Аннотация. С началом Великой Отечественной войны в СССР была развернута широкая сеть эвакуационных госпиталей для лечения раненых и больных военнослужащих. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы определить специфику социального взаимодействия в эвакуационных госпиталях прифронтовой Вологодской области между основными его акторами — руководством, персоналом и пациентами. Взаимодействие в госпиталях развивалось по двум ключевым сценариям — консолидация и конфликт. В исследовании рассматриваются мотивы, способствующие консолидации коллектива; выявляются ключевые причины возникновения конфликтных ситуаций между сотрудниками и руководством, пациентами и персоналом. Автор приходит к выводу, что военный эвакуационный госпиталь являлся сложным социальным организмом, взаимодействие внутри которого определялось как выполнением непосредственной задачи лечения красноармейцев, так и личными мотивами или потребностями сотрудников и пациентов.

Ключевые слова: эвакуационный госпиталь; социальное взаимодействие; Великая Отечественная война; консолидация; конфликт

Specifics of social interaction in evacuation hospital during the Great Patriotic War: consolidation and conflict

Abstract. From the beginning of the Great Patriotic War, a wide network of evacuation hospitals was deployed in USSR in order to treat wounded and ill military personnel. The purpose of this article is to determine the specifics of social interaction in evacuation hospitals of the Vologda Region frontline between its main actors — management, staff and patients. Interaction in hospitals developed according to two key scenarios: consolidation and conflict. The study examines the motives that contribute to team consolidation; it identifies the key causes of conflict situations between employees and management, patients and staff. The author concludes that the military evacuation hospital was a complex social organism, the interaction within which was determined by the fulfillment of the immediate task of treating Red Army soldiers and the personal motives or needs of the staff and patients.

Keywords: evacuation hospital; social interaction; Great Patriotic War; consolidation; conflict

¹ Федор Вячеславович Копылов — кандидат исторических наук, преподаватель ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (Череповец, Россия); e-mail: finden.bk@yandex.ru

Fedor V. Kopylov — Candidate of Historical Sciences, lecturer at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Cherepovets State University» (Cherepovets, Russia).

С началом Великой Отечественной войны в прифронтовых и тыловых регионах СССР начали массово открывать эвакуогоспитали — учреждения, основным предназначением которых являлось быстрое и эффективное лечение военнослужащих Красной Армии с их последующим возвращением в строй. На территории прифронтовой Вологодской области размещалось свыше 50 эвакуогоспиталей разного профиля: терапевтические, хирургические, инфекционные. Пациенты прибывали в регион с ближайших фронтов — Ленинградского, Волховского, Северо-Западного, Карельского. В процессе работы каждый эвакуогоспиталь стал не только местом лечения, но и социальной средой, внутри которой развернулся активный процесс взаимодействия между ключевыми участниками лечебного процесса.

Первые научные исследования по истории системы эвакуогоспиталей периода Великой Отечественной войны появились сразу же после ее окончания. Проблематикой большинства работ общего и регионального уровня являлись медицинские аспекты, вопросы питания и материального обеспечения, особое внимание уделялось проблеме кадров и научной деятельности госпиталей [32; 34; 36; 47 и др.]. Некоторые региональные исследователи в своих работах затрагивали аспекты социального взаимодействия в качестве отдельного сюжета [32; 34]. В целом же ни в советской, ни в современной историографии так и не появилось серьезных работ о феномене госпиталя как социального института. Между тем уникальный опыт социального взаимодействия, полученный в экстремальных условиях войны нашими предками, продолжает оставаться актуальным и в современных реалиях.

Цель данного исследования состоит в определении специфики социального взаимодействия в эвакуогоспитале между основными акторами — руководством, персоналом и пациентами.

Статья базируется **на региональных материалах** по истории госпиталей. Во-первых, это архивные документы — организационно-распорядительная (приказы, протоколы) и отчетная документация. Наиболее интересными из них являются протоколы собраний первичных партийных организаций госпиталей, участники которых разбирали случаи «непартийного поведения», то есть нарушения дисциплины работниками и пациентами. В протоколах фиксировались реплики выступающих, ход дискуссии между ними, что «оживляет» этот, казалось бы, сухой документ. Во-вторых, это источники личного происхождения: воспоминания медсестер и дневник раненого офицера. Значительная часть воспоминаний была написана по одному алгоритму и подвергнута цензурным правкам для региональной

периодической печати в советский период. Некоторые медсестры давали интервью. Дневник лейтенанта Николая Иванова, который проходил лечение в госпитале Белозерска, является интересным нетипичным свидетельством – автор представил свой взгляд на взаимоотношения пациента и персонала.

Методологической основой исследования является теория социального взаимодействия, разработанная отечественными социологами. Ученые выделили несколько сценариев, по которым в обществе осуществляется взаимодействие: консолидация, конфликт и переговоры. Применительно к социальной среде эвакуогоспиталя можно говорить о двух сценариях. Во-первых, это консолидация, при которой стороны имели общие интересы и действовали сообща. Интересы могли быть не только общественно значимыми, но и частными. Во-вторых, это сценарий конфликтной ситуации, когда стороны в силу ряда причин вступали в противоречие. Под конфликтной ситуацией в настоящей статье подразумевается не только прямое межличностное столкновение, но и любые действия одной из сторон, которые противоречили общим интересам, мешали достижению общественно значимых целей [35, с. 189–190].

Прежде чем переходить к анализу основных аспектов взаимодействия в госпитале, стоит охарактеризовать его ключевых акторов.

Руководство лечебного учреждения включало начальника госпиталя и его заместителей, представителей администрации. Чаще всего руководителем госпиталя – опытный врач в возрасте старше 40 лет. На 15 сентября 1942 г. большая часть руководителей являлись военными врачами 1 и 2 ранга [4, Л. 49–50]. Согласно постановлению ГКО СССР № 2685 «О введении персональных воинских званий военно-медицинскому и военно-ветеринарному составу Красной Армии» от 2 января 1943 г. особые звания в военной медицине были заменены на общевойсковые. Так, военный врач высшего, 1 ранга стал подполковником, 2 ранга – майором, а 3-го капитаном медицинской службы [37]. Во многих лечебных учреждениях системы РЭП-95 в течение военного периода руководители неоднократно менялись, что было вызвано причинами личного характера, повышением по службе или, наоборот, снятием с должности за недобросовестное выполнение служебных обязанностей. В некоторых госпиталях руководящий состав оставался постоянным.

Организацией «политико-воспитательной работы» в лечебном учреждении занимался заместитель начальника по политической части – замполит (с 1942 г. он также выполнял обязанности военного комиссара). При большинстве госпиталей были созданы органы

самоуправления из работников — комсомольские и первичные партийные организации, возглавляемые секретарями. Многие вопросы, связанные с организацией работы коллектива, обсуждались на собраниях первичной парторганизации. В каждом госпитале взаимодействие строилось на демократических принципах, а руководитель не должен был становиться абсолютной властью, принимающей единоличные беспрекословные решения.

Персонал госпиталя разделялся по старшинству — на старший, средний и младший, по характеру трудоустройства — на личный военный состав и вольнонаемный. К старшему персоналу относились врачи, к среднему и младшему — медсестры, санитарки, гипсотехники и другой обслуживающий персонал (работники пищеблока, хозяйственные работники и т.п.). Средний и младший персонал, как правило, являлся вольнонаемным — если госпиталь прибывал из другого региона, то часть сотрудников набирали на месте. Серьезная проблема — вопрос укомплектованности штата. Особенно не хватало врачей-хирургов, о чем свидетельствуют отчетные материалы РЭП-95 и НКЗ [3, Л. 79; Л. 9; 39, Л. 9].

Чаще всех взаимодействовали с пациентами медсестры и санитарки. По данным из списков за 1944–1945 гг., средний возраст этих работниц, как правило, составлял 20–26 лет, большинство были незамужними, предварительно окончили медицинские курсы или школу медсестер [26; 27; 28]. Для работы санитарками специальное образование не требовалось.

Главными акторами, ради обслуживания которых и была создана вся система, являлись пациенты — раненые и больные солдаты и офицеры Красной Армии. Военнослужащие прибывали в госпитали, проходили необходимые процедуры оформления и санитарной обработки и размещались в палатах. Срок лечения каждого пациента зависел от тяжести ранения или заболевания, качества лечения и питания и мог составлять от 1 до 5 месяцев. Фактически продолжительность лечения по большинству ранений и заболеваний составляла до 100 дней [31, Л. 16, 79, 85–86; 38]. Судьба пациента по завершении госпитализации складывалась по-разному — смерть, отпуск, санаторий, увольнение, однако большинство военнослужащих (около 80%) возвращались в армию [31, Л. 27; 38].

Перейдем непосредственно к анализу процесса социального взаимодействия в госпитальной среде.

Консолидационный сценарий взаимодействия развивался в лечебных учреждениях при разных сопутствующих обстоятельствах.

Во-первых, высокий уровень консолидации у коллектива, как правило, сохранялся в первый год войны. Нельзя утверждать, что все созданные трудовые коллективы являлись организованными и ответственными, нацеленными на выполнение общей задачи, но во многих госпиталях, судя по личным свидетельствам, уровень консолидации был высоким. Солидарности значительно способствовала возникшая экстремальная ситуация. Медперсонал активно помогал пациентам, часто забывая о собственных потребностях. Из воспоминаний медсестры: «Нам приходилось работать сутками, у меня маленький сын, настрекую молока в бутылку, да так и работаю, а эшелоны идут, идут с Ленинградского фронта, на станции кучи мертвых, пока их довезут. Я помню такой случай, что так много было раненых, что я носила на 3-й этаж до такого состояния, что и меня положили в э/г. <...>. Очень долго снилась во сне просьба: сестра, помоги! Спаси! Их стоны стояли в ушах» [2]. В музее Череповецкого медицинского училища хранится много подобных свидетельств [1]. Все осознавали, что страна оказалась в большой опасности – фашизм угрожает ее существованию и необходимо прикладывать максимум усилий для победы над врагом, а в конкретной ситуации – для выполнения государственной задачи по лечению защитников.

Во-вторых, способствовало преобладанию консолидационной модели поведения и состояние пациентов, особенно солдат и офицеров с тяжелыми ранениями, которые нуждались в медицинской помощи и психологической поддержке медперсонала сразу при поступлении и после операции, то есть в период тяжелого протекания болезни. В этих ситуациях медперсонал, в первую очередь медсестры выполняли едва ли не самую важную функцию, проводя с пациентом значительную часть времени. Точнее самой медсестры эти моменты никто не опишет: «Бывало, боец спросит, как он выглядит, не очень ли страшен. А я успокою: до свадьбы заживет, ты молодой, симпатичный парень, все у тебя будет хорошо» [46, с. 2]. В другом месте: «Помню, – рассказывает К.Ф. Калинина, – поступил в госпиталь раненый с заражением крови, безнадежный уже. Попросил написать последнее письмо матери. Я пишу, а у самой слезы текут. Так и не досказал солдат своего, умер. Дописывала сама» [46, с. 2].

В-третьих, в ряде госпиталей (№ 1178, 1538, 1361 (в 1941–1942 гг.)) благодаря грамотным действиям администрации, строгой дисциплине, стабильной работе в одном месте дислокации в течение долгого времени удавалось избегать серьезных внутренних конфликтов и поддерживать высокий уровень консолидации – в документации о работе указанных лечебных учреждений не содержится сведений

о конфликтах, возникающих в рассматриваемый период. На партийных собраниях обсуждались лишь незначительные инциденты (сон в рабочее время, отсутствие военных приветствий при встрече и т.п.) [6, Л. 4–5; 8, Л. 4; 11, Л. 24]. Выше уровень консолидации был в госпиталях сельской местности, где лечебное учреждение наиболее активно взаимодействовало с местным населением.

В описанных ситуациях коллектив эвакогоспиталя был солидарной единицей, подчиненной выполнению общих задач по лечению военнослужащих. При этом личные интересы каждого из акторов взаимодействия не удовлетворялись в полной мере или вовсе отходили на второй план.

Однако во многих госпиталях сотрудники и пациенты не забывали о личных интересах — часто стремление к их удовлетворению приводило к нежелательным формам консолидации и конфликтным ситуациям. К нежелательным формам относятся те формы социального взаимодействия между персоналом, руководством и пациентами, которые являлись нарушениями дисциплины и препятствовали выполнению государственных задач, поставленных перед госпиталем. В первую очередь к таким формам консолидации относятся совместное распитие спиртных напитков и интимные отношения. Злоупотребление алкоголем или, выражаясь языком советского партийного протокола, «пьянство» — распространенное явление в большинстве госпиталей. Сотрудники злоупотребляли алкоголем на рабочем месте, медсестры приглашали пациентов в гости, по просьбе пациентов приносили водку в госпиталь [12, Л. 31; 19, Л. 1; 23, Л. 14]. Подобные случаи нарушения дисциплины активно обсуждались и осуждались на партийных собраниях, принимались решения о выговорах и исключении из партии, однако полностью искоренить это явление не удалось. В условиях дефицита кадров, при наличии у работника заслуг перед обществом на фронте и в тылу руководство и партийная организация неоднократно проявляли лояльность по отношению к нарушителю [13, Л. 46; 17, Л. 38].

Другой проблемой для администрации госпиталей являлись интимные отношения между медсестрами и пациентами. Интересно, насколько разной была позиция субъектов взаимодействия по этому вопросу. Парторганизация безапелляционно осуждала «интимные отношения», «тесные связи» между пациентом и медсестрой, считая их нарушением дисциплины, проявлением «разболтанности» персонала [7, Л. 7; 13, Л. 36 об.; 16, Л. 31 и др.]. Сами участники любовных отношений характеризовали их совсем по-другому. В воспоминани-

ях медперсонала сведения об интимных связях с пациентами встречаются редко, но при этом они всегда оцениваются нейтрально или положительно. 30-летний лейтенант Николай Иванов в своем дневнике описывает взаимоотношения с женщинами во время лечения в госпитале Белозерска возвышенно, переживает и рефлексировал из-за них. Так, 10 сентября 1942 г. лейтенант пишет: «Утром опять ляпнул ухаживающей за мной сестре что-то такое, что явилось с моей стороны некоторой неблагодарностью в отношении ее, и ее омрачило. А после обеда я вовсе обмешурился. Я наговорил такой чепухи моей [нрзб] – Мане Б., что она перед уходом во всеуслышание сказала мне: “А вам-то, Иванов, надо немного язычок обрезать”. Достукался» [33].

Внутри госпитального учреждения взаимодействие могло развиваться и по конфликтному сценарию. Конфликтные ситуации между персоналом и руководством госпиталя возникали по ряду причин.

Во-первых, у руководителя мог отсутствовать авторитет среди подчиненных, он не прислушивался к их мнению, использовал по отношению к ним «авторитарный стиль» руководства – подобные меры производили обратный эффект [12, Л. 5; 18, Л. 9; 20, Л. 25].

Во-вторых, раздражение вызывали факты кумовства, неравного отношения к подчиненным, отсутствия достаточного материального обеспечения сотрудников на фоне относительно благополучной жизни самих руководителей. Персонал иногда высказывался открыто, но чаще жаловался в руководящие организации и даже писал письма родственникам на фронт [29, Л. 24–26, 193].

В-третьих, некоторые сотрудники придерживались позиции индивидуализма. Для них личные интересы были гораздо важнее общественных, а большого желания работать в госпитале не было. Вследствие этого работники провоцировали конфликты, добиваясь увольнения, самовольно уходили с работы и уезжали в другие города по личным мотивам [9, Л. 3–7; 20, Л. 31–33; 30, Л. 25; 45, Л. 11].

Конфликтные ситуации между пациентами с одной стороны и персоналом и руководством госпиталей с другой также были порождены разными причинами.

Во-первых, многим пациентам не нравилась грубость персонала – на этой почве возникали ссоры, которые впоследствии разбирались на партийных собраниях [5, Л. 33; 10, Л. 8, 50; 15, Л. 23; 22, Л. 7; 25, Л. 6].

Во-вторых, пациенты на стадии выздоровления часто сами становились нарушителями. Наиболее распространенным явлением были самовольные отлучки из госпиталя, запрещенные локальны-

ми нормативно-правовыми актами [21, Л. 44; 41, Л. 14 об.]. С самоволками пытались бороться, устанавливая строгий контроль выхода из госпиталя, однако в течение военного периода эту проблему так и не удалось решить [21, Л. 49; 42, Л. 126 об.]. Между тем отлучки не всегда заканчивались безобидно — происходили драки, случаи воровства из квартир городских жителей, смертельные исходы [24, Л. 84; 40, Л. 119; 44, Л. 19].

Причинами подобных нарушений являлось наличие свободного времени у выздоравливающих бойцов, отсутствие развлечений в госпитале — предлагаемые формы досуга не всех устраивали, а также посттравматический синдром. Одной из важнейших причин был сравнительно мягкий режим в лечебном учреждении. Пациенты и руководители указывали, что госпиталь в тылу в сравнении с военным подразделением на фронте не воспринимался как военная организация со строгой дисциплиной, а его сотрудники как командиры, приказы которых необходимо беспрекословно выполнять [14, Л. 17; 30, Л. 218; 43, Л. 24]. Подобное восприятие госпиталя и его сотрудников было распространено и в глубоком уральском тылу [34, с. 164].

Подводя итоги, стоит отметить, что характер социального взаимодействия между пациентами, персоналом и руководством госпиталя определялся спецификой работы медицинского учреждения и экстремальными условиями военной повседневности. С одной стороны, госпиталь выполнял важную социальную функцию по восстановлению защитников Родины в ситуации экзистенциальной угрозы ее существованию. В сложившихся условиях персонал часто демонстрировал высокий уровень консолидации, особенно в лечебных учреждениях с хорошей дисциплиной. С другой стороны, личные мотивы не были полностью вытеснены общественными даже в период глобальной войны. Удовлетворяя собственные потребности, люди действовали в ущерб общим интересам, совершали дисциплинарные нарушения. Многие явления (злоупотребление алкоголем, самовольные отлучки) искоренить так и не удалось. Для многих пациентов госпиталь являлся уже не военной организацией со строгой дисциплиной, а гражданской, где можно было позволить себе определенные вольности.

Эвакогоспиталь периода Великой Отечественной войны ни в коем случае не был простой функциональной государственной машиной по восстановлению кадрового состава армии — он являлся сложным социальным организмом со всеми его противоречиями, требующими дальнейшего всестороннего изучения.

Список источников и литературы

1. Автобиографии и воспоминания череповецких медсестер // Из собрания музея Череповецкого медицинского колледжа имени Н.М. Амосова.
2. Архив МБУК «Череповецкое музейное объединение». Д. Воспоминания работников госпиталей (Не изданы и не зафондированы).
3. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 3. Д. 330.
4. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 508.
5. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 404.
6. ВОАНПИ. Ф. 3415. Оп. 1. Д. 4.
7. ВОАНПИ. Ф. 3610. Оп. 1. Д. 1.
8. ВОАНПИ. Ф. 3615. Оп. 1. Д. 1.
9. ВОАНПИ. Ф. 3615. Оп. 1. Д. 2.
10. ВОАНПИ. Ф. 3616. Оп. 1. Д. 7.
11. ВОАНПИ. Ф. 3730. Оп. 1. Д. 2.
12. ВОАНПИ. Ф. 3730. Оп. 1. Д. 10.
13. ВОАНПИ. Ф. 3730. Оп. 1. Д. 14.
14. ВОАНПИ. Ф. 3731. Оп. 1. Д. 1.
15. ВОАНПИ. Ф. 3732. Оп. 1. Д. 2.
16. ВОАНПИ. Ф. 3732. Оп. 1. Д. 8.
17. ВОАНПИ. Ф. 3787. Оп. 1. Д. 3.
18. ВОАНПИ. Ф. 4361. Оп. 1. Д. 2.
19. ВОАНПИ. Ф. 4361. Оп. 1. Д. 5.
20. ВОАНПИ. Ф. 4502. Оп. 1. Д. 3.
21. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Оп. 1. Д. 11.
22. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 35.
23. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 87.
24. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 98.
25. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 102.
26. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 2. Д. 45.
27. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 2. Д. 46.
28. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 2. Д. 66.
29. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 3. Д. 12.
30. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 3. Д. 16.
31. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 3. Д. 21.
32. *Дегтярева Н.А.* Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. – 234 с.
33. *Иванов Н.А.* Дневник // Проект «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/2860> (Дата обращения: 26.11.2024).
34. *Кусков С.А.* Эвакогоспитали Челябинской области накануне и в период Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. – 250 с.
35. *Орлова Э.А., Шапинская Е.Н., Урмина И.А., Каменец А.В.* Социальное взаимодействие как процесс / отв. ред. и ред.-сост. Э.А. Орлова. М.: ГАСК, 2013. – 304 с.
36. *Ростоцкий И.Б.* Тыловые эвакогоспитали. М.: Медицина, 1967. – 80 с.
37. Табель о рангах СССР. Военная служба (1935–1945 гг.) // Табель о рангах СССР и Российской Федерации. URL: https://gossluzhba.narod.ru/ranks/vz_ussr_1935_1945.html (Дата обращения: 15.08.2024).
38. Филиал Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации (Военно-медицинский музей) (Филиал ЦАМО РФ (ВММ)). Ф. 308. Оп. 4586. Д. 3.
39. Филиал ЦАМО РФ (ВММ). Ф. 308. Оп. 4589. Д. 3.

40. Филиал ЦАМО РФ (ВММ). Ф. 879. Оп. 70884. Д. 50.
41. Филиал ЦАМО РФ (ВММ). Ф. 879. Оп. 70885. Д. 14.
42. Филиал ЦАМО РФ (ВММ). Ф. 2648. Оп. 25046. Д. 8.
43. Филиал ЦАМО РФ (ВММ). Ф. 2648. Оп. 26935. Д. 5.
44. Филиал ЦАМО РФ (ВММ). Ф. 2648. Оп. 31916. Д. 6.
45. Филиал ЦАМО РФ (ВММ). Ф. 7556. Оп. 251. Д. 4.
46. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 363. Оп. 2. Д. 109. Подшивка газеты «Коммунист» за 1990 г. № 90 (9 мая).
47. *Шелия Ж.А.* Госпитали в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской и Костромской областей): дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. — 308 с.

**Омский областной краеведческий музей
в годы Великой Отечественной войны:
основные направления и специфика
деятельности**

Аннотация. В статье анализируется специфика музейной деятельности в годы Великой Отечественной войны на примере Омского областного краеведческого музея. На основе архивных материалов (распорядительных, делопроизводственных, отчетных и др.) рассматриваются основные направления деятельности учреждения в 1941–1945 гг. Характеризуются общие условия работы музея в годы войны, выявляются ключевые организационные проблемы (сокращение выставочных и фондовых площадей, финансирования, штата). Прослеживается специфика фондовой, экспозиционно-выставочной, краеведческой, памятникоохранительной, издательской деятельности музея. На основе проведенного исследования делается вывод об успешной адаптации Омского музея к условиям военного времени, которая стала возможной благодаря самоотверженной работе сотрудников и активному взаимодействию с административными, научными, образовательными, хозяйственными учреждениями и населением области в целом.

Ключевые слова: музей; музейная деятельность; Омская область; Великая Отечественная война; краеведение

**Omsk Regional Museum of Local History during
the Great Patriotic War: Main Directions
and Specifics of Activities**

Abstract. The article analyzes the specifics of museum activities during the Great Patriotic War using the Omsk Regional Museum of Local History as an example. Based on archival materials (administrative orders, office and reporting documents, etc.), the main areas of the institution's activities in 1941–1945 are considered. The general conditions of the museum's work during the war are characterized, key organizational problems are identified (reduction of exhibition and fund areas, financing, staff). The specifics of the museum's fund, exposition and exhibition, local history, monument protection, publishing activities are traced. Based on the conducted research, a conclusion is made about the successful adaptation of the Omsk Museum to wartime conditions, which became possible thanks to the dedicated work of the staff and active interaction with administrative, scientific, educational, economic institutions and the population of the region as a whole.

Keywords: museum; museum activities; Omsk region; the Great Patriotic War; local history

¹ **Александр Викторович Филимонов** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела краеведческих исследований Омского государственного историко-краеведческого музея (Омск, Россия); e-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru
Aleksander V. Filimonov — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of local history research in the Omsk State Museum of History and Regional Studies (Omsk, Russia).

В контексте мероприятий, связанных с празднованием 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, особое место занимает музей как место сохранения и транслирования памяти об этом важнейшем для страны событии. Перспективным исследовательским сюжетом представляется изучение военного периода в истории музеев как времени формирования на государственном и местном уровне комплекса соответствующих фондообразовательных, культурно-просветительных и иных мероприятий.

Предметом настоящего исследования является Омский областной краеведческий музей (далее — ООКМ): организация его работы в годы войны, основные направления деятельности и отражение в них событий военного времени. Соответствующий период истории музея освещался в ряде работ исторического, музееведческого, краеведческого характера: общая характеристика работы учреждения в это время приводится в статьях Н.А. Томилова и А.А. Кильдюшевой, проблемы формирования музейной сети Омской области представлены в исследованиях О.А. Ландик, особенности комплектования музейных коллекций раскрываются в работе Н.А. Захаровой и О.Г. Ивановой [11; 6; 7; 5]. В качестве основных источников в настоящем исследовании используются неопубликованные материалы фондов Исторического архива Омской области: распоряжения, делопроизводственная переписка, отчеты и др., позволяющие подробно представить деятельность музея в военные годы.

Существенное влияние на деятельность ООКМ в годы Великой Отечественной войны оказывали общие условия его работы. Так, вскоре после начала войны по решению облисполкома в главном корпусе ООКМ помимо соседствовавшего с ним музея изобразительных искусств была размещена воинская часть. В дальнейшем ситуация осложнилась еще больше: на территории музея разместились областные партархив и парткурсы, а также эвакуированные из европейской части страны Второй Московский медицинский институт и музейные коллекции Москвы, Воронежа, Новгорода, Вологды [2, Л. 132]. К 1942 г. под собственную экспозицию музеем использовалось лишь около 8% общей площади своих зданий [2, Л. 61]. В лучшую сторону положение начало меняться только в конце войны: к 1945 г. удалось увеличить выставочную и фондовую площади более чем в два раза по сравнению с 1941 г. [2, Л. 132–133].

Не менее сложной была ситуация со штатом музея. За период с 1941 по 1943 г. в учреждении сменилось пять руководителей. Первые месяцы после начала войны должность директора продолжала

занимать бывшая партийная работница А.П. Петровская. После ее перехода в райкартбюро Омска новым главой музея становится педагог-краевед А.С. Сливко, которого в конце ноября 1942 г. сменяет С.П. Русайкина – научный работник из Москвы [4, Л. 225 об., 244 об., 264]. После ее возвращения в столицу обязанности директора в июле–сентябре 1943 г. исполняет научный сотрудник музея К.А. Бурдыгина, а с октября того же года учреждение возглавляет заведующий отделом истории А.Ф. Палашенков [4, Л. 267, 269].

Состав работников ООКМ в военное время сократился до минимума. Уже в 1941 г. ряд сотрудников был призван в ряды РККА [6, с. 34–35]. Одновременно несколько раз существенно уменьшалась бюджетная смета, что также повлияло на размер штата [2, Л. 152]. Большую часть войны в музее работало всего лишь 5 научных сотрудников, включая директора [2, Л. 61, 134]. В числе наиболее значимых фигур этого периода, помимо руководителей, следует отметить заместителя директора по научной части, заведующего отделом природы Г.П. Белозерова и старшего научного работника, минералога П.Л. Драверта. Немногочисленным сотрудникам пришлось взять на себя весь объем музейно-краеведческой работы учреждения.

Урезанный бюджет, небольшой штат и ограниченность площадей оказали существенное влияние на структуру ООКМ. Беспрерывно на протяжении всей войны продолжали функционировать только отдел природы и библиотека музея. В связи с размещением в здании воинской части во второй половине 1941 г. был временно закрыт отдел истории, частично возобновивший работу в следующем году [2, Л. 57]. В 1943 г. в музее был создан новый отдел выставки «Великая Отечественная война» [1, Л. 28, 32].

С конца 1941 г. в соответствии с приказом Наркомпроса ведущим направлением фондовой работы ООКМ становится сбор предметов и материалов о Великой Отечественной войне. Первая военная техника и трофейное вооружение были переданы в музей в марте 1942 г. от командования Ленинградского фронта [3, Л. 89]. Активно собирался материал в Омской области: за время войны в фонды поступило около 500 писем фронтовиков, 400 записей фольклора, фотографии, личные вещи Героев Советского Союза – омичей, а также картины, панно, скульптуры омских авторов [2, Л. 79; 6, с. 39–40]. В числе наиболее важных поступлений военных лет следует отметить личные вещи командира 308-й стрелковой дивизии генерала-майора Л.Н. Гуртьева. Наиболее активную работу по пополнению музейных фондов вели его сотрудники А.Ф. Палашенков и П.Л. Драверт: первый занимался в ос-

новном сбором военно-фольклорного материала, второй — геолого-минералогического. Материалы о Великой Отечественной войне собирали и другие сотрудники музея — А.И. Косенко, Н.П. Гуртьева, Н.П. Скрынникова [2, с. 40].

Помимо формирования новых коллекций, в военное время также велись первичная инвентаризация и оценка музейных предметов, составление поколлекционной описи экспонатов, сушка и дезинфекция тканей, мехов и других материалов [2, Л. 64 об., 78 об.—79, 90 об.]. В связи с поступлением в музей большого количества боевого оружия, патронов и снарядов была организована их передача оружейному мастеру для разрядки [3, Л. 93, 105]. В отчетах и составлявшихся при смене директоров актах передачи имущества неоднократно отмечались проблемы, связанные с ведением фондовой работы: плохие условия хранения, неполный учет, случаи кражи экспонируемых предметов (кремневых наконечников, клинка шпági, пистолета и др.) [3, Л. 72, 85—85 об., 116].

Как отмечалось выше, определяющее значение для экспозиционно-выставочной работы ООКМ имела ограниченность свободной площади помещений. В сводном отчете за 1941—1945 гг. указывалось, что лишь 5% предметов из фондов «являются достоянием широких трудящихся масс» [2, Л. 131]. Несмотря на это, работники музея не прекращали работу по подготовке выставочных проектов. Практически сразу после начала войны музей получает распоряжение разработать в кратчайшие сроки выставку «Великая Отечественная война советского народа», отразив героическое прошлое страны, в особенности победы над германскими интервентами. Выставка была открыта в музее уже спустя месяц после начала войны — 24 июля 1941 г. [2, Л. 55]. В 1942 г. на ней начинают демонстрироваться первые трофейные предметы с Ленинградского фронта. В дальнейшем выставка неоднократно пополнялась экспонатами как фронтовыми, так и местными (письмами фронтовиков, личными вещами героев Советского Союза и др.) [2, Л. 88 об.]. В 1943 г. была проведена реэкспозиция выставки и осенью она была вновь открыта для посетителей в более просторных помещениях [2, Л. 77—77 об.]. В 1944—1945 гг. были организованы выставки к 25-летию Красной Армии и отечественного и трофейного вооружения (вторая — совместно с Домом Красной Армии) [2, Л. 144].

Помимо военной тематики, для омичей были открыты отдел природы и подраздел археологии отдела истории. Работали текущие выставки: промышленности Омска, сельского хозяйства, приуроченные к памятным и юбилейным датам. Передвижные выставки направлялись в госпитали и лазареты, призывные пункты, воинские части,

фабрично-заводские комитеты. В последние годы войны были организованы выставки к 25-летию советской власти, «Минералы и полезные ископаемые Урала и Сибири», «Небесные явления в свете науки» и «Наука и религия о происхождении мира» (последние две – для районов области) [2, Л. 144].

На достаточно хорошем уровне в военное время сохранялась посещаемость музея. В 1941–1942 гг., несмотря на незначительное снижение по сравнению с довоенным уровнем, она превышала 50 тыс. чел. в год [2, Л. 147]. Интерес горожан был прежде всего связан с открытием выставки «Великая Отечественная война советского народа» и ее пополнением первыми военными предметами с Ленинградского фронта. В 1943 г. наблюдалось сокращение численных показателей до 27 тыс. чел., объяснявшееся проведением реэкспозиции указанной выставки, однако уже в 1944 г. посещаемость резко возросла до 130 тыс. чел – впервые в истории музея [2, Л. 147]. Добиться таких результатов удалось благодаря введению в экспозицию большого количества отечественного и трофейного вооружения, а также организации новых выставок. В 1945 г. статистика посещений музея сохранялась на хорошем уровне, составив около 90 тыс. чел. [2, Л. 147].

В годы войны музеи становятся центрами краеведческой работы, направленной на выявление и всестороннее использование местных природных ресурсов для дела обороны страны. С 17 мая 1941 г. при ООКМ начал работу музейно-краеведческий совет. К началу 1943 г. в его состав входили 23 человека – представители областных и городских партийных, советских и хозяйственных организаций, а также специалисты и научные работники [2, Л. 61 об.]. Наиболее активно работала географическая секция, в которой принимали участие научные работники, специалисты вузов, государственных, хозяйственных и научно-исследовательских организаций (Всесоюзного института галургии, Института географии Академии наук СССР и др.). На заседаниях секции выносились практические решения, передававшиеся для реализации государственным учреждениям и хозяйственным организациям.

С декабря 1942 г. по май 1943 г. при ООКМ действовал кружок юных геологов, задачей которого было дать практические знания школьникам 8–10 классов [2, Л. 78]. В кружок записалось 35 учащихся, систематически посещали занятия 12–15 человек. Было проведено 14 двухчасовых занятий по геологии, топографии, технике геолого-поисковой работы, методике исследования торфяных болот и краеведческим вопросам. Лекторами выступали как сотрудники отдела

природы музея, так и специалисты Геотреста и Всесоюзного института галургии. Окончило программу 12 человек, из них 7 было отправлено на практическую работу в геологические партии и партии по исследованию торфяных болот области.

С весны 1943 г. под руководством сотрудника музея агронома В.Н. Анисимова велось изучение сельскохозяйственных культур на опытных участках при музее [2, Л. 77 об.]. В работе участвовали организованные в 1942 г. из учащихся 5–7 классов городских школ кружки юных цинцифов и кизюринцев. На основе наблюдений были сделаны выводы о возможности выращивания различных культур в климатических условиях южной части Омской области.

Деятельность музея по охране памятников в военное время в целом продолжала общее направление, заданное во второй половине 1930-х гг. В 1941 г. в области были проведены учет памятников, состоящих на госохране, и паспортизация историко-революционных памятников на местной госохране [2, Л. 56]. В 1942 г. была составлена и одобрена к печати программа по учету историко-революционных, археологических и исторических памятников Омской области, а также подготовлена докладная записка, на основе которой в октябре исполком облсовета вынес решение о мерах по сохранению могил героев Великой Отечественной войны [2, Л. 62–62 об.]. В 1942 и 1944 г. А.Ф. Палашенков в Тобольске проводил обследование памятников старины и революции, на основе которого были составлены перечень работ и смета расходов по их реставрации. В 1944 г. были также осмотрены Чувашский мыс (место битвы Ермака с подданными хана Кучума), Завальное Тобольское кладбище (могилы декабристов), дом писателя П.П. Ершова, а также исторические и архитектурные памятники в Омске, Тобольске и Тюмени (ряд памятников был взят на местную госохрану) [2, Л. 143]. В 1945 г. проводилась работа по осмотру и восстановлению историко-революционных памятников в Омске, Тарском районе, селе Калачинском [2, Л. 109 об.–110].

Практическую направленность в годы войны получила издательская деятельность музея. В 1943 г. было издано две небольших брошюры под совместным авторством С.П. Русайкиной и А.Ф. Палашенкова – «Собирайте материалы о Великой Отечественной войне советского народа» и «Об учете памятников старины и революции в Омской области» [9; 10]. В первой брошюре авторы обращались к населению с просьбой присылать в музей предметы и материалы по примерному списку, включавшему, в т.ч. письма, фотографии, дневники, награды, воспоминания родственников и друзей, печатные

материалы, записи устного народного творчества, детские военные игрушки. Вторая брошюра содержала схожий призыв, прежде всего к учителям и школьникам, в отношении учета и регистрации памятников истории края с краткой программой для сбора соответствующих сведений. Рассылка брошюр дала необходимый эффект: через делегации с фронтов, от родственников погибших омичей, с заводов, из колхозов и совхозов в музей начали поступать материалы о войне [2, Л. 68–68 об.]. На основании собранного военного фольклора музеем в 1943 г. была издана брошюра «Песни советской девушки в дни Великой Отечественной войны» [8].

Практическую направленность имели также брошюры, изданные музеем в 1944 г. («Основание Омска» А.Ф. Палашенкова и «Метеориты, наблюдения над их падением и их поиски» П.Л. Драверта) и 1945 г. («Историко-революционные места и памятники в г. Омске» А.Ф. Палашенкова и «Слепушенка – вредитель картофеля» И.Н. Шухова) [2, Л. 161–162]. Помимо этого сотрудниками в течение войны было подготовлено к печати более 20 работ, носивших научный характер: М.А. Лебедевым – по физико-географическим условиям Омской области, П.Л. Дравертом – по минералогии и изучению метеоритов, Г.П. Белозеровым – об областных сырьевых ресурсах, В.С. Романовским – по геологии и А.Ф. Палашенковым по палеонтологии, истории и историко-революционным памятникам края [2, Л. 153–154]. В связи с ограниченными финансовыми и материальными возможностями музея его работники публиковались в журнале «Природа», «Бюллетене Комитета по метеоритам Академии наук СССР», «Омском альманахе» и местных газетах [2, Л. 106 об.].

Подводя итоги, необходимо отметить, что наиболее сложными для Омского музея оказались первые годы войны: был значительно урезан бюджет, существенно сократились фондовые и выставочные площади, а также штат сотрудников. Основная деятельность в этот период была связана с обеспечением хранения музейных фондов, открытием и обновлением выставки «Великая Отечественная война советского народа». В то же время музейная работа приобретает более практический характер, связанный с интересами войны и тыла. Через брошюры, устные беседы, юннатские кружки организуется совместная работа с местным населением по сбору военных материалов, выявлению историко-революционных и археологических памятников, поиску полезных ископаемых для оборонных предприятий и т.д. В 1944–1945 гг., несмотря на сохранение ряда негативных факторов, постепенно восстанавливается нормальный характер деятельности му-

зея. Растут фондовые поступления, готовятся новые выставки, принимаются меры по охране и восстановлению историко-революционных и архитектурных памятников области.

В целом, несмотря на крайне сложные условия, музей сумел адаптироваться и успешно интегрировать военную тематику в свою деятельность, во многом благодаря тесному взаимодействию с населением области, административными, образовательными учреждениями. Небольшому числу работников удалось обеспечить беспереывное функционирование учреждения в то время, когда ряд других музеев региона (Тюменский, Ялutorовский, Ишимский и др.) вынуждены были временно приостановить свою деятельность. Вклад музея в поддержание культурной жизни города и сохранение памяти о тяжелом военном времени сложно переоценить.

Список источников и литературы

1. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 155.
2. ГИАОО. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 165.
3. ГИАОО. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 203.
4. ГИАОО. Ф. Р-1076. Оп. 2. Д. 20.
5. *Захарова Н.А., Иванова О.Г.* Из истории комплектования коллекций ОГИК музея в 1940–1970-х годах // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2002. № 9. С. 123–138.
6. *Кильдюшева А.А.* Омский государственный историко-краеведческий музей в 1941–1945 гг.: страницы истории // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2011. № 16. С. 29–50.
7. *Ландик О.А.* История деятельности музеев Омской области в 1934–1944 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный журнал. 2016. № 2 (18). С. 148–157.
8. *Палашенков А.Ф.* Песни советской девушки в дни Великой Отечественной войны. Омск: [б.и.], 1943. – 6 с.
9. *Русаякина С., Палашенков А.* Об учете памятников старины и революции в Омской области. Омск: [б.и.], 1943. – 6 с.
10. *Русаякина С., Палашенков А.* Собирайте материалы о Великой Отечественной войне советского народа. Омск: [б.и.], 1943. – 6 с.
11. *Томилов Н.А.* Музеи Сибири в годы Великой Отечественной войны // Культурологические исследования в Сибири. 2010. № 1. С. 33–44.

**Воспитание любви к родному краю
и общественно полезный труд как основные направления
туристической работы среди детей в годы
Великой Отечественной войны
(на примере Ярославской области)**

Аннотация. Автор статьи на основе архивных документов рассматривает особенности проведения туристско-экскурсионной работы среди детей и юношества в годы Великой Отечественной войны на примере Ярославской области. Автор делает выводы о том, что туристско-экскурсионная деятельность во время войны была структурно перестроена (за счет сокращения количества путешествий по СССР и увеличения их количества по области) и «военизирована» (делался упор на привитие навыков оборонного значения и выполнения заданий помощи фронту), а воспитание любви к родному краю через его изучение посредством туризма стало основным направлением в работе областной детской туристско-экскурсионной станции.

Ключевые слова: детский туризм; история детства; туристические лагеря; Великая Отечественная война; СССР; Ярославская область

**Fostering love for one's native land and socially useful
work as the main directions of tourism activity among children during
the Great Patriotic War (on the example of the Yaroslavl region)**

Abstract. The author of the article which is based on archival documents examines the specifics of conducting tourist and excursion work among children and young people during the Great Patriotic War (using the example of the Yaroslavl region). The author draws conclusions that tourist and excursion activities during the war were restructured (due to a reduction in the number of trips within the USSR and an increase in the number of trips within the region) and “militarized” (emphasis was placed on instilling defensive skills and performing tasks to help the front), and fostering love for one's native land through its study by tourism has become the main focus of the work of the regional children's tourist and excursion station.

Keywords: children's tourism; history of childhood; tourist camps; Great Patriotic War; USSR; Yaroslavl region

Государственная система детско-юношеского туризма и краеведения в России существует уже более 100 лет и ведет свое начало от создания в 1918 г. при народном комиссариате просвещения РСФСР Центрального бюро школьных экскурсий.

¹ **Ольга Николаевна Шанина** – кандидат исторических наук, заведующий отделом информационного обеспечения и публикации документов, Центр документации новейшей истории Ярославской области – филиал Государственного архива Ярославской области (Ярославль, Россия); e-mail: o-shanina@mail.ru

Olga N. Shanina – Candidate of Historical sciences, head of department of information support and publication of documents, Documentation center of modern history of Yaroslavl region – branch of State archive of the Yaroslavl region (Yaroslavl, Russia).

28 декабря 1940 г. был подписан приказ наркомата просвещения «О детском туризме», который официально признал туризм одним из педагогических средств воспитания и обязал создать при каждой школе кружок юных туристов, а среди учителей выделить организаторов туристической работы с учащимися. Детский советский туризм стал основным средством изучения своей страны, а туристическая работы с детьми стала проводиться под девизом: «Чтобы стать хозяином своей Родины, надо ее познать».

Таким образом, к началу 1940-х гг. в СССР сложилась полноценная соответствующая государственным требованиям того времени система туристско-экскурсионной работы, идеологическое и практическое руководство которой было возложено на Всесоюзную пионерскую организацию и ВЛКСМ.

Сфера туризма в целом (и детско-юношеского в частности) являлась важнейшей сферой соприкосновения государственных и общественных интересов, средством классового воспитания, эффективным механизмом формирования нового общества и нового советского человека.

Детско-юношеский туризм в современной России по-прежнему решает целый комплекс важных социально-экономических задач: выполняет просветительную функцию, функцию организации досуга и отдыха, патриотического воспитания и допризывной военно-спортивной подготовки, способствует налаживанию социальных связей и контактов. Он остается одним из наиболее важных и устойчивых сегментов туристической индустрии и имеет государственную финансовую поддержку в связи с возложенными на него важными социальными функциями.

В условиях модернизации и реорганизации сферы детско-юношеского туризма в постсоветской России обращение к опыту прошлого видится актуальным. В современном исследовательском поле специалистов-историков находятся вопросы трансформации системы управления туризмом и государственной политики в данной области [3; 5], специалистов-педагогов — вопросы теории и методологии развития туризма [16]. Несмотря на обилие статей и учебных пособий по теме детско-юношеского туризма, период Великой Отечественной войны как правило остается без должного внимания [6, 7]. А именно в годы войны был наработан богатый опыт проведения работы по трудовому и патриотическому воспитанию среди детей и юношества, привитию уважения и любви к своей малой Родине посредством туризма.

Детско-юношеский туризм в 1941–1945 гг. остается малоизученным аспектом истории детства времен Великой Отечественной войны.

Вместе с тем в год 80-летия Победы обращение к данной теме является актуальным, особенно учитывая тот факт, что в региональных архивах отложился большой массив документов. Региональный туризм, особенно детско-юношеский (несмотря на кажущееся обилие статей по данной теме), по-прежнему остается наименее изученной частью туристической практики [1; 2; 4; 8]. Обращение к документам Ярославского архива представляет научный интерес из-за того, что Ярославская область в годы войны показала передовой опыт в организации туристической работы с детьми, а областная туристско-экскурсионная станция по итогам своей деятельности в 1941–1945 гг. была признана одной из лучших в СССР.

Цель данной статьи – ввести в научный оборот и обобщить ранее не изученные архивные документы из фонда Ярославского обкома ВЛКСМ ЦДНИ ГАЯО по истории развития детско-юношеского туризма в Ярославской области в годы Великой Отечественной войны, чтобы понять региональные историко-культурные процессы, их общие и особенные аспекты.

С началом войны некоторые комсомольские организации ослабили руководство пионерской работой. Однако в 1942–1944 гг. было принято несколько решений ЦК ВЛКСМ («О крупных недостатках в работе пионерских организаций и мерах по устранению этих недостатков» от 15 сентября 1942 г., «О руководстве Ярославского обкома ВЛКСМ первичными комсомольскими организациями средних и неполных средних школ» от 8 января 1944 г., решения XII пленума ЦК ВЛКСМ от апреля 1944 г.), которые обязали их усилить внимание к работе среди детей, перестроить деятельность пионерских дружин, привести формы и содержание работы среди детей в соответствие с требованиями военной обстановки [14, Л. 82–83]. Все проведенные на местах мероприятия были практическим осуществлением решений ЦК ВЛКСМ.

В Ярославской области обком ВЛКСМ провел большую организационно-методическую работу в тесном контакте с учителями: всем ответственным за экскурсионно-туристическую и краеведческую деятельность в районах были составлены и разосланы инструктивные письма; на районных учительских совещаниях были обсуждены вопросы краеведческой работы в школах и детдомах; в каждой школе и детдоме был создан кружок по изучению своего края. В январе–апреле 1944 г. для учителей из районов области были организованы 4 воскресные туристические поездки в Ярославль, Рыбинск и Кострому, где они смогли поделиться опытом работы, встретиться с секретарем обкома ВЛКСМ и осмотреть достопримечательности [14, Л. 84].

Великая Отечественная война требовала от всех видов внешкольной работы максимального включения школьников в дело укрепления обороноспособности страны. Детский туризм давал для достижения этих целей широкие возможности. С одной стороны, он углублял любовь и уважение к Родине посредством ознакомления с ней, с другой — воспитывал качества, необходимые будущим бойцам РККА (выносливость, ловкость, физическую закалку, находчивость) и прививал ряд необходимых навыков (ориентировку, связь, маскировку, организацию походной жизни).

Ярославская областная детская экскурсионно-туристическая станция (ДЭТС), открытая в 1936 г., в годы войны перестроила свою работу, взяв за основу лозунг «Все — для фронта, все — для победы». Ее деятельность была направлена на укрепление патриотизма детей, их физическое развитие, приобретение ими знаний и навыков оборонного значения, привлечение школьников к выполнению общественно полезных работ [12, Л. 46, 46 об.].

При ДЭТС работало 6 секций, которыми руководили научные сотрудники педагогического института и областного краеведческого музея: доцент Ярославского пединститута И.П. Александров, декан географического факультета А.П. Иванов, декан литературного факультета Г.Г. Мельниченко и другие. В программу каждой секции были включены занятия по топографии, санитарному минимуму юного туриста, технике проведения похода, организации привала, приготовлению пищи на костре. Занятия в секциях проходили три раза в месяц, одно из них — в форме похода [14, Л. 90].

Например, секция ботаников Туношенской школы Ярославского района вела работу по изысканию новых зарослей полезных дикорастущих растений. Учащиеся по заданию аптекоуправления разыскивали посадки лекарственного растения пустырника и сдали 60 кг в Фонд обороны. В одной из школ Бурмакинского района группа юных пожарников провела лыжный поход по колхозам, проверяя противопожарный инвентарь, противопожарную охрану, хранение посевного материала. В Рыбинске пионеры школы № 3 при изучении в краеведческих кружках Рыбинской ГЭС собрали богатый материал по истории. Изготовленные чертежи, рисунки походов послужили хорошим иллюстрированным материалом на уроках географии [14, Л. 90].

При областной ДЭТС в годы войны с целью пропаганды туристической краеведческой работы была организована «Туристическая база выходного дня» на 80—100 человек. Для обслуживания приезжих были выделены два педагога, которые составляли программы выходного

дня, дающие знания согласно своей специальности [14, Л. 91]. В зимнее время были организованы однодневные туристические базы для приема лыжников из городов и сельской местности. Базы представляли из себя теплые комнаты, где можно было культурно отдохнуть и приготовить горячую пищу.

В годы войны областная ДЭТС проводила активную массовую и методическую работу среди организованных и неорганизованных групп детей и юношества. Сотрудники станции положили начало экспедициям пионеров и школьников по изучению исторических и природных богатств Ярославской области, массовым походам пионеров и школьников по изучению в своем микрорайоне расселений полезных дикорастущих растений, провели множество двухдневных походов за ягодами и грибами с детьми, не посещавшими школьные площадки. Кроме того, сотрудники ДЭТС организовали первые походы по изучению истории Великой Отечественной войны в Подмоскovie и под Сталинград [12, Л. 46].

В рамках методической работы в 1943–44 гг. сотрудники ДЭТС разработали положения о трех видах туристских лагерей: инструктивно-туристском, туристском лагере-примитиве, туристском лагере по сбору полезных дикорастущих растений. Все три вида лагерей были успешно реализованы на практике в военные и послевоенные годы. Лагеря размещались в палатках, шалашах, зданиях школ и формировались по типу бивуаков (походные очаги и постели). Все лагеря ставили своей целью решение одинаковых задач: углубление и расширение полученных знаний в школе; физическое развитие школьников; воспитание волевых качеств; привитие практических знаний и навыков; помощь фронту (сбор полезных дикорастущих растений).

Инструктивный туристский лагерь готовил инструкторов по организации туристской работы в школах и детдомах из учащихся 7–9 классов. Здесь делался упор на проведение теоретических и практических занятий, таких как: общее положение о туризме, краткие сведения по топографии, техника передвижения, строевая подготовка, связь в походе, санитария и гигиена юного туриста, организация походного быта, экскурсионно-краеведческие наблюдения, учет экскурсионно-туристической работы, составление плана похода. Всего на учебные занятия отводилось 144 часа, из расчета на 24 рабочих дня по 6 часов в день [12, Л. 51–52].

Во время зимних каникул ДЭТС организовывала инструктивно-туристические лагеря в сельской местности. Перед зимними лагерями

стояла задача подготовки лыжников из актива туристов-краеведов по 20-часовой лыжной программе. Помимо этого участники через лыжный туризм собирали краеведческий материал по темам: «Обитатели леса», «Жизнь лесорубов», «Колхозный скотный двор зимой». Лагерь носили военизированный характер: строгий режим дня, утренняя зарядка на свежем воздухе, обязательные 15-минутные пешие прогулки перед сном, жизнь на самообслуживании, деление на взводы, военные игры [14, Л. 90]. Ежедневное расписание состояло из лыжной подготовки днем и активного отдыха по вечерам (художественная самодеятельность, игры, поход в кино). Туристы-лыжники принимали участие в районных лыжных соревнованиях, как в командных, так и в индивидуальных, а также в лыжных экскурсиях в лес с целью изучения зимней природы [11, л. 14].

В туристский лагерь-примитив и лагерь по сбору дикорастущих растений направлялись школьники 3–6 классов сроком на 30 дней [10, Л. 94] с целью отдыха и сбора лекарственных трав в Фонд обороны страны [9, Л. 1]. В годы Великой Отечественной войны сбор дикорастущих растений имел важное значение для обеспечения фронта и тыла лекарственным сырьем. Например, подорожник, крапиву, лопух, валериану, ромашку и многие другие растения применяли для лечения бойцов Красной Армии; в медицине и ветеринарии также активно использовали мох сфагнум как перевязочный материал благодаря его впитывающим и бактерицидным свойствам. Сбор дикорастущих растений в годы войны был важным мероприятием, которое способствовало укреплению обороноспособности страны.

Интересно отметить, что организацией лагерей часто занимались сами туристы — дети старшего возраста. Например, в 1942 г. команда туристов Дворца пионеров самостоятельно совершила поход с целью выбора места для размещения будущего лагеря, а также добилась того, чтобы им сделали палатки и самодеятельные койки [9, Л. 23]. Дети, прошедшие подобные туристические лагеря, впоследствии имели преимущество при поступлении в военные училища.

С 1941 г. в работе обычных пионерских лагерей также были усилены воспитательная и туристическая составляющие, что должно было способствовать развитию у детей любви к Родине и готовности помогать в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. В целях приучения к общественно-полезному труду и военно-физической подготовке во всех лагерях устраивались военизированные туристические походы, экскурсии по местам боевой славы, работали кружки юннатов, основными направлениями деятельности которых были изучение

природы местного края и сотрудничество с колхозами [13, Л. 71 об.; 12, Л. 82 об., 83].

Дважды в год с целью привития навыков обороны юным туристам-краоведам Детская туристическая станция совместно с ОК ВЛКСМ и областным отделом народного образования организовывала военизированную игру «По вызову партизанского штаба». Зимой она была посвящена дню Красной Армии (23 февраля), летом – окончанию учебного года. Во всех школах, детских домах и интернатах из учащихся одного и параллельных классов создавались группы юных туристов-краеведов, которые «по вызову партизанского штаба» шли в поход определенным маршрутом по пересеченной местности, выполняя различные задания. Участники документировали весь поход, проводили фотосъемку, зарисовки, вели дневники [10, Л. 93].

За годы войны около 50 тыс. ярославских детей приняли участие в туристско-экскурсионных мероприятиях. Опыт работы Ярославской областной ДЭТС был широко распространен в других туристских станциях страны [15, Л. 38].

Таким образом, детско-юношеский туризм в военные годы выполнял три важные задачи: организацию культурного отдыха, физической закалки (оздоровления) и общественно полезного труда. В переломный момент жизни страны посредством туристической деятельности удалось мобилизовать школьников и студентов на выполнение важных экономических задач – помощи фронту и колхозам. Кроме того, организации ВЛКСМ в годы войны накопили богатый опыт работы по формированию у молодежи любви к родному краю посредством туристической деятельности, который может быть использован в современной России в рамках патриотического воспитания.

Список источников и литературы

1. *Абдулхаиров А.З.* Исторические трансформации и современное состояние детско-юношеского туризма в Крыму // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2018 г. № 1. С. 12–16.
2. *Антонов Е.Б.* «Теперь ты и будешь вполне настоящий ярославец...»: детский туризм в Ярославском крае в начале XX века. М.: ВНД, 2019. – 254 с.
3. *Арцыбашев Д.В. Арцыбашева Т.Н.* Детско-юношеская туристско-экскурсионная деятельность в Советском союзе: государственная политика и формы организации // Ученые записки. Журнал Курского государственного университета. 2019. № 3(51). С. 53–57.
4. *Баталова Л.В.* Детско-юношеский туризм в Удмуртии (1930-е – 1990-е гг.) // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 1. История и филология. С. 155–158.

5. Голубева О.А. Российский туризм в 1920–1970-х годах: система организации и управления // Вестник Челябинского государственного университета. Ито-рия. 2010. № 15. С. 68–75.
6. Константинов Ю.С. «Из истории детского туризма в России» (1918–2008 гг.). М.: ФЦДЮТиК, 2008. – 312 с.
7. Константинов Ю.С. Детско-юношеский туризм: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. – 401 с.
8. Попов А.Д. Из истории детско-юношеского туризма в Крыму до начала Великой Отечественной войны // Культура народов Причерноморья. 2005. № 68. С. 27–30.
9. Центр документации новейшей истории Государственного архива Яро-славской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 594. Оп. 33. Д. 574.
10. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 641.
11. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 642.
12. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 710.
13. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 711.
14. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 715.
15. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 775.
16. Шипко А.Л. Детско-юношеский туризм в контексте научного исследова-ния // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2018. № 1. С. 15–21.

Отражение локального культурного канона в воспоминаниях писателей и артистов Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. Статья посвящена изучению синхронных воспоминаний деятелей культуры Казахской ССР о Великой Отечественной войне. Писатели и артисты выполняли роль медиаторов между национальным и интернациональным в советский период, в том числе в годы войны. Наполняя своим творчеством официальный культурный дискурс, они одновременно транслировали традиционный канон через обращение к казахской литературе и языку, айтысу, степному ландшафту, кочевничеству и героям прошлого. Устные свидетельства деятелей культуры характеризуют локальную специфику и помогают вписать ее в общий контекст исторической памяти. Устные нарративы артистов и писателей являются неотъемлемым элементом репрезентации исторических событий военного времени, позволяющим выделять особенности культурного кода. Дошедшие до нас записи бесед предоставляют возможность проведения разноаспектного анализа свидетельств современников событий с применением инструментария исторической антропологии и новой культурной истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; деятели культуры; казахстанцы; устные воспоминания; культурный канон

Reflection of the local cultural canon in the memoirs of writers and artists of the Kazakh SSR during the Great Patriotic War

Abstract. The article is devoted to the study of synchronized memoirs of cultural figures of the Kazakh SSR about the Great Patriotic War. Writers and artists played the role of mediators between the national and international in the Soviet period, including the war years. Filling the official cultural discourse with their work, they simultaneously transmitted the traditional Kazakh canon through references to Kazakh literature and language, aitys, the steppe landscape, nomadism and heroes of the past. Oral testimonies of cultural figures characterize the local specificity and help to fit it into the general context of historical memory. Oral narratives of artists and writers are an integral element of the constructed representation of historical wartime events. Thanks to the preserved recordings of the conversations, it is possible to analyze the testimonies of contemporaries of the events in a multidimensional way using the tools of historical anthropology and new cultural history.

Keywords: Great Patriotic War; cultural figures; Kazakhs; oral memoirs; cultural canon

¹ Светлана Геннадьевна Белоус – PhD, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Казахстана им. акад. Т.С. Садыкова Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан); e-mail: sbelous978@gmail.com
Svetlana G. Belous – PhD, Senior Lecturer of the Department of Modern and Contemporary History of Kazakhstan named after Acad. T.S. Sadykov, Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan).

Великая Отечественная война стала одновременно воплощением трагедии и триумфа для ее современников. Деятели культуры по-своему стремились осмыслить происходящее. Наряду с остальной советской интеллигенцией казахские писатели и артисты вносили лепту в формирование образа войны в рамках доминирующего нарратива, влияли на трансляцию и интерпретацию представлений о войне в публичном пространстве. Вместе с тем на уровне республики оформился локальный культурный канон, сочетавший в себе традиционные казахские ценности и привнесенные советские. Это сочетание в итоге станет инструментом духовной мобилизации казахского населения в военный период. Попытаемся рассмотреть сложившийся в казахской среде локальный культурный канон через призму воспоминаний артистов и писателей. В основе их устных свидетельств выделяются следующие маркеры: казахская литература и язык, айтыс, степной ландшафт, кочевничество и обращение к героям прошлого. Их изучение требует расширения круга проблем, рассматриваемых историками, и применения методов антропологии. На сегодняшний день в Казахстане исследованиями войны занимаются Л. Ахметова [5], К. Алдажуманов [2], Б. Дукеев [22], А. Жанбосинова [7], А. Джунисбаев [3] и др. А. Капаева изучает вклад казахстанских ученых и деятелей культуры в победу в Великой Отечественной войне [10]. Вместе с тем расширение междисциплинарного поля путем применения различных исследовательских оптик находится на этапе разработки. В рамках данного исследования используется сочетание инструментария устной истории с методами исторической антропологии и новой культурной истории. Уместным является обращение к концепту А. Ассман о фиксации культурной памяти через творческое осмысление эпохи [4, с. 31].

Сторонники «мемориального бума» обозначили XX век как «эру свидетельства» (age of testimony), а устный источник — в качестве ключевого для изучения травматических событий современной истории [18, с. 131]. Смещение фокуса внимания исследователя с вопросов информативности источника к эмоциональным переживаниям и ощущениям автора эго-текста открывает дополнительные возможности реконструкции структур повседневности и стратегий поведения человека и локальных сообществ в обстоятельствах риска [21, с. 73]. Панорама устных рассказов перемещает в эмоциональное пространство памяти без пафоса и официальной риторики. Воспроизводится не только интеллектуальный, но и своего рода терапевтический смысл [20, с. 77]. Немаловажно, что синхронные воспоминания, записанные в годы войны, еще не были отягощены поздней авторской рефлексией.

Память о военных событиях, труде работников оборонных предприятий, повседневной жизни людей на фронте и в тылу, а также культурных практиках конструировалась Комиссией по истории Великой Отечественной войны, созданной в ноябре 1941 г. Члены комиссии собирали колоссальный массив устных свидетельств, материалов периодических изданий и писем с фронта [17]. Записи воспоминаний писателей и артистов были произведены в июле 1943 г. в Алма-Ате.

Осмысление прошлого всегда было прерогативой писателей, публицистов, кинорежиссеров и т.д. Для их устных воспоминаний характерна широта интерпретаций, зависящих от личности автора, рода его деятельности, взглядов [11, с. 219]. Изучение эго-документов и устных воспоминаний представителей интеллигенции подразумевает смещение фокуса на их восприятие происходящего в своем творческом субъективном воображении, поскольку они принимают непосредственное участие в процессах производства знаний и представлений. Они становятся мнемоническими акторами. Писатели и артисты «коллекционируют» свои впечатления и воспоминания — об окружающих и о себе, а устный рассказ подталкивает их к поиску новых смыслов и переосмыслению имеющихся [19, с. 111]. Ярким примером служат произведения Героев Советского Союза Б. Момышулы и М. Габдуллина. В их творческой деятельности сочетаются как советские идеологические установки, так и проявление казахской идентичности. Обратимся к основным аспектам, нашедшим отражение в воспоминаниях казахстанских деятелей культуры.

Общая тенденция по созданию образа героя в годы войны в республиках предопределила обращение к национальным героям разных эпох. В материалах Комиссии встречаем многочисленные упоминания военного потенциала казахов и героического прошлого: «Казахский народ на протяжении многовековой истории не раз вел национально-освободительные войны. Казахская степь славилась боевым мастерством своих лихих кавалеристов-джигитов» [16, Л. 18]. Образ казаха-воина обычно ассоциировался со смелым конником. Неслучайно обращение к всаднической культуре и образу вооруженного воина, поскольку он стал символом эпохи кочевых империй благодаря высокому уровню военного мастерства. Бойцов сравнивали с охотниками, отсылая к древней традиции: «Красноармеец-снайпер Сулейманов Ибрагим, бывший тракторист Джамбулской МТС, истребил 239 гитлеровцев. Он у нас как охотник в своем ауле — носит полный мешок патронов, две винтовки, один автомат и истребляет немцев, как диких зверей. Стреляет без промаха: лежа, стоя и на ходу» [16, Л. 36].

В стиле народного эпоса создали бойцы образ казаха-артиллериста в письме поэту Джамбулу, прославившего казахскую степь [16, Л. 26]. Подобные письма, как правило, были написаны на казахском языке:

Прославил солнечный свой край
И Ерназаров Мирзабай
Артиллерист, пушкарь, герой...
О нем, Джаке, ты песнь слагай!
Он взором режет темноту,
Он птиц стреляет на лету,
Недавно в битву он ходил,
Три танка вражеских подбил...
Вот зоркий страж седых степей,
Кулан прославленных полей,
Архар крутых Тяньшанских гор,
И, лебедь сказочных озер, —
Батыр с Балхашских берегов,
Убивший двести сорок псов,
О, Сулейменов Ибрагим
Своим народом будь любим!
(перевод В. Копытина, март 1943 г.)

По мнению писателя и ответственного секретаря Союза писателей КазССР Сабита Муканова, немалую роль в годы войны играли акыны². Они применяли доходчивую, живую и острую форму агитации — айтыс³. Перед акынами, в свою очередь, ставились задачи по проведению сбора средств, сбору материалов для творчества и культурному обслуживанию населения [15, Л.1 об.]. Асель Мукашева рассматривает айтыс как особый язык, ведущий начало от древней традиции ораторского мастерства, и считает, что айтысу доступны знаки, символы и смыслы местного бессознательного. Этот вид искусства всегда отсылает к чему-то исключительно местному, специфическому для этого пространства, поскольку требует от участников дискурса высокого уровня культурной эрудированности, знания истории, использования пословиц и поговорок. Айтыс в советский период был включен в государственное культурное производство и рождал культовые имена. К таковым стоит прежде всего отнести Джамбула Джабаева [9, с. 185].

² Поэт-импровизатор и певец.

³ Устное поэтическое состязание, стихосложение с импровизацией под музыкальный аккомпанемент.

Айтыс стал устной мемориальной практикой, сделавшей национальным содержанием, а не только форму.

Акын Каин Айнабеков выступал в качестве исполнителя народных песен на кобызе⁴. В годы Великой Отечественной войны он являлся инициатором возрождения айтысов на карагандинских шахтах. В 1943 г. проходили айтысы акынов в Нуринском районе в колхозах с казахским населением. Принимали участие такие знаменитые акыны-земляки, как Жоддыкей Нурмаганбетов, Ильяс Манкин, Таужа Айнатасов, Кользак Амангельдин, Саби Азденбаев. Один из таких айтысов состоялся в октябре 1943 г. в колхозе «Кзыл-Шилик». Состязались два акына, посланные Союзом писателей: Каип Айнабеков от 18-й шахты, которая из отстающей выдвинулась в передовые, и Ильяс Манкин от шахты 20-й, из передовых попавшей в отсталые. Присутствовали тысячи работников, партийные и советские работники, работники обкома партии. Поочередно сменяя друг друга, состязаясь в остроумии, акыны напоминали о своих успехах на трудовом фронте, высмеивали ошибки. На этом литературном турнире присутствовал и поэт Николай Титов. Он сделал первые наброски по переводу песен акынов на русский язык. По народной традиции побежденный Манкин подарил победителю Айнабекову халат и дал в песне обещание так воздействовать на руководителей и рабочих 20-й шахты, чтобы шахта улучшила работу [1]. Такие айтысы проводились акынами в разных сочетаниях: колхоз с предприятием, два предприятия, два колхоза и т.д. Подобные практики стали ярким образцом синтеза пролетарского содержания и национальных форм.

Многие респонденты в воспоминаниях указывали на важность связи с родным ландшафтом как важным атрибутом идентичности. В экстремальных условиях, во время подготовки к бою, когда человек с особенной остротой перебирает в голове все, что ему близко, перед глазами всплывали степные и горные пейзажи. Панфиловец Ильяс Таймасов вспоминал: «Когда думаешь о Родине, мне почему-то вспоминается сосновый бор Кокчетава, где я родился, рос, проводил детские годы. Широкие улицы столицы солнечного Казахстана – Алма-Ата, дружный, спаянный и организованный коллектив Управления Туркестано-Сибирской ж.д... Родина для нас началась здесь. Здесь ее начало, а конца ей нет. Она безгранична. Чем больше мы росли, тем шире раздвигались ее границы» [16, Л. 47]. Совершая трудные походы, находясь в окопах, ведя активные наступательные действия, бойцы не

⁴ Казахский национальный струнный смычковый музыкальный инструмент.

забывали о «своем солнечном Казахстане», бескрайних степях и высоких горах, быстроходных реках и прозрачных озерах, мощных заводах и фабриках, богатых колхозах и совхозах, красивых городах с яблоневыми садами [16, Л. 34]. Иллюстрировались типичные пространства: «На минуту закрыв глаза, отчетливо видим алмаатинские горы, на верхушках которых белый снег, над снегом — звезды, камень, еще теплый от солнца, арыки, по которым журчит холодная вода. Вспоминаем весну, цветы...» [16, Л. 49]. Воображаемое в воспоминаниях пространство становилось объединяющим фактором, участвующим в чувственном описании. Ландшафт приобретал сакральное значение. В западной части Казахстана было принято давать благословение призванным на горной вершине Отпан тау. Те, кто ждал с войны близкого и не получал известий от него, могли прийти на гору помолиться [9, с. 379]. В отличие от других маркеров культурного канона, пространственное воображаемое может быть относительно независимым от этнической, языковой и даже культурной принадлежности. Вместе с тем динамическое ощущение ландшафта степи характерно именно для культур с кочевым прошлым [9, с. 117]. По сей день представители каждого казахского рода стремятся выстраивать этнотерриториальное конструирование памяти с опорой на знание прошлых практик кочевания.

Литераторы занимались художественным осмыслением происходящего, создавали образы народных героев и противопоставляли им врагов. Бауыржан Момышулы вспоминал в 1944 г. о событиях, активным участником которых являлся сам. Он размышлял обо всем спектре чувств человека на войне, справедливо отмечая и самые неприглядные [12]. В его воспоминаниях находят отражение образы исторической памяти казахского народа: «Я убедился на собственном опыте, что в воспитании боевых качеств бойца колоссальное значение играет военное прошлое народов и национальные традиции... Подвиги казахских батыров должны стать традицией для современных джигитов» [12, с. 36]. Вторит ему Малик Габдуллин, отмечая историческую преемственность в проявлении национального характера: «Что значат произведения, романы о Срыме, Наурузбае, Кенесары, Есете, Бекете и других? Разве это не тема о Родине? Сегодняшние герои берут пример с древних героев. Ведь понятие о героизме знакомо нам издревле» [16, Л. 86].

Сабит Муканов в своем рассказе выделил выдающихся писателей М. Ауэзова, А. Абишева и К. Сыздыкова. Сам Сабит Муканов написал стихи «Ген. Жукову», «Братья Гвардейцы», «Бей крепче»

и либретто к опере «Гвардия вперед». Он проводил собрания и беседы с писателями Казахстана, давал задания, помогал советами, чтобы выступали с произведениями, мобилизующими на борьбу. Муканов вспоминал: «В районы и колхозы мы организовали бригады акынов. Во главе акынов — Джамбул. В дни самой напряженной борьбы за Москву мы послали к нему, рассказали положение страны. Джамбул сложил свою песню: призыв борьбы за Москву» [15, Л. 2]. Был подготовлен сборник произведений акынов и писателей об обороне Москвы: о 8-й гвардейской, о 28-и панфиловцах, пьеса Абишева и Ауэзова «Гвардия чести» и др. Особенно Муканов выделял 83-летнего акына Н. Байганина из Актюбинска. Он сложил песнь о Москве, поэму о 28 гвардейцах-панфиловцах, поэму «25 лет», посвященную Герою Советского Союза Тулегену Тохтарову [15, Л. 3]. Литературный секретарь Джамбула Таир Жароков описывал процесс создания стихотворения «Ленинградцы, дети мои!»: «Работа над песней, по словам поэта, шла “с полудня до вечера”. Джамбул пел, просил прочитать ему записанные Жароковым строки, исправлял их, если они ему не нравились, и снова пел» [13]. Сам Жароков в стихотворении «Казахская конница» отражает принадлежность казахских бойцов к миру кочевников [8, с. 16].

Казахская конница к бою готова.
Незваного гостя мы встретим сурово.
На крепком затворе мы держим границы;
Ни пяди земли и ни горсти пшеницы,
Ни капли воды мы врагу не дадим.
Народ нашей родины — непобедим!

Обращение к местным жанрам и героическому опыту казахского народа в годы войны давало символический ресурс и указывало на преемственность и отсутствие разрыва с прошлым. Наряду с осуществлением цели по созданию героического пантеона для бойцов из Казахской ССР происходила актуализация казахских традиций и возвращение имен. Подобные практики попутно возвращали «достоинство» местному своеобразие и культурным атрибутам, поскольку корректировали ориенталистские репрезентации образа Востока [23].

В стихотворении «Советским гвардейцам» (ноябрь 1941 г.) Джамбул Джабаев прославлял подвиг 8-гвардейской дивизии. Обращался он к вольным джигитам [14, Л. 33]:

Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул, —
Поступь победы слышит Джамбул.
Ярость бойца, священная страсть
Денно и ночью в битвах владей
Теми, кто жизни дарует власть
Теми, кто выше тысяч смертей!
Слава джигитам лучших частей!

Герой Советского Союза Малик Габдуллин ставил в своих письмах коренные задачи казахской советской литературы в условиях военного времени. Когда их читаешь, может показаться, что это не письма с фронта, а стенограмма выступления на собрании писателей [16, Л. 14]. В письме «Народ должен знать своих героев» заведующему сектором литературы Института языка, литературы и истории Казахского филиала Академии Наук СССР Есету Исмаилову он писал: «Каждый народ хвалит и возвышает своего героя. Мы уважаем Едиге, Кобланды, Таргына, Сырыма, Исатая, Махамбета, Абая, Шокана, Кенесары, Наурызбая, Амангельды, Джамбула и берем с них пример, знакомим бойцов с их делами и призываем: "Учитесь у них делу служения народу". Но о них не имеется биографических материалов. Мы хотим читать художественные произведения, песни батыров, казахскую литературу. Нужно достать песни батыров из сундуков филиала и издать. Воспитательное значение их огромно...». Он считал необходимым издание для русских командиров «Социально-экономического и этнографического справочника о казахском народе» [16, Л. 139].

Фронтовик Курманбек Сагындыков обращался к писателю Мухтару Ауэзову: «Какая радость бойцам-казахам читать газеты, книги, напечатанные на родном языке, и читать их в блиндаже под грохот прекращающегося смертоносного вражеского огня и сильно скучая по родным степям. Делегаты, прибывшие из Алма-Аты, привезли с собой порядочное количество книг на казахском языке. В числе их оказался и Ваш роман «Абай». Когда мы доставили эти книги бойцам передовой линии, наши воины-казахи были приятно удивлены. Это казалось им неожиданным сюрпризом, свалившимся с неба» [16, Л. 102]. Отметим многочисленные просьбы выслать готовящийся труд «История Казахской ССР» [16, Л. 141] и сделать альбом с вырезками из казахстанских газет [16, Л. 173]. Такой запрос указывал на проявление национальной идентичности и тягу к культурной традиции родного края.

7 июля 1943 г. состоялась беседа членов Комиссии по истории Великой Отечественной войны с Елюбаем Умурзаковым, народным

артистом КазССР Р. Известный по образу героя казахского народа Амангельды Иманова. С первых дней войны Умурзаков работал над новыми спектаклями антифашистского и патриотического содержания и исторической героики: «Час испытаний», «Ауэзов», «Ахан-серы» и др. К концертам он готовил патриотические песни, вдохновлявшие на борьбу. Сам Умурзаков отмечал особенно напряженную работу во время Московской битвы: «Буквально с утра и до ночи выступая на спектаклях и концертах специально для частей, уезжающих на фронт, в пользу семей военнослужащих, для детей» [15, Л. 4]. Дважды он ездил в мае 1942 года на Северо-Западный фронт и в октябре 1942 года на Калининский. В первую поездку бригада дала 64 концерта, а во второй раз – 130 концертов за 70 дней. Умурзаков привез из первой поездки 30 писем, из второй поездки – больше 40 и сходил во все семьи, куда были адресованы письма, лично вручил их, поговорил, передал привет. Надпись на одной из фотокарточек, врученных ему, гласила: «На память народному артисту КазССР т. Умурзакову Елиубаю. Ваш образ в роли Амангельды и Ваши замечательные выступления в нашей части призывают нас к героической борьбе против фашизма. Будем драться с таким же искусством и темпераментом» [15, Л. 4]. Безусловно, работа деятелей культуры несла в себе агитационный посыл и вместе с тем находила искренний отклик.

Заслуженный артист КазССР Евгений Иванов вспоминал: «В Казахстан приехал в 1936 г., будучи артистом Мариинского театра в Ленинграде. Приехал побывать на 3–4 месяца, но застрял вот уже на 7 лет. Работники ЦК и Правительство Казахстана шутя называют меня “старый казах”. Увлёкся подготовкой национальных кадров искусства. Работаю как артист и как педагог. Работа увлекала меня и потому, что правительство Казахстана уделяло большое внимание развитию национального искусства, заставляя учиться и работать над собой одаренных и талантливых представителей казахского искусства, таких как Байсеитова и др.» [15, Л. 5]. Он отмечал А. Умбетбаева, Ш. Бейсекову, Р. Абдуллина и целый ряд других имен. Тех, кто уже имел музыкальное образование и поставленные голоса, изучивших теорию музыки и историю искусства.

Беседа с Куляш Байсеитовой, народной артисткой СССР, орденосцем, Депутатом Верховного Совета КазССР, не менее информативна. Она рассказала о спектаклях для сбора средств на подарки 8-й гвардейской стрелковой дивизии, для помощи семьям красноармейцев, эвакуированным детям. В день приходилось проводить по два-три концерта параллельно с напряженной работой в театре, с вне-

очередными специальными спектаклями для воинских частей. «Я сама мать 3-х девочек, — говорила она. — Старшей 6 лет, а младшей было 4 месяца, когда я поехала с бригадой артистов на Северо-Западный фронт. Бросила кормить грудью и настояла на поездке, хотя товарищи были против. Мой долг перед любимой Родиной, честь моя требовали этого. И хотя я могла потерять ребенка, я поехала» [15, Л. 5]. Подобные суждения играют ключевую роль, когда речь заходит об истинности патриотических порывов людей того поколения. Для всех воспоминаний характерен единый посыл: боролись за Родину и свободу [6, с. 319].

Индивидуальный вклад творческой интеллигенции вплетался в общее наследие, ставшее на сегодняшний день одновременно национальным достоянием и летописью военных лет. Писатели и артисты Казахской ССР выполняли роль своеобразных посредников между национальным и интернациональным в советский период, в том числе в годы войны. Наполняя своим творчеством официальный культурный дискурс, они параллельно транслировали традиционный казахский канон через обращение к казахской литературе и языку, айтысу, степному ландшафту, кочевничеству и героям прошлого. Их устные свидетельства характеризуют локальную специфику и помогают вписать ее в общий контекст исторической памяти.

Список источников и литературы

1. *Ажмагамбетова Г.* Народный акын КАИП // Нуринский вестник. 1995. 21 января. URL: http://catalog.karlib.kz/irbis64r_01/Kraeved/Istoriya_Nury/narodnyi_akyn_kaip.pdf (Дата обращения: 16.03.2025).
2. *Алдажуманов К.С.* Қазақстан КСРО-ның Ұлы Отан соғысы кезеңінде. (1941–1945). Алматы. ТЭИ. 2016. — 317 б.
3. *Алдажуманов К.С., Джулисбаев А.А.* Национальные воинские соединения Казахстана на фронтах войны (1941–1945). Алматы: ТОО «Полиграфия-сервис и К», 2021. — 256 с.
4. *Асман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 328 с.
5. *Ахметова Л.С.* Панфиловцы: наша гордость, наша слава. Алматы, 2020. — 762 с.
6. *Белоус С.Г.* Устные нарративы казахстанцев о Великой Отечественной войне в контексте трансформации исторической памяти // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–27 октября 2023 г.) / отв. ред.: Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева; Институт российской истории РАН. М.: Институт российской истории РАН, 2023 г. С. 312–321.
7. *Жанбосинова А.С.* Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана // Исторический курьер. 2022. № 1(21). С. 133–144.

8. *Жароков Т.* Стихотворения и поэмы. Алма-Ата, 1957 г. – 287 с.
9. Казахстан: лабиринты современного постколониального дискурса // Сб. под ред. А. Бисеновой. Алматы: Центр современной культуры Целинный, 2023. – 467 с.
10. *Капаева А. Т.* Наука и культура Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Мир Большого Алтая. 2015. № 1(2). С. 131–138.
11. *Лагунов А. К.* Особенности отражения деятельности Комуча в воспоминаниях современников // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. статей Международной научно-практической конференции молодых ученых. М.: Институт российской истории РАН, 2022. С. 218–222.
12. *Момышулы Б.* Психология войны. Алматы: Казахстан, 1996. – 176 с.
13. Музы не молчали // Казахстанская правда. 27 января 2023.
14. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 3.
15. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 4.
16. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 7.
17. Память о войне: портреты казахстанцев (На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): хрестоматия. Белоус С. Алматы: ИП «Балауса», 2019. – 224 с.
18. *Сафронова Ю. А.* Историческая память: введение. Учеб. пос. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.
19. Традиции и новации преподавания источниковедения, историографии и методов исторических исследований. К 70-летию кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и 100-летию со дня рождения академика И. Д. Ковальченко (1923–2023). Монография / под ред. проф. А. Г. Голикова. СПб.: Алетей, 2023. – 252 с.
20. *Фокин А., Козлов Д.* Витязь на распутье: российские исследования памяти на рубеже 2010–2020-х годов // Laboratorium. 2023. № 1. С. 75–99.
21. *Чуркин М. К., Умнов Е. Е.* Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность Сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2020. № 65. С. 69–74.
22. *Berikbol Dukeyev.* Shifting Sands: Uncovering the Struggle for World War II Memory in Kazakhstan // Problems of Post-Communism. 2025. March. P. 1–14. DOI: 10.1080/10758216.2025.2467075.
23. *Said Edward W.* Orientalism. Penguin, 2019. – 205 p.

*М. М. Абдурахманова*¹

Резэвакуация населения из Узбекской ССР в 1943—1948 гг.

Аннотация. В данной статье, основанной на документах государственных и областных архивов, а также воспоминаниях людей, переживших эвакуацию и вернувшихся на прежние места жительства, рассматривается процесс резэвакуации населения СССР из УзССР в 1943—1948 гг., анализируются проблемы, возникавшие в процессе перемещения эвакуанов к местам прежнего места жительства. Описываются условия, в которых проходила резэвакуация, денежное и продовольственное снабжение в пути. Раскрывается процесс резэвакуации промышленных предприятий и их специалистов, научных учреждений, работников медицины, культуры и обычного населения. Особенно важным был процесс резэвакуации детей и детских домов: своевременной отправке на родину детских домов и воссоединению детей с родителями, вернувшихся с фронтов, уделялось большое внимание.

Ключевые слова: Вторая мировая война; эвакуация; резэвакуация; население; промышленность; врачи; культурные учреждения; детские дома

Re-evacuation of the population from the Uzbek SSR in 1943—1948

Abstract. This article, based on documents from state and regional archives, as well as the memoirs of people who survived the evacuation and returned to their former places of residence, examines the process of re-evacuation of the population of the USSR from the Uzbek SSR in 1943—1948, and analyses the problems that arose in the process of moving the evacuated population to their former places of residence. The conditions in which the re-evacuation took place, as well as monetary and food supplies along the way, are described. The process of re-evacuation of industrial enterprises and their specialists, scientific institutions, medical and cultural workers, and the general population is disclosed. The process of re-evacuation of children and orphanages was especially important: much attention was paid to the timely dispatch of orphanages to their homeland and the reunification of children with their parents who had returned from the front.

Keywords: World War II; evacuation; re-evacuation; population; industry; doctors; cultural institutions; orphanages

В настоящее время, когда в разных странах идут сложные политические процессы и военные конфликты, международными сообществами обсуждаются вопросы их предотвращения, задачи сохранения мира и стабильности, обеспечения межнационального согласия. В этом отношении особую актуальность имеет освещение вклада в Победу и по-

¹ **Мадина Мурадовна Абдурахманова** — PhD, старший преподаватель филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в Ташкенте (Ташкент, Узбекистан); e-mail: wonderful.madison@gmail.com

Madina M. Abdurakhmanova — PhD, Senior Lecturer, Branch of Moscow State University named after M. V. Lomonosov in Tashkent (Tashkent, Uzbekistan).

мощи тыловых союзных республик эвакуированному в разные регионы населения, а также процессу его возвращения на родину.

Целью данного исследования является освещение политики советской власти по реэвакуации населения, промышленности, научных и культурных учреждений из УзССР в 1943–1948 гг., а также условий и проблем, возникавших в процессе реэвакуации, и путей их решения.

В рамках избранной темы и хронологии исследования основное внимание уделено механизму эвакуационных перевозок, материально-бытовым трудностям, с которым столкнулось эвакуанное население на новых местах жительства [1; 7; 15; 16; 18]. Историография реэвакуации населения в период Второй мировой войны показывает наличие определенного фактического и научного материала. Однако данные работы носят отрывочный характер. В них дается общая, зачастую одна и та же информация о перебазировании людских ресурсов в тыловые регионы страны, приеме, размещении и реэвакуации. Это определяет актуальность проведения специального комплексного исследования по этой теме.

Источниковую базу исследования составили документы центральных государственных и областных архивов, мемуары людей, переживших эвакуацию и реэвакуацию на прежние места жительства.

В исследовании использованы принципы историзма, системности, статистического анализа, а также методы сравнительного и проблемно-хронологического анализа.

Осенью 1942 г. после побед советских войск в битве за Москву и начала контрнаступления под Сталинградом началось обсуждение вопроса о возвращении эвакуированных специалистов отдельных отраслей для восстановления разрушенных городов. Были приняты правительственные директивы по организованному вывозу населения из зон временного размещения в районы постоянного проживания.

Статистика выездов из Ташкента примерно отражает события на фронте, хотя и со значительным запозданием: фиксируются последовательные волны выездов сначала в Москву (особенно в 1943 и 1944 гг.), затем в Киев, в Харьков, в Ленинград и в Одессу [21, р. 236].

Реэвакуация населения так же, как и сама эвакуация, строго регулировалась государством. Ограничения на свободу передвижения, при которых проезд поездом зависел от разрешения органов внутренних дел, сохранялся до лета 1946 г. В свою очередь, разрешение на передвижение поездом зависело от предъявления повестки, выданной властями предполагаемого пункта назначения. Таким образом, возвращение зависело от разрешения различных органов, включая городские или областные советы, а также местную милицию.

В соответствии с постановлениями Государственного комитета обороны (ГКО) от 10 января 1942 г., возвращение в Москву могло производиться только по его решению, а количество ввозимых рабочих должно было предварительно согласовываться с Московским горкомом ВКП(б). Въезд в город разрешался только при наличии специальных пропусков, выдаваемых республиканскими (краевыми, областными) органами милиции [16, с. 144].

Эвакуированное население столкнулось с тяжелым бюрократическим процессом сбора, поиска и согласования документов, которые обеспечивали возвращение домой. Подобное обстоятельство требовало мобилизации институциональных, патронажных связей, что зачастую зависело и от личных и родственных связей. Так, например, русский писатель и переводчик Валентин Берестов, семья которого находилась в эвакуации в Ташкенте, представил силовым органам паспорт, повестку (специальный пропуск) и разрешение на прописку для возвращения в Москву [2, с. 248].

Относительно организованно происходило возвращение на родину сотрудников, перемещавшихся с предприятиями или учреждениями. Коллектив промышленных предприятий перемещался эшелонами, количество которых зависело от числа механизмов и сложности оборудования. Формирование каждого эшелона оформлялось приказами, составлялись списки уезжающих с указанием фамилии, имени, отчества, профессии, места работы, должности. Специальными приказами назначались начальники эшелонов, их заместители по политчасти, начальники по снабжению и питанию, начальники охраны эшелонов, врачи и фельдшера, ответственные за сохранность имущества и оборудования, санитарное обслуживание. Работники, переезжавшие с учреждениями и предприятиями, а также направлявшиеся в порядке реэвакуации к месту прежней работы, получали единовременное пособие и оплату расходов на переезд, обеспечивались жилой площадью по месту прибытия [20, Л. 2].

В дороге рабочим заводов и фабрик выдавалось двухразовое горячее питание и одноразовые пайки, которые выдавались на месяц. За день до отъезда все обеспечивались хлебными карточками и в обязательном порядке проходили санитарную обработку [3, Л. 92].

23 января 1943 г. согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» был утвержден план мобилизации из тыловых районов 28 350 наиболее опытных трактористов, комбайнеров, агрономов, механиков, шоферов

для восстановления разрушенного хозяйства на данных территориях [18, с. 90]. Возвращаемые в освобожденные районы тракторы, плуги и оборудование должны были быть исправны, за что персонально отвечали директора МТС.

Одновременно с возвратом тракторов также реэвакуировались специалисты и рабочие ранее эвакуированных МТС Украинской ССР. В соответствии с постановлением СНК СССР от 12 мая 1944 г. «Об оказании помощи по восстановлению МТС, машинно-тракторных мастерских и ремонтных заводов в освобожденных районах Украинской ССР» в освобожденные районы Украинской ССР было отгружено 83 трактора, в том числе из Ташкентской области – 45, из Самаркандской области – 38 [10, Л. 255].

Постановлением СНК СССР от 11 августа 1944 г. «О передаче швейного оборудования предприятиям, восстанавливаемым в освобожденных районах Украинской ССР» с Андижанской швейной фабрики имени Володарского были переданы 35 комплектных специальных швейных машин [9, Л. 84].

3 октября 1944 г. постановлением СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению сельского хозяйства в Белорусской ССР» из Узбекской ССР к месту прежней работы были реэвакуированы руководящие земельные работники, специалисты сельского хозяйства, научные работники и преподаватели сельскохозяйственных учебных заведений [12, Л. 91].

Согласно распоряжению Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР № 355с от 22 марта 1945 г. директору завода № 741 им. Энгельса, эвакуированному в Ташкент, было поручено реэвакуировать во втором квартале 1945 г. 400 человек из числа ранее эвакуированного населения г. Ленинграда. Были приняты все меры для обеспечения реэвакуированных работников жилплощадью, для них было организовано питание и подготовлен прием детей реэвакуированных женщин в детские сады [19, Л. 2].

Весной 1943 г. началась реэвакуация вузов, научно-исследовательских и культурных учреждений. Издавались различные постановления, регламентирующие порядок реэвакуации. Например, Постановление СНК СССР от 13 марта 1943 г. «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии Наук СССР в г. Москву» и Постановление СНК СССР от 3 августа 1943 г. «О возвращении эвакуированных московских высших учебных заведений в г. Москву» [4].

В марте 1944 г. началась реэвакуация Военно-медицинской и Артиллерийской академий, которые размещались в зданиях Узбекско-

го государственного университета. В июле 1944 г. реевакуировалась 6-я Военно-морская спецшкола, размещенная в г. Куваесе Ферганской области [8, Л. 292].

29 декабря 1944 г. в Ленинград вернулся эвакуированный осенью 1942 г. в Ташкент Ленинградский Электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина) [17, с. 1].

Также в 1943 г. началась реевакуация медицинских работников. Согласно постановлению СНК УзССР от 11 сентября 1944 г. «Об откомандировании в БССР медицинских работников, эвакуированных из Белорусской ССР», Наркомздраву УзССР, Ташкентскому горисполкому, облисполкомам и СНК Каракалпакской АССР было поручено реевакуировать всех медицинских работников, эвакуированных из Белорусской ССР [11, Л. 103].

Согласно отчету о состоянии кадров медицинских работников по УзССР за период войны, по данным на 1943 г. количество врачей в УзССР составляло 4827 человек, из которых 2331 являлись эвакуированными. По причине мобилизации в РККА основных кадров врачей — молодых и квалифицированных мужчин и женщин, в УзССР прибыли эвакуированные врачи, преимущественно женщины с детьми, инвалиды и старики [14, Л. 1–7].

По данным на 1 марта 1943 г. из УзССР был реевакуирован 361 врач. Реевакуация проводилась в основном на Северный Кавказ и в Сталинградскую область, а реевакуация в Украинскую ССР была временно приостановлена. По поручению Наркомздрава СССР в 1943 г. необходимо было реевакуировать еще 2680 врачей. Однако многих из эвакуированных невозможно было реевакуировать — по семейным обстоятельствам и по состоянию здоровья. Наркомздрав УзССР был вынужден посылать в освобожденные области врачей из числа местных кадров республики. В случае проведения реевакуации полностью по плану в УзССР оставалось всего 2147 врачей. Таким образом, резко увеличивался недокомплект специалистов на 3710 врачей. Источником пополнения врачебных кадров тогда были Ташкентский и Самаркандский медицинские институты. В то же время значительное число выпускников этих вузов были призваны в ряды РККА. В УзССР же по плану оставался сравнительно меньший процент врачей этих выпусков и потребность в кадрах ими не покрывалась.

22 июня 1944 г. началась реевакуация Киевского государственного ордена Ленина академического театра им. Ивана Франко. Учитывая, что коллектив в составе 300 человек будет находиться в дороге 30 дней, ру-

ководитель театра обратился к заместителю Председателя СНК УзССР А. Кабанову с просьбой обеспечить артистов промышленными и продовольственными товарами. В результате распоряжением СНК УзССР от 20 июня 1944 г. за второй квартал 1944 г. было выдано 50 пар мужской и женской обуви, 20 отрезов на мужские костюмы, 40 отрезов шелка на женские платья, 12 отрезов хан-атласа, 20 костюмов спецовок, 300 пар чулок и носков, 500 кусков хозяйственного мыла, 400 кусков туалетного мыла. Помимо этого, Наркомторгу УзССР было дано распоряжение отovarить продуктовые карточки работников театра на июль, а также карточки на кондитерские изделия на июнь и июль месяцы [13, Л. 252].

За счет плана использования овощей из урожая 1944 г. коллективу театра были выданы следующие продукты в объеме четырех тонн: 1 тонна яблок, 1,5 тонны капусты, 300 кг лука, 300 кг огурцов, 200 кг помидоров, 400 кг свеклы, 300 кг моркови.

После окончания войны с Германией с 1945 по 1948 гг. продолжилась интенсивная реэвакуация заводов, фабрик, коллективов культурных и научных учреждений. В то же время население получило разрешение на массовый выезд на родину. Отдельной льготой пользовались семьи военнослужащих. Например, для отправки на родину французенок Ульнер Ильяны и Ульнер Жанны решением Исполнительного комитета Ташкентского городского совета от 22 декабря 1945 г. из фонда помощи семьям военнослужащих было выделено 7000 рублей. Помимо денежного обеспечения им было выдано по одному пальто (зимнему), по одному платью, по 2 пары чулок, одной паре туфель с галошами, также на дорогу было выделено 3 кг сливочного масла, 6 кг колбасы, 3 кг сыра, 10 банок консервированных продуктов, 6 кг белого хлеба, 2 кг кондитерских изделий [20, Л. 182].

Возвращались обратно в свои семьи воспитанники детских домов и взятые на воспитание дети. Центральный детский эвакупункт, производивший в первые годы войны колоссальную работу по приему эвакуированных детей, согласно Постановлению СНК УзССР от 29 декабря 1943 г. был преобразован в Центральный пункт Наркомпроса УзССР по приему и отправке детей [7, с. 281].

Практическим руководством в работе Центрального пункта стало положение, одобренное и утвержденное СНК УзССР, «О порядке отправки воспитанников детских домов к родным», где подробно описывался порядок реэвакуации детей. Выезд детей к родителям или родственникам в другие республики осуществлялся только через Центральный пункт. Из областей до Ташкента ребенок приезжал в сопровождении специально выделенного воспитателя, который при сдаче ребенка на

Центральный пункт должен получить соответствующую расписку, которая хранилась в личном деле воспитанника соответствующего детдома.

Например, в соответствии с приказом Наркомпроса республики за № 493 от 23 мая 1944 г., для возвращения 12-летней Соколовой к матери в Лысов (хутор в Суровикинском районе Волгоградской области России) была командирована в качестве сопровождающей воспитательница детдома № 2 М.А. Фальшина.

В случае выдачи ребенка на руки родителям последние подписывали расписку по установленной форме. При возвращении ребенка родственникам или доверенному лицу для отправки через них к родителям требовалась доверенность одного из родителей.

Детский дом был обязан выдать воспитаннику, передаваемому родным: свидетельство о рождении, а в случае его утраты, справку медицинского эксперта об установленном возрасте, табель успеваемости, справку о состоянии здоровья, педагогическую характеристику за последнюю четверть, справку о снятии с питания. Также детский дом обязан был одеть ребенка по сезону и в зависимости от того, куда ребенок выезжает, выдать сезонную одежду. Воспитаннику выдавалась рейсовая карточка с продуктами питания не менее чем на 10–30 дней, в зависимости от длительности пути следования. В частности, согласно приказу Наркомпроса УзССР за № 729 от 6 августа 1945 г. для реевакуации из г. Ташкента детского дома № 7 в г. Симферополь воспитанники и воспитатели обеспечивались полностью обмундированием, продуктами питания из расчета на месяц в пути следования и средствами на оплату вагонов и ведение расходов в пути» [7, с. 283]. Для реевакуации Кувинского детдома № 2 на Украину 19 июня 1945 г. на 160 воспитанников было выделено 30 000 рублей из средств Ферганского облОНО, а также продуктов питания сроком на 1 месяц [5, Л. 94].

На основании приказа Наркомпроса УзССР за № 632 от 14 июля 1945 г. из Узбекистана реевакуировалось сразу 11 украинских детских домов. В частности, 5 — из Андижанской области, 2 — из Кашкадарьинской, 2 — из Наманганской, 1 — из Самаркандской, 1 — из Ферганской [7, с. 283].

Большой интерес представляют воспоминания эвакуированных детей, которые вернулись к себе на родину и отправляли письма благодарности руководителям и воспитателям детдомов, а также в редакции журналов. В них отражается послевоенная судьба эвакуированных.

Юзефа Бучковска-Маркевич в 1978 г. в статье «Где вы сейчас» в журнале «Эхо Кракова» описывала период пребывания в УзССР и отъезд домой: «Минуло около 36 лет с того времени, когда вместе

с родителями я оказалась на земле Узбекистана. Было это в 1942 г. Годы войны стали причиной того, что родители умерли, а я со своим младшим братом Мечиславом осталась беспомощной. Очень в то время помогли нам узбеки из колхоза Кагановича, которые нас кормили и окружали сердечной опекой.

Вскоре после смерти родителей мы попали в детский дом, сначала в Вабкенте, а затем в Бухаре. Мне было тогда 15 лет, а брату 4 года. Были то трудные времена. Сейчас бывает прилягу, и милые воспоминания о пребывании в Бухаре и сердечности людской, с которой нас на каждом шагу встречали в том краю, охватывают меня. Возвратились мы в 1946 году и пребывали в детском доме в Острудзе, где я постепенно становилась самостоятельной. Окончила среднюю школу, вышла замуж за офицера Войска Польского. С 1954 года жизнь моя сложилась хорошо, имею троих детей. Сыновья закончили среднюю школу, а дочка вуз в Кракове. Детям своим часто рассказываю о войне и тех годах, но для них тот период есть только история. Проработала 26 лет в различных детских домах, в настоящее время работаю в государственном детском доме № 3 в Кракове» [6, Л. 2–4].

В апреле 1946 г. в Польшу в специальных эшелонах было реэвакуировано 1147 польских детей. 10 апреля 1946 г. только из города Карши в свои дома были возвращены 588 детей [1, с. 6].

Всего в мае 1946 г. двумя эшелонами было реэвакуировано и на станции Брест передано 1378 человек, из которых 947 составляли дети, а 431 — воспитатели и члены их семей [18, Л. 8]. По данным на 15 августа 1946 г., из УзССР всего было реэвакуировано 26 909 польских граждан, из которых 24 834 человек были вывезены организованными эшелонами, а 2075 человек — индивидуально [15, с. 112].

В письмах эвакуированной в г. Бухару Сабины Кисель также приводятся воспоминания о жизни в эвакуации и возвращении домой. «В результате военных событий в 1939 г. погиб мой отец; 10 февраля 1940 г. мама и мы, семеро детей, были переселены в окрестности Архангельска, где пробыли около полутора лет. Там умерла моя сестра, которой было тогда около 6 лет. В середине 1941 г. нас переселили в Узбекистан, где оказались мы в окрестностях Бухары — в Ромитане, колхоз Лахла-ка. Мы с матерью поселились на территории колхоза вместе с другой семьей, которая состояла из матери и троих детей. В то время мать тяжело заболела и решила отдать нас в детский дом. Вскоре мать поместили в госпиталь в Бухаре, и с той поры я ничего о ее судьбе не знаю. Через некоторое время меня перевели в другой детский дом в Бухаре, затем я работала в колхозе «Опытное поле». Весной 1946 г.

организовали транспорт, который собрал всех поляков, пребывавших в окрестностях Бухары, и 10 мая 1946 г. мы выехали по направлению к Польше. В Польшу я вернулась, когда мне было 18 лет. В Польше очутилась в Сулецине в Зеленогурском воеводстве. Здесь нашла дядю (брата моего отца), жившего в Радоме, который принял меня как собственную дочь. Сейчас живу в Радоме, имею свою семью, взрослых детей и внуков. Поддерживаю постоянную связь с ранее обнаруженными братьями – Казимежем и Здиславом, которые живут в Англии» [6, Л. 6].

В целом процесс организации реевакуации предприятий, учреждений и населения начался после освобождения Москвы и Сталинграда и продолжался вплоть до 1948 г. Стремление человека жить на родине, а не на чужбине, усиливало желание быстро вернуться домой. Осознавая трудности дороги, трудоустройства и обеспечения жильем после возвращения в разрушенные города и села, эвакуированные писали заявления о реевакуации.

В ходе реевакуации населению предоставлялись материальная помощь, люди обеспечивались промышленными товарами и продуктами питания. Основными способами возвращения эвакуированного населения на прежние места проживания были: по запросам ведомств, партийных и государственных органов, с предприятиями и учреждениями, по распоряжениям правительства, по линии «помощи освобожденным районам», переезд детских учреждений или возвращение детей к родителям. Массовое индивидуальное самостоятельное передвижение населения стало возможным лишь после окончания войны.

Список источников и литературы

1. *Азимов Х.* Гуманизм узбекского народа в годы Второй мировой войны // *Review of law science.* 2020. С. 201–206.
2. *Берестов В.* Избранные произведения: в 2 т. М.: изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. – 607 с.
3. Государственный архив Кашкадарьинской области (ГАКО). Ф. С-133. Оп. 1. Д. 219.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 211.
5. Государственный архив Ферганской области (ГАФО). Ф. 1124. Оп. 7. Д. 168.
6. Государственный музей литературы им. А. Навои. Архивный фонд Г. Марьяновского № 1. Д. 97.
7. *Марьяновский Г.И.* Книга судеб. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988. – 286 с.
8. Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 4162.
9. НАУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 4191.
10. НАУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 4206.

11. НАУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 4217.
12. НАУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 4218.
13. НАУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 4251.
14. Национальный архив научно-технической и медицинской документации Узбекистана (НАНТМДУз). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3462.
15. Пискунов С.А. Возвращение на родину: участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. // Социум и власть. 2012. № 5(37). С. 109–113.
16. Потемкина М.Н. Резвакуация населения СССР в 1943–1947 гг.: социальный и психологический аспекты // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2017. № 1(250). Вып. 41. С. 142–147.
17. Правда Востока. 1944 г. 29 декабря.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. – 750 с.
19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2063. Оп. 9. Д. 1.
20. Центральный государственный архив г. Ташкента (ЦГА г. Ташкента). Ф. С-10. Оп. 18. Д. 525.
21. Manley R. To the Tashkent station. Evacuation and survival in the Soviet Union at war. Cornell University Press, Ithaca and London, 2009. – 304 p.

*М.В. Буцких*¹

Социально-демографическая ситуация в РСФСР в 1946—1947 гг.

Аннотация. Целью данной статьи является анализ демографической ситуации в РСФСР в 1946—1947 гг. В качестве источников используются демографические показатели по СССР: статистический сборник, подготовленный Федеральной службой государственной статистики, материалы периодической печати. Материалы представлены фондами Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): используется форма «А»; общая форма (форма «1»); форма 2; форма № 2а; форма № 2б; форма № 7; форма № 8. Автором анализируются данные по рождаемости 1946 г. и 1947 г., смертности в РСФСР в 1946 г. и 1947 г. Из представленных данных можно сделать вывод о снижении естественного прироста, высокой младенческой смертности, увеличении доли разводов. Анализ материалов периодической печати показывает просветительскую миссию Института санитарного просвещения Министерства здравоохранения среди женщин. Социально-демографическая ситуация в РСФСР в 1946—1947 гг. была обременена последствиями Великой Отечественной Войны и голодом в 1946—1947 гг.

Ключевые слова: голод; историческая демография; послевоенный период; рождаемость; брачность; смертность; естественное движение; разводы; РСФСР

Socio-demographic situation in the RSFSR in 1946—1947

Abstract. The objective of this article is to analyze the demographic situation in the RSFSR in 1946—1947. The following demographic indicators for the USSR are used as sources: a statistical digest prepared by the Federal State Statistics Service and periodicals. The materials are presented by the funds of the State Archive of the Russian Federation (GARF): form “A” is used; general form (form “1”); form 2; form No. 2a; form No. 2b; form No. 7; form No. 8. The author analyzes data on the birth rate in 1946 and 1947, mortality in the RSFSR in 1946 and 1947. From the presented data, one can conclude that the natural increase was declining, infant mortality was high, and the proportion of divorces was increasing. The analysis of periodicals shows the educational mission of the Institute of Health Education of the Ministry of Health among women. The socio-demographic situation in the RSFSR in 1946—1947 was burdened by the consequences of the Great Patriotic War and the famine of 1946—1947.

Keywords: Famine; historical demography; post-war period; birth rate; marriage rate; mortality; natural movement; divorces; RSFSR

Демографическая ситуация в современной Российской Федерации сохраняет неблагоприятные тенденции. Решение демографического кризиса в современной России является ключевой задачей для устой-

¹ **Мария Вячеславовна Буцких** — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия); e-mail: bnmw17179@mail.ru
Maria V. Butskikh — Junior Researcher, Institute of Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

чивого развития нашей страны. В этой связи усиливается необходимость в историко-демографических исследованиях прошлого.

Анализ последствий демографической катастрофы в СССР и РСФСР в послевоенные годы позволяет осмыслить тенденции воспроизводства населения в современной России. По расчетам статистиков военного времени, с начала 1939 г. до 1 сентября 1945 г. численность жителей РСФСР сократилась приблизительно на 21,5 млн человек [15, с. 856]. Однако после Великой Отечественной войны состоялось еще одно серьезное испытание, отразившееся на демографии нашей страны – голод 1946–1947 гг.

Цель статьи – проанализировать демографическую ситуацию в РСФСР в 1946–1947 гг.

В статье привлекаются опубликованные и неопубликованные материалы. В качестве опубликованных источников используются демографические показатели по СССР (естественное движение населения республик СССР, 1935–1990 гг.) [9]; статистический сборник, подготовленный Федеральной службой государственной статистики [4], а также материалы периодической печати (журнал для женщин и семьи «Работница») [3; 10; 11; 12; 20; 30].

Неопубликованные материалы представлены фондами Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [6; 7]: используется форма «А»; общая форма (форма «1»); форма 2; форма № 2а; форма № 2б; форма № 7; форма № 8. Из Российского государственного архива экономики (РГЭ) взяты данные о численности населения в 1946–1947 гг. [26; 27].

Форма «1» представляет собой сведения о естественном движении населения за 1946–1947 гг. Данная форма показывает рождаемость, смертность, брачность, число родов по полу, как с учетом мертворожденных по полу, так и без мертворожденных по полу; число многоплодных родов. В форме «А» по итогам регистрации актов гражданского состояния за 1946–1947 гг. отображены сведения, полученные при регистрации соответствующих событий (брак, рождение, смерть). Форма № 2 представляет собой сведения о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери за 1946–1947 гг. Форма № 2а отображает сведения о родившихся у многодетных матерей по порядку рождения и занятиям родителей за 1946–1947 гг. Форма № 2б содержит сведения о родившихся, в отношении которых в акте рождения отсутствуют записи об отце, в ней отображены сведения о возрасте и занятии матери, всего родившихся детей. Форма № 7 – сведения о браках по возрастам брачующихся за 1946–1947 г. Форма № 8 – све-

дения о разводах по возрасту разводящихся и продолжительности расторгнутых браков.

Процесс разработки данной темы можно разделить условно на три этапа. Данное разделение прежде всего связано с расширением источниковой базы, рассекречиванием документов, так как историко-демографические проблемы послевоенного периода (1946–1959 гг.) долгое время не были исследованы в силу закрытости источников.

На первом этапе (1946–1959 гг.) демографическая ситуация послевоенного времени, голод 1946–1947 гг. практически не освещались. Однако некоторые вопросы, связанные с рождаемостью, с инфекционными заболеваниями, поднимались на конференциях, созванных в 1946–1948 гг. Комиссией при Президиуме Академии медицинских наук СССР и Институтом здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР и посвященных ликвидации медико-санитарных последствий войны [23].

Второй этап (1959–1991 гг.) характеризуется возрастанием интереса к исследованиям в области демографии. На данном этапе выходят работы обобщающего характера по социологии и демографии 1940–1960 гг.: Р.И Сифмана [29], Б.Ц Урланиса [31], А.Г Харчева [32], А.Г Волкова [5]. В свет выходили ученые записки по статистике, по актуальным вопросам теории и методологии демографической науки. Среди работ можно выделить публикации, посвященные абортam, Е.А Садвокасовой [28]. В своей статье автор отмечает тревожащий факт: начиная с 1946 г. число зарегистрированных абортов увеличивается как в городах, так и в сельской местности [28, с. 210]. Однако оценки демографических показателей в послевоенное время в РСФСР авторами рассматриваются достаточно кратко из-за отсутствия документов.

Третий этап (с 1991 г. по настоящее время) отличается внушительным количеством работ, связанных с открытием ранее закрытой архивной информации. Так, впервые появляется обобщающий труд по населению СССР [1]; публикации, посвященные оценке голода в 1946–1947 гг. В.П Попова [24], В.Ф Зимы [18]; работы Н.А Араповец по изучению брака в послевоенные годы [2]; исследования регионального характера В.И Исупова по населению Сибири [19]; В.Б Жиромской рассматриваются послевоенные поколения в России [14]. В целом, краткий обзор историографии позволяет говорить о значимости выбранной темы, однако потенциал архивных материалов раскрыт не полностью. Данный факт позволяет на современном этапе более подробно изучить социально-демографическую ситуацию в РСФСР в 1946–1947 гг.

Анализ социально-демографической ситуации в РСФСР в 1946–1947 гг. включает рассмотрение таких понятий, как «рождаемость», «семья», «брак», «смертность».

Рождаемость в 1946–1947 гг. в целом характеризуется подъемом (см. Табл. 1).

Таблица 1

**Рождаемость (без мертворожденных) в РСФСР в 1946 г. и 1947 г.,
тыс. чел. [5, Л. 4; 6, Л. 1]**

	1946 г.			1947 г.		
	Муж.	Жен.	обоего пола	Муж.	Жен.	обоего пола
РСФСР	1 209 986	1 145 021	2 355 007	1 322 260	1 253 446	2 575 706

На рождаемость послевоенного времени оказывали воздействие множество факторов:

1) демобилизация военнослужащих из действующей армии. Как отмечает своей работе В. Н. Земсков, за неполный 1946 г. количество демобилизованных возросло с 2,8 до почти 7 млн человек, большинство составляли мужчины трудоспособного возраста, в основном проживавшие в сельской местности [17, с. 177];

2) репатриация советских граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за пределами своей страны [17, с. 178];

3) диспропорция возрастно-половой структуры населения. Данное нарушение привело к нарушению брачности, появилось много вдов, матерей-одиночек [14, с. 168];

4) ухудшение бытовых условий жизни, питания населения — данный фактор сказывался на вынашивании плода.

Принимая во внимание данные факторы, можно сказать, что ситуация по РСФСР была неоднородной. Районы, пострадавшие от военных действий, характеризуются низкой рождаемостью. Однако В.Б. Жиромская выделяет несколько регионов с высокой рождаемостью: 1) районы массовой эвакуации, где в годы войны было много мужчин, а после войны население пополнялось демобилизованными; 2) национальные округа и автономии, находившиеся в тылу [14, с. 170].

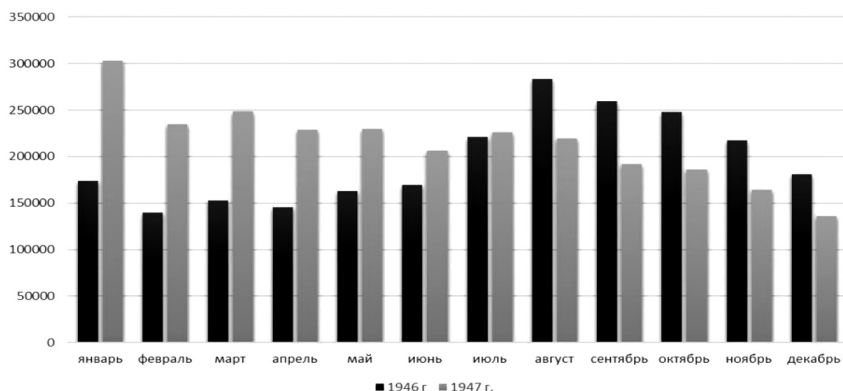
Среднегодовая численность населения в 1946 г. составила 93 434,65 (подсчитано по РГАЭ) [26, Л. 2; 28, Л. 2–3.]. Общий коэффициент рождаемости населения на 1 тыс. человек в 1946 г. составил

25,2‰. Естественный прирост в 1947 г. составил 1296438 человек. Коэффициент естественного прироста в 1946 г. составил 14,2‰ (подсчитано по ГАРФ) [6, Л. 4–4 об.]. В 1947 г. коэффициент естественного прироста составил 11,9‰ [7, Л. 1–1 об.]. Следует отметить, что в 1946–1947 гг., как и после Первой мировой войны, увеличивается число родившихся мальчиков. Это объясняется теорией происхождения пола и причин колебания половой пропорции рождающихся: чем выше внутриутробная смертность, тем меньше пропорция рождающихся мальчиков, и наоборот.

По данным помесечных чисел сезонность рождаемости в 1946–1947 гг. была неоднородной. В 1946 г. рождаемость повышается к концу года, пик рождаемости приходится на август 1946 г. Рост рождаемости продолжается в начале 1947 г., но постепенно идет на спад (см. Рис. 1).

Рисунок 1

**Сезонность рождаемости в 1946–1947 гг.,
тыс. чел. [5, Л. 4; 6, Л. 1]**

Падение рождаемости 1947 г. связано прежде всего с неурожаем и голодом населения. Как отмечает В.Б. Жиромская, снижение прироста населения в 1947 г. связано с понижением рождаемости по сравнению с 1946 г., что аномально для периода демографической компенсации. Рождаемость в большинстве областей России, кроме южных и восточносибирских регионов, резко упала [14, с. 176–177].

Сведения о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери указывают, что средний возраст материнства в РСФСР продолжает падать по сравнению с довоенным временем. В 1946–1947 гг. женщина

становилась матерью впервые в возрасте 22 лет (1924—1925 гг. рождения). В 1946 г. родили первенцев в 22 года 103 997 женщин, в 1947 г. — 136 543. Это объясняется экономическими факторами, которые связаны с трудностями послевоенного времени, приводившими к снижению среднего возраста рожениц.

Наибольшее количество родившихся вторых детей в 1946 г. приходилось на возраст 25 лет: на данный возраст матерей приходится 33 905 родившихся детей, в 1947 г. — на 26 лет (40 887 родившихся). Третий и четвертый ребенок рождался в 1946 г. и 1947 г. чаще возрасте 32 лет, в возрасте 35 лет рождался 5 ребенок. В 1946 г. 7 ребенок чаще рождался в возрасте 36 лет, в 1947 г. — возрасте 37 лет. В возрасте 40 лет рождался 8—11 ребенок, 12—13 ребенок в семье появлялся на свет в возрасте 42 лет [6, Л. 7—7 об.; 6, Л. 22—24].

По информации о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце, по возрасту и занятию матери в РСФСР в 1946—1947 гг. самым фертильным возрастом для рождения ребенка как в городских поселениях, так и в сельской местности был возраст 23 года. На этот возраст приходится в 1946 г. 41 034 родившихся детей, в 1947 г. — 40 937. Однако в сельской местности можно встретить более ранний возраст материнства. Так, в 1946 г. чаще мамами становились в 22 года, на этот возраст приходится 19 478 родившихся детей [6, Л. 14—14 об.; 7, Л. 28—28 об.].

Рассмотрение сведений о родившихся у многодетных матерей по порядку рождения и занятиям родителей показывает, что в 1946 г. всего родившихся у многодетных матерей насчитывалось 703 423, а в 1947 г. — 6 131 564; в большей степени это были женщины, работающие в колхозе [6, Л. 11; 7, Л. 25].

Анализируя социально-демографическую ситуацию в РСФСР в 1946—1947 гг., важно обратиться к материалам периодической печати того времени, которые позволяют оценить остроту проблем, связанных с рождаемостью, смертностью, детскими заболеваниями в данный период. Популярным журналом для женщин был ежемесячный журнал «Работница», где одной из важнейших рубрик были статьи от Центрального института санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР. В выпуске № 6—7 за июнь-июль была опубликована статья «Гигиена беременной женщины», где давались рекомендации по распорядку дня [20, с. 19]. В выпуске № 9 за сентябрь 1946 г. можно найти советы врача, посвященные физкультуре беременной [10, с. 16—17]. Доктор Гранат прописывает четкие рекомендации беременным женщинам по гигиене, физическим нагрузкам, режиму дня. В дан-

ном выпуске напечатана статья профессора Дика о женских и детских консультациях. В статье можно увидеть широкий спектр деятельности женских консультаций: консультация для беременных, лечебная помощь при женских заболеваниях, возможность получения молочных смесей, молочные кухни для детей, консультации по предупреждению заразных болезней среди маленьких детей, информацию об особенностях детского организма, об уходе за ребенком. Таким образом, государство ненавязчиво старалось формировать культуру вынашивания детей, чтобы сохранить физическое и психологическое здоровье матери и обеспечить полноценное развитие будущего ребенка.

Важным показателем для воспроизводства населения является уровень смертности (см. Табл. 2):

Таблица 2

**Умершие в РСФСР в 1946 г. и 1947 г.,
тыс. человек [5, Л. 4 об.; 6, Л. 1 об.]**

	1946 г.			1947 г.		
	Муж.	Жен.	обоего пола	Муж.	Жен.	обоего пола
РСФСР	549 556	509 013	1 058 569	785 431	676 018	1 461 449

По архивным данным прослеживается сезонный характер смертности населения. В 1946 г. смертность снижается в летний период, в то время как в 1947 г. летом она увеличивается, что объясняется голодом, который пришелся на лето 1947 г. (см. Рис. 2).

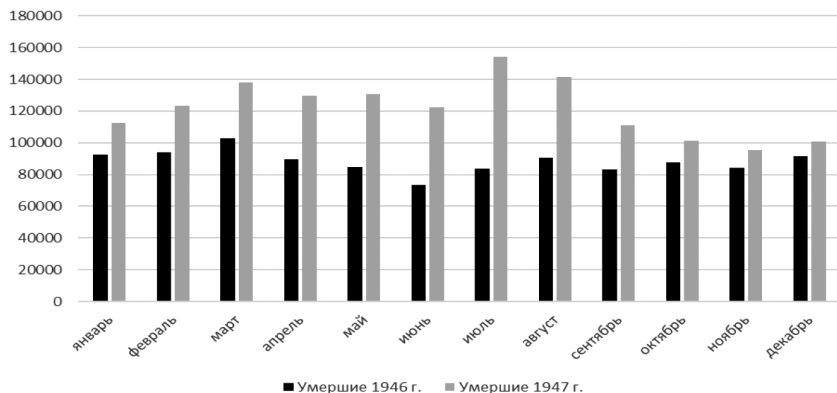
Оценка численности жертв голода до сих пор является предметом дискуссии. По заключению В.Ф. Зимы, в 1947 г. в целом по СССР из 2 628 900 умерших по разным причинам 2 248 700 (85%) пришлось на РСФСР, Украину и Молдавию [18, с. 164]. В.П. Попов полагает, что сверхсмертность населения в РСФСР составляла около 1 млн чел., В.А. Исупов — 800 тыс. чел., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова говорят о более чем 500 тыс. чел. [21, с. 75].

Во время голода смертность увеличивалась за счет высокой смертности среди детей. По сведениям о естественном движении населения за 1946–1947 гг., число умерших детей до 1 года обоих полов составляет в 1946 г. — 191 077, в 1947 г. — 340 004 чел. [6, Л. 4 об.; 7, Л. 1 об.] Коэффициент младенческой смертности по РСФСР составил в 1946 г. 93,7‰ [6, Л. 4], за 1947 г. — 135,8‰ [7, Л. 1] (подсчитано по форме № 1,

сведения о естественном движении населения, утвержденные ЦСУ Госпланом СССР). В 1946 г. в РСФСР из 1 тыс. новорожденных до одного года не дожило 124 ребенка, а в 1947 г. – 170 детей [22, с. 39]. Высокая младенческая смертность в послевоенное время была вызвана прежде всего слабостью здоровья матерей, нервными стрессами, нарушениями экологической ситуации в стране. В целом по стране в 1947 г., по сравнению с данными 1946 г., детская смертность увеличилась на 51%, но при этом она оставалась значительно ниже предвоенного 1940 г., когда был отмечен всплеск детской смертности [8, с. 99].

Рисунок 2

**Сезонность смертность в РСФСР 1946–1947 гг.,
тыс. чел. [5, Л. 4 об.; 6, Л. 1 об.]**

Согласно медицинской статистике, у поколения, родившегося в 1941–1948 гг., заболеваемость и смертность была значительно выше [16, с. 85]. Тяготы военного и послевоенного времени привели к резкому ухудшению состояния здоровья и росту заболеваемости, в частности, к инфекционным болезням: сыпному и брюшному тифу, дизентерии, малярии и др. [25, с. 133] В РСФСР заболеваемость сыпным тифом в 1947 г. по сравнению с предшествовавшим 1946 г. возросла на 30% и была в 2,8 раза выше уровня 1940 г. Если в России органы здравоохранения зарегистрировали 1940 г. 30 тыс. заболеваний сыпным тифом, то в 1946 г. – 4,5 тыс., а в 1947 г. – 84,1 тыс. [18, с. 173]

Обращаясь к периодической печати, в журнале «Работница» в 1946–1947 гг. можно отметить статьи Института санитарного про-

свещения Министерства здравоохранения, посвященные заболеваниям, а также рекомендациям по их предупреждению. В выпуске № 3 за 1946 г. вышла статья «Оберегайте детей от рахита» [30, с. 17–18], в выпуске № 1 за январь 1947 г. была опубликована статья профессора А.И. Доброхотова «Оберегайте детей от скарлатины» [12, с. 19–20], в № 6 за июнь 1947 г. выходит материал «Как уберечь ребенка от желудочно-кишечных заболеваний» [11, с. 17]. Не менее важная статья выходит в № 7 за июль 1947 г., написанная академиком медицинских наук Б.А. Архангельским – «Причины бесплодия» [3, с. 18–19]. Главной причиной бесплодия он считал гонорею. Таким образом, в период сложных послевоенных лет массовая печать борется с неграмотностью населения в сфере санитарного просвещения.

Еще одним важным демографическим показателем является «брачность». Как отмечают исследователи, кризис брака имел место в послевоенное время в основном в связи с потерями мужского населения. Система ценностей, норм, правил, которые определяют организацию и функционирование семьи, была традиционной [15, с. 147].

По итогам регистрации актов гражданского состояния, в 1946 г. общее количество зарегистрированных браков составило 1 312 044, в 1947 г. – 1 108 428. Наиболее активно заключали брак женщины в возрасте 21 года, мужчины – в 23 года. В РСФСР, по данным официальной статистики, наименьшее количество браков заключалось в 1946 г. в апреле, в 1947 г. в сентябре; максимум в 1946–1947 г. – в ноябре [6, Л. 1; 7, Л. 19]. Как отмечалось выше, война дестабилизировала брак. После войны отмечен рост разводов. На 1 тыс. зарегистрированных браков в РСФСР в 1946 г. было зафиксировано 7,9 разводов [2, с. 57]. В 1946–1947 гг. мужчины и женщины чаще всего разводились в возрасте 30–39 лет; стоит отметить, что доля разводов в 1947 г. увеличилась. Разводились мужчины чаще с продолжительностью брака 5–9 лет, женщины – после 10–19 лет совместной жизни [6, Л. 37–38; 7, Л. 54–55]. Согласно теории семейных кризисов, выделяются нормативные кризисы (создание семьи, рождение ребенка, синдром опустевшего гнезда, старение) и ненормативные кризисы семьи (внешние и внутренние обстоятельства). В послевоенное время на повышение уровня разводов влияли ненормативные кризисы семьи, выражавшиеся во внешних факторах, связанных с войной.

Таким образом, анализ демографической ситуации в РСФСР в 1946–1947 гг. на основании данных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и работ исследователей показывает, что социально-демографическая ситуация в РСФСР в 1946–1947 гг. была отягощена военными потерями, голодом 1946–1947 гг. Коэф-

фициент естественного прироста в 1946 г. составил 14,2‰; в 1947 г. он начинает снижаться до 11,9‰ (по данным, приведенным в книге В.Б. Жиромской, коэффициент становится ниже 10‰) [14, с. 176]. Изучение данных выявляет высокую смертность среди детей. Коэффициент младенческой смертности по РСФСР составил в 1946 г. – 93,7‰, в 1947 г. – 135,8‰. Как отмечалось исследователями В.Б. Жиромской и Н.А. Араловец, из-за повышения детской смертности демографический взрыв в стране не состоялся.

Используемые в статье материалы периодической печати позволяют утверждать, что государство в лице Института санитарного просвещения Министерства здравоохранения проводило активную просветительскую, образовательную работу среди населения.

Список источников и литературы

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза 1922–1991. М.: Наука, 1993. – 143 с.
2. Араловец Н.А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 55–62.
3. Архангельский Б.А. Причины бесплодия // Работница: журнал для женщин и семьи. Москва, 1947. № 7. С. 19.
4. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. – 190 с.
5. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986. – 269 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 446.
7. ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 556.
8. Демина Ю.В. Демографические последствия голода 1946–1947 гг. в РСФСР: историографический аспект // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. С. 98–102.
9. Демографические показатели по СССР. Естественное движение населения республик СССР, 1935–1990 // ДЕМОСКОП Weekly. [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_ed_1935.php?year=1946 (дата обращения: 7.06.2025).
10. Дик В. Женские и детские консультации // Работница: журнал для женщин и семьи. Москва, 1946, № 9. С. 17.
11. Доброхотов А.И. Как уберечь ребенка от желудочно-кишечных заболеваний // Работница: журнал для женщин и семьи. Москва, 1947. № 6. С. 17.
12. Доброхотов А.И. Оберегайте детей от скарлатины // Работница: журнал для женщин и семьи. Москва, 1947. № 1. С. 19–20.
13. Жиромская В.Б., Араловец Н.А., Чернышева Н.В. Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 139–155.
14. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. М.: РГГУ, 2009. – 310 с.

15. *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России в 1939–1945 гг. // Вестник Российской Академии Наук. 2020. Т. 90, № 9. С. 845–857.
16. *Жиромская В.Б.* Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 223 с.
17. *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 424 с.
18. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. – 265 с.
19. *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1991. – 288 с.
20. *Кватер Е.И.* Гигиена беременной женщины // Работница: журнал для женщин и семьи. Москва, 1946. № 6–7. С. 19.
21. *Лапердин В.Б.* Голод 1946–1947 гг. в Западной Сибири: демографический аспект // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 74–77.
22. *Лапердин В.Б.* Последствия голода 1946–1947 гг. в Омской области // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 4. С. 38–42.
23. Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: Труды 2-й Конференции (17–19 декабря 1946 г.). М.: Акад. мед. наук СССР, 1948. – 180 с.
24. *Попов В.П.* Демографические перемены в СССР в 1940-начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49–64.
25. *Прохоров Б.Б.* Мир России: Кризисы общественного здоровья в России и СССР в XX веке. Том VIII, № 4(24). 1999. С. 125–137.
26. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 626.
27. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 684.
28. *Садвокасова Е.А.* Роль аборта в осуществлении сознательного материнства в СССР (по материалам выборочного обследования) // Изучение воспроизводства населения. М.: Наука. 1968. С. 207–224.
29. *Сифман Р.И.* Динамика рождаемости в СССР: по материалам выборочных обследований. М.: Статистика. 1974. – 183 с.
30. *Сперанский Г.Н.* Оберегайте детей от рахита» // Работница: журнал для женщин и семьи. Москва, 1946. № 3. С. 16–17.
31. *Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.
32. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. – 367 с.

Освоение целинных земель: анализ некоторых зарубежных исследований

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежных исследований целинной кампании 1950-х гг. в контексте ее исторического значения, социально-экономических последствий и современного научного осмысления. Несмотря на прошедшие десятилетия, тема освоения целинных и залежных земель продолжает вызывать живой интерес исследователей, что обусловлено появлением новых архивных материалов, переосмыслением традиционных оценок и актуализацией вопросов экологической и социальной ответственности. Особое внимание уделяется исследованиям зарубежных ученых, ценность исследования которых заключается в развитии дальнейших исторических дискуссий.

Ключевые слова: аграрная политика; СССР; Н.С. Хрущев; реформы; целинная кампания

The development of virgin lands: an analysis of some foreign studies

Abstract. The article is devoted to the analysis of foreign studies of the virgin land campaign of the 1950s in the context of its historical significance, socio-economic consequences and modern scientific understanding. Despite the past decades, the topic of developing virgin and fallow lands continues to arouse the keen interest of researchers, due to the emergence of new archival materials, rethinking traditional assessments and updating issues of environmental and social responsibility. Special attention is paid to the research of foreign scientists, the value of which lies in the development of further historical discussions.

Keywords: agrarian policy; USSR; N.S. Khrushchev; reforms; virgin land campaign

Прошло более полувека после завершения кампании по освоению целинных и залежных земель, но интерес к ее изучению не угасает. Со временем вводятся в научный оборот архивные документы, появляются новые оценки и уточняются традиционные позиции. Десятилетиями господствовала упрощенная, героизированная версия событий, представляющая кампанию как триумф воли и энтузиазма советского народа, обеспечивший стране продовольственную безопасность. Однако доступ к ранее засекреченным материалам, мемуарам участников

¹ Елена Евгеньевна Темникова — аспирант, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия); e-mail: e.temnikova16@yandex.ru

Elena E. Temnikova — postgraduate student, senior lecturer at the Department of National and Universal History, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia).

и результаты современных исследований позволяют взглянуть на целнинную эпоху более критически и многогранно.

Сейчас ученые выявляют факты неэффективного использования техники, недостатка квалифицированных кадров и, что особенно важно, упущения в планировании, которые привели к серьезному истощению почвенного покрова в некоторых регионах. Уточняются данные о масштабах эрозии почв, деградации пастбищ и изменении водного баланса в затронутых регионах. Более того, новые исследования обращают внимание на социальные аспекты освоения целины. Анализ демографических данных показывает миграционные потоки, изменение социальной структуры сельских поселений и влияние целинной кампании на развитие инфраструктуры.

Появляются новые работы, посвященные жизненному опыту целинников, их адаптации к новым условиям, проблемам межнациональных отношений и влиянию кампании на формирование идентичности целых поколений. Возникают дискуссии о справедливости распределения ресурсов и роли государства в формировании социальных последствий кампании.

Освоение целинных земель в Советском Союзе привлекло пристальное внимание не только советских историков и экономистов, но и зарубежных исследователей. Иностранные авторы, анализируя причины запуска этой масштабной кампании, указывают не только на экономическую целесообразность, но и на глубокие политические мотивы, которые, по их мнению, играли, если не решающую, то крайне значительную роль.

Такой подход, например, демонстрирует французский историк Н. Верт [3], подчеркивающий, что «освоение целинных земель должно было стать не только дешевым способом немедленно увеличить производство, но и весомым аргументом... в пользу подчинения этой программе значительных секторов тяжелой промышленности...» [3, с. 341]. Н. Верт аргументированно утверждает, что амбициозный план Н.С. Хрущева по освоению новых земель не был просто экономическим решением, а представлял собой продуманный политический ход, направленный на расширение его власти и влияния. В этой связи, по мнению автора, Н.С. Хрущев мастерски использовал популярность идеи повышения уровня жизни и продовольственной безопасности населения, тем самым ослабляя позиции своих политических оппонентов, в первую очередь, Г.М. Маленкова.

Аналогичную точку зрения можно обнаружить в работах итальянского историка Дж. Боффы [1], который называет освоение целины «подлинной и непосредственной атакой на Маленкова», выступавшего

против столь масштабных и рискованных проектов, считая, что проблема обеспечения страны зерном уже решена. Дж. Боффа, как и Н. Верт, подчеркивает политический контекст кампании, видя в ней не просто экономическую программу, а инструмент политической борьбы за власть внутри советской элиты. Оба историка независимо друг от друга приходят к выводу о многогранности причин запуска освоения целинных земель, отмечая тесную взаимосвязь экономического и политического аспектов. Они демонстрируют, как амбициозные планы Н.С. Хрущева по увеличению производства зерна служили не только улучшению материального благосостояния населения, но и являлись частью сложной политической стратегии, направленной на укрепление его собственного положения и понижение авторитета его противников.

Подход этих зарубежных исследователей позволяет глубоко проанализировать как экономические последствия, так и долгосрочные политические результаты освоения целинных земель, открывая более полную картину событий того времени. Важно отметить, что их исследования не ограничиваются простым описанием событий, но проникают вглубь причинно-следственных связей, позволяя понять сложную и многоаспектную природу этого значительного исторического события.

Мнения западных исследователей относительно причин и последствий освоения целинных земель в СССР неоднозначны. Часть из них оспаривает распространенную точку зрения, связывающую кампанию исключительно с политическими амбициями Н.С. Хрущева. Историки, такие как А. Ноув [9], предлагают альтернативное объяснение, указывая на продолжение планов, заложенных еще в 1940-х гг. Эта же мысль подтверждается в работах Р. Миллса [8], где проводится детальный анализ процесса принятия решений, предшествовавших масштабному освоению целинных и залежных земель. Более того, анализ подготовки к этой кампании показывает, что решение не было спонтанным и основывалось на длительной аналитической работе и исследованиях потенциальных выгод.

Однако интересно отметить, что не все западные исследователи критикуют освоение целины. Напротив, некоторые из них признают его определенную целесообразность и значительное влияние на развитие советского сельского хозяйства. Например, французские исследователи М. Сапорта и Ж. Сория [2] рассматривают целинную кампанию как, безусловно, рискованную, но в целом удачную инициативу, ставшую значительным моментом в советской экономической истории. Они подчеркивают положительные результаты политики Н.С. Хруще-

ва в этом направлении, ссылаясь на рост объемов производства зерна в стране. Но важно понимать, что их позитивный взгляд не означает полного игнорирования серьезных недостатков проекта. Авторы, поддерживающие позитивную оценку, вместе с тем, отмечают существенные просчеты в организации и проведении кампании. К числу таких просчетов они относят острую нехватку финансовых ресурсов, недостаточную квалификацию рабочей силы, набранной преимущественно из числа добровольцев, и, что особенно важно, отсутствие четких и детально разработанных планов размещения и организации новых хозяйств. Этот недостаток планирования привел к серьезным проблемам в дальнейшем, включая неэффективное использование земельных ресурсов, быстрое истощение почвы и негативное влияние на окружающую среду. Поэтому, хотя рост производства зерна был достигнут, он был сопряжен с высокими издержками и негативными долгосрочными последствиями.

По замечанию англичанина Г. Смита, несмотря на то, что освоение целины было радикальным поворотом в сельскохозяйственной политике государства, у руководства страны появляется понимание того, что «дальнейший экономический рост не мог больше основываться на изъятии “излишка” из сельского хозяйства» [10, с. 103].

Английский советолог М. Макколи [6] называет кампанию по освоению целинных и залежных земель «смелой акцией Хрущева по продвижению на восток» [6, с. 216], так как данные районы обладали плодородными почвами, а необходимого количества средств для интенсификации в тот момент не было. Поэтому данная политика, по мнению историка, имела несомненный успех, «по крайней мере, до 1958 г.» [6, с. 219].

Подобного мнения придерживается американский политолог и экономист Дж.Р. Миллар [7]. Автор считает, что это была «удачная акция, предпринятая Хрущевым, чтобы выиграть время для интенсификации земледелия в его традиционных районах» [7, с. 54].

Аналогичные выводы сделаны в работе Н. Верта, который отмечал нехватку удобрений в тот период. Автор убежден, что в подобной ситуации «действительно имело смысл на некоторое время ввести в оборот потенциально очень богатые земли» [3, с. 342].

Зарубежная историография особый акцент делает и на природно-климатических условиях. Американский исследователь Ф. Хольцман [5] в своем труде особое внимание уделяет низкому плодородию целинных земель. В связи с этим автор приходит к выводу, что общий экономический успех от кампании не смог покрыть все затраты.

Британский историк Дж. Хоскинг [4] справедливо отмечает, что в связи с климатическими условиями и эрозией почв урожаи в районах освоения целинных и залежных земель не могли быть устойчивыми. Поэтому автор уверен, что кампания Хрущева провалилась. Несмотря на это, исследователь отмечает и положительные результаты, так как политика «действительно дала рост производства зерна в самый критический момент» [4, с. 368]. Также автор уверен, что это был первый случай в истории Советского Союза, когда все внимание правительства было обращено на сельское хозяйство.

Таким образом, ценность западных исследований состоит в том, что в них присутствуют новые подходы к освещению материала. В частности, это относится к выводу о том, что сложности в сельском хозяйстве 1950-х – 1960-х гг. обуславливалась, прежде всего, различными причинами, а не только ошибками Н.С. Хрущева. Данный вывод зарубежных авторов в целом созвучен с современной отечественной историографией. Однако необходимо отметить, что большинство зарубежных авторов дает более высокую оценку деятельности Хрущева в области сельского хозяйства, нежели это было в советской исторической науке. Вместе с тем нельзя не отметить определенную тенденциозность в оценках западных исследователей. Зачастую, стремясь к объективности и критическому анализу советского периода, они склонны преувеличивать положительные аспекты аграрной политики Н.С. Хрущева, при этом недооценивая негативные последствия непродуманных реформ. Несмотря на то, что программа освоения целины освящается достаточно широко, зачастую замалчиваются экологические проблемы, вызванные распашкой огромных массивов земель, и экономическая неэффективность данного проекта в долгосрочной перспективе.

Кроме того, необходимо учитывать идеологический контекст, в котором создавались многие западные исследования. В период холодной войны критика советской системы, в том числе и в области сельского хозяйства, являлась важной частью политической борьбы. Поэтому некоторые работы могут содержать предвзятые оценки и упрощенные интерпретации исторических событий.

В связи с этим важно подходить к изучению западных исследований критически, сопоставляя их выводы с данными отечественной историографии и архивными материалами. Только комплексный анализ различных источников позволит получить наиболее объективную картину развития сельского хозяйства в СССР в 1950-е – 1960-е гг. и оценить роль Н.С. Хрущева в этом процессе.

В заключение следует отметить, что ценность западных исследований заключается не только в новых подходах к освещению материала, но и в том, что они стимулируют дальнейшие научные дискуссии и позволяют взглянуть на известные факты под другим углом.

Список источников и литературы

1. *Бюффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. / пер. с итал. М., 1994. — 632 с.
2. Великий вызов: сравнительная энциклопедия США — СССР / пер. с фр. Т. 1. Вып. 1. М., 1969. — 215 с.
3. *Верп Н.* История Советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. М., 1992. — 480 с.
4. *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991. / пер. с англ. М., 1994. — 510 с.
5. *Holzman F.D.* The performance of the Soviet economy: past, present, and future. Washington, 1982. — 88 p.
6. *McCauley M.* Khrushchev and the development of Soviet agriculture. The virgin land programme 1953–1964. London, 1976. — 232 p.
7. *Millar J.R.* The ABCs of Soviet socialism. Urbana etc., 1981. — 215 p.
8. *Mills R.* The formation of the Virgin Lands policy // *Slavic Review*. Vol. 29. 1970. № 1. Pp. 58–69.
9. *Nove A.* An economic history of the U.S.S.R. Harmondsworth, Middlesex, England, 1982. — 436 p.
10. *Smith G.A.* E. Agriculture // *Khrushchev and khrushchevism* / Ed. by M. McCauley. London, 1987. — 243 p.

Подходы Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова к организации заготовок продовольствия в СССР (1953–1958)

Аннотация. В работе анализируется государственная политика в отношении проведения заготовок продовольствия в СССР в 1953–1958 гг. Отмечается наличие двух независимых, но тесно переплетающихся подходов к организации этой формы деятельности сельскохозяйственных организаций. В качестве одного из них выделяется линия В.М. Молотова и Г.М. Маленкова, предполагавшая политику больших послаблений в отношении ЛПХ колхозников. Другой подход, реализовывавшийся Н.С. Хрущевым, был направлен на усиление директивных черт в руководстве колхозами, совхозами и обслуживавшими их МТС. Приводятся факты, свидетельствующие о сложностях при реализации каждой из этих линий и делается вывод о последствиях предпочтения одного курса другому. Большое внимание в этой связи уделяется мотивации производителей в увеличении производства сельскохозяйственной продукции и выполнении планов поставок продовольствия государству.

Ключевые слова: сельское хозяйство; продовольствие; заготовки; мотивация; личные подсобные хозяйства; МТС

Approaches of N.S. Khrushchev and G.M. Malenkov to the organization of food procurement in the USSR (1953–1958)

Abstract. This paper analyzes the state policy with regard to food procurement in the USSR in 1953–1958. The presence of two independent, but closely intertwined approaches to the organization of this form of activity of agricultural organizations is noted. One of them is the line of V.M. Molotov and G.M. Malenkov, which implied a policy of greater abstention to the personal subsidiary plots of collective farmers. Another approach, implemented by N.S. Khrushchev, was aimed at strengthening the directive features in the management of collective and state farms and the MTS that served them. In this regard, much attention is paid to the motivation of producers to increase agricultural production and fulfill the plans of food supplies to the state.

Keywords: agriculture; food; procurement; motivation; personal subsidiary farms; MTS

Социально-экономические изменения, происходившие в советской деревне в период политического лидерства Н.С. Хрущева, были тесно связаны с попытками модернизации аграрного производства. Обстоятельный анализ сложностей, с которыми сталкивалось в своем разви-

¹ Даниил Вадимович Солодов — аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: solodovdv@my.msu.ru
Danil V. Solodov — postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

тии сельское хозяйство страны в 1950-е гг., был подробно представлен в работах О.М. Вербицкой, А.А. Никонова, И.Е. Зеленина и В.А. Шестакова [2; 3; 7; 23]. Данные исследования сформировали тенденцию объяснения проблем аграрного производства исходя из направленности изменений продовольственной политики всего советского периода. Хрущевские реформы рассматривались в этой связи как попытка улучшения финансового и материального положения колхозов и совхозов, частичного отказа от практики перекачки необходимых ресурсов из деревни в город. Доводы ученых были впоследствии развиты в работах, посвященных частным аспектам проводимой политики. Предметами подобных исследований становились обоснование выбранного курса партийными руководителями, его производственная эффективность, функционирование МТС в новых условиях, развитие ЛПХ и т.д. [4; 22; 24]. Работы В.Н. Томилина и С.Н. Андреевкова обогатили историографию подробным изучением конкретных форм изъятия продовольствия у сельского населения. В.Н. Томилин исследовал деятельность МТС по организации заготовок [21]. С.Н. Андреевков анализировал развитие системы закупок колхозной продукции [1].

Несмотря на достаточный уровень изученности, наиболее важный аспект темы — мотивация производителей — историками практически не затрагивался. Настоящее исследование ставит своей целью определить уровень мотивированности хозяйств при выполнении поставок продовольствия государству. Большое внимание в этой связи необходимо будет уделить характеристике подходов Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова к организации заготовок. В качестве источников, демонстрирующих характер их разногласий, привлекаются материалы сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, личного фонда Н.С. Хрущева, докладные записки о проведении закупок продовольствия, статистические и законодательные материалы. Данные документы демонстрируют различие позиций в высших кругах власти по вопросу проведения заготовок и дают возможность в целом судить об экономических причинах и последствиях предпочтения одной линии поведения другой. Исследование представляется актуальным, поскольку оно позволяет рельефнее представить влияние политических разногласий на развитие сельского хозяйства СССР в 1950-е гг. Новизна работы заключается в подробном освещении проблемы мотивации труда и ее роли в аграрном производстве.

Вопросы снабжения населения СССР продовольствием оказались в центре внимания советского руководства начиная с 1950-х гг. Активизация политики в данном направлении была вынужденным шагом: длительное время нехватку продукции для нужд городского населе-

ния удавалось купировать повышенными закупками продовольствия у сельских жителей. Невозможность продолжения прежнего курса преопределили разноплановые тенденции. С одной стороны, отдельные отрасли сельхозпроизводства не восстановились до довоенного уровня; в 1953 г. совокупный валовый продукт сельского хозяйства составлял всего лишь 104% от 1940 г. [5, с. 293]. В ряде регионов, непосредственно затронутых боевыми действиями в годы Великой Отечественной войны, большое число хозяйств было убыточным [20, с. 443]. С другой стороны, в крупных промышленных центрах наблюдался повышенный рост потребления продовольствия. В первом полугодии 1953 г. потребление мяса в Москве в сравнении с 1950 г. возросло в 2 раза, в Ленинграде в 1,9 раза, в Молотове – в 2,2 раза. В этих условиях увеличение спроса на продовольственные товары стало отставать от возможностей деревни наращивать производство и поставки продовольствия в город. Продажи мяса в период с 1940 по 1953 гг. возросли в 2,2 раза, тогда как его производство выросло только на 64% [9, Л. 40]. В стране уже в начале 1950-х гг. стал ощущаться заметный дефицит продовольствия [4].

Догматическая сторона решения продовольственного вопроса была определена сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК. Н.С. Хрущев представил ее как политику по достижению зажиточного, «сытого» образа жизни советского человека [23, с. 230]. Своеобразным ориентиром были объявлены капиталистические страны Запада, уровень потребления в которых заметно отличался от советского. В сравнении с населением этих стран люди в СССР принимали в пищу сравнительно меньший объем животноводческой продукции: уровень потребления молока в СССР был ниже американского в 2 раза, мяса – в 4 раза [8, Л. 14]. Рост потребления этих товаров, пришедшийся на начало 1950-х гг., был объявлен прогрессивным явлением, поскольку он свидетельствовал о приближении к оптимальным нормам питания, в большей степени характерных для западных обществ. Основная задача в этих условиях, по словам самого Н.С. Хрущева, заключалась в том, чтобы «улучшить структуру потребления за счет резкого увеличения производства продуктов животноводства» [8, Л. 15]. Иными словами, на повестку дня был поставлен вопрос о создании условий для немедленного роста производства мяса и молока в целях удовлетворения всевозрастающего спроса населения на эти виды товаров.

На том же пленуме обозначилось некоторое различие позиций Н.С. Хрущева и В.М. Молотова. Последний, в частности, указывал на слабую материальную заинтересованность сельхозпроизводителей в выпуске дефицитной продукции. Основным каналом реализации продо-

вольствия, как указал докладчик, являлась система государственных заготовок: ежегодно колхозы сдавали через нее 65–70% мяса и 70–75% молока. Действовавшие планы обязательных закупок, и без того достаточно крупные, ежегодно увеличивались, вследствие чего колхозам часто нечего было отдавать государству. «Молока едва хватает для расчета с государством и на выпойку телят, — сетовал В.М. Молотов, — Для сдачи государству колхозы в ряде случаев расходуют основное маточное поголовье, а для выполнения плана приобретают телят у колхозников...» [8, л. 47]. Солидаризировавшийся с ним Г.М. Маленков предлагал обозначить линию послаблений в отношении сельхозпроизводителей. Она сводилась к увеличению размеров приусадебных участков колхозников, уменьшению норм поставок с ЛПХ, повышению закупочных цен, по которым государство платило колхозам за сдаваемую продукцию [3, с. 65].

Н.С. Хрущев, на словах поддерживавший политику послаблений в отношении крестьян, склонялся к директивным методам руководства деревней. Итоговая резолюция сентябрьского пленума учла его предложение о необходимости строгого соблюдения постоянных погектарных планов поставок животноводческой продукции государству. Если раньше райком доводил до передовых хозяйств большие планы заготовок, а отстающим — меньшие, то теперь нормы становились едиными для всех. Тем самым и передовые, и отстающие колхозы потенциально уравнивались в возможности получать дополнительные выплаты от государства за перевыполнение плана закупок. Кроме того, Н.С. Хрущев выступил в пользу введения твердых ставок натуроплаты за услуги МТС. По прежним правилам размер выплат напрямую зависел от урожайности зерна: чем больше хлеба давал колхоз, тем больше продукции забирало государство. Н.С. Хрущев предлагал эти ставки сделать едиными для всех категорий хозяйств, а премиальную оплату труда трактористов, полагавшуюся за перевыполнение плана урожайности, увязать напрямую с результатами деятельности колхоза [8, л. 66]. Таким образом, в противовес предложениям В.М. Молотова и Г.М. Маленкова была выдвинута идея дотирования государством отстающих хозяйств, искусственного улучшения их финансового положения путем уравнивания потенциала развития последних с передовыми артелями.

В действительности каждая из представленных программ реализовывалась одновременно, как часть единого партийного курса, и в ходе этого процесса выявились существенные сложности их реализации. Политика послаблений в отношении сельхозпроизводителей, предложенная В.М. Молотовым и Г.М. Маленковым, привела к увеличению производства животноводческой продукции. В общей

сложности производство мяса и молока в 1953–1955 гг. увеличилось на 10%, молока — на 16% [5, с. 101]. Количество скота в ЛПХ колхозников за этот период увеличилось на 6,8 млн голов, или в 1,4 раза [5, с. 119]. Основные проблемы возникли с обеспечением растущего поголовья фуражом. В 1955 г. ЦК обсуждал проблему деревенских челонок, скупавших в городах хлеб для его последующего скормливания скоту [10, Л. 20]. В условиях, когда увеличение продажи одних продуктов приводило к несообразному росту спроса на другие, продолжение данной политики становилось фактически бессмысленным. Поэтому уже в 1956 г. принимается постановление «О мерах борьбы с расхождением из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту», устанавливавшее строгие санкции — вплоть до уголовного преследования — за скормливание хлеба тягловым животным. Владельцы скота в городах были обложены дополнительными натуральными и денежными повинностями [18, с. 576].

Хрущевская программа, в свою очередь, реализовывалась в виде создания сети зависимых от государства колхозов, ориентированных на выпуск наиболее востребованной у потребителей продукции. Убыточные хозяйства массово переводились на бюджет, что приближало статус подобных предприятий к совхозам. Государство ежемесячно отчисляло на счета председателей колхозов и представителей обслуживающего персонала артелей повышенные оклады и премии, брало на себя оплату части трудодней, причитавшихся рядовым работникам, выдавало кредиты на покупку домов и приобретение скота [18, Л. 168]. В этих условиях материальное стимулирование работников оказывалось излишним, и труд становился малоэффективным. В 1955 г. 37,9% колхозов вообще не распределяло денег по трудодням, а совокупный прирост денежного заработка работников артелей составил 26 коп. Совокупный денежный доход колхозов снизился на 11%. Не лучше дело обстояло с натуральной оплатой труда: в 1955 г. 42% колхозов выдали на трудодень менее 1 кг зерна [17, с. 62]. Это означало, что в заметной доли хозяйств колхозники не обеспечивались хлебом из общественных угодий и были вынуждены приобретать его в государственной торговле, создавая дополнительную нагрузку на розничную сеть.

Другая проблема, с которой столкнулось хрущевское руководство, заключалась в невозможности быстрого решения проблемы дефицита мяса в городах. Колхозы и совхозы были не способны своими силами резко нарастить производство животноводческой продукции. Рост поголовья, вызванный повышением закупочных цен на скот, вынуждал производителей экономить корма. Продуктивность

животных в этих условиях заметно падала: к ноябрю 1954 г. сдача молока совхозами уменьшилась с 106,5 до 98 тыс. т или на 8%, по ряду регионов надой не превышали 0,3–1,5 кг в сутки [14, Л. 11–12]. Средний вес скота, проданного государству, к 1956 г. уменьшился на 20 кг [3, с. 170]. Н.С. Хрушев усматривал в этой тенденции опасность свертывания общественного производства. В публичных речах первый секретарь активно изобличал «хозяйчиков», выращивавших скот не на продажу государству, а для личных целей [13, Л. 107]. В октябре 1955 г. Н.С. Хрушев направил в Президиум ЦК записку с предложением полностью запретить содержание животных в ЛПХ. «Очень много развелось скота у рабочих, — писал автор послания, — это отвлекает рабочих от основного их дела — работы в совхозе, это поощряет развитие частной собственности» [14, Л. 11].

Задача обеспечения населения СССР продовольствием отныне целиком возлагалась на общественные хозяйства. Роль главного сельхозпроизводителя отводилась крупному совхозу, размеры и ресурсы которого в теории позволяли резко нарастить выпуск зерна и мяса [3, с. 86–87]. Уже в 1953–1955 гг. был организован 581 новый совхоз, причем 425 из них приходилось на целинные земли [5, с. 137]. Мелкие колхозы укрупнялись: в тот же период их число уменьшилось на 5 500 [5, с. 130]. Исходя из изменения структуры сельхозпроизводства перестраивалась и государственная система закупок продовольствия. Сеть мелких и разрозненных заготовительных пунктов, принимавших у колхозников мясо и молоко, ликвидировалась. Закон 1954 г. рекомендовал колхозам самостоятельно принимать продукцию у населения и организовывать ее доставку на отдаленные приемные пункты [19, с. 602]. Размер кредита на покупку колхозниками молодняка крупного рогатого скота был существенно уменьшен [12, Л. 40]. Колхозники стали массово продавать скот колхозам и совхозам, которые активно реализовывали производную продукцию через общественные каналы закупок. Объемы государственных заготовок мяса в 1953–1958 гг. увеличились с 3,4 до 4,5 млн т в убойном весе, молока — с 10,6 до 22,1 млн т [6, с. 305].

Победа Н.С. Хрущева над В.М. Молотовым и Г.М. Маленковым была во многом довершена средствами МТС. Массовое возникновение целинных совхозов потребовало увеличения пропашных работ тракторными бригадами; увеличилась и доля натуроплаты, взимаемой в счет услуг МТС [22]. По плану 1957 г. почти четверть от общего объема мяса государство должно было получить из этого канала поступлений [12, Л. 106]. В этом смысле МТС стали рассматриваться как дополнительный канал изъятия продовольствия у людей, занятых в сельхозпро-

изводстве. Вполне естественно, что государство стало урезать долю продукции, поступавшей трактористам в виде зарплат и премий за перевыполнение работ в колхозах. Производилось это в основном посредством введения дополнительных налогов, налагаемых на доходы работников МТС. В 1956 г. был отменен обязательный гарантийный минимум, ранее выплачивавшийся из фондов МТС [11, Л. 19]. Отныне средства на вспомоществование трактористов и комбайнеров были вынуждены изыскивать сами колхозы, которые часто отказывали работникам сторонних предприятий. Механизаторам оставалось либо перейти на работу в колхоз, согласившись получать непостоянную и сравнительно меньшую зарплату, либо уволиться и уехать в город. Следовательно, официально декларируемый в те годы принцип равной оплаты за равный труд на практике был подменен принуждением работников к труду.

Закономерным итогом проводившейся политики стала реформа 1958 г., устанавливавшая единую форму государственных заготовок и ликвидировавшая МТС как самостоятельный вид предприятий. Ее проведение объясняется в первую очередь изменением функций МТС: с началом массового оттока трудовых ресурсов в колхозы они превращались в бюрократический остов, дублировавший сеть приемных пунктов. К тому же к этому времени кардинально поменялась практика проведения заготовок: отпала необходимость дополнительно платить передовикам за перевыполнение планов, заключать с отдельными хозяйствами индивидуальные, более выгодные для производителей договоры контрактации на поставку небольших партий товаров. Возникла иллюзия, что государство может самостоятельно добирать необходимый объем продовольствия в деревне путем организации крупных специализированных совхозов и установления планов, обязательных к выполнению всеми хозяйствами того или иного района. На веру было принято то, что крупные колхозы и совхозы — при должном учете и контроле партии над производством — смогут во всеобъемлющих масштабах поставлять продовольствие в города. Материальное стимулирование работников в таких условиях становилось формальностью, и труд в этих хозяйствах оставался низкооплачиваемым и непродуктивным. Уровень мотивированности подобных предприятий в увеличении сельхозпроизводства и выполнении планов поставок продовольствия государству был низким. Фактически он определялся искусственно создаваемыми налоговыми, плановыми и организационными барьерами, контроль за которыми возлагался на местные райкомы партии.

Список источников и литературы

1. *Андреенков С.Н.* Реформирование системы заготовок колхозной продукции в СССР в 1950-е гг. // Ежегодник по аграрной истории: 2014 год. Самара: Издательство «Самарский университет», 2015. С. 449–458.
2. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. — 222 с.
3. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. — 304 с.
4. *Круглов В. Н.* «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 403–446.
5. Народное хозяйство СССР в 1956 году. М.: Госстатиздат, 1957. — 263 с.
6. Народное хозяйство СССР в 1961 году. М.: Госстатиздат, 1962. — 861 с.
7. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.) М., 1995. — 573 с.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 47.
9. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61.
10. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 113.
11. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 178.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 185.
13. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 347.
14. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 348.
15. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 56. Д. 269.
16. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 54. Д. 649.
17. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1605.
18. Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству: в 3 т. Т. 1. М.: Госюриздат, 1957. — 839 с.
19. Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству: в 3 т. Т. 2. М.: Госюриздат, 1958. — 923 с.
20. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1970). М., 1973.
21. *Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М., 2021. — 442 с.
22. *Томилин В.Н.* Место натуроплаты колхозами работ МТС в хлебозаготовках советского государства 1930-х — 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 2014 год. Самара: Издательство «Самарский университет», 2015. С. 440–448.
23. *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. — 295 с.
24. *Шицы Ч.* Аграрная политика и развитие сельского хозяйства СССР в 1953–1959 гг. // Российская история. 2021. № 3. С. 144–154.

Оптические наблюдения: от первого спутника к «Интеркосмосу»

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания системы оптического наблюдения за искусственными спутниками Земли еще до запуска первого спутника, с 1956 г. Показано, что при участии советских ученых в работе Международного геофизического года им было запрещено раскрывать факты о готовящемся спутнике. Изучен процесс привлечения астрономов и физиков к обучению наблюдениям, формирование сети станций слежения, разработка аппаратуры. Работы отечественных наблюдателей были идентичны американским группам операции «Лунный дозор», организованной Смитсоновской обсерваторией. Первые спутники давали много информации, требовалось расширение территории наблюдения, поэтому работы приняли многосторонний характер, объединив несколько десятков стран. В работе доказано, что научная база многостороннего сотрудничества по оптическим наблюдениям стала основой для наблюдений за спутниками в рамках совета «Интеркосмос» с 1966 г.

Ключевые слова: Интеркосмос; оптические наблюдения; наблюдения за спутниками; история космонавтики; А.Г. Масевич; Астросовет

Optical observations: From the first satellite to Intercosmos

Abstract. The article examines the process of creating an optical observation system for artificial Earth satellites before the launch of the first satellite, since 1956. It is shown that despite the participation of Soviet scientists in the work of the International Geophysical Year, they were forbidden to disclose facts about the upcoming satellite. The process of involving astronomers and physicists in observation training, the formation of a network of tracking stations, and the development of equipment has been studied. The work of the Russian observers was identical to the American groups of Operation “Moonwatch”, organized by the Smithsonian Observatory. The first satellites provided a lot of information, it was necessary to expand the observation area, so the work took on a multilateral character, bringing together many countries. The paper proves that the scientific basis of multilateral cooperation on optical observations has become the basis for satellite observations within the framework of the “Intercosmos” Council since 1966.

Keywords: Intercosmos; optical observations; satellite observations; history of cosmonautics; Alla Masevich; Astrosovet

4 октября 1957 г. Советский Союз первым отправил в космос искусственный спутник Земли. Это событие разделило космические иссле-

¹ **Виктория Сергеевна Батченко** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и политологии Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: vik-batchenko@yandex.ru
Viktoria S. Batchenko – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in the Center for the Study of Modern History and Political Science, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

дования на «до» и «после» и вывело советскую науку в передовые на международном уровне. Подготовка к запуску первого спутника носила комплексный характер: решения требовали не только вопросы его вывода на орбиту, но и получение максимальной информации во время его полета. Еще в процессе подготовки и участия в мероприятиях Международного геофизического года (МГГ) силами Академии наук СССР и конкретно Астрономического совета АН СССР началась организация сети станций оптического наблюдения за спутниками и подготовка наблюдателей.

Изучение истории оптических наблюдений за спутниками представлено в большей степени изданиями мемуарного характера — в основном это воспоминания учеников руководителя Астрономического совета АН СССР и главного организатора оптических наблюдений А.Г. Масевич. На сегодняшний день на основе архивных документов можно составить картину формирования системы оптических наблюдений (создание сети станций слежения, подготовка кадров и складывание многостороннего сотрудничества с другими заинтересованными странами) и показать процесс перехода от многостороннего сотрудничества по оптическим наблюдениям к международным проектам совета «Интеркосмос» при АН СССР.

В августе 1956 г. Президиум ЦК КПСС разрешил советским ученым принимать участие в международных мероприятиях «по вопросам пуска ракет с научными целями и запуска искусственных спутников Земли во время Международного геофизического года» [9, Л. 122]. Было бы странно заявиться в программе МГГ без возможности участвовать в его конференциях и совещаниях, поэтому Академии наук разрешили включиться в международный обмен мнениями, но, конечно, со множеством оговорок и ограничений. Первое и самое важное — тема искусственного спутника Земли (ИСЗ): советским ученым запретили сообщать характеристики ракет для его запуска, данные о собственных размерах и конструкции будущего спутника [9, Л. 123]. О планах на будущий ИСЗ можно было упомянуть только, «что работы по созданию искусственного спутника Земли в СССР ведутся» [9, Л. 123]. Разрешалось дать общую информацию об исследованиях, доступных благодаря использованию ИСЗ и метеорологических ракет (изучение космических лучей, метеоритной пыли, измерение магнитных полей и параметров атмосферы на больших высотах — плотности, давления и электрического состояния).

Тогда же, с конца августа 1956 г., в ходе комплексной подготовки к запуску первого ИСЗ началась разработка системы наблюдения за

полетами спутников². В отчете Академии наук СССР в ЦК КПСС о работах по подготовке первого ИСЗ от 28 сентября 1956 г. среди негативных моментов отмечалось, что «до настоящего времени к оптическим наблюдениям за объектом «Д» не привлечены астрономы» [9, Л. 147].

С конца 1957 г., сразу после запуска первого искусственного спутника Земли, начался процесс заключения международных соглашений по совместным оптическим наблюдениям за ИСЗ, в основном, между академиями наук социалистических стран [8, Л. 67]. В те годы оптические наблюдения за спутниками были «единственным надежным средством, позволяющим определять орбиты ИСЗ», а для наблюдения низкоорбитальных объектов требовалось иметь «сеть станций, которую нужно было срочно создавать» [14, с. 5].

При наблюдении за первыми спутниками важно было фиксировать траекторию пути, пройденного ими, и составлять прогнозы их дальнейшего маршрута. По линии Министерства обороны и КГБ наблюдение за первым спутником (ПС-1) осуществляли 28 радиопеленгаторов, расположенных в разных точках Советского Союза и передающих информацию «в специально организованный для этой цели» [12, с. 73] КВЦ НИИ-4 (в г. Калининграде (Королев) Московской обл.), где ее затем обрабатывали.

Для наблюдения за спутниками на территории Советского Союза под руководством Астрономического совета АН СССР при обсерваториях и физико-математических факультетах университетов еще с 1956 г. начали создавать станции оптического наблюдения и обучать методике таких наблюдений студентов-астрономов и научных сотрудников [14, с. 5]. К 1 октября 1957 г. «на территории СССР были готовы к работе 66 станций» [11, с. 111]. Эти станции располагали специальными широкоугольными оптическими приборами, а также комплектами оборудования, позволявшими фиксировать их с точностью до 1 градуса по положению и 1 секунды по времени прохождения [17, р. 25]. Каждая станция имела своеобразные точки ожидания спутника в небе, относительно которых в момент его быстрого прохождения фиксиро-

² На заседании Президиума ЦК КПСС от 31 августа 1956 г. было принято решение об обеспечении наблюдателей измерительными приборами [9, Л. 124], 3 сентября того же года вышло соответствующее постановление Совета Министров СССР № 1241–632. Кроме наблюдения за полетом спутника в комплекс работ по объекту «Д» входили согласование технических заданий и габаритно-установочных чертежей на аппаратуру, разрешение ряда вопросов, связанных с телеметрией, источниками питания, ориентацией объекта «Д», тепловым режимом и временем его существования (Постановление Президиума АН СССР № 502–0011 от 14 сентября 1956 г. «О ходе выполнения Постановления СМ СССР от 30.01.1956 № 149–88сс» [9, Л. 149–153].

валось точное время появления [17, р. 25]. Все эти работы проводились под руководством Академии наук СССР и при непосредственном координировании Астрономического совета АН СССР. Активным сподвижником развития оптических наблюдений за спутниками явилась заместитель председателя Астросовета Алла Генриховна Масевич.

Дополнительно к работе за наблюдениями траектории движения первого спутника привлекли 26 клубов радиолюбителей ДОСААФ. Помощь радиолюбителей давала возможность получить «дополнительные данные о движении спутника и проверить их эффективность для наблюдений при последующих пусках» [12, с. 73].

С 1956 г. в Америке также действовали группы «Наблюдателей за Луной», которые следили за спутниками, запущенными США и СССР во время Международного геофизического года в 1957–1958 гг. [16, р. viii]. Эти группы создавались в рамках операции «Лунный дозор» (Operation Moonwatch), инициатором которой стал директор Смитсоновской астрофизической обсерватории — профессор астрономии Гарвардского университета Фред Л. Уиппл. Эта обсерватория была создана на базе Смитсоновского института в июне 1956 г. для реализации некоторых проектов США в рамках Международного геофизического года [15]. По сути, вся ее работа была связана с будущими искусственными спутниками Земли.

Опыт наблюдений за первыми двумя советскими спутниками в Смитсоновской обсерватории показал, что ей не справиться с обработкой того объема информации, который поступал от наблюдателей, несмотря на то, что спутники мало пролетали над территорией Америки. Данные противоречили друг другу в определении времени и направления движения первого спутника, требовалась унификация работ и увеличение штата обсерватории. Эти первые опыты позволили Уипплу увидеть возможные проблемы и подготовиться к наблюдениям за первым американским искусственным спутником Земли. К началу 1958 г. США начали производить установку специальных камер слежения на территории других стран: в Кюрасао, Вест-Индия; Арекипа, Перу; Вилла Долорес, Аргентина; Мауи, Гавайи; Токио, Япония; Вумера, Австралия; Найни-тад, Индия; Шираз, Иран; Кадис, Испания и Йоханнесбург, Южная Африка [15] для создания сети оптического слежения за спутниками.

По мере запуска все новых ИСЗ возрастала роль оптических наблюдений, накапливался опыт. В августе 1958 г. в Москве в новом здании Московского университета прошел X съезд Международного астрономического союза (МАС). Говоря о значении этого мероприятия для страны, достаточно привести слова из воспоминаний А. Г. Масевич, что «это было первое международное научное мероприятие

в Москве после окончания войны» [6, с. 32], — скорее всего, Алла Генриховна имела в виду, что первое для научного сообщества астрономов. После успешного проведения этого мероприятия вырос международный авторитет советских астрономов, «ведущие ученые стали выезжать за границу для участия в научных мероприятиях» [5, с. 79].

Результаты научных работ по оптическим наблюдениям публиковались в специальных бюллетенях: «Результаты наблюдений искусственных спутников Земли», «Наблюдения искусственных небесных тел», «Наблюдения искусственных спутников Земли», «Бюллетень станций оптического наблюдения искусственных спутников Земли» и др. В 1963 г. силами Академии наук ГДР был подготовлен библиографический справочник по оптическим наблюдениям за прошедшие 1957–1962 гг. как итог пятилетних совместных научных исследований стран-сотрудниц [8, Л. 69].

В то же время первые годы оптического наблюдения за спутниками показали, что этот метод имеет множество недостатков. Чтобы заметить спутник на небосклоне, необходимо было, во-первых, знать хотя бы приблизительно область неба, по которой он пролетит, и время его пролета, во-вторых, спутники были хорошо заметны, когда их освещало солнце, а пункт наблюдения находился в темноте [13, с. 167]. Опыт наблюдения за американскими спутниками в 1959–1960 гг. также показал, что оптическое наблюдение сильно уступает радиолокационному методу, используемому в системе противоракетной обороны.

В начале 1960 г. наблюдения за спутниками расширили: на полигоне № 10 Сары-Шаган (г. Приозерск, Казахстан) организовали радиолокационное наблюдение за искусственными спутниками Земли, в будущем (к 1962 г.) развернув на его территории станцию дальнего обнаружения [13, с. 169]. Новый подход давал возможность обнаруживать достаточно крупные спутники на высотах 1000–1500 км «по ионизированным следам, оставляемым ими в верхних слоях земной атмосферы» [13, с. 167], и перехватывать информацию со спутников при наличии на них бортовых радиотехнических средств.

В августе 1960 г. специальным распоряжением Совета Министров СССР радионаблюдение за спутниками расширили до *международного* уровня. К работам планировалось подключить три страны — Австралию, Индонезию и Демократическую Республику Вьетнам [12, с. 108–109]. Все три страны располагались либо на линии экватора, либо на небольшом удалении от нее, что качественно повышало уровень наблюдений. Каждой стране во временное пользование передали по одной станции радионаблюдения, изготовленных по заказу АН СССР.

В январе 1961 г. в Москве прошло первое международное Соединение наблюдателей искусственных спутников Земли из социалистических стран [14, с. 6]. А на встрече представителей академической науки в Варшаве 14–17 марта 1962 г. было решено создать Комиссию по многостороннему сотрудничеству между академиями соцстран по проблеме «Оптические наблюдения искусственных спутников Земли». Руководство Комиссией возложили на Астрономический совет АН СССР и лично на доктора физико-математических наук А.Г. Масевич. В 1965 г. комиссию переименовали, теперь она стала носить название «Научные исследования с помощью наблюдений искусственных спутников Земли».

К концу 1964 г. СССР участвовал в нескольких международных группах по различным аспектам оптических наблюдений (подробнее см. в таблице). Одним из результатов международной работы по оптическим наблюдениям стала программа ИНТЕРОБС – исследование кратковременных изменений плотности атмосферы по базисным визуальным наблюдениям низких спутников, пробные работы по которой показали, что расчет перигея производится с точностью до 2–3 км. По этой программе только в 1964 г. было проведено 8 сеансов наблюдений с участием станций Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Финляндии, Чехословакии [8, Л. 68].

По линии оптического наблюдения спутников Земли организовывали станции на территории стран Азии, Африки и Латинской Америки. Это предложение было внесено ЮНЕСКО в мае 1964 г. на VII сессии КОСПАР во Флоренции [8, Л. 69]. И уже в конце 1964 г. СССР отправлял в Республику Мали экспедицию геофизиков и астрономов, одна из задач которой как раз заключалась в организации на месте станции оптического наблюдения спутников [8, Л. 69]. А осенью 1965 г. Астрономический совет АН СССР был готов принять несколько человек из этих регионов на летнюю школу для наблюдателей спутников социалистических стран в целях ознакомления с методикой наблюдения и работы с аппаратурой, применяемой на советских станциях [8, Л. 69]. И мероприятие состоялось: школа для молодых наблюдателей искусственных спутников Земли прошла в 1965 г. в Ташкенте, в ней прошло обучение «40 студентов из 8 социалистических стран» [4, с. 21], а в ноябре того же года прошло совещание представителей соцстран, на котором вопросы совместного наблюдения за спутниками стали одним из направлений будущего проекта Интеркосмос.

Таблица

**Международные научные группы
по оптическим наблюдениям спутников Земли [сост. по: 8, Л. 67–69]**

Научная проблематика	Страны-участницы исследований
Визуальные и фотографические наблюдения искусственных спутников Земли для эфемеридной службы и для научных задач	Англия, Болгария, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Голландия, Италия, Куба, Китай, Монголия, ОАР, Польша, СССР, Финляндия, Франция, Чехословакия, Швеция, Япония.
Разработка и совершенствование методов наблюдения искусственных спутников Земли (аппаратура, методика и обработка наблюдений)	ГДР, Польша, Чехословакия, СССР
Исследование орбит искусственных спутников Земли	ГДР, Польша, Чехословакия, СССР
Использование результатов оптических наблюдений в научных целях	ГДР, Польша, Чехословакия, СССР, Венгрия, Румыния

Включение стран соцлагеря в программу по оптическим наблюдениям помогло приобщить их к космическим исследованиям, расширить территорию распространения советских станций оптического наблюдения и заложить основы международного сотрудничества по космосу. 30 мая 1966 г. Политбюро ЦК КПСС утвердило проект [10, Л. 4] постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 421–130 «Об организации работ по сотрудничеству с социалистическими странами в области исследования и использования космического пространства» [10, Л. 3–10]. Началось формирование совета «Интеркосмос» при АН СССР, и одним из направлений работы в рамках этого Совета стали наблюдения за спутниками. Работы по наблюдению за спутниками начали дублироваться: к комиссии по многостороннему сотрудничеству добавилась комиссия по международному сотрудничеству.

Между тем многостороннее сотрудничество по оптическому наблюдению за ИСЗ активно проводило обучающие семинары для наблюдателей из других стран. В октябре 1966 г. в Москве прошел Международный учебный семинар по использованию метеорологических данных со спутников «в оперативной службе погоды», на котором «50 ученых из 30 стран изучали опыт советских и американских служб погоды по использованию информации, полученной со спутников» [4, с. 23]. Спустя год, со 2 по 20 октября 1967 г. в Пулковско провели кур-

сы для наблюдателей ИСЗ геодезических служб социалистических стран (Болгария, Венгрия, ГДР, КНДР, Куба, Польша, Румыния, Чехословакия, СССР) с обучением по теоретической и практической части [1, Л. 136] — так называемые «Пулковские курсы» [1, Л. 140]. В организации курсов принимали совместное участие Академия наук и Геодезическая служба СССР, и в целом все прошло на высшем уровне, за исключением неудачного времени их проведения — октябрь оказался скуп на «наблюдательную» погоду, из-за чего наблюдения, как такового, не состоялось [1, Л. 140].

В 1967 г. в сеть многостороннего сотрудничества по оптическому наблюдению ИСЗ, кроме СССР, входили академии наук Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии [1, Л. 2]. Работы по многостороннему сотрудничеству проводились тогда как в практической, так и в теоретической плоскости. Так, к примеру, координатор программы ИНТЕРОБС доктор М. Илл (Венгрия) обобщил наблюдения за 1961–1965 гг. и подготовил кандидатскую диссертацию по теории квазисинхронных визуальных наблюдений [1, Л. 4]. Это была первая диссертация по результатам многостороннего сотрудничества, и ее успешная защита состоялась 10 мая 1967 г.

Программа ИНТЕРОБС подразумевала визуальные наблюдения спутников на низких орбитах. Кроме этого, многостороннее сотрудничество включало визуальные наблюдения для целей эфемеридной службы, фотометрические наблюдения спутников по программе СПИН (изучение вращения спутников для определения атмосферной плотности и ее изменений в связи с изменениями солнечной активности), фотографические и синхронные фотографические наблюдения. В 1968 г. в программе ИНТЕРОБС принимали участие 13 станций на территории СССР (Архангельск, Петрозаводск, Вологда, Тарту, Рига, Рязань, Киев, Черновцы, Кишинев, Днепропетровск, Ростов, Краснодар, Ереван), 3 станции в Польше (Ольштин, Варшава, Вроцлав), 2 — в ГДР (Бауцен, Родевиш), 3 — в Венгрии (Будапешт, Байя, Мишкольц), 2 — в Румынии (Клуж, Тимишоара) и 2 — в Болгарии (София, Стара Загора), — всего 25 станций [3, Л. 33].

Для более точного наблюдения требовалось совершенствование аппаратуры. В течение нескольких лет сотрудничающие стороны обсуждали проект приемлемой для оптических наблюдений камеры. Такую камеру разработали и изготовили в ГДР на предприятии «Карл Цейс Йена», первый экземпляр в 1966 г. установили и опробовали в Потсдамском геодезическом институте (ГДР), а фирме заказали три камеры для СССР, одну купила Чехословакия, одну в 1967 г. собира-

лась закупить Польша [1, Л. 12]. В Польше разрабатывали и свои камеры с фокусным расстоянием 30, 50 и 100 см.

В конце октября 1967 г. в Потсдаме (ГДР) состоялось шестое научное совещание наблюдателей ИСЗ, в котором «кроме представителей сотрудничающих стран приняли участие наблюдатели из Голландии, Франции, Финляндии, США, ОАР, Италии и Югославии» [1, Л. 13]. На этом совещании было заслушано 40 докладов, наиболее важные из которых затем были опубликованы в 5 выпуске международного сборника «Наблюдения искусственных спутников Земли».

Руководитель Астрономического совета АН СССР и главный организатор многостороннего сотрудничества по наблюдению искусственных спутников Земли А.Г. Масевич в 1967 г. отмечала, что за десятилетие наиболее активными в разных странах выступали ученые и координаторы – проф. Н.И. Бонев (Болгария), доктор Иван Алмар (Венгрия), доктор Ладислав Ладиславович Сехнал (Чехословакия), доктор Людослав Леонидович Цихович (Польша), проф. Калин Попович (Румыния), доктор Г. Фелсман (ГДР) [1, Л. 15].

После создания Совета в 1966–1967 гг. сложилась ситуация, когда работы по оптическому наблюдению за спутниками проводились одновременно в рамках комиссии «Научные исследования с помощью наблюдений искусственных спутников Земли» и по программе «Интеркосмос» [7, с. 56]. Они неизбежно дублировались, поскольку в «Интеркосмосе» вопросами наблюдения за ИСЗ занимались «те же научные организации и ученые, которые сотрудничали в рамках проблемы многостороннего сотрудничества академий наук» [2, Л. 15]. Нужно было либо вводить комиссию в состав совета «Интеркосмос», либо делить зоны ответственности, что грозило разобщенностью и распылением сил.

Осенью 1967 г. (8–16 сентября) в Закопане (Польша) прошло XI совещание по вопросам наблюдений ИСЗ, в котором приняли участие представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и СССР. По результатам совещания решено было войти в состав «Интеркосмоса»: в его рамках работала комиссия под тем же названием – «Научные исследования с помощью наблюдений ИСЗ», председателем комиссии стала главный организатор оптических наблюдений за спутниками А.Г. Масевич, ее секретарем – Н.П. Словохотова. Членами бюро комиссии назначили 13 представителей социалистических стран, принимавших и ранее участие в многостороннем сотрудничестве по наблюдению ИСЗ [1, Л. 129].

Новая комиссия состояла из двух подкомиссий. Рабочая группа «Спутниковая геодезия» теперь стала подкомиссией «Космическая гео-

дезия», сохранив функции Восточно-Европейской подкомиссии Международной Геодезической ассоциации [1, Л. 127–128]. Ее председателем назначили Л.Л. Циховича. Вторая подкомиссия занималась программой ИНТЕРОБС, ее председателем назначили М. Илла [1, Л. 128].

Это объединение связало работы, начатые еще в период подготовки к запуску первого ИСЗ во время Международного геофизического года, с началом международного сотрудничества в рамках совета «Интеркосмос». Социалистические страны, присоединившиеся к оптическим наблюдениям в конце 1950-х – начале 1960-х гг., составили организационную и научную базу «Интеркосмоса».

Список источников и литературы

1. Архив РАН (АРАН). Ф. 1678. Оп. 1. Д. 4.
2. АРАН. Ф. 1678. Оп. 1. Д. 24.
3. АРАН. Ф. 1678. Оп. 1. Д. 25.
4. Десять лет космических исследований. М.: Издательство АПН, 1967. – 24 с.
5. Длужневская О.Б. Алла Генриховна Масевич – выдающаяся женщина-астроном // Земля и Вселенная. 2019. № 1. С. 73–82.
6. Звезды и спутники в жизни А.Г. Масевич. Сост. Шустов Б.М. М., 2017. – 69 с.
7. Орбиты сотрудничества. М.: Машиностроение, 1975. – 119 с.
8. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71.
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 47. Д. 272.
10. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1071.
11. Рыхлова Л.В. Космическая геодезия: от первого ИСЗ до современных космических технологий // Научные труды Института астрономии РАН. 2019. Т. 4. С. 110–115.
12. Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / под ред. Ю.М. Батурина. М.: «РТСофт», 2008. – 416 с.
13. Звезды и спутники космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М.: Вестник Архива Президента РФ, 2011. – 719 с.
14. Шустов Б.М., Длужневская О.Б., Рыхлова Л.В., Тутуков А.В. Лидеры отечественной астрономии: проф. А.Г. Масевич // Научные труды Института астрономии РАН. 2018. Т. 2. С. 3–12.
15. Auchincloss K. Smithsonian Astronomers Keep Hectic Pace // The Harvard Crimson. 1957. 9 November. URL: <https://archive.ph/20120915091700/http://www.theharvardcrimson.com/article/1957/11/9/smithsonian-astronomers-keep-hectic-pace-pwere/> (дата обращения 02.12.2022).
16. Gavaghan H. Something New Under the Sun: Satellites and the Beginning of the Space Age. USA, 1997. – 319 p.
17. Soviet sputniks. Soviet News Booklet. № 25. London, 1958. – 69 p.

**«Новый магистральный путь»:
к вопросу об изменении приоритетов советской космонавтики
в середине 1960-х — начале 1970-х гг.**

Аннотация. В статье проводится компаративный анализ коллекции стенгазет Особого конструкторского бюро № 1 (1964–1973 гг.) как исторического источника об истории и проектах предприятия в сравнении с официальной исторической литературой, правительственными постановлениями и воспоминаниями бывших сотрудников. В ходе этого исследования затрагивались ключевые моменты истории конструкторского бюро за охваченный период, такие как «лунные» и «марсианские» проекты, а также разработка долговременных орбитальных станций (ДОС). Рефлексия по поводу успехов и неудач предприятия, их причин и последствий порой значительно разнится у участников событий. Сравнение опубликованных материалов с невербальными сведениями, изображаемыми на стенных газетах, позволило авторам более комплексно раскрыть проблемы изменения вектора развития Особого конструкторского бюро № 1 через призму визуальных, документальных и личных источников.

Ключевые слова: стенные газеты; мемуаристика; исторический источник; Особое конструкторское бюро № 1; история; космонавтика; музей

**«The New Main Path»:
on the issue of changing priorities in Soviet cosmonautics
in the mid-1960s — early 1970s**

Abstract. The article provides a comparative analysis of the wall newspaper collection of Special Design Bureau № 1 (1964–1973) as a historical source on the history and projects of the enterprise, in comparison with official historical literature, government decrees, and memoirs of former employees. The study touched upon key moments in the history of the design bureau during the period covered, such as the «lunar» and «Martian» projects, as well as the development of long-term orbital stations. Reflections on the successes and failures of the enterprise, their causes, and consequences sometimes differ significantly between the participants of the events. Comparison of published materials with non-verbal information depicted on wall newspapers allowed the authors to reveal the problems of changing the vector of development of the Special Design Bureau № 1 through the prism of visual, documentary, and personal sources more comprehensively.

Keywords: wall newspapers; memoirs; historical source; Special Design Bureau № 1; history; cosmonautics; museum

¹ **Кирилл Александрович Гусев** — старший научный сотрудник, Мемориальный музей космонавтики (Москва, Россия); e-mail: GusevKA@culture.mos.ru

Kirill A. Gusev — senior scientific adviser, Moscow museum of cosmonautics (Moscow, Russia).

² **Мария Леонидовна Козлова** — библиотекарь отдела комплектования фондов, Российская государственная библиотека (Москва, Россия); e-mail: kozlovaml@rsl.ru

Maria L. Kozlova — Librarian of the Collections Department, Russian State Library (Moscow, Russia).

Период истории советской космонавтики середины 1960-х — начала 1970-х гг. можно назвать временем пертурбаций и смены приоритетов. Коснулись они и жизни основной организации, занимавшейся разработкой космической техники — Особого конструкторского бюро № 1 (ОКБ-1), впоследствии, в 1966 г., преобразованного в Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ), а затем, 22 мая 1974 г., в Научно-производственное объединение «Энергия» (НПО «Энергия»).

Одним из интересных источников по истории этого предприятия являются новогодние юмористические карикатурные стенные газеты [9], выпускавшиеся в этот период и хранящиеся ныне в Мемориальном музее космонавтики. Первая из сохранившихся газет была выпущена в конце 1964 г., последняя — в конце 1973 г. Этот источник отражает взгляд коллектива создателей газет (или их части) на важнейшие события в жизни предприятия. Эта точка зрения не всегда совпадала с «официальной». Также можно отметить, что и не все авторы стенных газет разделяли ее. В этом смысле представляется интересным сравнить видение реалий космической сферы создателями газет с ключевыми работами по истории предприятия и воспоминаниями некоторых основных персонажей, так или иначе упоминающихся в стенгазетах. Мы уже рассматривали ранее потенциал этих стенгазет как исторических источников с точки зрения визуальной антропологии [10]. Визуальная составляющая таких исторических источников позволяет рассмотреть табуированные темы жизни предприятия. Не стоит забывать, что это был засекреченный режимный объект, а посему сотрудники — авторы данных визуальных документов вкладывали юмористический подтекст происходящего в их жизни посредством изобразительных материалов. Историография вопроса изучения стенгазет как исторического источника включает ряд историкоисследовательских работ, среди которых статьи Д.А. Сафонова [22], Г.И. Старковой [23], В.В. Аксарина [1], В.В. Кузнецова [14], В.В. Каплюкова и Е.И. Ярковой [12], но следует повториться, что указанные авторы имели дело со стандартными и по большей части текстовыми стенными газетами, в то время как имеющиеся в фондах Мемориального музея космонавтики следует отнести к источникам изобразительным, а именно к карикатурам. Схожая тема рассматривалась в вышедшей в 2025 г. монографии И. Гринько и А. Шевцовой «Антропология недосказанного. Табуированные темы в советской послевоенной карикатуре», где авторы путем визуальной антропологии анализировали социальные высказывания, зашифрованные

в карикатурах сатирического журнала «Крокодил» [8]. В этой работе была приведена важная для нас мысль о том, что создание карикатур всегда подразумевало некоторую свободу высказывания за счет «художественной двойственности» — авторский посыл может изменяться за счет сознания и культурного бэкграунда читателя [8, с. 29]. Таким образом, в случае рассматриваемых стенгазет многие «острые» темы смогли пройти ценз руководства космической фирмы.

Если в предыдущей нашей статье основной задачей являлось декодирование и реконструкция смыслов, заложенных в стенгазетах ОКБ-1 (ЦКБЭМ) посредством визуальных образов, то специфика настоящей работы смещается к критике отражения социальной реальности в рассматриваемых документах посредством компаративного анализа. Для этих целей будет информация, заложенная в стенгазетах, будет сравниваться с официальной литературой по истории предприятия и источниками личного происхождения, авторами которых выступили участники событий.

Следует сказать несколько слов о так называемом «мемориальном повороте», который чаще всего характеризуется как тенденция к изучению памяти об историческом прошлом [15, с. 123]. Данная парадигма, зародившаяся в французской историографии прошлого века и активно развивающаяся ныне в отечественной, привносит множественность оценок, выраженных в деяниях и воспоминаниях участников событий, что вносит некоторый «хаос в представление о прошлом» [2, с. 93]. В этой связи мы принимаем во внимание тот факт, что создание мемуаров некоторым образом является осознанным заявлением автора о ценности своего собственного, личного исторического опыта в противопоставление обществу и коллективу [11, с. 114–115].

В качестве «официальных» источников используется историографический материал — книги, выпущенные на самом предприятии: «Ракетно-космическая корпорация “Энергия” имени С.П. Королева» под общей редакцией Ю.П. Семенова [20] и «Космическая “Энергия” Королева» [13], а также материалы с сайта предприятия [21]. Определенный интерес представляет книга руководителя НПО «Энергия» В.П. Глушко «Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР» [6].

Интерпретация событий в стенгазетах приводится по книгам В.Е. Бугрова «Марсианский проект С.П. Королева» [3] и «Советская и российская космонавтика» [4]. В них же и некоторых статьях [5; 17; 30] можно узнать мнение самого автора о тех же событиях.

В качестве вспомогательных исторических источников мы будем использовать воспоминания участников событий, среди которых мож-

но указать книгу Л.А. Горшкова «Космические проектанты». Ее автор входил в редколлегию газет вместе с В.Е. Бугровым [7]. Также для нас интересны воспоминания В.П. Мишина [16], бывшего руководителя предприятия, воспоминания одного из его заместителей Б.Е. Чертока [29], советского космонавта К.П. Феоктистова [28].

Первым значимым событием, которое было отражено в стенгазетах ОКБ-1 была переориентация работы предприятия на лунную программу [24]. До этого предприятие работало над программой полета на Марс согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР [19]. Однако в 1964 г. вышло постановление об исследовании Луны [18].

Если В.П. Глушко в своей книге не упоминает о лунной программе, то в книге «Космическая “Энергия” Королева» есть полноценный раздел, посвященный созданию пилотируемых и беспилотных кораблей для облета Луны [13, с. 92–95]. Для беспосадочного облета Луны планировалось создать несколько кораблей (шифры 7К, 9К, 11К) с использованием автоматической стыковки в космосе. Реализованным в итоге оказался только один аппарат — 7К-ОК, он же космический корабль «Союз». 13 декабря 1965 г. С.П. Королев и В.Н. Челомей подписали «Основные положения по ракетно-космическому комплексу УР-500–7К-Л1. Начинаются попытки «поженить» космический корабль «Союз» и ракету-носитель «Протон». Этот же сюжет неоднократно встречается в стенгазетах, в особенности интересна сцена «свадебной процессии» корабля и ракеты, где часть гостей встречала «пару» с цветами, а часть с дубинами, как своеобразное различие реакций на проект сотрудников «челомеевской» и «королевской» фирм (новогодний выпуск 1966 г.) [25]. Другая сцена с рассматриваемым сюжетом появляется уже в выпуске газеты за 1970 г. — здесь ракета-носитель «Протон» сбрасывает с себя космический корабль, там самым расторгая «космический брак» [26].

Облет Луны и возвращение спускаемого аппарата на Землю со второй космической скоростью произошли при запуске корабля Л1 № 9 («Зонд-5») 15 сентября 1968 г. В течение всего 7-дневного полета на борту корабля находились две черепахи. В рамках программы беспилотного облета было проведено более десяти пусков, но она не была доведена до конца в силу нескольких причин: «Параллельно выполнению программы отработки корабля Л1 в беспилотном режиме завершилась подготовка и реализация американской программы посадки человека на Луну (“Аполлон”). В конце 1968 г. экипаж корабля «Аполлон-8» совершил облет Луны, а 16 июля 1969 г. американцы впер-

вые осуществили посадку на Луну. В этих условиях уже к началу 1969 г. сформировалось мнение, что риск полета человека вокруг Луны не оправдан. По этим причинам программа Л1 была закрыта» [13, с. 94].

В книге сказано и о программе пилотируемого полета с высадкой на Луну, который предполагалось осуществить с помощью ракетно-космического комплекса Н1-Л3. История проекта начинается с постановления Совета Министров СССР от 23 июня 1960 г. «О создании мощных ракет-носителей, спутников, космических кораблей и освоении космического пространства в 1960–1967 гг.». Оно предполагало создание ракеты-носителя, которая выведет Тяжелый межпланетный корабль массой до 80 т на орбиту искусственного спутника Земли [13, с. 96]. Однако в 1964 г. главной задачей стала реализация пилотируемой экспедиции на Луну: «В постановлении СМ [Совета министров] СССР от 3 августа 1964 г. впервые определялось, что важнейшей задачей в исследовании космического пространства с помощью ракеты-носителя Н1 является освоение Луны с высадкой на ее поверхность» [13, с. 97]. Одной из причин стала информация о подобных работах, ведущихся в США.

Лунный орбитальный корабль разрабатывался с учетом опыта создания корабля «Союз», но, по сути, был новым космическим аппаратом. Лунный же корабль (посадочный аппарат) не имел аналогов в отечественной космонавтике. Связка лунного посадочного и лунного орбитального корабля была полностью отработана на Земле, а способность систем работать в космосе проверена во время пуска беспилотного варианта — Т2К. Но гораздо тяжелее шли работы над ракетой-носителем, характеристики которой (массу полезного груза) приходилось менять. Было совершено несколько неудачных пусков. Но программа не была завершена: «Очередной пуск намечался на 4 квартал 1974 г. К маю на ракете № 8Л были проведены все проектно-конструкторские мероприятия по результатам анализа итогов предшествующих полетов. Однако этот пуск не состоялся — работы по комплексу Н1-Л3 решением нового руководства предприятия были прекращены. На многие годы монополистом в области создания ракет-носителей сверхтяжелого класса стали США» [13, с. 101].

В стенных газетах на протяжении нескольких выпусков репрезентацией лунной программы Н1-Л3 выступало изображение елки, олицетворявшей ракету-носитель Н1, с которой в разные годы происходили различные события — она то собирается, то развязывается, а то и вовсе от нее остаются лишь ветви, что отображает неудачное завершение программы.

Л.А. Горшков пишет о своей работе над лунной программой, но не дает четких оценок именно переориентации на нее [7, с. 102–114]. Пишет о работе над полетом человека на Луну и В.П. Мишин [16, с. 102–114]. В своих интервью он считает этот переход ошибкой, так как невозможность опередить американцев была очевидна [16, с. 70–173]. Неправильно выбранной целью Луну считал и К.П. Феоктистов [28, с. 308–344]. Еще более строг в своей оценке В.Е. Бугров, который называет всю лунную программу «лунным тупиком» [4, с. 97–128]. Целый том своей книги посвятил лунной гонке и Б.Е. Черток, достаточно разносторонне рассуждая об ошибках и уроках этого времени [29, с. 437].

Следующее изменение направления деятельности ОКБ-1 (точнее уже ЦКБЭМ) произошло в 1970 г., когда долговременные орбитальные станции стали «магистральным путем в освоении космоса» [26]. ДОСы работают и сейчас, но оценки их необходимости разнятся.

В.П. Глушко основным направлением развития космонавтики называет как раз орбитальные станции: «Именно путь развития долговременных пилотируемых орбитальных станций ведет к фундаментальному освоению космоса, созданию космической промышленности (индустриализация космоса), использующую солнечную энергию, условия невесомости и глубокого вакуума» [6, с. 110].

В книге «Космическая “Энергия” Королева» вопрос строительства орбитальных станций также затронут. В основу были положены две главные идеи: использование орбитального расположения станции для наблюдения за объектами и исследование воздействия внешних факторов космоса на них. Реализация первой идеи позволяла работать в областях астрофизики, геофизики, природных ресурсов, мониторинге планеты Земля и т.п. Воплощение второй — определить возможность существования человека в космосе и его работоспособность, стойкость материалов и покрытий, а также отработку методов получения новых материалов и продуктов.

Создавались ДОСы на основе оборудования кораблей «Союз» в корпусах, предназначенных для военных орбитальных объектов. Начало эксплуатации станций было достаточно сложным: «Только пять полетов за три года на трех станциях!» [13, с. 105]. Отмечается и взаимодействие с «лунной» программой: «Корабли “Союз” задумывали для облета Луны», к решению той же задачи “Зондами” после неготовности ракеты Н-1 приспособили “Протон”, и многое из космической техники (скафандры, например) впоследствии использовали на околоземных орбитах. После программы Л-1, когда стало ясно, что СССР проиграл

“лунную гонку”, основное внимание уделялось направлению орбитальных станций» [13, с. 104]. Довольно оригинально это было проиллюстрировано в стенгазете 1971 г. — мощный каток в виде ДОСа сметает со своего пути все лунные и марсианские проекты [27].

Говорится об орбитальных станциях и в книге «Ракетно-космическая корпорация “Энергия” имени С.П. Королева» под общей редакцией Ю.П. Семенова. Там им посвящен полноценный раздел [20, с. 288—332]. При этом стоит учитывать, что редактор издания Ю.П. Семенов с 1972 по 1981 гг. являлся главным конструктором по долговременным орбитальным станциям и пилотируемым кораблям.

Интересно, что В.П. Мишин в своих воспоминаниях не посвятил отдельного раздела орбитальным станциям, хотя именно при нем были запущены первые из них. Можно предположить, что эта тема его не интересовала. К тому же эти работы были инициированы без его участия, пока он находился в отпуске.

Обстоятельства этого описаны К.П. Феоктистовым в его книге. Он достаточно подробно повествует о работах по орбитальным станциям. Это неудивительно, так как именно он был одним из инициаторов и основных разработчиков орбитальных станций [28, с. 221—291]. Этот сюжет также был проиллюстрирован в стенной газете 1971 г., где К.П. Феоктистов изображен в виде аиста, приносящего дитя в виде орбитальной станции [27].

Одним из разработчиков станций был и Л.А. Горшков, который описал свою работу в отдельном разделе [7, с. 78—232].

Б.Е. Черток писал, что целью запуска первой орбитальной станции было удивить весь мир [29, с. 187] и чем-то компенсировать неудачи Н1 [30, с. 143].

В.Е. Бугров в своих книгах и статьях высказался об итогах развития космонавтики середины 1960-х — середины 1970-х. В качестве примера можно привести цитату: «Президент АН СССР Келдыш в 1969 г. предлагал отказаться от высадки на Луну и вернуться к проекту ТМК, с тем чтобы в 1975 г. облететь Марс с помощью двух ракет Н1. Его предложения могли вернуть нашу космонавтику на правильный путь, но его не поддержали. Программу Королева, вопреки национальным и общечеловеческим интересам, закрыли. Реальная возможность высадить человека на Марс в конце 1970-х гг. была утрачена. Страна лишилась абсолютного приоритета в космосе. Что получили взамен? Орбитальные космические станции? Но даже их разработчики понимают, что сосредоточивать все усилия на освоении ближнего космоса — путь тупиковый» [5].

Рефлексия сотрудников предприятия позволяла посредством юмора обозначать самые острые проблемы в космической сфере. Неудачи в ходе «лунной гонки», резкие изменения в приоритетных проектах, взаимоотношения сотрудников внутри коллектива — все это в той или иной мере отражалось на листах новогодних стенгазет. Эти иллюстрации прекрасно дополняют наши знания об основных исторических вехах, происходивших в ОКБ-1 (ЦКБЭМ) в период с 1964 по 1973 гг., хотя эта информация является субъективной и, более того, порой значительно разнится с точкой зрения самих участников событий. Благодаря рассмотрению вопроса через призму изобразительных и документальных источников, мы можем более широко воссоздать парадигму изменения вектора развития научных и технических программ предприятия, затрагивая как внешние, политические, так и внутренние, психосоциальные и технические факторы данных преобразований.

Список источников и литературы

1. Аксарин В.В. Стенгазета «Промкооператор» как отражение кооперативной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85). С. 17–20.
2. Архипова Л.М. О крутизне «мемориальных поворотов» в современной историографии // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. С. 92–97.
3. Бугров В.Е. Марсианский проект С.П. Королева. М.: Фонд «Русские витязи», 2009. — 316 с.
4. Бугров В.Е. Советская и российская космонавтика: записки ведущего конструктора по советским проектам экспедиции на Марс, на Луну и «Энергия-Буран». М.: Фонд «Русские Витязи», 2022. — 447 с.
5. Бугров В. Циолковский и Королев: мечты и реальность // Портал журнала «Наука и жизнь». 2007. № 9. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/11556/> (Дата обращения: 20.06.2025).
6. Глушко В.П. Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР. М.: Машиностроение, 1987. — 304 с.
7. Горшков Л.А. Космические проектанты. Воспоминания. М.: Издательство РТСфт, 2021. — 416 с.
8. Гринько И., Шевцова А. Антропология недосказанного. Табуированные темы в советской послевоенной карикатуре. М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 256 с.
9. Госкаталог.РФ. Коллекция Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Мемориальный музей космонавтики». // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0&museumIds=2616&imageExists=null> (Дата обращения: 13.06.2025).
10. Гусев К.А., Козлова М.Л. Стенгазеты Особого конструкторского бюро № 1 из фондов Мемориального музея космонавтики как источник по истории отечественной космической отрасли середины 1960-х — начала 1970-х гг. // История

России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (22–25 октября 2024 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2024. С. 535–543.

11. Источниковедение / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

12. Каплюков В.В., Яркова Е.И. Стенная газета УРАЛПРОСТА о социально-политических процессах в России на рубеже 20-х гг. // Материалы докладов и сообщений сотрудников ЦДООСО на научно-практической конференции «Архивы России: 100 лет на службе Отечеству» // Сайт Цента документации общественных организаций Свердловской области. URL: <https://cdooso.ru/phocadownload/userupload/editions/kaplukov-yarkova-tezisy-rosta-kak-istoricheskiiy-istochnik-2018-.pdf> (Дата обращения: 03.06.2025).

13. Космическая «Энергия» Королева (к 50-летию начала космической эры). М., 2007. – 432 с.

14. Кузнецов В.В. Стенная печать Западной Сибири как источник по истории сельскохозяйственных реформ середины XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2009. № 4(64). Т. 4. История. С. 135–137.

15. Леонтьева О.Б. Историческая память и коллективная идентичность российского / советского общества: современные подходы к изучению // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе. М.: Аквилон, 2017. С. 123–144.

16. Мишин В.П. Записки ракетчика. Воспоминания, дневники, интервью М., 2017. – 567 с.

17. Новицкая Ю. Владимир Бугров: «Наша цель – полет на Марс!» // Интернет-проект «Завтра.ру». URL: <https://zavtra.ru/blogs/vladimir-bugrov-nasha-tsel-polot-na-mars> (Дата обращения: 20.06.2025).

18. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О работах по исследованию Луны и космического пространства» от 3 августа 1964 г. // Советская космическая инициатива в государственных документах 1946–1964 гг. М.: «РТСофт», 2008. С. 269–273.

19. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании мощных ракет-носителей, спутников, космических кораблей и освоении космического пространства в 1960–1967 годах» от 23 июня 1960 г. // Советская космическая инициатива в государственных документах 1946–1964 гг. М.: «РТСофт», 2008. С. 96–100.

20. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева. М., 1996. – 672 с.

21. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева. История предприятия // Интернет-сайт Энергия.ру. URL: <https://www.energia.ru/ru/history/history.html> (Дата обращения: 13.06.2024).

22. Сафонов Д.А. Стенгазеты как элемент советской действительности 1920–1930-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1(13). С. 136–155.

23. Старкова Г.И. Стенные газеты как форма проявления и средство развития социальной активности молодежи Удмуртии в 20-е годы XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. С. 191–201.

24. Стенгазета 9-го отдела ОКБ-1 к новому 1965 году. Редактор Бугров В.Е.; редколлеия: Г. Алгунова, В. Бугров, Г. Балашова, Л. Горшков, В. Любинский, А. Максименко, А. Саркисян и др. // Государственный каталог Музейного фонда

Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42455554> (Дата обращения: 23.06.2025).

25. Стенгазета 9-го отдела ОКБ-1 к новому 1966 году. Редактор Бугров В.Е.; редколлегия: Г. Алгунова, В. Бугров, Г. Балашова, Л. Горшков, В. Любинский, А. Максименко, А. Саркисян и др. // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42455531> (Дата обращения: 23.06.2025).

26. Стенгазета 9-го отдела ОКБ-1 к новому 1970 году. Редактор Бугров В.Е.; редколлегия: Г. Алгунова, В. Бугров, Г. Балашова, Л. Горшков, В. Любинский, А. Максименко, А. Саркисян и др. // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42455565> (Дата обращения: 23.06.2025).

27. Стенгазета 9-го отдела ОКБ-1 к новому 1971 году. Редактор Бугров В.Е.; редколлегия: Г. Алгунова, В. Бугров, Г. Балашова, Л. Горшков, В. Любинский, А. Максименко, А. Саркисян и др. // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42455540> (Дата обращения: 23.06.2025).

28. *Феоктистов К.П.* Траектория жизни. Между вчера и завтра. М.: Вагриус, 2000. — 381 с.

29. *Чертюк Б.Е.* Ракеты и люди. Т. 4. Лунная гонка. М.: Машиностроение, 2007. — 541 с.

30. *Яценникова Н.* Конструктор Владимир Бугров — о том, чему учит история освоения космоса // Российская газета — Неделя — Федеральный выпуск: № 224(9169). URL: <https://rg.ru/2023/10/04/kak-do-luny.html> (Дата обращения: 20.06.2025).

Спичрайтерская деятельность консультантов Ю.В. Андропова в контексте политической борьбы 1964–1967 гг.

Аннотация. Статья посвящена спичрайтерской деятельности консультантов Юрия Андропова в период политической борьбы 1964–1967 гг. Автор анализирует роль этих интеллектуалов в формировании идеологической политики СССР, их влияние на подготовку речей для высшего руководства, включая Л.И. Брежнева. Особое внимание уделяется стратегии «вписывания» ключевых фраз и идей, связанных с решениями XX съезда КПСС, в официальные документы и выступления, что позволяло консультантам защищать либеральные тенденции в условиях нарастающего консерватизма. На основе мемуаров участников событий раскрываются механизмы взаимодействия консультантов с партийным аппаратом, их борьба за сохранение курса на десталинизацию, а также компромиссы, на которые они были вынуждены идти. Статья подчеркивает ограниченность влияния консультантов, обусловленную зависимостью от политической конъюнктуры и противостоянием с аппаратными силами, такими как «группа Шелепина».

Ключевые слова: спичрайтинг; консультанты ЦК КПСС; Ю.В. Андропов; Л.И. Брежнев; XX съезд КПСС; идеологическая борьба; десталинизация; политический язык; мемуары

Speechwriting Activities of Yu. V. Andropov's Consultants in the Context of Political Struggle (1964–1967)

Abstract. The article is devoted to the speechwriting activity of Yuri Andropov's consultants during the period of political struggle of 1964–1967. The author analyzes the role of these intellectuals in the formation of the ideological policy of the USSR, their influence on the preparation of speeches for the top leadership, including Leonid Brezhnev. Special attention is paid to the strategy of “insertion” of key phrases and ideas related to the decisions of the XX Congress of the CPSU into official documents and speeches, which allowed the consultants to defend liberal tendencies in the conditions of growing conservatism. Based on the memoirs of the participants of the events, the mechanisms of interaction of the consultants with the party apparatus, their struggle to preserve the course of de-Stalinization, as well as the compromises they were forced to make, are revealed. The article emphasizes the limited influence of the consultants, due to their dependence on the political situation and confrontation with the apparatus forces, such as the Shelepin's group.

Keywords: speechwriting; CPSU Central Committee consultants; Yuri Andropov; Leonid Brezhnev; 20th Congress of the CPSU; ideological struggle; de-Stalinization; political language; memoirs

¹ Григорий Павлович Суслов — бакалавр исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: suslovgr@gmail.com
Grigory P. Suslov — Bachelor of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Первые консультантские группы появились в «братских» международных отделах ЦК, возглавляемых Б.Н. Пономаревым и Ю.В. Андроповым, в 1960-е гг. Консультанты таких групп выделялись на фоне остальных аппаратчиков своим образованием, культурным обликом и нетривиальными взглядами. Вовлечение «неаппаратных» людей в аппарат было связано с целым рядом причин. Одной из них была острая нужда советских руководителей в спичрайтерах, т.е. тех, кто будет писать за них тексты статей и выступлений. Новые вожди не справлялись с ролью, которую играл почивший «отец народов». В частности, руководители были неспособны сами составлять «программные» тексты, определяя идеологический курс страны. «Производство идеологии» стало коллективным делом, связанным с постоянными проверками текстов и выхолащиванием «авторского голоса» в них [9, с. 45–47; 13, с. 109].

При этом спичрайтерская деятельность консультантов практически не привлекает внимания исследователей. Пожалуй, относительно подробно она затрагивается лишь в недавно вышедшей политической биографии Леонида Брежнева за авторством А.И. Савина и В. Деннигхауса [4]. Ими, в частности, затронут вопрос о том, какие цели преследовали спичрайтеры, в число которых входили не только консультанты, как они их добивались и какое сопротивление они встречали со стороны аппарата — но все через призму их почти двадцатилетнего «симбиоза» с Брежневым.

В данной статье мы хотим осветить спичрайтерскую деятельность консультантов андроповского отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, или просто «Отдела», причем в контексте политической борьбы 1964–1967 гг.

Когда Л.И. Брежнев пришел к власти, у него не было собственной «пресс-группы», как у Н.С. Хрущева. Команду «речевиков» пришлось формировать практически с нуля. Так в спичрайтеры Брежнева попало множество консультантов Ю.В. Андропова, быстро сориентировавшихся и выказавших полную лояльность новому вождю [2, с. 192, 197; 3, с. 244–245]. Это, в свою очередь, позволило ему и его консультантам оказывать влияние на процесс формирования идеологической политики нового правления.

При этом консультанты обладали «прогрессивными» взглядами и стояли на «платформе XX съезда», поддерживали начавшиеся в обществе перемены и боролись с «ползучей ресталинизацией». Получив доступ к «большой политике», они не хотели быть просто исполнителями чужой воли, но мечтали повлиять на курс, который возьмет новое руководство. Их работу во многом облегчала поддержка Андропова.

По воспоминаниям «речевиков», их покровитель верил, что смещение Н.С. Хрущева позволит полнее реализовать взятый на XX съезде курс, что совпадало с ожиданиями его консультантов [2, с. 161–162; 6, с. 286].

Безусловно, возможности «речевиков»-консультантов были ограничены. Коллективный характер «производства идеологии» укрепился. Проекты различных текстов и речей генсека проходили через большое количество «доверенных» и не очень представителей высшего руководства [1, с. 249; 2, с. 162–163]. Как нам кажется, во многом это было связано не только с характером самого Брежнева, но и с его положением в первые годы у власти. Конфликт с А.Н. Шелепиным делал власть вождя неустойчивой и далеко не безграничной. А это сказывалось, в том числе, и на идеологической политике, которую во многом и задавали речи руководителя партии. Тем более, что к их написанию привлекали не только консультантов Андропова.

Однако это не означало, что их деятельность была лишена смысла. Анонимные авторы речей не становились ретрансляторами абстрактной нормы «дубового» политического языка, как об этом пишет антрополог А. Юрчак [13, с. 108–109]. Безусловно, им приходилось принимать правила игры. Пользуясь терминологией того же автора, можно сказать, что спичрайтерам приходилось выполнять «проформу» ради возможности работать «со смыслом» [13, с. 192–193].

Такой работой «со смыслом» стало «вписывание» нужных слов и формулировок. Этот метод отлично вписывался в логику «перформативного сдвига» с его «гипернормализацией» и постоянным копированием предшествующих текстов. Консультантам было не обязательно придумывать и «проталкивать» в жизнь новые идеи и формулировки. Достаточно было включать в тексты формулы и фразы, внесенные в «абстрактную норму» на XX и XXII съездах, или упоминания самих этих съездов: «...даже от упоминания в документах и речах руководителей каких-то “ключевых” слов и политических понятий (скажем, “культ личности”, “XX съезд”, “общенародное государство”, “партия всего народа”, “мирное сосуществование” и т.д.) зависел исход множества схваток, происходивших в разных слоях общества» [2, с. 130–131]. Вписывание всех этих и множества других фраз и клише, связанных с надеждами хрущевской «оттепели», позволяло раз за разом сохранять и укреплять их место в неписаной норме политического языка, не давая «вымыть» их из идеологии. А это, в свою очередь, должно было повлиять и на политическую практику.

В этом кроется понимание того, почему подчас скучная спичрайтерская работа, которую «речеписцы» не очень жаловали, все равно

вызывала у них живой интерес. «Драки за слова» были частью политической борьбы тех лет. Возможность повлиять на ее исход стала «стимулом», ради которого консультанты продолжали заниматься монотонным и однообразным «речеписанием» [2, с. 130; 3, с. 242; 5, с. 229–230]. Тем более, что за пределами андроповского Отдела у них вряд ли бы получилось принять участие в политико-идеологической борьбе этих лет в самом ее сердце. Это послужило залогом симбиоза между консультантами и Андроповым, поскольку рвение первых способствовало аппаратному авторитету последнего и во многом совпадало с его собственными настроениями.

Первым важным заданием консультантов Андропова стала подготовка выступления Брежнева к 47-й годовщине Октябрьской революции. Более того, их покровителю доверили написание внутриполитического раздела, что могло говорить о признании Андропова в качестве одного из идеологов партии. Участие в работе приняли Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин и Г.Х. Шахназаров, по-разному оценивавшие ее итоги. Арбатов писал, что финальную обработку текста доверили секретарю по идеологии ЦК П.Н. Демичеву, члену команды Шелепина [8, с. 109–110], из-за чего «конечный продукт» поставил консультантов в тупик: «все наиболее содержательные, яркие, несшие позитивную политическую нагрузку эпизоды исчезли» [2, с. 177]. Бовин упоминает о том, что при поддержке Андропова и «пользуясь случаем» они пытались убрать из Программы КПСС цифровые материалы, но эта идея провалилась [3, с. 126]. При этом в самом докладе им пришлось отрываться лишь общими фразами, поскольку политика Брежнева в тот момент еще не определилась. Шахназаров же пишет, что в пору создания этого доклада они «находились на вершине радужных ожиданий» [12, с. 107–217]. Заметим, что в доклад попали фразы о «развитии социалистической демократии» и «социалистической законности», о «всестороннем развитии человеческой личности». Более того, была заложена мысль о том, что октябрьский пленум стал важной вехой на пути реализации решений XX съезда КПСС [4, с. 22, 33]. Надежды Андропова и консультантов оказались вложены в уста нового вождя.

Однако первым по-настоящему крупным выступлением для Брежнева и всей страны должен был стать доклад, посвященный 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Крупнейшая годовщина требовала от новой власти определить свое отношение к вопросам недавней и очень сложной истории. К составлению текста был привлечен Андропов, а также Арбатов, Бовин и на первых порах Ф.М. Бурлацкий [10, с. 114–115]. Все участники отмечали, что написание речи шло тя-

жело из-за постоянных дискуссий об отношении к Сталину и XX съезду. Более того, Шелепин прислал Брежневу альтернативный проект, в котором отвергались основные идеологические новации XX и XXII съездов [6, с. 284–285]. Как вспоминал Г.Л. Смирнов, «речевик» из отдела агитпропа, «шелепинская диссертация» вызвала в рабочей группе нечто вроде паники. Тем более, что Шелепин не ограничился этим и внимательно следил за ходом подготовки доклада [10, с. 115]. Конечный итог вышел компромиссным и смазанным – вполне в духе начинавшегося застоя. Таково же и мнение анонимных авторов брежневской речи. Так, Бурлацкий утверждает, что доклад, хоть и непоследовательно, но развивал идеи и установки хрущевского периода. Кроме того, по предложению Андропова имя Сталина в порядке компромисса была упомянуто – но лишь единожды [6, с. 290–292]. Смирнов, дискутируя с Бурлацким, пишет о куда более значительном влиянии Шелепина на итоговую версию, умолчав о последствиях культа личности и критикуя хрущевский волюнтаризм [10, с. 115–116].

Затем консультанты Андропова приняли участие в подготовке Отчетного доклада Брежнева к XXIII съезду КПСС. Первый «послепереворотный» съезд и доклад партийного лидера на нем также могли быть использованы для серьезных перемен в идеологической политике государства. И вновь в ходе подготовки развернулась жесткая борьба. Как упоминают Бовин и К.Н. Брутенц, их соперники в лице В.А. Голикова и С.П. Трапезникова стремились пересмотреть идеологические новации XX и XXII съездов, особенно напирая на необходимость борьбы с империализмом. Однако это вызвало «негромкое, но стойкое сопротивление» консультантов [3, с. 145–147; 5, 246–247]. В результате возник острый конфликт, однажды чуть не дошедший до рукоприкладства в обширной команде самих «речеписцев», где тоже не было единства по ряду вопросов [5, с. 247]. Ситуация усугублялась тем, что Голиков и Трапезников были не просто ответственными за составление доклада, но и помощниками Брежнева и пользовались его доверием. В результате написанная группой часть доклада подверглась «разносу» [5, 247–248]. В конце концов «атаку консерваторов» удалось отбить, а линию на мирное сосуществование как «важнейшую часть концептуального подхода КПСС», пусть и не без потерь, сохранить [3, с. 147; 5, с. 248]. При этом, как заметил Бовин, с каждой коллективной «проходкой» доклад становился все «срее, скучнее и шаблоннее» [3, с. 148]. Это же сказалось и на восприятии самого съезда. Как выразился «красный диссидент» и свидетель эпохи Р.А. Медведев: «Вероятно, это был наиболее скучный съезд за всю историю партии» [7, с. 125].

В том же году, по воспоминаниям Арбатова, ему и Андропову удалось серьезно переработать другой доклад Брежнева. Грузинской ССР был присвоен орден Ленина, вручать который должен был генсек. Первоначальный вариант речи, приготовленный Трапезниковым и Голиковым, Брежневу не понравился. Тогда он отдал его на «экспертизу» своему помощнику Г.Э. Цуканову, прибегнувшему к помощи Арбатова. Последний, посоветовавшись с Андроповым, представил свои замечания. В результате Андропов, Арбатов и Цуканов втроем подготовили новую речь, принятую без изменений. В ней лишь один раз упоминается имя Сталина в качестве рядового организатора революционного движения, но при этом упоминается и XX съезд [4, с. 459, 467]. Арбатов считал это своей крупной победой, особенно с учетом специфики республики, в которой преобладали настроения за реабилитацию бывшего «вождя народов» [2, 204].

В 1967 г. ожесточенная борьба развернулась вокруг доклада к 50-летию Октябрьской революции. Работа началась в мае, ненадолго прерываясь из-за арабо-израильского конфликта. При этом «речеписцев» было мало — помимо «андроповских» Арбатова и Бовина, основной доклад писали лишь Н.Н. Иноземцев и В.В. Загладин во главе с А.М. Александровым-Агентовым. Андропов, несмотря на переход в КГБ, также принимал активное участие в работе и поддерживал своих людей [3, с. 166; 10, с. 118]. Бовин пишет, что малый состав группы и ее «либеральный» уклон вызвали недовольство аппарата и Брежневу пришлось согласиться с созданием параллельной группы во главе с А.Н. Яковлевым [3, с. 160–161]. О наличии противников группы в окружении Брежнева пишет Арбатов. Однако, по его признанию, к созданию альтернативной команды привело не это, а поспешность, с которой они сделали первый вариант доклада [2, с. 207]. Правда, Смирнов, член отдельной команды по подготовке тезисов к докладу, затем вошедший в «группу Яковлева», писал о том, что на деле работу «альтернативной команды» возглавили Демичев и заведующий отделом агитпропа В.И. Степаков, но не будущий «архитектор перестройки» [10, с. 117–119].

Как бы то ни было, и будущий «архитектор перестройки», и Демичев в ту пору являлись членами команды Шелепина [8, с. 99, 132–133]. Между группами началось соперничество — причем не только вокруг слов и формулировок. Так, Бовин упоминает, что его пытались «перетянуть» в команду Яковлева, аргументируя это скорой победой Шелепина. Кроме того, их работа в очередной раз критиковалась в анонимной записке одного из помощников Брежнева [3, 161, 164].

Большую часть времени группы работали отдельно. Под конец их собрали в Завидово, туда же приезжали их покровители-секретари (Андропов, Демичев, Пономарев). Вместе с «речевиками» они принимали участие в многочисленных дискуссиях, обсуждая основные вопросы недавней истории и современной политики [2, 207–209]. О трудностях «шелепинцев» вспоминает и уже упоминавшийся Смирнов. Когда он приехал «улучшать» доклад в Завидово, присутствовавшие, в том числе консультанты Андропова, пытались сбить его своими возражениями. Волновался и сам Андропов, защищая текст своих подопечных. А после обсуждений Александров-Агентов «утихомирил» Смирнова, сказав быть осторожнее с замечаниями, так как многие места в тексте предложены Брежневым [10, с. 118]. В общем, тяжело работать было всем – «речевикам» и их покровители создавали друг другу трудности на каждом шагу. Брежнев, в целом, склонялся к поддержке консультантов Андропова, но при этом все равно был вынужден учитывать мнение партийных «товарищей». Как пишет Бовин, их стремление показать историю «без прикрас», сделать акцент на борьбу со сталинизмом Брежнев в целом поддерживал, однако требовал снять «резкости», иначе партия «не поймет» [3, с. 166]. В конечном итоге «победила дружба» – оба доклада смогли соединить и найти компромисс в духе генсека. Как заметил Арбатов, доклад вышел «не очень интересный», поскольку учет мнений членов Политбюро «снивелировал» и «усреднил» текст, убрал из него самые интересные места [2, с. 208].

Анализ спичрайтерской деятельности консультантов Андропова показывает значимость «речевиков» и той борьбы, которая происходила вокруг создания речей, определявших идеологическую политику государства. Вместе с тем их возможности по вписыванию определенных идей были весьма ограничены. Во многом они зависели от поддержки Андропова, своего непосредственного начальника. Серьезное сопротивление связке консультантов и Андропова оказывали как Шелепин, так и некоторые члены брежневского окружения; причем первый, по всей видимости, обладал не только аппаратным влиянием, но и своими спичрайтерами.

Тем не менее недооценивать труд консультантов и их покровителя не стоит. Активная борьба «вокруг бумаги», как нам кажется, во многом определила идеологическую «безыдейность» брежневской эпохи, ставшую ответом на борьбу двух течений внутри аппарата ЦК. Помимо этого, «ударный труд» привел ряд консультантов (Арбатов, Бовин) в весьма узкую «группу Иноземцева», составлявшую речи генсека и игравшую важную идеологическую роль почти до самой смерти

Брежнева [9, с. 74–75]. Не осталась незамеченной и роль их Андропова. Доказав свою лояльность и эффективность на идеологическом поприще, он возглавил КГБ — тут же взяв курс на укрепление идеологической работы спецслужб, — а также стал кандидатом и спустя несколько лет членом Политбюро, усилив свои позиции в партийной верхушке.

Список источников и литературы

1. *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М.: Междунар. отношения, 1994. — 304 с.
2. *Арбатов Г.А.* Человек системы: наблюдения и размышления очевидца ее распада. М.: Вагриус, 2002. — 462 с.
3. *Бовин А.Е.* XX век как жизнь. М.: Захаров, 2003. — 773 с.
4. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. — 544 с.
5. *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. Международные отношения. М.: Междунар. отношения, 1998. — 568 с.
6. *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них. М.: Политиздат, 1990. — 384 с.
7. *Медведев Р.А.* Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1991. — 336 с.
8. *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР (1953–1985). М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 624 с.
9. *Савин А.И., Деннигхаус В.* Леонид Брежнев. Опыт политической биографии. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2024. — 719 с.
10. *Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. М.: РОССПЭН, 1997. — 302 с.
11. *Тарбеев И.М.* Советская экспертная американистика как фактор взаимоотношений СССР и США в период разрядки (на примере деятельности Института США и Канады): дис. ... канд. ист. наук. М., 2024. — 312 с.
12. *Шахназаров Г.Х.* С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001. — 590 с.
13. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 604 с.
14. *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. — 604 с.

**Моральная мотивация трудовой деятельности
работников торговли Алтайского края
(середина 1960-х – 1991 гг.):
эффективность или формализм?**

Аннотация. Статья посвящена анализу основных форм моральной мотивации работников торговли в контексте советской системы хозяйствования и повседневности Алтайского края середины 1960-х – 1991 гг. Комплексное изучение краеведческой литературы, законодательных и нормативных актов, статистических сборников, региональной печати, неопубликованных данных Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области, а также документов для служебного пользования Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай (делопроизводственная документация и материалы к отчетным докладом горкома КПСС) позволило детально охарактеризовать роль и место моральной мотивации работников торговли, общественного питания и службы быта в деле развития потребительского рынка Алтайского края. Полученные результаты способствуют введению в научный оборот мало используемых до настоящего времени документов и проведению на их основе дальнейших исследований.

Ключевые слова: моральная мотивация труда; советская торговля; Алтайский край

**Moral motivation of labor activity
of trade workers in the Altai Territory (mid-1960s – 1991):
efficiency or formalism?**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main forms of moral motivation of trade workers in the context of the Soviet system of management and everyday life of the Altai Territory in the mid-1960s – 1991. A comprehensive study of local history literature, legislative and regulatory acts, statistical collections, regional press, unpublished data of the State Archive of the Altai Territory and the State Archive of the Tomsk region, as well as documents for official use of the Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic (documents of management and record keeping and materials for the reports of the CPSU city committee) made it possible to characterize in detail the role and place of moral motivation of trade, catering and consumer services in the development of the consumer market of the Altai Territory. The obtained results contribute to the introduction into scientific circulation of documents that have been little used nowadays and further research based on them.

Keywords: moral motivation of labor; Soviet trade; Altai Territory

¹ **Галина Андреевна Гряникова** – к.и.н., ведущий научный сотрудник, доцент кафедры отечественной истории института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); e-mail: galya9309@mail.ru
Galina A. Gryanikova – Candidate of Historical sciences, leading researcher, associate chair of National History of Department of History and International Relationship, Altai state University (Barnaul, Russia).

Повышение производительности труда, как части общего экономического роста региона, находится в прямой зависимости от заинтересованности работников предприятий. Проблема выбора типа мотивации остается актуальной и для современного этапа развития экономики Алтайского края, одной из важнейших задач которой является увеличение темпов производства за счет роста производительности труда, эффективности персонала и оптимальной организации сферы обслуживания. В связи с этим интерес представляет изучение опыта советского прошлого по решению социально-экономических задач в деле развития мотивации работников торговли в середине 1960-х – 1991 гг.

Актуальные проблемы советской торговли и ее организации в Алтайском крае подробно освещены в широком круге работ отечественных и зарубежных исследователей. Однако к теме мотивации труда обращались немногие. Изучение развития мотивации работников Алтайского края представлено в краеведческой литературе [3; 9; 10; 11; 12; 17; 22; 27; 28; 29; 33]. Интерес для поставленного вопроса имеют статьи энциклопедий, посвященные экономическому развитию региона [35].

Целью данной работы выступает установление роли моральной мотивации работников торговли в контексте советской системы хозяйствования и повседневной жизни населения Алтайского края середины 1960-х – 1991 гг.

Источниковой базой исследования выступили неопубликованные данные фондов Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области [13–16], а также массив документов из библиотеки Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай (делопроизводственная и отчетная документация, материалы к отчетным докладам горкома КПСС) [1; 2; 4–8; 30]. К опубликованным источникам относятся законодательные и нормативные акты, статистические сборники, материалы местной газеты «Алтайская правда» [18–21; 23–26; 31; 32].

Формы моральной мотивации труда

Основой системы мотивации трудовой деятельности наряду с идейной и материальной заинтересованностью работников выступает моральная составляющая. Моральные стимулы выражались через социалистические соревнования, движение за коммунистическое отношение к труду, шефство-наставничество. В обосновании моральных стимулов

советских работников находилось общественное признание значимости труда, что предполагало воспитание нового «человека труда» в рамках коммунистического идеала, укрепление сознательной дисциплины и прививание «влюбленности в труд» [21, с. 6].

Традиционной формой моральной мотивации являлись социалистические соревнования как «выражение творческой активности трудящихся» [27, с. 13]. Согласно данным статистических отчетов ВЦСПС, Алтайский край в 1977 г. занимал третье место в Западной Сибири после Омской и Кемеровской областей по количеству участников социалистических соревнований в отношении ко всем работающим, и данный показатель соответствовал общему уровню РСФСР [17, с. 18].

Основу социалистических обязательств коллективов торговых организаций составляли досрочное выполнение плана, повышение товарооборота и производительности труда, совершенствование ассортимента, дополнительная экономия электроэнергии и естественных трат, достижение эффективности и высокой культуры обслуживания на каждом участке и рабочем месте, проведение смотров-конкурсов, ударных вахт и ярмарок-базаров. Помимо этого, оценивались удовлетворение запросов населения в необходимых товарах, приготовление вкусной и разнообразной пищи, образцовая организация учета, транспортировки и хранения товаров. Постановления о социалистических обязательствах рассматривались на совещании директоров магазинов и на партийном собрании коммунистов торгового предприятия, которые доводили данные постановления до всех работников магазинов [15, Л. 6]. Кроме того, задачи социалистических соревнований с наглядной формой агитации размещались на досках информации [10, с. 139]. Например, Славгородский торговый дом обязывался внедрять прогрессивные формы торговли, метод самообслуживания, повышать число оказываемых покупателям услуг, обеспечить устойчивый ассортимент изделий во всех магазинах, постоянно повышать идейно-политический и профессиональный уровень работников, охватить всех сотрудников формами учебы [15, Л. 12, 29, 93].

Смотр-конкурсы были призваны выявлять лучших сотрудников по различным показателям. В Барнаульском хлебозаводе проводились конкурсы «Лучшее торговое предприятие», «Лучший молодой специалист», «Лучший организатор производства», в Барнаульском втором горпищеторге – на звание «Лучший по профессии», «Лучшее предприятие по режиму экономии», «Витрина-80», в Рубцовском горпищеторге – «На лучшего молодого продавца», «На лучшего кассира-

контролера», «На лучший магазин», «За высокую культуру обслуживания покупателей», «На лучшее праздничное оформление магазина», в барнаульском ресторане «Русский чай» — конкурс молодых поваров, кондитеров и официантов на лучшее тематическое оформление столов [15, Л. 13, 54, 78; 20, с. 4].

Распространенным явлением являлся *вызов на социалистическое соревнование* среди трудовых коллективов края или соседнего региона. Так, в 1980 г. Барнаульский «Гастроном» вызывал на соревнование коллектив торгога «Гастроном» г. Новосибирска, Первый горпишторг г. Барнаула традиционно продолжал соревнование с Советским продторгом г. Красноярска, Индивидуальный пишеторг г. Барнаула участвовал в соревновании «Город высокой культуры» в конкуренции с Барнаульским текстильшвейобувьторгом. Коллективы барнаульского ЦУМа и магазинов № 16, 20, 24 и 25 Бийского горпромторга поддерживали инициативу магазинов № 11 и 22 Молочного комбината о включении в соревнование «Весь прирост товарооборота за счет повышения производительности труда при высокой культуре обслуживания» [15, Л. 6, 9, 11, 47, 51, 64].

Коллективы торгующих предприятий включались в социалистические соревнования под различными мотивирующими девизами: «Дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами», «Две пятилетки — в одну», «Юбилейному году — ударный финиш», «60-летию Великого Октября — 60 ударных декад». Характерными явлениями были предъюбилейные соревнования. Победителем трудовой вахты в честь 60-летия Великого Октября стал коллектив мебельной фабрики г. Барнаула; трудовой вахты в честь 110-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина — коллективы барнаульских горпромторга, горплодоовощторга, городского треста ресторанов и кафе; трудовых вахт в честь 250-летия г. Барнаула — коллективы фирмы «Детский мир», столовой пединститута, магазина № 1 торгога «Гастроном», Текстильшвейобувьторга [6, с. 106, 109—110, 138—140].

С 1958 г. существовало *движение за коммунистическое отношение к труду*. Однако, согласно данным статистических отчетов ВЦСПС, Алтайский край не выделялся активным участием по сравнению с другими Западно-Сибирскими регионами (опередив только Томскую область и уступив Кемеровской, Новосибирской, Омской и Тюменской областям) и отставал по количеству участников от общесоюзного показателя (52,7% против 59,3%). В 1977 г. на территории края всего 9 предприятий были включены в этот вид моральной мотивации [17, с. 18, 25].

Движение было направлено на сокращение текучести и формирование постоянных производственных коллективов. Так, согласно социологическому исследованию по рациональному использованию трудовых ресурсов на уровне Барнаульского хлопчатобумажного комбината среди рабочих, участвующих в движении за коммунистическое отношение к труду, желающих уйти с работы оказалось в 2,2 раза меньше, чем среди рабочих, которые не принимали участия в движении. В то же время имелось значительно больше желающих сменить место работы внутри предприятия, что объясняется чувством привязанности к месту работы, при этом неудовлетворенность работой проявлялась менее выражено [3, с. 207].

Одной из форм моральной мотивации выступало *шефство-наставничество*, с 1968 г. получившее массовое распространение на региональных предприятиях с целью приобщения молодежи к активной трудовой деятельности [15, Л. 53]. В 1975 г. в торговле и общественном питании г. Барнаула работали 608 шефов-наставников с 1415 подшефными, что составляло 6,6% и 9,9% от общего числа занятых в этой сфере [5, с. 38]. Несмотря на количественное преобладание наставничества в строительстве, транспорте, промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, в 1978 г. на предприятиях торговли, общественного питания и коммунально-бытового обслуживания населения было занято 7 тыс. наставников, что превышало показатель в учреждениях культуры, образования и медицины [11, с. 135].

Виды морального поощрения труда

В ходе соревнований выпускались агитплакаты, призванные стимулировать работников к росту производительности [31, с. 2]. Газеты содержали рубрику «Календарь трудовой славы», в которой поименно отмечались лучшие трудящиеся по итогам соревнований [19, с. 1]. Также выпускались районные бюллетени социалистического соревнования, содержащие итоги работы хозяйств и предприятий, портреты лучших из лучших, имена передовиков. Фотографии «ударников» помещались на Доску Почета и заносились в краевую портретную галерею с поименным перечислением заслуг на первых страницах газет [18, с. 1].

Передовых участников трудового процесса руководство отмечало почетными грамотами, памятными дипломами, знаками отличия «Победитель соцсоревнования», орденами и медалями [23, с. 1]. Награды присваивались по решению районного комитета КПСС согласно характеристике руководителя предприятия и председателя комите-

та профорганизации. Наградные листы имели стандартную печатную форму, действующую на всей территории СССР [16, Л. 7].

Юбилейными почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР и ВЦСПС в честь 50-летия образования СССР в 1972 г. награждены коллективы Универмага Троицкого районного потребительского общества, магазина № 9 «Радуга» Барнаульского «Текстильшвейобувьторг», столовая № 7 треста столовых Железнодорожного района г. Барнаула [30, с. 85]. В 1972 г. в Алтайском крае среди работников Управления общественного питания Алтайкрайисполкома награды и поощрения получили 12% работников [16, Л. 7]. По данным за 1972 г. в Краевой конторе ресторанов и кафе моральным стимулированием было охвачено 18% работников [14, Л. 21, 67–72]. По итогам социалистического соревнования за достойную встречу 60-летия Великого Октября в 1976 г. барнаульские коллективы Хлебозавода № 4, ЦУМа, Столовой № 29 треста столовых Октябрьского района были награждены памятными дипломами крайкома КПСС, крайисполкома, крайсовпрофа и крайкома ВЛКСМ; коллективы Комбината полуфабрикатов, магазина № 23 Текстильшвейобувьторга, Столовой № 32 – памятными дипломами горкома КПСС и горисполкома [5, с. 109–110, 121]. В 1987 г. по итогам социалистического соревнования за достойную встречу 70-летия Великого Октября грамотой ЦК КПСС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ награждено единственное среди других промышленных коллективов бытовое предприятие – ателье «Северянка» [4, с. 95–96].

В результате социалистического соревнования коллективам магазинов присваивались звания «отличного обслуживания». Так, коллектив магазина № 2 «Женская одежда» Рубцовского горпромторга под руководством бригадира Гусыниной и бригада отдела «Посуда» магазина № 25 по результатам работы за 1980 г. были признаны бригадами «отличного обслуживания». Бригадир последней бригады В.С. Плющенко была выдвинута кандидатом в депутаты Горсовета [15, Л. 10].

Помимо общественного признания смотры-конкурсы способствовали улучшению условий труда, быта и отдыха работников торговых предприятий – участие в соревнованиях побуждало руководство и коллективы облагораживать участки труда. Например, на территории Первого горпищеторга г. Барнаула осуществлялась высадка деревьев, цветов, кустарников, озеленение прилегающих газонов [15, Л. 51].

Кроме того, в рамках соревнования повышался профессиональный уровень сотрудников. Например, Барнаульский второй пищеторг

выполнял эту задачу посредством повышения квалификации (72 чел.), через индивидуально-бригадное ученичество (35 чел.), обучения в техникуме Советской торговли (15 чел.), повышения общеобразовательного уровня (20 чел.), работы по обучению работников торговли смежным профессиям и по организации школ коммунистического труда. Магазин № 6 пищеторга совершенствовал деятельность работников в школе торгового мастерства по распространению передового опыта [15, л. 53].

Показательным итогом достижений работников торговли Алтайского края стало присвоение государственных наград. С момента утверждения в 1966 г. звания «Заслуженный работник торговли РСФСР» до 1991 г. в Алтайском крае к награде были представлены 77 работников торговли [1, с. 116; 2, с. 168–171; 6, с. 131, 139, 163–164; 8, с. 132–134; 30, с. 86–87; 35, с. 456]. В 1977 г. было учреждено звание «Заслуженный работник бытового обслуживания РСФСР». До 1991 г. в Алтайском крае ими стали 6 человек, а после утверждения в 1982 г. звания «Заслуженный работник пищевой индустрии СССР» в Алтайском крае ими стали 14 работников общепита [35, с. 453, 455]. Героями социалистического труда стали директор треста овощеводческих и картофелеводческих трестов Я.П. Дугнист и директор треста племсовхозов К.И. Колупаев. Звание «Почетный гражданин» получили мастер прачечной комбината коммунальных предприятий А.Б. Веприк, заведующая производством столовой № 1 треста столовых Центрального района Л.А. Вершинина, старший продавец ЦУМа В.В. Капустина и коллективы зеркальной фабрики и хлебозавода № 5 [6, с. 147–148, 157, 159, 163]. В 1982 г.г. Барнаулу присвоено переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС за успехи во Всероссийском социалистическом соревновании по достойной встрече 60-летия образования СССР [7, с. 64]. В 1986 г. за успехи, достигнутые в выполнении заданий 11 пятилетки награждены 47 работников торговли Алтайского края, в том числе 7 – орденом «Знак почета», 1 – Орденом трудовой славы II степени, 8 – Орденом трудовой славы III степени, 15 – медалью «За трудовую доблесть», 16 – медалью «За трудовое отличие» [24, с. 3].

Эффективность моральной мотивации труда

С середины 1960-х гг. в Алтайском крае наблюдался значительный рост товарного производства и розничного товарооборота. К одной из причин замедления роста производительности труда в конце 1970-х гг.

представляется возможным отнести неэффективность системы мотивации работников, значительную роль в которой играла моральная составляющая [13, Л. 35; 25; 26; 28, с. 73; 32, с. 17].

На действенность форм моральной мотивации оказывала влияние администрация, особенно руководители низшего звена. Результативности могли способствовать личное участие руководителей в соревновании, постоянное их внимание к положительным результатам работы подчиненных, четкий контроль над выполнением обязательств, объективное подведение итогов.

Понижение эффективности социалистического соревнования в основном происходило за счет формального характера принимаемых обязательств, недостатков в материальном поощрении, слабого контроля над выполнением обязательств, отсутствия своевременной информации о ходе и результатах [9, с. 364–366; 12, с. 258–259]. Движение за коммунистическое отношение к труду также имело явные недочеты в организации — форсирование количественного роста участников, поспешность в присвоении почетных званий, тенденция перехода отдельных коллективов к уравнительному принципу распределения, формализм в принятии обязательств и подведении итогов [17, с. 17]. Негативно среди соревнующихся воспринимались одновременно существовавшие различные премиальные системы и небольшой процент, выделенный на премии по результатам (не более 3,5% от общего фонда) [34]. Наконец, формы моральной мотивации зачастую проводились ради самого факта проведения без получения производственного результата. Провозглашалось, что это оказывает воспитательное воздействие на человека, но в действительности носило формальный характер.

Таким образом, в середине 1960-х — 1991 гг. формы моральной мотивации были направлены на повышение производительности персонала торговых предприятий Алтайского края. Регулярные заметки о лучших работниках в прессе, пропаганда почетности труда и перевыполнения показателей формировали в обществе мнение о высоком статусе передового работника. Но без материального интереса этого было недостаточно для поддержания дальнейшего роста эффективности труда и повышения культуры обслуживания покупателей. В то же время в связи с дефицитом товаров широкого потребления удовлетворение материальных потребностей было затруднено. В силу этого профессия работника торговли сохраняла статус престижности ввиду личной заинтересованности сотрудников в получении первоочередного доступа к товарам.

Список источников и литературы

1. Алтайский край 1979—1981 гг.: материалы в дополнение к отчетному докладу Алтайского крайкома КПСС: делегату XX Алтайской краевой партийной конференции. Барнаул: Алтайская правда, 1981. — 128 с.
2. Алтайский край 1983—1985 гг.: материалы в дополнение к отчетному докладу Алтайского крайкома КПСС: делегату XXII Алтайской краевой партийной конференции. Барнаул: Алтайская правда, 1985. — 186 с.
3. Баркалов В.Я. Движение за коммунистическое отношение к труду и стабильность кадров // Социалистическое соревнование — творчество трудящихся масс: тезисы к конференции. Барнаул, 1978. С. 206—209.
4. Барнаул в двенадцатой пятилетке (1986—1988 гг.): материалы к отчету Барнаульского горкома КПСС: делегату XXX Барнаул. Гор. Парт. Конф. Барнаул: Алтайская правда, 1988. — 120 с.
5. Барнаул в десятой пятилетке (1976—1978 гг.): материалы к отчету Барнаульского горкома КПСС: делегату XXVI Барнаул. Гор. Парт. Конф. Барнаул, 1978. — 149 с.
6. Барнаул в десятой пятилетке (1976—1980 гг.): материалы к отчету Барнаульского горкома КПСС: делегату XXVII Барнаул. Гор. Парт. Конф. Барнаул: Алтайская правда, 1980. — 213 с.
7. Барнаул в одиннадцатой пятилетке (1980—1983 гг.): материалы к отчету Барнаульского горкома КПСС: делегату XXVIII Барнаул. Гор. Парт. Конф. Барнаул: Алтайская правда, 1983. — 149 с.
8. Барнаул в одиннадцатой пятилетке (1980—1985 гг.): материалы к отчету Барнаульского горкома КПСС: делегату XXIX Барнаул. Гор. Парт. Конф. Барнаул: Алтайская правда, 1985. — 181 с.
9. Безрукова А.В. Соревнование и развитие производства предметов потребления в условиях развитого социализма // Социалистическое соревнование — творчество трудящихся масс: тезисы к конференции. Барнаул, 1978. С. 364—366.
10. Белонучкина А.В., Дьяченко Ю.С., Мариупольский А.М., Скубневский В.А. История Иткульского спиртового завода 1868—2003. Красноярск: СИТАЛЛ, 2004. — 336 с.
11. Бородулин П.П. Наставничество как одна из важных форм социалистического соревнования и коммунистического воспитания молодежи // Социалистическое соревнование — творчество трудящихся масс: тезисы к конференции. Барнаул, 1978. С. 134—142.
12. Воронина В.А., Растова Л.М. Некоторые вопросы организации социалистического соревнования в производственном коллективе (по материалам конкретно-социологического исследования) // Социалистическое соревнование — творчество трудящихся масс: тезисы к конференции. Барнаул, 1978. С. 257—260.
13. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1037: Плановые комиссии исполнительных комитетов городского совета депутатов трудящихся Алтайского края (1930—1991 гг.). Оп. 4. Д. 12.
14. ГААК. Ф. Р-1573: Управление общественного питания (1967—1991 гг.). Оп. 1. Д. 97.
15. ГААК. Ф. Р-926: Управление торговли исполнительного комитета алтайского краевого совета депутатов трудящихся (1938 — по наст. вр.). Оп. 4. Д. 474.
16. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1410: Управление торговли исполнительного комитета Томского областного совета народных депутатов (Облторгуправление), г. Томск Томской области (1944—1991). Оп. 4. Д. 381.
17. Житников А.И. Движение за коммунистическое отношение к труду // Социалистическое соревнование — творчество трудящихся масс: тезисы к конференции. Барнаул, 1978. С. 15—26.

18. За доблестный труд // Алтайская правда. 1974. 8 мая. № 106. С. 1.
19. Календарь трудовой славы // Алтайская правда. 1970. 19 сент. № 220. С. 1.
20. Конкурс молодых // Алтайская правда. 1986. 01 июня. № 124. С. 4.
21. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: [Принята 7 окт. 1977 г.]. М., 1977. — 23 с.
22. Митрохович Э.П. Социалистическое соревнование в пищевой промышленности Западной Сибири в 60–70-е годы // Социалистическое соревнование — творчество трудящихся масс: тезисы к конференции Барнаул, 1978. С. 272–274.
23. Награда за мужество // Алтайская правда. 1970. 28 янв. № 22. С. 1.
24. Награды — передовикам пятилетки // Алтайская правда. 1986. 01 авг. № 176. С. 3.
25. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1966. // Интернет-проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/20469> (дата обращения: 24.06.2025).
26. Народное хозяйство СССР в 1975 г.: Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1976. 846 с. // Интернет-проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/20265> (дата обращения: 24.06.2025).
27. Окладников А.П., Алексеев В.В., Комогорцев И.И., Московский А.С. Развитие социалистического соревнования. Основные этапы и достижения // Социалистическое соревнование — творчество трудящихся масс: тезисы к конференции. Барнаул, 1978. С. 3–14.
28. Преображенный Алтай / под ред. А.И. Лизинной, Т.М. Макеева. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1971. — 235 с.
29. Прохожев А.А. Организация управления народным хозяйством Алтайского края в 1970–1980-е гг. // История Алтайского края. XVIII–XX вв. Науч. и документ. материалы / редкол. Т.К. Щеглова (отв. ред.), А.В. Контев. Барнаул, 2004. С. 418–422.
30. Развитие экономики и культуры Алтайского края за 1971–1973 гг.: делегату XVII Алтайской краевой партийной конференции. Барнаул: Алтайская правда, 1974. — 92 с.
31. Сила печатного слова // Алтайская правда. 1970. 20 сент. № 221. С. 2.
32. Торговля СССР: Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1989. 478 с. // Интернет-проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/30999> (Дата обращения: 24.06.2025).
33. Ужаскин С.Ф., Ужаскин А.С. Город на песках. Барнаул неформальный. Барнаул, 2013. — 272 с.
34. Фединин В.К. Поощрение состязательности // Социалистическая индустрия. 1978. 11 мая. URL: <https://statehistory.ru/2276/Pooshchrenie-sostyazatelnosti/> (Дата обращения: 23.06.2025).
35. Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Т. 2 / редкол. В.Т. Мищенко (гл. ред.) и др. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1996. — 488 с.

Два посмертных выдвижения Л.В. Черепнина на Государственную премию СССР

Аннотация. В статье рассматривается история посмертного выдвижения и рассмотрения на получение Государственной премии СССР цикла монографий Л.В. Черепнина по истории России феодального периода, а именно работ «Русские феодальные архивы», «Образование Русского централизованного государства», «Земские соборы». Источниками для исследования стали материалы обсуждения выдвижений на премию в Институте истории СССР АН СССР и в комитете по Ленинским и Сталинским премиям. В 1980 г. при рассмотрении заявки в последнем было принято решение отклонить ее, несмотря на значительную поддержку со стороны ряда исторических институтов. Тем не менее в 1981 г. премия за этот же цикл работ была присуждена. Автор приходит к выводу, что причина изменения решения комитета заключалась не только в изменении состава поддерживающих награждения организаций, но и в начале формирования образа Л.В. Черепнина как классика советской историографии, образца для подражания для следующего поколения советских историков, одним из важнейших атрибутов которого и стало получение Государственной премии.

Ключевые слова: Л.В. Черепнин; история советской исторической науки; государственная премия СССР; научное наследие; русские феодальные архивы; образование Русского централизованного государства; Земские соборы

Two posthumous nominations of L.V. Cherepnin for the USSR State Prize

Abstract. The article examines the history of L.V. Cherepnin's series of monographs on the history of Russia during the feudal period, which were posthumously nominated and considered for the USSR State Prize. The sources are materials from the discussion of the nominations at the Institute of the History of the USSR of the USSR Academy of Sciences and the Committee on Lenin and Stalin Prizes. When reviewing the application in the Committee on Lenin and State Prizes in 1980, it was decided to reject it despite significant support for the nomination from a number of historical institutions. Nevertheless, in 1981, the prize for the same cycle was awarded. The author concludes that the reason for the change in the committee's decision is not only the change in the composition of the organizations supporting the awards, but also the beginning of the formation of the image of Cherepnin as a classic of Soviet historiography, a role model for the next generation of Soviet historians, one of the most important attributes of which was receiving the State Prize.

Keywords: L.V. Cherepnin; History of Soviet historical science; USSR State Prize; scientific heritage; Russian feudal archives; Formation of the Russian centralized state; Zemsky Sobors

¹ **Никита Дмитриевич Гилевич** — ассистент кафедры истории России, инженер-исследователь лаборатории ЦТйИКИ, Уральский Федеральный университет (Екатеринбург, Россия); e-mail: gilevich.nikita@urfu.ru
Nikita D. Gilevich — assistant of the Department of Russian History, Research Engineer at the TSvIKI Laboratory, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Одним из важнейших показателей научного признания для советского ученого было награждение его премиями различного уровня. Престиж получения той или иной премии определялся не размером денежного вознаграждения, а, скорее, статусом учредителя премии. Исходя из этого критерия можно выделить минимум три уровня: ведомственные премии, то есть премии, учрежденные и поддерживаемые каким-то конкретным учреждением; премии, учрежденные на уровне отдельных республик в составе СССР; премии, вручаемые от имени общесоюзных органов государственной власти. В данной статье будет рассмотрена история посмертного награждения Л.В. Черепнина одной из наиболее престижных премий позднего СССР, а именно Государственной премией. В современной историографии наибольшее внимание уделено исследованию такого предшественника государственных премий, как Сталинская премия. Например, история присуждения премии за 1952 г. разобрана в статье В.В. Тихонова «Неврученная награда: сталинская премия в области исторических наук за 1952 г.» [8, с. 39–46]. В.И. Ивкиным были опубликованы документы о процессе замены Сталинских премий на Ленинские и Государственные [3, с. 3–49].

Посмертное выдвижение на награду уже не было вопросом амбиций или карьерных устремлений, а скорее данью памяти от современников. Оно несло большую символическую значимость в признании заслуг покойного историка. Выдвижение Л.В. Черепнина на Государственную премию 1980 г. за написание цикла монографий по истории России феодального периода («Русские феодальные архивы», «Образование Русского централизованного государства» и только вышедшие на тот момент «Земские соборы») было первоначально обсуждено на совместном заседании сектора истории СССР периода капитализма, истории СССР периода феодализма, исторической географии и истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР [5, Л. 12–13]. 18 сентября 1979 г. в бюро Отделения истории АН СССР заявили о полной поддержке данного выдвижения [5, Л. 8].

11 октября 1979 г. этот вопрос был поднят на заседании Ученого совета Института истории СССР АН СССР. В поддержку выдвижения выступили ряд историков. А.А. Преображенский отметил целостность замысла и его блестящее воплощение, проявленное Л.В. Черепниным при написании этих монографий [1, Л. 95–97]. А.И. Клибанов сказал, что Черепнин был «классиком советского источниковедения периода феодализма», проявившим себя при написании «Русских феодальных архивов» и «Новгородских берестяных грамот», которые можно считать третьим томом «Архивов», и что Черепнин — это «классик советской историогра-

фии» [1, Л. 98–102]. Е.И. Дружинина высказалась о широте научных интересов Черепнина [1, Л. 103–105]. В.И. Буганов назвал его «разработчиком методологических проблем советской отечественной медиевистики» и согласился с предыдущими ораторами в том, что Черепнин «классик» и его научные интересы крайне широки [1, Л. 106–107.]. В итоге на Ученом совете единогласно проголосовали за выдвижение [1, Л. 73.].

Документы на выдвижение были переданы в Комитет по Государственным и Ленинским премиям в области науки и техники, после чего туда начали поступать отзывы на представленный цикл. Раньше других поступили заявления о полной поддержке выдвижения в виде выписок из протоколов заседаний Ученого совета Института истории АН МССР 8 января 1980 г. и истфака ЛГУ 26 февраля 1980 г. [5, Л. 30]. Имея на руках три сторонние «рекомендации» от различных исторических институтов, 18 марта 1980 г. секция исторических наук комитета проголосовала рекомендовать цикл на конкурс. 9 апреля 1980 г. пленум комитета принял решение направить работу на конкурс [5, Л. 2 об.].

В комитет продолжили поступать заявления о поддержке выдвижения. 16 июня 1980 г. состоялось обсуждение выдвижения на истфаке МГУ, где было решено оказать поддержку [5, Л. 63–65]. Из МГИАИ не только прислали заключение о поддержке выдвижения [5, Л. 31], но и стенограмму состоявшегося 24 июня 1980 г. общественного обсуждения. В рамках обсуждения выступили В.Е. Иллерицкий, Е.И. Каменцева, А.Д. Горский, Е.В. Гутнова, Ю.Л. Бессмертный, Н.Ф. Колесницкий, В.Б. Кобрин, Б.Н. Флоря, В.А. Муравьев, А.И. Клибанов [5, Л. 32–60]. 15 июля 1980 г. заявление о поддержке поступило от редакции Большой Советской энциклопедии [5, Л. 66.].

10 сентября 1980 г. секция исторических наук рекомендовала присуждение премии [5, Л. 2 об.]. 3 октября в газете «Правда» была напечатана статья Б.Б. Пиотровского и В.Т. Пашуто «Во славу отчизны» в поддержку выдвижения трудов Л.В. Черепнина на Государственную премию [4, с. 6.].

8 октября состоялось голосование пленума комитета, и голоса разделились: 67 голосов за присуждение и 43 против. Несмотря на то, что это было большинство, для присуждения требовалось более 2/3 голосов, и потому решение пленума «было» отклонить [5, Л. 2. об.]. Таким образом, даже поддержка выдвижения от семи исторических институтов и статья в «Правде» не привели к получению премии.

13 октября, т.е. уже после голосования, в комитет поступил письменный отзыв, датированный 4 октября, от Н.М. Дружинина: «В связи с обсуждением вопроса о присуждении (посмертно) Государственной

премии академику Л.В. Черепнину считаю своим долгом заявить, что труды Л.В. Черепнина по богатству привлеченных источников и значению сделанных выводов являются первоклассными исследованиями. Они проложили глубокую борозду в советской и мировой науке. Л.В. Черепнин имеет все основания именоваться Лауреатом Государственной премии» [5, Л. 71]. Возможно, если бы отзыв поступил вовремя, он мог бы изменить ситуацию.

12 ноября 1980 г. Комитет вернул направленные документы в Институт истории СССР [5, Л. 72.]. С 26 по 28 ноября в Институте истории СССР прошли первые чтения памяти Л.В. Черепнина «Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв.» [7, 125 с.]. Выступавшие много говорили о громадности научного наследия Черепнина и его вклада в развитие советской исторической науки. Даты Чтений, вероятно, приурочили ко времени возможного присуждения Государственной премии, но в итоге чтения прошли и без столь значимого события.

Тем не менее в последний день конференции состоялось совместное заседание четырех секторов Института истории СССР: периода феодализма, древнейших государств, источниковедения дооктябрьского периода, исторических памятников, на котором вновь был выдвинут комплекс основных трудов Л.В. Черепнина на соискание Государственной премии [2, Л. 18]. 4 декабря этот вопрос был поднят на Ученом совете Института. Похоже, отказ в присуждении премии был довольно неожиданным и отнюдь не все даже знали о нем. Так, В.И. Бовыкин высказался на заседании Ученого совета: «С моей точки зрения, в данной проблеме нет ничего спорного, вопрос абсолютно ясен. Но меня вот что интересует: на ученом совете мы уже обсуждали вопрос о выдвижении работ Льва Владимировича на Государственную премию. Я прав или нет?» [2, Л. 28]. Ему ответил В.И. Буганов, сказав, что «сейчас возникла необходимость повторного выдвижения» [2, Л. 28]. Как и на прошлом обсуждении, собравшиеся поддерживали выдвижение, порой, правда, ударяясь в воспоминания о Черепнине. Ю.К. Некрасов вспомнил о совместной работе в МГИМО, Н.В. Сивницина отметила, что Черепнин был прекрасным лектором в МГУ, упомянула создание им научной школы и недавно прошедшие чтения [2, Л. 30–32.]. П.Г. Рындзюнский предложил включить в число выдвигаемых работ «Исторические взгляды русских писателей»: «Может быть, этот вопрос и не входит в главную специальность Льва Владимировича, но работа производит впечатление именно на широкий круг читателей. Я думаю, если она будет четвертой в числе выдвигаемых на

премию, то среди тех, кто будет решать этот вопрос и кто не относится к узким специалистам по русской истории, упоминание этой книги, безусловно произведет впечатление... Мое предложение направлено только на то, чтобы усилить ходатайство» [2, Л. 29].

Видя, куда повернуло обсуждение, Бовыкин упрекнул выступающих, что они отвлекаются и говорят не о том: «Мне кажется, что сейчас нам важно найти такую аргументацию, которая бы показала, что выдвигаемые нами труды Льва Владимировича представляют собой огромный вклад в науку потому, что в них решаются по-новому кардинальные проблемы отечественной истории. Если мы это сумеем доказать, то тогда мы достигнем главной цели. Если же мы будем говорить об эрудиции, о количестве учеников и т.д., то боюсь, что этим мы только испортим ту основную задачу, которую мы в данном случае должны решить» [2, Л. 32–33]. Буганов поддержал Бовыкина и выступил против включения в цикл дополнительных работ, так же, как и предложения номинировать на Ленинскую премию, а не на Государственную: «Сейчас идет вопрос о выдвижении на Государственную премию, и именно в таком плане мы сейчас должны рассматривать этот вопрос» [2, Л. 33–34]. Итог голосования предсказуемо оказался единогласным о выдвижении на получение Государственной премии за 1981 г. Затем 11 декабря состоялось обсуждение на общем собрании Отделения истории АН СССР (уже не только в бюро, как на прошлом выдвижении) о поддержке [6, Л. 14]. И 15 декабря документы вновь были поданы в комитет.

17 марта 1981 г. секция исторических наук комитета проголосовала за рекомендацию работы на конкурс. 21 апреля 1981 г. пленум комитета принял решение направить ее на конкурс, и вновь, как и год назад, на работы начали поступать заявления о поддержке выдвижения [6, Л. 3 об.]. Они приходили из различных регионов РСФСР: 4 июня поступило заявление о поддержке от совета исторического факультета Ростовского государственного университета [6, Л. 45–48] и 7 сентября от юридического факультета того же вуза [6, Л. 49–50], 17 августа 1981 г. от НИИ языка, литературы, истории и экономики Чувашской ССР [6, Л. 38–40], 19 августа от Чувашского государственного университета [6, Л. 41–43]. Из столицы вновь выдвижение было поддержано на кафедре МГУ [6, Л. 51–53]. Из союзных республик выдвижение поддерживали ученые Института истории АН Литовской ССР [6, Л. 54–56.] и АН Латвийской ССР [6, Л. 57]. Правда, отзыв от последних, хотя и был составлен 8 сентября, поступил только 23 сентября. Также с опозданием, 16 октября, был получен и отзыв Дружинина [6, Л. 60].

15 сентября 1981 г. секция рекомендовала цикл работ Черепнина на премию, а 12 октября состоялось голосование на пленуме. Результат — 105 голосов «за» и 11 голосов «против» [6, Л. 3 об.]. 5 ноября 1981 г. вышло постановление ЦК о присуждении премии [6, Л. 1].

Почему же результат двух попыток с разницей всего в один год столь различен? Да, в количественном отношении число и география организаций, поддерживающих выдвижение, возросло. Если в 1980 г. Черепнина в основном поддержали представители столичных организаций, то в 1981 г. большинство явно составили представители регионов и союзных республик. Однако институты, рекомендовавшие Черепнина в 1980 г., безусловно, обладали большим совокупным научным авторитетом, так что дело было не только в числе поддерживавших организаций и их составе. На наш взгляд, свою роль сыграло то, что в то время начал формироваться образ Л.В. Черепнина как советского классика исторической науки. Важными атрибутами формирования такого образа были переиздание его трудов и проведение мероприятий (конференций) его памяти.

Список источников и литературы

1. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1190.
2. АРАН Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1317.
3. *Ивкин В.И.* Как отменяли Сталинские премии. Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР. 1953—1967 гг. // Исторический архив. 2013. № 6. С. 3—49.
4. *Пиотровский Б. Б., Папуто В. Т.* Во славу отчизны // Правда. 1980. № 277. 3 октября. С. 6.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 180. Оп. 3. Д. 5139.
6. РГАЭ. Ф. 180. Оп. 3. Д. 5470.
7. Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV—XVIII вв.: Чтения, посвящ. памяти акад. Льва Владимировича Черепнина: Тез. докл. и сообщений, Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М.: Ин-т истории, 1980. — 125 с.
8. *Тихонов В.В.* Неврученная награда: сталинская премия в области исторических наук за 1952 г. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 4 (37). С. 39—46.

**«Этническое предпринимательство»
как феномен общественно-политической жизни Беларуси
(конец 1980-х — 1990-е гг.)**

Аннотация. Статья посвящена анализу этнополитических движений в Беларуси в позднесоветский период и в первое десятилетие существования суверенного государства. Использована концепция «этнического предпринимательства», согласно которой отдельные акторы путем искусственной политизации этничности, гиперболизации национально-культурных требований группы, от имени которой они действуют, стремятся упрочить свои позиции в борьбе за властные и экономические ресурсы. Дана характеристика белорусских националистических организаций (Белорусский народный фронт за перестройку «Возрождение», «Паходня»), институций польского (Польское культурно-просветительское общество им. А. Мицкевича, Союз поляков Беларуси) и западнополесского (Общественно-культурное объединение «Полісся») этнополитических движений. Часть документов, отложившихся в фондах Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива общественных объединений Гродненской области, а также материалы прессы впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: этнополитические процессы; «этнический предприниматель»; межнациональные отношения; этнополитические движения

**«Ethnic entrepreneurship» as a phenomenon
of socio-political life in Belarus (late 1980s — 1990s)**

Abstract. The article is devoted to the analysis of ethnopolitical movements in Belarus in the late Soviet period and in the first decade of the existence of a sovereign state. The concept of «ethnic entrepreneurship» is used, according to which individual actors, through the artificial politicization of ethnicity and the exaggeration of the national and cultural demands of the group on whose behalf they act, seek to strengthen their positions in the struggle for power and economic resources. The article provides a description of Belarusian nationalist organizations (Belarusian Popular Front for Perestroika «Revival», «Pakhodnya»), institutions of Polish (Polish Cultural and Educational Society named after A. Mickiewicz, Union of Poles in Belarus) and West Polesie (Public and Cultural Association «Polisse») ethnopolitical movements. Some of the documents deposited in the funds of the National Archives of the Republic of Belarus and the State Archives of Public Associations of the Grodno Region, and press materials are being introduced into scientific circulation for the first time.

¹ **Олег Геннадьевич Казак** — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь); e-mail: olegkazak90@tut.by

Oleg G. Kazak — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Political Science, Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

² **Артем Сергеевич Середа** — магистр исторических наук, учитель Средней школы № 3 г. Жабинки (Жабинка, Беларусь), e-mail: marcellinus@tut.by
Artyom S. Sereda — Master of Historical Sciences, teacher, Secondary School № 3 in Zhabinka (Zhabinka, Belarus).

Keywords: ethnopolitical processes, “ethnic entrepreneur”, interethnic relations, ethnopolitical movements

Термин «этнический предприниматель», введенный в научный оборот в конце 1980-х гг. норвежским антропологом Ф. Бартом, широко используется в современных этнополитологических исследованиях сторонниками конструктивистского и инструменталистского подходов в понимании природы нации и национальных движений. Выделяют два типа этнических предпринимателей – «романтики» (искренне стремятся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытаются заразить этим стремлением максимальное число людей) и «прагматики» (используют этничность с целью приобретения и накопления социального капитала). Характерной чертой «этнических предпринимателей» является деятельность от имени давно ассимилировавшихся этнических групп, за «национальное возрождение» которых данные акторы ратуют. При этом зачастую наблюдается намеренная гиперболизация масштабов проблем, с которыми якобы сталкивается соответствующая этническая группа [5, с. 392]. В Беларуси рассматриваемое явление плотно вошло в общественно-политическую жизнь в период горбачевской перестройки. Цель статьи – охарактеризовать феномен этнического предпринимательства в Беларуси в позднесоветский период и в первые годы существования суверенного государства с точки зрения конфликтогенности данного явления. Несмотря на то, что различные аспекты участия национальных меньшинств в общественно-политической жизни Беларуси рассматривались в работах И.М. Пушкина, Т.Т. Кручковского, Д.В. Юрчака и других ученых, можно констатировать, что в белорусской гуманитарной науке проблематика этнополитических процессов (в особенности факторов возникновения конфликтогенности в межнациональных отношениях, механизмов их преодоления) разработана не в полной мере. В статье приводятся сведения из документов архивов Беларуси, впервые вводимые в научный оборот.

В период перестройки в Беларуси возникает целый ряд «неформальных объединений» («Талака» и «Тутэйшыя» в Минске, «Паходня» в Гродно, «Край» в Бресте и др.), которые в качестве целей своей деятельности декларировали изучение истории Беларуси, популяризацию белорусской культуры, расширение сферы употребления белорусского языка. Многие участники данных объединений вскоре активно включились в политическую жизнь советской республики. Оформившийся в 1988–1989 гг. Белорусский народный фронт за перестройку

«Возрождение» (далее – БНФ) во главе с З.С. Позняком начал постепенно вбирать в себя ранее возникшие объединения и все более смело декларировать идею суверенизации Беларуси.

Партийные функционеры и представители органов государственного управления Советской Беларуси фиксировали чрезмерно быструю политизацию «неформальных объединений», которые первоначально апеллировали сугубо культурно-просветительскими лозунгами. Так, ректор Гродненского государственного университета А.В. Бодаков, выступая на XXI Гродненской областной партийной конференции Коммунистической партии Белоруссии (далее – КПБ) в декабре 1988 г., так охарактеризовал деятельность «Паходни» и ее лидера, историка М.А. Ткачева: «Я должен сказать, что отдел пропаганды КПБ, тов. Бирюкова М.М. уж очень робко ведут себя по отношению к “Паходне”. Ее лидер Ткачев – коммунист, но считает, что партию надо распустить. Они уже составляют программу народного фронта, ведутся разговоры о новом правительстве. Растет давление и агрессивность этого клуба. Вчера “Паходней” явочным порядком был занят актовый зал университета с целью проведения заседания. Это нарушение закона. В большинстве своем там состоят люди, которые хотят отхватить кое-что для себя, но не знают, как это сделать. Открытая дискуссия студентов, профессорско-преподавательского состава университета с членами “Паходни” показала, что им не с чем идти к людям» [1, Л. 133].

Большое внимание активисты БНФ уделяли ликвидации «белых пятен» белорусской истории. В частности, З.С. Позняк получил широкую известность как человек, открывший для общественности урочище Куропаты близ Минска – предположительное место массовых захоронений жертв сталинских репрессий предвоенного периода. Трактовки многих сюжетов белорусской истории, однако, были чрезмерно политизированы. Так, с целью обоснования исторической и этнокультурной дистанции между белорусами и русскими активисты БНФ взяли на вооружение превратно толкуемую балтскую теорию этногенеза белорусов. Активисты оргкомитета по созданию БНФ положительно восприняли выступление на одном из мероприятий организации в конце 1988 г. литовского диссидента, члена общественно-политической организации «Саюдис» А. Патацкаса, который «пытался научно обосновать неславянское происхождение белорусов и на этой основе доказать необходимость объединения с литовцами в борьбе за “демократические преобразования”» [8, Л. 49].

Важным источником по истории этнополитических процессов в Беларуси являются документы, созданные в процессе функциониро-

вания отдела по надзору за соблюдением законов в межнациональных отношениях Прокуратуры БССР в 1990–1991 гг. В аналитической записке о II съезде БНФ в марте 1991 г., составленной начальником отдела А.В. Довбышем, подчеркивалось, что агрессивный национализм З.С. Позняка и его единомышленников являлся идеологическим обоснованием их политических амбиций: «Неоднократно лидеры БНФ в своих выступлениях в республиканской печати, по телевидению и радио высказывались против подписания республиканского союзного договора, за разрыв исторически сложившихся связей с Россией; воссоединение нынешних земель Белоруссии в составе Российского государства ими трактуется как аннексия, русский народ называется оккупантом. Пропагандируется идея самостоятельного пути развития белорусской народности в отрыве от других славянских народов, выдвигаются территориальные претензии о принадлежности ряда районов Смоленской, Псковской и Брянской областей Белоруссии, обосновывается идея заключения Балтийско-Черноморского союза без России, нагнетается межнациональная рознь» [10, Л. 18].

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Советской Беларуси проживало более 417 000 лиц, идентифицировавших себя как поляки по национальности, из них около 300 000 – в Гродненской области (около четверти населения региона). В 1988 г. было создано Польское культурно-просветительское общество им. А. Мицкевича (далее – ПКПО), на организационной основе которого в 1990 г. возник Союз поляков Беларуси (далее – СПБ). Лидером польского этнополитического движения в Беларуси являлся Т.Ф. Гавин. Партийные органы Беларуси в целом поддерживали активность полонийных организаций по популяризации польского языка и культуры, однако отмечали некоторые аспекты их деятельности, вызывавшие тревогу. Так, секретарь Гродненского областного комитета КПБ М.М. Бирюкова во время заседания бюро областного комитета 15 апреля 1989 г. информировала о связях активистов ПКПО с «антисоциалистическими и оппозиционными кругами» Польши, работниками польского консульства в БССР, католическим духовенством. Особую обеспокоенность у М.М. Бирюковой вызвали контакты руководства Гродненского отделения ПКПО с членами «Клуба любителей Гродно» из Белостока. По заверениям партийного работника, некоторые организации Польши «открыто высказывали свои мысли на пересмотр существующих границ и передачу территории Вильнюса, Львова и Гродно Польше» [2, Л. 19–20]. Сама М.М. Бирюкова неоднократно встречалась с лидерами польского этнополитического движения в Беларуси. Одна из таких встреч

состоялась в Гродно 13 июля 1989 г. Показательно, что консул Польши в Минске К. Дунай, присутствовавший на мероприятии, в отчете для Министерства иностранных дел отметил нереалистичность многих требований активистов ПКПО, указав, что в собрании принимала участие «экстремистская группа общества» [11, с. 526].

После обретения Республикой Беларусь государственного суверенитета активисты польского этнополитического движения пользовались существенной материальной поддержкой институтов власти и общественных объединений Польши («Полония», «Вспульнота Польска» и др.). Варшава через посредничество СПБ предлагала гражданам Беларуси привлекательные варианты более глубокой интеграции в этнокультурное пространство Польши (возможность обучения в образовательных учреждениях Польши, гуманитарная помощь, туристические поездки и др.), что, по замыслу разработчиков данной стратегии, должно было содействовать росту национального самосознания у этнических поляков Беларуси [6]. Попытки включить проблему польского этнического меньшинства в Беларуси в международную повестку, предпринимавшиеся руководством СПБ, не всегда были успешными. В марте 1992 г. состоялась встреча председателя СПБ Т.Ф. Гавина и его заместителя Т.М. Малевича с членами специальной миссии Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Минске. Лидеры полонийной организации озвучили свои требования касательно открытия польскоязычных школ во всех районах компактного проживания поляков за счет правительства Республики Беларусь, предоставления офисных помещений региональным структурам СПБ, льгот или полного освобождения от налогов аффилированных с СПБ малых предприятий, занимавшихся туризмом, торговлей, перевозками. Члены миссии отметили, что вопрос аренды помещений должен решаться силами самих общественных организаций, а коммерческая деятельность предприятий должна облагаться налогами на общих основаниях [9, Л. 171].

Польское движение в Беларуси породило «этнических предпринимателей» регионального уровня. Самым заметным из них был заведующий Вороновским районным отделом народного образования П.А. Орпик (в Вороновском районе Гродненской области в рассматриваемый период более 80% населения являлись поляками), стоявший у истоков местных отделений ПКПО и СПБ. Очевидно влияние чиновника на разработку плана по патриотическому и интернациональному воспитанию населения (утвержден 28 марта 1989 г. бюро Вороновского районного комитета КПБ), который предоставлял

широкие возможности для развития национальной культуры польского меньшинства (работа кружков польского языка, пополнение фондов польскоязычной литературы в библиотеках района, участие районного отдела народного образования в определении выпускников школ для поступления в учебные заведения Польши) [3, Л. 120]. П.А. Орпик выдвигал свою кандидатуру на выборах в Верховный Совет БССР 1990 г., однако успеха не имел. Значительную часть своей предвыборной программы чиновник посвятил положению польского национального меньшинства (в документе содержались положения об открытии в районе польскоязычных школ, публикации газеты на польском языке, обязательном присутствии литературы на польском языке в библиотеках и книжных магазинах) [7, с. 1]. На протяжении 1990-х гг. П.А. Орпик безуспешно лоббировал строительство в Вороново польскоязычной школы на средства Польши (такие школы были открыты в 1996 г. в Гродно и в 1999 г. в Волковыске). В статье в газете «Голос над Неманом» (печатный орган СПБ) 17 июля 1998 г. П.А. Орпик призывал родителей активнее требовать обучения на польском языке для своих детей: «Итак, будет ли в Вороново польская школа? Будет, но при условии, что родители-поляки продемонстрируют решительность, самосознание и национальную гордость и выразят желание, чтобы их дети учились на родном языке» [12, с. 2]. В феврале 1999 г. в этом же издании была опубликована заметка директора Вороновской средней школы А.М. Васюкова. В ней сообщалось о постепенном снижении интереса жителей района к изучению их детьми польского языка. В 1998 г. в первый класс школы было зачислено более 120 детей, из них только 9 желали изучать польский язык. По утверждению А.М. Васюкова, никакого административного давления на школьников и их родителей не оказывалось, причиной он считал слабую просветительскую работу местного отделения СПБ. Данная ситуация явно не соответствовала планам П.А. Орпика (на момент публикации он продолжал возглавлять систему образования района и местную структуру СПБ), который, согласно версии директора школы, ворвался в учебную аудиторию, на глазах учеников оскорблял преподавателей и руководство школы [13, с. 4]. Подобные скандалы сопровождали деятельность П.А. Орпика в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Классическим «этническим предпринимателем» можно считать лидера западнопоlessкого движения в Беларуси, филолога и публициста Н.Н. Шеляговича. Он и его единомышленники утверждали, что жители ряда районов Брестской области БССР являются отдельным

народом – западными полешуками (ятвягами). Активисты созданного Н.Н. Шеляговичем Общественно-культурного объединения «Полісьсе» регулярно обращались в различные органы государственного управления Советской Беларуси и суверенной Республики Беларусь. Практически каждое обращение начиналось с констатаций древних традиций полесской (ятвяжской) государственности и уникальности западнополесского языка. Участники западнополесского движения требовали открытия «Полесского научно-культурного центра», специального института в структуре Академии наук БССР (Беларуси), официального признания западнополесского языка и др. [4] Данные проекты не были реализованы, а само движение, являвшееся своеобразным ответом на вызовы директивной белорусизации, сошло на нет во второй половине 1990-х гг.

Таким образом, феномен «этнического предпринимательства» являлся важной составляющей общественно-политической жизни Беларуси периода перестройки и первого десятилетия существования суверенного государства. Радикальный белорусский национализм, декларируемый лидерами БНФ, имел существенное влияние на идеологическую и интеллектуальную атмосферу конца 1980-х – первой половины 1990-х гг., но утратил позиции после избрания президентом А.Г. Лукашенко. Лидеры польского и западнополесского этнополитических движений пытались конвертировать этнокультурные особенности групп, от имени которых они выступали, в политический, экономический, символический капитал. В большей степени это удалось сделать активистам полонийных организаций Беларуси, получавших существенную поддержку властных элит и общественных институций Польши. Западнополесское движение не вышло за рамки интеллектуального проекта, его активисты не сумели завоевать заметную популярность у населения региона. Для всех рассмотренных в статье направлений «этнического предпринимательства» была характерна искусственная политизация этничности, которая выражалась в неуместной гиперболизации проблемы удовлетворения национально-культурных запросов соответствующей группы.

Список источников и литературы

1. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГр). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1680.
2. ГАООГр. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1721.
3. ГАООГр. Ф. 6. Оп. 63. Д. 3.

4. Казак О.Г. Анализ требований активистов западнополюсского движения в Беларуси (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 6 декабря 2024 г. / редкол.: Т.А. Хагуров [и др.]. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 159–166.

5. Казак О.Г. Феномен этнического предпринимательства в освещении современной этнополитологии // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 мая 2024 г. / редкол.: А.В. Егоров [и др.]. Минск: Колорград, 2024. С. 392.

6. Казак О.Г., Серeda А.С. «Мягкая сила» как инструмент влияния на этнополитические процессы в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.): опыт Польши и Украины // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник ст. Междунар. науч.-практ. школы-конференции молодых ученых, Москва, 22–25 октября 2024 г. / отв. ред.: Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева. М.: ИРИ РАН, 2024. С. 544–551.

7. Ленинское знамя. 1990. 5 апреля.

8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 156. Д. 612.

9. НАРБ. Ф. 136. Оп. 3. Д. 3.

10. НАРБ. Ф. 750. Оп. 5. Д. 1990.

11. Gawin T. Problem mniejszości polskiej w ZSRR (BSRR) w dialogu między Wojciechem Jaruzelskim i Michaiłem Gorbaczowem (1985–1989) // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku. T. III. Niepodległość 1918–2018: Polskie i białoruskie idee niepodległościowe. Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. S. 511–532.

12. Гłos znad Niemna. 1998. 17 lipca.

13. Гłos znad Niemna. 1999. 15 stycznia.

**«Еще поживем!»:
журнал «Крокодил» в 1992–2000 гг.**

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации ведущего сатирического издания Советского Союза — журнала «Крокодил» — на заключительном этапе его существования в 1992–2000 г. В условиях распада СССР и формирования новой России журнал оказался вынужден адаптироваться к новой информационной среде. На фоне падения интереса к старым формам политической сатиры руководству издания пришлось сократить частоту выхода издания и его тираж, при этом удалось сохранить объем и формат журнала. Поскольку уходили из жизни сотрудники издания, формировавшие облик журнала в 1920–1980-е гг. — М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, М.А. Абрамов и др., — происходило серьезное омоложение редакционного коллектива. Это обстоятельство облегчило изменение круга тем, которые раскрывались на страницах журнала. «Крокодил» 1990-х гг. продолжил уделять внимание политическим сюжетам, хотя теперь акцент делался на образы представителей высших эшелонов власти, а не на абстрактных бюрократов. Кроме того, уделялось большое внимание представителям шоу-бизнеса.

Ключевые слова: журнал «Крокодил»; карикатура; политическая сатира; Б.Н. Ельцин; Е.Т. Гайдар; «шоковая терапия»

**«Let's live!»:
'Krokodil' magazine in 1992–2000**

Abstract. The article deals with the process of transformation of the leading satirical publication of the Soviet Union — the magazine 'Krokodil' — at the final stage of its existence in 1992–2000. In the conditions of the collapse of the USSR and the formation of the new Russia the magazine was forced to adapt to the new information environment. Against the backdrop of declining interest in the old forms of political satire, the management of the magazine had to reduce the frequency of its publication and its circulation, but managed to maintain the volume and format of the magazine. As the staff members of the magazine who shaped the magazine in the 1920s–1980s — M.V. Kupriyanov, P.N. Krylov, M.A. Abramov, etc. — passed away, the editorial team was seriously rejuvenated. This circumstance facilitates the change of the range of topics that are disclosed in the pages of the magazine. 'Krokodil' of the 1990s continues to pay attention to political subjects, although now the emphasis is placed on the images of representatives of the highest echelons of power, rather than on abstract bureaucrats. In addition, much attention is paid to representatives of show business.

Keywords: 'Krokodil' magazine; caricature; political satire; B.N. Yeltsin; E.T. Gaidar; 'shock therapy'

¹ **Руслан Юнадиевич Червяков** — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: tcherviakov.ruslan@yandex.ru

Ruslan Yu. Chervyakov — Candidate of Historical Sciences, lecturer at the Department of Russian History of the XX–XXI Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

1990-е гг. в России стали временем глубоких социально-экономических и политических трансформаций, обусловленных демонтажом основ советского государственного устройства и переходом к демократии. Оформление новой общественно-политической системы, уделявшей большее внимание политическим правам человека, нежели социальным, и исходящей из отказа от государственной идеологии, привело к появлению новых форм взаимоотношений власти и общества, в рамках которых развитие получили как абсолютно новые, так и измененные старые приемы коммуникации. К последней категории относится, в частности, политическая сатира.

Для общества власть всегда являлась объектом сатиры и юмора. И в царские, и в советские годы, несмотря на строгость политического контроля, жанр политического анекдота получил большое развитие [18]. Наравне с ним в советский период существовала официальная сатира, которая использовалась партийно-государственным руководством как пропагандистский инструмент [1]. Главными каналами трансляции одобренных высшими инстанциями шуток и реприз становились многочисленные газеты и журналы, среди которых особое место занимал журнал «Крокодил» — ведущее сатирическое издание страны, издававшееся с 1922 г., а с начала 1930-х гг. являвшееся единственным общесоюзным журналом, специализировавшимся на сатире и юморе. Вплоть до начала 1990-х гг. журнал имел возможность в рамках дозволенного единолично бичевать пороки советского общества и критиковать врагов советской власти за рубежом [21]. Начинаясь эпоха, в которой печатное слово стало активно заменяться телевизионной картинкой, а анекдоты о власти предрежащих больше не являлись предметом исключительно кухонных разговоров, не могла не привнести в жизнь журнала новые веяния.

Являясь флагманом уходившей в прошлое советской сатиры, «Крокодил» должен был адаптироваться к условиям рынка и открытой конкуренции. Для этого необходимо было изменить подход к изданию журнала. В рассматриваемый период частота выхода «Крокодила» сократилась. Так, в 1992 г. вышло всего 14 выпусков (вместо традиционных 36 в год), с 1993 г. журнал стал позиционировать себя как ежемесячный, но в том же году вышло всего 10 выпусков (два номера были сделаны двоекными), затем в течение 1994–1999 гг. частота выпуска не нарушалась. В 2000 г. вышло всего 2 выпуска «старого» «Крокодила», после чего его формат был радикально изменен, а вскоре выпуск издания был и вовсе прекращен. К этому моменту тираж издания сократился в почти в 46 раз — с 1875 тыс. экземпляров в начале 1992 г. до 40,9 тыс. в начале 2000 г.

Как показывает история издания, опыт адаптации к новым условиям не был успешным. Несмотря на надежды главного редактора на то, что журнал доживет до столетия, высказанные в юбилейной статье под заголовком «Еще проживем» [15, с. 3], журнал растерял былую популярность и прекратил свое существование в начале 2000 г. В то же время это не означает, что историю этого заключительного периода журнала не нужно изучать. Остается необходимость разобраться в причинах падения популярности журнала, чтобы определить, являлось ли его исчезновение из информационного пространства страны результатом просчета руководства или же оно стало производной от обстоятельств более глобального характера.

Программу действий издания в новых условиях изложил в первом выпуске 1992 г. главный редактор «Крокодила» А.С. Пьянов — поэт, журналист, автор работ об А.С. Пушкине [20]. Используя пушкинские строки, он выразил опасения относительно возможного народного бунта, вызванного напряженной социально-экономической обстановкой в стране. Главред отмечал, что «Крокодил [бунтарских] воззрений не разделяет» [2, с. 2]. Снова, как и в годы перестройки, руководитель некогда ведущего сатирического издания страны возложил все надежды на главу государства — теперь уже не генерального секретаря, а президента Б.Н. Ельцина. При этом он патетически подчеркивает, обращаясь к читателям: «Плохо, плохо мы ему помогаем!». По его мнению, угроз для президента существует две: с одной стороны, противники демократии, воспевающие идею бунта, а с другой — та часть демократов, которая, занимаясь бесплодными дискуссиями и строя новые «департаменты, мэрии и прочие присутствия» тащут «новые сани» в «старую колею», тем самым создавая риск повторения катастрофы 1991 г. Резюмируя, Пьянов призывает посвятить «души прекрасные порывы» строительству новой России и не позволить погрузить ее в хаос.

Таким образом, главный редактор журнала занял пропрезидентскую позицию. В то же время обложка первого российского выпуска «Крокодила» скорее критикует действия Ельцина. На ней он предстает в образе факира, выпустившего из бутылок двух джинов, между которыми завязывается схватка: один в испуге сложил руки перед лицом и наблюдает, как на него бросается разъяренный второй, у которого виден кинжал на поясе. Причину незащитности первого джина и агрессивности второго объясняют подписи на бутылочках, из которых они были выпущены: первая подписана «зарплата», вторая — «цены» [2, с. 1]. На последующих страницах представлены рисунки, демонстрирующие, как дух цен уничтожает своего «зарплатного» собрата,

несмотря на отчаянные попытки последнего переломить ситуацию [2, с. 3]. Январский номер реагировал на болезную тему: 2 января 1992 г. вступил в силу указ президента РСФСР от 3 декабря 1991 года № 297 «О мерах по либерализации цен» и постановление Правительства РСФСР от 19 декабря 1991 года № 55 «О мерах по либерализации цен», в соответствии с которыми 90% розничных цен и 80% оптовых цен на потребительские товары были освобождены от государственного регулирования. Результатом «шоковой терапии» стал взрывной рост цен на товары народного потребления, еще большее обесценивание денежных сбережений населения, увеличение числа бедных [19, с. 38–39]. Тем самым авторы рисунка показывали, что, выпустив джинов из бутылки, т.е. дав свободу злым силам, президент оказывается не в силах повлиять на ситуацию, в связи с чем ему приходится делать хорошую мину при плохой игре.

Критика президента звучит и во втором номере журнала. Журналист Ю. Борин в заметке с красноречивым названием «Короля играет свита, но свиту подбирает король» указывает, что «Крокодил» поддерживает Ельцина, «за которого голосовал всеми своими лапами», но оттого «больнее видеть нетвердые шаги и неловкие телодвижения, которые порой делает российский Президент» [3, с. 2]. Публицист указывает на провал мер по стабилизации экономики, ошибочность принятия указа о введении чрезвычайного положения в Чечне, а также на слабость кадровой политики, мешающей придерживаться твердого политического курса. Таким образом, со страниц журнала была выражена обеспокоенность относительно возможных перекосов в политическом курсе страны.

Вообще образ первого российского президента нередко появлялся на страницах журнала и даже на его обложках. Только в 1992 г. Ельцин появился на страницах «Крокодила» пять раз. Помимо упомянутого выше примера с факиром, Ельцина изображали сидящим за столом с переломанными руками и объясняющим загипсованному и.о. председателя правительства РФ Е.Т. Гайдару, что такое «переломный момент» в экономической реформе [7, с. 1]. На другом рисунке, посвященном попыткам России урегулировать отношения с Японией, российский президент изображен на приеме у зубного врача, в роли которого выступил премьер-министр Японии К. Миядзава. Заглядывая в рот пациенту и показывая рентгеновский снимок, на котором изображены Курильские острова, врач говорит: «Это снимок больного зуба, господин Ельцин. Его нужно срочно удалить» [8, с. 13]. Тем самым журнал указывал на желание японцев вернуть четыре острова

Курильского архипелага, перешедшие к России по результатам Второй мировой войны. На четвертом рисунке удовлетворенный президент смотрит на то, как российская эстрадная певица А.Б. Пугачева уходит за собой толпу поклонников, которая собралась для того, чтобы агитировать против Ельцина [9, с. 1]. Как известно, Алла Борисовна была последовательной сторонницей Ельцина и всегда агитировала за него. Рисунок во многом окажется пророческим, поскольку именно поддержка артистов эстрады в конечном счете будет способствовать победе Ельцина во втором туре президентских выборов в 1996 г. Наконец, в пятый раз изображение первого российского президента появилось в новогоднем номере, где его изобразили теннисистом, поскольку это была его любимая игра [10, с. 2]. В 1998 г., на волне политических и социально-экономических кризисов, сотрясавших страну, «Крокодил» изобразил президента прислушивающимся к шуму на улице. Глава правительства С.В. Кириенко замечает: «Не бойтесь, Борис Николаевич, это гром гремит», что отсылало к урагану, пронесшемуся по Москве летом 1998 г. В ответ Ельцин задается вопросом: «Думаете? А вдруг шахтерские каски?!», намекая на бастующих шахтеров, стучавших в тот год по брусчатке у Белого дома, требуя ликвидации долгов по зарплатам [16, с. 1]. Кроме того, в 1998–1999 гг. Ельцина нередко изображали в образе царя, тем более что и он сам любил использовать это самоопределение.

В 1992–1993 гг. «Крокодил» сохранял свою приверженность демократическим принципам, впитанную, по всей видимости, в период горбачевской перестройки. Этот настрой, в частности, выражает статья фельетониста Э. Полянского, ставшая ответом на публикацию консервативного публициста В.С. Бушина в газете «Советская Россия», в которой он сравнил ярких представителей демократического и русофильского лагерей (Ю. Карякина, А. Собчака, В. Солоухина, С. Куняева), выступавших за снос памятников Ленину, с пособниками нацистов. Давая отповедь Бушину, Полянский заявляет, что снос поддерживает весь российский народ, от которого уже невозможно отмахнуться [5, с. 2]. Очевидно, подобные обобщения были далеки от точности, однако убежденность публициста перевешивала все аргументы здравого смысла и законы статистики. Впоследствии жертвой крокодильских «вил» стали «национал-патриоты». В статье специального корреспондента «Крокодила» А. Смирнова предсказывается опасность, которая исходит от «коричневатой оппозиции» (клише, использовавшееся сторонниками Ельцина для определения своих оппонентов, отсылающее к фашизму), вставшей на путь консолидации. По мнению журнали-

ста, «национально мыслящие» граждане готовят почву для военного переворота, в результате которого к власти должен прийти диктатор [6, с. 6–7]. Иронизировал журнал и над газетой «духовной оппозиции» «День», главным редактором которой был писатель А.А. Проханов. В «Крокодиле» был помещен рисунок, на котором изображен читающий упомянутую газету детский писатель К. Чуковский. Глядя в текст издания, писатель произносит строки из собственного произведения: «И такая дребедень – целый “День”?!» [12, с. 9].

«Демократизм» журнала в полной мере проявился в период политического кризиса 1993 г. Его страницы были заполнены материалами, критикующими Верховный совет России и его сторонников и поддерживающими сторонников Б.Н. Ельцина. Так, например, на его страницах была помещена частушка, посвященная С.З. Умалатовой, последовательной противнице Ельцина, в которой в качестве главного повода для критики используется ее национальная принадлежность: «Бают, Умалатова // Погрозней усатого (т.е. И.В. Сталина. – *Р.Ч.*): // Дайте власть чеченочке – // Всех поставит к стеночке!» [13, с. 2]. На рисунке Ю.А. Черепанова спикер Верховного совета России Р.И. Хасбулатов изображен мечтающим о коммунистическом реванше. В его фантазии, представленной на рисунке, реванш представлен как серп, сложенный из Останкинской башни, и молот. [13, с. 2]. Художник таким образом намекнул на выпады, которые спикер регулярно делал в адрес журналистов. В том же номере был помещен рисунок В.Г. Мочалова, на котором показано, как за выступлением Хасбулатова по телевидению с удовлетворением наблюдают Ленин, Сталин и Брежнев, причем первый с удовлетворением замечает: «Верной дорогой идут товарищи» [13, с. 9]. Тем самым журнал поддерживал тезис о «красно-коричневой угрозе», нависшей над страной, в связи с которой агрессивные действия президента рассматривались как обоснованные и справедливые.

Несмотря на порой яркие политические манифестации, политической сатиры в журнале 1990-х гг. в «Крокодиле» оставалось немного. Уходило поколение художников, специализировавшихся на этом жанре: в 1990 г. не стало П.Н. Крылова, в 1991 г. – М.В. Куприянова, в 1994 г. – М.А. Абрамова. Отдельные рисунки художников «старой школы» уже очень сильно выбивались из обновленной стилистики журнала. Шутили о политике в те времена уже больше по телевизору, например, в программе «Куклы». На первый план в журнале выходили социальные проблемы, в особенности проблемы с продовольствием. Иронизируя над магазинными прилавками начала десятилетия

и пробудившейся в связи с этим среди части граждан ностальгии по советским временам, «Крокодил» поместил на одной из своих обложек рисунок, на котором был изображен продуктовый магазин, доверху забитый разной снедью: красной икрой, осетрами, колбасными изделиями, сырами, фруктами, алкоголем и т.п. Одурев от изобилия товаров, голодная толпа врывается в магазин, снося дверь вместе с петлями. Как выясняется, в магазине в данный момент снимается фильм «о застое», в связи с чем в кадр было выставлено все самое лучшее. Тем самым художник Л. Насыров и автор темы для рисунка В. Луговкин уловили настроение общества на романтизацию советских времен, которой активно подыгрывал кинематограф [4, с. 1]. На другом рисунке В. Луговкина изображена мать, обещающая дать детям «хорошего ремня». В данном случае используется игра слов, поскольку она не собирается никого наказывать: ремень она варит в кастрюле, чтобы подать его на обед [7, с. 7].

Другой животрепещущей темой для журнала стал разгул бандитизма. Причем журнал не ограничивался изображением рэкетиоров, штурмующих ларьки, или бандитов, раздевающих добропорядочных граждан в переулке. На рисунке В. Спасского изображена гротескная ситуация: бабушка, уговаривающая внушку доест кашу. В качестве аргумента она использует пистолет, наставленный на девочку. Внушка так же держит бабушку «на мушке» и отвечает, что доедать кашу не будет [11, с. 7].

Не меньший интерес у журнала вызывала сексуальная проблематика. Изображения пышногрудых девиц топлес и в экстремально короткой одежде, более характерные для восточноевропейских юмористических изданий (например, венгерского «Лудаш мати»), заняли свое место на страницах «Крокодила». Отдельной темой, встречавшейся с завидной частотой, стали рисунки, посвященные супружеской неверности, для них даже была введена отдельная рубрика «Сех-минутка» [17, с. 11].

К разряду «положительных» тем журнала можно отнести сюжеты, связанные с российским шоу-бизнесом. В это время «Крокодил» продолжил публикацию шаржей и эпиграмм на звезд театра, кино и эстрады (А. Збруева, Л. Броневого, О. Газманова и др.), начатую еще в период перестройки. Кроме того, активно публиковались интервью с деятелями культуры, например, они составили большую часть новгородного номера 1993 г. В 1994–1997 гг. журнал публиковал на своих обложках шаржи на известных людей с эпиграммами, среди них подавляющее большинство составляли актеры. Характерно, что на облож-

ках журнала за 1994 г. были изображены Л.А. Якубович, Е.П. Леонов, мексиканская актриса Виктория Руффо, М.М. Жванецкий, Э.А. Рязанов, А.Г. Абдулов, В.Н. Листьев, М.Н. Задорнов, Л.В. Куравлев, А.А. Ширвиндт и Ю.А. Никулин. Только на одной из обложек был изображен не представитель творческой профессии — им стал политик Г.А. Явлинский [14, с. 1].

Таким образом, на заключительном этапе своего существования журнал кардинально изменил свое содержание. Если в 1992–1993 гг. журнал еще активно манифестировал свою политическую позицию, то в последующие годы он сделал выбор в пользу публикации юмористических материалов, посвященных шоу-бизнесу и социальным неурядицам. В этом информационном сегменте ему было сложно конкурировать с другими изданиями, избравшими более агрессивную тактику подачи новостей. В связи с этим закрытие журнала в начале 2000 г. представляется закономерным.

Список источников и литературы

1. Добренко Е., Джонссон-Скрадоль Н. Госсмех. Сталинизм и комическое. М.: НЛО, 2022. — 769 с.
2. Крокодил. 1992. № 1.
3. Крокодил. 1992. № 2.
4. Крокодил. 1992. № 3.
5. Крокодил. 1992. № 4.
6. Крокодил. 1992. № 7.
7. Крокодил. 1992. № 8.
8. Крокодил. 1992. № 12.
9. Крокодил. 1992. № 13.
10. Крокодил. 1992. № 14.
11. Крокодил. 1993. № 1.
12. Крокодил. 1993. № 2.
13. Крокодил. 1993. № 8.
14. Крокодил. 1994. № 6.
15. Крокодил. 1997. № 6.
16. Крокодил. 1998. № 9.
17. Крокодил. 1999. № 1.
18. Мельниченко М.А. Советский анекдот: Указатель сюжетов. М.: НЛО, 2014. — 1109 с.
19. Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М.: Новый хронограф, 2011. — 312 с.
20. Пьянов А.С. «Мои осенние досуги»: Пушкин в Тверском крае. М.: Московский рабочий, 1979. — 319 с.
21. Червяков Р.Ю. «Надо бить смехом»: журнал «Крокодил» и советские карикатуристы в годы холодной войны (конец 1940-х — начало 1990-х гг.) // Российская история. 2023. № 5. С. 121–138.

**Формирование и деятельность
Правительственной комиссии по изучению вопросов
перезахоронения останков царской семьи
в октябре 1993 – январе 1998 гг.**

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования и функционирования Правительственной комиссии по изучению вопросов перезахоронения останков царской семьи в октябре 1993 – январе 1998 гг. Выявлены обстоятельства возникновения комиссии, проанализирован ее персональный состав, а также регулярность созыва ее заседаний. Особое внимание уделяется роли прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева и политика Б.Е. Немцова в расследовании, а также взаимодействию комиссии с Русской Православной Церковью и представителями научного сообщества. Рассматриваются два основных направления ее работы – историко-документальное, которое выразилось в работе группы историков и архивистов во главе с академиком И.Д. Ковальченко, и судебно-медицинское, связанное с установлением подлинности обнаруженных останков. Сделан вывод о значимости усилий Комиссии в деле признания подлинности останков царской семьи и преодоления общественно-политических и религиозных противоречий, сопровождавших этот процесс.

Ключевые слова: Николай II; Правительственная комиссия; расследование; В.Н. Соловьев; Б.Е. Немцов; останки царской семьи; Русская Православная Церковь

**Formation and activities of the Government Commission
for the study of issues of reburial of the remains
of the Russian Imperial family in October 1993 – January 1998**

Abstract. The article examines the formation and functioning of the Government Commission for the Study of the Reburial of the Remains of the Russian Imperial family in October 1993 – January 1998. The circumstances of the commission's establishment are revealed, its composition and the frequency of its meetings are analyzed. Particular attention is paid to the role of the prosecutor-criminalist V.N. Solovyov and politician B.E. Nemtsov in the investigation, as well as the commission's interaction with the Russian Orthodox Church and representatives of the scientific community. Two main areas of its activities are considered – the historical and documentary research, which was expressed in the work of a group of historians and archivists headed by Academician I.D. Kovalchenko, and forensic, related to establishing the authenticity of the discovered remains. A conclusion is made about the significance of the Commission's efforts in recognizing the authenticity of the remains of the Russian Imperial family and overcoming the socio-political and religious contradictions that accompanied this process.

Keywords: Nicholas II; State commission; investigation; V.N. Solovyov; B.E. Nemtsov; the remains of the Russian Imperial family; Russian Orthodox Church

¹ **Ксения Владимировна Богданова** – студентка, Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); e-mail: bogdanova.k03@yandex.ru
Ksenia V. Bogdanova – student of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Проблема поиска и перезахоронения останков последнего российского императора Николая II, членов его семьи и приближенных до сих пор остается одной из наиболее дискуссионных как в современной историографии, так и в общественном дискурсе. Как противники, так и сторонники признания подлинности царских останков продолжают публиковать публицистические работы, в которых приводят аргументы в пользу своей позиции. В то же время в историографии на сегодняшний день не до конца оценен факт деятельности Правительственной комиссии по изучению останков царской семьи. Зачастую исследователи концентрируются лишь на результатах ее работы, не рассматривая процесс ее возникновения и формирования в контексте непростой общественно-политической обстановки 1990-х гг. [10]. Настоящая статья призвана закрыть данную лакуну.

Как известно, в советский период ни о каком расследовании обстоятельств гибели Николая II не могло идти и речи, тем более в публичном пространстве. Тем не менее в это время была принята устоявшаяся трактовка событий: в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. якобы был расстрелян только Николай II по решению Уралоблсовета, тогда как судьба его семьи замалчивалась. В начале 1990-х гг. расследование обстоятельств гибели семьи Николая II впервые получило официальный статус после того, как писатель и кинорежиссер Г.Т. Рябов сообщил о своей находке общественности в интервью газете «Московские новости». В нем он рассказал, что знает о том, где находятся останки последнего царя и его семьи и готов сообщить об этом властям, если они дадут гарантии, что Николая II с близкими похоронят по-христиански [9].

В сентябре 1991 г. прокурору-криминалисту В.Н. Соловьеву было поручено курировать материалы об останках, обнаруженных под Екатеринбургом. С самого начала Соловьев осознавал необходимость полноценного расследования с привлечением экспертов, общественности и Церкви [1, с. 99]. Благодаря его позиции Администрации Екатеринбурга и Свердловской области не удалось установить исключительное право на останки [10, с. 302], найденные в 1991 г. на Старой Коптяковской дороге. Это дало возможность Генеральной прокуратуре уже в 1993 г. взять расследование под свой контроль.

12 августа 1992 г. Генеральный прокурор Российской Федерации В.Г. Степанков обратился в Правительство России с предложением образовать государственную комиссию для организации полного и достоверного расследования всех обстоятельств гибели царской семьи и создания для экспертов необходимых условий работы

[1, с. 99]. Инициатива была поддержана и.о. председателя Правительства Е.Т. Гайдаром, который поручил организацию комиссии М.Н. Полторанину и Е.Ю. Сидорову. Однако в декабре 1992 г. Гайдар ушел в отставку, и указ о создании комиссии не был подписан.

В связи с политической нестабильностью В.Н. Соловьеву пришлось начинать все сначала. Существенную поддержку ему оказал князь В.О. Лопухин и Российское Дворянское собрание. Кроме того, важную роль сыграло Послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви от 18 июля 1993 г. к 75-летию убийства Императора Николая II и Его Семьи, в котором говорилось: «Мы призываем наши высокие гражданские власти возобновить детальное расследование убийства Николая II, Его Семьи, членов Императорской Фамилии и Их родственников. Руководить таким дорасследованием должна авторитетная и полномочная комиссия, в которую могут войти представители Церковного Священноначалия, органов высшей государственной власти, ученого мира, церковной светской общественности. Комиссии этой необходимо рассмотреть все аспекты екатеринбургского преступления – нравственные, правовые и политические» [1, с. 102].

19 августа 1993 г. по делу об убийстве членов царской семьи было возбуждено уголовное дело, и оно официально перешло в производство В.Н. Соловьева. Спустя два месяца, 23 октября того же года, по распоряжению В.С. Черномырдина была создана Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. Председателем Комиссии стал вице-премьер Ю.Ф. Яров, а заместителем – мэр Санкт-Петербурга А.А. Собчак. В состав вошли представители государственных структур, Русской Православной Церкви, научного сообщества и общественности: В.Н. Соловьев, митрополит Ювеналий (В.К. Поярков), Р.Г. Пихоя, В.В. Алексеев, С.А. Беляев, С.В. Мироненко, А.К. Голицын, И.С. Глазунов, Э.С. Радзинский, Е.Э. Россель, В.А. Яковлев, А.Н. Авдонин и другие.

Участие в Комиссии крупных представителей различных ведомств дало возможность беспрепятственно получать информацию, находящуюся в организациях, закрытых для обычных граждан. Вхождение в состав Комиссии чиновников также обеспечивало строгое соответствие всех действий Уголовно-процессуальному кодексу.

Персональный состав комиссии не был постоянным. Нам известно по крайней мере о двух случаях пересмотра ее состава, относящихся к ноябрю 1994 г. и апрелю 1997 г. Председателем Комиссии

после Ю.Ф. Ярова были поочередно В.Г. Кинелев, В.Н. Игнатенко, О.Н. Сысуев и Б.Е. Немцов [2, Л. 1, 2].

Таким образом, мы можем предположить, что частые смены руководства Комиссии отражали общую кадровую нестабильность 1990-х гг., затрудняющую реализацию долгосрочных научных и общественно значимых проектов.

Комиссия начала свою работу 26 октября 1993 г. и поначалу собиралась достаточно регулярно: последующие заседания прошли 3 ноября, 1 и 8 декабря 1993 г. Затем в ее деятельности наблюдаются большие перерывы: в 1994 г. она собралась всего четыре раза (8 февраля, 22 апреля, 30 сентября, 28 октября), в 1995 г. — три раза (12 апреля, 26 июня и 15 ноября), в 1996 г. — один раз (21 февраля), в 1997 г. — два раза (17 января и 3 ноября), в 1998 г. — один раз (30 января 1998 г.). Протокол № 1 датирован 30 сентября 1994 г. В нем отражена работа экспертов Комиссии за период с 22 апреля по 30 сентября 1994 г. Руководил заседаниями Ю.Ф. Яров, а в его отсутствие — А.А. Собчак. Таким образом, период до 30 сентября 1994 г. можно рассматривать как подготовительный этап деятельности Комиссии, поскольку до этой даты официальные протоколы заседаний еще не велись.

В апреле 1997 г. на встрече в Кремле В.Н. Соловьев указал представителям Администрации Президента на необходимость заменить формального председателя комиссии. Он предложил кандидатуру Б.Е. Немцова — молодого, энергичного вице-премьера, имевшего техническое образование и положительный опыт взаимодействия с представителями дома Романовых. При поддержке главы Администрации В.Б. Юмашева Немцов согласился возглавить комиссию [8].

Вчерашний нижегородский губернатор, меньше месяца назад занявший кабинет в Белом доме, яркий представитель позднесоветской научно-технической интеллигенции, Немцов почти ничего не знал об истории с останками. В роли «наставника» в этом вопросе выступил один из его ближайших советников В.В. Аксюциц, известный своими монархическими взглядами, один из лидеров христианско-демократического движения России. Аксюцица же в курс дела ввел еще в конце 1980-х гг. сам Г.Т. Рябов. Как он сам вспоминал позднее: «В конце 1980-х гг. мне позвонил и предложил встретиться Гелий Рябов. Мы не были с ним до этого знакомы, но я был тогда, что называется, широко известен в узких кругах православной общественности. Как соиздатель — вместе с Глебом Анищенко — самиздатовского журнала русской христианской культуры “Выбор”» [7]. Момент назначения Виктор Владимирович вспоминает так: «Немцов вызывает меня, —

вспоминает Аксютин, — говорит: вот, есть такое предложение. Как, справимся? Я говорю: конечно, справимся, бери, я в теме» [7].

С назначением на пост председателя Б.Е. Немцова ситуация изменилась к лучшему. Было принято решение «широко информировать общественность о результатах своей работы». Начался наиболее активный этап работы Комиссии. Уже 3 ноября 1997 г. состоялось первое заседание комиссии под его руководством. Он подчеркивал необходимость официального признания останков и государственной церемонии погребения: «Я поставил себе задачу провести тщательное исследование останков, с тем чтобы к 80-летию кровавого злодеяния похоронить царя» [11, с. 179].

Правительственная комиссия действовала в двух главных направлениях — историко-документальном и генетическом.

Историко-документальное направление включало изучение архивных материалов, сопоставление свидетельств, анализ контекста гибели семьи Николая II. Особое внимание уделялось материалам следствия Н.А. Соколова, чьи документы были обнаружены и возвращены в Россию из архивов Великобритании, Германии, Франции, США и Лихтенштейна. Уникальные находки — фотографии, мемуары, переписка, предметы из личного архива следователя — помогли реконструировать ход событий 1918 г. [10, с. 315].

Экспертная группа во главе с И.Д. Ковальченко работала в крупнейших архивах России (начала свою работу 8 февраля 1994 г.), обнаружив важные документы: протоколы ВЦИК и СНК, переписку с Уралоблсоветом, воспоминания непосредственных участников убийства (Юровского, Белобородова и др.) [4, Л. 142–150]. Особенно ценным стал отчет Юровского, официально включенный в дело ВЦИК, где он описывает ход расстрела и указывает место захоронения — сведения подтвердились при обнаружении останков.

Несмотря на масштаб проделанной работы, архивные пробелы оставались: не найдены протоколы ЦК РКП(б) и УралоблЧК за 1918 г., а потому нет прямых доказательств санкционирования расстрела на высшем партийном уровне [4, Л. 142–150].

Генетическое и судебно-медицинское направление предполагало проведение экспертиз останков, найденных в Порошенковом логу в 1991 г. Были применены новейшие методы антропологии, фотосъемки и молекулярной генетики. В исследованиях участвовали специалисты из России, Великобритании, США. Особенно важными стали ДНК-анализы, подтверждающие родственные связи между

останками и живыми потомками Романовых (в частности, по линии принца Филиппа и Тихона Куликовского-Романова).

В результате было установлено, что останки принадлежат Николаю II, Александре Федоровне, их дочерям Ольге, Татьяне и Анастасии, а также Е. Боткину, А. Демидовой, И. Харитонову и А. Труппу. Останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии в данном захоронении не оказалось — это соответствовало сведениям Юровского.

Работа сопровождалась многочисленными экспертными сессиями (в том числе под председательством В.В. Томилина), уточняющими анализами, пластическими реконструкциями и сравнением медицинских признаков, вплоть до следов старой травмы Николая II.

Дополнительные трудности возникли в 1995 г., когда Русская Православная Церковь сформулировала «10 вопросов» к следствию — от стоматологических экспертиз до развенчания мифов о ритуальном характере убийства. О значении постановки этих вопросов В.В. Аксютин сообщал следующее: «Создавалось дополнительное информационное пространство для более широкого освещения результатов многолетней работы Комиссии, что помогало развеять многочисленные домыслы вокруг этой темы» [12]. Это вынудило комиссию провести повторные исследования, которые окончательно подтвердили достоверность следственных и научных выводов.

К январю 1998 г. комиссия пришла к заключению о подлинности останков и завершила свою работу. 30 января состоялось заключительное заседание Комиссии. Было официально признано, что останки, найденные под Екатеринбургом в 1991 г., принадлежат Николаю II, его семье и ближайшим приближенным. Однако 26 февраля митрополиты Ювеналий и Кирилл на пресс-конференции заявили, что Церковь не может признать подлинность останков — «поклонения лжемошам» допустить нельзя. Патриарх, стремившийся к компромиссу внутри Церкви, вынужден был согласиться с решением Синода.

Б.Н. Ельцин придавал захоронению большое значение, стремясь восстановить историческую справедливость и искупить вину, так как именно он выполнил решение Политбюро о сносе в 1977 г. Ипатьевского дома. Однако из-за решения патриарха не участвовать в перезахоронении он отказался присутствовать на церемонии. Похороны также осложнялись отсутствием средств — в июле 1998 г. казна была пуста [6]. По инициативе Немцова средства были выделены при поддержке главы Центробанка С.К. Дубинина, несмотря на формальный запрет [6].

По просьбе Немцова Ельцина уговаривали присутствовать на церемонии академик Д.С. Лихачев и виолончелист М.Л. Ростропович. Президент согласился. Самим фактом своего участия в похоронах Борис Ельцин пошел на конфликт с церковью, но прислушался к патриарху и, склоняя голову перед «жертвами безжалостного смертоубийства», не назвал их по именам. «Их же имена, Господи, ты сам веши» – такими словами отпевали царскую семью и священники [13].

История создания и деятельности Правительственной комиссии по исследованию и перезахоронению останков семьи Николая II в 1990-е гг. отражает сложное переплетение политических, научных, общественных и церковных факторов, определявших подход к решению одного из самых символически нагруженных вопросов новейшей российской истории. Несмотря на политическую нестабильность, кадровые перестановки и сопротивление со стороны части Церкви, работа комиссии позволила провести масштабное историко-документальное и генетическое исследование, подтвердившее подлинность останков, найденных под Екатеринбургом. Особое значение имело участие в работе ведущих ученых, представителей РПЦ, государственных структур и общественных деятелей, что обеспечило многосторонний и взвешенный подход к вопросу. При этом конфликт между светской властью и Церковью по вопросу признания останков остался неразрешенным, что наложило отпечаток на саму церемонию захоронения. Тем не менее усилия комиссии привели к восстановлению исторической справедливости и символическому акту государственного примирения с трагическим прошлым, несмотря на противоречия и ограничения, обусловленные временем.

Список источников и литературы

1. Аксютин В.В. Испытание на правду: разоблачение наветов о царских останках. М., 2022. – 340 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10130. Оп. 1. Д. 4.
3. ГА РФ. Ф. 10130. Оп. 1. Д. 6.
4. ГА РФ. Ф. 10130. Оп. 1. Д. 10.
5. Голицин А.К. Кому же верить? М., 2011. – 388 с.
6. Интервью Б.Е. Немцова. 14.02.2014. // [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZLgLOEtFZRg&list=WL&index=20> (Дата обращения: 19.04.2025).
7. Интервью В.В. Аксютин. 10.03.2016. [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Немцов мост». URL: <https://nemtsov-most.org/2020/10/28/the-secret-of-the-prejudiced-attitude-of-the-russian-orthodox-church-towards-the-royal-remains-interview/> (Дата обращения: 25.04.2025).
8. Интервью В.Н. Соловьева. 15.04.2025 // Архив автора. Не опубликовано.

9. Интервью Г.Т. Рябова // Московские новости. 1989. № 16.

10. *Лыкова Л.А.* Следственные документы по делу об убийстве российской императорской семьи как исторический источник: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007. — 457 с.

11. *Немцов Б.Е.* Провинциал в Москве. М., 1999. — 280 с.

12. Покаяние. Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. Избранные документы / Сост. В. Аксютин. М., 1998. — 288 с.

13. Президент России Борис Ельцин на церемонии захоронения останков членов семьи последнего императора России Николая II в Санкт-Петербурге. 17.07.1998. // [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=53GQiLuIT3Y>. (Дата обращения: 20.09.2025).

Научное издание

**История России с древнейших времен до XXI века:
проблемы, дискуссии, новые взгляды**

Сборник статей
Международной научно-практической школы-конференции
молодых ученых (21–24 октября 2025 г.)

Выпускающий редактор *М.И. Быхова*
Редактор *М.М. Беклемишева*
Макет: *Л.В. Лобанова*

Подписано к печати 02.10.2025. Формат 60×90/16.
Тираж 500 экз. (Первый завод 170 экз.) Заказ №
36 п. л., 35,5 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета

